К. ЛЕОНТЬЕВЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М 76
922

Изданіе В. Саблина.

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. ЛЕОНТЬЕВА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ИЗДАНІЕ В. М. САБЛИНА.

К. Леонтьевъ.

76
923
10-81
24

ОДИССЕЙ ПОЛИХРОНІАДЕСЪ

(ВОСПОМИНАНІЯ ЗАГОРСКАГО ГРЕКА).

МОСКВА. — 1912.

2007044881

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1912.

ОДИССЕЙ ПОЛИХРОНІАДЕСЪ.

(ВОСПОМИНАНІЯ ЗАГОРСКАГО ГРЕКА).

(1875 г.)

I.

МОЕ ДѢТСТВО

И

НАША СЕМЬЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ ЗАГОРСКАГО ГРЕКА *).

I.

Хотя родъ нашъ весь изъ эпирскихъ Загоръ, однако первое дѣтство мое протекло на Дунаѣ, въ домѣ отца моего, который по нашему загорскому обычаю торговалъ тогда на *чужбинѣ*.

Съ береговъ Дуная я возвратился на родину въ Эпиръ тринадцати лѣтъ, въ 1856 году; до семнадцати лѣтъ прожилъ я съ родителями въ Загорахъ и ходилъ въ нашу сельскую школу; а потомъ отецъ отвезъ меня въ Янину, чтобъ учиться тамъ въ гимназіи.

Я обѣщался тебѣ, мой добрый и молодой аѳинскій другъ, разсказать подробно исторію моей прежней жизни; мое дѣтство на дальней родинѣ, мои встрѣчи и приключенія первой юности. Вотъ первая тетрадь.

---

*) *Загоры* — гористый округъ южнаго Эпира; онъ начинается около самой Янины и долгое время былъ подобенъ небольшой христіанской республикѣ подъ властью султана, на опредѣленныхъ особенныхъ правахъ. Загоры въ старину управлялись своими старшинами и имѣли своего особаго представителя при янинскомъ пашѣ. Теперь этотъ край приравненъ къ другимъ уѣздамъ Турецкой имперіи. Мусульманскихъ селъ тамъ нѣтъ и прежде не было.

Если ты будешь доволенъ ею, если эти воспоминанія мои займутъ тебя, я разскажу тебѣ позднѣе и о томъ, какъ я кончилъ ученье мое въ Янинѣ, что со мной случилось дальше, какъ вступалъ я понемногу на путь независимости и дѣятельной жизни, кого встрѣчалъ тогда, кого любилъ и ненавидѣлъ, кого боялся и кого жалѣлъ, что думалъ тогда и что чувствовалъ, какъ я женился и на комъ, и почему такъ скоро разошелся съ моею первою женой. Вторая часть моего разсказа будетъ занимательнѣе и оживленнѣе, но она не будетъ тебѣ ясна, если ты не прочтешь внимательно эту первую. Прежде всего я разскажу тебѣ объ отцѣ моемъ и о томъ, какъ онъ женился на моей матери.

Онъ женился на ней совсѣмъ не такъ, какъ женятся другіе загорцы наши.

Ты слышалъ, конечно, страна наша красива, но безплодна.

Виноградники наши не даютъ намъ дохода. По холмамъ, около селеній, ты издали видишь небольшія круглыя пятна, обложенныя рядомъ бѣлыхъ камней.

Вотъ наши хлѣбныя поля! Вотъ бѣдная пшеница наша!

Рѣдкіе колосья, сухая земля, усѣянная мелкими камнями; земля, которую безъ помощи воловъ и плуга жена загорца сама вскопала трудолюбивыми руками, чтобъ имѣть для дѣтей своихъ непокупную пищу въ отсутствіе мужа.

Да, мой другъ! Мы не пашемъ, подобно счастливымъ ѳессалійцамъ, тучныхъ равнинъ на живописныхъ и веселыхъ берегахъ древняго Пинея. Мы не умѣемъ, какъ жители Бруссы и Шаръ-Кёя, искусно ткать разноцвѣтные ковры. Не разводимъ милліоны розъ душистыхъ для драгоцѣннаго масла, какъ Казанлыкъ болгарскій. Мы не плаваемъ по морю, какъ смѣлые греки Эгейскихъ острововъ.

Мы не пастыри могучіе, какъ румяные влахи Пинда въ бѣлой одеждѣ. Мы не сходимъ, подобно этимъ влахамъ, каждую зиму съ лѣсистыхъ вершинъ въ теплыя долины Эпира и Ѳессаліи, чтобы пасти наши стада; не живемъ со всею семьей въ походныхъ шалашахъ тростниковыхъ,

оставляя дома наши и цѣлыя селенія до лѣта подъ стражей одной природы, подъ охраной снѣговъ, стремнинъ недоступныхъ и дикаго лѣса, гдѣ царитъ и бушуетъ тогда одинъ лишь гнѣвный старецъ Борей!

Мы, признаюсь, и не воины, подобно сосѣдямъ нашимъ, молодцамъ-суліотамъ.

Грѣясь безпечно у дымнаго очага во время зимнихъ непогодъ, блѣдный паликаръ славной Лакки сулійской поетъ про дѣла великихъ отцовъ своихъ и презираетъ мирныя ремесла и торговлю. Въ полуразрушенномъ домѣ, безъ потолка и окошекъ, онъ гордо украшаетъ праздничную одежду свою золотымъ шитьемъ. Серебряные пистолеты за сверкающимъ поясомъ, тяжелые доспѣхи вокругъ гибкаго стана, который онъ учится перетягивать еще съ дѣтства, ружье дорогое и вѣрное для суліота милѣе покойнаго, теплаго жилья.

Мы, загорцы, не можемъ жить такъ сурово и безпечно, какъ живетъ суліотъ.

Да, мы не герои, не пловцы, не земледѣльцы, не пастыри. Но зато мы загорцы эпирскіе, другъ мой! Вотъ мы что̀ такое! Мы тѣ загорцы эпирскіе, которыхъ имѣемъ полонъ, однако, Востокъ.

Мы вездѣ. Ты это знаешь самъ. Вездѣ наше имя, вездѣ нашъ изворотливый умъ; если хочешь, даже хитрость наша, вездѣ нашъ греческій патріотизмъ, и уклончивый, и твердый, вездѣ наше загорское благо, и вездѣ наше загорское зло!

Всюду мы учимъ и всюду мы учимся; всюду мы лѣчимъ; всюду торгуемъ, пишемъ, строимъ, богатѣемъ; мы жертвуемъ деньги на церкви и школы эллинскія, на возобновленіе олимпійскихъ игръ въ свободной Греціи, на возстаніе (когда-то), а теперь, вѣроятно, на примиреніе съ тѣми, противъ кого возставали, быть можетъ, на борьбу противъ страшнаго призрака славизма; не такъ ли, мой другъ? Тебѣ, аѳинскому политику, это лучше знать, чѣмъ мнѣ, скромному торговцу. Мы открываемъ опрятныя кофейни и снимаемъ грязные ханы въ балканскихъ долинахъ и въ глу-

хихъ городкахъ унылой Ѳракіи; мы издаемъ газеты за океанами, въ свободной Филадельфіи, мы правимъ богатыми землями бояръ молдо-валашскихъ. Мы торгуемъ на Босфорѣ, въ Одессѣ, въ Марсели, въ Калькуттѣ и въ азовскихъ городахъ; мы въ народныхъ школахъ такихъ деревень, куда съ трудомъ достигаетъ лишь добрый верховой конь или мулъ осторожный, уже давно внушаемъ македонскимъ дѣтямъ, что они эллины, а не варвары болгарскіе, которыхъ Богъ послалъ намъ въ сосѣди за наши грѣхи (кажется, отъ тебя самого я слышалъ подобную рѣчь).

Мы служимъ султану и королю Георгію, Россіи и Британіи. Мы готовы служить Гамбеттѣ и Бисмарку, миру и войнѣ, церкви и наукѣ, прогрессу и охраненію; но служа всему этому, искренно служимъ мы только милой отчизнѣ нашей, загорскимъ горамъ, Эпиру и Греціи.

Радуйся, эллинъ! Радуйся, молодой патріотъ мой!

Видишь ты этого юношу, который такъ стыдливо и благоразумно молчитъ въ кругу чужихъ людей? Еще пухъ первой возмужалости едва появился на его отроческихъ щекахъ... Ты скажешь: «онъ дитя еще»; не правда ли? Нѣтъ, мой другъ. Онъ не дитя. Этотъ робкій юноша уже семьянинъ почтенный; онъ женатъ; онъ, быть можетъ, отецъ!

Года два еще тому назадъ какія-нибудь старушки въ его родномъ селѣ замѣтили его первую возмужалость. Онѣ долго совѣщались между собою; онѣ считали деньги его родителей, судили о родствѣ его, связяхъ и сношеніяхъ, и пришли, наконецъ, предложить его отцу, его матери или ему самому въ жены сосѣднюю дѣвушку, которая, какъ поетъ древній стихотворецъ, «едва лишь созрѣла теперь для мужчины».

За ней даютъ деньги; воспитана она въ строжайшемъ благочестіи; привычна къ хозяйству; неутомима на всякую ручную работу; она не безобразна и здорова. Онъ соглашается. Ему нужна бодрая, дѣятельная хозяйка въ отцовскомъ домѣ, нужна помощница старѣющимъ родителямъ; нуженъ якорь въ отчизнѣ; его душѣ необходимъ

магнитъ, который бы влекъ его домой, хотя бъ отъ времени до времени, изъ тѣхъ далекихъ странъ, гдѣ онъ осужденъ искать счастья и денегъ.

И вотъ онъ мужъ, отецъ...

Теперь, когда загорецъ привыкъ къ своей новобрачной, когда содрогнулось его сердце въ первый разъ, внимая плачу новорожденнаго ребенка, — пусть сбирается онъ смѣло въ тяжкій путь на борьбу съ людьми и судьбой, на лишенія, опасности, быть можетъ, на раннюю смерть. Теперь пусть онъ обниметъ старую мать и жену молодую; пускай благословитъ своего ребенка... Ему въ родномъ жилищѣ нѣтъ ужъ больше дѣла, ему нѣтъ мѣста здѣсь; его долгъ уѣхать и искать судьбы хорошей въ большихъ городахъ торговыхъ, въ дальнихъ земляхъ плодородныхъ. И такъ жить ему теперь до старости и трудиться, лишь изрѣдка навѣщая семью и родныхъ, на короткій срокъ.

Откройся, сердце грустное, откройтесь, горькія уста,
Скажите что-нибудь, утѣшьте насъ...
У смерти утѣшенье есть; есть у погибели забвенье...
А у разлуки заживо отрады вовсе нѣтъ.
Мать съ сыномъ разлучается, и сынъ бросаетъ мать.
Супруги нѣжные, согласные, и тѣ въ разлукѣ,
И въ день разлуки той деревья высыхаютъ,
А свидятся — опять деревья листъ даютъ.

Такъ говоритъ эпирская старая пѣсня разлуки.

Сорокъ слишкомъ селъ цвѣтетъ въ Загорахъ нашихъ.

И не думай ты, это села бѣдныя, какъ во Ѳракіи или въ иныхъ полудикихъ албанскихъ округахъ.

Я помню, съ какимъ ты презрѣніемъ говорилъ о желтыхъ хижинахъ болгарскихъ, о томъ, какъ тебя клали въ нихъ спать на сырую землю, около худого очага, когда зимою ты ѣздилъ къ роднымъ въ Филиппополь. Не понравились тебѣ простые ѳракійскіе болгары, ты звалъ ихъ звѣрями въ образѣ человѣка; ты порицалъ ихъ овчинныя шубы, не покрытыя сукномъ, ихъ черныя чалмы, ихъ смуглыя, худыя лица; въ черныхъ этихъ лицахъ ты тщательно отыскивалъ какіе-то слѣды туранской крови.

Я помню, какъ негодовалъ ты на духовенство всѣхъ предковъ твоихъ за то, что не позаботились они «во-время» или не сумѣли, какъ ты говорилъ тогда, «эллинизировать (во славу рода нашего священнаго!) этихъ безграмотныхъ и грубыхъ чалмоносцевъ!»

Радуйся, эллинъ. Загоры наши не таковы.

И здѣсь (скрывать я этого не буду) течетъ много славянской крови. Но что значитъ кровь?

Здѣсь Эллада по духу, Эллада по языку и стремленіямъ.

Любезныя горы моей дорогой отчизны! Есть въ Турціи мѣста живописнѣе загорскихъ, но для меня нѣтъ мѣста милѣе. Горы моего Эпира не украшены таинственною и влажною сѣтью дикихъ лѣсовъ, подобно горамъ южной Македоніи; широкій каштанъ и дубъ многолѣтній не простираютъ на ихъ склонахъ задумчивыхъ вѣтвей. Холмы эпирскіе не обращены трудомъ человѣка въ безконечныя рощи сѣдыхъ и плодоносныхъ оливъ, подобно холмамъ Керкиры или критскимъ берегамъ.

Только далѣе, къ Пинду, гдѣ живетъ рослый куцо-влахъ, тамъ шумятъ душистыя сосны, толпясь на страшной высотѣ.

У насъ, внизу, высоты наги; колючій дубъ нашъ не растетъ высоко; мелкими и частыми кустами зеленѣетъ онъ густо вокругъ нашихъ бѣлыхъ селъ.

Но и безъ садовъ масличныхъ и безъ лѣса дикаго наши эпирскія горы мнѣ милы.

Радуйся, эллинъ аѳинскій!..

Села наши загорскіе, хотя и носятъ старо-славянскія имена, но они села эллинскія,—богатыя, красивыя, просвѣщенныя.

«Довра, Чепелово, Судена, Лѣсковецъ...» Пусть эти звуки не смущаютъ тебя.

Не бойся. Уже и лѣсные куцо-влахи Загоръ стали узнавать и любить имена Ѳемистокла, Эсхила и Платона.

Села наши богаты и чисты; дома въ нихъ—дома архонтскіе; училища просторныя, какъ въ большихъ городахъ;

колокольни у церквей высокія и крѣпкія, какъ башни. Колокола намъ издавна привычны; они и встарь еще сзывали старшинъ загорскихъ на совѣтъ, не только на молитву.

Турки не жили никогда въ нашемъ краю, огражденномъ древними правами фирмановъ.

У насъ они могли сказать по своему обычаю: «Здѣсь, о, Боже мой! не Турція! Здѣсь я слышу несносный звукъ колоколовъ на храмѣ невѣрныхъ!»

Видишь, какъ бѣло наше загорское село? Какъ груда чистѣйшаго мѣла сіяетъ оно на солнечныхъ лучахъ посреди виноградниковъ. А вокругъ за садами дальняя пустыня безлѣсныхъ высотъ. Тополи и дубы растутъ на дворахъ и шумятъ надъ домами.

На площади, у церкви, стоитъ большой платанъ, и подъ его широкою тѣнью бесѣдуютъ загорскіе старцы, которымъ Богъ сподобилъ возвратиться домой и скончать на покоѣ трудовые дни.

Эллинской славной фустанеллы ты здѣсь, однако, не увидишь, другъ мой, хотя ею и полонъ весь остальной Эпиръ. Сюда заносятъ люди всѣ одежды, съ которыми свыклись они на чужбинѣ.

Ты увидишь здѣсь и полосатый халатъ турецкій, подпоясанный шалью, и короткія шальвары, голубыя и красныя, расшитыя чернымъ шнуркомъ, и пестрый ситецъ подъ откидными рукавами, и модный сюртукъ европейскій, и широкую шляпу, и русскую круглую фуражку изъ Кишинева и Одессы, и маленькую красную феску, и кривую саблю турецкаго мундира.

Но кому бы ни служилъ загорецъ, чьимъ бы подданнымъ онъ ни сдѣлался для выгодъ своихъ, онъ прежде всего загорецъ, онъ эллинъ и патріотъ!

Дѣла загорскія и дѣла Эллады дороже ему всего на свѣтѣ; и всѣ эти старики, всѣ богатые люди, которые въ различныхъ одеждахъ собрались совѣщаться и бесѣдовать подъ платанъ у церкви, еще живя безъ женъ и дѣтей своихъ на дальней чужбинѣ, думали о родномъ селѣ и посылали

туда трудовыя деньги на народныя школы, на украшеніе храмовъ загорскихъ, на устройство удобныхъ и безопасныхъ спусковъ по уступамъ нашихъ горъ; на украшеніе веселыхъ и мирныхъ улицъ архонтскими высокими жилищами.

Иностранецъ дивится, проѣзжая по незнакомымъ и дикимъ горамъ, въ которыхъ ничего не слышно, кромѣ пѣнія дикихъ птицъ и звона бубенчиковъ на шеяхъ нашихъ козъ; гдѣ ничего не видно, кромѣ неба, скалъ, ручьевъ, струящихся въ ущельяхъ, и привычныхъ тропинокъ, протоптанныхъ по мягкому камню вѣрными копытами мула или стадами овецъ...

Но онъ дивится еще болѣе, когда, робко спускаясь верхомъ съ горы по ступенькамъ скользкой мостовой, онъ видитъ внезапно у ногъ своихъ обширное село въ зеленомъ уборѣ садовъ; видитъ крыши крестьянъ, крытыя не красною черепицей, а бѣлымъ сіяющимъ камнемъ; обширное зданіе школы; церковь большую, широкіе столбы ея прохладной галлереи; слышитъ звонъ колоколовъ съ высокихъ колоколенъ; видитъ движеніе жизни людской, и мирный трудъ, и отдыхъ, и умъ, и свободу.

Предъ усталыми конями его отворяются широко ворота гостепріимнаго чистаго жилища. Очагъ пылаетъ ему какъ бы радостно въ угоду; широкіе диваны ждутъ его на покой.

Онъ находитъ въ домѣ книги, просвѣщенную бесѣду и нѣкоторые обычаи Европы, безъ которыхъ, конечно, ему было бы тяжело.

Таковы эпирскіе Загоры, мой добрый другъ. Такова моя незабвенная родина!

Радъ ли ты этому, эллинъ? Радъ ли, скажи мнѣ?

II.

Отецъ мой, сказалъ я тебѣ, женился не совсѣмъ такъ, какъ женятся почти всѣ загорцы наши. Къ нему не приходили старушки сватать сосѣднюю дѣвушку, не торго-

вались о приданомъ съ его отцомъ или матерью. Отецъ мой былъ сиротою съ раннихъ лѣтъ и женился поздно.

Когда дѣдъ мой и бабушка еще были живы, имъ случилось прогостить нѣсколько дней проѣздомъ у знакомыхъ въ Чепеловѣ, самомъ большомъ изъ нашихъ селъ. Отцу моему тогда было семь лѣтъ, и онъ былъ съ родителями своими. У хозяина дома въ Чепеловѣ только что родилась дочка. Зашла въ это время въ домъ цыганка, гадала и предсказала, что паликаръ этотъ, то-есть отецъ мой, женится на новорожденной дѣвушкѣ. Родные и хозяева стали шутить и смѣяться надъ отцомъ, стали кликать его «женихъ». Мальчикъ стыдился, плакалъ сначала, а потомъ разсердился такъ, что схватилъ дѣвочку изъ колыбели и выкинулъ ее изъ окна. Къ счастію, она зацѣпилась пеленками за кустъ, который росъ подъ окномъ на землѣ, внизъ не упала.

Ее достали изъ куста; но она висѣла головой внизъ и успѣла такъ отечь кровью, что ее долго растирали и очень долго боялись за ея здоровье.

Эта-та новорожденная и была моя мать.

Отца моего тогда наказали больно за это, и онъ разсказывалъ, что долго ненавидѣлъ дѣвочку и думалъ часто про себя убить даже ее, когда вырастетъ большой.

Выросъ онъ далеко, въ своемъ селѣ, уѣхалъ на чужбину; воротился двадцати шести лѣтъ; вспомнилъ объ Эленицѣ этой. Спросилъ: «что жъ, поправилась эта Эленица послѣ моего комплимента?» «Такъ поправилась Эленица, сказали ему люди, что вышла, какъ древняя Елена, за которую считали старцы троянскіе приличнымъ кровь проливать. Стала она истинно, по словамъ пѣсенъ нашихъ, *бѣлокурая и черноокая; очи оливки, а брови снурочки; рѣсницы, какъ стрѣлы франжскія, а волосы—сорокъ пять аршинъ!* Она вышла замужъ за хорошаго молодого человѣка, семьи не важной, и самъ онъ ребенкомъ овецъ пасъ; но его мать хорошая хозяйка, и онъ обучился въ школѣ и теперь учителемъ школьнымъ во Ѳракію уѣхалъ».

— Вотъ и солгала цыганка!—сказалъ отецъ и смѣялся.

Однако цыганка не солгала. Еще прошло три года; опять отцу захотѣлось побывать на родинѣ, и родные ему все писали, чтобъ онъ непремѣнно возвратился жениться.

Пріѣхалъ онъ по новой дорогѣ, черезъ горы, которыя онъ мало зналъ. Ѣхалъ онъ только съ двумя товарищами; запоздали и сбились съ дороги. Стало темнѣть, погода была зимняя, дурная, сталъ падать снѣгъ. Стали и лошади падать.

И рѣшились они заѣхать ночевать въ село, которое въ сторонѣ совсѣмъ и не на пути ихъ стояло. Спутники отца моего были люди попроще его и попривычнѣе ко всему; одинъ былъ кузнецъ изъ нашихъ загорскихъ крещеныхъ цыганъ, а другой былъ ханджи*). Кузнецъ имѣлъ въ этомъ селѣ другого кузнеца знакомаго и взялъ съ собой къ нему въ хижину ханджи, а отца моего пожалѣлъ, потому что ему дорогой сильно нездоровилось, и отыскалъ ему ночлегъ въ домѣ одной старушки, которая жила въ своемъ хорошенькомъ домикѣ втроемъ, съ невѣсткою молодой и слугою.

Отецъ обрадовался и обѣщалъ хорошо заплатить за ночлегъ.

Встрѣтили его съ огнемъ на лѣстницѣ и съ почетомъ, и старушка, и слуга, и невѣстка вышла сама съ лампадой. Хоть и поздній былъ часъ, а на ней сверху была новая *аба***) безъ рукавовъ, вся сплошь расшитая краснымъ шелковымъ шнуркомъ, и платочекъ, голубой ли, красный ли, желтый ли, не помню я, только онъ былъ ей къ лицу. И отецъ мой былъ рослый мужчина и молодецъ. Посмотрѣлъ онъ на невѣстку, и она хотѣла къ рукѣ его подойти; а онъ ей сказалъ: «Кирія моя добрая, не присуждайте меня съ тридцати лѣтъ моихъ прямо въ сѣдые и почтенные архонты. Не дамъ я вамъ моей руки цѣловать и не стою я этого!»

Хозяйку дома звали кира Евге́нко Сти́лова; она была

---

*) Содержатель *хана*, постоялаго двора.

**) *Аба*—такъ зовутъ и толстое сукно мѣстной работы, и самую одежду, изъ него сшитую.

старушка превеселая, предобрая... и сейчасъ же въ простотѣ своей все разсказала отцу.

— Вдова она у меня, вдова! — закричала она. — Сына имѣла я, да на чужбинѣ умеръ, а мы съ ней его молитвами хорошо живемъ, и я все мое имѣніе ей отдамъ и найду ей мужа хорошаго, чтобы со мной вмѣстѣ жила, чтобы кормила меня и чтобы смотрѣла за мной...

Постлала красивая вдова отцу моему мягкую постель на широкомъ диванѣ у большого очага; положила ему красную шелковую подушечку съ тюлевой наволочкой; два одѣяла шелковыя, восточныя, одно на другое, и углы имъ въ головахъ у подушки загнула, чтобы только былъ ему одинъ трудъ—лечь и заснуть. На очагъ повѣсила на гвоздикѣ лампадку; воды сама на ночь принесла. Кофе сама сидя предъ нимъ у очага сварила и сапоги съ него почти насильно сняла, чтобъ ему покойнѣе было сѣсть съ ногами на диванъ.

«Говорю я со старухой, разсказывалъ послѣ отецъ, а самъ все однимъ глазомъ на вдову взоръ косвенный бросаю. И что эта женщина ни сдѣлаетъ, все мнѣ нравится! Кофе подастъ и станетъ ждать, головку на бокъ, съ подносомъ; кофе вкусенъ. Сапоги стала снимать, сердце мое отъ радости и стыда загорѣлось; и въ очагѣ же дрова такія сухія большія поставила, и сухими сучьями такъ хорошо и скоро ихъ распалила, что и я вовсе распалился! Слово скажетъ... и какое жъ слово? Великое какое-нибудь?—ничтожное слово: «на здоровье кушайте», напримѣръ, аманъ! аманъ! Пропалъ человѣкъ! и это слово человѣку медомъ кажется!»

Ночью отецъ совсѣмъ заболѣлъ; у него такая сильная лихорадка сдѣлалась, что онъ въ этомъ домѣ двѣ недѣли прожилъ и пролежалъ.

Старушка и невѣстка ея доктора ему привели и смотрѣли за нимъ какъ мать и сестра. Онъ и стыдиться предъ ними вовсе пересталъ. И все ему въ этомъ домѣ еще больше прежняго начало нравиться, особенно когда послѣ болѣзни ему весело стало.

Попросилъ отецъ какихъ-нибудь книгъ почитать. Старушка сходила къ священнику и къ учителю, къ богатымъ сосѣдямъ и принесла ему много книгъ.

Читалъ мой отецъ, лежалъ, гулялъ по дому, и все ему было пріятно. Вдова сама попрежнему служила ему. Она даже сама ему вымыла два раза ноги и вытерла ихъ расшитымъ полотенцемъ.

«Судьба была!» говорилъ отецъ. Онъ уже не могъ оторваться отъ услужливой и красивой вдовы.

Разъ поутру помолился онъ Богу и, увидавъ на столѣ Библію, съ глубокимъ вздохомъ раскрылъ ее, желая подкрѣпить свое рѣшеніе какимъ-либо священнымъ стихомъ.

Онъ до конца своей жизни считалъ это гаданіе свое истиннымъ откровеніемъ. Три раза раскрывалъ онъ, крестясь, св. Писаніе, и вотъ что ему выходило изъ Евангелія, апостоловъ и притчей Соломона.

Первый разъ: «Представляю вамъ Фиву, сестру нашу, діакониссу церкви Кенхрейской. Примите ее для Господа... ибо и она была помощницей многимъ и мнѣ самому».

Потомъ: «Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ».

А въ третій разъ, раскрывъ на удачу Ветхій Завѣтъ, отецъ встрѣтилъ въ притчахъ Соломона нѣчто еще болѣе ясное: «Человѣкъ, который нашелъ достойную жену, нашелъ благо, и онъ имѣлъ милость Всевышняго».

Чего же лучше! Послѣ этого отецъ уже не колебался и женился на молодой вдовѣ.

Однажды, чрезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, сидѣли они вмѣстѣ у очага. Мать пряла шерсть, а отецъ курилъ наргиле и разсказывалъ ей о томъ, какъ и гдѣ настрадался онъ на чужбинѣ, и привелъ между прочимъ ей одно мусульманское слово насчетъ благоразумія и терпѣнія человѣческаго.

«Не будь никогда разгнѣванъ переворотомъ счастья, ибо терпѣніе горько, но плоды его сочны и сладки. Не тревожься о трудномъ дѣлѣ и не сокрушай о немъ сердца, ибо источникъ жизни струится изъ мрака».

А мать моя на это и сказала ему:

— Да! ты на чужбинѣ страдалъ много, а теперь вотъ со мной веселишься, а я еще безсмысленнымъ ребенкомъ была, когда меня убить хотѣли, и однако спасъ меня Богъ.

И сказавъ это, передала отцу моему, какъ выкинулъ ее изъ окна одинъ мальчикъ и какъ она пеленками зацѣпилась за кустъ.

Упалъ у отца тогда наргиле изъ рукъ отъ изумленія, и сказалъ онъ только: «Предназначеніе Божіе!»

И въ самомъ дѣлѣ благословилъ Господь Богъ и старушку добрую, которая невѣсткѣ все имѣніе свое отдала, и отца съ матерью, которые старушку покоили. Заботъ у нихъ и горя было много въ жизни, но раздора между ними не было никогда. А это, ты знаешь, самое главное. При домашнемъ согласіи и несчастія всѣ легче сносить.

Два года не могъ отецъ мой разстаться съ любимою женой, которая такъ умѣла ему угождать. Хотѣлъ было остаться торговать въ Янинѣ, но на Дунаѣ тогда было слишкомъ выгодно, и такъ какъ и я уже родился къ тому времени, отецъ мой рѣшился уѣхать, чтобы пріобрѣсти побольше для дѣтей.

Разлука была очень тяжела; но и старушку было бы грѣшно оставить одну послѣ столькихъ ея благодѣяній.

Отецъ уѣхалъ въ Тульчу; но пріѣзжалъ каждые два года на три или четыре мѣсяца въ Загоры.

Незадолго до восточной войны, однако, пользуясь тѣмъ, что родной братъ киры Стиловой возвратился съ большими деньгами изъ Македоніи и остался жить уже до конца жизни въ родномъ селѣ, отецъ мой рѣшился взять съ собой на Дунай и мать мою и меня.

Братъ киры Стиловой былъ докторъ практикъ, имѣлъ хорошія деньги и двухъ большихъ сыновей, которыхъ онъ вскорѣ и женилъ на загорскихъ дѣвицахъ, такъ что старая сестра его не оставалась никогда безъ общества и безъ помощи по хозяйству.

Когда между Россіей и Турціей возгорѣлась война и русскіе вступили въ дунайскія княжества, отецъ мой ис-

пугался и хотѣлъ насъ съ матерью отправить на родину въ Эпиръ; но скоро раздумалъ. По всѣмъ слухамъ и по секретнымъ письмамъ друзей онъ ожидалъ, что въ Эпирѣ вспыхнетъ возстаніе. И тамъ и здѣсь грозили опасности и безпорядки. Но отецъ разсудилъ, что на Дунаѣ будетъ безопасно.

На Дунаѣ слѣдовало ожидать настоящей правильной войны между войсками двухъ государей; въ Эпирѣ чего можно было ожидать?.. Грабежей, пожаровъ, измѣнъ, предательствъ, безурядицы. Волонтеровъ эллинскихъ отецъ мой боялся столько же, сколько и албанскихъ баши-бузуковъ, и ты согласишься, что онъ былъ правъ.

Шайка Тодораки Гриваса оправдала его опасенія; увы! ты это знаешь, паликары наши уважали собственность и жизнь людей никакъ не больше, чѣмъ мусульманскіе беи.

Еще надѣялся отецъ и на то, что русскіе однимъ ударомъ сломятъ всѣ преграды на нижнемъ Дунаѣ; онъ думалъ, что борьба съ турками для нихъ будетъ почти игрою, и первые слухи, первые разсказы, казалось, оправдывали его. Извѣстія изъ Азіи были побѣдоносны; имена князей Андроникова и Бебутова переходили у насъ изъ устъ въ уста. Турки казались очень испуганными; старые христіане вспоминали о Дибичѣ и о внезапномъ вторженіи его войска далеко за Балканы.

Эти надежды, воспоминанія и слухи приводили въ восторгъ моего отца, который до конца жизни боготворилъ Россію, и мы остались, ежедневно ожидая и прислушиваясь, не гремитъ ли уже барабанъ россійскій по нашимъ тихимъ улицамъ. Но въ этомъ отецъ ошибся.

Тульчу взяли русскіе, но гораздо позднѣе и съ большими потерями. Множество воиновъ русскаго десанта погибло въ водахъ Дуная, переправляясь на лодкахъ противъ самыхъ выстрѣловъ турецкой батареи...

Потомъ мой бѣдный отецъ долженъ былъ сознаться, что турки на Дунаѣ защищались какъ слѣдуетъ, и до конца жизни дивился и не могъ понять, отчего русскіе распоряжались такъ медленно и такъ неудачно подъ Ольшаницей,

Читате и Силистріей... Онъ приписывалъ всѣ неудачи ихъ валашскому шпіонству и предательству польскихъ офицеровъ, которыхъ было, по его мнѣнію, слишкомъ много въ русскихъ войскахъ.

Онъ никогда не могъ допустить и согласиться, что и нынѣшніе турки отличные воины, и всегда дивился, когда сами русскіе консулы или офицеры старались ему это доказать. «Что́ за капризный народъ эти русскіе! — говорилъ онъ нерѣдко. — У многихъ изъ нихъ я замѣчалъ охоту, напримѣръ, турокъ защищать и хвалить. Отъ гордости большой что ли, или такъ просты на это?» спрашивалъ себя мой отецъ и всегда дивился этому.

III.

Семейство наше много перенесло, и больше отъ худыхъ христіанъ, чѣмъ отъ турокъ, потому что худые христіане, всегда я скажу, гораздо злѣе и лукавѣе турокъ.

Первое дѣло, почему отецъ мой пострадалъ. Когда въ 53 году переправились русскіе черезъ Дунай, всѣ у насъ думали, что они уже и не уйдутъ, и всѣ радовались, кромѣ нѣкоторыхъ липованъ и хохловъ бѣглыхъ изъ Россіи, но и тѣ разное думали, и между ними были люди, которые говорили: «наша кровь!» Отецъ мой тогда обрадованъ былъ крѣпко и русскихъ всячески угощалъ и ласкалъ...

У насъ въ тульчинскомъ домѣ русскій капитанъ стоялъ, и при немъ человѣкъ пять или шесть простыхъ солдатъ.

Скажу я тебѣ про этихъ людей вотъ что́: куръ, водку, вино, виноградъ и всякій другой домашній запасъ и вещи, и деньги береги отъ нихъ. Непремѣнно украдутъ.

Но если ты подумаешь, что за это ихъ у насъ въ Добруджѣ ненавидятъ, то ты ошибешься.

Въ 67-мъ году, когда одно время ожидали русскихъ, весь край какъ будто оживился. Что́ говорили тогда всѣ, и греки и болгары, и простяки-молдаване сельскіе въ ба-

раньихъ шапкахъ?.. И даже, повѣрь мнѣ, жиды и татары крымскіе, которые у насъ цѣлый городъ Меджидіе построили... Что́ говорили всѣ?

— Аманъ! аманъ! придутъ скоро русскіе! Вотъ торговля будетъ! Вотъ барышъ! Офицеру билліардъ нуженъ, ромъ, шампанское, икра свѣжая. Платитъ и не торгуется! А если казакъ курицу украдетъ, такъ онъ тутъ же продастъ ее офицеру и самъ деньги не спрячетъ, а въ нашихъ же кофейняхъ истратитъ на вино или на музыку. Такой народъ веселый и щедрый! Прибить человѣка онъ можетъ легко, это правда́, но никто за то же такъ утѣшитъ и такъ приласкать человѣка не можетъ, какъ русскій. Все у него — «братъ» да «братъ», и злобы въ сердцѣ не держитъ долго.

Такъ говорили мнѣ въ 67-мъ году, вспоминая то, что́ видѣли въ 53-мъ.

Разскажу я тебѣ, какъ русскій солдатъ однажды укралъ у одного сосѣда нашего поросенка во время занятія Тульчи. Онъ спряталъ поросенка подъ шинель и идетъ по базару такъ важно, задумчиво, можно сказать, даже грозно и не спѣша. А поросенокъ визжитъ подъ шинелью его на весь базаръ. Всѣ люди глядятъ на солдата; солдатъ же ни на кого не смотритъ.

Сосѣдъ нашъ былъ молдаванъ, но человѣкъ довольно смѣлый. Онъ догналъ солдата и при всѣхъ говоритъ ему:

— Остановись, братъ, ты укралъ у меня поросенка.

— Я? ты съ ума сошелъ что ли? Какой это такой поросенокъ, скажи мнѣ, любезный другъ ты мой?..

Ужасно удивился солдатъ, и не улыбается, и не боится, и не сердится вовсе.

А поросенокъ еще громче прежняго визжитъ подъ его полой.

Сосѣдъ разсердился и говоритъ ему:

— Такъ нельзя дѣлать!.. раскрой шинель, или я къ полковнику твоему пойду.

Сейчасъ же раскрываетъ солдатъ шинель и видитъ поросенка.

Посмотрѣлъ съ изумленіемъ, перекрестился, плюнулъ и воскликнулъ:

— Посмотрите, проклятая тварь, куда забрался. Это отъ діавола все! А ты возьми его, братъ, если онъ твой.

И пошелъ молодецъ дальше, опять не улыбается и ни на кого не глядитъ. Усы вотъ какіе въ обѣ стороны стоятъ и бакенбарды огромныя!

Весь базаръ до вечера смѣялся этому, и сосѣдъ жаловаться не пошелъ... Жалко ему было пожаловаться на такого человѣка, особенно зная, что полковникъ былъ строгій нѣмецъ и безпощадно наказывалъ этихъ бѣдныхъ людей за подобные безпорядки.

Капитана, который жилъ въ нашемъ домѣ, звали Иванъ Петровичъ Соболевъ. Онъ меня очень любилъ. Звалъ онъ меня «*Цыганёнокъ*», за то, что я смуглый, и дѣлалъ мнѣ много подарковъ. Онъ каждый день, несмотря на холодъ, обливался холодною водой и приказывалъ солдатамъ и меня схватывать, раздѣвать и обливать насильно, для укрѣпленія. Потомъ я и самъ это полюбилъ.

Выйдетъ капитанъ на балконъ, на улицу, самъ раздѣнется совсѣмъ и меня раздѣтаго выведетъ. Женщины бѣгутъ; а онъ имъ кричитъ: «Чего вы не видали? Куда бѣжите? Скажите! какой стыдъ великій!»

И восклицаетъ потомъ солдату:

— Катай Цыганóчка съ головы прямо!

Я и радъ, и кричу; а капитанъ бѣдный, глядя на меня, отъ души веселится. Ужасно любилъ я его.

Когда австрійцы зашли русскимъ въ тылъ и уходили русскіе отъ насъ, капитанъ Соболевъ золотымъ крестикомъ благословилъ меня на память, и я всегда ношу его на шеѣ съ тѣхъ поръ.

— Прощай, Цыганóчекъ мой, прощай, голубчикъ, — сказалъ онъ мнѣ и сѣлъ на лошадь.

Я сталъ плакать.

— Господь Богъ съ тобой, — сказалъ капитанъ; — не плачь, братъ мой, увидимся еще. Съ Божьей помощью назадъ опять придемъ и освободимъ всѣхъ васъ.

Онъ поцѣловалъ меня и перекрестилъ, нагнувшись съ коня, а я держался за стремя его и плакалъ.

И не увидались мы съ нимъ больше! Да спасетъ Божія Матерь Своими молитвами его простую воинскую душу! Мы узнали потомъ, что его подъ Инкерманомъ убили эти отвратительные французы, которыхъ и отецъ мой, и я всегда ненавидѣли.

Послѣ ухода русскихъ изъ Добруджи, когда у насъ опять стали вездѣ султанскія войска, отецъ мой едва было не лишился жизни.

Нашлись добрые люди, которые даже не изъ мести и не по злобѣ личной на отца, а лишь изъ желанія угодить турецкому начальству и выиграть отъ него деньги, донесли на отца моего, что онъ русскій шпіонъ.

Сказать тебѣ, что онъ русскимъ начальникамъ не передавалъ никогда, гдѣ турки и что они дѣлаютъ, этого я не скажу.

Конечно, было и это; но станешь ли ты его хулить за это? Или лучше было дѣлать такъ, какъ валахи дѣлали около Букурешта, когда они туркамъ русскихъ продавали.

Призвали отца къ пашѣ. Отецъ зналъ, что доказательствъ никакихъ противъ него нѣтъ; помолился, поплакалъ съ нами, матушка на островъ *Тиносъ* серебряную большую лампаду обѣщала, и стали ждать его и молиться. Я былъ еще малъ; сталъ бѣгать и кричать; а мать говоритъ: «Кричи! кричи, веселись—теперь отцу, можетъ быть, голову ножомъ турки отрѣзали». И я утихъ...

Такъ двѣ недѣли прошло; сидимъ мы однажды вечеромъ; застучали въ дверь. Испугались всѣ, а это батюшка возвратился веселый. Освободили его турки, и спасъ его самый тотъ турокъ, который долженъ былъ убить его.

Доносъ былъ тотъ, будто отецъ мой далъ чрезъ Дунай вѣсть казакамъ (уже послѣ отступленія русскихъ въ Молдавію), что въ Тульчѣ войска турецкаго мало. Тогда казаки ночью чрезъ рѣку переправились и кинулись въ городъ вскачь... это и я помню... крикъ какой поднялся... Турокъ точно было немного, и они всѣ разсыпались въ испугѣ.

Я ихъ не виню въ трусости за это. Очень это было неожиданно, и казаки слишкомъ страшно кричали *ура!* Убить никого не убили; а только повеселились турецкимъ испугомъ и въ плѣнъ никого не успѣли взять, потому что сами замѣшкать боялись. Украли мимоходомъ кой-что, безъ разбора, христіанскій ли домъ или турецкій; это они успѣли и ушли. Вотъ по этому самому дѣлу въ особенности и былъ на моего отца доносъ.

Отецъ стоялъ на одномъ словѣ, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ дѣлѣ, и спрашивалъ «гдѣ жъ доказательства?» Показывалъ, что онъ во всю недѣлю предъ этимъ въ Бабадагѣ далеко отъ берега былъ и ни съ кѣмъ изъ своихъ не видался. «Кого жъ онъ послалъ русскихъ извѣстить?» Паша не хотѣлъ слушать и велѣлъ его отвести къ палачу. Повели отца къ небольшому домику въ сторонѣ того села, гдѣ паша тогда жилъ; подвели къ двери, отворили эту дверь и втолкнули его туда... Отецъ сколько разъ объ этомъ ни разсказывалъ, всегда у него губы тряслись и голосъ мѣнялся. Закачаетъ головой и скажетъ: «увы! увы! дѣтки мои, какъ страшно! это совсѣмъ не то, что война, гдѣ у человѣка кровь кипитъ... а это дѣло холодное и ужасное... Посмотри на курицу, и та какимъ голосомъ страшнымъ кричитъ, когда ее рѣзать несутъ... Съ тѣхъ поръ я и куринаго крика не могу даже такъ спокойно слышать, повѣрьте мнѣ, дѣтки мои. И вотъ однако спасъ меня Богъ!»

Остался отецъ въ этой комнаткѣ и видитъ — сидитъ въ сторонѣ у очага худой турокъ съ длинными усами. Оружія по стѣнамъ много. Понялъ отецъ, что это и есть *джелатъ* *), который долженъ его убить.

Отецъ ему поклонился, и турокъ говоритъ ему: «здравствуй» и приглашаетъ вѣжливо сѣсть около себя.

Отецъ сѣлъ. Началъ турокъ спрашивать, откуда онъ и

*) *Джелáтъ* — значитъ *палачъ*; но у турокъ настоящихъ, казенныхъ палачей никогда не бывало — ремесло это грѣхъ и позоръ; но въ крайности нанимаются временно какіе-нибудь бѣдные люди для исполненія приговоровъ. Вѣроятно этотъ турокъ нанялся, потому что ему были очень нужны тогда деньги.

какъ его имя. И что отецъ скажетъ, онъ все ему: «Такъ, хорошо, очень хорошо!» И потомъ еще разъ спросилъ у него, какъ его имя, чтобъ онъ повторилъ. Отецъ сказалъ ему, и показалось отцу, что джелàтъ какъ будто иначе взглянулъ на него.

— А есть у тебя братья? — спросилъ потомъ турокъ.

Отецъ сказалъ, что есть два брата.

— А гдѣ они?

— Одинъ въ Греціи, а другой умеръ.

— А который умеръ, чѣмъ занимался, гдѣ жилъ?

Отецъ сказалъ ему и объ этомъ.

— А въ Софьѣ не жилъ твой братъ?

Вспомнилъ отецъ, что онъ долго жилъ и въ Софьѣ и *ханъ* тамъ держалъ.

— А никогда онъ ничего тебѣ не разсказывалъ про этотъ ханъ или про какихъ-нибудь людей?

Не помнилъ отецъ; однако нарочно сталъ будто припоминать, чтобы хоть минутку еще на этомъ свѣтѣ прожить. Измучился наконецъ, и слезы у него изъ глазъ потекли, и сказалъ онъ турку:

— Не спрашивай у меня больше ничего, ага мой эффенди мой. Я въ твоей волѣ и припомнить я больше ничего не могу; у меня одна память—о бѣдной женѣ моей и моихъ сиротахъ несчастныхъ!

— А ты разскажи мнѣ, — говоритъ турокъ, — кто на тебя эту клевету выдумалъ?

Отецъ повторилъ ему то, что сказалъ нашѣ.

— А ты мнѣ скажи, чорбаджи, — говоритъ тогда турокъ, — радъ вѣдь ты былъ, когда ваши московскіе сюда пришли и Тульчу забрали и Силистрію осадили. Ты мнѣ, чорбаджи, правду говори только и меня ты не бойся.

— Что жъ, я тебѣ скажу, — отвѣтилъ ему отецъ, — вѣра у нихъ съ нами одна...

— Это ты хорошо говоришь, чорбаджи. И вижу я, что ты человѣкъ не лживый, а прямой и добрый. Все, что ты сказалъ, все правда. Сиди здѣсь, я скоро вернусь, а ты сиди и не бойся.

Вышелъ турокъ и заперъ отца снаружи. Долго ждалъ отецъ и молился. Наконецъ, турокъ вернулся и смѣется:

— Иди съ Богомъ, куда хочешь. И лошадь твоя здѣсь. Да скачи скорѣй, чтобы тебя не вернули. И уѣзжай потомъ куда-нибудь подальше и отъ насъ, и отъ русскихъ.

Не вѣритъ отецъ и подумать не знаетъ, что̀ такое случилось. И сказалъ онъ агѣ этому:

— Ага мой, не могу я съ этого мѣста тронуться, пока не узнаю, за что̀ ты меня такъ милуешь.

— А вотъ за что̀, — говоритъ ему турокъ. — За то, что весь вашъ родъ люди хорошіе, другихъ милуете и васъ надо миловать.

— Слушай, — говоритъ, — садись на коня. Я самъ тебя до другого села провожу, никто тебя не тронетъ.

И разсказалъ отцу, что тотъ отцовскій братъ, дядя мой, который ханъ держалъ, его брата спасъ и кормилъ.

Ѣхали долго вмѣстѣ, около часа, и ага ему исторію брата разсказывалъ.

Дядя мой держалъ *ханъ* около Софьи; а братъ этого турка былъ ученикомъ *налбанта* *) въ самой Софьѣ. Онъ былъ молодъ и красивъ. У паши, который тогда начальствовалъ въ Софьѣ, была возлюбленная христіанка; жила она въ своемъ домикѣ на предмѣстьѣ, не далеко отъ того хана, гдѣ молодой Джемали лошадей ковалъ. Любилъ Джемали наряжаться и щеголять на дикихъ и злыхъ жеребцахъ. Случалось часто, что онъ мимо сосѣдки въ пестрой одеждѣ скакалъ: и не зналъ, что она всегда на него изъ-за рѣшетки въ окно глядѣла.

Потомъ нашла она случай познакомиться съ нимъ, нанимала телѣжку въ ихъ хану; кисетъ ему вышила и велѣла одной старушкѣ ему передать. Эта же старушка сказала ему:

— Джемали-ага, госпожа моя велѣла тебѣ сказать, что она тебѣ табаку хорошаго хочетъ дать изъ окна вечеромъ; она тебя очень жалѣетъ и говоритъ: какой юнакъ, на *бейопуло* **) больше похожъ, чѣмъ на простого человѣка!

---

*) *Налбантъ* — коновалъ или вообще человѣкъ, который лошадьми занимается, куетъ ихъ и т. п.

**) *Бейопуло* — дитя бея, молодой баринъ.

— Такъ узнали они близко другъ друга и впали въ грѣхъ, — говорилъ отцу тотъ турокъ. — Узналъ и паша. Тогда было все проще въ Турціи, и погибнуть было легче, но легче и спастись. Схватили Джемали въ саду у христіанки молодой и привели въ конакъ.

— Ты кто такой? — закричалъ грозно паша, — что по ночамъ въ чужіе дома заходишь и черезъ стѣны лазаешь? Кто ты такой, собака, скажи?

— Мы *иснафы*, паша, господинъ мой, — иснафы мы, самимъ вамъ это извѣстно.

Паша покраснѣлъ и закричалъ:

— Пошелъ вонъ, оселъ!

Въ чемъ же тутъ секретъ былъ, что паша смутился? Иснафами зовутся люди одного ремесла, одного цеха, и самое это слово употребляется иногда иначе, аллегорически.

Мы съ тобой иснафы, то-есть товарищи, одного ремесла люди; кумовья, если хочешь...

А паша и самъ по ночамъ у этой христіанки бывалъ, и бѣдный Джемали и не ожидалъ, что онъ такъ остроумно и колко отвѣтитъ. Двое, трое изъ старшихъ чиновниковъ-турокъ даже улыбнулись, не могли воздержаться.

Однако, хотя паша и выгналъ Джемали, но все-таки велѣлъ потомъ, чтобы заптіе его взяли и отвели въ тюрьму. Джемали притворился вовсе покорнымъ и слабымъ; двое заптіе вели его и сначала держали, а потомъ одинъ и вовсе оставилъ. Какъ увидалъ онъ это и расчелъ куда можно бѣжать, вырвалъ вдругъ у одного пистолетъ, ранилъ другого и бросился черезъ разоренную стѣнку стараго кладбища, бѣжалъ, бѣжалъ; просидѣлъ потомъ до вечера въ разрушенной банѣ одной, вспомнилъ о моемъ дядѣ и ушелъ ночью къ нему въ ханъ за городъ. Дядя мой пряталъ и кормилъ его двѣ недѣли, а потомъ переправилъ черезъ Дунай въ Валахію, и оттуда Джемали вернулся опять въ Турцію инымъ путемъ. Такъ какъ за нимъ никакого преступленія важнаго не было, то онъ боялся лишь ревности и мести того паши, котораго онъ оскорбилъ, а не другихъ начальниковъ. Когда Джемали уви-

дался съ братомъ своимъ, онъ разсказалъ ему все это и прибавилъ еще:

— Ты положи мнѣ клятву, что гдѣ бы ты ни встрѣтилъ родныхъ загорскаго Дмитро Полихроноса или его самого, ты послужишь и поможешь и ему, и всему роду его. Онъ мнѣ теперь и до конца жизни моей все равно какъ *вламъ, побратимъ* *).

Вотъ какъ чудесно спасся отецъ мой. Онъ и говорилъ, что въ его жизни два чуда было: встрѣча съ матерью моей и съ этимъ туркомъ, Мыстикъ-агòю.

— А какое лицо у него было грозное, у Мыстикъ-аги,— говорилъ иногда, вздыхая глубоко, отецъ. — Худое лицо, печальное, безъ улыбки! Усы длинные и острые въ обѣ стороны, туда и сюда стоятъ. Кто бы могъ ожидать такой доброты?

Мать моя думала, напротивъ того, что отцу это такъ показалось отъ страха и что у Мыстикъ-аги было обыкновенное турецкое лицо.

Отецъ мой любилъ объ этомъ событіи разсказывать и, обращаясь ко мнѣ, грозился мнѣ рукой и говорилъ:

— Заклинаю я тебя, Одиссей, всѣмъ священнымъ, если и меня на свѣтѣ не будетъ и если когда-нибудь Мыстикъ-ага напишетъ тебѣ о чемъ-нибудь прося или въ домъ твой пріѣдетъ, то вспомни объ отцѣ твоемъ и всякую просьбу его исполни. Въ домѣ же твоемъ почетъ ему окажи бóльшій, чѣмъ бы ты самому великому визирю оказалъ. Служи ты ему самъ, и если жена у тебя будетъ, то хотя бы дочь эллинскаго министра или перваго фанаріотскаго богача за себя взялъ, но я хочу, чтобъ эта жена твоя туфли ему подавала, и чубукъ, и огонь, и постель ему сама бы руками своими, слышишь ты, въ домѣ твоемъ постлала! Слышишь ты меня, мошенникъ ты Одиссей? Это я, отецъ твой, тебѣ, Одиссей, говорю! Прощаясь съ Мыстикъ-агóю, я такъ и сказалъ ему:

---

*) Въ западной Турціи, въ Албаніи, Эпирѣ, другихъ сосѣднихъ странахъ существуетъ, какъ извѣстно, и у мусульманъ и у христіанъ старый обычай *побратимства*.

— «Эффенди и благодѣтель мой, паша мой, домъ моій— твой домъ отнынѣ! И жена и дѣти мои, и дѣти дѣтей моихъ — твои покорные слуги!»

А онъ, бѣдный, отвѣтилъ мнѣ:

— «Всѣ мы рабы Божіи, чорбаджи!»

Сѣвъ на жеребца своего, приложилъ руку къ фескѣ и ускакалъ! И долго глядѣлъ я, какъ развѣвались красныя кисти на зломъ жеребцѣ его и за спиной его голубые рукава, и не могъ я вовсе съ мѣста отойти, пока не потерялъ его изъ вида. Какъ бы незримая сила приковала меня тамъ, гдѣ я издали на него любовался.

Когда отецъ мой это разсказывалъ, хотя бы и въ двадцатый разъ, трудно было не плакать.

Мать моя всегда плакала и, обращая глаза къ небу, прикладывала руки къ груди своей и прерывала разсказъ восклицаніемъ: «Боже! Пусть онъ живетъ долго и счастливо, человѣкъ этотъ, пусть спасетъ онъ свою душу, и хотя турокъ онъ, но пусть угодитъ Тебѣ, Боже нашъ, хотя такъ, какъ угодилъ самарянинъ добрый!»

IV.

Тотчасъ по заключеніи мира отецъ мой отправилъ насъ съ матерью на родину, въ Эпиръ, а самъ поѣхалъ въ Аѳины и досталъ себѣ тамъ безъ труда эллинскій паспортъ и такимъ образомъ право на защиту греческаго посольства и греческихъ консуловъ во всей Турціи.

Къ этому его побуждалъ не только тотъ страхъ, который пришлось испытать ему отъ тогдашняго турецкаго беззаконія и самоуправной грубости, но и другое тяжелое дѣло, которое причинило и ему, и мнѣ позднѣе много непріятностей и хлопотъ.

Не только по поводу доноса на отца, но еще и по поводу этой тяжбы мнѣ пришлось сказать тебѣ, мой другъ, что худые христіане нерѣдко по природѣ своей злѣе и лукавѣе турокъ.

Отъ отца же моего покойнаго я слышалъ одну небольшую и очень хорошую молдаванскую сказку или басню, не знаю, какъ ее лучше назвать.

«Пошелъ одинъ человѣкъ, поселянинъ небогатый, дрова въ лѣсъ рубить и увидѣлъ, что большое дерево упало на землю и придавило большую змѣю. Змѣя была жива и стала просить человѣка, чтобъ онъ освободилъ ее. Человѣкъ подставилъ подъ дерево подпорки и освободилъ змѣю. Она тотчасъ же обвилась вокругъ него и сказала ему: «Я тебя съѣмъ!» «За что?»—спросилъ человѣкъ. «Всѣ вы люди очень злы и злѣе васъ звѣря нѣтъ на свѣтѣ; за это я тебя съѣмъ». Тогда человѣкъ ей сказалъ: «Ты такъ говоришь, а другіе что скажутъ, пойдемъ судиться; до трехъ разъ кого встрѣтимъ, того и спросимъ». Змѣя согласилась, и они пошли. Сначала увидали они, что люди пашутъ. И люди эти когда увидали человѣка и около шеи и тѣла его такую большую змѣю, вмѣсто того, чтобы помочь ему, испугались и убѣжали. Спросила змѣя у одной коровы, которая была въ плугъ впряжена: «Съѣсть мнѣ этого человѣка?» «Ѣшь!—сказала корова.—Лошади всѣ злы, и злѣе ихъ звѣрей нѣту. Я моему хозяину много телятъ, молока и масла дала; а онъ меня, корову, теперь въ плугъ съ волами запрягъ». Пошли они дальше, увидали на сухомъ полѣ худую старую лошадь. Спросила у нея змѣя: «Скажи мнѣ, лошадь, съѣсть мнѣ этого человѣка?» И лошадь сказала: «Ѣшь! люди всѣ злы, и злѣе ихъ нѣтъ звѣрей на свѣтѣ. Я служила хозяину двадцать лѣтъ, а теперь стара стала; онъ меня и бросилъ на этомъ сухомъ полѣ, гдѣ меня, можетъ быть, и волки съѣдятъ». Пошли они дальше. Встрѣтили лисицу. Ей далъ знать человѣкъ знаками, что онъ ей трехъ куръ дастъ, если она въ его пользу разсудитъ. Лисица тогда сказала змѣѣ: «Чтобы разсудить, права ли ты, надо видѣть, какъ онъ тебя спасъ и трудно ли ему это было. Отведи меня туда, гдѣ тебя придавило большое дерево». Когда они всѣ пришли въ лѣсъ и увидѣли, что дерево лежитъ еще на подпоркахъ, лисица сказала змѣѣ: «полѣзай опять для примѣра подъ дерево, чтобъ

я могла видѣть, какъ ты лежала, и разсудить васъ». Змѣя подлѣзла, а лисица сказала человѣку: «Вынь подпорку!» И змѣю опять придавило деревомъ, и она издохла. Тогда человѣкъ повелъ лисицу къ своему селу и сказалъ ей: «Подожди здѣсь въ полѣ, я вынесу тебѣ живыхъ куръ въ мѣшкѣ». А самъ подумалъ: «У нея мѣхъ очень красивъ, годится женѣ на шубку. Пойду, вмѣсто куръ положу въ мѣшокъ злую и быструю собаку, и она поймаетъ мнѣ лису». Пошелъ въ село и вынесъ собаку въ мѣшкѣ. Лисица сидитъ далеко на камнѣ, хвостомъ играетъ и не подходитъ. «Что это у тебя, другъ мой, мѣшокъ очень великъ?» «Изъ благодарности шесть куръ несу вмѣсто трехъ»,—сказалъ человѣкъ и выпустилъ на нее собаку; но лисица была далеко и спаслась, громко воскликнувъ: «Хорошо сказали и змѣя, и корова, и лошадь, что вы люди злы и злѣе васъ нѣтъ звѣря на свѣтѣ!»

Отецъ мой говорилъ объ этой баснѣ такъ:

— Я давно ее зналъ и хотѣлъ забыть ее послѣ того, какъ турокъ Мыстикъ-ага спасъ мнѣ жизнь; но въ то же почти время одинъ грекъ нашъ и одинъ болгаринъ научили меня ее вѣчно помнить.

Отецъ мой торговалъ на Дунаѣ разными товарами и дѣлалъ всякіе обороты, но въ то время онъ особенно занимался рыбною торговлей, скупалъ икру у русскихъ липованъ и другихъ рыбаковъ и продавалъ ее очень выгодно.

Онъ имѣлъ дѣла и большіе счеты съ однимъ эпирскимъ же грекомъ, котораго звали Хахамопуло. Человѣкъ онъ былъ и жадный, и легкомысленный, и боязливый, и обманщикъ. Онъ былъ гораздо моложе моего отца, и отецъ мой былъ ему почти благодѣтелемъ. Отецъ этого Хахамопуло умеръ внезапно въ Валахіи, и мальчикъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни, безъ познаній и безъ ремесла. Однако онъ былъ хитеръ; пришелъ въ Галацъ, увидалъ, что тамъ продаютъ козырьки для фуражекъ, и вздумалъ дѣлать козырьки. Купилъ кожи, вырѣзалъ, сѣлъ верхомъ на скамью и сталъ какою-то гладкою костью лощить козырьки эти. Козырьки не годились.

Потомъ онъ увѣрилъ одного богатаго валаха, что онъ отличный красильщикъ, учился въ Одессѣ и можетъ выкрасить ему карету заново гораздо дешевле, чѣмъ другіе мастера. А вся цѣль его была, чтобы хоть недѣлю еще хлѣбъ имѣть и мѣсто для ночлега. Купилъ сажи, самъ лакъ попробовалъ сварить, совсѣмъ не такъ, какъ было нужно; накрасилъ пальца на три густоты, не держится, все кусками падаетъ. Пришелъ хозяинъ кареты, взялъ палку и прогналъ его. Онъ сидѣлъ у воротъ гостиницы и плакалъ, когда отецъ мой увидалъ его и спросилъ у него, кто онъ такой и отчего онъ плачетъ.

— Мнѣ и тогда, — разсказывалъ мой отецъ, — не очень понравился этотъ мальчикъ. Слишкомъ ужъ ломался и гримасничалъ. И туда кинется, и сюда перегнется... Эффендико́ мой! Эффендико́!—кричитъ онъ мнѣ и воетъ.—Ба! говорю я ему, — слѣдуетъ ли паликару какъ женщинѣ плакать и выть. Пошлетъ Богъ тебѣ хлѣба. Не кричи, дуракъ, у меня ужъ и голова отъ воя твоего какъ цѣлый казанъ раздулась. А все-таки жалко его было. Христіанинъ молодой и нашъ эпирскій грекъ.

Рекомендовалъ его отецъ мой одному изъ нашихъ загорцевъ, который имѣніемъ большимъ у молдаванскаго боярина управлялъ. Прожилъ Хахамопуло у загорца пять лѣтъ; во время войны и русскимъ, и туркамъ, и австрійцамъ служилъ, деньги нажилъ, женился и переѣхалъ въ Тульчу. Отецъ, видѣвши, что у него хорошія деньги есть и полагая, что онъ его благодѣянія помнитъ, взялъ его въ долю къ себѣ, по рыбному промыслу, и они нѣсколько времени торговали вмѣстѣ. Еще до войны случилось отцу занять тысячу золотыхъ турецкихъ лиръ у одного знаменитаго болгарина добруджанскаго, Петраки Стояновича. Этотъ Стояновичъ теперь уже не просто Петраки, а Петраки-бей и капуджи-баши султана; богатъ, какъ лидійскій Крезъ, а низокъ такъ, что Хахамопуло сравнительно съ нимъ честнымъ человѣкомъ кажется. — Разскажу я тебѣ и про этого болгарскаго архонта, что́ онъ такое за сокровище драгоцѣнное и откуда.

Отецъ его, Стоянъ, болгарскій мужикъ изъ-подъ Костенджи, кажется. Я его видѣлъ. Простой землепашецъ болгарскій, въ бараньей шапкѣ и толстыхъ шароварахъ изъ коричневой абы.

Старикъ безвредный, лѣтъ ему 80, усы сѣдые, самъ худой и смуглый, пашетъ самъ до сихъ поръ, деньги въ землю зарываетъ, турокъ боится, а больше никого знать не хочетъ; всю недѣлю черный хлѣбъ съ лукомъ или перцемъ краснымъ ѣстъ, а баранину жаритъ только по праздникамъ. У сыновей въ Тульчѣ рѣдко бываетъ, а они къ нему, кажется, никогда не ѣздятъ.

Сыновей у него двое, Петръ и Марко. Оба теперь богачи и беи. Петраки, какъ я сказалъ тебѣ, капуджи-баши, а Марко — предсѣдатель нашего Тульчинскаго торговаго суда, тиджирета, и бичъ человѣчества въ нашемъ городѣ.

Пришли они оба на Дунай въ сельскихъ путурахъ *) и колпакахъ, еще молодые, но гдѣ-то въ греческой школѣ обученные недурно, и открыли небольшую лавочку въ Тульчѣ. Было это еще до Восточной войны.

Какъ они торговали? Такъ, какъ торгуетъ всякій христіанинъ бакалъ. Не безъ лжи и небольшого обмана.

Это бы ничего; всѣ мы такъ дѣлаемъ. Но Петраки и Марко не удовольствовались такими обыкновенными доходами, но сперва пріобрѣли они отъ турокъ много денегъ доносами, такъ что ихъ трепеталъ весь городъ, а потомъ разбогатѣли чрезвычайно во время сосредоточенія турецкихъ войскъ около Дуная различными подрядами и оборотами, поставкою сѣна, ячменя, рису для войска, а доносы шли своимъ чередомъ.

По окончаніи войны у болгарскихъ селянъ въ Добруджѣ и подъ Силистріей скопилось множество расписокъ отъ начальниковъ различныхъ турецкихъ отрядовъ. Часто нуждаясь въ деньгахъ, начальство турецкое забирало въ долгъ у селянъ фуражъ для кавалеріи своей и всякую провизію для солдатъ. Какъ только узналъ Петраки Стоя-

---

*) Деревенскіе *шальвары*.

новичъ, что у соотечественниковъ его собралось такое множество долговыхъ расписокъ, онъ сталъ хлопотать, чтобъ общины сельскихъ болгаръ выбрали его для поѣздки въ Константинополь; достигъ этого; поѣхалъ; но, явившись къ великому визирю, не денегъ потребовалъ, а повергъ къ стопамъ султана всѣ расписки его вѣрныхъ райя... «ибо всѣ эти вѣрные подданные поручили мнѣ изъявить блистательной Портѣ живѣйшую радость, что общій врагъ московскій изгнанъ съ позоромъ изъ предѣловъ нашихъ!» Такъ сказалъ Петраки.

Винить ли мы будемъ турокъ за то, что они съ радостью приняли этотъ даръ и дали мужичку нашему болгарскому меджидіе и мундиръ капуджи-баши съ расшитою золотомъ грудью?

Тогда еще больше сталъ расти и богатѣть Петраки, сынъ земледѣльца Стояна. Взглянулъ бы теперь на него! Широкій, румяный, здоровый *эффенди*; одѣтъ щегольски; красивый эффенди, борода черная съ просѣдью небольшою, походка важная, рѣчь серьезная, въ Парижъ ѣздилъ, по-французски немного сталъ говорить; паши его боятся, всѣ консулы визитъ первые ему дѣлаютъ, коляска у него вѣнская, лошади — львы свирѣпые. «Желудокъ, — говоритъ онъ,—у меня теперь разстроенъ и печенью, къ несчастью, страдаю; поэтому я не въ силахъ посты содержать, какъ бы того требовали приличія для примѣра простому народу, ибо необразованнымъ людямъ религія есть единственная узда для страстей. Сожалѣю крайне о таковомъ моемъ преждевременномъ разстройствѣ, но что дѣлать! самъ докторъ Вельпо въ Парижѣ не совѣтовалъ мнѣ поститься. Прекрасный городъ Парижъ, и докторъ Вельпо благороднѣйшій человѣкъ. Европеецъ человѣкъ, вполнѣ европеецъ!»

Поститься уже теперь не въ силахъ Петраки-бей. Зато нѣтъ еврейки молодой и бѣдной, нѣтъ служанки, болгарки сельской, хохлушки или молдаванки, которую бы онъ не обольстилъ за деньги и не бросилъ бы послѣ. Что могутъ слезы сироты противъ Петраки-бея, когда сами паши

боятся иногда его интригъ и тѣхъ взятокъ, которыя онъ всегда въ силахъ въ Константинополѣ дать?

Въ 67-мъ году прошелъ слухъ, что Петраки-бея хотятъ княземъ независимой Болгаріи сдѣлать. Но и тутъ онъ успѣлъ оправдаться предъ турками. У такого-то человѣка отецъ мой имѣлъ несчастіе занять тысячу лиръ золотыхъ!

Хахамопуло между тѣмъ захотѣлъ отдѣлаться отъ отца моего, и стали они сводить счеты. Отцу тогда было не подъ силу заплатить Петраки-бею, котораго срокъ подошелъ, и онъ, полагаясь на Хахамопуло, перевелъ долгъ на него и удовольствовался тѣмъ, что Хахамопуло, который отцу былъ гораздо болѣе этого долженъ, записалъ при немъ тысячу лиръ для Петраки-бея въ свою счетную книгу. «Заплати только ему эту тысячу лиръ, и остальныя я прощаю тебѣ», — сказалъ ему отецъ. Расписки отецъ мой съ Хахамопуло не взялъ. Какъ только объяснились между собой, тайкомъ отъ отца, два злодѣя, болгаринъ и грекъ, такъ и обнаружилась ихъ злоба, но что было дѣлать?

— Дай мнѣ сейчасъ пятьсотъ лиръ,—сказалъ парижанинъ-эффенди болгарскій нашему эпирскому молодцу. — Я же тебѣ дамъ бумагу или счетъ особый, чтобы ты былъ покоенъ, какъ будто я эти пятьсотъ лиръ получилъ отъ тебя по иному торговому дѣлу. Ты отрекайся отъ своего долга Полихроніадесу, ибо онъ отъ тебя не имѣетъ расписки, а я съ него свои тысячу лиръ судебнымъ порядкомъ требовать стану, ибо я отъ него расписку правильную имѣю и буду утверждать, что отъ тебя я не получалъ ничего и даже знать тебя, Хахамопуло, вовсе и не хочу. Долженъ же мнѣ съ большими процентами за просрочки Георгій Полихроніадесъ изъ Эпирскихъ Загоръ.

Вотъ поэтому-то и поспѣшилъ достать себѣ эллинскій паспортъ отецъ мой вскорѣ послѣ окончанія Восточной войны. Онъ предпочелъ бы, конечно, взять русскій паспортъ, — тогда и это дѣлалось легко, — но русскаго консульства въ то время не было въ Тульчѣ, и какъ ни слаба Эллада, все-таки независимое государство, думалъ отецъ мой, и можетъ его защитить.

Много перенесъ онъ тогда мученій, и паспортъ греческій, если и былъ полезенъ, то развѣ для предохраненія жизни, на случай большой опасности, а для тяжбы, я полагаю, онъ сдѣлалъ намъ больше вреда, чѣмъ пользы. Турецкое начальство признавать его никогда не хотѣло; нѣсколько разъ хватали отца и сажали въ тюрьму; не пускали его изъ тюрьмы въ Загорье съѣздить и съ нами видѣться. Греческіе консулы постоянно мѣнялись; падетъ министръ въ Аѳинахъ, сейчасъ ѣдетъ новый консулъ, и старому нерѣдко онъ врагъ. Надо угождать новому. Сколько разъ англійскій консулъ освобождалъ отца изъ тюрьмы.

Со стороны Петраки-бея, кромѣ мошенничества и алчности, была еще и личная злоба на отца моего—за одно слово, которое онъ дѣйствительно неосторожно, быть можетъ, и необдуманно сказалъ въ обществѣ.

Тогда только что начались разговоры о томъ, что болгарамъ слѣдуетъ отдѣлиться отъ вселенской патріархіи, имѣть свои славянскія школы и получить разрѣшеніе не только въ сѣверной Болгаріи, но и во Ѳракіи и въ Македоніи на своемъ церковно-славянскомъ языкѣ пѣть и читать въ церквахъ.

Отецъ мой былъ человѣкъ умѣренный и справедливый и всегда говорилъ, что болгары въ подобныхъ требованіяхъ правы. «Отчего имъ не читать и не пѣть вездѣ на своемъ родномъ языкѣ? И Святой Духъ сошелъ на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ именно для того, чтобъ они проповѣдовали Евангеліе всѣмъ народамъ на нарѣчіяхъ имъ понятныхъ. Хорошо просятъ болгары!»—говорилъ мой отецъ.

Но отдѣленія отъ вселенской церкви онъ не допускалъ ни подъ какимъ видомъ. И когда этотъ самый Петраки-бей однажды въ домѣ австрійскаго консула выразился такъ:

— Этого мало, мы надѣемся, что султанъ дастъ намъ патріарха особаго; ибо мы, болгары, ему всегда были вѣрны и бунтовщиками подобно вамъ, грекамъ неразумнымъ, не были и не будемъ!

Отецъ мой отвѣтилъ ему, хотя и шутя, но очень обидно:

— Да! — сказалъ онъ. — И до меня дошли подобные слухи съ береговъ Босфора. Говорятъ люди свѣдущіе и высокопоставленные, будто бы садразамъ предложилъ вселенскому патріарху согласиться на учрежденіе особой болгарской патріархіи, но что его святѣйшество изволилъ отвѣтить такъ: «Ваша свѣтлость согласится, конечно, что цыгане въ Турціи исповѣдуютъ одну вѣру мусульманскую съ чистыми оттоманами, однакоже не видалъ еще никакой человѣкъ, чтобы шейхъ-уль-исламъ изъ цыганскаго шалаша былъ взятъ!..»

Смѣялись тогда много въ австрійскомъ консульствѣ по поводу этой остроты моего отца; но къ алчности Петраки-бея съ того дня примѣшались еще и національная ненависть, и личная досада на весь нашъ родъ.

V.

Пока мой бѣдный отецъ хлопоталъ и мучился на Дунаѣ, мы въ Загорахъ жили хорошо и спокойно.

Эпирскія пѣсни родное село наше зовутъ «пустынное Франгàдесъ»... Пусть такъ! Но я люблю его.

Церковь у насъ обширна и красива; высокая колокольня подобна крѣпкой башнѣ; а нашъ *платанъ совѣта* такъ великъ, такъ широкъ и такъ прекрасенъ, что я въ жизнь мою другого подобнаго ему дерева не видалъ.

Домъ старушки нашей Евгéнки Стиловой былъ и не великъ, и не малъ, а средній. Была въ немъ зала большая, съ колонками деревянными, а за колонками софа широкая вокругъ; было довольно маленькихъ комнатъ и направо, и налѣво, и наверху, и внизу; и погребъ былъ просторный, и виноградники у насъ, и мулы, и овцы были свои.

Старушка наша, мать моя, я, служанка молодая и старый работникъ, только насъ и было въ домѣ, и мы жили всѣ мирно и согласно. Кокона Евгéнко была трудолюбива и весела; мать моя кротка и заботлива; служанка бѣдная

послушна, и старикъ Константинъ, работникъ нашъ, вотъ былъ какой человѣкъ: онъ сражался волонтеромъ подъ Севастополемъ и возвратился въ Турцію съ крестомъ св. Георгія за храбрость.

Говорили люди и смѣялись надъ нимъ, будто бы онъ съ какимъ-то русскимъ писаремъ по окончаніи войны вдвоемъ составили аттестаты и будто бы онъ крестъ св. Георгія просто на базарѣ купилъ...

Можетъ быть оно и правда; только для нашего дома Константинъ былъ очень хорошъ, и мы его всѣ любили.

Мать моя шила, пряла сама, мыла бѣлье; вмѣстѣ съ молодою служанкой кушанье намъ готовили. Бабушка Евгéнко съ Константиномъ въ виноградникахъ сама работала, рыла и копала неутомимо, пшеницу для дома сѣяла... Цѣлый день въ трудахъ и всегда веселая. Не знала она ни жалобъ унылыхъ, ни лѣни. Мать моя имѣла наклонность впадать иногда въ глубокую грусть и ожидала тогда печальныхъ извѣстій и всего худого; начинала плакать, и одежду на груди собиралась себѣ разрывать, и на землю садилась, и восклицала: «Увы, мой бѣдный мужъ! Онъ умеръ... Съѣли его злыя собаки, враги его на Дунаѣ... Нѣтъ вѣстей отъ него! Нѣтъ вѣстей отъ несчастнаго! Ахъ я *черная*, злополучная такая!.. О, проклятый, вѣрно, былъ часъ, въ который я родилась на свѣтъ...»

А Евгéнко не унывала и тотчасъ же спѣшила утѣшить и развлечь ее... «Не проклинай, *море́* — Эленица моя, дня твоего рожденія! Это грѣхъ. Все пройдетъ и все будетъ хорошо, дочь ты моя... Не бойся, я тебѣ, старуха, такъ говорю!» И сядетъ около нея на полу же, и начнетъ ей разсказывать: «Яковакина жена вотъ то-то сдѣлала, а Йоргакина другое сдѣлала. Кира-Мариго утрóмъ дѣвочку родила здоровую, толстую, дай Богъ ей жить! А кира-Кириáкица тетку свою обижаетъ, кричитъ на нее... «*бре*, ты такая, *бре!* ты сякая!» И развлечется мать моя немного, и слушаетъ, и скажетъ потомъ: «Много у тебя бодрости, вижу я и дивлюсь тебѣ...» А старуха ей: «У тебя, дочь, сердце узкое, а у меня широкое сердце... Оно и лучше

такъ... А что бы было, если бъ у обѣихъ у насъ съ тобой узкія сердца были?»

Крѣпкая была женщина бабушка добрая наша, и ты бы, глядя на простоту рѣчей ея и на грубую старинную одежду, на ея жесткія руки, не различилъ бы ея отъ простой работницы деревенской и не догадался бы, что она имѣетъ хорошій домъ въ селѣ и сама госпожа. Древняя и почтенная была женщина!

Всѣ ее уважали: но и смѣху съ ней было довольно...

Славилась она у насъ междометіями различными. На все у нея былъ особый возгласъ, особое междометіе. «Есть, кокона Евге́нко, вода у васъ въ колодезѣ?» — спрашиваетъ человѣкъ. «А... а!» и глаза закроетъ. Значитъ: «ни капли!» — «Все работаете, кокона Евгѐнко?» «Гр-гр! гр-гр!» Это значитъ: «Все возимся, все работаемъ!» «Музыка играла на свадьбѣ...». — Аманъ, аманъ, что за хорошая музыка!.. *Дзинь*! — Значитъ громкая, хорошая музыка. — «Легъ отецъ отдыхать, бабушка?» — «А, а, а!» то-есть, «да, да, да!» и головой потрясетъ. Смѣшила она насъ.

Когда стали появляться у насъ въ Эпирѣ изрѣдка фотографы, она ни за что не соглашалась снять съ себя портретъ, утверждая, что такой старой бабушкѣ картинки съ себя снимать и еще машинами и деньги за такой пустякъ платить, какъ бы грѣхъ кажется, а ужъ стыдъ, безъ сомнѣнія, великій!

Цвѣты она очень любила до самой смерти своей и разводить ихъ любила около дома, и любоваться на нихъ, и нюхать любила. Когда она стала все больше и больше старѣть подъ конецъ своей жизни и уже работать перестала, а почти все сидѣла или лежала на диванѣ, лѣтомъ у окошка открытаго, зимою у очага, ей домашніе люди не забывали приносить иногда душистые цвѣты, и если цвѣтокъ былъ не великъ, она клала его себѣ въ носъ. — «Бабушка Евге́нко, зачѣмъ вы цвѣтокъ въ носъ себѣ положили?» — «А затѣмъ, *море*, человѣче ты неразумный, затѣмъ, что руки у меня старыя и работать устали всю жизнь

мою! Держать рукой я цвѣтокъ не хочу, а запахъ его хочу обонять... Понялъ ты теперь, человѣче...»

И всѣ уже знали, что она отвѣтитъ такъ, но всѣ хотѣли слышать ея занимательные отвѣты.

Скажу тебѣ еще вотъ что́. Кокона Евге́нко наша не только была трудолюбива, забавна и весела; она была и смѣлаго нрава. Ты слышалъ, какой безпорядокъ царствовалъ въ краѣ нашемъ во время Восточной войны?.. Я писалъ тебѣ уже о томъ, какъ боялся отецъ мой отправить насъ съ матерью тогда съ Дуная въ Эпиръ. Онъ очень тревожился и за старушку и не разъ писалъ ей, чтобъ она уѣхала изъ деревни въ Янину и жила бы тамъ, пока не кончится война и возстаніе. Но она всѣмъ говорила: «Кто старую такую, какъ я, обидитъ? А если и убьютъ... Такъ вѣдь Харонъ *) вездѣ человѣка найдетъ! Сказано, что съѣзжаетъ Харонъ съ горъ отуманенныхъ и влачитъ съ собою старыхъ людей впереди, а сзади молодцовъ молодыхъ, а дѣточекъ, нѣжныхъ ребяточекъ, рядышкомъ, рядышкомъ на сѣдлѣ везетъ! Вотъ что́!» Съ большимъ трудомъ уговорилъ ее братъ ея, докторъ Стиловъ, чтобъ она съ нимъ вмѣстѣ уѣхала на это время въ городъ. Въ городѣ казалось безопаснѣе. По возвращеніи нашемъ съ Дуная мы узнали, отчего ей такъ не хотѣлось покидать домъ свой. И этому причиною главной была ея любовь къ отцу моему, и матери, и ко мнѣ. У нея въ темномъ углу конюшни было зарыто въ землю золото — лиръ двѣсти слишкомъ. Собрала она ихъ за многіе года и зарыла сама. Мѣсто зналъ одинъ только отецъ мой. Одною темною ночью приснилось ей, что на этомъ мѣстѣ огонь горитъ, горитъ, горитъ и гаснетъ. Она испугалась, сошла туда и до разсвѣта со страхомъ великимъ трудилась и перенесла съ молитвами деньги на иное мѣсто. И все ей казалось съ тѣхъ поръ, что всѣ люди догадались и стоитъ ей только уѣхать, такъ сейчасъ и отроютъ деньги эти и послѣ смерти ея не

*) Память о языческомъ *Харонѣ* сохранилась у христіанъ Эпира. Они часто употребляютъ слово ὁ Χάρος *о Харосъ*) вмѣсто слова *смерть*. Есть много и пѣсенъ деревенскихъ *о Харонѣ*, или о смерти.

найдетъ ничего отецъ мой и скажетъ: вотъ злая старуха обманула меня. Боялась она и брата своего Стилова, хотя онъ и добрый былъ человѣкъ. «Семьянинъ человѣкъ, думала она: свои дѣти есть; я же ему сестра, а Эленица (мать моя) чужая мнѣ по роду, вдова сына моего сердечнаго!» Писать Евгéнко самá не умѣла; кому довѣрить тайну, чтобъ отца моего извѣстить и указать ему заочно новое мѣсто, гдѣ теперь деньги? Этимъ она мучилась долго. И рѣшилась она въ Янину къ брату ѣхать тогда только, когда во всей сосѣдней Загорамъ *Курендъ* села христіанскія загорѣлись. Въ Курендѣ порядокъ иной, чѣмъ въ нашихъ Загорахъ... Куренда мѣсто земледѣльческое, земля тамъ менѣе гористая; а народъ тамъ бѣденъ, потому что собственности у него нѣтъ. Земля беямъ принадлежала, и ее крестьяне пахали. Во всемъ округѣ одно только и есть село богатое, свободное. Это село — прекрасная бѣлая Зица, у подножья высокаго холма, воспѣтаго самимъ лордомъ Байрономъ.

Когда крестьяне бѣдныхъ селъ въ Курендѣ возстали и убѣжали на высокія горы съ женами и дѣтьми своими, разсказываютъ у насъ, будто бы богатые зиціоты предали ихъ и подали туркамъ мысль зажечь въ долинахъ всѣ дома, всѣ жилища возставшихъ людей.

Ужаснулись люди и, спустившись съ неприступныхъ высотъ, поклонились туркамъ и получили помилованіе отъ нихъ.

Вотъ только тогда, когда загорѣлись всѣ эти бѣдныя села несчастной нашей Куренды, Евгѐнко рѣшилась уѣхать въ Янину къ брату.

Богъ спасъ старушку! У Гриваса въ охотникахъ была, конечно, вмѣстѣ съ добрыми патріотами и всякая сволочь, жадная, безстрашная, свирѣпая. Эта сволочь не гнушалась грабить и христіанъ, когда въ чемъ-нибудь нуждалась.

Въ той самой пѣснѣ эпирской, въ которой родное село наше названо *пустынное Франгадесъ*, поется о подобномъ грабежѣ и нападеніи на христіанскіе дома.

„Ты пой, кукушечка, ты пой, какъ распѣвала прежде".
— Я что̀ спою? и что̀ скажу? Какую рѣчь держать я буду?
Вотъ какаранца *) на горахъ, на самыхъ на верхушкахъ,
Собралъ все войско онъ свое и всѣхъ своихъ албанцевъ.
Ножи у нихъ дамасскіе и ружья всѣ готовы.
„Ребята, вы не бойтеся, ни капли не страшитесь!
„Желѣзо вложимъ въ грудь, какъ сталь пусть будутъ ноги:
„И *айда* грабить мы пустынное Франга́десъ!"
И Костарасъ **) сказалъ тогда, такъ Костарасъ имъ молвилъ:
„Идите вы себѣ, а мнѣ нельзя въ Франга́десъ,
„Тамъ у меня двѣнадцать братьевъ есть....
„Клялись мы на Евангельѣ...
„И крестникъ есть, еще дитя; его зовутъ Дмитраки".
И собрались они, идутъ, поднялися всѣ разомъ;
Середь села привалъ, и въ колоколъ звонили;
Сзывали àрхонтовъ, всѣхъ àрхонтовъ сбирали.
„Поклонъ вамъ, àрхонты!" „Здоровье вамъ, ребята",
„Откуда, молодцы? И путь куда вашъ будетъ?"
„Начальникъ насъ прислалъ на подвигъ за свободу!"
Тутъ киръ-Георгія они, Бинбука ***) тутъ схватили...
„На ваши на дома напасть прислалъ насъ Ѳедоръ Гривасъ!"

Да, истинно Промыслъ спасъ нашу старушку!

Другую хозяйку и сосѣдку нашу беременную убили грабители, раздраженные подозрѣніемъ, что она не хочетъ выдать имъ мужнины деньги! А она, несчастная жертва, и не знала, гдѣ деньги: мужъ не открывалъ ей своей тайны!

И въ нашъ домъ входили; взяли нѣкоторыя покинутыя вещи и деньги искали въ амбарѣ и въ конюшнѣ; но деньги Евгѐнко рѣшилась съ собой увезти, и что бы сталось съ нею, если бъ она не уѣхала!..

Итакъ, родные мои жили заботливо и трудились, а я ходилъ въ школу. Мальчикъ я былъ тогда, скажу тебѣ по совѣсти, тихій и благочинный; принималъ участіе въ играхъ охотно; но къ буйству и отважнымъ шалостямъ я не былъ расположенъ. На ученье я не былъ лѣнивъ, и память у меня была хорошая.

---

*) *Какаранца* — капитанъ, начальникъ повстанцевъ или грабителей.

**) *Костарасъ* — то же, что̀ и какаранца.

***) *Киръ-Георгій Бинбука* — какой-нибудь сельскій богачъ, ограбленный охотниками Гриваса.

По желанію отца меня рано взяли пѣть въ церкви съ пѣвчими, и скоро я сдѣлался любимымъ *анагностомъ* *) священника нашего отца Евлампія. Читалъ Апостола я искусно и громко; сразу, какъ только первый разъ вышелъ, не сбивался ни въ какомъ порядкѣ, не забывалъ земные поклоны класть, когда нужно при чтеніи; зналъ годамъ къ пятнадцати уже многое на память и особенно любилъ великимъ постомъ читать громко съ выраженіемъ и чувствомъ послѣднюю молитву повечерія, молитву ко Христу, Антіоха Пандекта... «И дай намъ, о Богъ нашъ, умъ добрый, цѣломудренныя мысли, трезвое сердце и легкій сонъ, свободный отъ всякой лживой фантазіи!..»

Отецъ мой зналъ изъ писемъ о томъ, какой я *анагностъ* хорошій вышелъ и какъ скоро. Онъ сердечно утѣшался этимъ и писалъ намъ съ Дуная: «А сына моего Одиссея благословляю и радуюсь тому, что онъ преуспѣваетъ въ церковной діаконіи и псалмопѣніи. Похвальное и честное дѣло; ибо и въ древней Византіи дѣти и юноши, сыновья сенаторовъ императорскихъ и иныхъ великихъ архонтовъ, считали за честь и удовольствіе быть чтецами въ Божіихъ храмахъ!»

Такъ одобрялъ меня отецъ, и я этому радовался и еще громче, еще старательнѣе читалъ и пѣлъ..

Мирно, говорю я, текла наша семейная жизнь въ горахъ, день тихо убѣгалъ за днемъ... праздники церковные и трудовыя будни; веселыя свадьбы изрѣдка, училище, молитва; упорный трудъ у стариковъ, у насъ игры; слезы новыхъ разлукъ у сосѣдей; возвратъ мужчинъ на родину, радость старыхъ отцовъ и матерей; иногда печальный слухъ о чьей-нибудь кончинѣ; ясные дни и ненастные; зной и дожди проливные; снѣга зимой грозные на неприступныхъ высотахъ и цвѣточки милые, алые, желтые, бѣлые, разные, загорскіе родные цвѣточки мои, весной по зеленой травочкѣ нашей и въ бабушкиномъ скромномъ саду.

---

*) *Анагностъ* — чтецъ. На Востокѣ та часть церковной службы, которая у насъ предоставлена *дьячку*, обыкновенно исправляется юношами или дѣтьми, нерѣдко изъ богатыхъ семействъ.

Я росъ, мой другъ, и умъ мой и сердце мое незримо и неслышно зрѣли.

Яснѣе видѣлъ я все; пробуждались во мнѣ иныя чувства, болѣе живыя.

Я начиналъ уже думать о будущемъ своемъ. Я спрашивалъ уже себя, отъ времени до времени, какая ждетъ меня судьба на этомъ свѣтѣ?

И что̀ на *томъ?*... Что̀ *тамъ*, за страшною, за безвозвратною ладьей неумолимаго Харона?

Я начиналъ все внимательнѣе и внимательнѣе слушать бесѣды и споры опытныхъ и пожилыхъ людей.

И здѣсь, въ городахъ Эпира, какъ и на Дунаѣ, великая тѣнь державной Россіи незримо осѣняла меня. Прости мнѣ! Ты хочешь правды, и вотъ я пишу тебѣ правду.

Эллада! Увы! Теперь Эллада и Россія стали для души нашей огонь и вода, мракъ и свѣтъ, Ариманъ и Ормуздъ.

— Смотрите, — восклицаетъ пламенный грекъ, — смотрите, православные люди, русскіе возбуждаютъ болгаръ къ непокорности и схизмѣ. Вы слышали, эллины, объ ужасномъ преступленіи, совершившемся недавно въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ? Молодой сынъ, въ порывѣ нечеловѣческаго гнѣва, поднялъ святотатственную руку на собственную мать свою. Не мать ли русскому православію наша вселенская церковь? Не она ли просвѣтила древнюю Россію святымъ крещеніемъ? Не она ли исторгла русскихъ изъ мрака идолослуженія?.. И эта Россія, лучшая, любимая дочь нашей великой, гонимой матери, нашей святой восточной и вселенской церкви, она... страшусь вымолвить...

Да, мой добрый и молодой аѳинскій другъ! Слышу и я нерѣдко теперь такія пламенныя рѣчи. Но не радостью наполняется мое сердце отъ подобныхъ рѣчей. Оно полно печали.

Кто правъ и кто не правъ, я не знаю: но, добрый другъ, дорогая память дѣтства имѣетъ глубокіе корни... И умъ нашъ можетъ ли быть вполнѣ свободенъ отъ вліянія сердца?

И тогда, когда я еще невиннымъ мальчикомъ ходилъ съ сумкой въ нашу загорскую школу, уже замѣчалось то дви-

женіе умовъ, которое теперь обратилось въ ожесточеніе и бурю.

Учитель нашъ, г. Несториди, суровый и сердитый, воспитался въ Греціи и не любилъ Россіи. Священникъ нашъ отецъ Евлампій, веселый и снисходительный, иначе не называлъ Россіи, какъ «святая и великая Россія». Братъ нашей доброй бабушки, врачъ Стиловъ, одѣтый по-старинному въ *дулама́* и *джюбе́* *), поддерживалъ отца Евлампія въ долгихъ спорахъ, зимой по вечерамъ у нашего очага, лѣтомъ у церкви, въ тѣни платана, гдѣ къ нимъ тогда присоединялись и другіе люди.

— Благодаря кому мы дышимъ, движемся и есмы? — говорилъ отецъ Евлампій, обращаясь къ Несториди.—Кѣмъ,— продолжалъ онъ, — украшены храмы Господни на дальнемъ Востокѣ? Не Адріанопольскимъ ли миромъ утвердилась сама ваша Эллада, нынѣ столь свободная?.. Молчи, несчастный, молчи, Несториди!.. Я уже чтецомъ въ церкви здѣшней былъ, когда тебя твоя мать только что родила... Ты помни это.

— Такъ что жъ, — говорилъ ему на это Несториди. — Если ты тогда чтецомъ былъ, когда меня мать родила, такъ значитъ и панславизма опасаться не слѣдуетъ... Доброе дѣло, отецъ мой!

— Нѣтъ, Несториди, я этого тебѣ не говорю. Но у тебя много злобы въ рѣчахъ, — отвѣчалъ отецъ Евлампій и смущался надолго, и не находилъ болѣе словъ.

Онъ былъ умный и начитанный человѣкъ, но у него не было вовсе той ядовитости, которую легко источалъ Несториди въ своихъ отвѣтахъ. «*Чулокъ діавола* самого этотъ человѣкъ!», такъ звалъ учителя нашего добрый священникъ, хотя они были дружны и взаимно уважали другъ друга.

На помощь отцу Евлампію выходилъ, какъ я сказалъ, нерѣдко нашъ старый загорскій докторъ, братъ нашей бабушки Стиловой. Онъ былъ силенъ тѣмъ, что приводилъ

---

*) Старинная восточная одежда; разноцвѣтная, широкая и длинная, наподобіе рясы и подрясника.

тотчасъ же примѣры и цѣлые разсказы о былыхъ временахъ.

— Позвольте мнѣ, господинъ Несториди мой милый, — началъ онъ убѣдительно и ласкательно (и, слушая его тихую рѣчь, смягчался и становился иногда задумчивъ нашъ грозный спартанецъ), — позвольте и мнѣ, простому и неученому старичку, вымолвить свое немудрое слово. Былъ я не дитя тогда, когда сподобилъ меня Божій промыслъ узрѣть этими своими глазами, которые вы видите, великое событіе, а именно вступленіе войскъ россійскихъ въ Адріанополь. Было мнѣ уже двадцать слишкомъ лѣтъ тогда, и я жилъ на чужбинѣ во Ѳракіи, и видѣлъ, и слышалъ тамъ плачъ и скрежетъ зубовъ. Видѣлъ я своими вотъ этими глазами, какъ трепеталъ тогда грекъ, какъ не смѣли женщины выйти на улицу безъ *фередже* и покрывала, и если *фередже* на христіанкѣ было зеленаго цвѣта, то разрывали на ней это зеленое фередже турецкія женщины въ клочки и били ее, чтобы не смѣла она носить священнаго мусульманскаго цвѣта. Не осмѣливались тогда женщины наши выходить и за городъ на прогулку. Видѣлъ я, какъ въ двадцать первомъ году влекли на убой адріанопольскихъ архонтовъ, милый мой господинъ Несториди! Слышалъ я вопли женъ и дѣтей ихъ невинныхъ; видѣлъ, какъ янычары повергли стариковъ за волосы ницъ предъ дверьми собственныхъ ихъ жилищъ и отсѣкали головы христіанскія ятаганами.

И не было, скажу я вамъ, у христіанъ тогда ни друзей, ни заступниковъ. Жили и торговали тогда въ Адріанополѣ нѣкоторые богатые франки (ихъ много и теперь); но и они не любили и не жалѣли насъ, и когда привлекаемыя воплями христіанъ жены и дѣти этихъ франковъ бѣжали къ окнамъ со страхомъ, отцы-франки успокаивали ихъ, говоря съ равнодушіемъ: «Это ничего. Грековъ рѣжутъ!» И жены ихъ возвращались спокойно къ своимъ домашнимъ трудамъ, и дѣти франковъ предавались обычнымъ играмъ, господинъ Несториди! Тогда-то блаженной памяти императоръ Николай Всероссійскій рѣшился дви-

нуть войска свои на султана (продолжалъ старикъ, одушевляясь и вставая). — Да успокоитъ Господь Богъ въ жилищѣ присноблаженныхъ его высокую и могучую душу!.. Тогда!.. Слушайте!.. Смотрите, Адріанополь стоитъ сѣверною частью своей на высотахъ... За высотами этими широкая равнина, и течетъ извиваясь Тунджа, небольшая рѣка... Смотрите, и теперь все такъ же. Вотъ здѣсь, направо, большія деревья Эски-Сарая. Двѣ древнія башни у рѣки, стѣна высокая, а за ней старый дворецъ султановъ. А тутъ налѣво, подальше, большая казарма для солдатъ, давнишняя казарма, и за казармой этой поле и холмы. Никто не ждалъ русскихъ въ нашей сторонѣ. Турки не спѣшили укрѣплять городъ, и войска въ казармахъ было мало. Подъ Шумлой, всѣ знали, стоялъ корпусъ турецкій въ 60.000 человѣкъ; надо было одолѣть его, чтобъ итти дальше. Иначе судилъ Божій промыслъ. Не спѣшили турки; однако велѣлъ паша весь народъ сгонять за городъ, чтобы копать окопы. Себѣ приказалъ поставить шатеръ поблизости и пріѣзжалъ глядѣть на работу. По его приказанію пріѣзжалъ и митрополитъ благословлять христіанъ и возбуждать ихъ усердіе. Работали христіане усердно отъ страха... Вотъ, однажды, — друзья мои, слушайте... однажды утромъ рано, день былъ свѣтлый, вышли мы къ Эски-Сараю; вышелъ и я. Стоялъ около меня съ лопатой одинъ старикъ-христіанинъ и смотрѣлъ долго вдаль. «Гляди!», — сказалъ онъ имъ. — Я взглянулъ налѣво... О, Боже мой! Черная пыль поднималась вдали за Тунджей. Больше все, больше. Смотрю, уже и сверкнуло тамъ и сямъ что-то на солнцѣ... Старикъ поблѣднѣлъ; задрожалъ и я... Хочу сказать слово ему, и руки дрожатъ, и ноги слабѣютъ, и голоса нѣтъ у меня, несчастнаго! Старикъ положилъ лопату и сказалъ мнѣ: «Пойдемъ къ деспоту». «Деспотъ мой! — говоритъ онъ митрополиту, — клянусь тебѣ хлѣбомъ моимъ и душой моей матери, что пришли къ намъ русскіе...» Какъ огонь сталъ митрополитъ нашъ, спѣшитъ къ шатру паши и говоритъ ему: «Паша, господинъ мой! Позволь мнѣ потревожить тебя... Всѣ мы въ опасности

нынче, райя султанскіе, отъ злыхъ москововъ; что за войско, паша господинъ, идетъ сюда съ сѣверной стороны?» Вышелъ паша изъ шатра своего... Глядитъ... Что глядѣть... Уже казаки съ пиками ѣдутъ, красуясь, по холмамъ и дорогѣ... А пыль черная все гуще и ближе... И вотъ раздались крики, и безоружные солдаты турецкіе въ испугѣ стали выбѣгать изъ воротъ и кидаться изъ оконъ казармы и спасаться въ городъ. Одинъ мигъ — и вся толпа наша огромная побѣжала туда же. Паша самъ скакалъ верхомъ, и слуги его, и офицеры въ ужасѣ, не разбирая, попирали народъ. Турки, христіане, евреи, старцы и дѣти, — всѣ бѣжали въ городъ вмѣстѣ. И я бѣжалъ. Да, Несториди, страшно было тогда и туркамъ и намъ... Намъ отчего? ты спросишь. А оттого намъ было страшно, что страхъ и трепетъ былъ намъ привыченъ, какъ хлѣбъ насущный, и не умѣли мы вѣрить тогда, что есть на свѣтѣ сила сильнѣе грозной и безжалостной силы нашихъ тирановъ. Вотъ отчего я и говорю: «Да помянетъ Господь Богъ въ жилищѣ присноблаженныхъ державную душу императора Николая!» Не видали вы, какъ видѣли мы, крови отцовской, не слыхали вы воплей родительскихъ, не знаете вы теперь, вы, которые смолоду жили въ Аѳинахъ, настоящаго страха турецкаго, господинъ Несториди, и не пустила въ гордыя сердца ваши благодарность глубокіе корни.

И садился старикъ, отдыхалъ немного. И Несториди молчалъ, слушалъ добраго старика. И не мѣшалъ ему отдыхать.

Потомъ старикъ Стиловъ начиналъ опять свой разсказъ, и по мѣрѣ того, какъ изображалъ онъ торжество русскихъ, свѣтлѣло лицо его, и рѣчь его становилась все веселѣе и теплѣе.

— И вотъ, эффенди мой, вступили русскія войска. Внутри города и до сей поры цѣлы безполезныя нынѣ и старыя стѣны крѣпости; и теперь этотъ центръ зовется «Кастро», и живутъ въ немъ христіане и евреи. Улицы тамъ узки и дома высоки. По этимъ улицамъ, по двое въ

рядъ, стояла кавалерія до самой митрополіи. Уланы на рыжихъ коняхъ. Архистратигъ императорскій, графъ Дибичъ-Забалканскій, хотя и былъ протестантъ (какъ съ сокрушеніемъ сердца и съ удивленіемъ не малымъ узнали мы всѣ позднѣе), однако присутствовалъ самъ, во множествѣ царскихъ крестовъ и всякихъ отличій, на торжественномъ богослуженіи въ митрополіи нашей и сонзволилъ исполнить всѣ приличія и обряды, свойственные православію: цѣловалъ онъ руку деспота нашего и прикладывался ко святымъ иконамъ. И это ему сдѣлало у насъ въ народѣ великую честь. Дивились люди наши только его безобразію и неважному виду. Митрополитъ нашъ былъ внѣ себя отъ восторга, и когда мы къ нему наканунѣ пришли и сказалъ ему одинъ изъ архонтовъ: «Добрый день, святой отче!» — «Что ты! — воскликнулъ епископъ. — Что ты? Такъ ли ты знаменуешь великую зарю нашей свободы!.. Христосъ воскресе! скажи... Христосъ воскресе!» и со слезами поднялъ онъ руки къ небу, повторяя: «Христосъ воскресе!» И мы всѣ ему вторили: «Воистину, воистину воскресе, отче святый, хорошо ты сказалъ! Воистину Господь нашъ воскресе! И православію нынѣ праздникъ изъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ!»

Долго стояли у насъ русскіе. Христіане всѣ ободрились. Женщины стали выходить смѣлѣе на улицу; люди наши начали ходить туда, куда и въ помыслахъ прежде хаживать не осмѣливались. Около предмѣстья *Ени-Маретъ* не смѣли, бывало, проходить христіане; турки ихъ крѣпко бивали за это. Почему? И самъ я не знаю. Стали при Дибичѣ и туда дерзать. Иные грозили местью туркамъ. Глядѣть глазами иначе начали, руками стали больше махать. Я и самъ сталъ, по молодости моей тогдашней, ощущать иныя чувства въ сердцѣ моемъ и проходилъ мимо турецкихъ домовъ, по моему неразумію дѣтскому, съ такою дерзновенною гордостью, какъ будто бы я самъ перешелъ Балканскія горы и завоевалъ всю Ѳракію у султана. А послѣ, когда ушли благодѣтели наши, пересталъ и я тотчасъ же руками махать и сложилъ ихъ почтительно подъ

сердцемъ, и полы опять сталъ смиренно запахивать, и очи опустилъ поприличнѣе до́лу... Да, недолго продолжался нашъ первый пиръ. Началъ Дибичъ съ того, что успокоилъ всячески испуганныхъ турокъ, приставилъ стражу къ мечетямъ, дабы никто изъ насъ или изъ русскихъ не смѣлъ тревожить турокъ въ богослуженіи и въ святынѣ ихъ; повелѣлъ всѣмъ намъ объявить, что всякое посягательство на мусульманъ, и месть наша всякая, и обида имъ будетъ наказана строго. И, посѣтивъ митрополита, онъ въ присутствіи старшинъ такъ объявилъ ему: «Государь императоръ мой не имѣетъ намѣренія ни удержать за собой эти страны, ни освобождать ихъ изъ-подъ власти султана. Цѣль наша была лишь дать понятіе туркамъ о могуществѣ нашемъ, принудить ихъ исполнять строже обѣщанное и облегчить вашу участь. Не враждуйте теперь съ турками, не озлобляйте ихъ противъ себя, вамъ съ ними опять жить придется; старайтесь, чтобъ у нихъ добрая память осталась за время моего присутствія о вашей умѣренности. Мы уйдемъ — это неизбѣжно, но будьте покойны! Отнынѣ участь ваша будетъ облегчена». Такъ говорилъ архистратигъ россійскій, и митрополитъ, и старшины слушали его въ ужасѣ и грусти за будущее. Однако, Дибичъ правду сказалъ: «отнынѣ участь ваша будетъ облегчена». Да, Несториди, съ тѣхъ поръ каждый турокъ оракійскій понялъ, что есть на свѣтѣ великая православная сила, и наше иго съ тѣхъ поръ стало все легче и легче.

Такіе разсказы старика Стилова я слушалъ съ восторгомъ. И зимой по длиннымъ вечерамъ еще охотнѣе, чѣмъ лѣтомъ въ тѣни родимаго платана.

Въ домѣ у насъ есть зимняя комната съ большимъ очагомъ. Это моя любимая комната, и я недавно велѣлъ обновить ее по-старому, такъ, какъ она была прежде. Она не очень велика; по обѣимъ сторонамъ очага стоятъ низкія, широкія, очень широкія двѣ софы во всю длину стѣны и покрыты онѣ тою яркою пурпуровою шерстяною и прочною тканью, которую ткутъ въ Болгаріи и Эпирѣ для диванов̀ъ нарочно. Стѣны этой комнаты простыя бѣлыя и

чистыя, пречистыя, какъ всегда въ нашемъ домѣ онѣ бываютъ; а противъ очага дула́пы *) въ стѣнѣ, и рѣшеточки, и полки по стѣнѣ узенькія во всю комнату кругомъ, и окна, и двери, все окрашено зелеными полосами и треугольниками, и еще такого цвѣта, какого бываютъ весенніе маленькіе цвѣтки, въ тѣни благоухающіе, по-турецки «зюмбюль».

Вотъ въ этой комнатѣ была у насъ какъ будто бы сама Россія! Лампада въ углу теплилась предъ золотыми и прекрасными русскими иконами; была одна изъ этихъ иконъ Божія Матерь Иверская, дивный, божественный ликъ! Новой живописи московской, но по древнимъ образцамъ; ликъ, исполненный особой кротости и необычайно красивый; за золотымъ вѣнцомъ ея былъ укрѣпленъ другой вѣнецъ изъ яркихъ розъ самой восхитительной работы, какая-то особая пушистая зелень, какъ бархатъ нѣжная, и на цвѣтахъ сіяли капли искусственной росы. Теперь вѣнокъ этотъ снятъ отъ ветхости, но мнѣ было непріятно знать, что Божія Матерь наша безъ него, и я послалъ недавно отсюда новый вѣнокъ такой же на Ея святое чело.

На бѣлыхъ стѣнахъ этой комнаты висѣли картины. Портретъ государя Николая I и его нынѣ столь славно царствующаго сына. Оба, ты знаешь, что за молодцы на видъ и что за красавцы!

На картинкахъ другихъ ты видишь коронацію Александра II въ Москвѣ, его шествіе съ царицей въ митрополію Кремля съ державой и скипетромъ, видишь побѣду при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ и взятіе турецкаго лагеря еще при князѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ. Турки одѣты тогда были иначе: въ высокихъ и узкихъ шапкахъ убѣгаетъ ихъ кавалерія стремглавъ, напирая другъ на друга сквозь тѣснину, а русскіе съ обнаженными саблями мчатся на нихъ. Посреди картины молодой казакъ хватаетъ за грудь рукой самого пашу, у котораго на красивомъ мужественномъ лицѣ

*) Шкапы въ стѣнахъ; когда они хорошо расписаны или покрыты искусною рѣзьбой, то они очень украшаютъ комнату.

изображена прекрасно смѣсь испуга и рѣшимости. Онъ думаетъ еще защищаться, старый янычаръ не хочетъ отдаться легко; онъ спѣшитъ выхватить пистолетъ изъ-за пояса. Но... ты уже понимаешь, что это тщетно! Онъ плѣнникъ, и его отвезутъ на смиренное поклоненіе Царю въ Петербургъ.

Не была забыта у насъ и Эллада! О, не думай ты этого. Въ нашемъ домѣ увѣнчаны были цвѣтами любви нашей обѣ дщери эти великой православной матери нашей, церкви восточной, и старая дщерь, полная сѣверной мощи, и юная наша Грецiя, которая любуется на себя въ голубыя волны южныхъ морей и цвѣтетъ, разнообразно красуясь на тысячѣ зеленыхъ острововъ, надъ мирными и веселыми заливами, на крутизнахъ суровыхъ и безплодныхъ вершинъ.

Въ нашемъ домѣ, въ сердцахъ нашихъ, не раздѣляясь враждебно, цвѣли тогда любовью нашей эти прекрасныя обѣ вѣтви.

Побѣды блестящаго князя Паскевича не затмевали подвиговъ нашего великаго и простого моряка Канáриса, и царь Николай взиралъ, казалось мнѣ, съ сожалѣніемъ и благосклонностью, какъ на другой стѣнѣ умиралъ у насъ Марко Боцарисъ въ арнаутской одеждѣ, склонясь на руки своей вѣрной дружины.

Вотъ въ этой родительской и старой комнатѣ, въ ней самой и отецъ мой лежалъ больной когда-то и полюбилъ впервые мою мать. Зимой, темнымъ вечеромъ, когда вѣтеръ шумѣлъ въ долинѣ, или падалъ снѣгъ въ горахъ, или лился скучный дождь, мы зажигали привѣтный и широкій очагъ нашъ, и отцовскіе друзья приходили одни или съ женами и вели у очага долгую бесѣду. Мать моя и старая Евгѐнко пряли и вязали чулки и молча слушали мужчинъ.

Слушалъ и я старика Стилова съ восторгомъ, и раннюю жизнь сердца, мой добрый аѳинскій другъ, повѣрь мнѣ, не замѣнитъ ничто, и никакой силѣ лживаго разума не вырвать съ корнемъ того, что посѣяно было рано на нѣжную душу отрока.

VI.

Я увѣряю тебя, что и Эллада не могла быть забыта у насъ.

Забыть Элладу! Возможно ли было забыть ее, когда на насъ такъ грозно и умно глядѣлъ изъ-подъ густыхъ бровей нашъ патріотъ Несториди?

Какъ я боялся сначала и какъ послѣ любилъ и почиталъ этого человѣка!

И онъ съ каждымъ годомъ, съ каждымъ шагомъ моимъ на пути первыхъ познаній становился все благосклоннѣе и благосклоннѣе ко мнѣ, отдавая справедливость моимъ способностямъ и прилежанію.

Позднѣе еще, когда въ Янинѣ у меня открылся небольшой поэтическій даръ, Несториди первый ободрилъ меня и не разъ тогда проводилъ онъ со мною цѣлые часы въ дружеской бесѣдѣ, прочитывалъ мнѣ отрывки изъ древнихъ поэтовъ и объяснялъ мнѣ все неисчерпаемое богатство нашего царственнаго языка, который пережилъ такое дивное разнообразіе событій, подчинялся столькимъ чуждымъ вліяніямъ и возносился всякій разъ надъ всѣми этими вліяніями, овладѣвая вполнѣ духомъ вѣка и присвоивая его себѣ.

Несториди былъ нашъ загорецъ изъ небогатой семьи; отецъ его, почти столѣтній старецъ, и теперь еще живетъ, бродя кой-какъ съ палочкой и грѣясь на солнцѣ въ дальнемъ селеніи Врадетто, которое стоитъ на неприступныхъ каменныхъ высотахъ, у береговъ горнаго, холоднаго и безрыбнаго озера.

Несториди въ дѣтствѣ пасъ овецъ и часто спалъ, завернувшись въ бурку, подъ открытымъ небомъ. Потомъ отецъ взялъ его домой и обучилъ немного грамотѣ. Проѣзжалъ тогда черезъ Врадетто одинъ богачъ загорецъ изъ Молдо-Валахіи. Остановился отдохнуть и вышелъ подъ вечеръ прогуляться съ друзьями. На небольшой полянкѣ онъ

увидѣлъ толпу играющихъ дѣтей. Играли они въ игру, которая зовется у насъ *клуцò-скуфица* *).

Дѣти становятся въ кругъ; одинъ снимаетъ съ себя бумажный или валеный колпачокъ или феску, и всѣ на лету должны успѣть ударить ее ногой такъ, чтобъ она дальше и дальше летѣла.

Богатый загорецъ сѣлъ на траву и любовался. Онъ лѣтъ двадцать уже не былъ на родинѣ и не могъ вдоволь насытиться радостью, глядя на веселье и крики загорскихъ дѣтей.

Сынъ старика Нестора превосходилъ всѣхъ другихъ мальчиковъ красотой, энергіей и ловкостью. Смуглый, курчавый, румяный и стройный, въ бѣдной куцо-влашской одеждѣ, въ синихъ шальварчикахъ, въ бѣломъ валеномъ колпачкѣ, этотъ мальчикъ прыгалъ какъ олень молодой, глаза его сіяли; онъ ни разу не промахнулся, и быстрыя движенія его были такъ сильны, что иные товарищи его падали на землю, когда онъ и нечаянно отталкивалъ ихъ.

— Какой паликаръ и что за бравый мошенникъ! — говорилъ про него купецъ.

Священникъ сказалъ, что онъ къ наукѣ способенъ.

Потомъ, когда проѣзжій спросилъ у дѣтей, кому изъ нихъ дать въ подарокъ деньги для всѣхъ и кто изъ нихъ раздѣлитъ эти деньги честнѣе, дѣти всѣ въ одинъ голосъ избрали маленькаго Несториди.

Тогда купецъ сказалъ: «Онъ и паликаръ, онъ и мошенникъ, онъ же и честный! Человѣкомъ будетъ!» И предложилъ отцу отвезти его въ янинское училище и устроить его тамъ на общественный счетъ.

Отецъ съ радостью согласился, и Несториди уѣхалъ съ своимъ благодѣтелемъ сперва въ Янину, а потомъ въ Аѳины.

Тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ съ Дуная я подружился съ маленькими дочерьми учителя и очень любилъ бывать въ ихъ скромномъ и чистомъ жилищѣ. Оно и недалеко было отъ нашего дома.

---

*) Бросаю шапочку.

Жена его, кира-Марія, была еще молодая, кроткая, смирная, бѣлокурая, «голубая», какъ говорятъ иногда у насъ, но не слишкомъ красивая. Онъ очень ее любилъ, но принималъ съ ней почти всегда суровый видъ. Она знала, что онъ ее любитъ, и была покорна и почтительна. Въ семейномъ быту онъ былъ древній человѣкъ и не любилъ свободы. «Я деспотъ дома! Въ семьѣ я хочу быть гордымъ аристократомъ!» восклицалъ онъ нерѣдко и самъ.

Жена стояла передъ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не говорилъ ей: «Сядь, Марія!» Она ему служила, подавала сама гостямъ варенье и кофе; сама готовила кушанье, сама успѣвала домъ и дворикъ подмести.

И дочерей своихъ, и насъ, учениковъ, Несториди за шалости и лѣнь билъ крѣпко иногда и замѣчалъ при этомъ, что «палка изъ рая вышла. Но надо бить безъ гнѣва и обдуманно, ибо въ гнѣвѣ побои могутъ быть и несправедливы и ужасны».

Жена, впрочемъ, своими просьбами нерѣдко умѣла смягчать его. У нея было много сладкихъ и ласкательныхъ словъ.

— Учитель ты мой любезный! — говорила она ему, складывая предъ нимъ руки. — Очи ты мои, золотой мой учитель, *кузумъ-даскала!* барашекъ ты мой! Отпусти ты это дитя домой не бивши. Я, твоя жена, прошу тебя объ этомъ. Жалко мнѣ, прежалко видѣть эти дѣтскія слезы.

И онъ уступалъ ей.

Самъ Несториди одѣвался хотя и бѣдно, но по-европейски и носилъ шляпу, а не феску, потому что былъ греческій подданный, а не турецкій. Но женѣ не позволялъ мѣнять стариннаго платья, и она покрывалась всегда платочкомъ и носила сверхъ платья толстую нашу загорскую *абу* безъ рукавовъ.

Кира-Марія, бѣдная, не родила ему ни одного сына. Несториди жаловался на это и былъ правъ, потому что въ Эпирѣ безъ хорошаго приданаго очень трудно выдавать дочерей.

Мать моя однажды спросила у него:

— Здорова ли супруга ваша кира-Марія?

Несториди съ досадой отвѣтилъ:

— Что ей дѣлается! Собирается новую дѣвчонку родить!

— А можетъ быть и сына? — сказала мать.

— Куда ей сына родить!

Былъ тутъ и докторъ Стиловъ, старикъ, онъ ласково сказалъ Несториди:

— Это все оттого, что вы, господинъ Несториди, очень страстный *эросъ* къ молодой супругѣ питаете. Сила чувства на вашей сторонѣ, оттого женскій полъ и родится. Это и наукой замѣчено нашей.

Несториди покраснѣлъ и сказалъ сердито:

— Если это истинною наукой открыто, — иной разговоръ, а если *вашею* наукой загорскихъ врачей, которыхъ университетъ тутъ недалеко въ пещерѣ воздвигнутъ, такъ ужъ позволь мнѣ не вѣрить этому открытію *).

Добрый старичокъ Стиловъ замѣтилъ ему на это недурно, что и пещера не вредитъ.

— Въ пещерѣ любитъ пребывать сова, птица Аѳины, богини премудрой. Вотъ что, друже ты мой!

А мать моя тогда сказала учителю:

— За что вы, учитель, сердитесь? Развѣ стыдно *эросъ* имѣть къ законной супругѣ? Она же у васъ хоть и ростомъ маленькая, но весьма пріятная кирія и всякому человѣку понравиться можетъ.

— Великая пріятность! — возразилъ Несториди. — Нашли что хвалить! «Что стоитъ рачокъ морской и много ли въ немъ навару?» Забыли вы эту пословицу греческую? Вотъ что такое жена моя.

Стыдился Несториди такихъ разговоровъ искренно, но досадовалъ онъ больше притворно, ибо жену свою онъ точно, что отъ всего сердца любилъ. *Нѣжностей* только

---

*) Загоры, между прочимъ, славились прежде своими врачами-эмпириками. Они продолжаютъ и теперь лѣчить въ Турціи. Есть между ними, конечно, и способные люди, полезные своимъ опытомъ. Надъ загорскими докторами смѣются, утверждая, что они обучались въ большой пещерѣ, *въ Загорскомъ университетѣ*.

не *вмѣщала душа* его никакихъ, такъ онъ и самъ выражался.

Да! Въ семьѣ онъ былъ патріархальный властелинъ и «мужъ, какъ надо быть мужу: будь нравственъ, супругъ; будь самъ цѣломудренъ и къ женѣ справедливъ, но строгъ; жена сосудъ слабый». Но для государства онъ былъ демагогъ внѣ всякой мѣры и часто объяснялъ свои чувства такъ: «Не постигаетъ мой умъ и никогда не постигнетъ, почему кто-либо другой будетъ выше меня по правамъ. Умъ и сила воли — вотъ моя аристократія, вотъ мой царь, вотъ власть и права! Другихъ я не знаю!»

Несториди былъ очень ученъ для простого сельскаго учителя; зналъ превосходно древній эллинскій языкъ, недурно итальянскій, понималъ немного и французскій, но говорить на немъ не могъ.

Онъ издалъ не такъ давно въ Аоинахъ довольно большой трудъ, *Хронографію Эпира*, гдѣ старался быть сжатымъ и яснымъ, какъ нѣкоторые историки древности; собиралъ пословицы наши народныя и записывалъ сельскія пѣсни. Прочитывая громко эти пѣсни, онъ иногда бранилъ грековъ за то, что европейцы будто бы лучше ихъ умѣютъ цѣнить подобныя произведенія простонароднаго творчества, или, указывая тайкомъ на отца Евлампія, прибавлялъ при немъ съ намѣреніемъ: «Да! Нѣмцы, напримѣръ, потрудились много, а вотъ русскіе-то ничего этого, я думаю, и не знаютъ! Замерзли тамъ въ лѣсахъ и болотахъ и ничего о грекахъ не смыслятъ. Торгуютъ греки, хитрый народъ... А поэзія наша?.. Не спрашивай!»

Отецъ Евлампій зналъ, что онъ для него это говоритъ нарочно, и отвѣчаетъ бывало съ упрекомъ: «Неразумное я дитя тебѣ, что ты дразнить меня будешь?» Или съ досадой: «Ядъ ты опять источаешь свой?» Либо еще: «Нѣмцамъ дѣла лучшаго нѣтъ, какъ твои разбойничьи пѣсни сбирать, а русскимъ не до нихъ. У нихъ дѣло есть, какъ свое царство хранить, какъ Богу молиться, какъ мудрымъ правителямъ своимъ подчиняться!»

— Такъ, такъ, святый отче! — возражалъ учитель. — Я

давно ожидаю, когда это вы, попы и монахи, совсѣмъ насъ, грековъ, погубите.

Нестюриди умѣлъ очень искусно пробуждать въ ученикахъ своихъ патріотическія чувства и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы напомнить намъ, что мы эллины!

Когда ученикъ его смотрѣлъ на карту и отыскивалъ скромные предѣлы нынѣшней Эллады, онъ любилъ спрашивать: «Да! А не помнишь ли ты, до какихъ предѣловъ простиралась македонская власть, просвѣщенная эллинами, а потомъ Византія, просвѣщенная чистою вѣрой Христа?»

Рука ребенка уходила далеко до горъ Кавказа, къ истокамъ Нила, къ дикимъ дакійскимъ берегамъ.

Глаза другихъ дѣтей слѣдили за рукой товарища, и пріучалась постепенно вослѣдъ за взорами летать и мечта.

Когда мы предъ нимъ перечисляли народы, которые населяютъ Турецкую имперію, онъ не забывалъ и тогда напомнить намъ, *что такое греки.*

Онъ спрашивалъ у насъ: «какой изъ всѣхъ народовъ Турціи способнѣе и къ воинскимъ подвигамъ и къ наукѣ?» Мы спѣшили отвѣчать: «Христіане». И Несториди соглашался... «Да! Христіане... то-есть, ты хочешь сказать этимъ— греки. Греки, скажи, способнѣе всѣхъ».

Иначе сталъ говорить онъ намъ, когда мы выросли большіе.

Я помню, позднѣе, когда мы оба съ нимъ, — я ученикомъ, а Несториди наставникомъ, — жили вмѣстѣ въ Янинѣ, онъ обращался съ такою рѣчью:

— Несмотря на тяжкія условія, о коихъ распространяться здѣсь нѣтъ нужды, византійское просвѣщеніе продолжало, подобно живоносному источнику, струиться въ тѣни и питать корни новыхъ всходовъ. Болгары, молдаване, валахи, сербы, русскіе, обязаны всѣмъ духовнымъ существованіемъ своимъ однимъ лишь остаткамъ греческаго просвѣщенія, которое не могло стереть съ лица земли никакое жесточайшее иго. Два раза цвѣлъ эллинскій народъ, онъ далъ сперва міру безсмертные образцы философской мудро-

сти, искусствъ и поэзіи, и потомъ, оживленный духомъ ученія Христа, онъ благоустроилъ православную церковь, утвердилъ незыблемый догматъ христіанскій и оставилъ въ наслѣдство человѣчеству новые образцы краснорѣчія и возвышенныхъ чувствъ въ проповѣдяхъ святыхъ отцовъ и въ гимнахъ богослуженія, въ этихъ греческихъ гимнахъ, воспѣваемыхъ съ однимъ и тѣмъ же восторгомъ, съ одною и тою же вѣрой въ снѣгахъ сибирскихъ и въ знойныхъ пустыняхъ Сиріи и древняго Египта, въ роскошныхъ столицахъ, подобныхъ Аѳинамъ, Москвѣ, Вѣнѣ, Александріи, и въ самомъ бѣдномъ селѣ воинственной Черногоріи, въ дикихъ Балканскихъ горахъ и въ торговомъ Тріестѣ! Помните, что весь міръ, все человѣчество обязано грекамъ до скончанія вѣка почти всѣмъ, что у человѣчества есть лучшаго: вѣчными образцами воинской доблести Леонидовъ и Ѳемистоколовъ, философской мудростью Сократовъ и Платоновъ, образцами прекраснаго въ созданіяхъ Софокла и Фидія и, наконецъ, какъ я вамъ сказалъ уже, воздвиженіемъ твердыхъ, незыблемыхъ основъ святой церкви православной нашей, одинаково приспособленной къ понятіямъ и чувствамъ мудреца и простѣйшаго землепашца, царя и нищаго, младенца и старца. Вы меня слушаете теперь внимательно, — прибавлялъ онъ нерѣдко, — но я знаю, что вы еще не въ силахъ понять вполнѣ то, что я вамъ говорю... Придетъ время, когда все это будетъ вамъ гораздо яснѣе... Вы поймете, когда будете старше, почему мы, эллины новѣйшаго времени, вызванные въ третій разъ къ новой жизни трудами Кораиса, мученическою смертью патріарха Григорія, кровавыми подвигами столькихъ героевъ Акарнаніи, острововъ и нашего прекраснаго Эпира, почему мы въ правѣ надѣяться на будущее наше и на то, что мы третій разъ дадимъ вселенной эпоху цвѣта и развитія. Малочисленность племени нашего пусть не смущаетъ васъ. Римъ, объявшій постепенно весь міръ, начался съ небольшого разбойничьяго гнѣзда на берегахъ Тибра, съ городка, который, вѣроятно, былъ бѣднѣе и хуже нашего Франгадесъ; Россія имѣла, лѣтъ двѣсти, триста тому назадъ, не болѣе

шести или семи милліоновъ жителей, по мнѣнію нѣкоторыхъ германскихъ статистиковъ, и вы видите, чѣмъ стала теперь эта Россія, — Россія, которой народъ не могъ сравниться съ нашимъ по природнымъ способностямъ своимъ, по гордой потребности свободы, по энергіи и предпріимчивости.

Такъ говорилъ намъ Несториди, когда мы стали велики. Скажи мнѣ, могли ли мы при немъ забыть свободную Грецію? Теперь Несториди давно уже уѣхалъ изъ Эпира. Онъ ѣздилъ съ тѣхъ поръ два раза въ Германію. Онъ сталъ приверженцемъ Турціи; живетъ у береговъ Босфора, и прежняя подозрительность его противъ славянъ обратилась постепенно въ яростное ожесточеніе. «Схизму, схизму намъ! — восклицаетъ онъ, — чѣмъ дальше отъ славянъ, тѣмъ лучше. Не только потому, что этимъ отдаленіемъ мы пріобрѣтемъ довѣріе Германіи и Англіи и самихъ турокъ, которыхъ необходимо отнынѣ намъ хранить на Босфорѣ, какъ зѣницу ока, но еще и вотъ почему (тутъ онъ обыкновенно понижаетъ голосъ и добавленіе это сообщаетъ, конечно, не всякому)... вотъ почему... Православіе, сознайся, устарѣло немного въ формахъ своихъ, понимаешь? Духъ эллина, другъ мой, есть творческій духъ... Отдаляясь отъ славянъ, мы быть можетъ постепенно создадимъ иную, новую, неслыханную религію... И новая религія эта будетъ новою основой новому просвѣщенію, новой эпохѣ эллинскаго процвѣтанія. Понялъ теперь ты меня или нѣтъ? Постепенно и неслышно, незримо и постепенно создаются великія вещи!» Онъ угощаетъ теперь турецкихъ чиновниковъ и беевъ, изучаетъ арабскую литературу и Коранъ и увѣряетъ не только встрѣчныхъ ему и знакомыхъ эпирскихъ мусульманъ, которые, какъ ты знаешь, дѣйствительно одного племени съ нами, но и всѣхъ анатолійскихъ и румелійскихъ турокъ, что они эллины.

— Выпьемъ вмѣстѣ, мой бей, еще рюмку *ракй*, — говоритъ онъ имъ теперь. — Подайте намъ съ беемъ еще раки. Слушай, мой бей, ты не говори впередъ, что ты «турокъ», турокъ слово грубое и обидное даже. Не говори просто:

«я мусульманинъ», ты говори: «я *юнанъ* *), я эллинъ, но не христіанинъ эллинъ, а чтитель правовѣрнаго Ислама». Вотъ ты что. Гдѣ въ васъ осталась старая турецкая кровь? Со времени того, какъ вы къ намъ пришли, вы переродились; гаремы ваши были сначала полны гречанками, грузинками, черкешенками прекрасными. Таковы ли были ваши грубые предки, каковы вы теперь? У васъ теперь благородныя европейскія лица, у васъ теперь тонкій умъ и политическая мудрость. Это въ васъ течетъ кровь вашихъ матерей. Грузинки, черкешенки, ты скажешь, не гречанки. Но развѣ ты не знаешь, мой бей-эффенди, что Кавказъ былъ наполненъ колоніями грековъ и римлянъ? Развѣ ты не знаешь, что западные черкесы европейской породы, не знаешь, что въ древности нашъ грекъ Язонъ съ паликарами ѣздилъ въ Колхиду, то-есть, именно въ эту Грузію, за золотымъ руномъ. Выпьемъ еще за султана и за твое здоровье, бей-эффенди, мой милый. Да, ты сынъ Ислама, я поклонникъ Христа, это все равно... Государству нѣтъ дѣла до вѣры; пусть мы оба будемъ *юнаны* по роду и племени. Вамъ безъ нашихъ торговыхъ способностей и намъ безъ вашей, нынѣ столь умѣренной, но твердой власти, не устоять намъ отдѣльно противъ общихъ враговъ.

Турки хвалятъ его и смѣются радостно, слушая его новыя для нихъ рѣчи.

Вѣрятъ ли они ему или нѣтъ?

По мѣрѣ того, какъ я подрасталъ, я началъ меньше бояться Несториди и больше сталъ любить и уважать его.

Я видѣлъ, что и онъ любитъ меня больше всѣхъ другихъ учениковъ своихъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ хвалилъ меня въ глаза или какъ бы то ни было ласкалъ меня. Нѣтъ, не для ласковости былъ рожденъ этотъ человѣкъ; онъ смотрѣлъ и на меня почти всегда, какъ звѣрь, но я уже привыкъ къ его пріемамъ и зналъ, что онъ любитъ меня за мою понятливость.

Иногда, глядя на мою стыдливость и удивляясь моему

---

*) *Юнанъ* по-турецки — *эллинъ*.

тихому нраву, онъ говорилъ моей матери при мнѣ, съ презрѣніемъ оглядывая меня съ головы до ногъ:

— А ты что̀? Все еще спишь, несчастный?.. Проснись, любезный другъ! Мужчина долженъ быть ужасенъ! Или ты въ монахи собрался? Или ты дѣвушка ни въ чемъ неповинная?

А когда мать моя спрашивала его:

— Довольны ли вы, господинъ Несториди, нашимъ бѣднымъ Одиссеемъ? Хорошо ли идетъ дитя?

Несториди опять съ презрѣніемъ:

— Учится, несчастный, бьется, старается... Умъ имѣетъ, фантазіи даже не лишенъ, но... что̀ жъ толку изъ всего этого... Учитель какой-то, больше ничего! Въ учителя годится...

— Все вы шутите, — скажетъ мать, — вѣдь вы же сами учитель... Развѣ худо быть учителемъ?

— Честенъ ужъ очень и отъ этого глупъ, — съ сожалѣніемъ говорилъ Несториди. — Ты понимаешь ли, несчастный Одиссей, что мужчина долженъ быть деспотомъ, извергомъ ужаснымъ... надо быть больше мошенникомъ, Одиссей, больше паликаромъ быть! А ты что̀? дѣвица, дѣвочка... И выйдетъ изъ тебя учитель честный, въ родѣ меня... больше ничего. Развѣ не жалко?

— Когда бы мнѣ Богъ помогъ, даскалъ мой, — отвѣчалъ я ему тогда, — вполовину быть тѣмъ, что̀ вы есть, я бы счелъ себя счастливымъ!

— Браво, дитя мое! — восклицала мать. — Дай Богъ тебѣ жить. Умно отвѣчаешь!

— Лесть! — возражалъ съ презрѣніемъ Несториди. — Ты хочешь мнѣ этимъ доказать, что умѣешь и ты быть мошенникомъ?.. И то хорошо.

Но я видѣлъ, что онъ былъ утѣшенъ и радъ. Подъ видомъ презрѣнія и шутокъ Несториди долго скрывалъ свою мысль — дѣйствительно приготовить меня на свое мѣсто учителемъ въ наше село Франга́десъ. Онъ надѣялся скоро получить мѣсто при янинской гимназіи. Его *Хронографія Эпира*, *Сборникъ эпирскихъ пословицъ* и статьи *о Валаш-*

скомъ племени въ Эпирѣ и Македоніи, гдѣ онъ доказывалъ, что это многочисленное, энергическое и даровитое племя полукочующихъ пастырей должно войти неизбѣжно въ теченіе эллинскихъ водъ, — всѣ эти труды его обратили на себя вниманіе ученыхъ людей въ Аѳинахъ и Константинополѣ, и оставаться ему вѣчно сельскимъ учителемъ въ Загорахъ было невозможно.

Ожидая своего отъѣзда изъ родного села, которое онъ всею душой любилъ, Несториди мечталъ передать школу въ добрыя руки. Видѣлъ мой тихій и серьезный характеръ и думалъ, что и въ 17—18 лѣтъ уже буду годенъ въ наставники, что въ помощь мнѣ можно будетъ взять другого учителя и, наконецъ, что священникъ нашъ Евлампій будетъ имѣть сверхъ того присмотръ за школой.

Онъ часто говорилъ, что меня надо отправить въ янинскую гимназію года на три. А потомъ, съ Божьею помощью, возвратить меня въ Загоры и дать мнѣ дѣло, сообразное съ моими наклонностями.

— Во всякомъ случаѣ, — утверждалъ Несториди, — не слѣдовало бы Одиссея слишкомъ рано въ торговыя дѣла вмѣшивать. Торговля, конечно, душа и кровь народной жизни въ наше время; но съ одною торговлей не могутъ преуспѣвать и двигаться впередъ національныя силы. Торговля и одна торговля неблагопріятна для развитія высшихъ умственныхъ способностей.

Онъ продолжалъ попрежнему шутить надо мной:

— Совсѣмъ не мошенникъ этотъ юноша, — говорилъ онъ моей матери. — Что онъ за купецъ? Купецъ долженъ быть умный, хитрый, интриганъ, чтобы головы не терялъ, чтобъ и совѣсти не было... Вотъ этотъ купецъ! А онъ дуракъ у васъ, очень добръ и честенъ. Ему въ учителя бы хорошо. Вотъ какъ я. Что ты открылъ огромные глаза на меня и смотришь?.. Э, здравствуй, братъ! Чего не видалъ? Видите, какой онъ у васъ тяжелый и толстоголовый. Болгарская, а не эллинская голова, я вамъ скажу. Глядя на тебя, неловѣче мой, даже противъ воли панславистомъ станешь;

скажешь: и правда, что въ Загорахъ течетъ не эллинская наша кровь! Вотъ и горе намъ чрезъ тебя...

Шутками и шутками, понемногу пріучалъ онъ мать къ той мысли, чтобы меня учителемъ оставить въ Загорахъ, хотя бы не навсегда, а на нѣсколько лѣтъ.

Матери эта мысль стала нравиться; она со слезами вспоминала о томъ, что ей придется со мной разстаться, и примѣръ столькихъ другихъ эпирскихъ матерей, которыя разстаются точно такъ же съ сыновьями, мало утѣшалъ ее.

— Онъ у меня единородный, — говорила мать. — У другихъ много дѣтей.

Старушка Евгѐнко спорила съ ней; она была крѣпче ли сердцемъ, на горе ли позабывчивѣе — не знаю.

— Такъ написано загорцамъ, Эленкѐ, — говорила она матери. — Такъ имъ написано, черными и несчастными. У Бога такъ написано. У меня сынъ мой, первый твой мужъ, не былъ тоже единороденъ, глупая ты! Э, умеръ! Господи, спаси его душу. А Богъ тебя мнѣ послалъ, чтобы за мной смотрѣла.

— Велико утѣшенье! — отвѣчала моя мать. — Велико мое смотрѣнье за тобой... Ты за мной смотришь, а не я за тобой. Мое смотрѣнье — на диванѣ сидѣть да чулки вязать, а ты сама виноградники роешь. Такого для себя утѣшенья, какое я для тебя — подъ старость не желаю. Мы до сихъ поръ все еще твой хлѣбъ ѣдимъ, а не ты нашъ...

И старуха бѣдная рада, смѣется, такъ и умираетъ отъ смѣха, руками по колѣнамъ себя ударяетъ. Какая-де эта Эленкѐ наша — шутница, забавница, діавольскаго ума женщина! Все найдетъ, все какъ слѣдуетъ, всякую рѣчь и всякое слово!

Впрочемъ бабушка наша веселая на все была согласна.

— Э! Одиссей, и такъ хорошо. Оставайся, дитятко, съ нами... Будешь учителемъ. Малымъ всѣмъ дѣточкамъ нашимъ станешь Божіи вещи объяснять... Такъ сдѣлалъ Богъ, такъ сдѣлалъ Богъ... И женимъ потомъ мы тебя въ этомъ ли селѣ или изъ Чепелова какую-нибудь «гвоздичку душистую», «лампадку раскрашенную и расписанную» поса-

димъ на мула съ музыкою громкой... *дзинь! бумъ, бумъ!* барабанъ!.. привеземъ сюда, чтобы благоухала въ домѣ и свѣтила намъ... Дулама шелковую на свадьбу надѣнешь, шубу на лисьемъ мѣху, платочекъ съ расшитыми концами за поясъ персидскій заткнешь. Феску назадъ... Ахъ! ты буря и погибель моя!

— Браво, браво! — говорилъ Несториди. — Такъ, такъ, это все хорошо! Гименей, дня на три торжество и веселье; а послѣ иго, яремъ вмѣстѣ надо покорно и свято нести... *О сизигосъ* — значитъ супругъ, несущій вмѣстѣ *ярмо*. *И сизигосъ* — значитъ супруга, *та*, которая несетъ вмѣстѣ съ нимъ *ярмо*. Пашите вмѣстѣ, друзья мои тяжкую пашню жизни земной... Увы!.. такъ оно, Одиссей, однако все же гораздо легче оставаться здѣсь, чѣмъ ѣхать далеко и претерпѣвать недостатки и неудачи по ханамъ холоднымъ, странамъ далекимъ и нерѣдко варварскимъ... Ты же тихъ и кротокъ, какъ агнецъ, и хотя я и шучу, что ты глупъ, ты, напротивъ того, очень способенъ, но не знаешь ты, мальчикъ ты мой, что такое чужбина!..

И когда начиналъ вдругъ говорить этотъ суровый и жесткій человѣкъ такъ снисходительно, дружески и мягко, не могу я тебѣ выразить, до чего услаждалось мое сердце и чего бы я не готовъ былъ для него сдѣлать тогда.

Но мать моя справедливо отвѣчала ему: «Прежде всего посмотримъ, что скажетъ мой мужъ. Онъ глава дома, и мы ожидаемъ теперь его возвращенія. Не нашему уму, деревенскихъ и неученыхъ женщинъ, судить о такихъ дѣлахъ!»

— Пусть будетъ такъ, — соглашался учитель.

Отца моего точно мы ждали каждый день... Два слишкомъ года прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ онъ привезъ меня съ матерью въ Загоры и возвратился на Дунай. Онъ писалъ намъ, что на счастье его въ Тульчу пріѣхалъ недавно изъ Аѳинъ двоюродный братъ моей матери, человѣкъ очень богатый и съ вліяніемъ. Онъ купилъ себѣ домъ и открылъ на Нижнемъ Дунаѣ обширную торговлю хлѣбомъ, и думаетъ завести большую паровую мельницу на

берегу рѣки. Быть можетъ, отецъ упроситъ его стать поручителемъ по дѣлу Петраки-бея и Хахамопула и тогда сейчасъ же пріѣдетъ самъ въ Загоры. Онъ писалъ еще намъ печальную вѣсть о томъ, что глаза его очень слабѣютъ.

VII.

Наконецъ дождались мы отца. Пріѣхалъ онъ подъ вечеръ. Какъ мы были рады, что̀ говорить! Онъ поцѣловалъ руку у кокóны-Евгѐнко, а мы всѣ, и мать, и я, и Константинъ-старикъ, у него цѣловали руку.

Матери отъ радости дурно сдѣлалось. Она сѣла на диванъ и держалась за грудь, повторяя со вздохами: «ахъ, сердце мое! ахъ, сердце мое!» Отецъ тоже вздыхалъ и улыбался и ей, и мнѣ, и всѣмъ... и словъ не находилъ. Такая была радость! Такой праздникъ! Боже! Кинулись мы потомъ всѣ служить ему. Кто очагъ затапливалъ, кто кофе варитъ у очага садился, кто рукомойникъ несъ руки ему мыть, двое разомъ на одну ногу его бросались, чтобы сапоги ему снять. Сосѣдъ за сосѣдомъ въ комнату собрались, отецъ Евлампій, Стиловъ старикъ, жена его, дочери, сыновья, Несториди съ женой, все село, кажется, сбѣжалось... Двое цыганъ пришли, и тѣ сѣли на полу у дверей... И тѣмъ отецъ жалъ руки, и тѣхъ благодарилъ.

Всѣ его любили, потому что онъ не искалъ никого обидѣть и былъ очень справедливый человѣкъ.

Когда отецъ покушалъ и отдохнулъ, онъ разсказалъ намъ подробно, что̀ случилось. Незадолго до отъѣзда его изъ Тульчи греческій консулъ уѣхалъ на два мѣсяца въ отпускъ въ Элладу и передалъ управленіе своего консульства англійскому консулу г. Вальтеру Гею. Вальтеръ Гей этотъ родомъ изъ Сиріи (его мать была, кажется, православная изъ арабской семьи); человѣкъ онъ отчаянный и капризный, хоть и бѣденъ и семьей обремененъ большою, но всегда грубитъ всѣмъ и даже вовсе не въ духѣ своего

правительства пишетъ и дѣйствуетъ. Ему велятъ турокъ хвалить, а онъ ихъ порицаетъ и критикуетъ во всемъ. Ему велятъ быть осторожнѣе, а онъ, что ни шагъ, то опрометчивость, ссора, дерзость... Маленькій, желтый, сердитый. «Я самъ варваръ!» кричитъ онъ всегда. «Всѣ мы, европейцы, хуже азіатцевъ варвары! Оттого у насъ и законы хороши и строги на Западѣ, что изверга и разбойника хуже западнаго человѣка нѣтъ. Дай намъ волю, дай намъ волю только, и мы сейчасъ китайца за косу, негра повѣсимъ, пытки неслыханныя выдумаемъ, турку дышать не дадимъ, къ Пирею эскадру приведемъ изъ-за жида Пачифико. Варвары, изверги мы всѣ, европейцы, и хуже всѣхъ англо-саксонское свирѣпое племя... Дома мы смирны отъ страха закона... А здѣсь посмотри на насъ, кого мы только не бьемъ... За что? За то, что насъ здѣсь не бьютъ». Однажды случилось, что австрійскій драгоманъ, сидя у него, замѣтилъ ему на это: «Невозможно, однако, согласиться безусловно съ этимъ». «Нѣтъ», говоритъ г. Вальтеръ Гей, «соглашайся безусловно!» «Не могу», говоритъ драгоманъ австрійскій. «Ну такъ пошелъ вонъ изъ моего дома! Развѣ за тѣмъ я тебя приглашаю въ домъ мой, чтобы ты противорѣчилъ мнѣ и безпокоилъ меня этимъ! Вонъ! Кавасы! выбросьте этого дурака за ворота!»

Австрійскій консулъ писалъ, писалъ по этому дѣлу множество нотъ и донесеній самому Вальтеру Гею и въ Вѣну; а лорду Бульверу, который самъ капризенъ былъ, нравились, видно, капризы г. Гея, и ничего ему не сдѣлали.

Вотъ какъ разъ около того времени, какъ г. Вальтеръ Гей принялъ въ свои руки греческое консульство, Петраки-бей поссорился съ отцомъ за церковный вопросъ и сталъ хлопотать въ Портѣ, чтобъ отца моего въ тюрьму посадили. Пока самъ паша былъ тутъ, дѣло не подвигалось, потому что паша былъ человѣкъ опытный и осторожный. Г. Вальтеръ Гей между тѣмъ далъ моему отцу комнату у себя въ консульствѣ и говорилъ ему:

— Здѣсь тебя никто не возьметъ, берегись только на

улицу днемъ выходить. Самъ знаешь, что твой греческій паспортъ неправильный и турки его знать не хотятъ. Да и правы турки, потому что министры ваши эллинскіе за двадцать франковъ взятки сатану самого гражданиномъ признаютъ. Хорошо королевство! Это все Каннингъ нашъ безпутный и сумасшедшій лордъ Байронъ, котораго надобно было бы на цѣпь посадить, надѣлали! А я ужъ усталъ отъ ссоръ и больше ни съ кѣмъ никогда вздорить не буду! И ты на меня и на помощь мою не надѣйся, издыхай здѣсь въ комнатѣ, какъ знаешь самъ, пока твой консулъ вернется. Тамъ ужъ они съ пашой хоть въ клочки изорви другъ друга, такъ мнѣ ужъ все равно. Я старъ и боленъ и умирать скоро надо мнѣ; какое мнѣ до васъ всѣхъ дѣло!

Такъ говорилъ отцу г. Вальтеръ Гей, и отецъ около мѣсяца не выходилъ изъ англійскаго вице-консульства.

Наконецъ сталъ тосковать и началъ выходить по вечерамъ.

— Берегись! — говорилъ ему Вальтеръ Гей; — не буду я заступаться.

Замѣтилъ Петраки-бей, что отецъ ходитъ къ родпымъ и друзьямъ иногда темнымъ вечеромъ. Поставили турки въ угоду Петраки человѣкъ пять-шесть заптіе изъ самыхъ лихихъ арнаутовъ поблизости англійскаго вице-консульства. Только что сѣло солнце, вышелъ отецъ тихонько и идетъ около стѣнки. «Айда!» и схватили его арнауты и повлекли въ конакъ. Однако отецъ успѣлъ закричать кавассу англійскому:

«Османъ! *море!* Османъ! схватили меня!» Османъ услыхалъ, мигомъ къ консулу. А Вальтеръ Гей въ халатѣ и туфляхъ... Ни шляпы не надо, ни сапогъ... въ туфляхъ, въ халатѣ, съ толстою палкой въ рукѣ; кавассъ за нимъ едва поспѣваетъ. Ужъ они на площади, на базарѣ, при всемъ народѣ, одного заптіе — разъ! другого — два! у третьяго ружье со штыкомъ изъ рукъ вонъ. Тѣ не знаютъ, что дѣлать! Какъ на консула руку поднять. «Консулъ!» одно слово. Опустили бѣдные турки голову, а Вальтеръ Гей взялъ отца подъ руку и кричитъ:

— А, варвары! годдемъ! варвары!.. Нѣтъ, врете, я хуже васъ варваръ! Я, варваръ, я!..—И увелъ отца домой. А на другой день пошелъ въ конакъ, засталъ тамъ только того чиновника, который вмѣсто паши векилемъ *) былъ потому, что паша уѣхалъ въ Галацъ по дѣлу, и говоритъ ему:

— А, это ты, ты... посягаешь на чужихъ подданныхъ... Васъ просвѣщать хотятъ, а вы анархію варварскую сами заводите. Такъ вотъ я вамъ еще хуже анархіи заведу...

— Pardon, мусье консулосъ, pardon! — говоритъ ему несчастный векиль: — Кофе, эфенди мой, чубукъ одинъ, садитесь, садитесь, господинъ консулъ.

— Не сяду! не сяду! Сяду я дома и лорду Бульверу самому напишу сейчасъ, какъ ты, именно ты меня оскорбилъ и что я даже здѣсь больше служить не могу.

— Сядьте, успокойтесь, господинъ консулъ. Англія—великая держава.

— Нѣтъ, не великая, когда даже ты можешь ее оскорбить.

— Сядьте, умоляю васъ. *Бре* **), кофе! *бре*, чубукъ... Нѣтъ! Чего же вы желаете? все будетъ по-вашему.

— Сяду я, — говоритъ г. Вальтеръ Гей, — съ тѣмъ, чтобы писарь сейчасъ написалъ *тескере* на проѣздъ Полихроніадесу на родину.

— Какъ турецкому подданому, эффенди мой, извольте...

— Нѣтъ, — говоритъ Вальтеръ Гей.

— Аманъ! аманъ! Что же съ моею головой будетъ, господинъ консулъ! Что съ нею будетъ, если я пропишу на паспортѣ его эллинскимъ подданнымъ, когда мое государство его таковымъ не признаетъ, и вы сами знаете, что онъ райя.

— Да, райя; а ты не пиши и не юнанъ тебааси, и не Османли тебааси, а просто эпирскій уроженецъ и торговецъ города Тульчи.

— Извольте, извольте, но что скажутъ его противники?

---

*) *Векиль* — исправляющій должность временно.

**) *Бре* — обыкновенно въ Турціи междометіе; то же, что и *морѐ*, но грубѣе.

Что закричитъ Петраки-бей послѣ этого? Эффенди мой, эти люди очень сильны у насъ! очень сильны!

— Такъ это у васъ девлетъ? Такъ это у васъ держава, чтобы посильщика, хамала, Стояновича этого, чтобы болгарскаго мужика Петраки-бея, предателя и вора, трепетать!.. Прочь чубуки! Прочь кофе!

— Пишемъ, пишемъ, какъ вы говорите, эффенди мой! Дружба — великое дѣло!

— Великое! великое! — говоритъ Вальтеръ Гей.

И кончилъ онъ такъ дѣло и отправилъ отца на родину, а Петраки-бею отъ себя велѣлъ сказать, чтобъ онъ ему на улицѣ не встрѣчался бы долго, долго, потому что онъ человѣкъ больной и легко раздражается.

Передъ отъѣздомъ своимъ отецъ, однако, чтобы сердце его было въ Загорахъ покойнѣе, упросилъ г. Діамантидиса (того двоюроднаго брата моей матери, который изъ Аѳинъ пріѣхалъ и въ Тульчѣ мельницу собирался строить) остаться за него поручителемъ передъ турецкимъ начальствомъ по дѣлу Стояновича. Не хотѣлось ему также при этомъ и туркъ оскорблять такимъ видомъ, что онъ ихъ знать не хочетъ и не боится и всю надежду возлагаетъ лишь на г. Вальтера Гея.

Векиль самъ ему много жаловался на англійскаго консула и спрашивалъ:

— Безумный онъ человѣкъ должно быть и очень грубый? Политики никакой не знаетъ, кажется?

Отецъ смѣясь сознавался намъ, что онъ векилю польстилъ и о своемъ спасителѣ отозвался безъ особыхъ похвалъ:

— Больной человѣкъ, — сказалъ онъ и благодарилъ векиля.

Затрудненіе процесса нашего состояло въ томъ, что признать отецъ этого долга небывалаго не могъ. А тиджаретъ два раза уже возобновлялъ дѣло это и оба раза находилъ средства рѣшать его въ пользу Петраки-бея Стояновича. Въ Константинополѣ Стояновичъ тоже былъ силенъ, а греческое посольство слабо. Проценты между тѣмъ

все росли и росли въ счетахъ Петраки, и мы могли, наконецъ, если дѣло протянется еще долго и все-таки рѣшится не въ нашу пользу, потерять почти все наше состояніе. Были минуты, въ которыя отецъ готовъ былъ уже и на соглашеніе; но двоюродный братъ моей матери Діамантидисъ отговорилъ его. Прошли слухи, что въ Тульчѣ откроютъ скоро русское консульство. «Тогда, совѣтовалъ ему дядя Діамантидисъ, постарайся перевести какимъ-либо изворотомъ весь этотъ процессъ на имя кого-нибудь изъ русскихъ подданныхъ на Дунаѣ или самъ съѣзди въ Кишиневъ и возьми себѣ тамъ русскій паспортъ. Русскіе защитить сумѣютъ. А Вальтеръ Гей хорошъ, когда бить надо, на тяжбы же, самъ ты знаешь, какъ онъ безтолковъ и неспособенъ».

Послушался отецъ совѣта дяди и отложилъ мысль объ уступкѣ и соглашеніи.

Исторія г. Вальтера Гея, разумѣется, всѣхъ насъ позабавила, мы ей весь вечеръ смѣялись; но болѣзнь глазъ отцовскихъ и тяжба эта не только старшихъ огорчали, они и меня страшили; особенно когда отецъ говорилъ: «Я прежде не хвалилъ нашъ загорскій обычай рано жениться: а теперь завидую тѣмъ, которые женились почти дѣтьми. Если бъ я женился не поздно, Одиссею было бы теперь не шестнадцать лѣтъ, а двадцать и болѣе лѣтъ. И онъ могъ бы уже помогать мнѣ, могъ бы на чужбину поѣхать, а я бы здѣсь отдохнулъ, наконецъ, во святой тишинѣ и ѣлъ бы кривой-слѣпой старикъ свой домашній хлѣбъ.

Очень страшно мнѣ становилось думать о чужбинѣ и о борьбѣ со злыми и хитрыми чужими людьми.

«Если отцу тяжело, думалъ я, что же я, безсмысленный и стыдливый, и неопытный, что жъ я съ ними, съ этими хитрыми людьми сдѣлать могу?.. Нѣтъ! лучше бы такъ, какъ Несториди учитель совѣтуетъ — дальше Янины мнѣ не ѣздить и взять бы здѣсь за себя какую-нибудь красивую, добрую и богатую архонтскую дочку, *красную архонтопулу, лампадку расписанную*, изъ вилайета нашего, *яні-*

отцу благородную, чтобы ходила она нѣжно, какъ куропатка ходитъ!»

Такія вещи, хоть и тихъ я былъ, а думалъ молча!.. И никто бы, я полагаю, и не догадался, какъ часто я начиналъ уже мечтать въ то время о «гвоздичкахъ» этихъ, о «лампадахъ» и о томъ, какъ ходитъ куропатка, красивая птица, и по какимъ мѣстамъ.

VIII.

Отцу моему понравился совѣтъ Несториди отдать меня въ Янинскую гимназію. Но о томъ, по какому пути меня послѣ вести, по торговому или ученому, онъ сказалъ, что времени еще много впереди и что самые недуги, посѣтившіе его, заставляютъ его колебаться.

— Хорошо бы единственнаго сына около себя въ Загорахъ или по крайней мѣрѣ въ Янинѣ удержать; хорошо и на чужбину вмѣсто себя отправить для торговли, если болѣзнь глазъ не пройдетъ.

Такъ какъ отецъ ни въ какомъ дѣлѣ спѣшить не любилъ и очень хвалилъ турокъ за ихъ поговорку: «Тихонько, тихонько, — все будетъ!» (*Явашъ, явашъ, — эпси оладжакъ!*), то можетъ быть и годъ еще цѣлый мы съ нимъ не собрались бы, если бы не пріѣхалъ къ намъ неожиданно въ Загоры изъ Янины новый русскій консулъ, г. Благовъ.

Затрудненіе отецъ находилъ въ томъ, гдѣ меня помѣстить въ городѣ. Собственный нашъ домъ въ Янинѣ былъ отданъ за хорошую цѣну внаймы англійскому консулу, такъ что чрезъ это одно вся семья наша съ избыткомъ содержалась въ Загорахъ, и отецъ цѣлыхъ два года на расходы не высылалъ намъ ничего съ Дуная и могъ употреблять свободно деньги, которыя пріобрѣталъ торговлей, на новыя выгодныя дѣла. Онъ нашелъ даже возможность, не обременяя ни насъ, ни себя, поправить и отдѣлать

прекрасно за это время маленькій *параклисъ* *) во имя Божьей Матери «Широчайшей Небесъ» **), за селомъ нашимъ, въ небольшой дубовой рощицѣ, на холмѣ. Параклисъ этотъ былъ давно уже разрушенъ, во времена старинныхъ смутъ и набѣговъ; и я еще съ дѣтства слыхалъ, какъ часто отецъ, вздыхая, восклицалъ: «Когда бы сподобилъ меня Господь Богъ возобновить этотъ маленькій храмъ на мое иждивеніе!» Наконецъ онъ этого достигъ.

Итакъ, что́ дѣлать со мной родителямъ? Нанять мнѣ одну комнату — не трудно. Но у кого? Гдѣ? Кто будетъ смотрѣть за мной? Мать моя, замѣчая, что я ростомъ становлюсь уже высокъ, начинала ужасно бояться, чтобъ я не развратился. Кому въ городѣ поручить меня?

Былъ у насъ въ Янинѣ одинъ дальній родственникъ моей матери, полу-яніотъ, полу-корфіотъ, полу-итальянецъ, полу-грекъ — докторъ Коэвино. Онъ былъ холостъ и занималъ одинъ, какъ слышно было, большой и хорошій домъ.

Когда я еще былъ очень малъ (до отъѣзда матери моей съ отцомъ на Дунай), Коэвино жилъ нѣсколько времени въ Загорахъ, былъ дружент съ отцомъ, былъ отцу моему многимъ обязанъ и даже долженъ былъ ему деньги. Живя во Франга́десѣ, онъ почти всѣ вечера проживалъ у моихъ родителей, бесѣдуя иногда далеко за полночь, и считалъ нашъ домъ почти своимъ домомъ.

Отецъ думалъ у него попросить для меня одну комнату. Но мать боялась доктора. Я его вовсе почти не помнилъ, но слышалъ о немъ отзывы какъ о безумномъ человѣкѣ.

Старикъ Константинъ говорилъ о немъ, качая головой: «На цѣпь! на цѣпь его!» Бабушка Евгѣнко осуждала его за безвѣріе и за злой языкъ. — «Вотъ ротъ, такъ ужъ ротъ!» — говорила она, «вотъ языкъ, такъ ужъ языкъ!» А

---

*) *Параклисъ* — придѣлъ или особый небольшой храмъ, въ которомъ не бываетъ постояннаго богослуженія, а лишь отъ времени до времени. Такихъ церквей малыхъ на Востокѣ внѣ селъ довольно много.

**) *Платитера Урану* (Ширшая или широчайшая небесъ), Знаменіе Пресвятой Богородицы.

мать моя съ отчаяніемъ поднимала глаза къ небу, восклицая: «Пресвятая Владычица, Заступница ты наша! Избави насъ отъ такой нужды, чтобы ребенка невиннаго къ безумному и изступленному человѣку въ домъ отдавать!» И потомъ, обращаясь къ отцу, упрашивала его такъ: «Киръ-Георгій! Мужъ мой хорошій! Я тебѣ, я, жена твоя, говорю вотъ какую рѣчь... что́ ты ждешь отъ человѣка, который хвалится, что мать его какого-то итальянца (прости мнѣ это слово) любила? «Я, кричитъ, не янинской, не эпирской крови!» Коэвино къ тому же, когда разсердится, можетъ и убить мальчика... Избави насъ Боже, избави насъ!»

Отецъ улыбался и отвѣчалъ ей успокоительно: «Хорошо. Подумаемъ, подождемъ, посовѣтуемся. Коэвино точно человѣкъ своеобычный и немножко безумный, хотя и очень добръ. Подумаемъ, посовѣтуемся и подождемъ».

Такъ мы съ мѣсяцъ все думали, все совѣтовались, все ждали. Пришелъ и конецъ октября.

Однажды, въ день воскресный утромъ, отслушавъ обѣдню, пошли мы со старикомъ Константиномъ нашимъ прогуляться за село. Взяли мы немножко сыра, вина и орѣховъ, погуляли и сѣли за стѣнкой одной, на горкѣ. Поѣли, запили виномъ, сперва пѣсенки кой-какія пѣли, а потомъ Константинъ мнѣ свои старые разсказы разсказывать сталъ.

Опять про Севастополь, про великую войну, про то, какъ цѣлый годъ, день и ночь, день и ночь гремѣли пушки; какіе русскіе терпѣливые; какіе казаки у нихъ молодцы. О томъ еще, какъ онъ самъ съ моряками и казаками русскими вмѣстѣ ночью воевать куда-то пошелъ и какъ оступался и падалъ съ горы и за кусты держался; какъ боялся, что прямо къ французамъ въ руки попадетъ... И какъ онъ услыхалъ около себя людей и притаился. Сердце бьется. А когда эти люди заговорили тихо: «Это не грекъ ли, Пендо́съ нашъ соленый?» какъ онъ обрадовался и сказалъ: «Пендо́съ! Пендо́съ!»

Я слушалъ.

И вотъ увидали мы оба съ Константиномъ, вдругъ—по Янинской дорогѣ, внизу въ долинѣ, со стороны села Джудилы, толпу всадниковъ. Они тихо спускались съ горы.

Скоро различили мы, что впереди ѣхали турецкіе сувари, конные жандармы, четыре человѣка. Ихъ можно было узнать по краснымъ фескамъ и чернымъ шальварамъ... За ними два человѣка въ красной верхней одеждѣ и бѣлыхъ фустанеллахъ. Потомъ ѣхалъ на рыжей лошади кто-то въ бѣлой чалмѣ и въ длинной одеждѣ, какъ кади или молла, такъ мнѣ издали казалось. А за нимъ еще люди, еще фустанеллы и вьючные мулы; пѣшіе провожатые съ боковъ прыгали по камнямъ.

Константинъ думалъ, что это какой-нибудь консулъ. Я полагалъ, что турецкій судья или другое мусульманское духовное лицо, судя по одеждѣ. Но старикъ нашъ настаивалъ, что это не турокъ, а непремѣнно консулъ какой-нибудь, и совѣтовалъ мнѣ побѣжать домой и сказать отцу.— «Можетъ быть и русскій, и отецъ въ домъ его приметъ».

Пока мы такъ совѣщались, всадники пріостановились въ долинѣ на минуту, сошли съ лошадей, и потомъ одинъ турокъ-сувари и съ нимъ одинъ молодецъ въ фустанеллѣ помчались во весь опоръ впередъ по нашей дорогѣ.

Тогда уже не было сомнѣнія.

Константинъ узналъ одного изъ кавассовъ русскаго консульства, Анастасія суліота. У него и грудь и поясъ блистали на солнцѣ серебромъ и золотомъ, какъ огонь.

Видно было, что и консулъ сѣлъ опять. Немного погодя, поскакалъ и онъ, а за нимъ и вся толпа. Только вьючные мулы и пѣшіе люди остались сзади.

Я побѣжалъ домой сказать отцу, но на пути уже меня обогнали кавассъ и сувари. Я показалъ имъ домъ отца, и они повернули къ намъ.

Какъ пожаръ у насъ сдѣлался въ домѣ! Консула русскаго у насъ въ Загорахъ никогда не видали.

Растворились наши ворота широко со скрипомъ и со стукомъ; отецъ новый сюртукъ надѣлъ; мать предъ зеркаломъ поправлялась; служанка по диванамъ въ большой за-

лѣ бѣгала безъ башмаковъ и утаптывала ихъ, чтобы ровнѣе были; старушка Евгѐнко новый фартукъ красный повязывала и кричала служанкѣ, чтобъ она въ маленькую комнату дрова на очагъ несла и чтобы шаръ-кёйскій коверъ у очага постлала.

А ужъ по мостовой топотъ конскій все ближе и ближе. У меня отъ радости сердце билось.

Вышли мы всѣ за ворота и ждемъ. Отецъ тихо сказалъ тогда матери: — «Ты руку у него не цѣлуй. Это теперь уже не дѣлаютъ, а только пожми ему, если онъ тебѣ свою подастъ».

А я думалъ: «Какой же онъ человѣкъ этотъ намъ покажется? Гордый и грозный? Старый должно быть; и какими орденами царскими онъ будетъ украшенъ?»

И вотъ бѣгутъ толпой впередъ наши сельскія дѣти; бѣгутъ тихо и молча; только лица у нихъ измѣнились отъ изумленія или страха. Въѣхали шагомъ на улицу нашу прежде всего два сувари-турка, ружья по формѣ держали; а за ними еще сувари и другой кавассъ; потомъ и самъ консулъ на прекрасномъ рыжемъ жеребцѣ; а за нимъ драгоманъ и еще одинъ нашъ загорецъ его провожалъ. И слуги греки. Старикъ Константинъ уже успѣлъ феску на свою старую русскую фуражку обмѣнить; руку у козырька держалъ и стоялъ какъ каменный у воротъ. Отецъ мой самъ стремя и узду консулу держалъ, когда онъ сходилъ съ коня; а Евгѐнко уже громко кричала ему и со смѣхомъ, по своему обычаю: «Добро пожаловать! Добро пожаловать къ намъ!» Служанка наша успѣла и руку у него поцѣловать, когда онъ на лѣстницу входилъ.

Не старый былъ г. Благовъ, а очень молодой, веселый и... мнѣ тогда показалось, — не гордый.

Вовсе не такимъ я его ожидалъ видѣть!

Орденами царскими онъ изукрашенъ не былъ, а только виденъ былъ у него красный бантикъ въ петелькѣ бархатнаго чернаго сюртучка. То, что́ я принялъ издали за чалму, была точно та бѣлая сирійская ткань, расшитая золотистымъ шелкомъ, которую употребляютъ нѣкоторые важные

мусульмане для головного убора. У консула этою чалмой обвита была соломенная шляпа, и сзади ниспадалъ длинный конецъ съ прекрасными узорами для защиты шеи отъ солнца.

Сверхъ бархатнаго сюртучка на консулѣ была надѣта длинная одежда изъ небѣленаго, простого полотна съ башлыкомъ на спинѣ; сапоги на немъ были большіе, даже выше колѣнъ; чрезъ плечо висѣла на красныхъ шнуркахъ съ кистями кривая турецкая сабля, и станъ у него былъ перетянутъ поверхъ дорогого бархата обыкновеннымъ сельскимъ болгарскимъ кушакомъ.

Лицомъ г. Благовъ былъ красивъ, очень нѣженъ и блѣденъ; бороды не носилъ, а только маленькіе усы; глаза у него были большіе, и онъ ими на всѣхъ смѣло глядѣлъ. Ростомъ онъ былъ очень высокъ и ходилъ очень прямо.

Разсматривалъ я его внимательно, какъ чудо; все хотѣлъ я видѣть, и все удивляло меня въ немъ.

Сюртучокъ показался мнѣ очень коротокъ для важнаго сановника, сапоги слишкомъ длинны, панталоны слишкомъ узки, сапоги въ пыли, а перчатки хорошія. И я замѣтилъ еще, что отъ него чѣмъ-то душистымъ пахло, лучше розы самой!.. Бархатъ и болгарскій кушакъ! Сирійская чалма и шляпа à la franca; перчатки и духи прекрасные, а длинная одежда изъ простого полотна.

И что́ за почетъ этому молодому человѣку! Капитанъ Анастасій суліотъ, которому я почтительно подавалъ варенье и наргиле, бросился съ радостью снимать съ него грязные сапоги, когда онъ захотѣлъ сѣсть на диванъ съ ногами... Другой слуга уже бѣжалъ за туфлями; турки-жандармы, которыхъ мы боялись и которымъ сама Евгѐнко бабушка внизу прислуживала, угощая ихъ всячески, эти турки трепетали его и просили насъ сказать консулу объ нихъ доброе слово. Драгоманъ привставалъ, когда онъ начиналъ говорить съ нимъ...

«Вотъ жизнь! Вотъ власть! — думалъ я. — Только одежда странная!.. Удивительно! Удивительно мнѣ все это!»

Въ дальнихъ комнатахъ мы шопотомъ совѣщались и дѣ-

лились другъ съ другомъ нашими впечатлѣніями. Старикъ Константинъ жалѣлъ, что консулъ очень молодъ. «Дитя! вчера изъ училища вышелъ».

Бабушка жаловалась такъ же, какъ и я, что панталоны слишкомъ узки и что сюртучокъ коротокъ и что на шляпѣ (какъ бы и грѣхъ это христіанину?) *сарыкъ* *) арабскій, какъ на турецкомъ попѣ намотанъ.

И она такъ же, какъ и я говорила, ударяя рукой объ руку: «Развѣ не удивительно это?» Но мать успокоила насъ всѣхъ тѣмъ, что сказала: «Ничего нѣтъ удивительнаго, если между людьми высокаго общества такая мода вышла теперь».

Впрочемъ бабушка Евгѣнко, не стѣсняясь, и самому г. Благову сдѣлала замѣчаніе:

— Огорчилъ ты насъ, что такъ просто пріѣхалъ къ намъ. Мы тебя во всѣхъ царскихъ украшеніяхъ и въ формѣ твоей желали бы встрѣтить и поклониться тебѣ, а ты пріѣхалъ смиренно и знать намъ въ Загорье заранѣе не далъ, чтобы мы по заслугамъ твоимъ встрѣтить тебя могли!

А консулъ молодой засмѣялся на это и отвѣчалъ ей по-гречески: недурно, но съ какой-то странной особенностью въ произношеніи.

— Форма наша, кира моя хорошая, увѣряю тебя, некрасива... Я чту ее потому, что она царская; а сознаюсь тебѣ все-таки, что кавассы мои куда какъ больше на вельможъ похожи, чѣмъ я. Орденовъ много я у государя заслужить еще не успѣлъ; только этотъ маленькій... Не жалѣй же, кира моя, что я, какъ ты говоришь, такъ смиренно пріѣхалъ. Право, такъ лучше.

А Евгѣнко ему:

— Гдѣ же это ты языку нашему обучился такъ хорошо?

На это консулъ отвѣчалъ ей такъ:

— Кира моя! Я хоть и молодъ, а на Востокѣ давно уже. Говорить я люблю со всякими людьми. А съ кѣмъ же намъ и говорить здѣсь, какъ не съ греками? И мы

---

*) *Сарыкъ* — чалма.

имъ нужны, и они намъ. Молимся мы въ одной церкви; однѣмъ и тѣмъ же молитвамъ и насъ грековъ съ дѣтства матери наши учатъ. У меня же и отецъ военный былъ; былъ въ походахъ, у турокъ въ плѣну былъ долго.

И разсказалъ намъ г. Благовъ еще, что въ домѣ отца его много было картинъ, которыя онъ въ дѣтствѣ очень любилъ и никогда ихъ не забудетъ. На одной было изображено, какъ паша египетскій хотѣлъ Миссолонги взять; на землѣ подъ ногами лошадей турецкихъ лежала убитая молодая гречанка съ растрепанными волосами. На другой— турокъ въ чалмѣ закалывалъ тоже прекрасную гречанку; на третьей — сынъ, почти дитя, защищалъ раненаго отца-грека...

Когда г. Благовъ былъ еще малъ, то, наглядѣвшись на эти картинки, часто просилъ мать свою вырѣзывать ему изъ игорныхъ картъ гречанокъ, которыя идутъ на войну за родину, и такъ какъ бубновый король на русскихъ картахъ въ чалмѣ, то ему всегда больно доставалось отъ Боцарисъ и Елены Боцарисъ... Иногда матери г. Благова наскучала даже эта игра, и она говорила ему: «оставь этихъ глупыхъ гречанокъ; сидѣли бы и шили дома лучше, чѣмъ сражаться, дуры такія!» Отнимала шутя у него карты эти и заставляла бубноваго короля въ чалмѣ греческихъ дамъ прогонять и наказывать... «А я кричалъ и заступался...» сказалъ Благовъ.

Всѣ мы и посмѣялись этому разсказу, и тронуты имъ были сильно. Мать моя вздохнула глубоко и сказала: «Богъ да хранитъ православную нашу Россію!»

Благовъ помолчалъ немного и потомъ прибавилъ, улыбаясь:

— Оно, сказать правду, не совсѣмъ оно такъ... Поживъ здѣсь, на Востокѣ, видишь часто, что турки славные люди, простодушные и добрые; а христіане наши иногда такіе, что Боже упаси! Но что́ дѣлать.

— Вотъ вы насъ какъ, ваше сіятельство! — сказалъ отецъ мой, смѣясь.

Двое сутокъ прогостилъ у насъ г. Благовъ, и онъ былъ

очень веселъ, и всѣ мы были ему рады. Всѣмъ онъ старался понравиться. Служанкѣ нашей денегъ много за услуги далъ. Старику Константину подарилъ новую русскую фуражку и говорилъ съ нимъ о Севастополѣ. «Ты и лицомъ на русскаго стараго солдата похожъ. Я радъ тебя видѣть», — сказалъ онъ ему и велѣлъ еще купить ему тотчасъ же новыя шаровары. Константинъ ему въ ноги упалъ.

Старшины наши всѣ ему представлялись; всѣмъ онъ нашелъ привѣтливое слово. У отца Евлампія руку почтительно поцѣловалъ; внимательно слушалъ разсказы старика Стилова о временахъ султана Махмуда; по селу ходилъ; въ церкви къ образамъ прикладывался и на церковь лиру золотую далъ; въ школу ходилъ; у Несториди самъ съ визитомъ былъ и кофе у него пилъ; бесѣдовалъ съ нимъ о древнихъ авторахъ и очень ему этимъ понравился.

— Древне-эллинская литература,—сказалъ г. Благовъ,— это, какъ магическій жезлъ, сколько разъ ни прикасалась она къ новымъ нащіямъ, сейчасъ же и мысль и поэзія били живымъ ключомъ.

Несториди послѣ превозносилъ его умъ. Зубами скрипѣлъ и говорилъ: «О! Кириллъ и Меѳодій! надѣлали вы хорошаго дѣла намъ, грекамъ!.. Вотъ вѣдь хоть бы этотъ негодный мальчишка, Благовъ, знаетъ онъ, извергъ, что́ говоритъ! Знаетъ, мошенникъ!»

А попъ Евлампій ему: — Видишь, какъ эллинизмъ твой въ Россіи чтутъ люди?

— Великій выигрышъ! — сказалъ Несториди. — У тебя же добро возьмутъ, твоимъ же добромъ задушатъ тебя! Великое счастье!

Но самого г. Благова учитель все-таки очень хвалилъ и называлъ его: «паликаромъ, молодцомъ-юношей и благороднѣйшаго, высокаго воспитанія человѣкомъ».

— Нѣтъ, умна Россія! — долго говорилъ онъ послѣ этого свиданья съ русскимъ консуломъ.

Отцу моему г. Благовъ искалъ всячески доставить удо-

вольствіе и заплатить добромъ за его гостепріимство и расположеніе къ русскимъ.

Отецъ разсказалъ ему о своей тяжбѣ съ Петраки-бемъ и Хахамопуло и жаловался, что придется, кажется, вовсе напрасно пойти на соглашеніе и уплатить часть небывалаго долга; но г. Благовъ ободрилъ его и совѣтовалъ взять въ Одессѣ или Кишиневѣ русскій паспортъ. Онъ сказалъ, что, вѣроятно, въ Тульчѣ откроютъ скоро русское консульство, и тогда онъ возьмется рекомендовать особенно его дѣло своему будущему товарищу.

— Это дѣло будетъ въ такомъ случаѣ имѣть и политическій смыслъ, — сказалъ г. Благовъ, — полезно было бы наказать такого предателя, какъ этотъ Петраки-бей. Можно будетъ, я думаю, начать уголовное дѣло и принести жалобу на вашихъ противниковъ въ мехкеме*). Хотя мы официально не признаемъ ни уголовнаго, ни гражданскаго суда**) въ Турціи, чтобы не потворствовать суду христіанъ по Корану, однако, ловкій консулъ всегда можетъ войти въ соглашеніе съ моллой или кади и черезъ нихъ выиграть дѣло.

Отца слова эти очень обрадовали. Потомъ отецъ мой упомянулъ, почти случайно, о томъ, что скоро хочетъ везти меня въ Янину и затрудняется только тѣмъ, гдѣ меня оставить и кому поручить. Г. Благовъ тотчасъ же воскликнулъ:

— Пустое! У меня домъ большой, и я одинъ въ немъ живу. Я ему дамъ хорошую комнату, и пусть живетъ у меня, пусть и онъ привыкаетъ къ русскимъ, чтобы любить ихъ, какъ вы ихъ любите. Черезъ недѣлю путешествіе мое кончится; я буду ждать васъ съ сыномъ и отсюда людямъ своимъ дамъ знать, чтобы приготовили для васъ комнату.

---

*) *Мехкеме* — турецкое судилище по Корану; въ немъ до послѣднихъ судебныхъ реформъ въ Турціи судилъ одинъ молла или кади, безъ помощи какихъ бы то ни было гражданскихъ членовъ.

**) Недавно и Россія признала новые суды въ Турціи для русскихъ подданныхъ.

Отецъ мой почти со слезами благодарилъ консула; а мать моя обрадовалась этой чести такъ, какъ будто бы меня самого въ какой-либо русскій высокій чинъ произвели. Отецъ, который сначала не совсѣмъ былъ тоже доволенъ молодостью консула и какъ бы легкомысленною свободой и веселостью его разговора, такъ послѣ этого разговора съ нимъ расположился къ нему, что сталъ говорить: «Нѣтъ, ничего, что молодъ».

На другой день г. Благовъ и самъ пригласилъ меня къ себѣ въ Янину и вообще обошелся со мной очень братски и ласково, хотя и огорчилъ меня нѣкоторыми, вовсе неожиданными, замѣчаніями.

На первый день, когда отецъ представилъ меня ему, я ужасно смутился, ничего почти не могъ отвѣчать на вопросы, которые онъ мнѣ предлагалъ, и даже сѣлъ ошибкой отъ стыда вмѣсто дивана на очагъ. Г. Благовъ это замѣтилъ и сказалъ: «зачѣмъ же ты, г. Одиссей, сѣлъ такъ не хорошо?» Я еще болѣе смутился; однако пересѣлъ на диванъ. Отецъ мой тоже за меня покраснѣлъ и говоритъ: «это отъ стыда мальчикъ сдѣлалъ; вы ему простите».

Потомъ наединѣ со мною отецъ сказалъ мнѣ: «не надо, Одиссей, такимъ дикимъ быть. Добрый консулъ съ тобою говоритъ благосклонно, а ты какъ камень. Уважай, но не бойся. Не хорошо. Онъ скажетъ, что ты необразованъ и глупъ, сынъ мой. Держи ему отвѣтъ скромный и почтительный, но свободный».

Я вздохнулъ и подумалъ про себя: «правда! я глупъ былъ. Другой разъ иной путь изберу. Я вѣдь знаю столько хорошихъ и возвышенныхъ эллинскихъ словъ. Зачѣмъ же мнѣ молчать и чего мнѣ стыдиться?»

Послѣ разговора съ моимъ отцомъ г. Благовъ, какъ только встрѣтилъ меня, такъ сейчасъ же взялъ меня дружески за плечо и говоритъ: «буду ждать тебя, Одиссей, къ себѣ въ Янину. Повеселимъ мы тебя. Только ты меня не бойся и на очагъ больше не садись».

А я между тѣмъ собралъ всѣ мои силы и отвѣчалъ ему такъ:

— Сіятельнѣйшій г. консулъ! Я не боюсь васъ, но люблю и почитаю, какъ человѣка, старшаго по лѣтамъ, высокаго по званію и прекраснѣйшей, добродѣтельной души.

— Ба! — говоритъ г. Благовъ, — вотъ ты какой Демосѳенъ! А душу мою почемъ ты знаешь?

Я же, все свой новый путь не теряя, восклицаю ему:

— Душа человѣка, г. консулъ, начертана неизгладимыми чертами на его челѣ!

— Слышите? — говоритъ онъ. — Вотъ ты какіе, братъ, плохіе комплименты знаешь! Другой разъ, если будешь такъ мошенничать, я тебѣ и вѣрить не буду. Ты будь со мною проще. Я не люблю вашего греческаго риторства. Къ чему эта возвышенность? Бабка твоя кирія Евгѐнко гораздо лучше говоритъ. Учись у нея.

Я замолчалъ, а г. Благовъ спросилъ:

— Радъ ли ты, что у меня въ домѣ будешь жить?

Я отвѣчаю ему на это отъ всего сердца, что «готовъ послѣдовать за нимъ на отдаленнѣйшій край свѣта!»

А онъ опять:

— Ты все свое, терпѣть не могу краснорѣчія!

И ушелъ онъ отъ меня съ этими словами.

Я остался одинъ въ смущеніи и размышлялъ долго о томъ, какъ трудно вести дѣла съ людьми высокаго воспитанія.

Уѣзжая, консулъ секретно просилъ отца собрать ему какъ можно болѣе свѣдѣній о странѣ, о населеніи, церквахъ, монастыряхъ, училищахъ, произведеніяхъ края; о правахъ христіанъ, о томъ, чѣмъ они довольны и на что жалуются; просилъ изложить все это кратко, но какъ можно яснѣе и точнѣе, съ цыфрами, на бумагѣ, и прибавилъ: «какъ можно правдивѣе, прошу васъ,—безъ гиперболъ и клеветы...»

Онъ еще разъ повторилъ, садясь на лошадь, что его янинскій домъ — нашъ домъ отнынѣ и что онъ самъ черезъ недѣлю вернется въ городъ.

Мы всѣ, отецъ мой, я, попъ Евлампій и другіе священники, нѣкоторые старшины и жители, и всѣ слуги наши,

проводили его пѣшкомъ далеко за село и долго еще смотрѣли, какъ онъ со всѣмъ караваномъ своимъ подымался на гору.

— Пусть живетъ, молодецъ, пусть благословитъ его Господь Богъ, — сказалъ съ чувствомъ отецъ Евлампій.— Оживилъ онъ насъ. Теперь иначе дѣла эпиротовъ пойдутъ.

— Дай Богъ ему жизни долгой и всего хорошаго,—повторили и мы всѣ. Отецъ же мой сказалъ, провожая глазами толпу его всадниковъ:

— Вотъ это царскій сановникъ; и взглянуть пріятно: и собой красивъ, и щедръ, и на конѣ молодецъ, и веселъ, и вещи у него всѣ благородныя такія, и ковры на вьюкахъ хорошіе, и людей при немъ многое множество. Душа веселится. Таковы должны быть царскіе люди. А не то, что вотъ мой бѣдный мистеръ Вальтеръ Гей. Желтый, больной, дѣтей много, жилище небогатое, тѣсное! А такой адамантъ блестящій и юный; и православный къ тому же— душу онъ мою, друзья, веселитъ!..

— Правда! — сказали всѣ согласно, и попы наши, и старшины, и слуги. По возвращеніи домой было рѣшено, что мы скоро поѣдемъ въ Янину.

II.

НАШЪ ПРІѢЗДЪ ВЪ ЯНИНУ.

I.

Тотчасъ по отъѣздѣ консула мы съ отцомъ начали готовить для него тѣ замѣтки, о которыхъ онъ просилъ. Отецъ пригласилъ къ себѣ на помощь одного только отца Евлампія и никому больше довѣриться не хотѣлъ — онъ боялся не только возбудить турецкую подозрительность, но и зависть греческаго консульства въ Эпирѣ.

И онъ, и отецъ Евлампій отъ меня не скрывались. Они совѣщались при мнѣ, припоминали, считали, а я записывалъ. Оба они повторили мнѣ нѣсколько разъ: «смотри, Одиссей, чтобы Несториди не догадался, берегись! Въ досадѣ за нашу чрезвычайную близость съ русскими онъ можетъ довести все это до эллинскаго консульства».

Отецъ старательно изложилъ все, что касалось до древнихъ правъ Загорскаго края; объяснилъ, въ какомъ подчиненіи Загоры находились къ янинскимъ пашамъ; почему въ нашей сторонѣ всѣ села свободныя, а не зависимыя отъ беевъ турецкихъ и отъ другихъ собственниковъ, какъ въ иныхъ округахъ Эпира; почему турки тутъ никогда не жили, и какъ даже стражу загорцы нанимали сами христіанскую изъ сулійскихъ молодцовъ. Обо всемъ этомъ вспомнили отецъ и попъ Евлампій. Даже цыганъ нашихъ загорскихъ крещеныхъ не забыли и объ нихъ сказали, что

они занимаются у насъ кузнечествомъ и другими простыми ремеслами, что мы ихъ держимъ нѣсколько далеко отъ себя и въ почтеніи, и даже мѣсто, гдѣ ихъ хоронятъ за церковью, отдѣлено отъ нашего греческаго кладбища рядомъ камней. «Однако, прибавилъ отецъ, они имѣютъ одно дарованіе, которымъ насъ превосходятъ,—божественный даръ музыки».

— На что это ему?—сказалъ священникъ.

— Онъ все хочетъ знать,—отвѣчалъ отецъ. И я записалъ и эти слова о музыкѣ.

Счесть села, церкви и маленькіе скиты, въ которыхъ живутъ по одному, по два монаха, упомянуть о большой пещерѣ, о посѣщеніяхъ грознаго Али-паши, все это было нетрудно.

Но было очень трудно перечислить хотя приблизительно имена загорцевъ-благодѣтелей и указать именно, кто что сдѣлалъ и около какого села или въ какомъ селѣ. Кто сдѣлалъ каменный, мощеный спускъ съ крутизны для спасенія отъ зимней грязи и топи; кто мостъ, кто и гдѣ стѣну церковную починилъ, кто школу воздвигъ, кто храмъ украсилъ. Не хотѣлось отцу забывать и людей менѣе богатыхъ, менѣе именитыхъ, ему хотѣлось правды; а у всякаго встрѣчнаго открыто справки наводить сейчасъ по отъѣздѣ консула онъ не хотѣлъ.

Въ Янину пора было спѣшить: и вотъ мы всѣ трое тайно трудились съ утра ранняго; бросали тетради и опять брались за нихъ. Отецъ повторялъ: «Трудись, трудись, сынокъ мой, трудись, мой мальчикъ хорошій, для православія и для добраго консула нашего. Можетъ быть скоро будешь хлѣбъ его ѣсть».

И я съ охотой писалъ, поправлялъ и опять переписывалъ.

О турецкихъ злоупотребленіяхъ написали довольно много, но не слишкомъ преувеличивая. Отецъ Евлампій въ одномъ мѣстѣ продиктовалъ было: «Такъ изнываютъ несчастные греки подъ варварскимъ игомъ агарянъ нечестивыхъ!» Но отецъ велѣлъ это вычеркнуть и сказалъ:

«Не хочетъ г. Благовъ такихъ украшеній, онъ хочетъ вотъ чего: въ такомъ-то году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, турокъ Мехмедъ убилъ того-то въ такомъ-то селѣ, а турокъ Ахметъ отнялъ барана у такого-то и тогда-то!» О такихъ случаяхъ и вообще о томъ, чѣмъ христіане недовольны, написали мы довольно много; но отецъ находилъ, что эту часть онъ въ Янинѣ дополнить можетъ лучше, потому что въ самыхъ Загорахъ турокъ нѣтъ, ни народа, ни начальства, и случаевъ подобныхъ, конечно, меньше. Янинскіе же турки славятся своимъ фанатизмомъ, и городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ не свободными селами, а *чифтликами*, въ которыхъ и беи, и полиція, и сборщики царской десятины легче могутъ угнетать народъ и обнаруживать, такъ сказать, удобнѣе недостатки, которыми страждетъ управленіе обширной имперіи. Даже насчетъ судовъ относительно Загоръ говорить было труднѣе, ибо въ то время, когда мы съ отцомъ занимались этими записками, у насъ не было еще ни мудира, ни кади; мы судились между собою въ совѣтѣ старшинъ по всѣмъ селамъ и только въ случаѣ обиды обращались въ Янину къ митрополиту или къ самому пашѣ, чрезъ посредство особаго выборнаго загорскаго *ходжабаши*, который для этого и жилъ всегда въ городѣ.

Наконецъ отецъ сказалъ: «Довольно!» Переправили мы еще разъ, спрятали тетрадки старательно и стали сбираться въ путь. Консулъ сказалъ, что черезъ недѣлю возвратится въ Янину другою дорогой, а мы прожили дома, трудясь надъ его статистикой, уже болѣе двухъ недѣль.

Итакъ пора! Уложились, простились съ матерью, съ бабушкой, съ сосѣдями и поѣхали.

Я былъ немножко взволнованъ и думалъ: «Какая, посмотримъ, будетъ тамъ судьба моя? хорошая или худая?»

Выѣхали мы рано и около полудня уже были у города.

Путешествіе наше было нескучное.

Непріятно было только въ это время года переѣзжать черезъ ту высокую и безлѣсную гору, которая отдѣляетъ нашъ загорскій край отъ янинской длинной долины; въ-

теръ на высотахъ дулъ такой сильный и холодный, что мы завернулись въ бурки и фески наши обвязали платками, чтобъ ихъ не унесло. Предъ тѣмъ, какъ спускаться внизъ, отецъ сошелъ съ мула, чтобы было безопаснѣе и легче; я сдѣлалъ то же и захотѣлъ послѣдній разъ взглянуть назадъ... Франга́деса нашего уже не было видно, и только направо, въ селѣ Джудилѣ, на полгорѣ, въ какомъ-то домѣ одно окно какъ звѣзда играло и горѣло отъ солнца.

Жалко мнѣ стало родины; я завернулся покрѣпче въ бурку и погналъ своего мула внизъ.

Внизу, въ долинѣ, погода была ясная; воздухъ и не жаркій, и не холодный.

Отецъ мнѣ дорогой многое показывалъ и объяснялъ.

Тотчасъ же за переѣздомъ черезъ большую нашу гору идетъ длинный, очень длинный каменный и узкій мостъ черезъ большое болото. Мостъ этотъ построенъ давно уже однимъ нашимъ же загорскимъ жителемъ для сокращенія пути изъ Янины въ эту сторону.

Это большое благодѣяніе, иначе приходилось бы людямъ и товарамъ на мулахъ далеко объѣзжать.

За болотомъ, по ровной и зеленой долинѣ янинской, огражденной съ обѣихъ сторонъ гребнями нагихъ и безлѣсныхъ горъ, мы ѣхали скоро и весело.

Разогнали иноходью небольшою нашихъ муловъ; отдохнули въ хану подъ платаномъ, свѣжей воды и кофе напились и около полудня увидали съ небольшой высоты Янину; увидали озеро ея голубое и на берегу его живописную крѣпость съ турецкими минаретами.

Мнѣ городъ понравился. Тихія предмѣстья въ зеленыхъ садахъ; все небольшіе, смиренные домики глиняные, крытые красною черепицей, а не бѣлымъ или сѣрымъ камнемъ, какъ у насъ въ селахъ.

А дальше уже начались хорошіе архонтскіе и высокіе дома...

Въѣзжая въ предмѣстье янинское, я сказалъ себѣ: «Посмотримъ, какой человѣкъ намъ первый встрѣтится,—весе-

лый онъ будетъ или печальный. Такая будетъ и жизнь, и судьба моя въ Янинѣ!»

Сначала въ цѣломъ длинномъ переулкѣ намъ никто не встрѣтился; время было полдневное, и всѣ люди или завтракали, или отдыхали. Кой-гдѣ у воротъ играли дѣти; но ихъ я не считалъ встрѣчными, потому, что они стояли на мѣстѣ или сидѣли на землѣ, когда мы проѣзжали. На одномъ поворотѣ я испугался, увидавъ издали согбенную старушку съ палочкой и въ черномъ платьѣ; но она повернулась въ другую сторону, и я успокоился.

Наконецъ предсталъ предъ нами человѣкъ, котораго я готовъ былъ въ первую минуту назвать вѣстникомъ истинной радости. Казалось бы, что веселѣе, ободрительнѣе, праздничнѣе этой встрѣчи и придумать нельзя было въ угоду моему гаданью... Какъ древній оплитъ, грядущій на брань за отчизну, былъ наряденъ и веселъ Маноли, главный кавассъ русскаго консульства, котораго отецъ мой зналъ давно. Ростомъ, длинными усами, походкой, гибкимъ станомъ и блескомъ оружія — всѣмъ онъ былъ воинъ и герой... Фустанелла его была чиста какъ снѣгъ на зимнихъ вершинахъ загорскихъ, и верхняя одежда его была изъ синяго бархата, обшитаго золотымъ галуномъ съ черными двуглавыми россійскими орлами.

Но увы! самъ Маноли былъ и веселъ, и красивъ, вѣсти же его были печальныя!

Онъ сказалъ намъ, что г. Благовъ еще не возвращался изъ путешествія, что записки отъ него никакой не было, что домъ его весь, кромѣ канцеляріи, запертъ и даже ходятъ слухи, будто бы онъ уѣхалъ внезапно куда-то изъ Эпира, въ Корфу или въ Македонію, еще неизвѣстно пока...

Отецъ мой былъ замѣтно смущенъ этою неожиданностью и особенно тѣмъ, что г. Благовъ не потрудился даже запиской, сообразно обѣщанію своему, извѣстить секретаря или слугъ своихъ, чтобы намъ приготовили въ консульствѣ комнату.

Что касается до меня, то я больше отца, я думаю, обиженъ этимъ и огорченъ. Всѣ мечты мои жить въ первомъ

и лучшемъ изъ иностранныхъ консульствъ, въ обществѣ такого молодого и любезнаго высокопоставленнаго человѣка, какъ г. Благовъ,—всѣ эти мечты исчезли какъ утренній туманъ, какъ дымъ или прахъ!..

Печально сидѣлъ я на мулѣ моемъ и ждалъ, что скажетъ отецъ. Я думалъ, онъ разскажетъ Маноли о приглашеніи г. Благова и намъ, быть можетъ, отворятъ комнаты; но отецъ молчалъ...

Отецъ молчалъ, зато Маноли, кавассъ-баши, говорилъ все время, хвалилъ г. Благова, хвалилъ загорцевъ, хвалилъ умъ отца, хвалилъ меня, говорилъ, что я красавецъ, что всѣ «красныя» дочери янинскихъ архонтовъ будутъ бѣгать къ окнамъ, чтобы смотрѣть на меня, и когда отецъ мой съ неудовольствіемъ замѣтилъ ему на это, что я не дѣвицамъ, а учителямъ угождать ѣду въ Янину, тогда Маноли согласился съ нимъ, что это гораздо лучше и полезнѣе...

— Да! — сказалъ онъ съ поспѣшностью, — да! г. Полихроніадесъ, вы правы! Даже очень правы по-моему. Что-нибудь одно: или мечъ, или перо! Просвѣщеніе въ наше время необходимо. Скажите мнѣ, я спрашиваю васъ, г. Полихроніадесъ, куда годенъ человѣкъ, который ни къ мечу, ни къ наукѣ неспособенъ? Куда? На что? На какое дѣло? скажите мнѣ, во имя Божіе, я васъ прошу сказать мнѣ, куда онъ такой человѣкъ годится? Улицы мести? Уго́ль на ослахъ изъ города возить? Тяжести носить? Землю пахать? Грести на лодкѣ въ янинскомъ озерѣ? Вотъ на что, вотъ на какія презрѣнныя занятія годится нынче простой человѣкъ, ни меча, ни пера не удостоившійся... Да. Учись, учись, милый мой Одиссей... Утѣшай родителей, утѣшай... А г. Благовъ будетъ очень жалѣть, если не увидитъ васъ; онъ говоритъ, что загорцы—умнѣйшіе люди, и возноситъ ихъ гораздо выше глупыхъ янинскихъ архонтовъ. И я согласенъ съ консуломъ.

Такъ разсуждалъ сіяющій кавассъ-баши, а мы все молчали и смотрѣли съ отцомъ другъ на друга.

Наконецъ отецъ сказалъ: «Поѣдемъ къ доктору Коэви-

но». Мы простились съ Маноли и поѣхали дальше. Отецъ былъ не въ духѣ и продолжалъ все время молчать. Домъ, который занималъ Коэвино, принадлежалъ одному турецкому имаму и стоялъ на прекрасномъ мѣстѣ; предъ окнами его была широкая зеленая площадка, старинное еврейское кладбище, на которомъ уже давно не хоронятъ и гдѣ множество древнихъ каменныхъ плитъ глубоко вросли въ землю. Часто здѣсь бываетъ гулянье и пляски на карнавалѣ, и народъ отдыхаетъ тогда толпами на этихъ плитахъ. Напротивъ караульня турецкая, много хорошихъ домовъ вокругъ площади и большая церковь *Архимандріи* недалеко. Я немножко утѣшился и обрадовался, что буду жить на такомъ веселомъ мѣстѣ и въ такомъ большомъ домѣ, если Коэвино согласится оставить меня у себя.

Однако двери у доктора были заперты, и мы, сошедши съ муловъ, напрасно стучались. Никто намъ не отворялъ. Стучаться принимались мы не разъ и все громче и громче, такъ, что даже нѣкоторыя сосѣдки стали смотрѣть на насъ изъ оконъ и дѣти повыбѣжали изъ дверей.

Намъ стало такъ стыдно, что мы уже хотѣли садиться опять на муловъ и ѣхать въ ханъ; но одна сосѣдка увѣряла отца, что докторъ скоро, вѣроятно, возвратится, потому что время ему обѣдать, а другая, напротивъ того, говорила: «Гдѣ жъ у него обѣдъ? Гайдуша, служанка его, вчера поссорилась съ нимъ и сегодня на разсвѣтѣ ушла и вещи свои унесла».

Третья женщина предполагала, что докторъ гдѣ-нибудь въ чужомъ домѣ, у одного изъ больныхъ позавтракаетъ.

Что намъ было дѣлать? Стыдъ просто! Рѣшились мы ѣхать въ ханъ. Но еще одна старушка сказала, что лучше послать къ Абдурраимъ-эффенди; не у него ли докторъ? Абдурраимъ-эффенди, сосѣдъ, близко отсюда; доктора онъ очень любилъ, и у него жена давно больна. Она позвала свою маленькую внучку и велѣла ей бѣжать скорѣе къ Абдурраимъ-эффенди за докторомъ.

Отецъ рѣшился ждать. Мы сняли ковры съ нашихъ му-

ловъ, постлали ихъ на камняхъ и сѣли у докторскаго порога. Пока дѣвочка бѣгала къ Абдурраимъ-эффенди, старушка разсказала отцу, что вчера случилось у доктора въ домѣ. Былъ у доктора слуга Яни, изъ деревенскихъ. Сама же Гайдуша жаловалась, что у нея очень много работы, что докторъ любитъ жить чисто и просторно; а у нея больше силъ нѣтъ уже одной все дѣлать, — шить, мести, готовить, убирать, мыть, платье чистить, диваны равнять, самому ему раза три въ недѣлю еще тѣло все бритвой брить.

Отецъ спросилъ: «Какъ такъ все тѣло брить? Что это ты говоришь?»

— Да! — сказала старушка (со вздохомъ даже, я помню), — да! хочетъ, чтобы всегда весь выбритъ онъ былъ. Безумный человѣкъ!

— Безумный, безумный! — закричали въ одинъ голосъ двѣ-три сосѣдки.. — На цѣпь человѣка этого слѣдуетъ! На цѣпь давно.

А одна женщина съ сожалѣніемъ добавила: — Это онъ, черная судьба его такая, съ турками очень подружился, все съ турками, отъ того и въ грѣхъ такой впадаетъ. Даже и въ баню турецкую часто любитъ ходить, а это тоже не хорошо, потому что мѵро святое изъ тѣла исходитъ отъ испарины.

Отецъ говоритъ:

— Такъ, такъ, да что же вчера-то за ссора была?

Женщины разсказали, что когда Гайдуша долго жаловалась на обременительную работу, докторъ нанялъ этого Яни слугу. Двѣ недѣли всего прожилъ онъ и не могъ болѣе. Съ утра Гайдуша все его учила и осуждала: «Ты звѣрь, ты животное, ты необразованный человѣкъ. Графины на самые углы стола ставь, а не на середку: такъ въ благородныхъ домахъ дѣлаютъ. Иди сюда, нейди туда! Вонъ изъ кухни, деревенщина! ты только мѣшаешь». Яни и сказалъ доктору: «Прости мнѣ, эффенди, я не могу у тебя больше жить. Эта чума (на Гайдушу) съ утра мнѣ голову ѣстъ!» А Гайдуша: «Я чума? я?» разъ! и за горло молод-

ца; онъ почернѣлъ даже. Докторъ сталъ отнимать у нея паликара бѣднаго. Она въ доктора вцѣпилась. Тогда уже Яни доктора сталъ защищать, и вмѣстѣ они хорошо ее наказали. Потомъ Яни съ вечера уже ушелъ, а Гайдуша на разсвѣтѣ прежде тарелки, блюда и чашки всѣ перебила въ кухнѣ, а потомъ взяла свои вещи въ узелокъ и ушла. Докторъ ей за шесть лѣтъ службы по тридцати піастровъ въ мѣсяцъ долженъ, это значитъ болѣе двадцати турецкихъ лиръ! Мало развѣ? Какъ слѣдуетъ приданое цѣлое. Теперь Гайдуша пойдетъ пашѣ жаловаться. А доктору и кушанья готовить сегодня некому, и домъ стоитъ пустой, и не вернется Гайдуша никогда! Мало-по-малу, пока старушка разсказывала, собралось около насъ много народу. Женщины, дѣти, одна сосѣдка уже и младенца грудного съ собою принесла и стала его кормить, другія съ пряжей сѣли по плитамъ и на землю. Двое нищихъ сѣли тоже слушать. Потомъ и заптіе-турокъ подошелъ посмотрѣть, нѣтъ ли какого безпорядку, увидалъ, что все мирно, и онъ присѣлъ поодаль на камушекъ, сдѣлалъ себѣ папироску, и одна изъ сосѣдокъ ему изъ дома уголь вынесла, а онъ поклонился ей и поблагодарилъ ее. И нищіе слушали внимательно и удивлялись, а заптіе-турокъ сказалъ: «Увы! увы! хуже злой женщины есть ли что на свѣтѣ!»

Наконецъ прибѣжала сосѣдская дѣвочка отъ Абдурраима-эффенди, принесла ключъ и сказала, что докторъ проситъ отца войти въ домъ и подождать его не больше получаса, пока онъ кончитъ всѣ дѣла у бея.

Отперъ отецъ дверь; мы взошли, и за нами нѣсколько сосѣдокъ тоже взошли въ сѣни. Онѣ стали намъ помогать вещи наши съ муловъ снимать. Мы ихъ благодарили. Та добрая старушка, которая намъ все разсказывала, безпокоилась, кто насъ сегодня накормитъ у доктора, а что самъ онъ вѣрно уже у турка бея позавтракалъ. «Развѣ ужъ мнѣ притти приготовить бѣдному Коэвино? Онъ у меня не разъ лѣчилъ дѣтей, чтобъ ему долго жить!» сказала она.

— И птицы небесныя питаются, а не то мы! — сказалъ ей отецъ.

Какъ только онъ это сказалъ, какъ вдругъ стрѣлой вбѣжала въ домъ сама эта Гайдуша, о которой вся рѣчь была: маленькая, смуглая, хромая; и глаза большіе, черные у нея, и какъ огонь!

И какъ закричитъ отцу: «Добро пожаловать, г. Полихроніадесъ, добро пожаловать! Извольте, извольте наверхъ... докторъ очень радъ будетъ!» А потомъ на сосѣдокъ: «Вы что же тутъ всѣ собрались? Все у васъ худое что-нибудь на умѣ у всѣхъ! Аманъ! аманъ! Что за злобу имѣютъ люди. Идите по добру по здорову по жилищамъ своимъ... Дѣти! вонъ сейчасъ всѣ... вонъ!»

Господи! что за женщина! Я испугался. Дѣтей повыкидала за двери... На женщинъ еще закричала. Одна было стала тоже на нее кричать: «Ты что? Да ты что?» А Гайдуша ей: «а ты что... А ты что? Разбойница!»

— Нѣтъ, ты разбойница! Ты чума!

Шумъ, крикъ. Отецъ говоритъ: «Стойте, стойте, довольно!» А Гайдуша одного нищаго въ спину, у другого нашъ мѣшокъ вырвала, который онъ съ мула снималъ. «Еще украдешь, разбойникъ»... Заптіе-турокъ въ двери заглянулъ на этотъ крикъ. Она и его: «Ты что желаешь, ага? Иди, иди. Не здѣсь твое мѣсто. Не здѣсь; я, слышишь ты, я это тебѣ говорю!» Турокъ ей:

— Ты въ умѣ ли, женщина?

Какъ она закричитъ на него: «Я? я? Не въ умѣ? Такая-то царская полиція должна быть?.. Вы что смотрите? Вотъ смотри лучше, что у васъ подъ городомъ два дня тому назадъ человѣка зарѣзали... Да я къ пашѣ пойду! Да мой докторъ, — первый докторъ въ городѣ. Его всѣ паши любятъ и уважаютъ...»

Наговорила, наговорила, накричала; какъ потокъ весенній съ горъ бѣжитъ, и не удержать ничѣмъ. Бѣдный турокъ только одежду на груди потрясъ и сказалъ: «Аманъ! аманъ! Женщина!» И ушелъ за другими.

Гайдуша какъ молнія и двери захлопнула и заперла ихъ изнутри и послѣ опять кричала: «Извольте, извольте». И ставни въ большихъ комнатахъ отпирала, и табакъ, и спич-

ки, и бумажку, и пепельницу отцу несла, и въ одну минуту и скрылась, и опять съ водой и вареньемъ на большомъ подносѣ предъ нами явилась и привѣтствовала насъ еще; и кофе сварила, и подала, и два раза зачѣмъ-то уже къ сосѣдкѣ одной сбѣгала, и помирилась съ ней, и вещи какія-то принесла, и мы уже видѣли ее, пока она въ кухнѣ птицей съ мѣста на мѣсто летала, завтракъ намъ готовила.

И отецъ сказалъ, какъ и заптіе, глядя на нее: «Ну женщина! Это діаволъ! Хорошо сказала твоя мать, что у Коэвино оставлять тебя страшно. Такая въ худой часъ и задушитъ и отравитъ ядомъ тебя».

Однако уже Гайдуша и соусъ прекрасный съ фасолью намъ изготовила, и вареную говядину съ картофелемъ, и фруктами и халвой насъ угостила, и множество разныхъ разностей, прислуживая намъ, очень умно и смѣшно намъ разсказывала, а хозяинъ нашъ все еще не шелъ.

— Опоздалъ докторъ, — сказалъ Гайушѣ отецъ.

А Гайдуша ему на это: — Коэвино человѣкъ очень образованный и въ Европѣ воспитанный. У него слишкомъ много ума и развитія для нашей варварской Яшины. Онъ любитъ разговаривать и спорить о любопытныхъ и высокихъ предметахъ. Вѣрно онъ заспорилъ или о вѣрѣ съ евреемъ какимъ-нибудь, или у Абдурраима-эффенди съ какимъ-нибудь имамомъ ученымъ: почему Фатьме, дочь Магомета, будетъ въ раю, а жена его, Аише, напримѣръ, не будетъ... Или въ русскомъ консульствѣ въ канцеляріи сидитъ и чиновникамъ про свою жизнь въ Италіи разсказываетъ. Бѣдный докторъ радъ, когда встрѣтитъ людей, имѣющихъ премудрость, или, такъ-сказать, капризъ какой-нибудь пріятный... И здѣсь у насъ христіане, даже и купцы, народъ все болѣе грубый... Впрочемъ прошу у васъ извиненія, что я, простая мещовская селянка, берусь при васъ, господинъ мой, судить о такихъ вещахъ!..

— Я съ удовольствіемъ тебя слушаю, — сказалъ ей отецъ.

А Гайдуша: — Благодарю васъ за вашу чрезмѣрную снисходительность къ моей простотѣ и безграмотности!

Я подумалъ: «Баба эта хромая краснорѣчивѣе многихъ

изъ насъ. Она не хуже самого Несториди говоритъ. Вотъ какъ ее Богъ одарилъ!»

Послѣ завтрака я нестерпимо захотѣлъ спать: сказать объ этомъ Гайдушѣ боялся и стыдился, долго ходилъ по всѣмъ комнатамъ, отыскивая себѣ пристанище и, наконецъ, нашелъ одну маленькую горницу внизу, съ широкимъ диваномъ и однимъ окномъ на тихій переулокъ.

Притворилъ поскорѣе дверь и упалъ на диванъ безъ подушки. Не успѣлъ я еще задремать, какъ Гайдуша вбѣжала въ комнату. Я испугался, вскочилъ и сѣлъ на диванѣ, чтобы показать, что я не сплю.

Но Гайдуша довольно милостиво сказала мнѣ:—«Спи, спи, дитя, отдыхай». Принесла мнѣ подушку, вспрыгнула мигомъ на диванъ, чтобы задернуть занавѣску на окнѣ, и поставила мнѣ даже свѣжей воды на случай жажды.

Сильно смущенный ея вниманіемъ, я сказалъ ей, краснѣя:

— Благодарю васъ, кира-Гайдуша, за ваше гостепріимство и прошу васъ извинить меня за то, что я такъ обременилъ васъ разными трудами.

Кажется бы и хорошо сказалъ?.. Что же могло быть вѣжливѣе съ моей стороны, приличнѣе и скромнѣе?

Но лукавая хромушка усмѣхнулась, припрыгнула ко мнѣ и, ущипнувъ меня за щеку, какъ какого-нибудь неразумнаго ребенка, воскликнула: «Глупенькій, глупенькій палликарчикъ горный... Спи ужъ, не разговаривай много, несчастный! Куда ужъ тебѣ!»

И ускакала изъ комнаты.

А я вздохнувъ крѣпко уснулъ. И не успѣлъ даже отъ утомленія вникнуть въ смыслъ ея словъ и разобрать, съ какою именно цѣлью она ихъ сказала, — съ худою или хорошею? Вѣрнѣе, что съ худою, однако; такъ казалось мнѣ. Спалъ я долго и проснулся только подъ вечеръ отъ ужаснаго крика и шума въ сосѣдней комнатѣ. Казалось, одинъ человѣкъ неистово бранилъ и поносилъ другого, топая ногами и проклиная его. Другой же отвѣчалъ ему голосомъ нѣжнымъ, трогательнымъ и быть можетъ даже со слезами.

Что за несчастіе?! Что случилось?

II.

Крикъ и шумъ, которые разбудили меня, не имѣли ничего опаснаго: это докторъ Коэвино разсказывалъ отцу моему о своихъ дѣлахъ и чувствахъ. Онъ пришелъ въ то время, когда я спалъ, и обрадовавшись искренно пріѣзду моего отца, то гнѣвался, то объяснялъ ему, какъ ему иногда горько и тяжело. И грозный голосъ и умоляющій, оба принадлежали доктору.

Я присѣлъ на диванъ поближе къ дверямъ и слушалъ.

— О! другъ мой, другъ мой! — говорилъ Коэвино грустнымъ голосомъ (и мнѣ казалось даже, что онъ можетъ быть и плачетъ). — Другъ мой! Во имя Божіе, прошу тебя, послушай меня!

— Я слушаю тебя, Коэвино, успокойся...—отвѣчалъ ему отецъ.

— Слушай, другъ мой! Я тебя прошу во имя Божіе, слушай меня внимательно и разсуди потомъ. Мы сидѣли всѣ на диванѣ вокругъ. Онъ, этотъ глупецъ, этотъ архонтъ, этотъ богачъ... сидѣлъ противъ меня. Разговоръ продолжался. Онъ говоритъ: «Всякій патріотъ долженъ согласиться, что эпироты сдѣлали много для эллинской цивилизаціи...» Я возразилъ на это, съ гордостію, могу сказать, что я не патріотъ!.. «Да, я не патріотъ... Клянусь честью моей, я презираю эллинскій патріотизмъ... Онъ для моего ума не понятенъ», — сказалъ я. А Куско-бей, вообрази себѣ, другъ мой, сардонически усмѣхнулся и говоритъ: «Для вашего ума, докторъ?.. быть можетъ!»

Я заинтересовался разсказомъ, я зналъ имя Куско-бея. Изъ христіанъ, онъ былъ первый богачъ въ Янинѣ, и у него было въ горахъ и по долинѣ Янинской до пяти имѣній съ обязанными крестьянами.

Но передавъ отцу колкій отвѣтъ Куско-бея, Коэвино надолго замолчалъ. Потомъ вдругъ какъ вскрикнетъ, какъ застучитъ ногами...

— Мнѣ! Мнѣ это сказать? и кто же?.. Янинскій архонтъ! который торговлей и мошенничествомъ составилъ себѣ огромное состояніе... Развратный человѣкъ... Развратъ исполненный, могу сказать, ума, граціи, изящества, — это другое дѣло! Но *его* развратъ, *его!* «Мой умъ, мой умъ, животное?—сказалъ я ему.—Ты, дуракъ и неучъ, развѣ въ силахъ судить о малѣйшей изъ идей моихъ. Ты, подлецъ и *хамалъ* *), знаетъ ли твой янинскій мозгъ, наконецъ, что такое идея? Я былъ въ Европѣ, оселъ! Мнѣ во Флоренціи рукоплескали профессора, когда я выдержалъ экзаменъ. Я ежедневнымъ трудомъ, познаніями хотѣлъ пріобрѣсти средства къ жизни... Выйдемъ вмѣстѣ отсюда сейчасъ, чтобы не оскорблять хозяина дома, и я, сойдя съ лѣстницы, размозжу тебѣ голову этой тростью! Ха, ха, ха! есть ли у тебя человѣческій мозгъ или свиной, или лошадиный, могу сказать!» Да! или лошадиный, могу сказать! Да!.. А? Полихроніадесъ; а? другъ мой, хорошо я его отдѣлалъ?.. Скажи, умоляю тебя, будь ты живъ и здоровъ всегда, скажи, что хорошо?..

— Что жъ хорошаго, — отвѣчалъ ему отецъ,—столькихъ враговъ себѣ создавать. Куско-бей человѣкъ сильный, богатый.

Я слышалъ, что Коэвино передразнилъ отца голосомъ:

— Сильный, богатый... архонтъ янинскій, подлецъ! Архонты! аристократія... Нѣтъ, я понимаю аристократію, я люблю ее, я самъ, могу сказать, аристократъ... Да! аристократія имени, рода, меча! Рыцарство. Заслуги государству, великія открытія науки и ума, наконецъ... такъ, какъ въ Европѣ. Но здѣсь эта наша низкая плутократія, господство капитала, интересовъ... А! насколько турки благороднѣе, возвышеннѣе ихъ, этихъ разносчиковъ нашихъ. Согласенъ ты?

Отецъ ему на это сказалъ:

— Не согласенъ, другъ мой, не согласенъ, извини. Я и самъ разносчикъ, вдобавокъ, скажу тебѣ, и небогатый. Хо-

---

*) Хамалъ — носильщикъ.

рошо тебѣ турокъ хвалить, когда ты докторъ и съ нихъ берешь деньги, а я изъ тѣхъ, съ которыхъ они берутъ, что̀ хотятъ. Знаешь ты это? Да, я самъ былъ разносчикомъ и хамаломъ, какъ есть. Мальчишкой я, согнувшись, ситцы и коленкоръ разносилъ на этихъ плечахъ. Хозяинъ посылалъ меня и въ жаръ и въ дождь по архонтскимъ жилищамъ, и я носилъ. Согласиться я съ тобой не могу!..

— О! прости мнѣ, другъ мой, если я тебя оскорбилъ! воскликнулъ Коэвино нѣжнымъ голосомъ. — Обними меня... и прости... Ты, я знаю, честный и благородной души человѣкъ... Нѣтъ, я честный трудъ люблю и уважаю. Я самъ трудомъ насущный хлѣбъ пріобрѣтаю. Но, видишь, я люблю сердце, священный огонь люблю въ человѣкѣ, умъ, могу сказать, чувства возвышенныя...

И, помолчавъ немного, докторъ продолжалъ такъ тихо, что я принужденъ былъ напрячь все мое вниманіе.

— Вотъ тебѣ примѣръ возвышенныхъ чувствъ въ бѣдности. Эта несчастная женщина Гайдуша. Она вспыльчива, какъ демонъ, но предана мнѣ по-рабски. Вчера вечеромъ она разсердилась и убѣжала изъ дома. Я былъ этимъ крайне разстроенъ. Но, замѣть, какая любовь, какая преданность... Какая глубина и тонкость чувствъ... Она ушла къ одной знакомой ей монахинѣ въ «Архимандрію» и увидала оттуда вашъ пріѣздъ... «Гости! у доктора!..» Въ одинъ мигъ забыты гнѣвъ, месть и злоба... Она бѣжитъ, летитъ на крыльяхъ. Она служитъ вамъ. И все это для чего? чтобъ я не осрамился предъ гостями... А? Это не умъ? Скажи. А? Это не чувство?

— Дѣвка умная, — сказалъ отецъ.

А докторъ опять къ нему:

— А? скажи? умная? А? скажи, развѣ не возвышенно это. А? скажи...

— Возвышенно, но зачѣмъ же она тарелки у тебя вчера всѣ перебила. Она, проклятая, должна бы помнить, что ты ежедневнымъ трудомъ пріобрѣтаешь деньги.

Коэвино въ отвѣтъ на это отцовское замѣчаніе захохоталъ изо всѣхъ силъ и должно быть запрыгалъ даже,

потому что полъ затрясся во всемъ домѣ. А потомъ закричалъ:

— А! Тарелки! браво! Мнѣ это нравится. Я люблю этотъ грозный гнѣвъ! Этотъ пламень чувствъ... Тарелки бьетъ! Браво! Паликаръ женщина! Я люблю эту фуріозность, фурію, гнѣвъ, эту страсть! И потомъ замѣть, что она разбила двѣнадцать дешевыхъ тарелокъ, а фарфоровыя не тронула... О! нѣтъ... Я тебѣ сейчасъ покажу ихъ... Одинъ сервизъ мнѣ подарилъ Абдурраимъ-эффенди, благородный турокъ!

Докторъ кликнулъ Гайдушѣ, сказалъ ей повелительно и грознымъ голосомъ:

— Бѣги скорѣй и принеси оба сервиза фарфоровыхъ сюда, показать господину Полихроніадесу. И голубой, и тотъ, который съ разноцвѣтными узорами. Оба! живо! О! голубой. Это прелесть! Его мнѣ подарилъ Абдурраимъ-эффенди, благородный турокъ.

— Хорошо, но дитя тамъ спитъ, гдѣ спрятанъ фарфоръ.

Тутъ Коэвино закричалъ:

— А! да, дитя. Сынъ! Это правда. Я его забылъ. Тѣмъ лучше, пусть онъ встанетъ, мы и его посмотримъ... Сынъ... Онъ вѣроятно теперь большой... Одиссей, вставай!

Я поспѣшно поправился передъ зеркаломъ и пошелъ въ гостиную съ нѣкоторымъ страхомъ и смущеніемъ.

Увидавъ меня, докторъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ и улыбаясь разсматривалъ меня долго въ лорнетъ.

— А! сынъ... Дитя! Одиссей! А! Въ халатикѣ, по-древнему! браво! обернись спиной... Въ саванѣ турецкомъ. Живи и будь здоровъ!

Меня ужасно оскорбило замѣчаніе доктора насчетъ моего халатика или «турецкаго савана», и я послѣ этого цѣлый вечеръ былъ разстроенъ и печаленъ. «Лучше провалиться подъ землю, думалъ я, чѣмъ жить такъ, какъ я живу! Что за несчастіе! Лучше бы меня уже въ цвѣтѣ юности моей Харонъ взялъ. Это мученіе! Консулъ смѣется надо мной, что я не такъ говорю; этотъ сумасшедшій говоритъ, что на мнѣ саванъ турецкій! И правда! я уже давно думалъ, что

надо бы мнѣ франкское платье сшить, какъ всѣ благородные люди нынче носятъ. Увы! Все горе намъ бѣднымъ! На чужбину теперь меня увезли изъ родного гнѣздышка, бѣднаго меня и несчастнаго! А пристанища нѣтъ, нѣтъ убѣжища! Консульство безъ консула стоитъ, а здѣсь оставаться я не могу. Голубушка мать моя, канарейка моя золотая, хорошо сказала, что въ этомъ домѣ мнѣ жить нельзя... Женщина эта дьяволъ самъ во образѣ женщины. Шутка это, вчера на жандарма на турецкаго закричала! Что же я такое для нея послѣ этого? Червь, котораго она растоптать можетъ. А самъ докторъ? И онъ тоже не заслуживаетъ никакой похвалы; ибо не прилично образованному и благородному человѣку оскорблять и срамить такъ своихъ гостей. Саванъ турецкій! увы! это не жизнь, а мученье, это чужбина. Въ Франгадесѣ, въ отчизнѣ моей, никто меня такъ не оскорблялъ и никто надо мной не смѣялся!»

Хорошо дѣлаютъ люди, что осуждаютъ этого Коэвино. Пристойно ли человѣку въ лѣтахъ такъ кричать и прыгать? И выдумалъ еще что! Простую свою и безграмотную Гайдушу возвышаетъ надъ янинскими архонтами, надъ землевладѣльцами и великими торговцами, которые въ училищахъ обучались. Нѣтъ, онъ глупъ и дурной души человѣкъ, и я скажу отцу, что я въ домѣ этомъ жить боюсь и не буду!

Весь вечеръ послѣ этого я провелъ въ подобныхъ мысляхъ. Пойти мнѣ было некуда безъ отца, потому что я никого въ Янинѣ не зналъ. Итакъ, я сидѣлъ въ углу и смотрѣлъ до полуночи почти съ отвращеніемъ, какъ Коэвино безъ умолку разсказывалъ и представлялъ отцу разныя вещи. И чего онъ не разсказывалъ, чего онъ не представлялъ! И чего онъ только не осуждалъ и кого не бранилъ!

И на вѣру христіанскую нападалъ, и на духовенство наше греческое.

И про Италію очень долго разсказывалъ, какіе улицы и дворцы, и какіе графы и графини въ Италіи его уважали, и какъ папу выставятъ на площадь. И опять, какъ ему ру-

коплескали. Говорилъ и о консулахъ яническихъ; разсказывалъ, какъ они всѣ его уважаютъ и какъ принимаютъ прекрасно. Хвалилъ г. Благова. «Милый, благородный, жить умѣетъ». Хвалилъ старика англичанина: «Прекрасной фамиліи... Корбетъ де-Леси! Почтенный старецъ Корбетъ де-Леси! Прекрасной фамиліи... Голубой крови человѣкъ... Почтенный старецъ Корбетъ де-Леси!..» Француза monsieur Бреше хвалилъ меньше; «не воспитанъ,— сказалъ онъ, и довольно грубъ». Про австрійскаго консула отзывался, что онъ толстый, добрый поваръ, изъ пароходной компаніи «Лойда». А про эллинскаго закричалъ три раза: «дуракъ, дуракъ, дуракъ! Кукла, кукла въ мундирѣ, кукла!»

И патріотизмъ опять порицалъ.

— Я патріотъ? Я? О, это оскорбленіе для меня. Это обида! Эллада! Какіе-то босые крикуны... Ха-ха-ха! Великая держава въ одинъ милліонъ. Ни ума, ни остроумія, ни аристократіи, ни пріятнаго каприза и фантазіи! Мой патріотизмъ для всего міра, патріотизмъ вселенскій. Англичанинъ-лордъ, джентльменъ, который при женѣ безъ фрака за столъ не сядетъ. Французъ любезный. Русскій бояринъ. О! русскіе, это прелесть. Дѣльнѣе французовъ и любезнѣе англичанъ. Вселенная, вселенная! Я ее обнимаю въ душѣ моей. Турокъ, наконецъ турокъ! Абдурраимъ-эффенди, тотъ самый, который мнѣ голубой сервизъ подарилъ.

И потомъ началъ приставать къ отцу:

— А? скажи? цвѣтъ небесный съ золотомъ. Это хорошо? Скажи, благородный вкусъ? благородный? Абдурраимъ-эффенди! Вкусъ! Абдурраимъ-эффенди! Вкусъ!

Бѣдный отецъ чуть живъ отъ усталости и сна сидѣлъ. Я отдохнуть успѣлъ послѣ завтрака, а несчастный отецъ сидѣлъ на диванѣ чуть живой отъ утомленія и сна. Иногда онъ и пытался возражать что-нибудь безумному доктору, вѣроятно для того лишь, чтобы рѣчью самого себя немного развлечь и разбудить, но Коэвино не давалъ ему слова сказать. Отецъ ему: «А я тебѣ скажу...» А Коэвино громче: «Абдурраимъ-эффенди! Аристократія! графъ... Гайдуша... архонты всѣ подлецы!»

Отецъ еще: «Э! постой же, я тебѣ говорю...» А Коэвино еще погромче: «Разносчики всѣ... А? скажи мнѣ? А, скажи? Благовъ, Корбетъ де-Леси, Абдурраимъ, Корбетъ де-Леси, Благовъ, Италія, папа, фарфоръ голубой: у меня три жакетки изъ Вѣны послѣдней моды... Фарфоръ... Благовъ, Корбетъ де-Леси!..»

Самъ смуглый, глаза большіе, черные, выразительные, волосы и борода густые, и черные и сѣдые. Въ одинъ мигъ онъ мѣнялся весь; взглядъ то ужасный, грозный, дикій, то сладкій, любовный; то выражалъ онъ всѣми движеніями и голосомъ и глазами страшный гнѣвъ; то нѣжность самую трогательную; то удивленіе, то восторгъ; то ходилъ тихо и величаво, какъ царь всемощный по комнатѣ, только бровями сверкая слегка, а то вдругъ начиналъ хохотать, и кричать, и прыгать.

Господи, помилуй насъ! Силъ никакихъ не было терпѣть, наконецъ! У отца голова на грудь падала, но докторъ все говорилъ ему: «А, скажи? А, скажи?..» А сказать не давалъ.

Било десять на большихъ часахъ, отецъ всталъ съ дивана и сказалъ:

— Время позднее, докторъ, не снять ли уже намъ съ тебя бремя бесѣды нашей?

— Нѣтъ, — говоритъ, — я не усталъ и радъ тебя видѣть.

Било одиннадцать. Тоже. Било двѣнадцать, полночь...

— Ты уже спишь, я вижу, — сказалъ наконецъ Коэвино отцу.

— Сплю, другъ мой, прости мнѣ, сплю, — отвѣчалъ отецъ не поднимая уже и головы, бѣдный!

Коэвино огорчился, и я съ досадой замѣтилъ, что у него какъ бы презрѣніе выразилось на лицѣ: посмотрѣлъ на отца съ пренебреженіемъ въ лорнетъ, замолчалъ и позвалъ Гайдушу, чтобъ она намъ стелила.

— Я давно постелила, — отвѣчала Гайдуша. — Я сама деревенская и знаю, что деревенскіе люди привыкли рано спать. Это мы только съ вами, господинъ докторъ, привыкли такъ поздно бесѣдовать.

И усмѣхнулась хромушка и прыгнула какъ заяцъ въ сторону.

Опять оскорбленіе! Этотъ изступленный и на отца, котораго самъ же до полусмерти измучилъ, смотритъ съ презрѣніемъ въ стекло свое франкское, папистанъ такой, еретикъ ничтожный! И на меня стекло это оскорбительно наводитъ. И, наконецъ, эта хромая *ламія*, эта колдунья, смѣетъ про насъ, загорцевъ, говорить, что мы деревенскіе люди.

Нѣтъ, я скажу отцу: «Отецъ! ты меня родилъ, ты и похорони меня, отецъ, золотой ты мой, а я жить здѣсь не буду».

Когда мы остались одни, я снялъ съ отца сапоги и помогъ ему раздѣться, и онъ все время принималъ услуги мои молча и съ закрытыми глазами. Раздѣлся онъ и упалъ на постель не помолившись даже по обычаю, а только успѣлъ сказать:

— Помилуй насъ, Боже, помилуй насъ!

Я тоже легъ, помолчалъ и говорю:

— Отецъ!

А онъ спрашиваетъ:

— Что?

Я говорю:

— Отецъ, ты меня родилъ, ты и похорони меня, а я здѣсь жить не могу.

Отецъ ни слова даже и не отвѣтилъ; онъ уже глубокимъ сномъ спалъ.

А я, какъ отдохнулъ послѣ завтрака, то не могъ такъ скоро заснуть и довольно долго тосковалъ и вздыхалъ на постели, размышляя о томъ, какъ тяжела въ самомъ дѣлѣ чужбина. Теперь еще и отецъ мой золотой со мною, есть кому защитить и отъ турецкой власти, отъ паши, и отъ Коэвино, и отъ Гайдуши. А когда одинъ останусь... Бѣдная голубка мать моя что-то думаетъ теперь? И бабушка моя дорогая? И Константинъ? И Несториди? И служанка наша добрая?

И вся молитва моя была, чтобы г. Благовъ, русскій кон-

сулъ, возвратился поскорѣе и чтобы мнѣ жить у него подъ сѣнью двуглаваго орла всероссійскаго. Онъ хоть и пошутилъ надо мною, но совсѣмъ иначе. А этотъ во весь вечеръ даже и вниманія не обратилъ на меня.

Кромѣ комплимента о турецкомъ саванѣ ничего не нашелъ сказать!

Нѣтъ, онъ даже очень глупъ послѣ этого, я вижу.

Съ этими мыслями я заснулъ наконецъ и на другое утро проснулся довольно поздно опять отъ шума и хохота! Коэвино хохоталъ и кричалъ уже въ самой нашей комнатѣ.

Я открылъ глаза и съ изумленіемъ увидалъ, что онъ самъ точно въ такомъ же турецкомъ саванѣ, какъ и я, т.-е. въ ситцевомъ халатѣ, въ длинной шубѣ (джюбѐ) съ широкими рукавами, въ фескѣ, шалью подпоясанъ по нижнему халату, куритъ чубукъ, отца кофеемъ угощаетъ, хохочетъ и говоритъ ему:

— Теперь къ тебѣ съ визитами многіе пріѣдутъ! Архонты! Попы!.. Принимай ихъ пока у себя въ гостиной, а мнѣ для туалета моего нужно еще по крайней мѣрѣ два часа... Я раньше и къ больнымъ никогда не выхожу. Что я носильщикъ что ли? Архонтъ я янинскій, чтобъ я сталъ рано выходить изъ дома! А? скажи мнѣ? А! Правъ я? А!

На меня онъ опять взглянулъ небрежно въ лорнетъ, даже и съ добрымъ утромъ не привѣтствовалъ меня и ушелъ на другую половину дома. А мы съ отцомъ остались, наконецъ, одни. Дождался я этой минуты!

— Что, Одиссей, — спросилъ отецъ ласково, — здоровъ ли ты?

Я сказалъ, что здоровъ, но нарочно придалъ себѣ опять печальный видъ.

— Однако, ты не веселъ, вижу? — спросилъ опять отецъ, — мордочку свою внизъ повѣсилъ?.. Что такъ?

— Отецъ! — сказалъ я тогда съ чувствомъ, складывая предъ нимъ руки, — прошу тебя, не оставляй меня въ этомъ домѣ!..

Отецъ молчалъ задумчиво.

А я воодушевился и передалъ ему, что Гайдуша назва-

ла насъ съ нимъ деревенскими людьми, на что онъ отъ усталости не обратилъ вѣроятно вниманія. Сказалъ и о саванѣ турецкомъ, и о страхѣ, который наводятъ на меня Коэвино вспыльчивостью своей, а Гайдуша своею змѣиною злобой...

— Это вѣдьма хромая, вѣдьма, а не женщина! — говорилъ я. — Отдай меня въ русское консульство. Прошу я тебя и умоляю!

Отецъ долго молчалъ еще и слушалъ меня и, наконецъ, сказалъ:

— Оно и правда, что мытарства наши еще не кончились, видно. Однако съ надеждой на Бога подождемъ еще немного. Гайдуша — вѣдьма; это ты хорошо сказалъ. Ей, я думаю, и убить въ гнѣвѣ человѣка нетрудно. Ничего, однако, подождемъ еще.

Мнѣ этотъ отвѣтъ отца показался жестокимъ, и я подумалъ про себя:

«Подождемъ, подождемъ!..» Вотъ и отецъ иногда ко мнѣ не сострадателенъ. О саванѣ турецкомъ вотъ ни слова не упомянулъ. Отчего бы ему не сказать прежде всего: — Сынъ мой Одиссей! Я сошью тебѣ скоро, какъ можно скорѣе, модный сюртучокъ à la franca, чтобы не смѣялись люди надъ твоимъ турецкимъ халатикомъ. Подождемъ! Да, а каково жить такъ, объ этомъ отецъ не спроситъ? Каково жить мнѣ такъ. И въ турецкомъ платьѣ ходить, и оскорбленія терпѣть отъ чужихъ людей ежечасно. Сельскіе люди: — спите рано! Говорить не умѣете! Ну, чужбина! Истину говоритъ пѣсенка наша народная про злую чужбину:

Ахъ! Не могу ходить я, бѣдный, не могу я...
Ахъ! ножки ноютъ у меня, ахъ, и колѣна гнутся.
Нѣтъ матушки поплакать обо мнѣ и нѣтъ жены со мною.
И братцевъ милыхъ нѣтъ, чтобъ съ ними пошептаться.
Анаѳема тебѣ, чужбина, да! анаѳема, со всѣмъ твоимъ добромъ.

III.

Мы прожили у доктора Коэвино въ домѣ около трехъ недѣль. Я за это время думалъ иногда, что умъ потеряю. У доктора всякій день что-нибудь новое; то ссоры опять съ Гайдушей, то миръ; то крикъ и разсказы за полночь. Мы ходили съ отцомъ по городу, смотрѣли, принимали визиты, отдавали ихъ. Сколько я новыхъ людей за это время увидалъ! Сколько памятниковъ старины! Сколько новыхъ рѣчей услыхалъ! Какъ же на всѣхъ этихъ людей и на всѣ эти новые для меня предметы смотрѣлъ, открывъ широко глаза, и какъ я многому дивился! Всѣхъ чувствъ моихъ я и передать тебѣ не могу!

Мы ходили съ отцомъ въ старую крѣпость, которая такъ романтически высится на неприступныхъ скалахъ надъ озеромъ.

Мы видѣли высокую деревянную башню надъ крѣпостными воротами; съ нея въ послѣдній разъ съ горестью смотрѣлъ Али-паша эпирскій на пораженіе своихъ дружинъ султанскими войсками. Видѣли его гробницу, подобную бесѣдкѣ изъ узорнаго желѣза... Подъ этимъ узорнымъ, уже ржавымъ, навѣсомъ лежитъ его безглавое тѣло. Голова его, многодумная, голова рождающая, женская *), какъ у насъ говорятъ, была отправлена въ Стамбулъ. Вездѣ до сихъ поръ по всему Эпиру видны слѣды его мысли, и слышно его имя.

Здѣсь идетъ заброшенная мостовая по дикой горѣ. Кто велъ дорогу эту, теперь забытую нерадѣніемъ? Али-паша эпирскій велъ ее. Тамъ остатокъ канала, старый мостъ; тутъ мѣсто, гдѣ у него содержались для забавы дикіе звѣри. Вотъ здѣсь жила несчастная Евфросинія, которую любилъ его сынъ Мухтаръ и которую старикъ Али утопилъ ночью въ Яшинскомъ озерѣ изъ ревности, ибо и самъ влюбился въ нее страстно.

---

*) *Голова женская* въ просторѣчіи у грековъ, голова женскаго пола, не значитъ такая, какъ у женщинъ, а рождающая, плодовитая голова.

Здѣсь онъ однажды въ гнѣвѣ повѣсилъ на окнѣ сына одной вдовы... Вотъ окопы его, окружавшіе городъ. Вотъ старый и богатый бей турецкій, который помнитъ страшнаго владыку. Онъ здоровъ, но ходитъ согбенный. Еще онъ былъ отрокъ невинный, когда Али-паша приковалъ его, по злобѣ на отца его, въ тѣсномъ углубленіи стѣны въ темницѣ и такъ держалъ его долгіе годы.

Вотъ другой старикъ, христіанинъ, дряхлый и молчаливый капитанъ. Молодымъ паликаромъ онъ служилъ сыновьямъ паши, сражался въ рядахъ его стражи, былъ имъ любимъ и едва не погибъ вмѣстѣ со всею семьей его отъ султанскаго гнѣва.

Тамъ, за горами, христіанскій древній скитъ, котораго сѣдой игуменъ также помнитъ его. Онъ посѣщалъ этотъ бѣдный скитъ, заѣзжая отдыхать въ него съ охоты, чтилъ, любилъ его, иногда одарялъ.

Вотъ зеленѣетъ издали на озерѣ небольшой островокъ; среди деревьевъ видны зданія. Это тоже скитъ. Туда скрылся побѣжденный Али съ любимою женою своей и лишь однимъ вѣрнымъ слугой; тамъ умертвили его люди султана. Старый полъ смиренной обители хранитъ еще тѣ отверстія, которыя пробили въ немъ пули, и подъ навѣсомъ простого досчатаго крыльца еще цѣлъ деревянный столбъ, разсѣченный глубоко ятаганомъ столь долго непокорнаго сатрапа.

Мы входили съ отцомъ и въ деревянный желтый конакъ городской, который онъ построилъ и въ которомъ жилъ. Теперь въ немъ засѣдаетъ правитель края и производитъ судъ и расправу. Мы посѣтили по дѣламъ отцовскимъ нѣсколькихъ турецкихъ чиновниковъ, и одинъ изъ нихъ, молодой Сабри-бей, очень образованный и вѣжливый, водилъ насъ даже въ большую залу съ колоннами и расписнымъ золоченымъ потолкомъ, въ которой Али-паша принималъ иногда парадныя посѣщенія. «Здѣсь онъ сидѣлъ вооруженный, — разсказываютъ люди, — и посѣтители спѣшили проходить, низко кланяясь, мимо его въ противоположную дверь. Онъ внимательно присматривался къ ихъ движені-

ямъ, ибо остерегался враговъ и въ толпѣ гостей столь почтенныхъ и преданныхъ съ виду»....

Мнѣ показалъ отецъ издали и ту часть зданія, гдѣ у Али былъ гаремъ. До сихъ поръ на наружной стѣнѣ видны какія-то грубыя, не ясныя изображенія оружія, знаменъ и какъ будто огонь пылающій и дымъ.

Въ просторномъ жилищѣ старикъ былъ окруженъ свирѣпою и отважною дружиной, которая вѣрно охраняла его. Суліотъ православный, янинскій турокъ, приверженный исламу, и арнаутъ, равнодушный ко всякой вѣрѣ, ему были одинаково дороги, лишь бы всѣ они молодецки творили грозную волю его.

Пятьсотъ дѣвицъ, одна моложе и красивѣе другой, и пятьсотъ отроковъ и юношей прекрасныхъ служили ему, веселили и развлекали его.

И дѣвушки эти, и юноши были нарядны, разукрашены у него, въ шелку, въ червонцахъ, въ фустанеллахъ бѣлыхъ, зимой въ шубкахъ, богато расшитыхъ золотыми узорами. Когда ему, подъ старость его, становилось иногда скучно, онъ выбиралъ самыхъ красивыхъ изъ юношей этихъ, заставлялъ ихъ веселиться и обниматься при себѣ съ дѣвицами, а самъ сидѣлъ на софѣ, курилъ и любовался на нихъ.

Когда онъ ѣхалъ въ дорогу верхомъ, пѣшіе паликары бѣжали вокругъ него, и музыка играла, когда онъ приказывалъ.

Мнѣ показалъ отецъ еще на башнѣ у входа въ крѣпость изваянное изъ темнаго камня лицо человѣка съ усами.

Я спросилъ, что это значитъ? И отецъ сказалъ мнѣ такъ: «Говорятъ, что внутри хранится голова одного смѣлаго разбойника, который опустошалъ страну; Али-паша изловилъ его, снялъ ему съ лица еще живому кожу, вставилъ отрубленную голову его въ стѣну и велѣлъ въ этомъ мѣстѣ изобразить изъ камня его лицо, на вѣчный страхъ другимъ».

Грозное было то время. Не всякому такое время было подъ силу.

Мы ходили также на поклоненіе мощамъ мученика нынѣшняго вѣка, чтимаго святымъ, Георгія Новаго, Янинскаго, и въ домъ его сына, который только что женился на молодой дѣвушкѣ, одной изъ первыхъ красавицъ въ городѣ. Тихая, кроткая и прелестная дѣвушка.

Но еще ты знаешь ли, когда и какъ пріялъ свой недавній и свѣжій мученическій вѣнецъ нашъ Георгій Янинскій? Боюсь, что ты забылъ о немъ, или даже вовсе и не знаешь этой новой славы твоего племени, славы смиренно погребенной въ тихихъ долинахъ нашего полудикаго Эпира... Боюсь, что классическіе мраморы древнихъ эллинскихъ Пропилей, отъ сосѣдства которыхъ ваша современная аѳинская жизнь все-таки не становится ни пышнѣе, ни изящнѣе, боюсь, что эти вѣчные мраморы угасили въ тебѣ всякую искру любви къ инымъ проявленіямъ греческаго духа, къ тѣмъ суровымъ и вмѣстѣ восторженнымъ примѣрамъ, которыхъ сіяло столько и въ циркахъ языческихъ царей, и въ тюрьмахъ византійскихъ еретиковъ-гонителей, и подъ грозою сарацинской, и подъ страхомъ еще недавней турецкой кровожадности, подъ страхомъ необузданнаго своеволія надменныхъ намѣстниковъ султана!..

Икона нашего эпирскаго святого ходатая за насъ бѣдныхъ и грѣшныхъ у престола Господня пишется по обычаю такъ: молодой паликаръ, въ обыкновенной арнаутской одеждѣ, въ бѣлой фустанеллѣ и фескѣ, покрытый *багряным*ъ плащомъ, означающимъ его мужество, его царственную заслугу предъ церковью христіанской, стоитъ держа въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой *пальму* страданія. Рядомъ съ нимъ, на каменной стѣнѣ, повѣшенъ полуобнаженный его же трупъ съ глубокою раной въ груди, источающей кровь. На небѣ дальнее сіяніе...

Я желалъ бы, чтобы когда-нибудь мою загорскую родную комнату украсила бы подобная икона того изящнаго русскаго искусства, которое намъ, грекамъ, такъ нравится и которое умѣетъ сочетать такъ трогательно для вѣрующаго прелестную идеальность византійскихъ орнаментовъ, золотое поле, усѣянное матовыми цвѣтами и узора-

ми, съ естественностью лика; сочетать выраженіе живое, теплое, близкое намъ, одежду и складки, полныя правды, съ вѣковою неподвижностью позы, съ нерушимыми правилами преданія и церковнаго нашего вкуса, которому такъ чуждъ и хладенъ кажется разнузданный идеалъ итальянскихъ церковныхъ картинъ... Я первый... не скажу, *сознаюсь*, о, нѣтъ!.. я съ радостью и гордостью скажу тебѣ, что я могу любоваться на картину Делароша или Рафаэля, я могу восхищаться ими. Но молиться я могу лишь на *икону*, какова бы она ни была,—бѣдной ли и мрачной нашей греческой работы, или русской кисти, въ одно время и щегольской, и благочестивой, и веселой, и строгой.

Такой бы кисти дорогую икону нашего святого эпирота я желалъ бы повѣсить въ моемъ загорскомъ жилищѣ, чтобы молиться предъ нею по вечерамъ, когда старикомъ сподобитъ меня Господь Богъ провести на родинѣ хоть десять или двадцать послѣднихъ лѣтъ предъ страшнымъ и неизбѣжнымъ концомъ...

Св. Георгій жилъ въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка и былъ еще молодъ, когда смерть постигла его неожиданно. Онъ долго служилъ *сеисомъ**) у богатыхъ турокъ. Турки его любили за его тихій и серьезный нравъ.

Въ Янинѣ одинъ ходжа, увидавъ разъ, что онъ исполняетъ христіанскіе обряды, по злобѣ (а можетъ быть и по ошибкѣ) обвинилъ его въ томъ, что онъ не христіанинъ отъ рожденія, но мусульманинъ, измѣнившій исламу. Георгій еще наканунѣ былъ смущенъ предчувствіемъ и, ужиная вечеромъ съ семьей, всталъ вдругъ изъ-за стола и, воскликнувъ печально, что судьба его скоро свершится, вышелъ вонъ.

Въ странѣ тогда царствовалъ ужасный безпорядокъ. Паша былъ безсмысленъ и жестокъ. Георгія судили; убѣждали и лаской, и угрозами отречься отъ Христа, заключали въ тюрьму, били, давили ему грудь большимъ камнемъ, наконецъ, повѣсили и приставили къ тѣлу стражу.

---

*) *Сеисъ* — конюхъ, кучеръ.

Одинъ изъ низамовъ осмѣлился изъ кощунства выстрѣлить въ висящій трупъ мученика; но внезапный свѣтъ, который разлился вокругъ священнаго тѣла, привелъ и его самого и всѣхъ товарищей его въ такой ужасъ, что они покинули свой постъ, бѣжали оттуда и клялись начальству своему, что этотъ убитый человѣкъ святъ и угоденъ Богу...

Въ маленькой церкви на дворѣ митрополіи стоитъ его высокая мраморная гробница. Надъ нею, на стѣнѣ изображены судъ и страданія святого.

И, когда видишь на этихъ простыхъ и неискусныхъ картинахъ столько правды, когда видишь молодого сеиса, одѣтаго не въ хитонъ или древнюю тогу, а въ ту самую одежду, въ которой тутъ же стоятъ и молятся и янинскіе и сельскіе наши люди, когда видишь, что солдаты турецкіе, которые кладутъ тяжелый камень на грудь герою вѣры и стрѣляютъ въ его удавленный трупъ, тоже одѣты въ нынѣшнюю европейскую, низамскую одежду, когда смотришь на все это внимательно, тогда дѣйствіе на душу христіанина становится еще живѣе и глубже... Видишь тогда и чувствуешь ясно, что для великихъ примѣровъ нѣтъ намъ, грекамъ, нужды обращаться къ вѣкамъ Діоклетіана или первыхъ сарацинскихъ нашествій; и что вчерашній день нашей Восточной церкви такъ же великъ, какъ и глубокая древность.

Мы приложились къ мраморной ракѣ и отслужили *параклисъ* *), за здравіе наше и всей семьи.

Бѣлый домикъ, въ которомъ живетъ почти у выѣзда изъ города сынъ святого, такъ и зовется домикъ св. Георгія. Онъ не очень малъ и не старъ съ виду. Покои его чисты и просторны; диваны турецкіе въ пріемной покрыты простымъ и толстымъ льняннымъ полотномъ домашней работы, бѣлымъ съ голубыми полосками. Одна большая комната увѣшана иконами и лампадами, какъ церковь; въ нее, такъ же какъ и въ придѣлъ митрополіи, заходятъ люди вспо-

*) *Параклисъ* — придѣлъ; но употребляется обыкновенно и въ смыслѣ молебна.

мнить о мученикѣ и помолиться и жертвуютъ что-нибудь на свѣчи и масло для лампадъ; частью, вѣроятно, и на нужды семьи. Хозяинъ и молодая стыдливая красавица, жена его, приняли насъ съ великимъ почтеніемъ и лаской. Мы молились и пили у нихъ кофе. Мнѣ очень понравилось у нихъ все; но отецъ мой думалъ иначе.

Вышедши изъ дома на улицу, онъ съ сожалѣніемъ сказалъ мнѣ:

— Если бы меня сподобилъ Богъ родиться сыномъ святого или мученика, я бы никогда не женился, а постригся бы смолоду въ иноки и жилъ бы одинъ или съ почтеннымъ старцемъ какимъ-либо въ этомъ домѣ. Такъ было бы гораздо пристойнѣе!

Подумавъ и я согласился, что отецъ былъ правъ.

Всѣ эти воспоминанія кровавыхъ событій, видъ всѣхъ этихъ мѣстъ, еще хранящихъ столько живыхъ и неостывшихъ слѣдовъ прежняго порядка, были бы, конечно, страшны, если бы думать о нихъ глубоко; и точно, позднѣе я не разъ, вспоминая о первыхъ прогулкахъ моихъ съ отцомъ по Янинѣ, содрогался и снова благословлялъ Россію, которая побѣдами своими смирила гордость турокъ и достигла того, что съ ними теперь не только можно жить, но и любить ихъ можно иногда сердечно; ибо до тѣхъ поръ, пока не возбуждено въ нихъ религіозное чувство до изступленія, до пожирающаго пламени, они добры, уступчивы, великодушны, ласковы...

Я готовъ сознаться, что многіе изъ нихъ по прекраснымъ свойствамъ души, по добротѣ и милосердію стоятъ гораздо выше насъ... Если бы ты былъ иностранецъ, я бы не сказалъ тебѣ этого; но зачѣмъ я буду скрывать правду отъ грека?

Все это, и хорошее и худое про турокъ, я обдумалъ гораздо позднѣе... А тогда я, гуляя съ отцомъ по городу, смотрѣлъ на все то разсѣянно, то внимательно; слушалъ разсказы про Али-пашу, про столькія убійства, грабежи, про всѣ эти войны, набѣги и казни; но слушалъ такъ, какъ будто бы я читалъ занимательную книгу. Особенна-

го страха я не чувствовалъ даже и на улицѣ. Мы встрѣчали довольно много ходжей въ чалмахъ и янинскихъ беевъ съ суровыми выразительными глазами: я взглядывалъ на нихъ и робко, и внимательно, мгновенный страхъ овладѣвалъ мною; но отецъ шепталъ мнѣ, что всѣ янинскіе турки потому и фанатики, что ихъ мало, что грековъ много, что граница свободной Жады близка, и гордость смѣнила въ моемъ сердцѣ тотчасъ минутное это движеніе страха. Встрѣчались намъ солдаты цѣлыми партіями: они шли, тяжело ступая по мостовой и бряцая доспѣхами; отецъ провожалъ ихъ полунасмѣшливо глазами и говорилъ: «Какъ мало у нихъ здѣсь войска, у бѣдныхъ!» И мы шли спокойно дальше; встрѣчались чиновные турки; мы имъ почтительно уступали дорогу, и нѣкоторые изъ нихъ намъ вѣжливо кланялись.

Чего жъ мнѣ больше? Что мнѣ нужно? Живи, Одиссей, веселись, мой бѣдный, и будь покоенъ!

И что я буду дѣлать противъ турокъ, чтобы мнѣ такъ бояться ихъ? Уступить дорогу я съ радостью всегда уступаю; поклониться имъ не трудно... На войну противъ нихъ я никогда не рѣшусь итти, думалъ я, избави Боже... И гдѣ война? Гдѣ казни? Гдѣ ужасы? Гдѣ кровь? Городъ попрежнему, какъ въ первый день пріѣзда нашего, все такъ же тихъ и миренъ; предмѣстья его всѣ въ садахъ веселыхъ; за предмѣстьями, въ обѣ стороны, такъ кротко зеленѣетъ узкая и длинная долина... Осенніе дни ясны и теплы. Люди всѣ спокойно заняты работой и дѣлами; грековъ такъ много, и между ними столько отважныхъ молодцовъ; у стольких въ домѣ есть оружіе, у столькихъ за поясомъ или въ обуви спрятанъ острый ножъ; турокъ меньше; синія горы свободныхъ эллинскихъ предѣловъ близки... И еще ближе вѣетъ надъ высокою каменною стѣной трехцвѣтный русскій флагъ...

Благовъ! Благовъ, мой милый! О, мой молодчикъ! Гдѣ ты? Возвратись скорѣй, мой молодой и красивый эффенди! У тебя въ домѣ, подъ сѣнью русскаго орла, я не боялся бы и самого грознаго султана! Я не ужаснулся бы и его царскаго гнѣва подъ твоею защитой!

IV.

Г. Благовъ все еще не возвращался, и скоро мы получили извѣстіе, что онъ уѣхалъ въ Македонію для свиданія съ другимъ консуломъ русскимъ, и неизвѣстно, когда возвратится. «Посмотримъ, что задумала еще Россія?» говорили люди. «Прежде она все съ обнаженнымъ мечомъ надъ Турціей стояла, а теперь за развалинами Севастопольскими прилегла и въ подзорную трубку смотритъ».

Первые дни мы, по старому обычаю, принимали посѣщенія, сидя дома съ ранняго утра, а потомъ отдавали ихъ.

Много перебывало у насъ разныхъ людей за эти дни, и большихъ и простыхъ людей. Пріѣзжалъ самъ митрополитъ, архонты, были доктора, священники, монахи, учителя, ремесленники разные, были даже нѣкоторые турки и евреи, которые знали давно отца.

Отецъ всѣхъ принималъ хорошо, сажалъ, угощалъ; иныхъ, кто былъ выше званіемъ или богатствомъ, онъ провожалъ до самой улицы.

Я же всѣмъ этимъ посѣтителямъ, безъ различія вѣры и званія, прислуживалъ самъ, подносилъ варенье съ водой и кофе, чубуки подавалъ и сигарки имъ дѣлалъ. Чубуки, конечно, предлагали только самымъ высшимъ по званію, а другимъ сигарки.

Всѣ меня поздравляли съ пріѣздомъ, привѣтствовали, хвалили и благословляли на долгую жизнь и всякіе успѣхи.

«Мы тебя теперь, Одиссей, яніотомъ нашимъ сдѣлаемъ», говорили мнѣ всѣ. Такъ меня всѣ одобряли, и я уже подъ конецъ сталъ меньше стыдиться людей. Вижу, всѣ меня хвалятъ и ласкаютъ.

Докторъ иногда выходилъ къ гостямъ; но большею частью онъ уходилъ утромъ изъ дома къ больнымъ, чтобы показать, что не къ нему гости, а къ отцу моему приходятъ, и что онъ это знаетъ.

Взойдетъ иногда на минуту въ гостиную, посмотритъ на всѣхъ въ лорнетъ, поклонится, высокую шляпу свою

вѣнскую тутъ же надѣнетъ и уйдетъ, только бровями подергиваетъ.

Ненавидѣлъ онъ яніотовъ.

Гайдуша была во все это время очень гостепріимна, помогала мнѣ служить гостямъ, ничего не жалѣла для угощенія. Когда я просилъ у нея: «Еще, кира Гайдуша, одолжите по добротѣ вашей кофе на пять чашечекъ». Она отвѣчала: «И на десять, дитя мое, и на двадцать, паликаръ прекрасный».

Такъ она была гостепріимна и ласкова, что я уже подъ конецъ недѣли пересталъ ее почти и ламіей *) звать.

Видѣлъ я довольно многихъ турокъ за это время.

Видѣлъ я и самого Абдурраимъ-эффенди, о которомъ такъ часто говорилъ Коэвино; онъ приходилъ не къ отцу, а къ своему другу доктору. Наружность у него была очень важная, повелительная; худое лицо его мнѣ показалось строгимъ, и хотя докторъ клялся, что онъ добрѣйшій человѣкъ, я все-таки нашелъ, что обращеніе его съ отцомъ моимъ было уже слишкомъ гордо.

Докторъ представилъ ему отца, какъ своего стараго знакомаго; бей сидѣлъ въ эту минуту съ ногами на диванѣ, завернувшись въ длинную кунью шубку, и съ важною благосклонностью взглянулъ въ сторону отца. Отецъ подошелъ къ нему поспѣшно, согнувшись изъ почтительности, и коснулся концами пальцевъ руки, которую бей чуть-чуть ему протянулъ, даже и не шевелясь съ мѣста.

Я замѣтилъ еще, что Абдурраимъ-эффенди какъ будто бы брезгливо отдернулъ и отряхнулъ тѣ пальцы, къ которымъ отецъ прикоснулся.

Когда отецъ говорилъ потомъ что-нибудь очень почтительно, бей выслушивалъ его какъ будто бы и вѣжливо, но почти не отвѣчалъ ему, а смотрѣлъ съ небольшимъ удивленіемъ, какъ будто спрашивая: «А! и этотъ деревенскій старый райя тоже говоритъ что-то?»

Онъ даже иногда слегка улыбался отцу; но обращался

*) *Ламія* — вѣдьма, съѣдающая иногда молодыхъ людей.

тотчасъ же къ доктору и говоря съ нимъ становился веселъ и свободенъ, какъ равный съ равнымъ.

Искренно ли или лицемѣрно, но отецъ хвалилъ бея за глаза; но я не могъ долго простить ему это надменное обращеніе съ бѣднымъ моимъ родителемъ и со злобною завистью дивился, почему онъ оказываетъ такое предпочтеніе безумному Коэвино?

Гораздо пріятнѣе было для меня знакомство со старымъ ходжей Сеферъ-эффенди.

Вотъ былъ истинно добрый турокъ, почтенный, простодушный и забавный. Носъ у него былъ преогромный и красный; чалма зеленая; борода длинная, бѣлая; руки ужъ немного тряслись, и ступалъ онъ не очень твердо ногами, но глаза его были еще живые и блистали иногда какъ искры. Все онъ шутилъ и смѣялся. Знакомъ онъ былъ съ отцомъ моимъ давно.

Въ ту минуту, когда онъ пришелъ къ намъ, ни отца, ни доктора не было дома. Мы съ Гайдущей его приняли и просили подождать; я самъ подалъ ему варенье и кофе. Онъ спросилъ меня, знаю ли я по-турецки? Я сказалъ, что на Дунаѣ, когда былъ малъ, недурно зналъ, но что здѣсь, въ Эпирѣ, немного забылъ.

Сеферъ-бей, все улыбаясь, смотрѣлъ на меня пристально и долго не пускалъ отъ себя съ подносомъ, долго сбирался на это отвѣтить мнѣ что-то; думалъ, думалъ и сказалъ, наконецъ, по-турецки:

— Видишь, дитя, никогда не говори, что ты зналъ хорошо по-турецки! Слушай. Арабскій языкъ — древность, персидскій—сахаръ, а турецкій—великій трудъ! Понимаешь?

Я сказалъ, что понимаю. Старикъ тогда безъ ума обрадовался и хохоталъ.

Я хотѣлъ унести подносъ; но ходжа схватилъ подносъ за край рукою и спросилъ:

— Знаешь ли, дитя мое, кто былъ Саади?

Я сказалъ, что не знаю и не слыхалъ.

— Саади, дитя, былъ стихотворецъ,—продолжалъ Сеферъ-эффенди, одушевляясь.—Вотъ что онъ сказалъ про

тебя, мой сынъ: «Этотъ кипарисъ прямой и стройный предсталъ предъ мои очи; онъ похитилъ мое сердце и повергъ его къ стопамъ своимъ. Я подобенъ змѣѣ съ раздавленною головой и не могу болѣе двигаться... Этотъ юноша прекрасенъ; взгляни, даже когда онъ гнѣвается, какъ пріятна эта строгая черта между его бровями!» А Гоммамъ-Эддинъ, другой стихотворецъ, сказалъ иныя слова, про тебя же: «Однимъ взглядомъ ты можешь устроить наши дѣла; но ты не желаешь облегчать страданія несчастныхъ». Это что значитъ, мой сынъ? Это значитъ, что ты долженъ всегда оставаться добродѣтельнымъ!

Я отъ этихъ неожиданныхъ похвалъ и совѣтовъ его такъ застыдился, что ушелъ въ другую комнату и, услыхавъ, что Гайдуша вслѣдъ мнѣ смѣется громко (она безъ церемоній сѣла и бесѣдовала съ ходжей), еще больше растерялся и не зналъ уже, что̀ дѣлать. Слышалъ только, что Гайдуша сказала турку:

— Да, онъ у насъ картиночка писаная, нашъ молодчикъ загорскій, какъ дѣвочка нѣжный и красивый. А глаза, ходжа эффенди мой, у него, какъ сливы черные и большіе. На мать свою онъ похожъ.

— Это счастливый сынъ, я слышалъ, который на мать похожъ, — отвѣчалъ старикъ.

Сознаюсь, что хотя я и стыдился, а похвалы эти мнѣ были... ахъ, какъ пріятны!

Понравился мнѣ также тотъ молодой чиновникъ Сабри-бей, который показывалъ намъ въ конакѣ залу Али-паши.

Ничего въ немъ не было страшнаго или грубаго. Такой тихій, ласковый, съ отцомъ моимъ почтительный, руку все къ сердцу: «эффендимъ, эффендимъ!» Собой хоть и не особенно красивый, но такой высокенькій, худенькій, пріятный, съ усиками небольшими. По-французски онъ говорилъ свободно; а когда онъ начиналъ говорить по-турецки, языкомъ высокимъ, литературнымъ, то это было просто очарованіе его слушать; гармонія и сладость!

— Эффендимъ! — говорилъ онъ отцу моему вкрадчиво, сидя у насъ, — прошли времена мрака и варварства, и мы

надѣемся, что всѣ подданные султана будутъ наслаждаться совокупно и въ несказанномъ блаженствѣ равенствомъ и свободой, подъ отеческою и премудрою властью!

— Есть еще, увы! многое, многое, эффенди мой, достойное сожалѣнія и жалобъ, — сказалъ ему отецъ.

— Эффенди мой, кто этого не видитъ! — возразилъ Сабри-бей съ достоинствомъ.—Но справедливо говорятъ французы: «Les jours se suivent, mais ne se ressemblent pas!» Постепенно и неспѣшно все измѣняется! Все, рѣшительно все, вѣрьте мнѣ! И еще древній латинянинъ сказалъ: спѣши медлительно. И сверхъ того, прошу у васъ прощенія, сказалъ и другое хорошее слово французъ: «Tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles».

Я, слыша это, вышелъ въ другую комнату и воскликнулъ самъ съ собою: «Нѣтъ, дѣйствительно турки сильно идутъ впередъ! Такъ что это для насъ даже невыгодно! Истинно сказано: «пути Провидѣнія неисповѣдимы!» И я печально задумался съ подносомъ въ рукѣ.

Въ эту минуту на лѣстницѣ раздался страшный, дикій ревъ и крикъ; ревъ этотъ не походилъ ни на визгъ Гайдушки въ гнѣвѣ, ни на восторженные клики Коэвино. Я вскочилъ съ испугомъ и встрѣтился вдругъ лицомъ къ лицу со страшнымъ человѣкомъ. Это былъ дервишъ. Смуглый, низенькій и сѣдой, въ высокомъ остромъ колпакѣ набекрень, въ длинной одеждѣ и съ огромною алебардой въ рукѣ.

Взглядъ его былъ ужасно грозенъ, и на одномъ вискѣ его подъ колпакъ былъ всунутъ большой букетъ свѣжихъ цвѣтовъ.

— Га! га! — кричалъ онъ, — га-га!

Не знаю, какъ даже изобразить тебѣ на бумагѣ его ужасный крикъ и ревъ! Я совсѣмъ растерялся и не зналъ, что̀ подумать, не только что̀ сдѣлать. Варваръ, однако, шелъ прямо на меня съ алебардой и сверкая очами. Поравнявшись со мной, онъ не останавливаясь поднесъ свою руку къ моимъ губамъ; и я поспѣшилъ поцѣловать ее, радуясь, что не случилось со мной ничего худшаго. Отецъ въ эту

минуту приподнялъ занавѣсъ на дверяхъ и воскликнулъ какъ будто съ радостью:

— Браво! браво! Добро пожаловать, ходжи-Баба. Живъ ты еще? Милости просимъ, дѣдушка Сулейманъ!

Ходжи-Сулейманъ не обратилъ на слова отца никакого вниманія, движеніемъ руки отстранилъ его отъ дверей, прошелъ черезъ всю комнату, едва взглянувъ на Сабри-бея, и важно сѣлъ на диванѣ, потомъ уже сидя онъ осчастливилъ всѣхъ по очереди и небольшимъ поклономъ. Отецъ подалъ мнѣ знакъ, и я принесъ старику варенье и кофе (страхъ мой уже прошелъ и смѣнился любопытствомъ). Сабри-бей съ презрительною усмѣшкой спросилъ тогда у дервиша: «Какъ его здоровье?»

— Лучше твоего, дуракъ, негодяй, рогоносецъ! — отвѣчалъ старикъ спокойно.

Мы засмѣялись.

— Мнѣ сто двадцать лѣтъ, — продолжалъ ходжи, — а я скорѣй тебя могу содержать по закону четырехъ женъ, дуракъ, негодяй ты ничтожный.

— Отчего жъ у тебя одна теперь только жена, да и та черная арабка? — спросилъ бей, не сердясь за его брань.

Старикъ молча показалъ пальцами, что денегъ мало, вздохнулъ и сталъ молиться на образъ Божіей Матери, который былъ подаренъ доктору г. Благовымъ и висѣлъ въ гостиной на стѣнѣ.

Онъ молился вполголоса въ носъ и нараспѣвъ, поднимая руки и глаза къ небу, и я только слышалъ разъ или два: «Маріамъ, Маріамъ».

Потомъ онъ сошелъ съ дивана и, не кланяясь никому, опять важно, величественно, тихо пошелъ къ дверямъ и лѣстницѣ. Мы съ отцомъ и Гайдушей проводили его въ сѣни.

— Прощай, ходжи, прощай, дѣдушка, — говорилъ ему отецъ. — Не забывай насъ, заходи.

Ходжи-Сулейманъ, не обращаясь и не отвѣчая, шелъ къ лѣстницѣ медленно и гордо, но какъ только коснулся онъ босой ногой своей первой ступени, такъ вдругъ побѣжалъ

внизъ, помчался съ лѣстницы вихремъ какъ дитя или легкая птичка какая-то! Даже стука не было слышно отъ его босыхъ ногъ.

Это было такъ неожиданно и забавно, что не только мы съ Гайдушей смѣялись отъ всего сердца, но и отецъ долго безъ улыбки не могъ этого вспомнить.

Возвратившись въ пріемную, отецъ разсказалъ Сабри-бею о выходкѣ столѣтняго дервиша и дивился его здоровью и легкости его движеній. Но Сабри отозвался о старикѣ очень дурно.

— Нехорошій человѣкъ,—сказалъ онъ.—Злой человѣкъ. Теперь онъ не можетъ ничего сдѣлать; но знаете ли вы, какой онъ былъ прежде фанатикъ и злодѣй? Я знаю о немъ много худого. Ему точно, что болѣе ста лѣтъ; отецъ мой и многіе другіе турки издавна помнятъ его почти такимъ же, каковъ онъ теперь на видъ. Но поведеніе его было иное. Когда въ двадцать первомъ году была война съ эллинами, онъ, знаете ли вы, что̀ дѣлалъ? Онъ пилъ кровь убитыхъ грековъ и выкалывалъ плѣннымъ христіанамъ глаза. Ужасъ! Я, эффенди мой, къ такимъ свирѣпымъ людямъ питаю отвращеніе, какой бы вѣры и націи они ни были. Это ужасно, эффенди мой, мы въ домъ отца моего никогда его не принимаемъ, и потому онъ меня такъ бранитъ, какъ вы слышали.

— Времена такія были тогда жестокія, эффенди мой,— сказалъ вздохнувъ отецъ.—Будемъ надѣяться, что подобныя сцены не повторятся больше никогда.

Сабри-бей замѣтилъ еще, что иные турки все прощаютъ ходжи-Сулейману и считаютъ его какъ бы святымъ; «но я, сказалъ онъ, презираю подобныя заблужденія!»

Потомъ онъ простился съ нами и сказалъ отцу:

— Я, эффенди мой, слуга вашъ во всякомъ дѣлѣ; если вамъ и вашему сыну нужно что-нибудь у паши, господина нашего, обратитесь ко мнѣ, и я всегда буду готовъ, хоть сила моя и званіе еще невелики.

Отецъ съ тысячами благодареній и благословеній проводилъ его внизъ съ лѣстницы, не безъ труда однако; бей

часто останавливался, умоляя отца не утруждаться для него и не дѣлать ему столько незаслуженной чести; отецъ отвѣчалъ ему всякій разъ: «это долгъ мой». А бей: «благодарю васъ». И черезъ три или четыре ступени они повторяли опять то же самое.

Я глядя на нихъ думалъ: «Вотъ вѣжливость! Вотъ примѣры, которые подаютъ намъ... И кто же? турки». И дивился. Скоро я узналъ и другія подробности о Сабри-бе‍ѣ.

Рауфъ-паша, который въ то время управлялъ Эпиромъ, былъ человѣкъ не злой, не жестокій, не фанатикъ, но зато и неспособный, слабый человѣкъ. Самая наружность его, ничуть не видная и ничѣмъ не замѣчательная, соотвѣтствовала его ничтожеству. Въ молодости онъ былъ военнымъ и имѣлъ двѣ раны отъ русскихъ пуль въ рукѣ. Но и на войнѣ распорядительностью онъ не славился. Онъ старался не притѣснять народъ, сколько могъ, по крайней мѣрѣ, явно не оскорблялъ никого; охотно готовъ былъ защитить иногда христіанъ отъ нападокъ и обидъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ желали бы имъ дѣлать янинскіе турки; но тяжебными, даже административными дѣлами занимался слишкомъ неспѣшно и неохотно. Любимымъ занятіемъ его была турецкая археологія. По смерти его осталась любопытная книга о турецкихъ старинныхъ одеждахъ, съ очень хорошими раскрашенными картинами, которыя онъ заказывалъ въ Парижѣ. Книга эта была издана на двухъ языкахъ, на французскомъ и турецкомъ.

Это занятіе было его отрадой въ старости и недугахъ; ибо бѣдный старикъ часто болѣлъ. Всѣмъ тѣмъ людямъ, которыхъ онъ хоть немного любилъ или уважалъ, онъ показывалъ картины, рисованныя акварелью по его заказу въ Константинополѣ, и объяснялъ подробно, какъ измѣнялись моды со временъ Османа Гази до султана Махмуда; объяснялъ, что съ теченіемъ времени для каждаго званія, чина и занятія опредѣлилась особая одежда вмѣстѣ съ особыми правами; что ни великій визирь, ни рейсъ-эффенди *)

*) Рейсъ-эффенди — министръ иностранныхъ дѣлъ.

чалмы не носили, а имѣли высокія коническія шапки, подобныя шапкамъ дервишей—Мевлеви; разсказывалъ, какъ самые фасоны чалмы у султановъ мѣнялись съ теченіемъ времени, и почему онъ находитъ, что красивѣе всѣхъ была чалма султана Селима III, который и самъ былъ первѣйшій красавецъ...

Въ дѣлахъ же имъ самимъ правилъ диванъ-эффендиси *) Ибрагимъ-бей, его зять.

Гайдуша, которая знала все на свѣтѣ, разсказывала намъ о томъ, какъ женился Ибрагимъ-бей на дочери Рауфъ-паши. Она была въ большой дружбѣ съ арабкой, служанкой Ибрагима, и отъ нея узнавала все, что̀ ей было угодно.

Рауфъ въ то время, когда въ первый разъ встрѣтилъ Ибрагима, не былъ еще пашою, но занималъ уже значительную и выгодную должность. Онъ пріѣхалъ на короткое время въ Стамбулъ. Тамъ, однажды, пришелъ къ нему по дѣлу отца своего молодой мальчикъ турокъ, софта **). Ему было всего пятнадцать лѣтъ. Рауфъ-эффенди въ эту минуту былъ голоденъ, и домъ его былъ далеко отъ той канцеляріи, въ которой онъ сидѣлъ. Онъ обратился къ другимъ туркамъ, сидѣвшимъ съ нимъ, и сказалъ: «Знаете ли, что я бы дорого далъ теперь за простую головку свѣжаго луку и за кусокъ хлѣба!»

Не успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ маленькій и умный софта Ибрагимъ досталъ изъ кармана своего головку луку и большой кусокъ хлѣба, завернутый въ чистую бумагу; вынулъ ножикъ, разрѣзалъ лукъ, положилъ его на хлѣбъ и съ низкимъ поклономъ поднесъ его Рауфъ-эффенди. Рауфъ-эффенди воскликнулъ: «Вотъ умъ!» приласкалъ Ибрагима, далъ ему денегъ, устроилъ очень скоро дѣло его отца и взялъ его потомъ къ себѣ. Отецъ Ибрагима былъ бѣденъ, дѣтей имѣлъ много и сказалъ Рауфу: «Господинъ мой! У меня есть другія дѣти. Ибрагимъ боль-

*) Это происходило еще до учрежденія вилайетовъ и новыхъ должностей.

**) Студентъ мусульманскаго богословія.

ше не принадлежитъ мнѣ. Онъ твой. Хочешь имѣть его сыномъ, воля твоя; хочешь имѣть его рабомъ послѣднимъ, и на то твоя воля».

Рауфъ-эффенди скоро сталъ пашою. Мальчикъ подавалъ ему долго чубуки и наргиле и вмѣстѣ съ тѣмъ переписывалъ ему разныя бумаги и письма, прилежно читалъ и учился, исполнялъ всякія порученія. Рауфъ-паша, хотя и держалъ его болѣе какъ сына, чѣмъ какъ слугу, но Ибрагимъ самъ старался служить ему, и когда Рауфъ возвращался усталый домой, Ибрагимъ не позволялъ черному рабу снимать съ него сапоги. «Ты не умѣешь!» говорилъ онъ, бросался на колѣни самъ передъ Рауфомъ и снималъ съ покровителя своего сапоги такъ ловко, такъ нѣжно дергалъ чулки за носокъ, чтобъ они отстали отъ разгоряченныхъ и усталыхъ подошвъ, такъ хорошо надѣвалъ туфли, что Рауфъ-паша говорилъ за глаза про него съ наслажденіемъ: «Не видалъ я еще человѣка, который бы такъ сладко снималъ сапоги, какъ этотъ маленькій Ибрагимъ!»

И наргиле, раскуренный милымъ Ибрагимомъ, и чубукъ, набитый имъ, и кофе, поданный иногда имъ съ умильнымъ взглядомъ и поклономъ, казались для Рауфа-паши слаще, чѣмъ наргиле и чубукъ и кофе, поданные другимъ кѣмъ-нибудь, и бумага, написанная Ибрагимомъ, была всегда для Рауфа умнѣе и красивѣе, чѣмъ бумага, написанная другимъ писаремъ.

Между тѣмъ у Рауфа-паши росла единственная дочь. Она была немного моложе Ибрагима. Ростомъ она была высока и стройна; имѣла большіе и красивые глаза, но лицо ея было немножко рябовато. Скоро она уже перешла за тѣ года, въ которые вообще и христіанки и мусульманскія дѣвушки выходятъ замужъ; ей было уже около двадцати лѣтъ. Рауфъ-паша былъ богатъ, дочь была единственная, онъ прочилъ ее за Ибрагима и не торопился сватать ее.

Однажды паша призвалъ дочь и сказалъ ей: «Пора тебя замужъ отдать». Потомъ онъ повелъ ее въ одну ком-

нату, изъ которой было окошко въ другое жилье, закрытое занавѣской. Онъ поднялъ занавѣску и сказалъ: «Смотри, вотъ тебѣ мужъ». Въ той комнатѣ, на диванѣ, сидѣлъ Ибрагимъ и читалъ книгу. Ему тогда было двадцать два года. Онъ былъ очень бѣлъ, черноокъ и чернобровъ, но слишкомъ блѣденъ и худъ. Дочь паши, живя съ нимъ въ одномъ домѣ, хотя и на разныхъ половинахъ, конечно, не разъ видала его и прежде. Турчанки все видятъ и знаютъ все то, что́ имъ нужно или хочется знать. Она отвернулась съ досадой и сказала: «заифъ-деръ» (слишкомъ слабъ, нѣженъ или худъ). Паша возразилъ ей на это: «Онъ еще почти дитя. Съ годами пополнѣетъ. Ты богата и отецъ твой паша; если я отдамъ тебя за сына паши или бея богатаго, что́ будетъ? Богъ одинъ знаетъ. Можетъ быть онъ уважать тебя не станетъ и всякое зло ты отъ него увидишь. Я старъ и умру: кто защититъ тебя? Ибрагима же мы нашего знаемъ, и онъ будетъ вѣчныя молитвы Богу возсылать за счастье, которое Онъ въ тебѣ ему послалъ!»

Дочь согласилась тогда, и такимъ образомъ Ибрагимъ сталъ зятемъ паши, сталъ беемъ. Предсказанія отца сбылись. Ибрагимъ очень пополнѣлъ, и такъ какъ ростомъ онъ былъ всегда высокъ, то самолюбивой женѣ теперь на наружность его жаловаться нельзя. Она смѣло можетъ любоваться имъ изъ-за рѣшетокъ своего окна, когда онъ ѣдетъ верхомъ по улицѣ, окруженный пѣшими слугами; и я любовался на него; вскорѣ послѣ пріѣзда нашего въ Янину я встрѣтилъ его на Крѣпостномъ мосту. Лошадь подъ нимъ была сытая и прекрасная, самъ онъ былъ дороденъ и красивъ, бурнусъ на немъ былъ хорошій, изъ тонкаго сукна, съ башлыкомъ и кистями. Лошадь слегка играла подъ нимъ, медленно и гордо выступая. Я позавидовалъ.

Занявъ при тестѣ своемъ должность «диванъ-эффенди», Ибрагимъ-бей, къ сожалѣнію, сталъ слишкомъ гордъ и заносчивъ. Онъ обращался съ богатыми и почтенными христіанами гораздо суше и надменнѣе, чѣмъ простой и

опытный паша, его тесть; бѣдныхъ нерѣдко и билъ своею рукой въ самомъ конакѣ. Онъ полюбилъ роскошь; держалъ много слугъ и лошадей, купилъ карету, которая по нашимъ горнымъ дорогамъ вовсе не могла проѣхать и ее отъ морского берега до Янины, на половину разобранную, несли носильщики на плечахъ за огромную цѣну. Самъ онъ щеголялъ; двоихъ мальчиковъ своихъ онъ одѣвалъ въ бурнусы изъ чернаго сукна, расшитые золотомъ: ковры дорогіе заказывалъ, безцѣнные коврики, шитые золотомъ по атласу, для праздничной молитвы въ мечетяхъ при парадѣ; заказывалъ много вещей серебряныхъ, нашей тонкой янинской работы.

Отцу моему (которому все это необходимо было знать для его дѣлъ) пріятели скоро объяснили, что Рауфъ-паша самъ взятокъ не беретъ въ руки, но что беретъ ихъ иногда диванъ-эффенди, а иногда тотъ самый Сабри-бей, который такъ плѣнилъ меня своею образованностью. Они дѣлятся оба потомъ съ пашою. Ибрагимъ-бей былъ по-восточному очень образованъ и писалъ даже хорошіе турецкіе стихи, но европейскихъ языковъ не зналъ ни онъ, ни паша. Поэтому Сабри-бей былъ имъ обоимъ очень нуженъ; Сабри зналъ хорошо по-французски и по-гречески; почти всѣ дѣла иностранныхъ подданныхъ или шли черезъ его руки, или, по крайней мѣрѣ, не обходились безъ его вліянія. Всѣ ноты и отношенія консуламъ, которыя часто писались по-французски, сочинялъ Сабри-бей; почти всѣ переводы на турецкій языкъ дѣлалъ онъ. И сверхъ того, онъ своею уклончивостью и вкрадчивостью достигалъ нерѣдко бо́льшаго, чѣмъ зять паши своею гордостью и гнѣвомъ. Зять паши на людей простыхъ, нерѣдко, какъ я сказалъ ужъ, поднималъ руку въ самомъ канакѣ; Сабри-бей никогда никого не билъ. Зять паши, кромѣ митрополита и двухъ или трехъ самыхъ важныхъ старшинъ, никому изъ христіанъ визитовъ не дѣлалъ и не платилъ. Сабри-бей знакомился со всѣми. Въ самыхъ простыхъ рѣчахъ и обычныхъ восклицаніяхъ между ними была большая разница; и тотъ и другой въ разговорѣ обра-

щались нерѣдко къ собесѣднику со словомъ: «эффендимъ!» (господинъ мой!), но какъ говорилъ одинъ и какъ произносилъ это слово другой!

«Эффендимъ!» говорилъ Сабри-бей, и взглядъ его былъ льстивъ; онъ прикладывалъ руку къ сердцу, онъ улыбаясь какъ будто говорилъ тебѣ: «О! какъ я счастливъ, что я съ вами знакомъ и могу отъ души назвать васъ «господинъ мой!»

«Будь счастливъ ты, несчастный, говорилъ, казалось, другой, что я такъ благосклоненъ и вѣжливъ съ тобою, и помни крѣпко, что только извѣстная всѣмъ моя вѣжливость вынуждаетъ меня говорить тебѣ «господинъ мой!» «Эффендимъ!» эффендимъ! Да! А поза надменная на софѣ, взглядъ, движенье руки повелительное, все говорило у Ибрагима: «Я твой эффенди, глупецъ, а не ты, несчастный!»

Сабри-бей былъ принятъ хорошо во всѣхъ консульствахъ; а зять паши ни къ кому изъ консуловъ не ѣхалъ, претендуя неслыханно, чтобъ они первые его посѣтили. Одинъ только Благовъ, который любилъ турокъ и хотѣлъ между ними быть популярнымъ, былъ знакомъ съ Ибрагимомъ. Благовъ, подъ предлогомъ спѣшнаго дѣла, зашелъ однажды самъ, выходя отъ паши, въ канцелярію диванъ-эффенди и посидѣлъ тамъ пять минутъ; Ибрагимъ-бей былъ тронутъ этимъ и чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ торжественно въ консульство русское и пробылъ у Благова больше часа.

Сабри-бей былъ пріятель со всѣми; онъ не пренебрегалъ ни евреями, ни греками, и отъ этого нерѣдко получалъ отъ нихъ деньги и подарки тайкомъ отъ паши и его зятя, и, какъ слышно было, въ такомъ случаѣ уже не дѣлился съ ними.

Онъ и съ отцомъ моимъ поступилъ очень вѣжливо. Чрезъ два дня, не болѣе, послѣ того, какъ отецъ мой былъ у него въ конакѣ, Сабри-бей пришелъ къ доктору въ домъ и сказалъ отцу, что хотя онъ съ докторомъ и давно знакомъ и любитъ его, какъ прекраснаго человѣка, но что при этомъ посѣщеніи имѣлъ въ виду именно моего отца.

На другой же день послѣ этого визита я утромъ уви-

далъ, что отецъ торгуетъ ковры въ сѣняхъ у одной женщины. Онъ купилъ у нея, наконецъ, большой меццовскій коверъ въ семь лиръ турецкихъ, прекрасный, бѣлый съ пестрыми восточными узорами.

Потомъ, когда стемнѣло, онъ приказалъ мнѣ взять носильщика, отнести коверъ, аккуратно его свернувъ и прикрывъ, къ Сабри-бею на домъ и сказать ему такъ:

— Отецъ мой кланяется, бей эффенди мой, вашей всеславности*) и спрашиваетъ о дорогомъ для него вашемъ здоровьѣ. Онъ слышалъ, что вы хвалите ковры здѣшней меццовской работы, и проситъ васъ принять этотъ коверъ, который былъ у насъ уже давно, но лежалъ сохранно безъ употребленія, и потому онъ какъ новый. Онъ проситъ также извиненія, что скромное приношеніе это не сообразно съ добротою вашей и цѣнности большой не имѣетъ. Но отецъ мой желалъ бы, чтобы вы сохранили его на память объ Эпирѣ и о тѣхъ людяхъ, которыхъ вы осчастливили вашею дружбой».

— Понимаешь? — прибавилъ отецъ шопотомъ и тонко взглядывая на меня.

Какъ не понимать. Конечно понимаю я все, какъ слѣдуетъ понимать греку загорскому.

Г. Благовъ посмѣялся бы вѣроятно опять надъ нашею реторикой, если бъ онъ слышалъ нашъ разговоръ, но мнѣ такая возвышенная рѣчь отца моего была какъ разъ по душѣ. Я и не спросилъ даже, почему и зачѣмъ коверъ нарочно купленный былъ названъ давнишнимъ: я сейчасъ понялъ, что гораздо вѣжливѣе именно такъ сказать бею, понялъ, какой въ этомъ есть чувствительный оттѣнокъ, и поспѣшилъ къ Сабри-бею.

Молодой турокъ принялъ меня почти съ восторгомъ, какъ бы младшаго брата.

— Садись, прекрасный юноша, садись!

И ударилъ въ ладоши, чтобы принесли мнѣ сигары и кофе.

---

*) *Всеславность, эндоксо́тисъ* — титулъ, даваемый по-гречески беямъ; это ниже чѣмъ *экзохо́тисъ* — превосходительство.

Я всталъ тогда, велѣлъ внести коверъ, самъ ловко раскинулъ его предъ беемъ по полу и началъ было мою рѣчь.

«Напрасно говорилъ Несториди, думалъ я про себя въ то же время, что я не хитеръ, не мошенникъ, не купецъ. Вотъ какъ и мудрые люди ошибаются иногда! Чѣмъ я не купецъ? Чѣмъ я не мошенникъ? Я все могу!»

Сабри-бей, увидавъ прекрасный бѣлый коверъ нашъ, представился изумленнымъ и спрашивалъ почти съ неудовольствіемъ:

— Что такое это? Зачѣмъ, скажите, такое безпокойство?

Но я продолжалъ рѣчь мою твердо и, воодушевляясь, прибавилъ въ нее еще нѣсколько моихъ собственныхъ цвѣтовъ, напримѣръ: «на память объ Эпирѣ, котораго жители, съ своей стороны, никогда не забудутъ отеческаго управленія Рауфъ-паши и его благородныхъ помощниковъ!»

Взоръ Сабри-бея становился все пріятнѣе и пріятнѣе, улыбка радости смѣнила на лицѣ его выраженіе притворной досады; онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Коверъ этотъ будетъ мнѣ столь же дорогъ, сколько могъ быть дорогъ подарокъ родного отца моего. Такъ скажи, другъ мой, отъ меня родителю твоему.

Я съ восхищеніемъ поспѣшилъ домой.

Осудить мнѣ Сабри-бея за взятку тогда и на умъ не приходило. Я не задавалъ себѣ вопроса: «слѣдуетъ ли брать или нѣтъ, когда хорошіе люди даютъ?» Я и не подозрѣвалъ даже, что такой вопросъ возможенъ. И если бы тогда у меня кто-нибудь спросилъ, я бы отвѣчалъ: «это не взятка, не лихоимство неправеднаго судьи; это даръ, это искреннее приношеніе пріязни, въ надеждѣ на будущее защитничество, въ надеждѣ на будущій трудъ ласковаго и образованнаго чиновника». Что же тутъ худого?

Таково было мое первое знакомство съ турками въ Янинѣ.

Ты видишь, что оно не было ни страшно, ни особенно печально или оскорбительно.

V.

Изъ христіанъ, я сказалъ уже тебѣ прежде, у отца моего было въ Янинѣ много старыхъ знакомыхъ; съ другими онъ познакомился въ этотъ пріѣздъ; и насъ посѣтили многіе изъ нихъ тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ, и мы были у многихъ. Архонтовъ настоящихъ янинскихъ, природныхъ яніотовъ, напыщенныхъ своимъ городскимъ происхожденіемъ, и многихъ богатыхъ загорцевъ, ѳессалійцевъ, жившихъ въ Янинѣ, я видѣлъ за эти двѣ-три недѣли или у нихъ самихъ, или у насъ, или въ церкви, или въ пріемной преосвященнаго Анѳима янинскаго, или на улицѣ. Видѣлъ стараго предателя Стеріо Влахопуло, котораго всѣ боялись и которому всѣ кланялись. Не задолго еще предъ нашимъ пріѣздомъ онъ помѣшалъ достроить зданіе для училища въ родномъ своемъ городѣ, увѣривъ турокъ, что это училище только для вида, а въ самомъ дѣлѣ будетъ боевымъ пунктомъ, зданіемъ, изъ котораго христіанамъ легче будетъ въ случаѣ возстанія поражать низамовъ, заключенныхъ въ маленькой цитадели. Мнѣ показали также и одного загорскаго патріота нашего, который такъ былъ строгъ и скупъ для себя и для домашнихъ своихъ, что жена его иногда не могла подать безъ него варенья и кофе гостямъ; ибо онъ и ей не всегда довѣрялъ ключи отъ провизіи. Но этотъ скупой человѣкъ жертвовалъ сотни лиръ на учрежденіе эллинскихъ школъ въ Загорахъ, на починку нашихъ сельскихъ дорогъ и мостовъ. Видѣть обоихъ этихъ людей было очень поучительно. Загорецъ былъ скупъ для себя и для всѣхъ людей, но щедръ для отчизны. Влахопуло былъ предатель отчизны своей, особенно когда его раздражали люди сильные противной ему партіи, но зато онъ былъ нерѣдко добръ и щедръ къ людямъ бѣднымъ, ко всѣмъ тѣмъ, кто не могъ или не хотѣлъ бороться противъ его вліянія.

Прежде всѣхъ другихъ знакомцевъ посѣтилъ отца моего его давнишній пріятель и сверстникъ, загорецъ Чува-

лиди, который былъ тогда уже предсѣдателемъ янинскаго торговаго суда. Про него мнѣ еще дорогой, подъѣзжая къ городу, отецъ сказалъ, что онъ далеко превзойдетъ въ хитрости и даже въ мошенничествѣ самого тульчинскаго болгарина Петраки Стояновича. Я не помню, писалъ ли я тебѣ тогда о немъ подробно? я не держу черновыхъ тетрадей, когда пишу къ тебѣ, мой другъ. Если я повторяюсь, прости мнѣ. Чувалиди былъ бѣденъ и вдругъ сдѣлался богатъ; онъ былъ сначала скромнымъ учителемъ, потомъ сталъ на время неважнымъ купцомъ; потомъ онъ скрылся изъ Эпира и вотъ вернулся теперь, въ тріумфѣ, предсѣдателемъ торговаго суда, вернулся чиновникомъ Порты,—такимъ чиновникомъ, который можетъ бороться съ консулами и съ которымъ самимъ пашамъ нерѣдко надо считаться! Все это чудо совершилось вотъ какъ. Одинъ соотчичъ Чувалиди, загорскій односелецъ его и добрый патріотъ, довѣрилъ ему отвезти на родину 400 лиръ золотыхъ для нашихъ общественныхъ нуждъ. Чувалиди ѣхалъ подъ вечеръ горами. Съ нимъ были слуги и турецкій жандармъ.

— Мнѣ дурно что-то, молодцы! — сказалъ онъ имъ, вдругъ останавливая мула. — Поѣзжайте вы впередъ тихо; я слѣзу и помочу здѣсь у ручья голову мою водой.—Люди удалились. Не прошло и десяти минутъ, какъ Чувалиди внезапно выбѣжалъ изъ-за скалы, разстерзанный, безъ фески, съ ужаснымъ выраженіемъ въ лицѣ и голосѣ, сталъ звать людей и кричать: «Стрѣляйте, ловите! Разбойники!.. Сюда! сюда!..» Когда люди подъѣхали, Чувалиди сказалъ имъ, что уже поздно, что разбойниковъ было всего двое и что они скрылись въ скалахъ неизвѣстно въ какую сторону. Онъ подробно описывалъ ихъ примѣты и объявилъ, что его ограбили... «Не своихъ денегъ мнѣ жалко!—прибавилъ онъ почти со слезами: — мнѣ жалко тѣхъ 400 лиръ, которыя я везъ для общественныхъ нуждъ!»

Ты скажешь: это невѣроятное безстыдство; ты можетъ быть не повѣришь этой молвѣ; однако такъ всѣ говорятъ объ этомъ дѣлѣ у насъ и всѣ знаютъ, что Чувалиди ско-

ро послѣ этого сталъ торговать и богатѣть; потомъ прожилъ нѣсколько времени въ Константинополѣ, поступилъ тамъ на царскую службу и возвратился на родину, какъ я сказалъ, въ тріумфѣ и почетѣ, важнымъ чиновникомъ.

Какъ бы то ни было, но отца моего Чувалиди любилъ:— они еще съ дѣтства были дружны, и на второй же день нашего пріѣзда я увидалъ, что въ пріемную доктора вошелъ какой-то чисто и хорошо одѣтый человѣкъ, полный, средняго роста и пріятной наружности; вошелъ и, простирая объятія отцу моему, воскликнулъ: «Йоргаки! Это ты, мой бѣдный Йоргаки!» Отецъ дружески обнялъ его и казалось чрезвычайно былъ обрадованъ этимъ посѣщеніемъ.

Долго сидѣлъ онъ у отца моего, долго они бесѣдовали, и когда Чувалиди, наконецъ, ушелъ, отецъ мой провожалъ его до самой улицы, благодаря и еще разъ обнимая его. Держалъ себя Чувалиди, надо сказать, съ большимъ достоинствомъ, говорилъ очень хорошо, и самъ докторъ, который былъ такъ скупъ на похвалы грекамъ, сказалъ про него: «Очень умный человѣкъ! очень умный человѣкъ! Мало чести, но много ума, много начитанности и даже скажу остроумія... И даже скажу остроумія!» Впослѣдствіи, какъ ты увидишь, Чувалиди сталъ почти благодѣтелемъ нашей семьи. Онъ поддержалъ насъ въ такія тяжелыя минуты, въ которыя мы и отъ самыхъ благородныхъ людей не имѣли ни помощи, ни даже добраго совѣта!

Вспоминая теперь обо всѣхъ этихъ людяхъ и о моей первой встрѣчѣ и съ ними и съ жизнью вообще, вспоминая о томъ, что у каждаго изъ этихъ людей былъ хоть какой-нибудь лучъ свѣта среди мрака ихъ пороковъ и грѣховъ, что каждый изъ нихъ хоть чѣмъ-нибудь, хоть для кого-нибудь, былъ иногда добръ или полезенъ, я повторяю всегда притчу о древнемъ мудрецѣ и о мертвой собакѣ, которая лежала на пути и на которую съ отвращеніемъ плевали люди, проходя мимо.

«Не плюйте на нее и не ругайтесь надъ ея трупомъ, сказалъ людямъ мудрецъ. Вѣрьте, боги такъ устроили міръ, что и у мертвой собаки этой можетъ быть нѣчто хорошее

и даже лучшее, чѣмъ у насъ!» Сказавъ это, онъ посохомъ своимъ раскрылъ ей губу и воскликнулъ: «Скажите, у кого изъ васъ такіе ровные, прекрасные и бѣлые зубы, какъ у этой издохшей собаки?»

Я видѣлъ еще многихъ людей въ эти дни.

Я видѣлъ и того богача Куско-бея, котораго, помнишь, такъ разбранилъ и осрамилъ нашъ отчаянный докторъ.

Куско-бей зналъ тоже отца давно. Онъ прислалъ сказать ему, что счелъ бы долгомъ побывать у него, если бъ отецъ жилъ не у врага его, доктора Коэвино, въ домѣ.

Мы послѣ этого сами пошли къ нему.

Куско-бею было тогда болѣе тридцати пяти лѣтъ; однако онъ былъ еще удивительно красивъ; въ бородѣ его уже показалась сѣдина; но черты лица его до того нѣжны, тонки и правильны, глаза такъ выразительны, что я понимаю, почему его звали смолоду Адонисомъ Янины. Говорятъ, жена одного прежняго паши была безъ ума влюблена въ него. Она умѣла сочинять стихи и прислала къ нему старую еврейку съ маленькою бумажкой, на которой было написано по-турецки:

Я люблю одного свѣжаго грека больше самой жизни моей.
Когда фига созрѣла, какой садовникъ можетъ укрыть ее отъ людей?

Куско-бей и молодая турчанка видались не разъ у еврейки, которой домикъ былъ близко отъ сада паши; стали видаться и въ самомъ гаремѣ. Наконецъ паша узналъ объ измѣнѣ жены.

Пылая гнѣвомъ, онъ неожиданно вечеромъ возвратился домой; Куско-бей успѣлъ, однако, выбѣжать съ помощью служанки въ садъ, перелѣзъ черезъ стѣну на дворъ къ еврейкѣ; но, соскакивая съ высокой стѣны, ушибъ себѣ ногу такъ сильно, что и до сихъ поръ замѣтно хромаетъ.

Я замѣтилъ, что его никто не хвалилъ; и самъ отецъ мой, который отзывался о людяхъ очень осторожно и злословить не любилъ, и тотъ сказалъ мнѣ про него: «Развратный человѣкъ! Не христіанскаго поведенія человѣкъ!»

Не понравилось мнѣ также вотъ что у Куско-бея: этотъ богачъ, этотъ первый архонтъ, который скупалъ столько имѣній у турокъ, этотъ Адонисъ, изъ-за котораго жены пашей подвергались опасностямъ, отъ скупости носилъ сюртукъ до того старый, что все сукно его на груди и отворотахъ блестѣло какъ стекло, а на рукава его было даже отвратительно взглянуть. Хотя я тогда и мало понималъ еще толку въ европейской одеждѣ и, по правдѣ сказать, всякій сюртукъ и пальто казались мнѣ тогда одеждой благородства и просвѣщенія, но все же я былъ не настолько слѣпъ, чтобы не различать, что опрятно и что грязно и гадко для богатаго человѣка!

Однако и у него впослѣдствіи мнѣ удалось открыть тѣ *бѣлые зубы*, на которые указалъ своимъ посохомъ древній мудрецъ!

Гораздо больше Куско-бея и вообще больше всѣхъ янинскихъ архонтовъ понравился мнѣ старикъ Бакыръ-Алмазъ-Бѣчо.

Разсужденія его о политикѣ мнѣ показались очень тонки и глубоки. Наружность его была почтенная, истинно архонтская, патріархальная. Ростомъ и видомъ, всѣмъ онъ былъ молодецъ и настоящій эффенди. Худой, сухой, бороды не носилъ, а только большіе усы, сѣдые, капитанскіе. Носилъ низамскій однобортный черный сюртукъ, чистый, новый всегда и, конечно, феску, какъ подданный султана. Входилъ въ комнату тихо, уходилъ важно, говорилъ не спѣша; по улицѣ ѣхалъ верхомъ тоже какъ слѣдуетъ архонту пожилому, шагомъ, на смирномъ и статномъ бѣломъ конѣ и съ двумя слугами. Одинъ изъ нихъ несъ за нимъ вездѣ его собственный чубукъ и особый табакъ перваго сорта.

Онъ (мнѣ такъ показалось съ перваго раза) очень хорошо говорилъ о восточномъ вопросѣ.

— Восточный вопросъ,—говорилъ онъ отцу,—подобенъ котлу. Котелъ стоитъ и варится!

Мнѣ это понравилось, но несносный докторъ Коэвино (я было сталъ соглашаться съ нимъ насчетъ развратнаго и

скупого Куско-бея, у котораго уже непомѣрно блестѣлъ сюртукъ) не могъ и въ этомъ случаѣ не раздражить меня и не оскорбить моихъ чувствъ. Онъ возвратился въ ту минуту, когда Бакыръ-Алмазъ уходилъ отъ насъ. Они поздоровались между собою и потомъ, пока почтенный архонтъ ѣхалъ медленно верхомъ черезъ площадь, докторъ долго смотрѣлъ на него въ лорнетъ и, засмѣявшись громко, вдругъ воскликнулъ:

— О, дубина! О, добрая христіанская душа! О, истуканъ деревянный, разсуждающій о котлѣ восточнаго вопроса! Какъ глупы и безсмысленны всѣ наши эти греки, всѣ эти попытки Ѳукидидовъ и Солоновъ, и самихъ чертей, когда они говорятъ о политикѣ! Ты замѣть... Нѣтъ, я тебѣ говорю, ты замѣть, какую лукавую рожу дѣлаетъ этотъ Бѝчо, и глазъ одинъ... о, Маккіавель! и глазъ одинъ прищуритъ, и палецъ къ виску указательный приложитъ, когда говоритъ о восточномъ вопросѣ... Ха, ха, ха! «Мы дипломаты, значитъ насъ не обманетъ никто!..» О, дубина! О, Валаамова ослица, одаренная словомъ! Замѣтилъ ты, какъ они разсуждаютъ? Заболѣлъ французскій консулъ лихорадкой. «А! Интрига! Пропаганда! Восточный вопросъ!» Выздоровѣлъ русскій консулъ отъ простуды. «А! демонстрація! Восточный вопросъ!» Пріѣхалъ австрійскій консулъ, уѣхалъ англійскій. «Ба! Мы знаемъ мысли этого движенія; отъ насъ, грековъ, ничто не утаится. Мы эллины! Мы соль земли!» О, дурацкія головы! О, архонтскія головы!

— Перестань, докторъ, — сказалъ ему на это отецъ. — Вѣдь и ты архонтъ янинскій. Всѣ люди съ вѣсомъ и положеніемъ въ городѣ зовутся по-эллински архонтами.

— Я? я? Архонтъ? Никогда! я могу быть бей, могу быть аристократъ, могу быть, наконецъ, ученый. Но архонтъ янинскій... о, нѣтъ!...

Съ этими словами докторъ обратился къ образу Божіей Матери и воскликнулъ, простирая къ нему руки, съ выраженіемъ невыразимаго блаженства въ лицѣ:

— О, Панагія! будь ты свидѣтельницей, какъ я былъ

радъ и какъ мнѣ было лестно слышать, когда мой другъ Благовъ говорилъ мнѣ, что въ Янинѣ есть только два замѣчательные и занимательные человѣка, это—ходжи-Сулейманъ, дервишъ, и докторъ Коэвино.

— Да, да! — продолжалъ онъ потомъ, грозно наскакивая то на отца, то на меня, то на Гайдушу, которая стояла у дверей. — Да, да! Я вамъ говорю, ходжи-Сулейманъ и я. Да! Одинъ уровень — ходжи-Сулейманъ и я. Но только не съ Бакыръ-Алмазомъ и Куско-беемъ я сравню себя... Нѣтъ, нѣтъ! я вамъ говорю: нѣтъ, нѣтъ!

Наконецъ бѣдный отецъ уже и самъ закричалъ ему въ отвѣтъ:

— Хорошо! довольно! вѣримъ, дай отдохнуть!

И тогда только взволнованный докторъ замолчалъ и нѣсколько успокоился.

Что за несносный человѣкъ, думалъ я, все онъ судитъ не такъ, какъ другіе люди. Никого изъ своихъ соотечественниковъ не чтитъ, не уважаетъ, не хвалитъ. Не зависть ли это въ немъ кипитъ при видѣ ихъ богатства, ихъ вѣса въ Портѣ и митрополіи, при видѣ ихъ солидности? За что напалъ онъ теперь на г. Бичо, на человѣка столь почтеннаго? Что жъ, развѣ не правда, что восточный вопросъ похожъ на котелъ, который стоитъ и варится? Очень похожъ. И къ тому же Бичо человѣкъ семейный, какъ слѣдуетъ, жена, дочка, два сына; домъ хорошій; патріотъ, хозяинъ; не съ Гайдушей какой-нибудь открыто живетъ (всѣ это знаютъ и понимаютъ! И стыдъ, и грѣхъ, и безчестіе имени). Бичо-Бакыръ-Алмазъ живетъ съ женой законною, которая была одною изъ первыхъ красавицъ въ городѣ когда-то; она женщина и добродѣтели непреклонной; ей одинъ турецкій ферикъ или муширъ *) въ ея молодости предлагалъ двѣсти лиръ въ подарокъ, и она не взяла, отвергла ихъ и осталась вѣрна своему мужу.

Имѣніе еще недавно новое они купили въ горахъ; говорятъ, вода тамъ превосходная ключевая и лѣсъ значительный.

---

*) Военные генеральскіе чины.

Нѣтъ, Коэвино все блажитъ и хвастается. Я увѣренъ, что г. Благовъ уважаетъ Бакыръ-Алмаза больше, чѣмъ этого, *можетъ быть и не злого, но все-таки безпутнаго* Коэвино. Хороша честь съ юродивымъ дервишемъ быть на одной степени! Безумный Коэвино!

Въ домѣ у Бичо мнѣ также очень понравилось. Такой обширный, хозяйскій домъ; дворъ внутренній устланъ большими плитами; цвѣты и кусты хорошіе на дворѣ; весной и лѣтомъ, вѣроятно, они прекрасно цвѣтутъ. Покоевъ множество, диваны просторные, старинные, кругомъ, ковры, зеркала большія, портреты европейскихъ государей. Супруга пожилая, почтенная, въ черномъ шелковомъ платьѣ и въ платочкѣ. Идетъ отъ дверей къ дивану долго, тихо, какъ прилично архонтисѣ; точно такъ же какъ и мужъ, говоритъ не торопясь и съ достоинствомъ. И во всемъ она согласна съ мужемъ, во всемъ она ему вторитъ и поддерживаетъ его.

— Погода хороша; но скоро начнетъ портиться, — замѣтилъ мужъ. — Зима. «Зимой всегда погода портится», — подтвердитъ и она. Мужъ едва успѣетъ вымолвить: «Наполеонъ — прехитрѣйшая лисица!» а она уже спѣшитъ поддержать его и говоритъ съ негодованіемъ: «Ба! конечно, его двоедушіе всѣмъ извѣстно».

И я, внимая рѣчамъ этихъ почтенныхъ людей, радовался на ихъ счастье и думалъ про себя, сидя скромно въ сторонѣ: «Не шумятъ и не говорятъ эти люди съ утра до ночи, какъ докторъ, но что̀ ни скажутъ они, все правда. Правда что и погода къ зимѣ всегда портится, это и я замѣчалъ не разъ, правда и то, что хитрость императора Наполеона всѣмъ извѣстна!»

Тогда, конечно, я не могъ предвидѣть, что Бакыръ-Алмазъ и жена его будутъ со временемъ мнѣ тесть и теща, и что въ этомъ самомъ обширномъ домѣ, въ этой комнатѣ, гдѣ я теперь такъ почтительно молчалъ, сидя на краю стула, будетъ уже скоро, скоро — о! какъ быстро льется время! — будетъ здѣсь въ честь мнѣ, именно мнѣ, гремѣть музыка громкая, будутъ люди пѣсни пѣть, прославляя ме-

ня, и вино пить, и ѣсть, и веселиться, и дѣти будутъ ударять въ ладоши, прыгая съ криками по улицѣ при свѣтѣ факеловъ вокругъ моей невѣсты.

И даже невѣста моя будущая подавала мнѣ сама тогда варенье и кофе, и я смотрѣлъ на нее разсѣянно и думалъ: «дочка, однако, у нихъ не такъ-то хороша. Худа слишкомъ и очень блѣдная». Вотъ что я думалъ, принимая угощеніе изъ ея рукъ.

И точно, маленькая Клеопатра была собой непривлекательна, личико у ней было какъ будто больное, сердитое или испуганное. Ей было тогда тринадцать лѣтъ, и не пришло еще время скрываться, по эпирскому обычаю, отъ чужихъ мужчинъ до дня замужества.

Когда она внесла варенье, Бакыръ-Алмазъ сказалъ отцу моему:

— Это дочь моя, Клеопатра.

— Пусть она живетъ у васъ долго, — отвѣтилъ отецъ.

Потомъ Бакыръ-Алмазъ велѣлъ поставить подносъ и сказалъ:

— Она знаетъ сатирическіе стихи на нынѣшнее правительство короля Оттона. «О, доколь саранча чужестранная... Доколѣ, о греки, баварецъ глухой *)... Несчастной отчизны...» Садись, Клеопатра, и спой эту пѣсню; почти нашихъ гостей.

Клеопатра молчала.

— Спой, Патра, когда отецъ желаетъ. Почти гостей, — подтвердила мать.

Но Клеопатра вышла тотчасъ же изъ комнаты, не говоря ни слова и съ недовольнымъ видомъ.

«Некрасивая и непослушная дѣвочка», — подумалъ я тогда, и тѣмъ кончилось наше первое свиданіе. Съ того дня я ее почти до самой свадьбы моей не видалъ, ибо вскорѣ послѣ этого ее уже перестали пускать въ пріемную при мужчинахъ.

---

*) Извѣстная на Востокѣ пѣсня. Король Оттонъ былъ точно немного глухъ.

Въ первое воскресенье, которое пришлось послѣ нашего пріѣзда, мы съ отцомъ были въ митрополіи у обѣдни.

Стараго митрополита нашего я видѣлъ не въ первый разъ. Года полтора тому назадъ онъ объѣзжалъ Загорье: служилъ обѣдню въ нашемъ Франга́десѣ. Я при немъ пѣлъ и читалъ Апостола; онъ далъ мнѣ цѣловать свою руку, хвалилъ мое усердіе и сказалъ мнѣ: «Вотъ ты начинаешь жизнь свою службой при храмѣ. Начало доброе; смотри, чтобы птицы злыя не расклевали эти благія сѣмена. Не связывайся никогда съ безумными юношами твоего возраста! Турокъ и тотъ хорошо говоритъ: «Дели-базаръ — бокъ базаръ»; то-есть — общество безумныхъ есть рынокъ грязи».

Я поклонился ему въ ноги и еще разъ поцѣловалъ старческую дрожащую его десницу. Краткая встрѣча эта, эта торжественная епископская служба, которую я въ первый разъ видѣлъ въ нашей загорской церкви, милостивое вниманіе, которымъ отличилъ меня преосвященный Аѳеимъ отъ другихъ моихъ сельскихъ сверстниковъ, все это оставило въ сердцѣ моемъ глубокое впечатлѣніе, и я ужасно обрадовался, когда увидалъ, что преосвященный еще бодръ и крѣпокъ на службѣ. Онъ былъ росту огромнаго, и бѣлая короткая борода очень шла къ его полному и очень красному, но предоброму и даже иногда немного застѣнчивому лицу.

Послѣ обѣдни мы зашли къ нему и застали у него нѣсколько янинскихъ старшинъ. Казалось, полное, примѣрное согласіе царствовало между архипастыремъ и мірскими богатыми представителями христіанской общины. Архонты (въ ихъ числѣ былъ и Бичо) почтительно цѣловали его руку, низко ему кланялись, подавали ему туфли, говорили безпрестанно «преосвященнѣйшій», «отче святый»; улыбались ему: онъ имъ тоже всѣмъ улыбался и, прикладывая руку къ сердцу, называлъ то одного, то другого съ большимъ, повидимому, чувствомъ «благословенный ты мой!» Я радовался.

Однако скоро разговоръ принялъ не совсѣмъ любезное

направленіе, а одно слово преосвященнаго и мнѣ показалось очень колкимъ. Одинъ изъ архонтовъ спросилъ его, доволенъ ли онъ послѣднимъ своимъ путешествіемъ по епархіи. Преосвященный вздохнулъ, подумалъ и переспросилъ его: «доволенъ ли я путешествіемъ по епархіи?» Еще разъ вздохнулъ и сказалъ наконецъ вотъ что:

— Всякое путешествіе, благословенный мой, поучительно чѣмъ-нибудь. Въ этотъ разъ я видѣлъ нѣчто, весьма полезное, видѣлъ людей, которые пасли овецъ и другихъ людей, которые за свиньями смотрѣли. Боже мой,—думалъ я,—какая благодать кроткихъ овечекъ пасти! Всѣ онѣ вмѣстѣ, всѣ согласны, куда одна, сердечная, бѣжитъ, бѣгутъ и другія. Пастырю доброму и радость. Совсѣмъ иное дѣло свинья. Пасти свиней это мука адская; съ утра выгнали ихъ вмѣстѣ, а къ вечеру уже и собрать ихъ нельзя; онѣ всѣ разбѣжались по рощѣ. Тогда что долженъ дѣлать бѣдный пастухъ? Онъ раскалываетъ небольшую палочку, ловитъ одну свинью и ущемляетъ ей ухо. Услышавъ только визгъ этой свиньи, и вся остальная скотина сбѣгается въ ту сторону! Вотъ что я видѣлъ, и на многія мысли навела меня подобное зрѣлище, благословенный ты мой.

Нѣкоторые изъ старшинъ улыбнулись; другіе громко засмѣялись; Бакыръ-Алмазъ, который съ архіереемъ былъ очень друженъ, обвелъ все собраніе торжествующимъ взглядомъ, постучалъ пальцемъ по виску, моргнулъ отцу моему глазомъ и сказалъ:

— Гм! понимаете?

Но красивый Куско-бей, который съ небрежною важностью, хотя и все въ томъ же отвратительномъ сюртукѣ, почти лежалъ въ углу на диванѣ, замѣтилъ на это довольно дерзко и съ презрѣніемъ въ лицѣ.

— Разныя вещи бываютъ на свѣтѣ!.. Но я полагаю, ваше преосвященство, что тотъ пастухъ и почитается больше, который умѣетъ примѣняться къ характеру пасомыхъ!..

Послѣ этого Куско-бей всталъ и, поклонившись почтительно архіерею, вышелъ. За нимъ вскорѣ ушли и другіе посѣтители; поднялся и отецъ; но преосвященный еще при

другихъ показалъ ему рукой и глазами на диванъ и сказалъ ему:

— Мы съ тобой, киръ Георгій, давно не видались. Я Загоры ваши всегда помню и, когда вижу вдали высоты ваши изъ янинскихъ оконъ, то всегда вспоминаю псаломъ: «Лучше день одинъ во дворахъ Твоихъ, паче тысячъ!»

Когда мы остались одни съ архіереемъ, онъ указалъ рукою на дверь и сказалъ отцу:

— Видѣлъ ихъ? видѣлъ ты ихъ?.. Распри, корыстъ, зависть, лицепріятіе. Увы! благословенный ты мой... Когда бы зналъ кто изъ васъ, какъ тяжко и многотрудно положеніе христіанскаго епископа въ Турціи!

— Знаемъ, святый отче, знаемъ! — сказалъ отецъ. — Епископъ здѣсь не только пастырь церкви, онъ и народный начальникъ... Знаемъ мы вашу скорбь!

— Нѣтъ, ты не знаешь скорбей нашихъ... Ты думаешь, что знаешь, ибо у тебя сердце мягкое, христіанское, благочестивое. Вотъ ты и жалѣешь иногда старика; думаешь, «трудно бѣдному старику!» А какъ трудно, почему—ты сердца моего не можешь понять... Скорбь мою, ты, мірской человѣкъ, едва ли можешь понять. Взгляни на этихъ богатыхъ яніотовъ. Раздоры, вражда, я тебѣ говорю, зависть! Суммы, пожертвованныя благодѣтелями Эпира на добрыя дѣла, нехорошо расходуются. Ужасный грѣхъ! Простой народъ нашъ янинскій тоже раздачей этой денежной избалованъ. Все онъ бѣденъ, все онъ жалуется. Молодые работники наши отчаянные люди: разбойники, ножеизвлекатели. Турокъ самихъ не боятся. Не такъ давно одинъ молодецъ ножомъ издали грозился старику Бакыръ-Алмазу на праздникѣ, чтобъ и ему дали денегъ при раздачѣ. Влѣзъ на камни и показалъ Бакыръ-Алмазу ножъ. Должны были и ему дать, хотя онъ молодъ и крѣпокъ. Но Бакыръ-Алмазъ вытребовалъ для него денегъ: «Не то, чтобъ я его боялся, говоритъ, а не хорошо благородному человѣку съ такимъ разбойникомъ дѣла имѣть». А турки свое, а консулы свое, а наши попы и монахи, тоже и они не ангелы, самъ знаешь. Наши люди говорятъ: «Когда же у насъ колокола будутъ

звонить? пора бы гатти-гумайюнъ исполнять!» А турки янинскіе говорятъ: «Погибнемъ всѣ, а проклятаго звона гяурскаго не услышимъ!» Трудно архіерею въ Турціи, трудно! Къ кому пойти о колоколахъ просить? съ кѣмъ дружбу сводить митрополиту? Съ русскими? и турки, и англичане, и французы крикъ и шумъ поднимаютъ... Патріархъ совѣтуетъ осторожность, среднимъ «царскимъ путемъ итти!» Какъ же это итти? попросить западныхъ представителей о колоколахъ? Скажу тебѣ: и сердце не расположено; я человѣкъ старый, изъ тѣхъ еще ржавыхъ людей, которые говорили, что лучше чалму въ Царьградѣ видѣть, чѣмъ митру папскую... А къ тому же, пойду я къ англичанину—русскаго оскорблю! И этого не хочу, и не должно. А яніоты меня осуждаютъ... Митрополитъ у нихъ виноватъ все!.. Одинъ изъ нихъ недавно сказалъ: «Хорошо, что у протестантовъ епископы женатые! и апостолъ говоритъ: «Епископъ долженъ быть одной жены мужъ...» Монахи люди жесткіе и семейныхъ дѣлъ не понимаютъ ничуть».

— А что̀ сами они дѣлаютъ, я тебѣ скажу сейчасъ: Приходитъ ко мнѣ недавно протосингелъ мой и говоритъ: «Посмотрите, что̀ у насъ въ Янинѣ дѣлается... Старая вдова Алексина дочь свою хочетъ за турка отдать». Я посылаю за вдовой. Нейдетъ. Послалъ за ней кавасса, насильно привели. Привела съ собой и дочь. Женщина смѣлая; остановилась вотъ тутъ въ дверяхъ, взяла дочь за руку и закричала не женскимъ голосомъ, а лютымъ: «Отче! видишь ты сироту?» — Я говорю: вижу. Она опять: «Отче! видишь ты сироту?» Я опять говорю ей кротко: «Вижу, благословенная, вижу!» — «Возьми же ее; я уйду и откажусь отъ нея. Ты ей будь отецъ, если ты не дашь мнѣ воли судьбу ей сдѣлать...» Я и такъ ей и иначе говорю; нѣтъ силъ. «Видишь ты сироту?» — Вижу. «Ну, возьми ее». Шумъ, крикъ, дѣвушка плачетъ, скандалъ великій! Въ чемъ же дѣло? А вотъ въ чемъ. Люди они точно бѣдные, отца нѣтъ; домикъ только есть одинъ и больше ничего; кромѣ этой старшей дочери еще есть шестеро дѣтей. Пришла она предъ послѣднею раздачей милостыни къ Куско-бею и го-

воритъ: «Дайте мнѣ на приданое сколько можно изъ благодѣтельскихъ суммъ, я нашла ей жениха». А Куско-бей отвѣчаетъ...

Тутъ архіерей остановился и посмотрѣлъ на меня... Отецъ хотѣлъ было удалить меня, но старецъ одумался и сказалъ: «Нѣтъ, пусть и онъ слышитъ все; пусть учится отличать добро отъ зла съ раннихъ лѣтъ!..» И продолжалъ:

— Куско-бей говоритъ ей на это: достану ей двойное приданое, пусть ночуетъ тамъ, гдѣ я ей скажу. Ушла вдова. Къ другому, и другой то же: «я ей и своихъ прибавлю». Третій, постарше, говоритъ: «У архіерея проси, я не знаю этого». Еще одинъ, тотъ говоритъ: «И бѣднѣе васъ есть, у Куско-бея проси». Бакиръ-Алмазъ сказалъ: «Радъ бы, но одинъ безъ другихъ и я не могу обѣщать». По несчастію увидалъ въ это время дочь ея одинъ вдовый турокъ; человѣкъ лѣтъ тридцати, не болѣе; хозяинъ, лавочку на базарѣ имѣетъ. Понравилась турку дѣвушка, онъ и говоритъ вдовѣ: «Не ищи для дочери приданаго, я ее возьму такъ. Въ вѣрѣ же я, клянусь тебѣ, я стѣснять ее не буду. И церковь, и постъ, и все ей будетъ на свободѣ. Даже и попу приходскому, старику, не возбраню входъ въ жилище мое». Посуди, каково искушеніе? и посуди еще, каковъ скандалъ? Лукавая женщина въ этотъ первый разъ мнѣ ничего не сказала искренно, а ушла отсюда и оставила тутъ дочь, закричала на нее: «Проклятіе мое, если отсюда за мною пойдешь!» Долго сидѣла сирота и плакала здѣсь на лѣстницѣ. Насилу старуха одна и кавассъ увели ее домой. «Чтобы не проклята меня мать», боится сердечная. «На насъ грѣхъ, на насъ!» сказали мы ей всѣ. Потомъ призвалъ я ихъ съ матерью при старшинахъ и при всѣхъ сталъ уговаривать ее, чтобы не выдавала замужъ за турка. Тогда-то она стала вдругъ какъ львица лютая и съ великимъ гнѣвомъ обличила при мнѣ всѣхъ старшинъ. Вѣрь мнѣ, что отъ стыда я въ этотъ часъ не зналъ, что̀ мнѣ сказать и что̀ дѣлать. Больше всѣхъ она обличала этого Куско-бея, и онъ не находилъ уже словъ въ свое оправданіе; только гладилъ бородку свою, плечами пожималъ и, обращаясь ко мнѣ, говорилъ

презрительно: «Клевета, святый отче, одна клевета. Все это отъ простоты и неразвитости происходитъ. Женщина неученая и неграмотная. Все это отъ того недостатка воспитанія, которымъ страдаетъ нашъ бѣдный народъ...» Другіе ему не возражаютъ. Однако рѣшили ей дать хорошее приданое, и она отказала турку и выдала теперь дочь за одного бѣднаго христіанина. Что ты на это мнѣ скажешь, благословенный другъ мой?

Не помню, что сказалъ на это архіерею отецъ мой; я былъ потрясенъ негодованіемъ, слушая это, и съ удивленіемъ вспомнилъ о презрѣніи, которое питалъ къ архонтамъ этотъ, казалось бы, столь легкомысленный и безумный Коэвино.

На время я совершенно перешелъ на его сторону и готовъ былъ признать его умнѣйшимъ и справедливѣйшимъ изъ людей.

Въ ту минуту, когда, уходя изъ митрополіи, мы спускались съ лѣстницы, на дворѣ послышался какой-то шумъ, раздались крики и мужскіе и женскіе. Мы увидѣли у порога толпу; служители архіерея, старухи, нищіе, дѣти окружили осла, на которомъ лежала, испуская жалобные вопли, молодая женщина, въ простой и бѣдной сельской одеждѣ. Около нея стоялъ худой, высокій, тоже бѣдно одѣтый мужчина; лицо его было ожесточено гнѣвомъ; волосы растрепаны; онъ спорилъ съ дьякономъ и произносилъ самыя ужасныя проклятія, и потрясалъ съ отчаяніемъ на груди изношенную одежду свою. Это былъ мужъ несчастной, привязанной веревками на спинѣ осла. Такъ привезъ онъ ее изъ села; такъ сопровождаемый толпой проѣхалъ онъ чрезъ весь городъ до митрополіи. Мы остановились; самъ преосвященный вышелъ на лѣстницу.

— Что ты дѣлаешь, варваръ, съ женою своей? — сказалъ онъ свирѣпому мужу.

— То, что должно ей, непотребной, дѣлать, — отвѣчалъ мужъ, дерзко взглядывая на архіерея. — Я знаю свой долгъ, старче. Дѣлай и ты должное, разведи меня съ этою блудницей, или я убью ее.

— Молчи, звѣрь!—воскликнулъ старецъ, поднимая на него свой посохъ.

— Пойдемъ отсюда,—сказалъ отецъ, увлекая меня за руку. Мы вышли изъ воротъ митрополіи и долго шли молча и задумчиво. Наконецъ отецъ мой вздохнулъ глубоко и воскликнулъ: «Свѣтъ, суетный свѣтъ! Земная жизнь не что иное, какъ мука!» И я вздохнулъ, и мы опять пошли молча.

Такъ пріятно началось и такъ печально кончилось это праздничное утро.

За завтракомъ докторъ немного развлекъ насъ. Онъ сталъ жаловаться на небрежное служеніе греческаго духовенства, сталъ хвалить католиковъ (наканунѣ ужасно бранилъ ихъ за фанатизмъ), вскочилъ изъ-за стола и сперва представилъ въ лицахъ, какъ должно кадить почтительно образамъ, читать и молиться съ благочестіемъ и солидностью, а потомъ сталъ передразнивать нашихъ здѣшнихъ поповъ, какъ они спѣшатъ и не уважаютъ святыни. «Вотъ тебѣ Христосъ!» и прыжокъ направо.—«Вотъ тебѣ *Ай-Яни!*» *) и прыжокъ налѣво!

Отецъ уговаривалъ его перестать кощунствовать, говорилъ: «Грѣхъ, Коэвино, грѣхъ». Но отъ смѣха воздержаться и онъ не могъ; я же до слезъ смѣялся.

Докторъ, наконецъ, усталъ, сѣлъ опять за столъ и сказалъ: «Не мнѣ грѣхъ, а тѣмъ, кто дурно литургисуетъ; не мнѣ грѣхъ. Бѣдный старикъ архіерей все-таки лучше ихъ всѣхъ. Онъ и служитъ въ церкви хорошо, благолѣпно. Я его за это уважаю. Къ тому же тамъ, гдѣ нѣтъ, какъ у насъ здѣсь, ни рыцарскихъ преданій, ни чувства чести, ни высокой учености, ни, могу такъ сказать, аристократическаго воспитанія, тамъ остается одно—религія. Архіерей человѣкъ истинно религіозный; а эти архонты... эти архонты...

Опять мнѣ пришлось согласиться съ докторомъ. Я чувствовалъ, что онъ все возвышается и возвышается въ мо-

---

*) *Ай-Яни* — св. Іоаннъ Предтеча, по-простонародному.

ихъ глазахъ; я не понималъ только того, что̀ онъ хочетъ сказать своимъ аристократическимъ воспитаніемъ?

Развѣ не аристократы Кусю-бей и другіе архонты? Роды ихъ — старые торговые роды Эпира; они богаты, имѣютъ хорошіе дома, начальствуютъ надъ ремесленниками и сельскими людьми, садятся у консуловъ въ пріемной, имѣютъ голосъ въ митрополіи и въ Портѣ...

Посмотримъ, что̀ скажетъ объ этомъ г. Благовъ; когда пріѣдетъ, я, можетъ быть, рѣшусь спросить у него, если онъ попрежнему будетъ ко мнѣ благосклоненъ.

VI.

Консулы не подчиняются у насъ въ Янинѣ старому восточному обычаю, по которому живущій въ городѣ дѣлаетъ первый визитъ новопріѣзжему.

Они и тогда, когда сами вновь пріѣзжаютъ, и тогда, когда наши мѣстные люди послѣ нихъ прибываютъ въ городъ, ждутъ первыхъ посѣщеній отъ насъ. Между собой, какъ равные съ равными, они слѣдуютъ нашему примѣру; новый консулъ ждетъ дома посѣщеній отъ консуловъ, прежде его прибывшихъ въ Эпиръ. Исключеніе одно — паша. Къ нему какъ къ сановнику, гораздо ихъ высшему по чину, консулы ѣдутъ первые. У эллинскаго консула отецъ мой былъ вскорѣ послѣ пріѣзда своего, но не засталъ его дома. Не засталъ онъ дома и г. Бакѣева, который въ отсутствіе г. Благова управлялъ русскимъ консульствомъ. Я очень желалъ видѣть г. Бакѣева и посмотрѣть, какой онъ. На мое несчастіе, онъ даже самъ два раза заходилъ къ доктору, на первой же недѣлѣ послѣ нашего пріѣзда, но оба раза меня не было дома. Одинъ разъ меня увелъ къ себѣ на домъ старикъ, ходжа Сеферъ-эффенди, чтобы познакомить меня съ сынкомъ своимъ, Джемилемъ, очень милымъ юношей, моихъ лѣтъ; а другой разъ я, по приказанію отца, ходилъ кое-какія вещи покупать на базаръ.

Такъ я дней около десяти, думаю, прожилъ въ городѣ

и не видалъ еще ни одного иностраннаго агента. На второе воскресенье отецъ сказалъ мнѣ: «Одѣнься и причешись почище: мы пойдемъ сегодня ко всѣмъ консуламъ». Онъ сказалъ мнѣ при этомъ еще, что г. Бакѣевъ много разговаривалъ съ нимъ, когда въ послѣдній разъ сидѣлъ у доктора, и приглашалъ его заходить почаще въ консульство; принялъ изъ рукъ его тѣ статистическія тетради, которыя мы заготовляли въ Загорахъ по просьбѣ г. Благова, и даже просилъ его совѣта по тяжбному дѣлу между однимъ турецкимъ беемъ и бѣдными христіанами.

— Я знаю коротко это дѣло; оно старое, оно возобновлялось при двухъ пашахъ, — сказалъ отецъ. — И Коэвино крѣпко просилъ меня объяснить г. Бакѣеву всю правду. Г. Бакѣевъ сказалъ мнѣ: «Я вамъ вѣрю. Я даже согласенъ показать вамъ ту записку, которую я составилъ объ этомъ дѣлѣ». Посмотримъ.

— Кто же этотъ бей? — спросилъ я у отца.

— Этотъ самый Абурраимъ-эффенди, котораго ты здѣсь видѣлъ, — отвѣчалъ отецъ.

— А какъ вамъ показался г. Бакѣевъ? — поспѣшилъ спросить я съ любопытствомъ.

Отецъ улыбнулся и подумалъ; потомъ сказалъ:

— Ни перваго нумера, ни самаго послѣдняго, а средняго. Не той выдѣлки, къ которой относится нашъ Благовъ, а подешевле. Вотъ самъ увидишь.

Я одѣлся и причесался не безъ волненія внутренняго; мнѣ было и пріятно и очень страшно, что я пойду теперь ко всѣмъ представителямъ европейскихъ державъ. Феска у меня была новая, но полосатый халатикъ мой (хотя тоже свѣжій и изъ хорошей матеріи) и верхняя широкая одежда моя изъ тонкаго сѣраго сукна меня очень тревожили и смущали. Ахъ, какъ я бы радъ былъ въ эту минуту самой дешевой европейской жакеткѣ. Быть можетъ и консулы подумаютъ про себя то же самое, что̀ Коэвино громко сказалъ: «Этотъ молодой мальчикъ носитъ «турецкій саванъ». Но, что̀ дѣлать? Терпѣніе! Имя эллинскаго консула было г. Киркориди; многіе полагаютъ, что родной отецъ его былъ

изъ армянъ. Онъ давно состоялъ на службѣ по разнымъ городамъ Турціи. Всѣ въ городѣ про него говорили, что онъ человѣкъ опытный, но слишкомъ осторожный, смирный и тяжелый и потому ни вреда, ни пользы большой никому не дѣлалъ. Онъ былъ вдовъ и жилъ скромно и уединенно, съ незамужнею дочерью, уже не слишкомъ молодою.

Жилище его было бѣдно и довольно пусто.

Мы увидали здороваго, свѣжаго, очень толстаго старика, степеннаго, солиднаго, дѣйствительно очень осторожнаго.

Принялъ онъ отца — не могъ я и понять — хорошо ли, худо ли. Какъ будто внимательно, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто и холодно. Отецъ тоже хитрый; началъ его испытывать понемногу. Это я сейчасъ же понялъ. Сперва онъ разсказалъ ему о своемъ затруднительномъ положеніи въ Тульчѣ и о томъ, что отъ англійскаго вице-консула Вальтеръ Гея видѣлъ больше защиты, чѣмъ отъ своихъ греческихъ консуловъ, и прибавилъ, что онъ и теперь очень боится быть вынужденнымъ прежде времени отсюда уѣхать съ больными глазами.

— Да, непріятно, — говорилъ консулъ. И потомъ прибавилъ, вздохнувъ: — Турція!

Потомъ отецъ сталъ говорить про г. де-Лесси, здѣшняго англійскаго консула.

— Я его давно знаю, — сказалъ отецъ, — онъ у меня домъ нанимаетъ. Старъ, ничѣмъ не занимается, кавасса своего, турка, говорятъ, во всемъ слушается.

На это консулъ нашъ отвѣчалъ:

— Да. Онъ въ лѣтахъ, это правда. — И только.

Отецъ опять: — Дѣлъ не любитъ.

А консулъ: — Что жъ ихъ любить? За что? человѣкъ аккуратный, почтенный. Люди вездѣ много слишкомъ словъ говорятъ. Всему вѣрить нельзя.

Отецъ похвалилъ г. Благова, и консулъ согласился: — Прекрасный молодой человѣкъ; умный молодой человѣкъ.

Отецъ говоритъ: — Не молодъ ли слишкомъ для своей должности?

А консулъ: — Молодъ, но очень хорошій человѣкъ.

Отецъ спрашиваетъ: — Вотъ про управляющаго, г. Бакѣева, не такъ-то хорошо отзывается общественное мнѣніе. Проще, говорятъ, Благова умомъ?

— Не вѣрьте, — сказалъ Киркориди. — Не вѣрьте людскимъ разговорамъ. Онъ тоже очень хорошій человѣкъ. Онъ и ученъ. Имѣетъ золотую медаль изъ университета русскаго.

— Я думаю зайти къ нему. Какъ вы скажете, ваше сіятельство? — спросилъ отецъ.

— Зайдите, зайдите, — отвѣчалъ Киркориди. — Ко всѣмъ иностраннымъ агентамъ зайдите. Отчего не зайти и не представиться? И къ французскому консулу зайдите. Великія три державы, которымъ Эллада равно обязана. Вы знаете, мой долгъ защищать ваши интересы; хотя вашъ паспортъ и неправиленъ. Но турки подозрительны, а мы не сильны, и личное знакомство ваше съ консулами облегчитъ ваше положеніе. Жаль, что у насъ въ Греціи такъ охотно выдаютъ турецкимъ подданнымъ паспорты. Это большое неудобство!

Все это онъ говорилъ тихо и равнодушно и толстыми пальцами по столу барабанилъ.

Отецъ всталъ и говоритъ:

— Позвольте, господинъ консулъ, снять съ васъ бремя моего посѣщенія.

А онъ какъ будто бы обрадовался.

— А! — говоритъ: — куда же это вы? Спѣшите, вѣроятно? Прощайте. До свиданія.

Отъ него мы пошли къ г. Корбетъ де-Леси, великобританскому консулу. Онъ (ты, вѣроятно, не забылъ этого) нанималъ давно нашъ яннискій домъ и платилъ за него намъ очень хорошія деньги.

Мы очень обрадовались, когда увидали, въ какомъ порядкѣ держитъ онъ все наше хозяйство. Дворъ былъ чистъ; садъ и цвѣтникъ мило зеленѣли, несмотря на осеннее время. Не видно было ни одной сорной травы, ни щепки, ни бумажки, ни разбитой посуды, какъ бываетъ у другихъ. По большому двору ходили павлины; красивыя крас-

ныя утки не здѣшней породы плавали въ маленькомъ мраморномъ бассейнѣ, который посреди двора нашего устроилъ англичанинъ на собственный счетъ.

Въ особенномъ, очищенномъ и огороженномъ мѣстѣ, у г. Корбетъ де-Лесси разводились въ послѣднее время бѣлыя куры и пѣтухи. Онъ былъ уже старъ, холостъ и должно быть скучалъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ еще любилъ охотиться и держалъ хорошихъ верховыхъ лошадей. Но съ годами охотой онъ началъ тяготиться; что касается до лошадей, то онъ ихъ всѣхъ продалъ вдругъ, въ досадѣ на своего конюха. У него былъ тогда прекрасный конюхъ, молодой полу-арабъ, бронзоваго цвѣта, сынъ того юродиваго дервиша ходжи-Сулеймана, который меня такъ и напугалъ, и насмѣшилъ у доктора въ домѣ. Консулъ наряжалъ богато молодого сеиса въ разноцвѣтныя и разукрашенныя куртки и шаровары и давалъ ему много свободы, требуя только одного — послушанія и чистоты. Однажды сеисъ подвелъ ему лошадь. Г. де-Леси хотѣлъ ѣхать къ пашѣ. Занося ногу въ стремя, консулъ увидалъ вдругъ на этомъ стремени кусокъ прилипшей грязи. Онъ сказалъ тогда со вздохомъ: «У меня нѣтъ слугъ! Я такой службы не называю службой». Отправилъ лошадь назадъ въ конюшню; пошелъ къ пашѣ пѣшкомъ; араба расчелъ въ тотъ же день и отпустилъ его, а лошадей тотчасъ же продалъ.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ заниматься археологіею византійской и бѣлыми курами. Онъ хотѣлъ сдѣлать ихъ какъ можно болѣе хохлатыми и не желалъ видѣть на перьяхъ ихъ ни малѣйшей желтой или черной отмѣтины.

По нѣскольку разъ въ день онъ самъ посѣщалъ ихъ и заботился усердно обо всемъ, что до нихъ касалось.

Зная эту страсть его, отецъ мой привезъ изъ Загоръ очень большого и хорошаго пѣтуха, почти совсѣмъ бѣлаго, и курицу въ такомъ же родѣ.

Они кормились у доктора; мы съ Гайдушей все время смотрѣли за ними; въ этотъ же самый день, когда мы съ утра собрались дѣлать консуламъ визиты, отецъ послалъ еще прежде себя пораньше нарочнаго человѣка съ пѣту-

хомъ и курицею къ де-Леси. На дворѣ, однако, мы ихъ напрасно высматривали, ихъ не было съ другими курами.

Полюбовавшись на прекрасное хозяйство, мы вошли, наконецъ, въ разубранное жилище. Я былъ пораженъ! Комнаты наши были полны древностями, раковинами, рѣдкими камнями изъ горъ; китайскими, сирійскими, персидскими пестрыми вещами; разною мелочью; на столахъ стояли ящики подъ стеклами, съ древними монетами и другими антиками. Книгъ было много, въ золотыхъ и разноцвѣтныхъ переплетахъ; хорошихъ гравюръ и картинъ такъ много и на стѣнахъ, и по столамъ, что я въ одно посѣщеніе не успѣлъ ихъ разсмотрѣть. Ковровъ и ковриковъ разной величины, цѣнности и цвѣта было вездѣ множество. Какъ выставка! Въ большой пріемной диванъ былъ турецкій, крытый желтымъ атласомъ, и страшный тигръ, разостланный около него, глядѣлъ на посѣтителей большими стеклянными глазами, какъ живой.

Самъ консулъ былъ старъ; онъ казался старше Киркориди и больше походилъ, по моему мнѣнію, на капризную старушку, чѣмъ старца. Ростомъ маленькій, лицо то веселое, то сердитое, красное-прекрасное, головка бѣлая, немного трясется; борода и усы гладко выбриты. Чистенькій, чистенькій; на рукахъ рукавчики не такіе, какъ у другихъ, а мягкіе и со сборками, какъ у дамъ.

Несмотря на двукратное приглашеніе консула, я долго не смѣлъ и сѣсть даже на желтый шелковый диванъ. Такой матеріи на диванѣ я никогда еще не видалъ, и мнѣ все казалось, что здѣсь можетъ сидѣть только самъ великій визирь или, по крайней мѣрѣ, такой раздушенный ароматами и даже въ дорогѣ въ бархатъ одѣтый паликаръ благородный, какъ мой будущій благодѣтель г. Благовъ. Сѣлъ, однако, вспоминая приказаніе отца не быть слишкомъ уже дикимъ и чрезъ мѣру не стыдиться.

Разговоръ, впрочемъ, и здѣсь, какъ у Киркориди, былъ не слишкомъ занимателенъ сначала. Консулъ съ радостью сказалъ отцу моему, что онъ недавно узналъ одну прелюбопытную вещь: «Я узналъ, что куры ѣдятъ муравьевъ».

Потомъ, когда отецъ мой передалъ г. Корбетъ де-Леси поклонъ отъ г. Вальтера Гея, старичокъ вдругъ раздражился, покраснѣлъ и какъ бы съ презрѣніемъ спросилъ: «Вспомнилъ онъ обо мнѣ? Это удивительно! удивительно!»

Отецъ послѣ сознался мнѣ, что г. Вальтеръ Гей никогда поклона г. де-Леси не посылалъ и вообще не хвалилъ и не любилъ его. Но отецъ лучше ничего не могъ придумать для того, чтобы начать рѣчь о своихъ дѣлахъ и о томъ, что надѣется на помощь могущественной Англіи, если турки начнутъ сильно тѣснить его по дѣлу его съ Петраки-беемъ и Хахамопуло.

Пока отецъ съ восторгомъ разсказывалъ о подвигахъ г. Вальтера Гея въ Тульчѣ, о томъ, какъ онъ на базарѣ прибилъ солдата, я внимательно смотрѣлъ на стараго джентльмена и замѣчалъ, что онъ недоволенъ. Онъ то дѣлалъ презрительное лицо, то слегка пожималъ плечами, то перемѣнялъ позу въ своемъ огромномъ креслѣ. Головка его старушечья еще больше затряслась.

Когда отецъ мой кончилъ и прибавилъ: «Я очень ему благодаренъ! Я могъ пріѣхать на родину, благодаря его энергіи, достойной представителя такой великой державы, какъ Великобританія!», г. де-Леси нѣсколько времени помолчалъ и потомъ, слегка наклонивъ головку на сторону, засмѣялся съ пренебреженіемъ: хе! хе! хе!..

— Вы не согласны со мной, г. консулъ?—спросилъ отецъ.

Г. де-Леси еще разъ: хе! хе! хе! и потомъ очень строго:

— Я, къ сожалѣнію, скажу вамъ, что не согласенъ съ вами, г. Полихроніадесъ!

— Съ чѣмъ же именно? — спросилъ отецъ.

— Со всѣмъ! — еще строже повторилъ старичокъ.

Отецъ смутился, и я за него тоже покраснѣлъ.

Подумавъ, г. де-Леси вдругъ поспѣшно прибавилъ:

— Нѣтъ! извините меня, г. Полихроніадесъ, я согласенъ... не съ вами... О, нѣтъ, но съ г. Вальтеръ Геемъ, въ одномъ. Въ одномъ я съ нимъ согласенъ, именно въ томъ, что онъ самъ гораздо болѣе варварски и незаконно поступилъ въ вашемъ дѣлѣ, чѣмъ турки, на которыхъ онъ

такъ нападаетъ. О! съ этимъ я согласенъ... О! это съ его стороны было очень остроумно сознаться громко, что онъ обнаружитъ, какъ онъ тогда сказалъ, больше варварства, чѣмъ турки.

— Такъ вы, ваше сіятельство, находите что насъ, христіанъ, не надо защищать и тогда, когда мы правы? — спросилъ отецъ съ негодованіемъ и даже измѣнился въ лицѣ.

— Я этого крайняго мнѣнія, кажется, не выразилъ, — отвѣчалъ старичокъ и замолчалъ.

Онъ довольно долго сидѣлъ послѣ этого молча и разглядывалъ внимательно рѣзной потолокъ; потомъ, указывая на него, сказалъ съ пріятною, почти восторженною улыбкой:

— Вотъ искусство, къ которому нѣкоторые эпироты, повидимому, естественно склонны, искусство точить изъ дерева. Въ митрополіи прекрасный иконостасъ. Жаль, если эта отрасль будетъ предана забвенію.

Отецъ молчалъ. Онъ былъ взволнованъ. Онъ больше всего ждалъ помощи отъ англійскаго консульства. Онъ всегда говорилъ: «Русскимъ трудно; ихъ считаютъ турки врагами. Французы умѣютъ дѣйствовать только одною дерзостью; но если англичанинъ захочетъ намъ помочь у паши, ему это легче всякаго. Въ общихъ дѣлахъ надо вѣрить русскимъ и на нихъ надѣяться; въ мелочахъ же англичанинъ, которому турки больше вѣрятъ, можетъ быть полезнѣе... если только захочетъ!..»

Отецъ ничего не отвѣтилъ на замѣчаніе консула о рѣзьбѣ и, глубоко вздохнувъ, спросилъ его наконецъ:

— Итакъ, г. консулъ, чего я могу ожидать отъ вашего сіятельства въ случаѣ какихъ-либо притѣсненій? Наше эллинское консульство, вы знаете, не сильно, а несвоевременный отъѣздъ на Дунай можетъ быть пагубенъ и здоровью моему и разстроитъ всѣ мои расчеты. Чего, смѣю повторить, могу я ждать?

— Отъ меня? — спросилъ съ притворнымъ удивленіемъ Корбетъ де-Леси. И опять: — хе! хе! хе!..

Несчастный отецъ, я видѣлъ, ужасно стыдился и мучил-

ся. А я бы, кажется, убилъ на мѣстѣ эту капризную старушонку, которая жарила моего добраго и больного родителя на медленномъ огнѣ.

Посмѣявшись такъ оскорбительно, консулъ всталъ, и мы за нимъ. Онъ протянулъ отцу руку, чтобы сказать этимъ: «пора вамъ и уходить отсюда», и нѣсколько минутъ стоялъ предъ нами, опустивъ глаза въ землю; наконецъ вдругъ поднялъ ихъ на отца и воскликнулъ: «Отъ меня? Чего вы можете ждать отъ меня? Я полагаю, хотя и не навѣрное... хотя и не навѣрное, что вы можете ожидать отъ меня всегда прекраснаго совѣта!»

— Въ какомъ родѣ, г. консулъ? — спросилъ отецъ.

— Въ родѣ того, что нужно придерживаться большей правильности относительно эллинскихъ и вообще иностранныхъ паспортовъ въ Турціи, г. Полихроніадесъ. Несомнѣнные автохтоны Эллады стѣсненій не имѣютъ въ этой странѣ.

Мы поклонились и стали уже спускаться съ лѣстницы, какъ вдругъ услыхали, что Корбетъ де-Леси спѣшитъ за нами по большой залѣ и зоветъ отца. Мы остановились.

— Я долженъ извиниться еще и просить васъ объ одномъ предметѣ убѣдительно, — сказалъ онъ любезно. — Убѣдительно прошу васъ ни куръ, ни тѣмъ болѣе пѣтуховъ съ рыжими перьями, примѣшанными къ бѣлымъ, мнѣ не присылать болѣе; ибо, если даже и выдергать эти рыжія перья, о которыхъ идетъ рѣчь, то расположеніе къ этому оттѣнку остается въ крови у птицы, и она можетъ мнѣ испортить неисправимо, я думаю, всю породу. Особенно пѣтухи! Курицу вашу я пустилъ временно гулять по двору; но пѣтухъ вашъ и до сихъ поръ лежитъ связанный въ углу комнаты кавасовъ, и вы его можете тамъ найти.

Кончивъ рѣчь, консулъ вѣжливо поклонился намъ и вернулся въ свои внутреннія покои.

На улицѣ отецъ пріостановился и сказалъ мнѣ:

— Этотъ старикъ, слушай, рѣдкое сокровище! Вотъ ядовитый старичокъ какой. Онъ прежде былъ лучше, съ годами сталъ хуже. Ничего, ничего!.. Терпѣніе!

Отъ Корбетъ де-Леси мы пошли къ м-сье Бреше, французскому консулу.

У него квартира была тоже недурна; но я не замѣтилъ у него тѣхъ рѣдкостей, древнихъ сосудовъ, монетъ, разнородныхъ ковровъ и ковриковъ, какъ у англичанина. Кавассы его были горды, суровы и одни изъ всѣхъ консульскихъ кавассовъ одѣты не по-албански, въ фустанеллы и разноцвѣтныя куртки, а въ низамское турецкое платье, въ панталоны и черные сюртуки, съ кривыми саблями сбоку. Въ городѣ говорили, что это ввела мадамъ Бреше отъ скупости; низамское платье проще и дешевле. Другіе говорили, что на это есть иная причина. Разсказывали, будто бы г-жа Бреше выражается такъ: «Je déteste l'habit Albanais; c'est *trop Grec.* Я ненавижу грековъ. Вездѣ простой народъ золъ, но злѣе парижскаго работника и простого грека ничего нѣтъ на свѣтѣ! стоитъ только послушать, какъ ссорятся и какимъ голосомъ люди кричатъ въ Пиреѣ, чтобы понять это».

Насъ провели въ холодную большую пріемную, въ которой не было ни печки, ни жаровни, и заставили ждать насъ однихъ, по крайней мѣрѣ, цѣлый часъ.

Все было тихо въ домѣ. Мы прислушивались. Консулъ не показывался.

Гордые кавассы не подали отцу даже табаку и бумажки, чтобы скрутить сигары, какъ дѣлаютъ всегда слуги гостепріимныхъ домовъ, чтобы гость не скучалъ, ожидая хозяина.

Видя это обращеніе, отецъ и свой табакъ не смѣлъ достать изъ кармана. Онъ сидѣлъ повѣсивъ голову и грустилъ. Долго тишина не нарушалась ничѣмъ; только разъ мы услыхали издали громкій женскій голосъ, который довольно сердито кричалъ: «Alfred». Мужской голосъ изъ другой комнаты отвѣтилъ на это: «Tout-à-l'heure, Mathilde!»

И потомъ опять все умолкло. Наконецъ дверь растворилась, и вошелъ г. Бреше гордой поступью и съ необычайною строгостью во взорѣ.

Мы стремительно вскочили съ дивана. Г. Бреше былъ худъ и довольно высокъ; онъ казался еще не старъ; во-

лосы и борода его были еще не сѣды; но все лицо было въ мелкихъ морщинкахъ и, какъ мнѣ и тогда уже показалось, онъ втягивалъ себѣ внутрь животъ насильно, чтобы выставлять больше грудь впередъ и казаться гордѣе.

Онъ не сѣлъ, а сталъ у стола, оперся на него одною рукой и спросилъ у отца по-гречески, но очень неправильно и непріятно:

— У васъ есть дѣло? Что вамъ нужно?

— Дѣла у меня есть, это правда, г. консулъ, — отвѣчалъ отецъ почтительно. — Но на этотъ разъ я осмѣлился притти къ вашему сіятельству лишь для того, чтобы рекомендовать себя представителю одной изъ трехъ великихъ державъ, создавшихъ нашу свободную Грецію. Я загорскій уроженецъ и эллинскій подданный, а это мой единственный сынъ.

Г. Бреше молча кивнулъ головой. Онъ наводилъ на меня ужасъ. «Французы никого и ничего не боятся», говорили яніоты. «Они дѣлаютъ вездѣ что хотятъ. А м-сье Бреше не только вспыльчивъ; онъ жестокъ и бьетъ людей крѣпко, не разбирая ни вѣры, ни званія, ни возраста».

— Eh bien? — сказалъ г. Бреше. — Ваши дѣла? Ваши тяжбы? Говорите. Быть можетъ, васъ турки оскорбили или ограбили? Скажите смѣло. Я выучу ихъ обращаться получше съ людьми. Русскіе учили ихъ, но мало. Теперь возьмемся мы. Говорите! у меня мало времени (онъ взглянулъ на часы).

Изъ другой комнаты опять раздалось восклицаніе: «Alfred! Dois-je encore attendre?» И консулъ отвѣчалъ опять: «Tout-à-l'heure!»

— Я могу зайти въ другое время, — поспѣшилъ сказать отецъ. — Извините, что я осмѣлился обезпокоить васъ.

— Нѣтъ, это ничего, — отвѣчалъ г. Бреше все такъ же сурово. — Говорите, если у васъ есть дѣло, не терпящее отсрочки. Консульство императора французовъ открыто всегда для тѣхъ, кто нуждается въ поддержкѣ. Тотчасъ же по пріѣздѣ моемъ сюда, при первомъ посѣщеніи, которое мнѣ сдѣлали здѣшніе христіанскіе старшины, я сказалъ имъ: «*Здѣсь* вашъ паша! *Здѣсь* вашъ конакъ! Идите

сюда смѣло и будьте увѣрены, что вамъ будетъ всѣмъ хорошо. Франція никогда не будетъ потворствовать неразумію преждевременныхъ греческихъ стремленій. Турки, при всей ихъ необразованности, имѣютъ больше государственнаго смысла, чѣмъ вы, и свобода была бы гибельна для васъ самихъ. Но ваши личныя, ваши гражданскія права, ваша жизнь и собственность обезпечены отнынѣ!.. съ той минуты, какъ я здѣсь, говорю вамъ, нѣтъ болѣе конака! я низвергъ уже трехъ пашей въ разныхъ мѣстахъ и выгналъ изъ ихъ епархій двухъ греческихъ архіереевъ, которые дѣлали свои поповскія глупости. Въ этомъ домѣ теперь, повторяю я, вашъ конакъ! Entendez vous!? — грозно прибавилъ онъ, возвышая голосъ и стуча по столу рукой.

Отецъ мой въ отвѣтъ на это поклонился и отвѣчалъ:

— Кому же неизвѣстно, г. консулъ, что Франція теперь преобладающее государство въ Европѣ?

— Теперь? — повторилъ г. Бреше съ презрительнымъ выраженіемъ въ лицѣ. — Теперь? Франція была такой и прежде, государь мой, и будетъ вѣчно! Франція была всегда во главѣ человѣчества. Она предназначена распространять всегда и вездѣ свободу и равенство, противодѣйствовать всѣмъ вреднымъ и варварскимъ началамъ, откуда бы они ни исходили...

— Alfred! Je pars! — произнесъ въ дверяхъ женскій голосъ, и вслѣдъ за этимъ черезъ комнату прошла поспѣшно сама г-жа Бреше. Она была очень нарядно одѣта. Шелковое платье ея было такое широкое и длинное, какого я никогда до тѣхъ поръ не видывалъ... Развѣ только на царскихъ портретахъ. Серьги у нея были длинныя, самой нѣжной работы; на плечахъ дорогой мѣховой воротникъ; а шляпка просто игрушка!

Зато лицомъ она была очень некрасива: худа, блѣдна; носъ слишкомъ длинепъ. Проходя, она едва-едва отвѣтила на нашъ почтительный поклонъ и сказала мужу что-то вполголоса по-французски. Я тогда еще говорить по-французски не могъ; но понималъ уже немного, когда предметъ разговора былъ не очень трудный.

Вслушиваясь въ то, что сказала француженка мужу, я запомнилъ два слова: «se morfondre» и «ces individus». Потомъ, разспрашивая, я узналъ, что первое значитъ что-то въ родѣ «возиться», «связываться», а второе «эти недѣлимые, эти люди», но съ оттѣнкомъ пренебреженія.

Итакъ, г-жа Бреше, мало заботясь о томъ, что мы могли бы и хорошо знать по-французски, такъ невѣжливо и дерзко выражалась о насъ въ нашемъ присутствіи. И эти люди, эти чиновники императора, эти защитники просвѣщенія и свободы хотѣли пріобрѣсти популярность у насъ на Востокѣ. Чѣмъ же? Хвастовствомъ, дерзостью, оскорбленіями и... католическою проповѣдью, прозелитизмомъ вѣры, которую (какъ будто мы не знаемъ этого!..) они у себя въ государствѣ всячески потрясли и стѣснили.

Не правда ли, какъ умно?

Г. Бреше тогда взялъ со стола свою шляпу и перчатки и сказалъ отцу:

— Если нѣтъ спѣшнаго дѣла, то извините меня. Зайдите въ другой разъ: я сдѣлаю вамъ нѣсколько вопросовъ, касающихся вашей родины.

Съ этими словами онъ вышелъ къ большую залу и вмѣстѣ съ женой и двумя кавассами важно спустился съ лѣстницы.

Осторожно, издали, спускались за ними и мы.

Поворотя изъ воротъ на улицу, мы увидали, что г. Бреше подалъ руку своей женѣ, и лицо его здѣсь на улицѣ, при видѣ встрѣчнаго народа, сдѣлалось уже не суровымъ, какъ дома, а вполнѣ свирѣпымъ. Кавассы махали бичами во всѣ стороны. Народъ разступался.

Не прошли мы и десяти шаговъ, какъ уже пришлось намъ быть свидѣтелями одной сцены, въ которой г. Бреше показалъ, какъ Франція защищаетъ вездѣ равенство и свободу.

Молодой деревенскій мальчикъ, куцо-влахъ, почти дитя, неопытный, повидимому, и совсѣмъ невинный, ѣхалъ на ослѣ своемъ, спустивъ ноги въ одну сторону съ сѣдла. Онъ, кажется, былъ утомленъ и дремалъ.

Консулу показалось, что онъ осмѣлился слишкомъ близко проѣхать по узкой улицѣ около шелковаго платья г-жи Бреше.

— Бей его! — закричалъ консулъ.

Кавассы тотчасъ же сорвали мальчика съ сѣдла и начали крѣпко бить его толстыми бичами своими по спинѣ и даже по головѣ, куда вздумалось. Несчастный молчалъ, пригибаясь. Мадамъ Бреше сперва посмѣялась этому, а потомъ сказала: «Assez!» И они пошли дальше.

Мнѣ до того было жалко бѣднаго мальчика (который былъ однихъ лѣтъ со мною), что я еще при консулѣ довольно громко закричалъ, всплеснувъ руками: «Боже мой! Что за грѣхъ! Что за жалость? За что это?»

Подошли, оглядываясь на удаляющагося француза, и другіе люди, и христіане, и турки, и евреи. Всѣ утѣшали мальчика, который сѣлъ на камнѣ и горько плакалъ. Его подняли опять на осла, старались шутками развеселить и говорили ему: «Айда! айда! дитя, добрый часъ тебѣ, палікаръ; не плачь, поѣзжай домой!»

Мы пошли дальше; отецъ задумчиво качалъ головой; а я съ изумленіемъ и ненавистью думалъ еще долго, долго о гордомъ и морщинистомъ лицѣ французскаго консула и о его нарядной, но злой и отвратительной мадамѣ.

VII.

Едва мы сдѣлали еще нѣсколько шаговъ по улицѣ, какъ вдругъ предъ нами предсталъ самъ Коэвино. Несмотря на всю необузданность и живость своего характера, докторъ по улицѣ ходилъ медленно и важно, въ pince-nez, въ новомъ цилиндрѣ, въ свѣжихъ перчаткахъ; серьезно, солидно, изрѣдка только и грозно сверкая бровями.

Увидавъ насъ, онъ однако повеселѣлъ, подошелъ къ отцу и воскликнулъ:

— А, добрѣйшій мой, я искалъ тебя! Знай, что ты зав-

тракаешь сегодня позднѣе обыкновеннаго, на островѣ, и въ монастырѣ св. Пантелеймона, со мной, съ Бакѣевымъ, и съ другомъ твоимъ Чувалиди. Жаль, что Бакѣевъ любитъ этого глупаго патріота Исаакидеса... Ты знаешь того, который пишетъ иногда корреспонденціи въ аѳинскія газеты... Я ненавижу этого лакея и боюсь, чтобы Бакѣевъ не пригласилъ и его... Но что дѣлать!.. Готовься; домъ мой будетъ запертъ сегодня.

— Господи помилуй! — возразилъ отецъ. — Теперь зима, ноябрь! Развѣ дѣлаютъ зимой чумбуши*) за городомъ?.. Положимъ, что погода хороша и тепла...

— А! а! — воскликнулъ докторъ съ восторгомъ. — О! развѣ это не причина, развѣ не наслажденіе сдѣлать именно не такъ, какъ дѣлаютъ другіе! Яніоты ѣдутъ на островъ лѣтомъ, а я не ѣду! Яніоты говорятъ: «теперь зима!» Они не ѣдутъ, а я ѣду! Спѣши, мой другъ, между тѣмъ къ Бакѣеву. Онъ ждетъ тебя, чтобы поговорить о дѣлѣ Абдурраимъ-эффенди. Ему доставили ложныя свѣдѣнія, и онъ хочетъ дѣйствовать противъ него и въ Константинополѣ и здѣсь. Иди, прошу тебя.

Отецъ сказалъ, что зайдетъ только на минуту въ австрійское консульство.

Я былъ очень огорченъ, не зная, возьмутъ ли меня на островъ или нѣтъ; но, къ счастію, докторъ, уходя, вдругъ остановился, позвалъ опять отца и съ улыбкой, разсматривая меня въ лорнетъ, сказалъ:

— И сына, и сына, и сына единороднаго привези!

Добрый человѣкъ докторъ! Истинно доброй души!

Видѣться съ австрійскимъ консуломъ отецъ мой не слишкомъ заботился. Онъ имѣлъ мало вліянія на дѣла. И потому мы были очень рады, что его не было дома. Отецъ велѣлъ мнѣ латинскими буквами написать на бумажкѣ нашу фамилію (такъ какъ карточекъ визитныхъ мы, конечно, не употребляли) и просилъ кавассовъ убѣдительно не забыть сказать г. Ашенбрехеру, что Георгій Полихроніа-

---

*) Чумбушь — увеселеніе, пирушка, пикникъ.

дѣсъ, загорецъ и греческій подданный, приходилъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе.

Пока отецъ говорилъ съ кавассами, я взглянулъ вокругъ себя и замѣтилъ, что это консульство было какъ будто хуже и бѣднѣе всѣхъ. Прихожая была довольно тѣсна; на внутреннемъ дворѣ висѣло и сушилось бѣлье, — все на виду, какъ у простыхъ людей. Кавассы были одѣты бѣднѣе, чѣмъ у англичанина и француза; наверху ужасно шумѣли и кричали дѣти; изъ кухни пахло жаренымъ. Надъ лѣстницей на минуту показалась и сама мадамъ Ашенбрехеръ. Она была очень просто одѣта, беременна и держала на рукахъ маленькаго сына; за ней съ топотомъ, визгомъ и крикомъ бѣжало еще трое дѣтей... Лицомъ она была моложава и пріятна. Увидавъ насъ, она покраснѣла и скрылась, а дѣти побѣжали опять съ визгомъ за ней.

Оттуда мы пошли въ русское консульство.

Г. Благовъ нанималъ огромный и прекрасный домъ одного турецкаго бея. На обширномъ зеленомъ дворѣ, окруженный высокою толстою и древнею стѣной, по которой какъ бы деревьями разрастался темный и величественный плющъ, этотъ домъ показался мнѣ царскимъ жилищемъ. Широкая новая галлерея, вся въ стеклахъ, два изящныхъ выступа съ комнатами по бокамъ, лѣстница каменная, просторная, на верхній этажъ; мраморными плитами выложенныя нижнія стѣны... За домомъ садъ хорошій.

Внутри было еще лучше; на этотъ разъ мнѣ пришлось видѣть только канцелярію, въ которой, несмотря на праздничный день, занимался г. Бакѣевъ спѣшными дѣлами.

Увидавъ насъ, г. Бакѣевъ всталъ, пожалъ руку отцу, ласково поклонился мнѣ и предложилъ намъ сѣсть.

Отецъ спросилъ у него, доволенъ ли онъ тѣми статистическими свѣдѣніями, которыя онъ составилъ въ Загорахъ по желанію г. Благова?

— Свѣдѣнія? — спросилъ г. Бакѣевъ, какъ бы разсѣянно. — Извините, я не понимаю. Вы знаете, такое обиліе дѣлъ.

— Тетради, которыя... — сказалъ отецъ.

— Ахъ, да, тетрадки!.. Да!.. Извините, помню, помню.

Но что дѣлать, я не успѣлъ посмотрѣть. Знаете, управленіе очень трудно... Впрочемъ, я увѣренъ, что ваши свѣдѣнія прекрасны.

На видъ, если хочешь, г. Бакѣевъ былъ еще болѣе консулъ, чѣмъ Благовъ. Очень рослый, полный, хотя и очень еще молодой, онъ при всемъ этомъ былъ и лицомъ чрезвычайно красивъ; еще красивѣе Благова. Глаза его, черные большіе и выразительные, одни уже могли бы украсить и облагородить всякую физіономію. Въ одеждѣ его не было ничего фантастическаго, какъ у Благова; но онъ одѣтъ былъ щегольски и по послѣдней модѣ.

Всѣ движенія Бакѣева были тихи и величественны, какъ у трагическаго актера; и глядѣлъ онъ въ лицо собесѣднику, мнѣ казалось, какъ будто бы несравненно лукавѣе, чѣмъ его начальникъ.

Г. Бакѣевъ угостилъ насъ сигарами и кофе и сказалъ еще, что не прочь отъ скуки провести сегодня день на островѣ вмѣстѣ съ отцомъ и *бѣднымъ* докторомъ (такъ онъ называлъ Коэвино,—*бѣдный!*).

Потомъ онъ началъ разспрашивать отца о Загорахъ. Говорилъ онъ обо всемъ какъ будто осторожно и загадочно, а пожалуй, что и безтолково (но такъ я понялъ съ теченіемъ времени; въ первый же разъ я принялъ это за высшую дипломатію и образованность).

— А! Загоры? Загоры? Да, Загоры! А скажите, прошу васъ: Франгàдесъ — это въ Загорахъ?

— Это наше село, государь мой, — сказалъ отецъ.

— А, это ваше село! Самое ваше?.. То-есть оно вамъ принадлежитъ?.. Вамъ самимъ?

— Нѣтъ, какъ можно, г. управляющій. Это село большое, богатое, свободное; я одинъ изъ простыхъ жителей его—больше ничего.

— Житель... А... Житель... Прекрасно... Франгàдесъ?.. Франгàдесъ? Тутъ что-нибудь франки въ древности... Вѣроятно! А позвольте еще спросить: Негàдесъ — это тоже Загоры?

— Тоже Загоры, г. управляющій.

— Тоже Загоры. И Линьядесъ тоже Загоры?

— И Линьядесъ принадлежитъ къ нашему округу. Наши Загоры, г. управляющій, имѣютъ издревле особыя права; у насъ нѣтъ вовсе турокъ и турецкаго начальства. Наши Загоры можно бы назвать особою маленькою республикой подъ властью султана и въ прямой зависимости отъ янинскаго паши.

— Да, это извѣстно, — сказалъ равнодушно г. Бакѣевъ.— Загоры? Загоры? славянское имя. Впрочемъ, это я такъ... Что значитъ имя? Пустой звукъ. Здѣсь все греки... Франгàдесъ, Негàдесъ, Линьядесъ... Да, у одного изъ нашихъ подданныхъ въ селеніи Негàдесъ есть дѣло... Прескучное! Такъ вотъ какъ, вы изъ Франгàдеса... А кстати о тяжбахъ. Мнѣ докторъ Коэвино сказалъ, что вы знакомы коротко съ тяжбой здѣшнихъ огородниковъ съ туркомъ Абдурраимомъ-эффенди, который... Это дѣло идетъ о землѣ, которая простирается... вплоть... почти вплоть... До чего она вплоть, м-сье Бостанджи-Оглу?

Бостанджи-Оглу былъ молодой писецъ русскаго консульства; онъ, въ отсутствіе настоящаго драгомана, который уѣхалъ съ Благовымъ, замѣнялъ драгомана. На вопросъ г. Бакѣева Бостанджи-Оглу отвѣтилъ, что земля эта идетъ «вплоть до стѣны и дома еврея Менахема Варуха».

— Да, да, Варуха,—сказалъ г. Бакѣевъ. — Вотъ и прекрасно. Вы знаете, значитъ, коротко эту плачевную исторію, этотъ образецъ, одинъ изъ безчисленныхъ образцовъ здѣшнихъ притѣсненій и страданій... Это ужасно!

Потомъ г. Бакѣевъ велѣлъ писцу запереть дверь и, обращаясь къ отцу моему, таинственно сказалъ:

— Я довѣрю вамъ нѣкоторые отрывки изъ мемуара, который я составилъ по этому вопросу. Вы знаете, конечно, что сообщать постороннимъ лицамъ то, что мы пишемъ, не въ правилахъ нашихъ. Но вы даже и здѣсь, въ городѣ, давно извѣстны, какъ пламенный руссофилъ; я слышалъ объ васъ еще прежде. Я знаю и то, что въ 54-мъ году ваша жизнь чрезъ русскихъ была въ сильной опасности... Намъ все извѣстно! къ тому же долгомъ считаю прибавить, что

я не настолько невиненъ, чтобы безъ цѣли прочитывать мои депеши и мемуары постороннимъ лицамъ... Безъ цѣли... Понимаете?.. Надо, чтобъ единовѣрцы наши знали, какъ мы горячо блюдемъ ихъ интересы... Надо... Знаете...

Говоря это, г. Бакѣевъ съ улыбкой простеръ предъ собою руку и представилъ, какъ надо сѣять сѣмена на почву земли.

Отецъ скромно склонилъ голову.

Тогда г. Бакѣевъ обратился къ писцу Бостанджи-Оглу и приказалъ ему читать не спѣша и переводя прямо и съ точностью съ русскаго на греческій. Хотя отецъ мой на Дунаѣ и въ Бессарабіи выучился говорить по-русски, но литературный и дипломатическій языкъ были ему не доступны; и потому г. Бакѣевъ и велѣлъ читать мемуаръ по-гречески.

«Осмѣливаюсь почтительнѣйше повергнуть на благосклонное вниманіе ваше дѣло Абдурраимъ-эффенди съ янинскими огородниками».

Такъ началъ Бостанджи-Оглу. Онъ былъ родомъ фанаріотъ, но ребенкомъ еще жилъ долго въ Одессѣ и потомъ съ раннихъ лѣтъ служилъ писцомъ при генеральномъ русскомъ консульствѣ въ Константинополѣ. Поэтому онъ оба языка, и греческій и русскій, зналъ отлично и переводилъ очень хорошо и не долго думая.

«Многосложность моихъ теперешнихъ занятій могла бы дать мнѣ нѣкоторое право замедлить этими сообщеніями; но слезы бѣдныхъ огородниковъ, обильно пролитыя подъ сѣнью двуглаваго орла, побудили меня къ усиленной дѣятельности во имя гуманности и самыхъ священныхъ интересовъ нашей великой отчизны. Элементъ православія несомнѣнно страдаетъ на Востокѣ! Дѣло огородниковъ тому живой примѣръ. Теперь это дѣло мнѣ ясно. Гордіевъ узелъ разрубленъ. Абдурраимъ-эффенди, негодяй и отъявленный фанатикъ, стремится завладѣть давнею собственностью единовѣрныхъ намъ бѣдняковъ, собственностью, дававшей имъ и семействамъ ихъ вполнѣ достаточное и приличное содержаніе».

Отецъ внимательно выслушалъ всю бумагу до конца. Я тоже старался вникнуть въ ея смыслъ.

Когда Бостанджи-Оглу кончилъ, я посмотрѣлъ на отца. Онъ былъ, казалось, не совсѣмъ доволенъ этимъ изложеніемъ дѣла и молчалъ, глядя въ землю.

— Что же вы имѣете сказать въ пользу или противу этого мемуара? — спросилъ г. Бакѣевъ. — Быть можетъ найдутся какія-нибудь погрѣшности въ подробностяхъ и вы... конечно... вы здѣшній житель. Но главное, я желалъ бы знать, ясно ли изложено... хорошо ли изображены всѣ обстоятельства этого дѣла? Вотъ, что̀ главное!

— Мемуаръ прекрасный,—отвѣчалъ отецъ,—и написанъ высокимъ, дипломатическимъ языкомъ, которому я, по недостатку ученаго воспитанія, едва ли и судьей быть въ силахъ. Но если вы желаете, чтобъ я откровенно выразилъ мое мнѣніе, г. управляющій, я осмѣлюсь возразить одно... только одно... я спрашиваю, не полезнѣе ли будетъ для насъ христіанъ, если высшія власти великихъ державъ будутъ извѣщаемы лишь о дѣйствительныхъ притѣсненіяхъ и обидахъ? Они найдутся въ обиліи. Дружественно ли или враждебно держава расположена къ христіанамъ и къ Турціи, все равно. Имѣя какъ можно болѣе фактовъ, избѣгая какъ можно болѣе увлеченій, ошибокъ и клеветы, высшія власти какой̀ бы то ни было иностранной державы будутъ знать лучше, на чемъ основывать свои дѣйствія, на что̀ надѣяться и чего опасаться... Ложныя свѣдѣнія даютъ оружіе въ руки врагамъ, которые могутъ обвинить дипломатію въ незнаніи или въ клеветѣ...

— Какъ такъ! — воскликнулъ, краснѣя и мѣняясь въ лицѣ, г. Бакѣевъ. — Развѣ эти свѣдѣнія ложны?

— Извините! вы желали знать правду, — сказалъ отецъ, потупляя глаза и прикладывая руку къ сердцу.

Г. Бакѣевъ, видимо смущенный и недовольный, обратился къ Бостанджи-Оглу и сказалъ ему: — Не вы ли провѣряли эти факты...

Бостанджи-Оглу покраснѣлъ еще болѣе, чѣмъ начальникъ его, и съ досадой обратился къ отцу моему: — Мнѣ

все подробно изложилъ Куско-бей. Куско-бей былъ самъ здѣсь, и многое я записалъ прямо съ его словъ.

— Вы никого больше не спрашивали? — спросилъ его отецъ.

— Кого же спрашивать?—возразилъ Бостанджи-Оглу,— Исаакидеса спрашивали. Онъ сказалъ, что не знаетъ дѣла этого основательно: слышалъ только, что Абдурраимъ-эффенди правѣе... Но Куско-бей предупредилъ меня, чтобъ Исаакидесу мы именно въ этомъ дѣлѣ не вѣрили, потому что у него есть старая тяжба съ Шерифъ-беемъ, племянникомъ Абдурраимъ-эффенди. У племянника съ дядей дѣла почти всѣ общія, и г. Исаакидесу желательно, чтобъ у Шерифъ-бея было больше средствъ и денегъ для уплаты ему... Ему невыгодно, чтобы другіе выигрывали тяжбы противъ этой семьи. Докторъ Коэвино приходилъ нарочно три раза и тоже говорилъ въ пользу бея. Но Коэвино въ подобныхъ дѣлахъ не человѣкъ...

— Конечно, Коэвино не человѣкъ! — подтвердилъ г. Бакѣевъ.

— Приходилъ еще вчера дьяконъ отъ митрополита и говорилъ также въ пользу бея, но г. Бакѣевъ не изволилъ снизойти...

— Разумѣется!—воскликнулъ г. Бакѣевъ,—митрополитъ Анѳимъ извѣстный туркофилъ, я же имѣлъ въ пользу противнаго мнѣнія два элемента: народъ... понимаете, народъ, притѣсненный въ своихъ правахъ, и кого же еще?.. Куско-бея, перваго изъ здѣшнихъ архонтовъ. И аристократію и демократію!.. Ясно?

Отецъ молчалъ. Г. Бакѣевъ настаивалъ, однако, и хотѣлъ знать непремѣнно его мнѣніе. «Хотя бы для того, чтобы лучше опровергнуть его!»—нѣсколько разъ повторилъ онъ...

Тогда отецъ, со всевозможными смягченіями, съ вѣжливостью и даже съ лестью и комплиментами, но зато и съ большою точностью, доказалъ ему, что все дѣло изложено не такъ и что даже вовсе о немъ никому доносить не нужно.

— Во-первыхъ, — сказалъ отецъ, — всѣмъ извѣстно, что я не туркофилъ. Избави Боже! Не проходитъ дня, чтобъ я не возсылалъ молитвы объ удаленіи агарянъ туда, откуда они пришли. Но національная ненависть моя не такъ слѣпа, чтобъ я не могъ различать одного турка отъ другого и не отдавать каждому должное. Абдурраимъ-эффенди не только не негодяй, а напротивъ того, одинъ изъ самыхъ лучшихъ въ Янинѣ турокъ. Человѣкъ онъ умный и благородный. Лично я познакомился съ нимъ недавно; но характеръ его давно мнѣ извѣстенъ, и родъ, къ которому онъ принадлежитъ, древній янинскій родъ, никогда фанатизмомъ и христіаноборствомъ не отличавшійся. Къ тому же въ этой тяжбѣ, которую я знаю давно, онъ не что́ иное, какъ маска для иной цѣли. Часть доходовъ съ этой земли была предоставлена издавна одному христіанскому небольшому монастырю, который даже и построенъ былъ туркомъ, дѣдомъ этого Абдурраимъ-эффенди, по слѣдующему странному случаю. Этотъ бей запоздалъ однажды зимою въ дорогѣ. На горахъ началъ къ вечеру дуть сильный вѣтеръ, и съ утра уже падалъ снѣгъ. Съѣхалъ, наконецъ, бей верхомъ, со всѣми людьми и вьюками своими, на большое и гладкое поле, по глубокому снѣгу. Ѣхали они долго ли, мало ли, только ѣхали на лай собакъ передъ собою, догадываясь, что Янина близко; огней же городскихъ за бурей снѣжной не было видно. Наконецъ, съ большими усиліями достигли они до города и тогда только съ ужасомъ и радостію поняли, что переѣхали по новому льду, поперекъ всего Янинскаго озера. Озеро наше замерзаетъ очень рѣдко: съ тѣхъ поръ, кажется, и не случилось этого еще ни разу... И не слыхано было никогда, чтобы кто-либо дерзнулъ переходить у насъ пѣшкомъ по льду, не говоря уже о лошадяхъ и тяжелыхъ вьюкахъ. Бей сообразилъ тогда, что онъ спустился на ледъ около того мѣста, гдѣ стояли развалины одного древняго маленькаго скита, разореннаго мусульманами въ смутную годину. Онъ благодарилъ Мать «Пророка-Іисуса», столь дивно его сохранившую; отстроилъ заново на свой счетъ ма-

ленькій и красивый скитъ и назначилъ ему въ пользованіе ту самую землю, о которой идетъ теперь рѣчь. Г. Бостанджи-Оглу упомянулъ о Шерифѣ-бекѣ, племянникѣ Абдурраима. Отецъ Шерифа, по имени Омеръ-бей, былъ женатъ на христіанской дѣвушкѣ, плѣненной въ 20-хъ годахъ. Эта дѣвушка была матерью Шерифъ-бея; она жива до сихъ поръ; сохранила христіанскую вѣру, бываетъ нерѣдко въ церкви и пріобщается. Шерифъ-бей очень ее чтитъ, какъ слышно, и любитъ. Съ братомъ покойнаго мужа, Абдурраимъ-эффенди, она въ хорошихъ отношеніяхъ. Земля же, о которой идетъ рѣчь, находится по наслѣдству во владѣніи Шерифъ-бея и его матери, и они выплачиваютъ постоянно доходы на монастырь; земля эта издавна отдавалась внаймы подъ огороды; теперь же, повидимому, Шерифъ-бей и его дядя хотятъ распорядиться ею иначе и выгоднѣе; во всякомъ случаѣ, увеличеніе дохода съ земли увеличитъ и монастырскій доходъ... Куско-бей, съ своей стороны, имѣетъ претензіи на эту землю, на основаніи какихъ-то дѣлъ его отца съ отцомъ Абдурраима-эффенди, и дѣло это вообще крайне запутано и темно. Но ясно одно, что Абдурраимъ-эффенди, потомокъ спасеннаго турка, является въ этой тяжбѣ защитникомъ православной церкви и ея доходовъ; а противники его, эти огородники, вовсе и не собственники этой земли; они лишь орудіе Куско-бея. Куско-бей, благодаря своей ловкости и деньгамъ, сумѣлъ выиграть нѣсколько процессовъ противу богатыхъ турокъ, которымъ онъ часто даетъ деньги за большіе и незаконные проценты для ихъ роскоши и разныхъ прихотей восточнаго воспитанія. Этимъ путемъ онъ пріобрѣлъ въ собственность же нѣсколько чифтликовъ, и обязаннымъ селянамъ, какъ слышно, не стало лучше при немъ, чѣмъ было при туркахъ. По какимъ-то соображеніямъ, онъ въ этомъ дѣлѣ не хочетъ являться самъ; вѣроятно, стыдится открыто показать себя грабителемъ церкви и потому посылаетъ огородниковъ плакать по консульствамъ.

Кончивъ это объясненіе, отецъ еще разъ наговорилъ тысячу извиненій, сказалъ, что онъ не дипломатъ и можетъ

быть не дальновиденъ, но что по мѣрѣ силъ своихъ раздѣляетъ мнѣніе г. Благова, который просилъ при собираніи свѣдѣній ничего не преувеличивать.

Услыхавъ, что ему какъ будто ставятъ въ примѣръ Благова, Бакѣевъ опять измѣнился въ лицѣ и, холодно сказавъ отцу, что онъ все-таки благодаритъ за объясненія, прибавилъ:

— Хотя, конечно, сущность дѣла... или, лучше сказать, сущность моего взгляда измѣнить уже не можетъ никто, но я благодарю васъ все-таки за трудъ, который вы на себя взяли.

И обратившись къ Бостанджи-Оглу, онъ сказалъ ему повелительно:

— Чтобы мемуаръ былъ переписанъ во-время... Завтра я его непремѣнно отправлю... Слышите?

Позднѣе мы отъ того же Бостанджи-Оглу узнали, что г. Бакѣевъ бранилъ его за дурныя свѣдѣнія; мемуаръ разорвалъ, ничего объ этомъ больше не писалъ, и когда огородники пришли опять *плакать*, онъ ихъ не принялъ, а велѣлъ имъ сказать, что онъ все уже сдѣлалъ, что́ могъ, и никакая сила всѣхъ здѣшнихъ безпорядковъ прекратить не можетъ. Это было, положимъ, очень лестно для отца; но обо всемъ этомъ мы узнали, какъ я сказалъ, гораздо позднѣе; а теперь впечатлѣніе отъ всѣхъ визитовъ консуламъ было для насъ не слишкомъ веселое и ободрительное.

Эллинскій консулъ принялъ насъ, разумѣется, вѣжливо, и до дверей провожалъ, и говорилъ о долгѣ своемъ относительно греческихъ подданныхъ; но сознался, что защищать ихъ интересы въ Турціи иногда очень трудно державѣ слабой и туркамъ недружественной. Англичанинъ, несмотря на старое знакомство свое съ отцомъ, насмѣшливо отказалъ ему въ помощи.

Французъ принялъ его какъ простого носильщика или лодочника, не посадилъ и руки не подалъ. Обѣщалъ все, не зная даже въ чемъ дѣло. Можно ли ему вѣрить?

Русскаго управляющаго отецъ, вопреки своей обычной осторожности, некстати огорчилъ и оскорбилъ, увлекшись

на минуту своимъ старымъ расположеніемъ къ русскимъ чиновникамъ, желаніемъ своимъ видѣть ихъ всегда толковыми и знающими.

Простившись съ г. Бакѣевымъ, мы поспѣшили къ доктору, который ждалъ насъ уже давно и сердился, собираясь на островъ. Г. Бакѣевъ, недовольный отцомъ, даже не сказалъ ему: «До свиданія, на островѣ», когда мы прощались.

Онъ едва кивнулъ ему головой, а я, несчастный, успѣлъ поклониться только спинѣ его.

Досадно и грустно.

Тѣмъ болѣе досадно, что наканунѣ пріѣхалъ въ Янину съ Дуная одинъ еврей и сказалъ, что въ Тульчѣ русское консульство непремѣнно и скоро откроется. Какъ бы кстати было, если бы здѣшніе русскіе чиновники послали бы хорошее рекомендательное письмо тульчинскому консулу для того, чтобъ онъ могъ поддерживать дядю противъ Петраки-бея.

Не досадно ли!

Блестящій серебромъ и золотомъ кавассъ-баши Маноли, бряцая доспѣхами, выскочилъ къ намъ, когда мы спустились въ нижнія сѣни консульства. Онъ не могъ покойно слышать въ сѣняхъ никакого движенія, и ни одинъ кавассъ, ни одинъ слуга не поспѣвалъ прежде него выбѣжать изъ кавасской комнаты, чтобы взглянуть, что́ дѣлается, чтобы вытянуться и сдѣлать честь пашѣ или иностранному агенту, когда они посѣщали русскихъ; сказать два-три любезныхъ слова другимъ посѣтителямъ, пониже, подать піастръ нищему по приказанію консула или усмирить какого-нибудь буяна.

Отецъ подалъ ему руку и спросилъ у него тихо:

— Есть ли надежда, чтобы г. Благовъ скоро вернулся? Что слышно объ этомъ? Будь живъ и здоровъ вѣчно, Маноли! Скажи мнѣ всю правду, что́ слышно?

— Съ удовольствіемъ, даже съ великимъ удовольствіемъ я скажу вамъ всю правду, г. Йоргаки, — отвѣчалъ Маноли и улыбаясь поправилъ усы свои. — Я васъ уважаю и люблю.

Я скажу вамъ; слушайте, прошу васъ, меня внимательно. У г. Благова есть великія цѣли. Я его любимецъ, потому что онъ знаетъ твердо, что́ такое значитъ капитанъ злой Лакки Сулійской *). Злая Сулія! Одно слово и одно названіе! Злая. Это что́ значитъ? Значитъ — злая, не покоряется никогда. У г. Благова есть великія цѣли, но онъ ихъ никому не открываетъ. Напримѣръ со мной... «Маноли!» «Что́ прикажете, эффенди». (Это мы вмѣстѣ ѣдемъ верхомъ въ полѣ). «Маноли!» «Эффенди?» «Когда жъ ты, Маноли, будешь въ самомъ дѣлѣ эпирскимъ архистратигомъ?» Я отвѣчаю: «Это, эффенди, въ вашей волѣ. Вы, эффенди, мой сіятельный г. консулъ, можете всѣ эпиро-ѳессалійскія обстоятельства поставить вверхъ дномъ». «Ты думаешь?» говоритъ. Я говорю: «Не только думаю, и увѣренъ въ этомъ». Онъ замолчалъ. Вѣрьте мнѣ, г. Йоргаки, что онъ даже иногда лежитъ по цѣлымъ часамъ на диванѣ, закрывъ глаза; это все думы и думы. Напримѣръ теперь, развѣ безъ цѣли онъ меня (меня—кавассъ-баши) здѣсь оставилъ и не взялъ съ собой? Нѣтъ. Онъ знаетъ, что г. Бакѣевъ управляетъ первый разъ консульствомъ, что онъ неопытенъ. Поэтому онъ и сказалъ мнѣ: «Маноли, ты останешься здѣсь и со мной не поѣдешь. Смотри». Я понялъ и смотрю.

— А гдѣ жъ теперь г. Благовъ и скоро ли, слышно, возвратится? — еще разъ спросилъ отецъ ласково и терпѣливо.

— Это трудно сказать, — отвѣчалъ архистратигъ. — Быть можетъ онъ скитается по горамъ и страну изучаетъ, духъ, духъ! И быть можетъ веселится уже въ самой столицѣ на Босфорѣ. Вы не были никогда, киръ Йоргаки, въ Буюкъ-Дере? Я былъ. Что́ за великолѣпіе! Какіе цвѣты! Что за ужасныя деревья! Церковь; архимандритъ; дамы молодыя, офиціальныя дамы! Каики съ золотомъ. Драгоманъ, и не спрашивайте, это левъ. Борода до сихъ поръ... Туркамъ трепетъ... Деревья, ужасъ... Дамы! Церковь!

Едва-едва избавились мы отъ героя Сулійской Лакки; онъ преслѣдовалъ насъ еще долго по улицѣ.

---

*) Лакка Сулійская — долина Сулійская.

Итакъ, что же, наконецъ? Что же мы узнали и чего достигли?

Узнали мы, что г. Благова едва ли скоро дождемся и что въ Тульчѣ скоро будетъ русское консульство... А достичь мы ничего не достигли.

Захочетъ ли Бакѣевъ послѣ этого разговора трудиться для отца, поддерживать его здѣсь, писать для него въ Тульчу? Сомнительно.

Вотъ какъ иногда люди самые осторожные могутъ поступать необдуманно въ ущербъ своимъ интересамъ.

Бѣдный отецъ мой! Бѣдный отецъ!

VIII.

Отецъ разсказалъ доктору о своемъ разговорѣ съ г. Бакѣевымъ! Онъ полагалъ, что управляющій русскимъ консульствомъ очень недоволенъ имъ и что теперь приличнѣе будетъ ему вовсе не ѣхать на островъ.

Но Коэвино вышелъ изъ себя и воскликнулъ, что отецъ мой судитъ слишкомъ по-гречески.

— Греки, — кричалъ онъ, — до того обезумѣли отъ политики и тяжбъ, что не умѣютъ вовсе отдѣлять дѣловыхъ отношеній отъ личныхъ. Но Бакѣевъ, каковъ бы онъ ни былъ, Бакѣевъ все-таки русскій! Онъ все-таки сынъ великой имперіи, онъ дитя общества, въ которомъ умѣютъ жить, забывая политическіе оттѣнки и дѣла. Это не то, что здѣшніе ваши маленькіе презрѣнные народцы!.. Не греки, не сербы и не болгаре, которые *лопаются* съ досады, что ихъ мало... Это не то, что вы! не то, что вы! Я говорю тебѣ, русскіе не то, что вы! — кричалъ онъ съ пѣной у рта.

Отецъ уступилъ. Гайдуша взяла корзину съ виномъ, фруктами и сладостями, и мы всѣ четверо сѣли въ лодку и поѣхали.

Погода была осенняя, но прекрасная; чуть-чуть прохладная, лучше чѣмъ бываетъ лѣтомъ.

На островѣ мы нашли уже цѣлую толпу слугъ изъ рус-

скаго консульства, повара, который готовилъ что-то въ монастырской кухнѣ, и партію цыганъ-музыкантовъ. Вскорѣ вслѣдъ за ними пріѣхалъ и г. Бакѣевъ съ Бостанджи-Оглу и тѣмъ самымъ Исаакидесомъ, который имѣлъ тяжбу съ племянникомъ Абдурраима-эффенди и не хотѣлъ доставлять Бакѣеву вѣрныхъ свѣдѣній. Они привезли съ собой тоже вина хорошаго и портера. Недоставало только Чувалиди. Его Коэвино пригласилъ, чтобы доставить удовольствіе отцу. Впрочемъ и самъ докторъ, открыто и вездѣ называя Чувалиди мошенникомъ, чрезвычайно уважалъ его умъ, его начитанность и умѣнье вести себя въ обществѣ.

— И еще за то, — говорилъ докторъ, — что онъ одѣвается чисто и хорошо; приличенъ и похожъ болѣе на турецкаго чиновника, чѣмъ на греческаго патріота.

Немного погодя и лодка Чувалиди причалила къ берегу. Докторъ приказалъ музыкантамъ играть. Цыгане запѣли по-турецки:

Ахъ! Аманъ! аманъ! мой багдадскій другъ,
Ахъ! какъ лѣтомъ гулять хорошо....

Печальныя впечатлѣнія этого утра понемногу разсѣивались. Я видѣлъ, что разговоръ между старшими оживлялся; замѣтилъ, что г. Бакѣевъ смѣялся и говорилъ благосклонно съ моимъ отцомъ; видѣлъ также, что и самъ отецъ, слушая музыку и турецкія пѣсни, понемногу свѣтлѣлъ и успокоивался. Любя бѣднаго отца моего всѣмъ сердцемъ, я обрадовался; забылъ все худое и предался вполнѣ блаженной беззаботности...

Я выпилъ въ сторонѣ съ кавассами немного вина и началъ пѣть вмѣстѣ съ цыганами всѣ тѣ пѣсни, которыя зналъ; а зналъ я ихъ много еще съ дѣтства.

Завтракъ на открытомъ воздухѣ былъ очень оживленный. Музыка все время играла.

Отца, какъ старшаго по возрасту, посадили на лучшее мѣсто. Самъ г. Бакѣевъ любезно сказалъ ему:

— Мы всѣ яніоты; а вы гость. Займите мѣсто предсѣдателя.

Докторъ снялъ съ головы отца феску и воскликнулъ съ восторгомъ:

— Клянусь честью, я крѣпко люблю твою почтенную плѣшь, мой добрый Полихроніадесъ! Люблю твои сѣдые волосы, спадающіе по бокамъ такъ низко. Взгляните, м-сье Бакѣевъ, развѣ онъ не похожъ на великаго французскаго поэта Беранже? Клянусь честью! Взгляните всѣ... Это самъ Беранже!

Съ этими словами докторъ сорвалъ вѣтвь плюща, который стелился не подалеку по скалѣ, свилъ ее вѣнкомъ и увѣнчалъ отца, восклицая: «Беранже!»

— Я твоего француза Беранже не знаю и объ немъ не слыхивалъ, любезный мой другъ, — отвѣчалъ отецъ смѣясь. — Можетъ быть онъ былъ іезуитъ какой-нибудь...

— О! о! — закричалъ Коэвино, простирая съ хохотомъ руки къ небу. — О! Беранже іезуитъ! Беранже — пѣвецъ веселой доброты и военной славы... «Vous, que j'appris à pleurer sur la France!..» А! мой Беранже... мой благородный Беранже! Онъ выше Горація... Онъ полнѣе его; онъ возвышеннѣе!.. Могу такъ сказать... Да!

Господинъ Бакѣевъ пожалъ плечами и замѣтилъ на это доктору, что Беранже не стоитъ такъ хвалить въ наше время — онъ восхищался военною славой. «Кто же восхищается нынче военною славой? Нынче нуженъ прогрессъ, промышленность, всеобщее благо»... «Я не уважаю Беранже! Такой онъ французъ!» прибавилъ еще господинъ Бакѣевъ съ презрѣніемъ.

Меня ужасно поразила тогда эта рѣчь господина Бакѣева; несмотря на всю боязливость мою и невоинственность нашего загорскаго воспитанія, я безъ восторга не могъ читать о молодецкихъ подвигахъ нашихъ клефтовъ и въ первый разъ въ жизни услыхалъ, что военную славу неприлично воспѣвать въ стихахъ. Удивило меня также презрительное выраженіе Бакѣева: «такой французъ!» Вѣдь французы, говорятъ, самый образованный народъ въ мірѣ... Что жъ это значитъ? О, какъ многому, бѣдный Одиссей, ты долженъ еще учиться!

Чувалиди, съ своей стороны, выразилъ такъ:

— На что́ намъ французскіе писатели, когда у насъ и свое здѣшнее, и греческое, и турецкое, такъ хорошо?.. Прислушайтесь, докторъ, къ этой пѣснѣ... Развѣ не нравится вамъ это: «Я держу двухъ дѣвушекъ: одну правою рукой, а другую лѣвую, и не знаю, которую оставить и которую удержать»! Слышите этотъ стихъ: *Чаиръ! Чаиръ!* (Трава! трава!) Развѣ не мило это, господинъ Бакѣевъ?

— Дико нѣсколько, — отвѣчалъ господинъ Бакѣевъ съ презрительною усмѣшкой. — Однако и я привыкать сталъ къ этой странной музыкѣ, — прибавилъ онъ потомъ.

Когда кушанье было готово, я, по знаку, данному отцомъ, не сѣлъ вмѣстѣ со старшими, но, взявъ изъ рукъ слуги блюдо, сталъ служить всѣмъ, начиная съ господина Бакѣева и кончая отцомъ.

Докторъ навелъ на меня лорнетъ и закричалъ весело:

— А! Сынъ! Сынъ Одиссей служитъ! Ха! ха! ха! По-древнему... А! а!

Господинъ Бакѣевъ, напротивъ того, казался недовольнымъ этимъ и замѣтилъ отцу моему, что онъ напрасно пріучаетъ меня къ такому рабскому духу.

— Я этого не люблю! — сказалъ онъ.

Чувалиди заступился за нашъ старый обычай и возразилъ Бакѣеву:

— Вы сегодня, господинъ Бакѣевъ, сами объявили, что хотите быть яніотомъ. Поэтому не чуждайтесь, будьте такъ добры, нашихъ старыхъ обычаевъ; пусть нашъ милый Одиссей не отучается чтить старшихъ своихъ, а мы за это женимъ его со временемъ на первой янинской богачкѣ, на дѣвочкѣ распрекраснѣйшей изъ всего Эпира и потанцуемъ старики на его свадьбѣ... Я тебѣ пророкъ, мой сынъ! — прибавилъ Чувалиди и потрепалъ меня по щекѣ.

Я такъ былъ смущенъ и тронутъ этою лаской, что счелъ за лучшее поблагодарить его и поцѣловалъ его руку, прикладывая ее и ко лбу.

Всѣ тогда засмѣялись. Отецъ былъ доволенъ мною. Я это видѣлъ по выраженію, съ которымъ онъ смотрѣлъ на

меня. Я служилъ, но, конечно, не обижалъ и себя, уходя отъ господскаго стола къ кавассамъ, я у нихъ утѣшался какъ приходилось, то пирожкомъ, то барашкомъ, то фруктами и виномъ. Мнѣ было очень весело!

Послѣ завтрака всѣ пошли въ то маленькое монастырское строеніе, гдѣ былъ убитъ Али-паша. Подъ старымъ навѣсомъ балкона еще былъ тогда цѣлъ простой деревянный столбъ, глубоко разсѣченный тогда ятаганомъ. Теперь этого столба уже нѣтъ; онъ сгнилъ, и его бросили.

Мы вошли и въ низкую, темную, небольшую комнату со старымъ очагомъ. Ея грязный полъ въ одну доску былъ во многихъ мѣстахъ пробитъ пулями. При монастырѣ живетъ еще и до сихъ поръ старушка, которая помнитъ эти времена.

Она разсказывала намъ о томъ, какъ прекрасна и стройна была знаменитая Василики; описывала ея бархатную одежду, изукрашенную червонцами и шитьемъ; показывала низенькую дверь въ темный чуланчикъ, въ который скрылась красавица, когда посланные султана вошли на монастырскій дворъ. При падшемъ властелинѣ не было никого кромѣ ея и одного вѣрнаго слуги. Паша и слуга заперлись вдвоемъ въ той самой комнатѣ, въ которой мы теперь всѣ задумчиво стояли. Султанскіе солдаты не стали выламывать дверь: они подошли подъ комнату въ низкія сѣни и стрѣляли вверхъ сквозь полъ, приставляя прямо къ доскамъ ружья. Али былъ скоро раненъ въ ногу. Онъ сѣлъ на диванъ, и слуга сталъ ему перевязывать рану. Убійцы прислушались, конечно, къ ихъ движеніямъ.

— Еще одна пуля пробила снизу полъ... (Отверстіе мы сами трогали руками)... И эта пуля была послѣдняя; она попала прямо въ толстый животъ паши, который висѣлъ съ дивана надъ этимъ самымъ мѣстомъ въ то время, когда слуга перевязывалъ ему ногу.

Прекрасную Василики пощадили. Иные утверждаютъ, что она, какъ христіанка, предала пашу...

— Ужасная была эпоха! — сказалъ г. Бакѣевъ, выходя изъ этой мрачной комнатки на дворъ.

Коэвино говорилъ, что онъ вѣрить не хочетъ, будто бы Василики предавала своего мужа и благодѣтеля...

— Я все-таки настолько грекъ, — сказалъ онъ, — что меня подобная низость въ гречанкѣ возмущаетъ глубоко...

— А я вѣрю, что она предавала его, — сказалъ Исаакидесъ. — Можетъ развѣ душа хорошей, благородной гречанки имѣть искреннее сочувствіе къ турку, къ врагу ея націи? Нѣтъ, не можетъ... Грязь предательства иногда проистекаетъ изъ чистаго источника.

— Я не понимаю такой греческой нравственности, — отвѣтилъ докторъ, отворачиваясь отъ него.

Оттуда мы всѣ пошли въ маленькую церковь монастыря, приложились къ иконамъ, вслѣдъ за г. Бакѣевымъ, и осмотрѣли въ ней все, что было любопытнаго.

Монахъ поднесъ г. Бакѣеву фигуру. (Такъ называютъ у насъ въ Эпирѣ образъ печатанный на бумагѣ, который кладется на блюдо и подносится тѣмъ лицамъ, которыя въ первый разъ посѣщаютъ какой-нибудь храмъ). Г. Бакѣевъ положилъ на эту фигуру турецкую золотую лиру.

Потомъ, взглянувъ на всѣхъ, сказалъ значительно:

— Храмъ, кажется, древній!

И вышелъ вонъ.

Въ эту минуту я только замѣтилъ, что съ нами нѣтъ ни г. Исаакидеса, ни отца моего.

Докторъ спрашивалъ, гдѣ отецъ; Бакѣевъ искалъ Исаакидеса...

На дворѣ, между тѣмъ, разстелили ковры и принесли много подушекъ съ монастырскихъ диванов.

Музыка играла арнаутскій танецъ, и кавассы собирались плясать.

Я вышелъ изъ монастыря въ село, которое построено около него на островѣ, и долго искалъ отца.

Наконецъ я увидалъ, что онъ сидитъ задумчиво на камнѣ, а Исаакидесъ, стоя передъ нимъ, говоритъ ему о чемъ-то горячо и таинственно...

Они увидали меня и пошли ко мнѣ навстрѣчу... Я сказалъ имъ, что ихъ ждутъ на монастырскомъ дворѣ.

Изъ разговора ихъ я слышалъ только, что Исаакидесъ говорилъ отцу такъ:

— Попробуйте. Постарайтесь. Это дѣло будетъ вѣрное. Вы сами говорите, что Благовъ какъ будто бы остался доволенъ вами въ Загорахъ...

— Да! — сказалъ отецъ, — Благовъ! А гдѣ Благовъ?

— И этотъ, и этотъ добрый человѣкъ... Онъ съ вами былъ очень любезенъ здѣсь на островѣ.

— Вѣжливый человѣкъ, образованъ,—возразилъ отецъ...

— Не бойтесь; и я постараюсь. Конечно, онъ человѣкъ молодой, неопытенъ, съ краемъ нашимъ не знакомъ; управляетъ въ первый разъ, торопится, думаетъ по добротѣ души угодить намъ, христіанамъ. Бостанджи-Оглу человѣкъ ничтожный, жалкій, онъ тоже не здѣшній; всѣхъ сплетеній интересовъ здѣшнихъ еще не знаетъ, вѣритъ Куско-бею: Бакѣевъ пожалѣлъ огородниковъ.

— У меня и своихъ дѣлъ достаточно, — возразилъ отецъ. — Я и безъ того не имѣю покоя. И мнѣ люди должны и не платятъ.....

— Ничего, ничего! — говорилъ Исаакидесъ. — Милый мой Одиссей, поди туда и скажи, что мы сейчасъ придемъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ вызови потихоньку сюда Бостанджи-Оглу...

Я исполнилъ желаніе Исаакидеса, сказалъ г. Бакѣеву и доктору, что́ было нужно, и вызвалъ Бостанджи-Оглу изъ монастыря.

Исаакидесъ тотчасъ напалъ на него.

— Зачѣмъ же вы сообщили такія неосновательныя свѣдѣнія г. Бакѣеву по дѣлу огородниковъ? Зачѣмъ вы повѣрили Куско-бею? Счастье еще, что г. Бакѣевъ благоразуменъ и спросилъ свѣдущихъ людей.

— И это не помогло, — перебилъ отецъ. — Г. Бакѣевъ завтра пошлетъ свой мемуаръ... Онъ такъ сказалъ.

— Нѣтъ! нѣтъ!—воскликнулъ Исаакидесъ. — Вы, Бостанджи-Оглу, человѣкъ молодой, умный, ученый, хорошій. Если вы по молодости увлеклись, надо исправить это дѣло. Надо сдѣлать такъ, чтобы мемуаръ уничтожить и чтобы

г. Бакѣевъ на киръ-Полихроніадеса не сердился. Устройте это, душечка моя, прошу васъ.

Бостанджи-Оглу сильно покраснѣлъ и смутился.

— Я не виноватъ,—сказалъ онъ, — Бакѣевъ самъ хотѣлъ этого. Онъ говорилъ: «довольно... я уже все понялъ!» Можетъ быть ему хотѣлось безъ Благова поскорѣй отличиться. Чѣмъ же я виноватъ?..

— Никто васъ винить не будетъ,—отвѣчалъ ему Исаакидесъ, — добрый мой, если вы исправите это дѣло. Надо, чтобы г. Бакѣевъ убѣдился, что киръ-Полихроніадесъ желалъ добра русскому консульству. Заходите завтра ко мнѣ; вы такъ долго у насъ не были. И супруга моя спрашивала не разъ: «отчего Бостанджи-Оглу давно не былъ? Онъ такой пріятный и остроумный юноша!» Заходите, мы поговоримъ. Какое варенье сварила моя кириакица! И не говорите!

Съ этими словами Исаакидесъ вошелъ на монастырскій дворъ и мы всѣ за нимъ.

Кавассы, взявшись за руки, плясали посреди двора.

Архистратигъ эпирскій, Маноли, кавассъ-баши, прыгалъ высоко, звеня оружіемъ и развѣвая складки пышной фустанеллы. Но онъ не могъ превзойти въ искусствѣ плясать семидесятилѣтняго старика Ставри, который сражался когда-то подъ начальствомъ Караискаки, былъ пятнадцать лѣтъ потомъ разбойникомъ въ горахъ и теперь жилъ процентами съ собственнаго капитала и служилъ при консульствѣ изъ чести и для права носить оружіе. Ставри былъ первый танцоръ въ Янинѣ.

Г. Бакѣевъ, Чувалиди и докторъ лежали на коврахъ и смотрѣли.

Мы присоединились къ нимъ.

Казалось, все такъ было весело и мирно. Сама воинственность арнаутская являлась въ этотъ пріятный мигъ лишь въ свѣтломъ видѣ красивой и безобидной военной пляски.

Однако конецъ этого дня долженъ былъ помрачиться, и вечернія мои ощущенія были еще хуже утреннихъ, ко-

гда я видѣлъ раздоры въ митрополіи, нерѣшительность греческаго консула, насмѣшки британскаго, свирѣпость Бреше и досаду Бакѣева на моего обремененнаго заботами и дорогого отца.

Утро этого дня было пасмурно, полдень ясенъ, а вечеръ...

Когда пляска кончилась, музыкантамъ приказано было отдохнуть.

Чувалиди возобновилъ случайно разговоръ объ Али-пашѣ.

— Объ этомъ человѣкѣ можно было бы написать книгу въ высшей степени занимательную и героическую, — сказалъ онъ. — На днѣ этого тихаго озера, которое насъ окружаетъ, погребено много человѣческихъ костей. Недавно еще былъ живъ здѣсь одинъ старикъ, который еще юношей присутствовалъ при гибели прекрасной Евфросиніи. Али-паша зналъ, что сынъ его Мухтаръ любимъ этою красавицей. Онъ и самъ влюбился въ нее страстно и, не надѣясь или стыдясь отбить ее у сына, рѣшился въ его отсутствіе утопить ее. Поздно вечеромъ призвалъ онъ христіанскихъ старшинъ и приказалъ немедля привести въ конакъ нѣсколькихъ молодыхъ архонтиссъ и въ ихъ числѣ Евфросинію. Ослушаніе было невозможно. Старшины пошли по домамъ; при нихъ былъ тотъ юноша, о которомъ я говорилъ; одна изъ несчастныхъ этихъ женщинъ скрылась на чердакѣ и быть можетъ жива была бы и до сихъ поръ, если бъ этотъ молодой человѣкъ (онъ не зналъ даже, съ какою ужасною цѣлью требуетъ ихъ всѣхъ паша), если бъ онъ не отыскалъ ее на чердакѣ. Уже старикомъ онъ со слезами говорилъ мнѣ: «О! грѣхъ мой! О! жалость! Зачѣмъ я, несмысленный мальчишка, это сдѣлалъ тогда? Мнѣ даже никто ничѣмъ и не грозилъ». Евфросинія только что прилегла отдохнуть на диванъ и сказала своей старой нянькѣ: «няня, я спать что-то хочу!» Тутъ застучали въ ея дверь старшины. Ночь была темная; всѣхъ молодыхъ женщинъ посадили въ лодки и повезли по озеру. Посреди озера люди паши остановились и начали ихъ топить. Тогда Евфросинія сказала своей старой

нянѣ: «Парамана *) моя, мы разстанемся!» — «Нѣтъ, нѣтъ, мое дитя, мы будемъ вмѣстѣ», отвѣчала старуха и сама кинулась вслѣдъ за нею.

Чувалиди разсказывалъ хорошо, кратко, выразительно и съ чувствомъ.

Трагическая исторія эта разсказана была уже подъ вечеръ, на берегу того самаго озера, гдѣ погибла молодая Евфросинія и ея бѣдная няня; она была разсказана такъ близко отъ столба, разсѣченнаго самимъ Али-пашою, такъ близко отъ тѣхъ старыхъ досокъ, пробитыхъ пулями, по которымъ текла въ послѣдній разъ кровь безстрашнаго тирана.

Всѣ задумались и долго молчали. Г. Бакѣевъ вздохнулъ глубоко. Я самъ содрогнулся отъ ужаса, и въ первый разъ по пріѣздѣ въ Янину голубое это озеро, которое насъ окружало, показалось мнѣ страшнымъ.

Отецъ мой первый прервалъ молчаніе.

— Сердечная нянька! — сказалъ онъ грустно. — Вотъ любовь!

— Ужасная эпоха! — воскликнулъ г. Бакѣевъ.

— Другая эпоха, — сказалъ Чувалиди примирительно, — другая эпоха. Гдѣ эти времена?

Мало-по-малу по этому поводу завязался горячій споръ о туркахъ. Г. Бакѣевъ и патріотъ Исаакидесъ доказывали, что «времена все тѣ же» и что турки измѣниться не могутъ; докторъ защищалъ турокъ. Отецъ мой и Чувалиди держались середины. Они находили, что Исаакидесъ преувеличиваетъ пороки мусульманъ, а докторъ возвышаетъ ихъ добрыя качества и умышленно, изъ духа противорѣчія грекамъ, умалчиваетъ обо всемъ худомъ, обо всемъ лукавомъ, жестокомъ, грубомъ и безсмысленномъ.

Мы съ Бостанджи-Оглу внимательно слушали старшихъ.

Г. Бакѣевъ разсказалъ, какъ въ Трапезунтѣ, тотчасъ послѣ окончанія Восточной войны, мусульмане вообразили, что

---

*) *Парамана—вмѣсто матери,* нянька, кормилица, экономка въ домѣ.

западныя державы принудили Россію измѣнить свой флагъ. Россія, думали они, для того имѣла прежде красный цвѣтъ внизу, чтобы показать, какъ она попираетъ Турцію ногами. Ибо красный цвѣтъ на флагѣ—цвѣтъ турецкій. Съ радостью разсказывали они, что теперь этого болѣе не будетъ, что красный цвѣтъ на русскомъ флагѣ будетъ теперь наверху, внизу будетъ бѣлый. По возвращеніи русскаго консульства въ ихъ городъ они увидали, что красный цвѣтъ все попрежнему внизу. «Но это консулъ,—говорили они,—это онъ дѣлаетъ самовольно, изъ гордости!» Консула оскорбить они боялись, но нашли случай выразить досаду свою иначе. Пришелъ въ Трапезунтъ купеческій корабль подъ русскимъ флагомъ. И на немъ красный цвѣтъ былъ внизу. Тогда нѣсколько турецкихъ солдатъ (и кажется съ разрѣшенія офицера) сѣли въ лодку и поѣхали на этотъ корабль; они нашли въ немъ мало людей и прибили ихъ; капитанъ и другіе матросы были на берегу. На возвратномъ пути турки встрѣтились съ лодкой капитана. Тутъ же на водѣ произошла схватка; турки одолѣли матросовъ, побросали полуживыхъ въ воду, и самъ капитанъ, съ переломленною ногой, едва не утонулъ. Подоспѣли на помощь другія лодки; матросовъ избитыхъ и несчастнаго капитана спасли, а турки поспѣшили уѣхать.

— Что жъ сдѣлалъ русскій консулъ?—тревожно и поспѣшно спросилъ Исаакидесъ.

— Разумѣется онъ принялъ строгія мѣры,—отвѣчалъ г. Бакѣевъ.—Паша не осмѣлился медлить удовлетвореніемъ. Всю роту солдатъ привели на консульскій дворъ; при чиновникѣ Порты вывели виновныхъ и во главѣ ихъ сообщника ихъ офицера, раздѣли и били палками. Паша предоставилъ количество ударовъ на волю консула. Консулъ смотрѣлъ изъ открытаго окна. Офицеру первому дали,—не помню навѣрное,—по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ, если не сто ударовъ. Потомъ били двухъ-трехъ солдатъ слабѣе, остальныхъ консулъ простилъ.

— А, браво, браво!—закричалъ Исаакидесъ.—Такъ ихъ надо! Такъ ихъ слѣдуетъ учить. Дай Богъ консулу

этому долгой жизни и здоровья... Пусть живетъ долго и счастливый ему часъ во всемъ!.. Браво ему, браво!..

— Это подтверждаетъ, однако, мою мысль,—сказалъ Чувалиди спокойно. — Фанатизмъ въ простомъ народѣ и у людей отсталыхъ есть, но правительство турецкое подобныхъ вещей терпѣть не намѣрено и, мало-по-малу, достигнетъ до того, что мы съ турками станемъ жить недурно.

Отецъ послѣ этого разсказалъ г. Бакѣеву подробно свою собственную исторію съ нанятымъ убійцей Мыстикъ-агою въ Добруджѣ и прибавилъ:

— А я думаю, скорѣй, хоть бы по примѣру этого благодѣтеля и спасителя моего Мыстикъ-аги и по многимъ другимъ, что въ народѣ турецкомъ есть много добрыхъ и честныхъ душъ, но въ управленіи нѣтъ ни честности, ни порядка.

— Я разсматриваю мусульманизмъ иначе, шире и гораздо возвышеннѣе! — сказалъ докторъ съ чувствомъ. — Я люблю суровую простоту этой идеальной, воинственной и таинственно сладострастной религіи. «Богъ одинъ!» Какой Богъ? не знаю! Одинъ Богъ. «И я Магометъ — его пророкъ». Величіе! Я люблю, когда темною зимнею ночью съ минарета раздается возгласъ муэцзина: — «Аллахъ экберъ!» Богъ великъ! Аллахъ «экберъ!» На какомъ языкѣ вы скажете лучше?.. «Dieu est grand?» Не то. «Ο θεος εινε μεγαλος?» Не то... «Аллахъ экберъ!» А многоженство? О! я другъ многоженства! Я другъ таинственнаго стыдливаго сладострастья!..

— Прежде было лучше въ Турціи,—началъ Исаакидесъ, не обращая никакого вниманія на поэзію доктора. — Прежде янычаръ подавалъ тебѣ только платокъ, въ которомъ были завернуты пуля и золотая монета. «Выбирай!» Ты вынималъ, давалъ ему золото, и онъ становился твоимъ защитникомъ. А теперь? Теперь кто спасетъ отъ грабежа чиновниковъ и судей, отъ жандармовъ, которые отнимаютъ у селянина послѣднюю курицу и послѣдняго барана и говорятъ еще:—Дай мнѣ дишь-параси, зубныя деньги. Сколько я зубовъ истеръ у тебя въ домѣ, оттого, что много жевалъ!

Въ селахъ еще грабятъ народъ по-янычарски, въ городахъ— по новымъ методамъ. Что вы скажете, почтеннѣйшій нашъ докторъ, на это? Вы человѣкъ вѣдь воспитанный въ Италіи... За нашъ простой разумъ піастра не даете и судите дѣла подобныя иначе, возвышеннѣе... Просвѣтите насъ...

Это послѣднее обращеніе Исаакидеса къ доктору Коэвино было искрой для гнѣва, уже давно накопившагося въ душѣ доктора. Коэвино вообще ненавидѣлъ Исаакидеса. За что? За многое. За то, что онъ эллинскій патріотъ и говоритъ часто «глупыя, свободолюбивыя фразы», за то, что неопрятенъ, за то, что криво и гадко выбриваетъ себѣ подъ длиннымъ носомъ промежутокъ между усами, — за все! за все!.. Еще прежде разъ, у Благова на обѣдѣ (разсказывали люди въ Янинѣ), Коэвино вскочилъ изъ-за стола и пересѣлъ на другое мѣсто, гораздо ниже, чтобы не быть противъ Исаакидеса, и когда Благовъ его дружески упрекалъ за этотъ скандалъ, Коэвино отвѣтилъ ему:

— О, мой добрый, благородный другъ! Простите мнѣ... О, простите! Я такъ обожаю все изящное, все прекрасное, что предпочелъ сѣсть на нижній конецъ стола, откуда я во время обѣда видѣлъ противъ себя вашу красивую наружность. Я не могъ спокойно обѣдать, когда предо мной былъ этотъ глупый взглядъ, этотъ длинный носъ, эти пробритые усы, этотъ комическій патріотизмъ великой Эллады величиною въ кулакъ мой!

Исаакидесъ зналъ, что Коэвино и презираетъ и ненавидитъ его, но онъ не огорчался, считая доктора, какъ и многіе въ Янинѣ, полупомѣшаннымъ; обращался съ нимъ всегда внимательно и вѣжливо, но любилъ дразнить его и, говоря съ нимъ какъ будто почтительно, насмѣшливо улыбался.

Это и я замѣтилъ, еще въ началѣ при встрѣчѣ ихъ на островѣ.

Исаакидесъ съ улыбкой:

— Какъ вы, докторъ? Какъ ваше здоровье? Здорова ли кира Гайдуша? Ахъ, она здѣсь... Очень радъ!..

А Коэвино мрачно:

— Здоровъ. Хорошо. Благодарю!

Если бы ты могъ видѣть, что̀ сталось съ докторомъ, когда Исаакидесъ обратился къ нему вдругъ съ такимъ ироническимъ вопросомъ. Онъ вздрогнулъ, и черные глаза его заблистали...

— Что̀ я думаю? что̀ я думаю объ этомъ? Ха! ха! ха! Я думаю, что турки хорошо дѣлали, обращаясь съ греками жестоко... да! они прекрасно дѣлали! О, о, о! Вы были лучше тогда, когда надъ вами висѣлъ всегда Дамокловъ мечъ... Тогда вы были идеальнѣе, теперь вы низкіе торгаши, вы мошенники...

— Докторъ, прошу васъ, успокойтесь и умѣрьте ваши выраженія, — замѣтилъ ему г. Бакѣевъ серьезно.

— Нѣтъ! нѣтъ! я не умѣряю ихъ!—воскликнулъ докторъ, вставая и принимая угрожающій видъ.—Греки были лучше, когда надъ ними висѣлъ Дамокловъ мечъ...

— Постой, докторъ,—сказалъ ему отецъ, стараясь взять его за руку.

— Нѣтъ, — кричалъ Коэвино, отстраняя отца. — Нѣтъ! Греки были лучше, когда надъ ними висѣлъ Дамокловъ мечъ мусульманскаго гнѣва! А теперь? Теперь вы что̀? Вы ничтожные искатели вещественныхъ интересовъ. У васъ нѣтъ рыцарскаго воспитанія въ прошедшемъ... У васъ не было Байардовъ и Рогановъ...у васъ нѣтъ ни романтической чистоты, ни изящныхъ пороковъ... да! вы всѣ купцы, разносчики, продавцы бубликовъ, носильщики, сапожники, мерзавцы!.. Вамъ былъ полезенъ ужасъ; ваши чувства тогда были отъ страха идеальнѣе... у васъ тогда по крайней мѣрѣ было глубоко православное чувство... Вы за церковь, за Христа въ старину отдавали жизнь... Я матеріалистъ, я можетъ быть атеистъ, но я понимаю высоту христіанства... а теперь, когда турки перестали васъ бить и рѣзать, вы уже не строите монастырей; вы строите ваши національныя школы, гдѣ оборванный оселъ-учитель (дуракъ! дуракъ!) кричитъ: «Эллада! Эллада!» Вы теперь не вѣруете, вы не бѣжите въ пустыню, не молитесь, рыдая... нѣтъ! вы лжете, обманываете, торгуете... вы какъ

жиды грабите процентами турокъ, которые гораздо лучше, благороднѣе васъ... Вы...

— Докторъ,—перебилъ Исаакидесъ краснѣя,—вы гордитесь вашимъ воспитаніемъ... будьте-ка вѣжливѣе...

— Зачѣмъ? съ кѣмъ? противъ кого?—возразилъ Козвино внѣ себя:—Противъ тебя, несчастный... тебя! тебя!.. ты первый фальшивыми расписками и незаконными процентами ограбить хочешь бѣднаго Шерифъ-бея, которому ты не достоинъ развязать ремень на обуви...

Исаакидесъ поблѣднѣлъ... и всѣ смутились крѣпко, слыша это; отецъ мой въ отчаяніи схватилъ себя за голову руками...

Тогда г. Бакѣевъ тоже всталъ съ ковра и обратился къ доктору очень строго и твердо.

— Г. Козвино,—сказалъ онъ,—и я вамъ говорю, наконецъ, умѣрьте ваши выраженія... Вы грубо оскорбляете моихъ друзей. *Я* вамъ это говорю... Поняли вы? Это *я... я!..*

Козвино поблѣднѣлъ; онъ взглянулъ нѣсколько разъ, весь вздрагивая, въ лицо г. Бакѣеву.

— *Вы*, г. Бакѣевъ? *вы*? Знайте же, что и отъ *васъ*... да! и отъ васъ мнѣ нейдетъ принимать уроки хорошихъ манеръ. Да!.. прощайте. Лодку мнѣ! лодку... Гайдуша! лодку!..

Бакѣевъ и за нимъ Исаакидесъ громко захохотали ему вслѣдъ.

Отецъ мой и Чувалиди звали доктора назадъ, умоляя его образумиться, но просьбы ихъ были тщетны! напрасно и я бѣжалъ за нимъ, по приказанію отца, до берега, повторяя ему: «Вернитесь, докторъ, вернитесь, отецъ мой проситъ васъ... Во имя Божіе просимъ васъ, вернитесь...» Все напрасно! онъ прошелъ грозно мимо всѣхъ слугъ и кавассовъ, которые съ удивленіемъ вскочили и слушали, какъ онъ кричалъ: «Лодочникъ! лодку мнѣ! лодку!»

Гайдуша кинулась собирать свои вещи въ корзину. Но и она не поспѣла за докторомъ.

На берегу онъ нашелъ спорящихъ лодочниковъ, толкнулъ одного изъ нихъ ногой и самъ, вскочивъ въ лодку, закричалъ ему: «Вставай! бери весло!»

Напрасно я взывалъ къ нему: «докторъ милый нашъ, золотой докторъ... вернитесь...»

Онъ былъ уже далеко, и сама быстрая Гайдуша прибѣжала къ берегу съ корзиной слишкомъ поздно.

Безъ доктора всѣ стали скучнѣе.

Г. Бакѣевъ, узнавъ отъ меня, что Козвино ужъ далеко отплылъ отъ берега, презрительно пожалъ плечами и, обратившись къ отцу моему, сказалъ:

— Безумный и нестерпимый человѣкъ. Я всегда дивлюсь г. Благову, какъ онъ можетъ проводить съ нимъ такъ часто цѣлые вечера. Я очень радъ, что онъ убрался. Пусть играетъ музыка!

Но музыка не оживила никого. Самъ Бакѣевъ задумчиво молчалъ. Чувалиди говорилъ о какихъ-то дѣлахъ съ Бостанджи-Оглу. Исаакидесъ опять отвелъ отца моего въ сторону и шепталъ съ нимъ...

Мнѣ стало сперва жалко доктора, надъ которымъ всѣ смѣялись, потомъ грустно, а потомъ и страшно...

Я сѣлъ за монастыремъ на камнѣ и смотрѣлъ, какъ заходило солнце за гору, по ту сторону города, какъ темнѣло широкое озеро, въ которомъ утопили турки молодыхъ архонтиссъ и несчастную параману... Ахъ! горько! горько жить на этомъ свѣтѣ!..

Все темнѣло и темнѣло... Музыка умолкла. Г. Бакѣевъ приказалъ готовиться къ отъѣзду.

Ударили съ крѣпости противъ насъ пушки... На минаретахъ въ городѣ загорѣлись плошки... Я вспомнилъ, что у турокъ начался *Рамазанъ*.

— Когда бы скорѣй домой, въ теплое и тихое жилище... Отчего такъ грустно мнѣ и страшно... отчего — не знаю!

Я бросился поспѣшно за г. Бакѣевымъ, чтобы не отставать отъ него и быть подъ его покровительствомъ.

Отецъ мой былъ тоже близко, и мы втроемъ сѣли въ первую лодку. Въ другой поѣхали Чувалиди, Исаакидесъ съ докторскою Гайдушей и съ Маноли кавассъ-баши. Въ остальныхъ лодкахъ ѣхали музыканты, слуги и старый,

семидесятилѣтній кавассъ Ставри, тотъ самый, который въ двадцатыхъ годахъ сражался подъ начальствомъ Караискаки и такъ хорошо умѣлъ танцовать по-албански.

Нашъ первый лодочникъ былъ турокъ и гребецъ хорошій, и мы скоро оставили всѣхъ другихъ далеко назади.

Г. Бакѣевъ и отецъ молчали. Я все смотрѣлъ съ непостижимымъ содроганіемъ то на черную бездну, по которой плыла наша плоская и ветхая лодка, то на огни дальнихъ минаретовъ, то на суровое, не бритое и усатое лицо турка лодочника нашего. Я сидѣлъ около него, и мнѣ показалось, что онъ раза два окинулъ всѣхъ насъ свирѣпымъ взглядомъ.

Я молился про себя Божіей Матери и св. Георгію Янинскому и искалъ глазами въ темнотѣ того низменнаго берега, къ которому мы должны были пристать.

Отецъ сдѣлалъ наконецъ одинъ вопросъ г. Бакѣеву:

— Я осмѣлюсь спросить, — сказалъ онъ, — сколько драгомановъ трактаты позволяютъ имѣть консуламъ въ Турціи?

— Простое консульство можетъ имѣть трехъ, генеральное четверыхъ, — отвѣчалъ г. Бакѣевъ.

— Отчего же, ваше благородіе (простите мое любопытство),—продолжалъ отецъ,—здѣшнее консульство держитъ только одного? Мнѣ кажется, что и двое были бы полезны.

— Не знаю, — отвѣчалъ Бакѣевъ. — Это не мое дѣло. Это распоряженіе консула... Что́ жъ до этого... Посмотрите, какъ эти фанатики освѣтили свои минареты.

Услыхавъ это неосторожное слово, я съ ужасомъ взглянулъ на суроваго лодочника... Всѣ янинскіе турки знаютъ по-гречески какъ греки, а г. Бакѣевъ говоритъ по-гречески. Опять вообразилъ я мгновенно и капитана съ переломленною ногой, брошеннаго въ воду, и Евфросинію, и няньку. Лодка качалась отъ малѣйшаго движенія... Лодочникъ молчалъ и гребъ какъ будто медленнѣе прежняго.

Смотрите, думалъ я, отчего жъ онъ гребетъ медленнѣе? Отчего это? Боже, спаси Ты насъ! Боже, спаси насъ!

Помолчавъ отецъ мой еще спросилъ:

— Осмѣлюсь обезпокоить васъ, ваше благородіе; вы никакой записки не получали отъ господина Благова изъ Загоръ обо мнѣ?

— Записку? Записку объ васъ? Записка была и было что-то тамъ, кажется, и объ васъ... подъ конецъ... двѣ строки... Не помню... У г. Благова отвратительный почеркъ, и я, признаюсь, не слишкомъ трудился все разбирать. Довольно мнѣ и той скуки, что по обязанности долженъ разбирать его скверный почеркъ на казенныхъ бумагахъ... Вы какъ находите Янину? Не правда ли прескверный городишка... Тоска!

— Конечно, городъ не европейскій, — отвѣчалъ отецъ мой.

— Еще бы! Какая тутъ Европа!.. Это такая скука, такое варварство! У меня нервы разстроены отъ одной мостовой здѣшней.

Отецъ не отвѣчалъ. Все опять стихло... Вода кругомъ чернѣла; лодочникъ медленно гребъ; а я опять молился. Наконецъ низменный берегъ близко. Воскликнувъ мысленно: «Слава Тебѣ Боже, слава Тебѣ!» я выскочилъ вслѣдъ за г. Бакѣевымъ, не дожидаясь отца. Отецъ за мною...

Вдругъ, въ эту самую минуту, человѣкъ шесть или семь турецкихъ солдатъ съ чаушемъ явились предъ нами изъ мрака съ ружьями на плечахъ.

— *Ясакъ* *) ! — грозно воскликнулъ чаушъ, толкая въ грудь отца:—Назадъ, назадъ... Запрещено изъ острова по захожденіи солнца. Ясакъ, говорятъ тебѣ! — повторилъ онъ, прогоняя отца къ водѣ.

— Постой, добрый человѣче, — сказалъ ему кротко отецъ, — постой, мы не знали этого. Вотъ и самъ московскій консулъ.

— Ясакъ!..

Г. Бакѣевъ тогда схватилъ за руку чауша и воскликнулъ взволнованнымъ голосомъ:

---

*) *Ясакъ* — запрещено.

— Ты не видишь, кто я... Ты пьянъ, животное...

Чаушъ отдернулъ грубо руку и, взмахнувъ прикладомъ, воскликнулъ:

— Я пьянъ, я пьянъ? Постойте же, покажу я вамъ... Окружи ихъ и приставь штыки, — скомандовалъ онъ солдатамъ.

Вмигъ всѣхъ насъ троихъ замкнули въ кругъ, и штыки со всѣхъ сторонъ почти уперлись въ наши груди.

— Кто вы такіе? — спросилъ еще разъ чаушъ грозно.

Я трепеталъ и не могъ даже и молиться... Вотъ мои предчувствія. Сбылись они. Я держался крѣпко за платье отца.

— Ты строго отвѣтишь за это, — сказалъ чаушу г. Бакѣевъ.

Голосъ его все такъ же дрожалъ.

— Я говорю, кто вы такіе? — повторилъ чаушъ.

Но въ эту самую минуту причалила вторая лодка. Съ нея быстро и легко какъ птичка вылетѣлъ старый Ставри, обнажилъ мгновенно ятаганъ и закричалъ звѣрскимъ голосомъ на солдатъ:

— Прочь вы, сволочь безсмысленная! Не видите вы, анаѳемы, что вы оскорбили русскаго консула... Прочь всѣ сейчасъ... Или я васъ всѣхъ какъ собакъ въ озерѣ утоплю...

Тутъ же раздалось бряцаніе доспѣховъ Маноли кавассъ-баши... Онъ тоже вынулъ ятаганъ и воскликнулъ:

— Разойдитесь, животныя. Прочь!

За нимъ бѣжала и Гайдуша съ крикомъ:

— Бей, бей ихъ, Маноли! Рѣжь ихъ, Ставри!

Солдаты разступились... Чаушъ молчалъ...

Кавассы наши и Гайдуша продолжали ихъ ругать.

— Я что́ жъ, — сказалъ наконецъ чаушъ угрюмо. — Я не зналъ, кто это. Мнѣ приказано не пускать; сказано *ясакъ*, я и говорю *ясакъ*.

— Дуракъ, — возразилъ ему Ставри. — Развѣ ваши законы для консуловъ писаны...

— Ты мнѣ отвѣтишь за это завтра, — сказалъ чаушу г. Бакѣевъ сильнымъ, уже споко́йнымъ голосомъ.

И мы пошли... Исаакидесъ и Чувалиди скоро догнали насъ.

Исаакидесъ былъ въ негодованіи и говорилъ, что простить этого невозможно. Чувалиди молчалъ.

При входѣ въ городъ мы разстались съ ними. Намъ съ отцомъ и Гайдушѣ нужно было повернуть къ доктору.

Къ счастью ключъ отъ дверей былъ не у доктора, а у Гайдуши, и мы могли отпереть домъ безъ него.

Самъ Коэвино вспомнилъ о ключѣ только подходя къ дому. Дѣлать ему было нечего. Онъ ушелъ къ Абдурраимъ-эффенди и тамъ провелъ цѣлый вечеръ, понося Исаакидеса и расхваливая турокъ. Такъ онъ самъ говорилъ намъ радостно на другой день.

Когда мы раздѣвались и ложились спать, отецъ мой сказалъ мнѣ:

— Много, сынокъ мой, видѣли мы вещей сегодня, очень много...

— Да, отецъ, — сказалъ я, — много мы видѣли. А ты не огорченъ ли, отецъ?

— Нѣтъ, сынокъ мой, нѣтъ. Съ Божьей помощью все будетъ хорошо. Бакѣевъ, я вижу, не сердится на меня.

— А знаешь, отецъ,—сказалъ я еще,—ты, не знаю, какъ объ этомъ думаешь... А я думаю, что Бакѣевъ Благова не любитъ. Все онъ какъ будто не радъ, когда ты о Благовѣ ему говоришь.

— Вотъ ты какой хитрый, — отвѣчалъ мнѣ отецъ смѣясь. — Несториди нашъ бѣдный порадовался бы на это. Сказано: грекъ, да еще загорскій.

— А послушай, отецъ, какъ ты скажешь, а вѣдь величія дипломатическаго у Бакѣева больше, чѣмъ у Благова. Ростъ какой...

Отецъ засмѣялся опять.

— Плоть сильна, но духъ немощенъ у него, — сказалъ онъ. — Ты смотри только объ этомъ никому не говори, дитя мое. Я тебѣ скажу, что русскому чиновнику не надо бы и кавассовъ ждать, а самому бы чауша этого сегодня крѣпко ударить... Я думаю, Благовъ хоть и раздушенный какъ

барышня, а сдѣлалъ бы такъ. Я слышалъ о немъ уже такія дѣла. Только все-таки намъ по городу смѣяться надъ русскими чиновниками не слѣдуетъ. И ты смотри, исторію эту для г. Бакѣева выгоднѣе разсказывай. Русскіе всѣ, каковы бы они ни были, наши первые благодѣтели. А ума и мужества не всѣмъ удѣлилъ Богъ въ одной мѣрѣ. Покойной ночи тебѣ, сынокъ. Бѣдному этому чаушу, я думаю, завтра будетъ худо. Судьба, все судьба... А ты помолись Богу и спи спокойно, дитя мое.

Я помолился, поблагодарилъ Бога за спасеніе отъ воды и отъ турокъ, снялъ съ отца сапоги и платье и мирно уснулъ.

IX.

На другой день вѣсть о томъ, что турки оскорбили управляющаго русскимъ консульствомъ, разнеслась по всему городу.

Иные говорили, что Бакѣева ударили турки прикладомъ, другіе, напротивъ того, что онъ ударилъ въ лицо чауша и сказалъ ему: «О необразованный, дикій ты человѣкъ! Ты не знаешь о трактатахъ великихъ державъ».

Я съ утра выпросилъ у отца позволеніе сходить въ русское консульство въ гости къ Бостанджи-Оглу, который еще прежде приглашалъ меня, и тамъ былъ свидѣтелемъ многаго.

Чаушъ съ разсвѣта пришелъ въ консульство и ждалъ г. Бакѣева, чтобы просить у него прощенія. Его послалъ самъ полковникъ. Но у Бакѣева на квартирѣ былъ также уже съ утра Исаакидесъ. Когда чауша допустили къ г. Бакѣеву, Исаакидесъ уже успѣлъ раздражить его.

— Эти фанатики!.. Эти звѣри... Не вѣрьте, что онъ не зналъ, кто вы такой... Не вѣрьте. Они всѣ такого азіатскаго духа... Всѣ пытаются оскорбить иностранцевъ на удачу. Если удастся, хорошо, не удастся — просятъ прощенія и лгутъ... Весь городъ уже знаетъ о томъ, что васъ вчера оскорбили...

Эти же самыя слова повторилъ Исаакидесъ и внизу, при мнѣ, въ канцеляріи.

Напрасно чаушъ униженно кланялся, напрасно онъ хватался полу Бакѣева, управляющій не обратилъ на него никакого вниманія и приказалъ осѣдлать себѣ лошадь, чтобъ ѣхать ко всѣмъ консуламъ и къ пашѣ. Онъ зашелъ на минуту въ канцелярію и объяснилъ Бостанджи-Оглу, въ какомъ духѣ надо приготовить для паши ноту...

Мы всѣ стоя слушали.

— Жестче, понимаете, жестче! — говорилъ онъ.

Исаакидесъ краснѣлъ отъ радости. Бостанджи-Оглу также какъ будто радовался. Но мнѣ, признаюсь, стало жаль бѣднаго чауша. Я вѣрилъ его раскаянію, вѣрилъ и тому, что онъ ошибся вчера. Къ тому же онъ исполнялъ лишь приказанія своего начальства.

Г. Бакѣевъ вышелъ изъ канцеляріи въ сѣни, чтобы сѣсть на лошадь; чаушъ еще разъ кинулся къ нему...

— Эффенди! — произнесъ онъ, прикладывая руку къ сердцу.

Г. Бакѣевъ остановился и сказалъ ему:

— Любезный мой, ты виноватъ меньше твоего полковника: онъ долженъ учить тебя.. Но я простить не могу.

Въ эту минуту въ большихъ дверяхъ консульства показались два чужихъ кавасса, и за ними вошли сперва г. Бреше, а потомъ Ашенбрехеръ, австрійскій консулъ. Оба были въ форменныхъ фуражкахъ.

— Quoi! mon très cher monsieur! — воскликнулъ съ перваго слова г. Бреше. — Правда ли, что васъ осмѣлились оскорбить вчера?

— Да! вообразите! — отвѣчалъ г. Бакѣевъ, съ чувствомъ пожимая руки обоимъ консуламъ. — Я сбирался ѣхать ко всѣмъ коллегамъ моимъ и подвергнуть дѣло это ихъ безпристрастному суду.

— Montons et racontez nous! — воскликнулъ Бреше. — Что сдѣлала вамъ эта сволочь?.. Cette racaille! Я выучу ихъ помнить, что́ такое европейское консульство.

— Мы всѣ солидарны, всѣ солидарны, — говорилъ толстый Ашенбрехеръ.

И они ушли наверхъ.

Старый Ставри сказалъ тогда чаушу:

— Я говорилъ тебѣ вчера, что ты дуракъ. Видишь, несчастный, что я правду тебѣ говорилъ. Если бы ты вчера на мѣстѣ попросилъ бы прощенія, нашъ бы простилъ. А теперь, когда французъ вмѣшался, пропала твоя голова. Жаль и мнѣ тебя, несчастный. Но ты, я сказалъ тебѣ, дуракъ... Слышишь?

— Судьба, — сказалъ турокъ, вздохнувъ, и пошелъ печальный изъ консульства.

— Бѣдный,—сказалъ я, обращаясь къ Бостанджи-Оглу.

— Да, — отвѣчалъ Бостанджи-Оглу, — теперь его строже накажутъ, когда Бреше вмѣшался... Бреше звѣрь.

— Не звѣрь, — возразилъ ему Исаакидесъ, — а ловецъ хорошій на дикихъ звѣрей. Консулъ, какимъ долженъ быть на востокѣ консулъ.

Немного погодя оба западные консулы и г. Бакѣевъ сошли сверху и простились у дверей. Г. Бакѣевъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ пашѣ, а Бреше и Ашенбрехеръ пошли въ другую сторону.

Я тоже хотѣлъ итти домой, но Исаакидесъ удержалъ меня на минуту, отвелъ въ сторону и сказалъ:

— Скажи по секрету отцу, что его дѣло по драгоманату почти устроено и чтобъ онъ непремѣнно зашелъ сегодня въ консульство. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Возвратившись домой, я засталъ доктора еще дома. Онъ вообще выходилъ къ больнымъ поздно. Хотъ въ Янинѣ было и кромѣ его нѣсколько докторовъ, учившихся въ Германіи и въ Италіи, но Коэвино и до сихъ поръ считается у насъ лучшимъ. У него быстрый взглядъ, рѣшительность въ лѣченіи, находчивость, счастливая рука. Поэтому онъ и знать никого не хотѣлъ. Напрасно было приглашать его рано, напрасно было умолять его и давать ему деньги, чтобъ онъ вышелъ изъ дома раньше, чѣмъ ему хочется. Ни дружба, ни состраданіе, ни корысть не могли измѣнить

его привычекъ. Онъ пилъ кофе и курилъ не спѣша, въ турецкой одеждѣ; потомъ чесался и передѣлывалъ себѣ проборъ разъ десять по-англійски до затылка; вынималъ изъ комода нѣсколько паръ французскихъ перчатокъ, разглаживалъ ихъ, расправлялъ, выбиралъ то коричневую, то зеленую, то сѣрую пару, нюхалъ ихъ съ восторгомъ, опять пряталъ. Потомъ надѣвалъ модную, чистую, вѣнскую рубашку, одѣвался долго съ помощью Гайдуши. Чистилъ долго самъ свой новый цилиндръ.

— Гайдуша! Что я сегодня надѣну? Я думаю, черный *мигре* (такъ звалъ онъ сюртукъ).

— Надѣньте мигре или коричневый *жакетонъ*.

— А? Какъ ты думаешь? А? Или мигре?..

— Въ жакетонѣ вы моложе, въ мигре серьезнѣе,—отвѣчала Гайдуша.

— А! жакетонъ! жакетонъ! Я сегодня хочу быть моложе. Великій Дантъ сказалъ. Ты помнишь, Гайдуша, тотъ великій, великій итальянскій поэтъ, который объ адѣ писалъ: Lasciate ogni speranza. Помнишь? Давай жакетъ... А! а! а! молодость — весна жизни. Учись, Одиссей, поитальянски, непремѣнно учись.

Если случался поутру при этомъ какой-нибудь знакомый или пріятель, докторъ начиналъ безконечные споры объ астрономіи, религіи, любви, поэзіи (менѣе всего онъ любилъ говорить о политикѣ). И въ это время, когда онъ чесался, помадился, глядѣлся въ зеркало или говорилъ то о разстояніи земли отъ солнца, то объ Уголино, грызущемъ въ аду голову врага своего, въ это время никакая сила не могла вызвать его къ больнымъ изъ дома.

Разъ одинъ богатый албанскій бей изъ дикой и воинственной *Чамуріи* пріѣхалъ лѣчить сына въ Янину. Онъ вошелъ къ доктору весь въ золотѣ, въ оружіи и гордо потребовалъ, кладя на столъ десять англійскихъ золотыхъ, чтобы Коэвино *сейчасъ же* спѣшилъ къ нему на домъ.

Это было поутру, и проборъ доктора еще былъ не пробранъ.

— Я! я! спѣшить?.. Я? — воскликнулъ онъ; швырнулъ

все золото передъ беемъ на полъ, ушелъ и заперся въ спальнѣ.

Гордый бей, привыкшій повелѣвать въ Чамурьѣ, удивился, что грекъ не хочетъ денегъ; но медицинская слава Коэвино была велика въ городѣ, и онъ рѣшился ждать въ гостиной, пока докторъ одѣнется и соблаговолитъ выйти.

Въ это утро, возвращаясь изъ русскаго консульства уже довольно поздно, я засталъ Коэвино еще въ халатѣ и фескѣ.

Онъ былъ веселъ, несмотря на вчерашнюю ссору съ Исаакидесомъ и Бакѣевымъ; громко хохоталъ и шумѣлъ и спорилъ съ отцомъ.

Гайдуша принимала отчасти тоже участіе въ спорѣ, то стоя у дверей, то прыгая по комнатѣ, то поправляя уголья въ *мангалѣ*. Разсуждали о томъ, освободятъ ли рабовъ въ Россіи или нѣтъ, о томъ, каково дворянство русское и что́ такое г. Бакѣевъ, дворянинъ по породѣ или нѣтъ. Разсерженный на Бакѣева докторъ утверждалъ, что вѣроятно онъ не дворянинъ; что вкусы у него слишкомъ низки, что онъ проводитъ слишкомъ много времени съ Кускобеемъ, у котораго сюртукъ блеститъ какъ зеркало, и съ осломъ Исаакидесомъ, у котораго тоже сюртукъ салонъ и который выбриваетъ себѣ криво промежутокъ между усами. «Онъ не аристократъ!» говорилъ докторъ. Отецъ возражалъ ему, что здѣсь и не знаютъ, что́ такое русское дворянство; что у русскихъ есть благородные люди, у которыхъ ѣсть нечего, несмотря даже на то, что они имѣютъ десятка два-три рабовъ. Въ Бессарабіи, напримѣръ, онъ видѣлъ подобныхъ людей очень бѣдными, но они были горды и разсердясь говорили богатымъ купцамъ: «Хоть ты и богатъ, но я дворянинъ, а ты все-таки мужикъ!»

Коэвино, услыхавъ это, пришелъ въ восторгъ, въ изступленіе:

— А! а! Это испанское! это испанское! Кавалеръ! Бѣдный рыцарь! Я не ошибся въ русскихъ!.. О! какъ я люблю эту гордую независимость крови.

Лицо его дѣлалось поперемѣнно то блаженнымъ и слад-

кимъ, то грознымъ и воинственнымъ; онъ носился по комнатѣ то къ отцу, то ко мнѣ, то къ Гайдушѣ, выхваляя испанцевъ и мелкихъ русскихъ чиновниковъ за то, что они не купцы и не банкиры.

На мигъ онъ успокоивался и говорилъ тихо и медленно:

— Когда здѣшніе Бичо, Куско-бей, Конди и другіе янинскіе такъ называемые архонты говорятъ про свой кругъ «наша мѣстная *аристократія*», я возражаю имъ такъ: «Слушайте! Аристократія происходитъ или отъ силы меча, отъ великихъ военныхъ подвиговъ, или дается за высокіе гражданскіе труды на пользу государства... Да! Въ Европѣ есть аристократія. Напримѣръ... (Ковшно вставалъ и шелъ черезъ всю комнату къ отцу.) Напримѣръ, *Principes*, князья! (тихо подходя ко мнѣ). *Dúkides*!.. Герцоги! (погромче) *Cóntides*!.. Графы! (Еще громче, обращаясь къ Гайдушѣ. Опять шелъ къ отцу на другой конецъ комнаты и еще громче и басистѣе): — *Viscóntides*! Викониты!

И все важно, медленно и гордо; а потомъ какъ вдругъ взвизгнетъ, вспрыгнетъ, захохочетъ, закричитъ:

— А вы? Вы всѣ что́ такое, не только здѣсь, но и въ Элладѣ? А? Семиджи, варкаджи, бояджи, папуджи, лустраджи *)!.. Ха! ха! ха!..

Мы всѣ трое, отецъ, Гайдуша и я, умирали отъ смѣха.

Однако и на этотъ разъ веселость наша не была продолжительна; кто-то застучался въ дверь. Гайдуша пошла отпереть, возвратилась, и вслѣдъ за нею вбѣжала въ комнату старая бѣдно одѣтая турчанка и съ крикомъ: «Хекимъ-баши мой, эффенди мой... Аманъ, эффенди, спаси моего сына...» бросилась къ ногамъ доктора, хватая его полу.

Въ первую минуту мы всѣ думали, что она проситъ вылѣчить бѣднаго сына; но Гайдуша сказала, что она мать тому чаушу, который вчера оскорбилъ г. Бакѣева, и зная, что докторъ очень близокъ съ русскимъ консульствомъ, пришла просить его заступничества.

---

*) *Семиджи* — разносчикъ баранокъ, бубликовъ. *Варкаджи* — лодочникъ. *Бояджи* — красильщикъ. *Папуджи* — башмачникъ. *Лустраджи* — décrotteur.

Старушка была очень жалка. Зеленое *фередже* ея было потерто; *ямшакъ* старъ и грубъ; рабочія руки жесткія; день былъ осенній и сырой, и она дрожала и отъ волненія, и отъ холода. Она говорила по-гречески такъ же, какъ говорятъ простыя наши гречанки; употребляла тѣ же самыя ласковыя или горькія слова... «Золотой мой докторъ». «Богъ да благословитъ тебя, мой сынъ, мой барашекъ милый... Спаси мнѣ сына». «Я ему невѣсту нашла недавно, барашекъ мой докторъ, добрый мой докторъ!.. Поди, сынъ мой, поди, эффенди мой. Русскій тебѣ другъ... Попроси его, чтобъ онъ простилъ моего Мехмеда... Богъ наградитъ тебя, Богъ, сынокъ мой!..»

Мать, все мать... Я съ безпокойствомъ смотрѣлъ на Коэвино и ждалъ, что онъ скажетъ. Докторъ былъ впечатлителенъ и добръ. Онъ былъ тоже взволнованъ и молча, содрогаясь всѣми чертами своего оживленнаго лица, глядѣлъ въ лорнетъ на старуху. Она въ утомленіи сѣла наконецъ у ногъ его на коврѣ и плакала, утираясь старымъ своимъ покрываломъ.

Гайдуша вопросительно глядѣла на своего господина. И она хотѣла помочь старухѣ. Отецъ тоже замѣтно былъ тронутъ и сидѣлъ на диванѣ задумчиво.

Докторъ вздохнулъ, наконецъ, и сказалъ:

— Ты говоришь, Мехмедъ чаушъ твой сынъ!.. Что мнѣ дѣлать?

— Эффенди мой! — сказала старушка, складывая предъ нимъ руки.

— Непріятно!..—воскликнулъ Коэвино, обращаясь къ отцу. Потомъ онъ сказалъ старухѣ: — Бѣдная, я не этому консулу другъ, а тому, который уѣхалъ...

— Эффенди мой, будь живъ и здоровъ! — повторила турчанка необыкновенно ласково и кротко.

Докторъ былъ въ большомъ волненіи и долго молчалъ... Потомъ онъ сказалъ отцу:

— Слушай, Полихроніадесъ, сдѣлай ты это доброе дѣло. Видишь, мой другъ, Бакѣевъ не джентльменъ... Если я пойду... Я готовъ... Я жалѣю эту женщину. Но если...

если... (Лицо Коэвино налилось кровью.) Если онъ меня не приметъ или приметъ со своими гримасами... Гм! да!.. Гм! да!.. Конечно!.. Можетъ быть... О! о! мой другъ... Тогда!.. Нѣтъ, поди ты! У тебя и нравъ иной, и нервы крѣпче, и ты не былъ въ ссорѣ съ нимъ...

Отецъ пожалъ плечами...

— Какъ итти! И я не близокъ съ нимъ... Что̀ значитъ моя защита въ его глазахъ?.. И меня онъ можетъ не принять...

Въ эту минуту я вспомнилъ о словахъ Исаакидеса на порогѣ консульства и съ радостью вызвалъ отца въ другую̀ комнату...

Я передалъ ему тамъ по секрету, что г. Бакѣевъ будетъ его ждать сегодня и что *дѣло его почти сдѣлано*... Такъ, какъ сказалъ Исаакидесъ.

— Вотъ *и попросишь* и за женщину, отецъ... Будь живъ и здоровъ... Жалко бѣдную старушку.

Отецъ сначала не хотѣлъ и вѣрить, заставилъ меня еще разъ повторить слова Исаакидеса и, наконецъ, смѣясь сказалъ:

— Какой интриганъ этотъ человѣкъ! Когда такъ, можно пойти...

Турчанку, впрочемъ, успокоить было не легко; она очень огорчилась, когда узнала, что не докторъ пойдетъ, а неизвѣстный ей человѣкъ, мой отецъ. Гайдуша, однако, сумѣла объяснить ей, что докторъ съ этимъ консуломъ не другъ, а будто бы первый другъ ему именно мой отецъ...

Отецъ одѣлся и пошелъ въ консульство, и я изъ любопытства за нимъ; а турчанка шла немного особо вслѣдъ за нами.

Неподалеку отъ консульства отецъ мой еще разъ спросилъ меня, не ошибся ли я? Онъ заставилъ меня повторить еще разъ слова Исаакидеса...

Напряженіе умовъ въ консульствѣ продолжалось. Г. Бакѣева еще не было дома. Онъ возвратился на минуту изъ конака, подписалъ ту бумагу, которая была имъ заказана на случай неудачныхъ словесныхъ переговоровъ съ пашой, отправилъ ее и тотчасъ же ушелъ къ Бреше.

Бостанджи-Оглу разсказывалъ намъ, что Рауфъ-паша сначала притворился, будто ничего не знаетъ о вчерашнемъ, но потомъ, когда г. Бакѣевъ сказалъ ему черезъ переводчика, что онъ дивится, какъ начальство не знаетъ о томъ, что простые солдаты оскорбляютъ иностранныхъ представителей, Рауфъ-паша смутился и началъ извиняться и увѣрять, что онъ дѣло разберетъ и чауша примѣрно накажетъ...

— Дѣло не въ чаушѣ, а въ полковникѣ, который долженъ былъ, отдавая полицейское приказаніе, прибавить: «исключая консуловъ и чиновниковъ ихъ»!

Бакѣевъ предупредилъ Рауфъ-пашу, что если къ вечеру полковникъ не явится просить у него извиненія, онъ долженъ будетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ крайне непріятнымъ.

Паша на это ничего не отвѣтилъ. Бреше обѣщалъ пойти самъ, если переговоры Бакѣева не приведутъ къ концу... Ашенбрехеръ сказалъ, что онъ сдѣлаетъ то же. Киркориди отговаривался болѣзнью и обѣщалъ послать драгомана, а Корбетъ де-Леси, у котораго Бакѣевъ былъ вмѣстѣ съ Бреше, сначала сталъ было защищать чауша, но когда Бреше сердито сказалъ ему: «Итакъ, господинъ де-Леси, я прошу васъ сказать мнѣ рѣшительно, желаете ли вы быть солидарны со всѣмъ консульскимъ корпусомъ или нѣтъ въ этомъ случаѣ?» Леси отвѣчалъ лукаво, что онъ и самъ очень заинтересованъ этимъ вопросомъ, что драгоманъ его и безъ того долженъ итти по дѣламъ сегодня въ Порту и онъ прикажетъ ему «вникнуть между прочимъ и въ то, какъ намѣрена мѣстная власть отнестись къ поступку чауша».

Вскорѣ пришелъ и самъ г. Бакѣевъ. Онъ любезно поздоровался съ отцомъ и позвалъ его наверхъ. Тамъ они разговаривали долго, потомъ отецъ сошелъ, и г. Бакѣевъ, провожая его на лѣстницу, повторялъ ему:

— Очень вамъ благодаренъ... Очень благодаренъ. Будьте и вы покойны! Я все сдѣлаю, что могу.

Отецъ велѣлъ мнѣ ждать и самъ поспѣшно пошелъ въ конакъ.

Въ чемъ же было дѣло? Ты, я думаю, отчасти уже догадался...

Послѣ отецъ разсказалъ мнѣ все.

Исаакидесъ, у котораго, какъ ты знаешь, было дѣло съ Шерифъ-бееmъ, молодымъ племянникомъ Абдурраимъ-эффенди, дѣло запутанное и не чистое, давно желалъ перевести тяжбу эту, посредствомъ векселей, на имя какого-нибудь русскаго подданнаго или на имя чиновника русскаго консульства. На искусство и вѣсъ эллинскаго консула онъ такъ же мало надѣялся, какъ и отецъ мой. Людей, записанныхъ въ русское подданство, въ Эпирѣ было человѣкъ шесть-семь, но двое изъ нихъ были въ отсутствіи; другіе жили не въ Янинѣ, а въ селахъ; иные были люди простые и ничтожные. Драгоманъ, который уѣхалъ съ Благовымъ, не хотѣлъ мѣшаться въ это дѣло. Исаакидеса самого Благовъ не хотѣлъ сдѣлать вторымъ драгоманомъ и не стѣсняясь отказалъ ему, когда Исаакидесъ предлагалъ свои услуги. «Вы, я знаю, приверженецъ великой идеи, отвѣчалъ онъ ему, человѣкъ безпокойный и какъ разъ начнете либо ссориться съ турками каждый день въ судѣ и конакѣ, либо будете чуть не съ тарелкой ходить по базару и собирать на возстаніе. Къ тому же у васъ все одна фраза: «Турція и варварство!» а я этого терпѣть не могу. Завтракать милости просимъ; а довѣряться я такому фанатику, какъ вы, не могу».

Исаакидесъ, узнавъ откуда-то, что Благову очень понравился мой отецъ, порѣшилъ поскорѣе устроить его вторымъ драгоманомъ при русскомъ консульствѣ. Онъ находилъ удобнымъ начать это дѣло немедля, при г. Бакѣевѣ, по нѣсколькимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому что онъ самъ на Бакѣева имѣлъ гораздо больше вліянія, чѣмъ на Благова, который надъ нимъ подсмѣивался; во-вторыхъ, потому что Благовъ, пожалуй, и для Полихроніадеса не захотѣлъ бы пустить въ ходъ сомнительную тяжбу, а разъ уже отецъ сдѣлался драгоманомъ и тяжба признана, то и Благову будетъ неловко отступиться отъ тяжбы или удалить отца. И наконецъ, для того, чтобы вообще времени

не терять и пользоваться тѣмъ, что отецъ здѣсь, а не въ Тульчѣ.

Руководясь этими цѣлями, Исаакидесъ, съ одной стороны, уговаривалъ отца проситься въ русскіе драгоманы, какъ для того, чтобъ имѣть лучшую защиту отъ Петраки-бея, такъ и для того, чтобы съ него, Исаакидеса, взять деньги за переводъ векселей Шерифъ-бея на свое имя... *(будто бы* то-есть Исаакидесъ долженъ отцу и поручаетъ ему взыскать съ бея). Съ другой стороны, онъ звалъ Бостанджи-Оглу ѣсть къ себѣ варенье и, увѣряя его, что онъ и уменъ, и тихъ, и образованъ, что жена его даже соскучилась безъ него, старался, чтобъ и онъ примирилъ Бакѣева съ отцомъ моимъ. А самъ, лаская молодого писца, бросилъ его наединѣ съ г. Бакѣевымъ. Мы послѣ узнали все въ точности, что онъ говорилъ Бакѣеву въ этотъ день такъ: «Я отчасти жалѣю, что Бреше вмѣшался. Хорошо турокъ пугать. Но вся честь достанется теперь не вамъ, а французскому консулу. Къ тому же лучше бы ограничиться наказаніемъ чауша; а теперь съ помощью Бреше дѣло приняло такой оборотъ, что надо ждать извиненій полковника или спустить флагъ. Это ужъ слишкомъ затруднитъ ваши отношенія съ Портой надолго».

— Пусть трепещутъ меня турки такъ, какъ они трепещутъ Бреше... — говорилъ ему Бакѣевъ. — Развѣ Россія хуже Франціи? или я хуже Бреше?

Исаакидесъ не говорилъ ему на это правды, то-есть, что онъ не сумѣетъ быть такъ свирѣпъ и рѣшителенъ, какъ Бреше, который на его мѣстѣ зарѣзалъ бы чауша можетъ быть самъ ятаганомъ.

— Главное, — говорилъ онъ, — безъ хорошаго драгомана невыгодно. Бостанджи-Оглу и молодъ и неспособенъ къ дѣламъ. Безъ достоинства, безъ вѣса въ конакѣ, и ломается, и стыдится. Даже физіономія у него непріятная, такой слабый и худой, и борода уже предлинная; турки зовутъ его «*Москов-Яуды*» *)... Они его не любятъ. Черезъ

---

*) *Москов-Яуды* — московскій іудей, русскій жидъ.

дружбу съ второстепенными чиновниками можно бо́льшаго достичь. Теперь развѣ можно послать Бостанджи-Оглу въ конакъ и сказать ему просто: — Ну, смотри тамъ, что́ будетъ. Все узнай и все сдѣлай... Я всѣхъ обстоятельствъ, сидя дома, предусмотрѣть не могу. Можно? Нѣтъ, нельзя. Я бы пошелъ... Но меня турки ненавидятъ. То ли дѣло, ссли бы Полихроніадесъ вамъ служилъ... Испытайте его; пошлите сегодня его въ Порту...

Бакѣевъ послушался совѣта и послалъ отца въ Порту съ просьбой и разузнать какъ можно больше, и сдѣлать что-нибудь, чтобы дѣло не доходило безъ крайности до разрыва.

Отецъ мой, пользуясь минутой, не забылъ о бѣдной матери чауша и просилъ г. Бакѣева пощадить бѣдняка, обращаясь прямо съ требованіями къ его начальству.

— Такъ и сдѣлано уже, — сказалъ г. Бакѣевъ.

Когда отецъ ушелъ въ Порту, г. Бакѣевъ, довольно веселый, сошелъ къ намъ внизъ, въ канцелярію, любезно поздоровался со мною и велѣлъ позвать турчанку.

— Только ради Бога, — сказалъ онъ, — чтобъ она мои нервы пощадила и не выла много.

Мы уговорили старушку не кричать и привели ее въ канцелярію.

Г. Бакѣевъ принялъ ее величественно, но благосклонно, и сказалъ ей:

— Вашъ сынъ не такъ виноватъ, какъ его полковникъ. Будьте покойны, я сумѣю наказать полковника и защитить вашего сына. Идите.

— Эффенди мой...—закричала было мать.—Я скажу тебѣ, эффенди мой...

— Идите! — сказалъ ей твердо г. Бакѣевъ, и когда мы вышли, онъ почти упалъ на диванъ восклицая:

— Однако, какіе тутъ нужны воловьи нервы. Порядочный человѣкъ можетъ ли здѣсь долго дышать!

Бостанджи-Оглу молчалъ, а я даже и сѣсть не смѣлъ безъ приглашенія и, почтительно сложивъ спереди руки, стоялъ въ углу. Хотя и самъ отецъ отозвался о немъ и

вчера и прежде еще не совсѣмъ выгодно, я все еще никакъ не могъ понять, въ чемъ дѣло... Почему и чѣмъ онъ неспособнѣе или хуже Благова? Благовъ былъ веселѣе, правда, со мною любезнѣе и съ отцомъ; но зато этотъ дипломатичнѣе, величавѣе, строже.

Помолчавъ онъ спросилъ:

— Скажите, Бостанджи-Оглу, не цѣла ли у васъ та записка г. Благова, которую онъ прислалъ мнѣ изъ Загоръ?.. У меня ея нѣтъ... Тамъ что-то есть о г. Полихроніадесѣ. А... вы, молодой человѣкъ, все еще стоите? Я и не замѣтилъ. Стыдитесь, сядьте! Что́ это за гнусное рабство. Нынче не та эпоха... Записка? Гдѣ же записка?

Бостанджи-Оглу тотчасъ же отыскалъ въ бумагахъ записку. Бакѣевъ началъ читать ее, пожимая плечами и презрительно приговаривая:

— Конечно, конечно!.. Кто же будетъ разбирать эти іероглифы? Это просто невѣжливо такъ писать ко мнѣ. Начальству онъ такъ не пишетъ. Вотъ онъ что́ пишетъ подъ конецъ, вотъ объ отцѣ его... «Полихроніадесъ человѣкъ... Человѣкъ опытный... Рекомендую... знаніе страны... умъ...» А подъ самый конецъ ужасно написано... «Если онъ пріѣдетъ въ Янину безъ меня съ сыномъ, отведите имъ одну или двѣ комнаты въ домѣ и вообще устройте, чтобъ имъ было хорошо!» Вотъ я этого тогда и не разобралъ, даже вниманія не обратилъ, признаюсь... Жаль, очень жаль.

Такъ мы узнали, что не г. Благовъ забылъ о своемъ обѣщаніи принять насъ къ себѣ въ домъ, а г. Бакѣевъ не далъ себѣ труда дочитать до конца его записку.

Чрезъ часъ отецъ мой возвратился изъ конака и ушелъ опять съ г. Бакѣевымъ наверхъ.

— Что́ у нихъ за секреты, Одиссей? — спросилъ меня *Москов-Яуды*, Бостанджи-Оглу, которому самому хотѣлось быть вторымъ драгоманомъ.

— Я почемъ знаю! — отвѣчалъ я. — Развѣ отецъ станетъ все говорить мнѣ, такому мальчику еще неразумному!

— Лжешь, мошенникъ, знаешь! Когда знаешь, будь

другъ какъ другъ и скажи мнѣ. Какія у отца дѣла съ Исаакидесомъ?

Я поклялся, что ничего не слыхалъ. И почувствовалъ тотчасъ же, что поклялся ложно, мысленно просилъ прощенія у Божіей Матери загорскаго параклиса нашего, *Пречайшей Небесъ*.

X.

Отецъ въ конакѣ узналъ многое и устроилъ кое-что по мѣрѣ силъ своихъ. Онъ видѣлся съ Сабри-беемъ и Чувалиди; говорилъ съ ними долго; встрѣтилъ тамъ Абдурраимъ-эффенди и отъ него узналъ нѣкоторыя подробности. Сабри-бей нашелъ возможность свести его и къ гордому Ибрагиму, зятю паши.

Одни желали защитить чауша; другіе хотѣли принести его въ жертву, сохраняя достоинство Порты и полковника.

Сабри-бей говорилъ отцу:

— Несчастье наше, киръ-Поргаки, въ простотѣ нашего народа. Этотъ чаушъ долженъ былъ самъ понять, что такой порядокъ не для консуловъ и ихъ чиновниковъ, а для пьяницъ и побродягъ, которые возвращаются съ острова ночью въ нетрезвомъ видѣ. Полковникъ не можетъ извиняться за простого солдата.

Чувалиди, напротивъ того, по секрету сообщилъ отцу, что чаушъ клянется, будто самъ полковникъ ему такъ сказалъ: «Хоть бы бей, хоть имамъ, хоть самъ дьяволъ выйдетъ на берегъ, кричи: «ясакъ» и силой не пускай въ городъ. Я отвѣчаю...» А теперь онъ отъ этого отрекается...

Абдурраимъ-эффенди говорилъ такъ:

— Девлетъ это, эффенди мой, или не Девлетъ? До чего же дойдетъ наше униженіе, когда каждый босоногій приплецъ изъ Франціи или Россіи будетъ полагать на все свои законы? Если нашъ Девлетъ не Девлетъ, то зачѣмъ же Англія и Франція погубили столько людей и денегъ въ Крыму? Россія не искала взять Константинополя. Они изъ

могучаго нашего сосѣда создали намъ непримиримаго врага; тогда какъ Россія два раза уже доказала намъ свою умѣренность: въ 29-мъ и въ 40-мъ году... Они не для насъ, эффенди мой, воевали съ Россіею, а для своихъ торговыхъ выгодъ и для своей славы. Да! и теперь они больше русскихъ командуютъ нами. «Мы друзья!» Аллахъ! Пусть лучше мы отъ русскаго штыка потеряемъ съ честью то, что́ мы пріобрѣли мечомъ Османа, Амурата и султанъ-Магомета... чѣмъ видѣть каждый день злобу и интриги нашихъ европейскихъ друзей... Аллахъ! Аллахъ! Какъ не понять этого!.. Какъ не понять; но сказано давно: «*Башъ бостандá бетмéсъ!*» (Головы не растутъ въ садахъ; не скоро ихъ найдешь.)

Потомъ прямой и независимый бей прибавлялъ съ пренебреженіемъ:

— Полковникъ нашъ бѣдный хотѣлъ устрашить всѣхъ, а теперь самъ боится... Паша расположенъ послать его съ извиненіемъ; но Ибрагимъ-бей и Ферикъ его отстаиваютъ...

Такимъ образомъ отецъ мой узналъ, что есть надежда заставить полковника извиниться. Онъ сказалъ и Чувалиди, и Абдурраимъ-эффенди, и Сабри-бею (каждому особенно и по секрету), что Бреше рѣшился во что́ бы то ни стало поддерживать Бакѣева. Отецъ, сообщая это и застращивая французскимъ консуломъ турокъ, надѣялся избавить г. Бакѣева отъ необходимости спустить флагъ. Драгоманы французскій и австрійскій уже были по этому дѣлу въ конакѣ: но австрійскій наединѣ съ Ибрагимъ-беемъ сказалъ, что онъ не собственно по этому дѣлу, а по другимъ, «хотя г. Ашенбрехеръ очень сожалѣетъ, что столкновеніе» и т. д.

Драгоманъ французскій говорилъ прямо и сначала по этому дѣлу самому пашѣ; но онъ былъ итальянецъ; мягкій и сладкій человѣкъ, портной при этомъ и шилъ на турокъ платье. Грозныя рѣчи Бреше были: «Поднте, скажите этимъ осламъ, чтобъ они не забывали о солидарности всѣхъ консульствъ по нѣкоторымъ вопросамъ и... что они будутъ имѣть дѣло со мной, если Бакѣевъ не будетъ удовлетворенъ...»

Но вмѣсто свирѣпаго, худого и сморщеннаго лица Бреше, вмѣсто его твердаго взгляда и рѣшительной поступи турки видѣли предъ собою сладкогласнаго, румянаго и подобострастнаго синьора Какàчіо, и рѣчь его выходила вовсе иная: «Паша-эффенди мой!.. Г. Бреше свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Онъ очень жалѣетъ, что давно не имѣлъ счастья васъ видѣть. Онъ и самъ хотѣлъ зайти и спросить, что́ такое за непріятность случилась... Онъ полагаетъ, что надо удовлетворить русское консульство. Паша-эффенди мой...»

Рауфъ-паша медлилъ... Зная это, отецъ и сказалъ Сабри-бею: «Предохраните Рауфъ-пашу отъ непріятностей съ французомъ, когда вы хотите ему добра. Бреше былъ въ русскомъ консульствѣ и поклялся притти сюда и сдѣлать скандалъ... Вы его знаете!.. Бакѣевъ тоже твердо рѣшился спустить къ вечеру флагъ. У него въ консульствѣ уже укладываютъ архивы въ ящики, кавассы уже торгуются съ погонщиками. Быть можетъ завтра запрутъ консульство и уѣдутъ всѣ отсюда... Я слышалъ, что въ подобныхъ случаяхъ имъ велѣно не уступать... Вы знаете, русскіе не дерзки, какъ эти французы, но они чрезвычайно тверды въ государственныхъ дѣлахъ... А я желаю блага и вамъ, и Ибрагиму-эффенди, и нашему доброму пашѣ... самые мои интересы того требуютъ... Берегитесь Бреше... Онъ при мнѣ былъ въ русскомъ консульствѣ; и Ашенбрехеръ, и эллинъ не отдѣлятся отъ Бреше и Бакѣева въ этомъ случаѣ...»

Сабри-бея эти слова сильно поразили, и онъ тотчасъ же пошелъ къ пашѣ.

Отецъ, узнавъ и объ этомъ, пошелъ искать портного Какáчіо и сказалъ ему: «Какія непріятности, синьоръ! Что́ будутъ дѣлать консулы теперь? И чего ждать намъ бѣднымъ, если ихъ не будутъ бояться?..»

— О! — сказалъ портной,— я довольно напугалъ пашу... имя г. Бреше, его тѣнь достаточна для нихъ!..

— Незамѣтно, чтобы турки боялись, — сказалъ ему отецъ на всякій случай и ушелъ.

Возвратившись въ русское консульство, онъ передалъ все это г. Бакѣеву, который крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ: «Благодарю! благодарю! Я не ошибся въ васъ».

Не прошло и часу, какъ раздался у воротъ стукъ копытъ конскихъ. Г. Бакѣевъ бросился къ окну... Это г. Бреше возвращался верхомъ съ прогулки. Онъ не хотѣлъ сходить съ лошади. Г. Бакѣевъ радостно сбѣжалъ къ нему внизъ. Я отворилъ окно и слушалъ:

— Eh bien? — спросилъ французъ.

Г. Бакѣевъ пожалъ съ отчаяніемъ плечами.

— Если бы вы сами, г. консулъ, потрудились съѣздить туда... Ваше появленіе...

Говоря съ французомъ, г. Бакѣевъ утратилъ все то величіе, которое онъ имѣлъ съ отцомъ, со мной, съ чаушемъ, со старою матерью чауша, съ Козвино, когда на островѣ дѣлалъ ему строгія замѣчанія. Мнѣ не понравилось это.

Бреше сухо отвѣтилъ ему на это: «Nous verrons!» и ускакалъ.

— Ему хочется, чтобы вы спустили флагъ и поссорились съ турками, — сказалъ г. Бакѣеву отецъ мой.

Г. Бакѣевъ покраснѣлъ и не отвѣчалъ на это ни слова.

Отецъ мой опять пошелъ въ Порту. Онъ имѣлъ получить нѣсколько тысячъ піастровъ долга съ одного села и прикрывалъ этимъ дѣломъ главную причину своихъ частыхъ появленій въ этотъ день въ конакѣ.

— Не спрашивай, другъ, о дѣлахъ своихъ сегодня, — сказалъ ему Чувалиди. — Весь конакъ вверхъ дномъ... Кто за полковника, кто противъ... Наскучили и мнѣ. Поди, скажи скорѣе Бакѣеву, чтобъ онъ написалъ скорѣе ноту о спускѣ флага, и полковникъ извинится, я ручаюсь тебѣ.

Отецъ пошелъ, но на лѣстницѣ его догналъ посланный отъ Сабри-бея. Сабри-бей свелъ отца моего къ Ибрагиму.

— Что есть и чего нѣтъ, эффенди мой? — спросилъ его какъ будто между другимъ дѣломъ и небрежно самъ Ибрагимъ. — Вы, кажется, другъ со всѣми консулами... Чего эти люди отъ насъ хотятъ? Скажите откровенно.

Отецъ отвѣчалъ ему на это такъ:

— Я, эффенди мой, слишкомъ неважный человѣкъ, чтобъ имѣть вѣсъ въ глазахъ дипломатовъ. Я имѣлъ счастіе заслужить только личную благосклонность г. Благова и Бакѣева и еще съ г. Леси знакомъ давно, потому что онъ уже нѣсколько лѣтъ нанимаетъ у меня домъ.

— Прекрасный домъ! — воскликнулъ Ибрагимъ. — И г. Леси нашъ другъ и почтенный человѣкъ. Скажите мнѣ, что хочетъ отъ насъ г. Бакѣевъ, который съ вами друженъ? Умный ли онъ человѣкъ или нѣтъ?.. Умный человѣкъ долженъ различить злобу отъ ошибки. Ошибся чаушъ, и его накажутъ.

Въ эту минуту занавѣсь на дверяхъ внезапно поднялась, и въ дверяхъ предсталъ г. Бреше, блѣдный, въ сапогахъ со шпорами и съ большимъ бичомъ въ рукѣ.

Отецъ говорилъ, что и его самого, и Сабри-бея подняла вдругъ съ дивана невѣдомая сила.

Гордый Ибрагимъ поднялся медленнѣе ихъ и сдѣлалъ было нѣсколько шаговъ навстрѣчу, не теряя достоинства. Но г. Бреше, звеня шпорами, подошелъ къ нему и сказалъ, махая ему предъ лицомъ бичомъ своимъ.

— Эффенди мой! Вы славитесь вашими интригами противъ консуловъ. Совѣтую вамъ быть осторожнѣе и не раздражать меня. Если паша не пришлетъ черезъ часъ полковника извиниться къ г. Бакѣеву, вы будете имѣть дѣло со мной... Вы, а не кто другой.

Отецъ поскорѣе вышелъ. Онъ боялся, чтобы турки не возненавидѣли его за то, что онъ былъ свидѣтелемъ такой унизительной для нихъ сцены.

Все это, конечно, онъ тотчасъ же передалъ г. Бакѣеву, который былъ очень радъ. Отецъ объяснилъ ему, что слово, сказанное имъ мимоходомъ сладкому, но самолюбивому портному Какачіо, принесло плоды. Онъ должно быть передалъ г. Бреше, что турки не очень испугались его угрозъ.

Черезъ часъ, дѣйствительно, послышался опять конскій топотъ. Это былъ полковникъ въ сопровожденіи Сабри-бея.

Увѣряю тебя, что мнѣ стало жалко этого турка отъ всей души! Онъ мнѣ показался добрымъ человѣкомъ; высокій, толстый, пожилой уже, тихій. Онъ медленно и опустивъ глаза поднялся мимо всѣхъ насъ на лѣстницу. Мы, конечно, поспѣшили тоже наверхъ, и Бостанджи-Оглу показалъ мнѣ внутреннее окошко въ стѣнѣ, изъ котораго была видна вся большая зала Благова.

Г. Бакѣевъ уже успѣлъ сѣсть величественно, какъ паша, на диванѣ. Онъ едва приподнялся съ него, принимая Сабри-бея и бѣднаго полковника.

Толстый турокъ подошелъ къ нему, по-моему, съ большимъ достоинствомъ, не улыбаясь и не унижаясь, но, приложивъ руку къ сердцу, сказалъ печально и серьезно:

— Pardon, консулосъ-бей, pardon!..

Г. Бакѣевъ тогда попросилъ ихъ обоихъ сѣсть, и Сабри-бей началъ по-французски длинную и цвѣтистую рѣчь о трактатахъ и о взаимной дружбѣ государствъ.

Полковникъ молчалъ.

Сабри-бей прибавилъ подъ конецъ вставая:

— Что касается до чауша, то онъ будетъ лишенъ должности и пробудетъ въ тюрьмѣ столько, сколько вы желаете, г. консулъ. Это приказаніе его превосходительства Рауфъ-паши...

Г. Бакѣевъ отвѣчалъ на это:

— Мое желаніе, чтобъ этого человѣка простили. Проступокъ лица столь ничтожнаго не можетъ унизить *насъ*. Къ тому же онъ клянется, что ошибся. И старшіе болѣе его виноваты плохими распоряженіями... До свиданья...

Такимъ образомъ старанія отца способствовали тому, что русское консульство флага не спустило, что честь его была удовлетворена чрезъ мѣру, что бѣдный чаушъ былъ спасенъ и что досада и ненависть турокъ за событія этого дня обратились опять-таки больше на Бреше и Францію, чѣмъ на Бакѣева и Россію.

Репутація отца была составлена въ глазахъ Бакѣева; Чувалиди, кромѣ того, говорилъ ему потомъ, что и турки его хвалятъ. Они говорятъ: «бѣдный Полихроніадесъ со-

вѣтовалъ намъ утушить скорѣе. Онъ предвидѣлъ и зналъ, что Бреше оскорбитъ и пашу и диванъ-эффендиса Ибрагимъ-бея! Хорошій человѣкъ! Прямой человѣкъ Полихроніадесъ».

Вечеромъ отецъ радовался всему этому и сказалъ мнѣ:

— Это все за доброе дѣло, которое я хотѣлъ сдѣлать этой бѣдной турчанкѣ, меня благословилъ Богъ въ этотъ день. Я пошелъ больше для нея, а выигралъ и для себя. Учись этому, сынъ мой. Добро у Господа Бога не пропадетъ никогда!

Черезъ три дня послѣ этого пришла намъ изъ Тульчи ужасная вѣсть. Домъ нашъ тульчинскій сгорѣлъ. Дядя писалъ отцу, что вещи успѣли почти всѣ спасти, но отъ зданія осталась только одна стѣна. Онъ писалъ также, что послѣ этого несчастія Петраки-бей сталъ опять настойчивѣе и даже, встрѣчаясь съ нимъ въ кофейняхъ или на базарѣ, говоритъ ему: «Когда же вашъ эллинскій консулъ посадитъ васъ въ турецкую тюрьму за Полихроніадеса? Пора бы! У него теперь сгорѣлъ домъ, который я все сбирался конфисковать. Остается одна надежда на ваши деньги!» «Отвѣтилъ бы я ему на это, — писалъ дядя: — но если говорить правду, то надо обвинять и правительство; а я, ты знаешь, оскорблять теперь турокъ не могу, ибо сбираюсь купить землю для магазиновъ на берегу Дуная и хочу попробовать паровую мельницу построить. Турки же готовы все для меня сдѣлать, если я самъ перейду въ турецкое подданство. «Намъ такихъ образованныхъ людей нужно!» сказалъ мнѣ самъ паша. Что мнѣ дѣлать, разсуди ты самъ? Одна надежда на твой пріѣздъ. Новый греческій консулъ нашъ личный мнѣ врагъ, ибо я не хотѣлъ подписаться на томъ прошеніи, которое многіе изъ тульчинскихъ грековъ нашихъ подали на его предмѣстника. Человѣкъ онъ ничтожный и мстительный; а главное—жена его очень зла. На позоръ и всеобщій нашъ срамъ, вообрази себѣ, г. консулъ послалъ людей съ кавассомъ своимъ и музыкой выкапывать мачту съ греческимъ флагомъ, которая стояла у дома его предмѣстника для того, чтобы

перенести ее къ себѣ въ домъ, желая оскорбить его! Удалилъ прежняго драгомана и писца, которые были люди очень полезные, и даже одного бѣднаго турка, который служилъ консульству вѣрно уже нѣсколько лѣтъ. За что же? За то, что бѣдный Гуссейнъ пошелъ не спросясь провожать на пристань своего прежняго господина! Жаль старика Гуссейна; семейный человѣкъ, заслуженный, раненый! Изъ этой черты ты легко себѣ представишь, что́ за консула прислало намъ наше *свободное Ромейское* государство! Увы! когда оно было бы свободно отъ интригъ и низостей! При такомъ консулѣ, при враждѣ его ко мнѣ, какъ къ другу его предмѣстника, и при необходимости, въ которой я нахожусь, не ссориться съ турками, одно спасеніе—твой скорый пріѣздъ въ Тульчу. Иначе за добро мое ты заплатишь зломъ».

Отецъ такъ долго плакалъ, читая это письмо, что докторъ Коэвино, опасаясь за его больные глаза, послалъ за лѣкарствомъ.

И докторъ, и Гайдуша въ эту тяжелую минуту показали и отцу и мнѣ очень много доброты. Докторъ серьезно придумывалъ, что́ бы такое посовѣтовать отцу и гдѣ бы достать ему денегъ на поѣздку. Гайдуша радушно прислуживала отцу, приносила ему лѣкарство, ободряла его и, видя мое сокрушеніе о бѣдномъ отцѣ и о разстройствѣ дѣлъ нашихъ, говорила мнѣ ласково:

— Мужайся, мужайся, бѣдный Одиссей!.. Мужемъ будь, мальчикъ мой хорошій... Богъ великъ, помни!

И начинала мнѣ разсказывать о другихъ людяхъ, какъ страдалъ тотъ или другой и какъ они опять поправились.

— Благодарю васъ, кира Гайдуша, — говорилъ я ей, — что вы насъ такъ утѣшаете.

И вѣрь, мнѣ всякій разъ становилось легче отъ ея словъ... Какъ огонь или желѣзо раскаленное была эта отчаянная женщина! Взглядъ ея, слова, — все у нея было крѣпкое, быстрое, жгучее!..

Докторъ тоже выражалъ свое состраданіе не одними словами: онъ одѣлся (конечно все-таки франтомъ и вовсе не спѣша) и пошелъ самъ отыскать Чувалиди, чтобы тотъ

далъ отцу какой-нибудь хорошій, практическій совѣтъ. Чувалиди тотчасъ же пришелъ и успокоилъ отца. Они долго говорили одни и шопотомъ; я входилъ и выходилъ; отъ меня они какъ будто не скрывались, но я могъ разслышать только отрывки ихъ рѣчей. Позднѣе мнѣ отецъ подробно разсказалъ, о чемъ у нихъ шла секретная эта бесѣда. Она шла все о тѣхъ же извѣстныхъ тебѣ дѣлахъ: о процессѣ отца съ Петраки Стояновичемъ, о переводѣ на имя отца векселей Шерифъ-бея, племянника благороднаго Абдурраимъ-эффенди, о совѣтѣ, который давалъ отцу господинъ Благовъ еще въ Загорахъ, начать дѣло противъ Стояновича въ уголовномъ смыслѣ у кади и по шаріату, о русскомъ драгоманатѣ и проч.

Пока мы не получили извѣстія о тульчинскомъ пожарѣ, отецъ не соглашался на соблазнительныя предложенія Исаакидеса. Исаакидесъ давалъ ему двѣсти золотыхъ лиръ задатка тотчасъ же и одну треть всей суммы послѣ взысканія съ Шерифъ-бея, если онъ пріобрѣтетъ русское подданство или получитъ должность русскаго драгомана въ Янинѣ и переведетъ тяжбу эту на свое имя. Отцу не хотѣлось впутываться въ такое сомнительное и нечистое дѣло. Шерифъ-бея онъ зналъ съ хорошей стороны; молодой человѣкъ этотъ былъ очень расточителенъ и преданъ кутежу, но очень добръ, откровененъ и любимъ многими христіанами, особенно низшаго класса. Его старая мать была благочестивая, хорошая христіанка, а онъ былъ по отношенію къ ней самый почтительный, любящій и послушный сынъ. Непріятно и совѣстно было безъ всякой причины и личной вражды способствовать разоренію такого хорошаго человѣка. О тяжбѣ Исаакидеса отзывался дурно не одинъ только капризный и страстный Коэвино, многіе другіе яніоты говорили, что кромѣ незаконно большихъ процентовъ, вписанныхъ въ капиталъ, кромѣ неслыханнаго роста всей суммы, въ числѣ расписокъ у Исаакидеса есть еще двѣ или три, которыя онъ долженъ былъ возвратить бею и не возвратилъ посредствомъ какой-то очень грубой воровской уловки.

Правда, другіе утверждали, что это клевета враговъ, что это выдумки нѣкоторыхъ эллиновъ, противъ политики которыхъ Исаакидесъ писалъ анонимныя корреспонденціи въ аѳинскихъ газетахъ. Эти защитники Исаакидеса говорили, что его тяжба нейдетъ впередъ, потому что Чувалиди, предсѣдатель торговаго суда, взялъ съ бея хорошую взятку. «Есть разбойники въ горахъ, прибавляли эти люди; но это тѣ разбойники, которые ходятъ въ звонкихъ сапогахъ и стучатъ на весь свѣтъ, они не такъ страшны, а есть другіе разбойники болѣе опасные; они носятъ мягкіе *чаруxи* *)... Ихъ не слышно. Чувалиди носитъ чарухи и сидитъ спокойно на широкомъ диванѣ европейски устроеннаго судилища».

Отецъ не зналъ, кто правѣе, враги или друзья Исаакидеса... Но во всякомъ случаѣ ему мало было охоты начинать новыя дѣла. «Я хочу, наконецъ, отдохнуть, говорилъ онъ, и часто завидую тѣмъ бѣднымъ людямъ въ Загорахъ нашихъ, которые искали на чужбинѣ малаго и давно уже успокоились въ родномъ селѣ. Они сидятъ теперь у церкви подъ платаномъ, наслаждаются здоровьемъ, женятъ дѣтей своихъ и играютъ съ внучатами, а я?... Я боленъ, старъ, хлопочу и тоскую по родинѣ»...

Однако тяжба Шерифъ-бея иное дѣло, и вовсе иное — русскій драгоманатъ. Богъ знаетъ еще, откроютъ ли консульство русское въ Тульчѣ и когда откроютъ, а состоять подъ русскимъ покровительствомъ въ Янинѣ и помогать политикѣ русской было бы отцу очень пріятно. Поэтому онъ не только не мѣшалъ Исаакидесу трудиться для доставленія отцу драгоманства, но и самъ онъ (если помнишь) на лодкѣ ночью пробовалъ, хотя и тщетно, заводить объ этомъ исподволь рѣчь съ г. Бакѣевымъ.

Отецъ былъ также согласенъ съ Исаакидесомъ вотъ въ чемъ. Поступить въ драгоманы, по мнѣнію Исаакидеса, надобно было именно теперь, при Бакѣевѣ; Благовъ самъ принять новаго драгомана можетъ быть и не согласится;

*) Мягкая красная и красивая обувь эпиротовъ.

его взглядъ на это неизвѣстенъ, имѣть вліяніе на него труднѣе, чѣмъ на Бакѣева; онъ иногда на зло не сдѣлаетъ чего-нибудь, если замѣтитъ, что имъ хотятъ явно руководить. Однажды Исаакидесъ очень наскучилъ ему просьбой дать въ другое русское консульство хорошую рекомендацію одному священнику, который уѣзжалъ изъ Эпира. Благовъ разсердился и написалъ такъ. «Рекомендую вамъ отца Савватія. Онъ священникъ. Больше я про него ничего не знаю. Развѣ только то, что онъ очень дурно служитъ литургію, спѣшитъ, шаркаетъ туда-сюда по церкви и вовсе неприлично иногда оборачивается и выглядываетъ на паству изъ царскихъ дверей». «Что съ нимъ дѣлать?.. говорилъ Исаакидесъ отцу. Принять онъ можетъ быть и васъ не согласится, но удалить именно васъ ему будетъ, конечно, трудно. Попробуемъ!» «Попробуемъ!» говорилъ и отецъ самъ съ собою. «Драгоманство не обяжетъ меня вмѣшаться непремѣнно въ тяжбу Шерифъ-бея, но можетъ стать для меня великою опорой противъ болгарина Стояновича и негодяя Хахамопуло... Не говоря уже объ удовольствіи помогать Благову въ мѣстной политикѣ, когда придется».

Событія послѣднихъ дней, исторія чауша и помощь, которую отецъ оказалъ консульству въ конакѣ, еще болѣе укрѣпили въ немъ желаніе стать русскимъ драгоманомъ. Онъ уже мечталъ продать свой тульчинскій домъ и магазины, передать всѣ торговыя дѣла на Дунаѣ дядѣ или вовсе оставить ихъ, нанять квартиру въ Янинѣ, перевезти сюда мать и бабушку Евгѣнку изъ села и предпринять какіе-нибудь обороты въ самомъ Эпирѣ или развѣ-развѣ въ сосѣдней хлѣбородной Ѳессаліи. Пусть ищутъ его оба Стояновичи, Петраки и Марко-бей! Въ Тульчѣ у него нѣтъ русскаго консула, а только греческій. Здѣсь у него будутъ и греческій консулъ на защиту подданнаго свободной Эллады, и русскій, на поддержку своего драгомана; вмѣстѣ они будутъ всесильны. Въ Тульчѣ предсѣдатель *тиджарета*, болгаринъ Марко-бей Стояновичъ, личный врагъ и родной братъ противной тяжущейся стороны;

здѣсь у него предсѣдателемъ того же торговаго суда загорецъ, товарищъ дѣтства и другъ, хитрый, умный Чувалиди! Пусть попробуютъ отсюда вытребовать его на Дунай, если онъ будетъ драгоманомъ! Пусть назначаетъ Петраки Стояновичъ себѣ въ Янинѣ *эпитропа*, повѣреннаго, кого хочетъ и какъ знаетъ!.. Пусть его судятъ съ нимъ здѣсь!..

Отецъ отъ этихъ мыслей очень повеселѣлъ - было за послѣдніе дни. Шутилъ со мной, съ Гайдушей, съ докторомъ, написалъ матери длинное и радостное письмо и все повторялъ: «Эта бѣдняга старая, мать чауша, счастье мнѣ принесла въ дѣлахъ. Если я буду драгоманомъ, сдѣлаю ей подарокъ. Одиссей, скажи мнѣ, что̀ подарить приличнѣе турчанкѣ? Скажи, что̀ мнѣ ей подарить?»

Письмо дяди разстроило всю эту радость. Надо ѣхать скорѣе въ Тульчу. Денегъ мало, сынъ не устроенъ, погода вдругъ началась зимняя, дождливая; глаза болѣли, съ семьей не простился, драгоманомъ еще не признанъ! Быть можетъ надо будетъ на Дунаѣ или въ Константинополѣ дать что-нибудь не малое тому или другому лицу. Соперникъ болгаринъ такъ вліятеленъ, такъ богатъ и такъ ловокъ! Быть можетъ даже придется уступить и помириться на половинѣ, заплатить хоть часть небывалаго долга. Что теперь дѣлать? что предпринять? гдѣ деньги на дорогу занять? кто дастъ? Домъ заложить янинскій или загорскую землю бабушки? Боже! неужели и до этого дойти послѣ столькихъ работъ, трудовъ многолѣтнихъ, лишеній и одиночества на чужбинѣ, вдалекѣ отъ дорогой и доброй жены, отъ дома, отъ родины, отъ сына единственнаго?

— Погибель моя! дитя мое, погибель моя! — говорилъ бѣдный отецъ и, облокотившись на столъ, плакалъ.

А я плакалъ, слушая, еще горче его...

Глаза стали хуже болѣть.

— Ослѣпнешь, отецъ! — говорилъ я ему.

— Ослѣпну, дитя мое, ослѣпну!.. — отвѣчалъ отецъ.

Боже! Боже мой!.. Ни на какой ступени общественной нѣтъ спокойствія людямъ въ этомъ живомъ свѣтѣ... Землю

ли ты пашешь, торгуешь ли ты, царствомъ ли правишь — горе ждетъ тебя, какъ дикій звѣрь въ логовищѣ своемъ, чтобы растерзать твое сердце въ куски...

Дай Богъ здоровья хитрецу Чувалиди! Онъ устроилъ тогда дѣла наши.

Каковъ бы онъ ни былъ, какова бы ни была его *разбойничья обувь*, а я не могъ иногда не благословлять его, видя, какъ онъ скоро осушилъ слезы моего добраго отца...

Позднѣе изъ этого добра вышло худо и намъ и еще больше другимъ. Но развѣ есть добро безъ худа въ этой тщетѣ тщеты, въ которой мы боремся всѣ до гроба!

XI.

Итакъ отецъ разсказалъ Чувалиди все откровенно и подробно: о предложеніяхъ Исаакидеса, о своемъ разговорѣ на лодкѣ съ г. Бакѣевымъ, о драгоманствѣ, о совѣтѣ г. Благова (еще въ Загорахъ) насчетъ русскаго паспорта и уголовнаго суда противъ Петраки-бея и Хахамопуло. На это Чувалиди отвѣчалъ ему такъ:

— Г. Благовъ очень умный молодой человѣкъ и, несмотря на молодость свою, хорошо понимаетъ и страну и свои обязанности; но и онъ можетъ иногда ошибаться. Уголовный судъ — это ошибка. Нѣтъ примѣра, чтобы въ Турціи такого рода тонкіе уголовные процессы рѣшались бы чѣмъ-нибудь. Другое дѣло убійство, грабежъ, драка... Эти преступленія еще судятся... Но я желалъ бы знать, какой это русскій консулъ найдетъ вѣрное средство выиграть въ Турціи уголовную тяжбу противъ Марко-бея, предсѣдателя *тиджарета*, и его брата, Петраки-бея? Благовъ говоритъ, что будущій тульчинскій консулъ можетъ дѣйствовать посредствомъ ловкости и дружбы съ кади. Но во-первыхъ консула тамъ еще нѣтъ; а во-вторыхъ надо полагать, что турки, за малыми исключеніями, боятся сближаться дружески съ иностранцами; они боятся своего начальства, боятся доносовъ, стыдятся своего незнанія евро-

пейскихъ обычаевъ, боятся проговориться... Кади тульчинскій, какъ и всѣ другіе кади и моллы, знаетъ, что они на мѣстѣ долго не остаются. Что ему любезность консула, когда Петраки-бей ему взятку дастъ? Онъ спѣшитъ нажиться. Положеніе этихъ людей тоже не легкое. Люди они семейные, привыкли имѣть по нѣскольку женъ. А тутъ переѣзды съ мѣста на мѣсто. Правительство само разорено и въ платежахъ не всегда аккуратно; это не то, что Россія или Англія, гдѣ общество стоитъ на прочныхъ основахъ. Жизнь турецкихъ судей и чиновниковъ въ этихъ отношеніяхъ тяжка, страданія турокъ теперь быть можетъ нерѣдко глубже нашихъ, но ими никто не интересуется. Что кому за дѣло до бѣдности и разоренія турецкихъ семействъ, до ихъ домашнихъ горестей?.. Войди ты въ жилище кади, ты увидишь опрятность, нѣкоторое изящество, потребность даже роскоши... Какъ же удовлетворить этому? На любезности консуловъ шелковыхъ шубокъ на рысьемъ мѣху тремъ женамъ не сошьешь, черкешенку имъ въ помощницы не купишь. Чубуки съ янтарями и серебряныя чашечки для кофе не заведешь! А Петраки-бей даетъ и на шубку, и на чубукъ, даже на черкешенку... Онъ самъ отыщетъ ему даже эту черкешенку! И турки, мой другъ, люди, и у нихъ есть душа, желанія, нужды и горести! Что жъ дѣлать! Вотъ тебѣ и уголовный судъ. Быть драгоманомъ русскимъ? это дѣло другое. Достигни этого, и тогда Исаакидесъ дастъ тебѣ, по крайней мѣрѣ, 200 лиръ золотыхъ, теперь же. Положимъ, дѣло его не совсѣмъ чисто; есть подозрѣніе, что нѣкоторыя расписки украдены имъ у бея. Но тебѣ что до этого за дѣло? Ты этого знать не обязанъ. И много ли дѣлъ въ торговомъ судѣ такихъ, чтобъ одинъ былъ чистъ, а другой вовсе нечистъ? Мнѣ, какъ предсѣдателю тиджарета, тоже нѣтъ до этого дѣла. Я, конечно, насколько позволяетъ мнѣ законъ, буду защищать бея, ибо консулы завели обычай и въ правомъ, и въ неправомъ дѣлѣ защищать своихъ подданныхъ. На насъ, турецкихъ чиновникахъ, поэтому лежитъ прямая обязанность сколько возможно отстаивать права турецкихъ под-

данныхъ противъ иностранныхъ. Консулы хвастаются другъ передъ другомъ количествомъ процессовъ, которые они выиграли неправдой. Турція — это для нихъ арена самоуправства и молодечества и больше ничего. Ты знаешь, что дѣлаютъ французскіе консулы? Или лучше сказать, чего только они не дѣлаютъ? Итакъ мнѣ дѣла нѣтъ до вашихъ сдѣлокъ съ Исаакидесомъ; будучи судьей, я свидѣтелемъ быть не могу. Тебя я люблю и вижу твое горе. Возьми деньги съ Исаакидеса, переведи тяжбу съ Шерифъ-беемъ на себя и будь покоенъ. Если Исаакидесъ впослѣдствіи проиграетъ дѣло — ты тѣхъ денегъ не потеряешь, которыя возьмешь съ него въ задатокъ теперь. Не выиграешь лишь той части, которую выдалъ бы тебѣ Исаакидесъ при взысканіи съ бея всего. Что касается до Петраки-бея, то въ соглашеніе съ нимъ не входи и ничего ему не уступай и не плати теперь. Достань себѣ мѣсто русскаго драгомана, возьми 200 лиръ съ Исаакидеса, возьми отпускъ и поѣзжай скорѣй въ Тульчу. Я тебѣ дамъ письмо къ одному жиду, банкиру въ Константинополѣ, которому, я знаю, много долженъ тульчинскій теперешній паша. Онъ приметъ тебя хорошо, и съ рекомендаціей этого жида ты иди къ пашѣ смѣло. Онъ будетъ на твоей сторонѣ, сколько есть силъ. Вотъ тебѣ еще совѣтъ. Въ сношеніе съ Петраки не входи, а если будетъ очень трудно, дай Марко-бею, его брату, предсѣдателю тиджарета, хорошую взятку. Это все-таки облегченіе.

Когда Чувалиди это сказалъ, отецъ мой говорилъ, что онъ вскочилъ отъ изумленія на диванѣ.

— Какъ брату родному противъ брата дать взятку? Но вѣдь они не въ ссорѣ, и всѣ дѣла у нихъ вмѣстѣ?

А Чувалиди, сказывалъ отецъ, какъ демонъ улыбался и смотрѣлъ на него...

— Дай взятку Марко-бею, — повторилъ онъ, — не очень большую; лиръ тридцать, сорокъ, не самъ, а черезъ кого-нибудь, для того чтобы дали тебѣ честное слово хоть годъ одинъ тебя не трогать и дать тебѣ поправиться. Надо поставить и себя на ихъ мѣсто. Они не въ ссорѣ между со-

бой, ты говоришь? Тѣмъ лучше. Они посовѣтуются между собою по-братски. Жить у нихъ есть чѣмъ, слава Богу. Зачѣмъ же имъ спѣшить? Какая выгода? «Вотъ, скажутъ они про тебя, дуракъ, еще платитъ сверхъ того, что̀ мы съ него послѣ возьмемъ!» Подумаютъ и о томъ, что ты русскій драгоманъ теперь и что теперь съ тобой труднѣе бороться. А ты дай взятку, братья подѣлятся быть можетъ, ты же отдохни и пріѣзжай сюда назадъ. Все легче такъ, чѣмъ итти на соглашеніе; за что̀ же? Меньше 500 лиръ они не возьмутъ.

Такими рѣчами этотъ хитрецъ нашъ загорскій оживилъ, воскресилъ отца.

Отецъ обнималъ его, а Чувалиди былъ самъ очень тронутъ и говорилъ: «Что жъ дѣлать, другъ! свѣтъ такой!»

Теперь затрудненіе главное было за г. Бакѣевымъ. Отецъ попросилъ было доктора итти къ нему и помириться для его пользы. Но докторъ затопалъ, закричалъ: «Нѣтъ, никогда, никогда! Бакѣевъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы я могъ предъ нимъ смириться. Это не Благовъ! Нѣтъ! Никогда».

Что было дѣлать? Пошелъ отецъ самъ къ Исаакидесу, и съ Бакѣевымъ все тотчасъ же устроилось. Къ счастію Исаакидесъ не зналъ ничего еще ни о томъ, что домъ нашъ въ Тульчѣ сгорѣлъ, ни о томъ, что отецъ самъ собирается на Дунай. Конечно, отецъ ничего ему не сказалъ; иначе онъ далъ бы меньше. Теперь, считая отца въ самомъ хорошемъ положеніи, онъ съ радостію согласился дать ему 200 лиръ тотчасъ же, какъ только увидитъ, что Бакѣевъ сообщилъ въ Порту бумагу о назначеніи отца драгоманомъ русскимъ. Исаакидесъ сказалъ: «Я самъ пойду просить объ этомъ г. Бакѣева». И тотчасъ же пошелъ, предлагая отцу подождать его въ кофейнѣ. Бакѣевъ согласился; но затрудненіе вышло неожиданное изъ Порты.

Паша отвѣтилъ на бумагу Бакѣева, что Порта Полихроніадеса эллинскимъ подданнымъ признать не можетъ, и потому, какъ турецкому подданному, Полихроніадесу необходимо вытребовать особый фирманъ изъ Константинополя для признанія его драгоманомъ.

Опять мученье и хлопоты.

Тутъ и мнѣ пришлось бѣгать по разнымъ мѣстамъ, потому что дождь полился проливной и отцу моему Коэвино запретилъ выходить нѣсколько дней, чтобы не испортить глаза на дорогу.

Я внимательно выслушивалъ приказанія отца и исполнялъ ихъ съ величайшею точностью... Я видѣлъ, что отецъ былъ доволенъ мною.

Трудно было. Бакѣевъ сердился на пашу; и это отчасти сдѣлало намъ пользу, потому что онъ горячѣе взялся отъ досады за дѣло. Онъ говорилъ: «Я покажу пашѣ, что я значу».

Исаакидесъ совѣтовалъ, напротивъ, не горячиться; онъ находилъ, что можно ужъ и не слишкомъ спѣшить.

«Напишите въ Константинополь», говорилъ онъ Бакѣеву.

А намъ нужно было, напротивъ того, именно спѣшить... Признаться Бакѣеву о пожарѣ? Быть можетъ онъ Исаакидесу скажетъ. Просить: «не говорите?» «Почему?» Подозрѣнія будутъ, недовѣріе. Просили Чувалиди хлопотать въ Портѣ; но онъ отказался рѣшительно и сказалъ: «Нѣтъ, этого я не могу». Но совѣтъ опять хорошій далъ, чтобы г. Бакѣевъ, по крайней мѣрѣ, выхлопоталъ у паши такого рода согласіе: обозначить отца въ бумагѣ отъ консульства просто загорскимъ уроженцемъ, не упоминая о подданствѣ. Исаакидесъ опять уговорилъ Бакѣева. Бакѣевъ написалъ новую бумагу и частнымъ образомъ послалъ предложить пашѣ, чтобы старая была возвращена и сочтена, какъ говорится по международному праву, «nulle et non avenue». Паша колебался. Мы не знали, что̀ дѣлать.

Можно было бы доктору пойти къ Абдурраимъ-эффенди и просить его ходатайствовать черезъ друзей въ Портѣ. Но отецъ находилъ, что это уже слишкомъ подло и жестоко дѣйствовать по этому дѣлу черезъ дядю, когда цѣль всѣхъ хлопотъ есть переводъ на имя наше тяжбы Исаакидеса съ Шерифъ-беемъ, который ему замѣнялъ сына и который его очень любилъ. «Нѣтъ у меня на

это сердца», говорилъ отецъ. И противъ доктора было стыдно.

Разъ утромъ встали; я сталъ говорить съ Гайдушей объ этихъ затрудненіяхъ (конечно не обо всемъ; о дѣлѣ Исаакидеса и Шерифъ-бея я тогда почти и не зналъ ничего, а только о пожарѣ и о драгоманатѣ, который намъ былъ бы полезенъ). Гайдуша сказала:

— Не бойся, Богъ великъ. Скажи-ка еще разъ пояснѣе, чего хочетъ отецъ?

Я сказалъ съ точностью о греческомъ и турецкомъ подданствѣ, и фирманѣ, и колебаніяхъ паши.

Гайдуша сейчасъ же пошла въ гаремъ Ибрагимъ-бея, зятя паши. Тамъ служила по найму одна арабка, старая пріятельница Гайдуши. Она прежде была рабою другого хозяина, убѣжала отъ него, нуждалась, боялась наказанія, и Гайдуша долго скрывала ее у доктора въ домѣ, кормила и свела потомъ во французское консульство, гдѣ ее приняли подъ защиту и освободили вовсе изъ рабства.

— Я все сдѣлаю, — сказала Гайдуша уходя.

Черезъ два-три часа она возвратилась изъ гарема съ тріумфомъ. Дочь паши взялась попросить мужа о признаніи отца драгоманомъ безъ обозначенія подданства въ бумагѣ.

Отецъ отдыхалъ, когда она принесла эту радостную вѣсть. Но мы съ докторомъ посадили энергичную хромушку и заставили подробно разсказывать, какъ она это дѣло обдѣлала. И она разсказала намъ все.

— Я взяла цѣлый узелъ тѣхъ маленькихъ апельсиновъ, которые намъ прислали изъ Корфу. Потомъ зашла въ англійское консульство и отъ имени доктора попросила у самого консула большой букетъ лучшихъ его цвѣтовъ. Онъ велѣлъ мнѣ нарвать, сколько хочу. Оттуда я пошла прямо на кухню къ своей арабкѣ. Она мнѣ очень обрадовалась. Я отдала ей букетъ и апельсины и сказала: «Эти фрукты, которые намъ присланы издалека и зовутся *мандаринами*, докторъ Коэвино посылаетъ съ большими поклонами Ибрагиму-эффенди. Цвѣты также онъ посылаетъ ему, какъ рѣд-

кость въ это время года и потому, что бей любитъ все прекрасное».

— Браво, браво! — кричалъ докторъ и рукоплескалъ ей.

Гайдуша продолжала:

— Арабка отнесла все дочери паши, возвратилась съ благодарностью и сказала: «У нея жена Мухасе-беджи въ гостяхъ сидитъ; она критская и по-гречески знаетъ». Потомъ арабка стала смѣяться, а я говорю ей: «Не смѣйся, голубка, душа моя болитъ!» Она спрашиваетъ: «Отчего, глупая, имѣешь ты такую печаль?» Я тогда говорю: «Есть у доктора другъ, загорецъ, г. Полихроніадесъ; онъ живетъ у насъ теперь въ домѣ и глазами страдаетъ. У него на Дунаѣ домъ сгорѣлъ, а его паша драгоманомъ русскимъ признавать не хочетъ. И онъ плачетъ и сынокъ молодой плачетъ... Вотъ печаль моя». Арабка говоритъ: «Подожди». И пошла туда. «Иди, говоритъ, тебя зовутъ. Я сказала, что ты пѣсни знаешь хорошія». Пошли мы. Сидитъ дочь паши, важная, хотя и рябоватая, но пріятная очень женщина; воздухъ отъ нея такой пріятный вѣетъ. Одѣта по-домашнему, просто; а рядомъ съ ней Мухасе-беджидина красуется. Молоденькая, волосики какъ у мальчика остриженные съ боковъ, носикъ какъ у канареечки и голосокъ какъ у соловья... И одѣта, одѣта! Въ настоящій шелкъ небеснаго цвѣта. Съ длинными двумя хвостами на широкихъ шальварахъ. А на головкѣ три завѣздочки изъ алмазовъ трясутся. «Ба, — думаю я, — нашелъ себѣ нашъ Мухасе-беджи сокровище!» И веселая такая; все говоритъ и все смѣется. Пашапула погордѣе; больше молчитъ и стыдится. А та, критская, сейчасъ мнѣ по-гречески: «Это ты хорошія пѣсни знаешь? Пой, чтобы намъ веселѣе было». Я говорю: «Что̀ прикажете?» Она по-турецки у пашапулы спросила; та говоритъ: «Что̀ знаетъ. Хорошее». Я стала прямо противъ пашапулы и запѣла:

А, а! Ханумъ-эффенди моя...
А, а! Пашапула моя...
Изъ злата было то чрево, что̀ родило тебя!
Изъ серебра были сосцы, что̀ питали тебя...

И пою, и пою.

Дочь паши улыбается. «Еще!»—сказала Мухасе-беджидина. Я еще пою. — «Еще». — Я еще. — «Ну, довольно, говоритъ сама пашапула, — отдохни, сядь». Я не сажусь. Она опять: «Сядь». Я сѣла на полъ. «На стулъ сядь». Я говорю: «Не могу на стулѣ я при такихъ султаншахъ сидѣть. Этого слова и не говорите мнѣ!» Посидѣли. Велѣла она арабкѣ мнѣ кофе дать. Арабка говоритъ: «Она и сказки знаетъ». А Мухасе-беджидина вдругъ закрылась рукой, засмѣялась и спрашиваетъ: «А докторъ отчего не женится?» Пашапула ей: «Бракъ, бракъ!» (оставь, оставь это). А та припала къ ней на плечо, умираетъ отъ смѣха. «Нѣтъ, скажи, отчего твой докторъ не женится?» Я говорю: «Не нравятся ему дѣвицы здѣшнія. Онъ все жалѣетъ, что онъ не турокъ; онъ говоритъ: турчанки благороднѣе нашихъ, воспитаннѣе, нѣжнѣе... У нашихъ руки грубы». — «Смотри, смотри!» говоритъ Мухасе-беджидина. А пашапула ей: «Переведи по-турецки, что она говоритъ». И когда та ей перевела, пашапула тоже покачала головой и сказала: *«бакъ! бакъ!* Смотри, — какія слова!» Такъ я ихъ долго занимала и веселила. А потомъ арабка моя говоритъ имъ: «Она другихъ веселитъ, а сама печаль о друзьяхъ имѣетъ». И разсказала имъ о киръ-Йоргаки. Пашапула пожала плечами и сказала съ гримасой: «Я такія вещи почемъ знаю!» Я говорю арабкѣ: «Ты зачѣмъ это сказала? Госпожа гнѣвается теперь». Начали онѣ тогда по-турецки скоро, скоро говорить и обѣ госпожи и арабка. Я сижу и не понимаю ничего. Подъ конецъ пашапула говорила что-то Мухасе-беджидинѣ долго, и толковала ей, и глаза у нея заблистали, и щеки зарумянились. И послѣднія ея слова и я даже поняла. «Скажи ей это по-ромейски. Хорошо, хорошо!» Мухасе-беджидина перевела. «Вотъ тебѣ что Ханумъ-эффенди говоритъ. Отчего жъ вы, христіане, отъ насъ помощи просите? Вѣдь вы говорите, что турки всѣ злые и жестокіе... Отчего?» Я говорю: «Простите. Это не такъ!»— «Какъ не такъ?» — «Не такъ!» — «А какъ?» — «А вотъ какъ: когда я еще маленькой была, отецъ мой простымъ носиль-

щикомъ былъ. Случился неурожай въ нашихъ селахъ, голодъ. Потомъ собрали и хлѣба и денегъ. А пришлось такъ, что мать моя три дня не ѣла. Пріѣхалъ простой турецкій солдатъ въ село. — «Хозяйка, — говоритъ онъ матери, —что ты лежишь? Вставай. Жарь мнѣ курицу. Да что съ тобой? Отчего ты такъ крѣпко подпоясалась?» Мать ему сказала: «Я три дня не ѣла!» Тогда онъ изъ своего мѣшка вынулъ хлѣбъ большой, отдалъ ей и сказалъ: «Больше нѣтъ у меня», и самъ голодный уѣхалъ. Тогда мать говорила мнѣ: «Ахъ, дочка, дочка! добрѣе добраго турка нѣтъ человѣка другого! За ихъ доброту видно Богъ и Девлетъ ихъ сохраняетъ такъ долго!» Это разъ, говорю я, а другое то, что я у доктора Коэвино давно живу, который турокъ больше уважаетъ, чѣмъ христіанъ, и я отъ него много просвѣтилась. Человѣкъ онъ учености не здѣшней, а европейской, извольте хотя бы у вашихъ спупруговъ, у беевъ спросить». Кончила я. А Мухасе-беджидина птичка по-турецки запѣла, и пашапула улыбалась, слушая ее. Потомъ отпустили онѣ меня ласково, и дочь паши обѣщалась попросить мужа за киръ-Йоргаки. Арабка проводила меня и сказала: «Заходи чаще. Онѣ тебя хвалятъ и говорятъ: *Разное, разное* — знаетъ эта женщина!» Вотъ какъ я сдѣлала!

Такъ кончила Гайдуша свой разсказъ, и мы съ докторомъ опять рукоплескали ей.

Отецъ проснувшись узналъ отъ насъ все; онъ былъ и радъ, и благодарилъ Гайдушу много за ея труды, но вѣрить успѣху не хотѣлъ.

— Нѣтъ мнѣ добраго часу ни въ чемъ въ этотъ разъ! — говорилъ онъ вздыхая. — Ошибся я, когда думалъ, что старая мать чауша принесла мнѣ удачу!

Мы всѣ старались его утѣшить.

Пашапула, однако, сдержала свое обѣщаніе. На другой же день паша, увидавъ Чувалиди, спросилъ у него объ отцѣ:

— Ты знаешь его?

— Онъ соотчичъ мнѣ, изъ одного села, — отвѣчалъ Чувалиди.

— Хорошій человѣкъ?

— Человѣкъ тихій, — сказалъ Чувалиди.

— Ссоръ въ судахъ и дерзостей не любитъ?

— Нѣтъ, не любитъ.

— Это главное въ драгоманѣ. А то они хуже консуловъ дерзки и горды становятся, когда ихъ консулы изъ грязи поднимутъ. А каковъ онъ съ политической стороны?..

Чувалиди на это отвѣчалъ смѣясь:

— Меня, паша-эффенди, считаютъ всѣ вашимъ шпіономъ и потому при мнѣ остерегаются. Я не знаю, какія мнѣнія у Полихроніадеса. Знаю только, что онъ въ дѣлахъ худыхъ и опасныхъ, кажется, замѣшанъ никогда не былъ. Впрочемъ поручителемъ я ни за кого быть въ политикѣ не берусь.

Паша засмѣялся и велѣлъ признать отца моего драгоманомъ.

Въ тотъ же вечеръ Исаакидесъ далъ отцу моему двѣсти лиръ и вексель на Рауфъ-бея. О пожарѣ и о скоромъ отъѣздѣ отца онъ все еще и не подозрѣвалъ ничего, и когда отецъ сказалъ ему, что не такъ-то пристойно будетъ новому драгоману начинать службу съ защиты собственнаго процесса въ торговомъ судѣ, Исаакидесъ сказалъ: «Это правда; это вы хорошо говорите. Подождемъ двѣ недѣли! Сказать и то, что такъ какъ Благову не будетъ охоты удалить васъ, потому что онъ васъ любитъ, то при немъ будетъ и лучше для тяжбы, онъ защищать дѣла умѣетъ, разумѣется, искуснѣе, чѣмъ бѣдный м-сье Бакѣевъ. У Бакѣева одно слово: «это возмутительно!» А толку мало; хоть онъ и другъ мнѣ: *«но Платонъ другъ, а истина еще мнѣ милѣе!»*

Такъ успокоился Исаакидесъ; и мы съ отцомъ тоже спокойнѣе взялись тогда за мое устройство въ Янинѣ и за приготовленіе къ отъѣзду на Дунай.

XII.

Всѣ страданія отца и всѣ заботы его о тяжбахъ, о нуждахъ, о торговлѣ нашего дома не могли, однако, заставить его на мигъ забыть о моемъ устройствѣ въ Янинѣ, то-есть о такомъ устройствѣ, которое могло бы быть и надежно и безвредно для моей нравственности.

О домѣ г. Благова отецъ въ первые дни запретилъ и думать. Образъ жизни въ русскомъ консульствѣ казался ему слишкомъ открытымъ и шумнымъ для той ученической и трудовой жизни, которой я долженъ былъ (да и самъ хотѣлъ отъ всего сердца) предаться.

О самомъ Благовѣ отзывался хорошо не одинъ только Коэвино, но очень многіе.

Люди говорили, что политики его еще нельзя было ясно понять въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ мѣсяцевъ его службы въ Эпирѣ. Замѣчали всѣ, однако, что онъ сразу умѣлъ очень понравиться пашѣ, и вотъ по какому, можетъ быть и ничтожному, поводу.

Г. Благовъ очень любитъ простой народъ. «Онъ, кажется, демократъ» (такъ говорили наши греки; но они ошибались).

Разъ было гулянье за городомъ. Народу было много. Благовъ пришелъ туда съ Бакѣевымъ, съ Коэвино, съ Бостанджи-Оглу и нѣсколькими другими гостями; съ двумя кавассами, со слугами, разодѣтыми по-праздничному, въ золотыя куртки и фустанеллы чистыя какъ снѣгъ; съ коврами разноцвѣтными, съ чаемъ, русскимъ самоваромъ, фруктами и виномъ; самъ расфранченный по-русски въ бархаты и выпустивъ красную шелковую рубашку поверхъ шальваръ. Велѣлъ разостлать ковры въ тѣни; послалъ за музыкой, выбралъ лучшихъ юношей изъ толпы, чтобъ они плясали около него албанскія пляски. Молодцы пили вино, пѣли и плясали во здравіе консула; г. Благовъ пилъ свой чай и кофе съ друзьями на коврахъ. Пришелъ старикъ Хаджи-Сулейманъ (тотъ самый дервишъ съ алебардой, кото-

рый меня напугалъ); Благовъ посадилъ его съ собой на коверъ, угощалъ его чаемъ и далъ ему свѣжую розу подсунуть на вискѣ подъ колпакъ.

Народъ весь, и христіане, и турки, и евреи, всѣ радовались на благородное консульское веселье. Составила вся толпа широкій, преширокій кругъ; передніе посѣли на землю, чтобы заднимъ не мѣшать смотрѣть, и полиція турецкая сидѣла тутъ же и веселилась.

Говорятъ, что это было прекрасно!

Проѣхалъ тоже по дорогѣ около этого мѣста г. Бреше съ женой; оба верхами. Заптіе тотчасъ же въ испугѣ повскакали; встали и христіане нѣкоторые; но г. Благовъ сказалъ громко своимъ кавасамъ:

— Скажите имъ, чтобъ они сидѣли смирно и веселились, когда я тутъ.

Такъ злой французъ и проѣхалъ мимо, замѣченный только на минуту. Хотѣлъ, кажется, и австрійскій консулъ, бѣдный, показаться народу. Вышелъ толстякъ съ женой и шестью дѣтьми своими. Такъ они и прошли, никто на нихъ и не взглянулъ даже. Только одна старуха сказала: «Вотъ какъ эту франкису, католичку эту, благословилъ Богъ! сколько дѣтей! А у твоей дочери ни одного нѣтъ».

Все такъ было мирно и весело. Немного было испортилось дѣло на минуту, но г. Благовъ и то поправилъ сейчасъ же. Одинъ пожилой грекъ, который долго жилъ въ Египтѣ и умѣлъ танцовать по-арабски, закричалъ изъ круга дервишу Хаджи-Сулейману, не хочетъ ли онъ вмѣстѣ проплясать.

Хаджи-Сулейманъ былъ родомъ феллахъ. Онъ согласился и сталъ съ греками плясать. Разбѣгались они и сбѣгались по-арабски долго; потомъ грекъ, желая, по глупости своей, надъ столѣтнимъ дервишемъ позабавиться, толкнулъ его; тотъ ему отвѣтилъ, и началась борьба. Грекъ былъ роста большого, силенъ и лѣтъ не старше пятидесяти; онъ шутилъ, но дервишъ сердился и начиналъ уже драться крѣпко, видя, что не можетъ одолѣть грека. Г. Благовъ тотчасъ же понялъ, что такого рода игры не удобны предъ

толпою разновѣрною, разнородною. Когда грекъ повалилъ дервиша, Благовъ закричалъ ему по-гречески: «брось его, дуракъ; чему ты обрадовался? Что поборолъ столѣтняго старца! Попался бы ты ему лѣтъ двадцать тому назадъ, онъ показалъ бы тебѣ, каковъ онъ былъ прежде!»

Грекъ нашъ вскочилъ и скрылся въ толпу; а Хаджи-Сулейманъ важно возвратился къ благородному обществу на ковры и сѣлъ около консула.

Турки хвалили доброе сердце г. Благова, а греческіе архонты хвалили его умъ. «Могли бы отъ неосторожности ссора и скандалъ великій выйти. Наши греки, египетскіе работники, головорѣзы великіе; и турокъ было довольно много на гуляньѣ. Умный человѣкъ г. Благовъ!»

Молодцы христіане, которые плясали на гуляньѣ, пришли послѣ въ консульство и тамъ праздновали до полуночи, пили, плясали опять на дворѣ и пѣли разныя пѣсни. Одинъ изъ нихъ бросилъ вверхъ пустой стаканъ выше дома, и стаканъ не разбился.

Тогда всѣ молодцы закричали: «Zito! Да здравствуетъ Россія! Крѣпка она! Zito!»

Г. Благовъ вышелъ на балконъ, посмѣялся съ ними и отпустилъ ихъ говоря: «Смотрите, не буяньте, а то попадетесь туркамъ». И легъ спать. Только что онъ легъ, вдругъ въ двери консульства стучатъ. Что́ такое? Матери молодцовъ пришли и плачутъ, что ихъ сыновей турки въ тюрьму заперли. Г. Благовъ успокоилъ этихъ женщинъ и самъ поутру вставъ поѣхалъ къ пашѣ.

— Мнѣ очень жаль, — сказалъ онъ ему, — что въ самомъ началѣ нашего знакомства уже случаются непріятности.

Разсказалъ, какъ у него народъ пѣлъ на дворѣ и какъ заперли молодцовъ.

— Здѣшній эпирскій простой народъ, и мусульмане и греки, всѣ драчуны и буяны, я ихъ знаю, — сказалъ ему паша смѣясь. — Они любятъ всякія исторіи. Эти шалуны были безъ фонаря и кричали на улицѣ. Когда заптіе ихъ остановили, они выругались, и часть ихъ ушла, а двое попались. Они бранили полицію.

На это Благовъ отвѣчалъ:

— Я не имѣю офиціальнаго права защищать турецкихъ подданныхъ и вѣрю, что эти мальчишки виноваты сами; но знаете что́? Хорошо ли для васъ самихъ, для турецкой власти, чтобы народъ говорилъ: «Не за то, что мы бранились насъ заперли, а за то, что мы именно у русскаго консула веселились. Намъ и веселиться съ единовѣрцами нельзя!»

— Это я и самъ понимаю и хочу забыть это дѣло въ угоду вамъ, — сказалъ паша. Онъ позвалъ офицера и велѣлъ ихъ выпустить.

Съ этой минуты паша и Благовъ сошлись.

Паша хвалилъ его и за тактъ, съ которымъ онъ не далъ разыграться страстямъ при себѣ на гуляньѣ (ибо, конечно, онъ узналъ все объ исторіи съ дервишемъ), и за то, что онъ такъ добродушно угощаетъ этого юродиваго дервиша, не дѣлаетъ различія между своими единовѣрцами и турками, за то, наконецъ, что онъ такъ деликатно и тонко выхлопоталъ прощеніе молодымъ повѣсамъ нашимъ.

Всѣ говорили, что старый паша съ тѣхъ поръ уже очень полюбилъ г. Благова и что онъ предпочитаетъ его всѣмъ остальнымъ консуламъ. Самъ онъ бываетъ у него рѣдко, боясь возбудить зависть другихъ агентовъ, къ которымъ у него нѣтъ и охоты даже ѣздить часто; но онъ ужасно радъ, когда Благовъ приходитъ къ нему; вскакиваетъ, спѣшитъ къ нему навстрѣчу съ крикомъ: «Милости просимъ, милости просимъ!» угощаетъ его турецкими пирожками, совѣтуется съ нимъ насчетъ своихъ археологическихъ занятій и съ удовольствіемъ дѣлаетъ ему *хатыръ* *) тамъ, гдѣ только можетъ.

Чувалиди, который, несмотря на всю свою важность и медленность, умѣлъ иногда очень хорошо передразнивать людей, презабавно представлялъ, какъ паша хвалилъ *всѣхъ* консуловъ Всѣ они у него хорошіе люди; каждый «эи-адамъ!», но, хваля ихъ, старикъ такъ искусно умѣлъ мѣнять

*) *Хатыръ* — угода.

тонъ и выраженіе лица, что каждый понималъ всю глубокую разницу его чувствъ и скрытыхъ мнѣній.

Надо было видѣть, какъ умѣлъ Чувалиди, сидя на диванѣ, подражать ему, какъ у него удивительно быстро мѣнялись лицо и голосъ.

Про Корбетъ де-Леси, напримѣръ, Рауфъ-паша говорилъ снисходительно и сострадательно:

— Эи-адамъ! Хорошій человѣкъ! *старичокъ*.

Про Киркориди, эллина, сухо и равнодушно: «эи-адамъ».

Про австрійскаго консула серьезно и значительно:

— Эи-адамъ. Очень хорошій человѣкъ; уступчивый, сговорчивый, вчера онъ мнѣ сдѣлалъ большую уступку.

Про г. Бреше съ досадой и безпокойствомъ:

— Эи-адамъ! Хорошій человѣкъ. Что́ будемъ дѣлать! Франція очень сильная держава!

Но когда рѣчь заходила о Благовѣ, Рауфъ-паша восклицалъ съ восторгомъ:

— А! Благовъ, прекрасный молодой человѣкъ! Прекрасный! Пріятный молодой человѣкъ, откровенный, умный! Это *садъ*, увѣряю васъ, *садъ*, а не человѣкъ.

Говорятъ, будто бы паша даже часто обнималъ и цѣловалъ Благова и звалъ его: «сынъ мой!»

Вліяніе сильное имѣли на пашу только Благовъ и Бреше. Англичанинъ и австріецъ охотно сами ему во всемъ почти уступали, — одинъ по равнодушію и лѣни, другой по личной боязливости и вслѣдствіе слабой поддержки отъ интернунція. Киркориди тоже уступалъ пашѣ нерѣдко, хотя и поневолѣ. Самъ онъ былъ довольно тонокъ и очень твердъ; но Грецiя была слаба и вѣчно враждебна.

Рауфъ-паша угождалъ только двумъ агентамъ: Бреше — изъ страха и личнаго, и политическаго, а Благову — изъ политическаго страха и изъ душевной къ нему симпатіи.

Къ тому же люди говорили, что Благовъ, когда захочетъ, такъ умѣетъ быть очень рѣшительнымъ и твердымъ.

Благовъ въ короткое время успѣлъ также пріобрѣсти и расположеніе, конечно, не всѣхъ, но многихъ архонтовъ янинскихъ. Они приходили въ консульство съ утра. И

г. Благовъ принималъ ихъ всѣхъ равно и просто: пилъ при нихъ свой чай, смѣялся, разспрашивалъ новости, выслушивалъ жалобы, самъ разсказывалъ имъ много, и если не всегда могъ помочь, то старался ободрить и утѣшить. Часто обѣдали у него наши греки-купцы, доктора, учителя. Часто въ консульствѣ играла музыка; и самъ г. Благовъ дѣлалъ грекамъ нерѣдко визиты; по вечерамъ у него иногда консулы или архонты наши играли въ карты далеко за полночь. Проигрывалъ онъ какъ будто охотно и не огорчался. Большія ворота консульства были съ утра до ночи настежь открыты по его приказанію; нищихъ не отгоняли никогда, и жизнь, и движенье, и дѣятельность, разговоры и шумъ въ этомъ домѣ не прекращались ни на мигъ.

Отцу моему очень нравилось все, что́ онъ слышалъ о г. Благовѣ, и онъ говорилъ, слушая эти разсказы:

— Вотъ консулъ! вотъ молодецъ!

Но меня отдавать въ такой шумный и веселый домъ онъ, разумѣется, не желалъ: «Всякому свое мѣсто!» говорилъ онъ.

Особенно одно обстоятельство было ему не по вкусу.

При одной труппѣ янинскихъ цыганъ-музыкантовъ была пожилая танцовщица мусульманка, и у нея была молоденькая дочка Зельха.

Зельха имѣла отъ роду всего четырнадцать лѣтъ; собой она была то, что́ турки зовутъ *назикъ*, граціозная, нѣжная, милая. Я ее видѣлъ тогда же и не нашелъ ее красивою: губы у нея были очень толсты и носикъ круглый, какъ у черныхъ арабокъ; глаза только большіе, смѣлые, черные-пречерные. Худа была такъ Зельха, что ее многіе считали за переодѣтаго мальчика. Думали, что старая танцовщица, не имѣя дочери, на замѣнъ себѣ обучала сына плясать и сбирать деньги съ тамбуриномъ, разсчитывая, что онъ успѣетъ набрать довольно до тѣхъ поръ, пока возмужаетъ замѣтно.

Другіе говорили, что это ложь и что Зельха дѣвушка.

Вотъ эту Зельху г. Благовъ очень ласкалъ и баловалъ; это была его любимая танцовщица на всѣхъ вечерахъ и пикникахъ, которые онъ давалъ у себя или за городомъ.

Зельха стала скоро нарядна какъ картинка; у нея были голубыя, лиловыя, красныя юбки съ большими цвѣтами и золотою бахромой, курточки шитыя, фески новыя съ голубыми кистями; шея ея была вся убрана австрійскими червонцами и турецкими лирами, и, незадолго до своего отъѣзда въ Загоры, г. Благовъ далъ ей огромную золотую австрійскую монету въ шесть червонцевъ, чтобы носить напереди ожерелья.

Когда у нея спрашивали: «Зельха, дитя мое, откуда у тебя столько золота на шеѣ?» она отвѣчала: «Мнѣ его отецъ мой московскій далъ».

Молодые греки, которые вмѣстѣ съ ней иногда у Благова плясали, звали ее: «Турецкій червонецъ съ россійской печатью».

Турки въ городѣ тоже смотрѣли на эту дружбу довольно благосклонно и смѣялись.

Самъ старикъ Рауфъ-паша разъ пошутилъ съ дѣвочкой этой. На одномъ турецкомъ пиру Зельха по приказанію хозяина подала пашѣ на подносѣ водку. Паша тихонько спросилъ ее: «Ну, какъ идутъ дѣла съ русскимъ?»

Зельха отъ ужаса чуть не уронила подносъ; онѣ обѣ съ матерью едва дождались окончанія вечера, до утра проплакали, а поутру пришли въ консульство и закричали:

— Аманъ! аманъ! Мы погибли! Насъ въ далекое изгнаніе пошлютъ!.. Грѣхъ великій у насъ такія дѣла...

Благовъ очень этому смѣялся, и конечно никто танцовщицу и не думалъ тревожить.

Люди, которые знали дѣло близко, увѣряли, что отношенія эти между молодымъ консуломъ и танцовщицей совершенно невинны и чисты. Просто турецкое дитя очень занимаетъ консула новизной рѣчей своихъ, капризовъ и разныхъ ужимокъ. И онъ жалѣетъ ее къ тому же.

Коэвино, напримѣръ, ручался за Благова и клялся, что Благовъ любитъ и жалѣетъ Зельху платонически.

— Благовъ веселъ, — говорилъ докторъ, — но очень благороденъ и нравственъ, а Зельха слишкомъ молода. Но Благовъ сходенъ со мной, онъ любитъ все оригинальное, выразительное, особенное. О! я увѣренъ, онъ любитъ

Зельху идеально, за то, что она мусульманка, дика и дерзка и ничего не знаетъ. Онъ говорилъ мнѣ самъ: «Я васъ, Коэвино, люблю, ха! ха! ха! Да! я васъ, Коэвино, люблю за то, что вы безумецъ и оригиналъ»... О! Благовъ! о! мой артистъ... О! мой рыцарь! О! прекрасный Благовъ...

Такъ объяснялъ Коэвино отношенія консула къ молодой турчанкѣ. Такъ было и въ самомъ дѣлѣ, но не всѣ этому вѣрили.

И отецъ мой сказалъ доктору: «Все это хорошо, но не для насъ. Консулы люди большіе и могутъ имѣть свои фантазіи, а я человѣкъ неважный и желаю, чтобы сынъ мой жилъ въ домѣ скромномъ и тихомъ».

Я тогда подумалъ, что отецъ нарочно такъ сказалъ, чтобы вызвать доктора на предложеніе помѣстить меня въ одной изъ нижнихъ комнатъ; но тутъ же убѣдился, что это ошибка. Докторъ дѣйствительно помолчалъ, поморгалъ бровями, поглядѣлъ на насъ въ pinse-nez, еще помолчалъ, а потомъ съ нѣкоторымъ волненіемъ спросилъ: «А у меня нѣсколько времени жить онъ не можетъ?»

Отецъ поблагодарилъ его и отвѣчалъ, что подумаетъ. «Какъ бы не обременить тебя, и къ тому же отъ училища далеко».

Докторъ, по всему было замѣтно, очень обрадовался. Что касается до меня, то мнѣ уже надоѣла эта нерѣшительность, эти ожиданія и перемѣны. Къ умной Гайдушѣ за всю эту недѣлю я расположился всѣмъ сердцемъ и очень любилъ слушать ея пѣсни, остроты и разсказы. Доктора тоже пересталъ бояться. Я охотно остался бы въ этомъ просторномъ домѣ и сидѣлъ бы часто у окна, любуясь на зеленую площадь, покрытую старыми плитами еврейскаго кладбища, на турецкую большую караульню и на прохожій и проѣзжій народъ.

Я и сказалъ отцу наединѣ:

— Отецъ, отчего жъ бы и здѣсь не остаться, если докторъ хочетъ?

— Оттого, что не надо, — отвѣчалъ отецъ, и я замолчалъ.

Отчего жъ не надо? Что́ за перемѣна? Я пересталъ бо-

яться, а отецъ испугался чего-то. Безнравственности? Отношеній доктора съ Гайдушей? Но Гайдуша хрома, худа, постарѣла. Примѣръ не искусительный, и, живя одинъ въ городѣ, посѣщая друзей и молодыхъ товарищей, я увижу, если захочу, какіе-нибудь пороки болѣе соблазнительные и страшные своей привлекательностью? Не то это было!

Отецъ испугался, это правда; но чего? Онъ за эти дни узналъ отъ людей, отчего у Гайдуши на лѣвой щекѣ шрамъ небольшой, отчего у нея ротъ чуть-чуть искривленъ, когда она улыбается, и какъ года два тому назадъ у доктора горѣлъ домъ. Я тоже замѣтилъ и шрамъ и улыбку странную, слышалъ что-то еще въ Загорахъ объ этомъ пожарѣ, но не обратилъ ни на то, ни на другое большого вниманія.

Года два тому назадъ и прежде еще хаживалъ къ доктору въ домъ одинъ молодой столяръ. Онъ чинилъ потолки, мебель, двери, окна и съ Гайдушей былъ очень друженъ. Однажды послѣ полуночи, на самую великую утреню Пасхи, когда почти всѣ христіане были по церквамъ, увидалъ одинъ еврей пламя въ зеленомъ домѣ имама. «У Коэвино горитъ!» закричалъ онъ, и тогда вмѣстѣ съ нимъ бросилось двое турецкихъ жандармовъ изъ караульни и нѣсколько гречанокъ сосѣднихъ. Дверь выломали и погасили огонь. Докторъ былъ въ церкви, и домъ казался пустымъ. Но, заглянувъ въ одну изъ комнатъ, люди съ ужасомъ увидали на полу окровавленное тѣло Гайдуши. У нея на шеѣ и на щекѣ были раны; волосы вырваны клоками, и крови вытекло изъ нея такъ много, что платье и тѣло ея были прилипши къ полу. Однако замѣтили въ ней признаки жизни; побѣжали люди въ разныя стороны. Пришли доктора; пришли турецкіе чиновники; англійскій драгоманъ и кавассы. (Коэвино былъ подданный Іоническихъ острововъ.) Гайдуша ожила, и началось слѣдствіе. Убійца былъ столяръ; онъ и не долго отпирался; но увѣрялъ, что Гайдуша пригласила сама его этою ночью, чтобы вмѣстѣ ограбить доктора и убѣжать съ нимъ («такъ какъ она меня любила», сказалъ въ судѣ столяръ); онъ увѣрялъ еще, что она напоила его

пьянымъ и потомъ деньгами захотѣла завладѣть одна. Это показалось неправдоподобнымъ. Гораздо было естественнѣе и проще объясненіе Гайдуши: она признавалась, что можетъ быть и была нѣсколько расположена къ столяру, что онъ даже хотѣлъ на ней жениться; но грабить онъ вздумалъ самъ; началъ ломать ящикъ комода, въ которомъ у Коэвино лежало золото; она вступилась за собственность своего «хозяина, отца и благодѣтеля, который (такъ она и въ судѣ выразилась) ее дурой деревенской и сиротой въ домъ взялъ и человѣка изъ нея сдѣлалъ». Она вступилась, и тогда завязалась между нею и грабителемъ борьба на жизнь или смерть. Докторъ пламенно отстаивалъ вездѣ Гайдушу, и предъ турками и у консуловъ, прося ихъ поддержки. Столяра осудили работать въ тюрьмѣ янинской въ цѣпяхъ на нѣсколько лѣтъ и уплатить Гайдушѣ изъ заработковъ значительную сумму.

Однако дѣло многимъ все-таки казалось темнымъ. «Отчего же она не звала на помощь? Отчего она не кричала? говорили иные люди... Борьба видимо была долгая и тяжелая; Гайдуша ужасно смѣла и сильна, несмотря на свою худобу и малый ростъ». Такъ разсуждали иные люди... Отецъ готовъ былъ больше вѣрить доктору и Гайдушѣ; онъ говорилъ, что столяръ могъ съ начала самаго зажать ей ротъ или сдавить ей горло; и, видѣвъ преданность ея доктору и его хозяйству, вспоминая ихъ долгую жизнь вмѣстѣ, отецъ говорилъ: «Не думаю, чтобы женщина, которая не беретъ жалованья у человѣка за столько лѣтъ, вздумала грабить его! Но... но... лучше подальше отъ домовъ, гдѣ случаются подобныя дѣла!»

Позднѣе онъ объяснилъ мнѣ и больше.

— Ты тогда только что сталъ подрастать и былъ уже очень красивъ. Гайдуша женщина страстная, рѣшительная, бурная... Я боялся, дитя мое, за тебя.

Вотъ была та неизвѣстная мнѣ тогда причина, которая вооружила отца моего противъ докторскаго дома.

Мнѣ было очень это досадно тогда; я хмурился и грустилъ размышляя:

«Два дома веселыхъ въ Янинѣ, я слышу, есть: консульство русское и докторскій домъ, и въ нихъ-то мнѣ жить не дозволено! Нѣтъ, видно, мнѣ бѣдному счастья хорошаго въ этомъ городѣ!»

Послѣ того, какъ было получено изъ Тульчи письмо о пожарѣ, отецъ дня два только и думалъ, что о драгоманствѣ и о дѣлѣ Исаакидеса; но, кончивъ все это, онъ принялся думать опять обо мнѣ и даже ходилъ со мной вмѣстѣ смотрѣть мнѣ квартиру. Долго мы не могли найти ничего по нашему вкусу. Тамъ далеко отъ училища, тамъ очень дорого; здѣсь семейство не такъ-то хорошо; а тамъ по сосѣдству все цыганки живутъ, танцовщицы изъ оконъ выглядываютъ, нарумяненныя женщины на порогахъ сидятъ и смѣются.

Опять все та же Гайдуша сказала намъ: «Я васъ въ хорошее мѣсто сведу!» И привела она насъ въ церковь св. Николая, къ отцу Арсенію, старому священнику, у котораго мы и нашли маленькую комнату, окномъ на дворъ.

Отецъ Арсеній былъ вдовый старикъ, воспитывалъ при себѣ двухъ внучатъ, и кромѣ этихъ дѣтей и пожилой параманы никого у него и не было въ домѣ. Въ комнаткѣ моей стѣны были чистыя, бѣлыя, одинъ простой диванъ, шкапы въ стѣнахъ по-турецки; на окнахъ занавѣски бѣлыя, предъ окнами снаружи по стѣнѣ большія лозы винограда; столикъ и стулъ. Чего же лучше? Мнѣ полюбился сразу тихій церковный дворъ, мощеный плитками; а когда я остался на минуту одинъ въ той комнатѣ, которую мнѣ назначили, и облокотился на открытое окно, сухіе листья виноградной лозы вдругъ зашелестѣли отъ вѣтра; я вспомнилъ Загоры, и сердце мое сказало мнѣ: «здѣсь тебѣ жить!» Такая же точно лоза вилась у бабушки подъ окномъ, такъ же шелестѣли на ней осенью сухіе листья, и точно такая же трепетная тѣнь падала отъ нихъ на бѣлую занавѣску!..

«Здѣсь тебѣ жить!» сказало мнѣ сердце. Старикъ священникъ былъ сѣдой, почтенный, веселый, ласковый. Въ городѣ его уважали. Цѣну онъ взялъ небольшую за комнату и пищу мою. И такимъ образомъ все вдругъ хорошо

устроилось. И отъ училища недалеко, и недорого, и тихо, и удобно, и нравственно. Отецъ радовался, и я былъ радъ и про себя еще прибавлялъ: «и отъ русскаго консульства очень близко».

По возвращеніи домой отъ отца Арсенія отецъ мой тотчасъ же сталъ сбираться въ путь. Ему хотѣлось уѣхать, не начиная дѣла съ Шерифъ-беемъ. Доставъ себѣ на всѣ непредвидѣнные расходы 200 лиръ отъ Исаакидеса, онъ разсчитывалъ такъ: «надо уѣхать внезапно и оставить Исаакидесу записку съ извиненіями и обѣщаніемъ скоро вернуться, въ Тульчѣ кончить поскорѣе всѣ дѣла, возвратиться въ Янину и тогда уже, вникнувъ хорошенько въ сущность тяжбы Шерифъ-бея, рѣшиться либо начать ее, если въ ней нѣтъ мошенничества со стороны Исаакидеса, а если есть, то сказать ему, что раздумалъ, и возвратить ему тогда безъ труда эти 200 лиръ, которыя *теперь* намъ такъ дороги и необходимы». Обмануть Исаакидеса, такъ сказать, внутренно, оставаясь по внѣшности правымъ, и возвратить ему позднѣе его деньги, казалось отцу менѣе низкимъ, чѣмъ грабить въ судѣ заодно съ этимъ безсовѣстнымъ интриганомъ хорошаго человѣка. Но надежда перехитрить аѳинскаго патріота не осуществилась. Человѣкъ этотъ былъ вовсе не уменъ; но онъ былъ тѣмъ, что́ мы зовемъ «кутопóнировсъ» — глупо-хитрый человѣкъ. Когда дѣло касалось его денежныхъ выгодъ или политическихъ интригъ, онъ былъ неутомимъ, бдителенъ и ни на минуту не терялъ изъ вида своей главной цѣли. Онъ какъ-то сумѣлъ узнать о сборахъ отца на Дунай; прибѣжалъ взволнованный къ дому Коэвино и, не смѣя взойти внутрь, просилъ, чтобъ отецъ вышелъ на улицу.

Отецъ, въ оправданіе свое, показалъ ему письмо дяди; но Исаакидесъ сейчасъ же вспомнилъ, когда пришла послѣдняя почта, и сказалъ отцу:

— Письмо это вами уже нѣсколько дней тому назадъ получено, а вы мнѣ ничего не сказали. Оно было получено, сознайтесь, прежде, чѣмъ вы просили меня итти къ Бакѣеву по дѣлу вашего драгоманства?

— Это правда, — сказалъ отецъ, — но я не считалъ себя обязаннымъ говорить вамъ о пожарѣ. Это дѣло касалось только меня одного.

Исаакидесъ потребовалъ, чтобъ отецъ тотчасъ же шелъ къ нему на домъ писать прошеніе въ русское консульство о начатіи дѣла противъ Шерифъ-бея подъ русскимъ покровительствомъ; отецъ, колеблясь, вздыхая и сокрушаясь, уступилъ. Исаакидесъ нашелъ въ тотъ же день для веденія дѣла безъ отца ловкаго повѣреннаго, съ которымъ согласился въ цѣнѣ за хлопоты; написалъ самъ прошеніе и отвелъ отца въ консульство. Бакѣева не было дома, и они объяснили, о чемъ идетъ рѣчь, Бостанджи-Оглу. Отецъ сознавался мнѣ послѣ не разъ, что онъ очень страдалъ въ этотъ день. Онъ часто говаривалъ потомъ, что считаетъ этотъ поступокъ свой хотя и вынужденнымъ обстоятельствами, но все-таки очень дурнымъ, очень грѣшнымъ, худшимъ изъ всѣхъ своихъ поступковъ въ жизни.

Бостанджи-Оглу, который досадовалъ на то, что отца моего, а не его сдѣлали вторымъ драгоманомъ, принялъ прошеніе неохотно и сказалъ даже Исаакидесу:

— Что́ это вы, въ самомъ дѣлѣ, точно всѣ условились разорять эту турецкую семью! Куско-бей на старика Абдурраима напалъ, а вы на бѣднаго Шерифъ-бея. Вы погубите ихъ!

— Ты птенецъ еще безгласный, мой другъ, — отвѣчалъ ему Исаакидесъ грубо. — Молчи, любезный! Во-первыхъ, развѣ ты не понимаешь, что разорять и губить всячески турокъ есть долгъ всякаго хорошаго христіанина? Не можемъ мы съ тобой взять оружія и проливать вражію кровь? Если такъ, то по крайней мѣрѣ инымъ путемъ мы должны уничтожать враговъ отчизны. Да! А къ тому же, что тутъ до тебя? Ты долженъ подать эту бумагу г. Бакѣеву, вотъ и все твое назначеніе. Понимаешь, дружокъ?.

Отецъ возвратился домой опять убитый и разстроенный; его мучила совѣсть, онъ цѣлый вечеръ вздыхалъ и, возводя глаза къ небу, говорилъ: «О, Боже! всѣ мы люди! всѣ человѣки!»

Я не смѣлъ спросить, что съ нимъ такое, и только гораздо позднѣе узналъ всѣ тайныя пружины и подробности этого дѣла, которое его такъ смущало.

На другой день отецъ уѣхалъ въ Тульчу; я провожалъ его одинъ до хана. Докторъ проспалъ; Чувалиди занимался съ турками во время рамазана по ночамъ, а днемъ отдыхалъ. Исаакидесъ вѣрно не хотѣлъ пріѣхать. Погода опять немного поправилась въ день отцовскаго отъѣзда.

Въ хану, въ двухъ часахъ разстоянія отъ города, мы простились съ отцомъ, я поцѣловалъ его руку, и онъ сказалъ мнѣ: «Учись, матери чаще пиши; о пожарѣ и о глазахъ моихъ ей теперь не пиши, а только старику Стилову; церковь не забывай. Что же тебѣ еще сказать? Какъ бы это мнѣ сказать тебѣ — не знаю. Полагаю, что у тебя уже есть свой разумъ?»

Я отвѣчалъ, что разумъ уже есть у меня. Тогда отецъ сказалъ мнѣ такъ: «А если разумъ есть, то связей не бросай; ходи въ хорошіе дома, бери полезные въ нихъ примѣры образованности и благородства, а на то, что́ твоему возрасту непристойно и что́ несообразно со строгою нравственностью добраго православнаго, отъ того устраняйся. Вотъ тебѣ мое слово отеческое. Я сказалъ, а ты это помни!»

.Отецъ сѣлъ на мула и скоро скрылся со своими пѣшими провожатыми за горой; а я сперва долго плакалъ, сидя одинъ у дверей пустого хана; а потомъ тоже сѣлъ на мула и поѣхалъ не спѣша и въ горькомъ раздумьѣ въ городъ, на свою новую квартиру.

«Что-то ждетъ меня тамъ? Что-то ждетъ меня, молодого, глупаго, робкаго, одинокаго и всѣмъ теперь въ этомъ городѣ чужого?» спрашивалъ я себя, проливая слезы.

III.

МОИ ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНІЯ И УСПѢХИ, СОБЛАЗНЫ И ДѢЛА.

I.

Я снова беру перо, мой добрый другъ. Я обѣщалъ тебѣ *когда-нибудь*, когда придется, еще и еще разсказать о моей юности, о первыхъ и робкихъ шагахъ моихъ на жизненномъ пути земномъ, загадочномъ пути, тернистомъ и прекрасномъ; на этомъ пути неудержимаго теченія, котораго и самый близкій, завтрашній ночлегъ сокрытъ для насъ за страшною завѣсой никѣмъ не разгаданной тайны...

Ты похвалилъ мои первые отрывки. Они понравились тебѣ больше, чѣмъ я ожидалъ, сознаюсь нелицемѣрно. Тѣмъ лучше. Твое сочувствіе ободряетъ меня. Не искусство мое нразится тебѣ, мой другъ, повѣрь мнѣ; тебѣ нравится правда жизни, изображаемая мной.

Я буду продолжать; но прошу тебя, не думай, чтобъ это было такъ легко и просто, какъ ты можетъ быть полагаешь.

Все это далеко отъ меня; съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ десять. И я иной, и все вокругъ меня другое.

Теперь мнѣ скоро тридцать лѣтъ. Я женатъ уже второй

разъ, женатъ по любви; я счастливъ въ бракѣ, ты знаешь — я не бѣденъ, я богатъ скорѣе. У ногъ моихъ играютъ наши дѣти.

Предъ окнами моими не долина Янины, не безлѣсныя горы тихаго, суроваго и живописнаго Эпира: предъ ними течетъ Дунай, извиваясь въ камышахъ по плоскимъ полямъ Добруджи и Молдавіи; не мулы, тяжело навьюченные, всходятъ медленно по каменнымъ уступамъ; здѣсь пароходы спѣшатъ опередить другъ друга съ шумомъ, свистомъ, дымомъ и толпой. Здѣсь паруса кораблей бѣлѣютъ предъ самымъ домомъ моимъ, а не снѣга далекихъ и родныхъ высотъ.

Другая жизнь, другіе люди, встрѣчи, чувства вовсе новые, иные, чѣмъ были *тамъ, тогда!..*

Ты помнишь ли, на чемъ остановился мой первый разсказъ?

Ты помнишь — я остался въ городѣ одинъ безъ отца и безъ матери, безъ покровителей и почти безъ денегъ... Добрый отецъ мой благословилъ меня и уѣхалъ въ Тульчу.

«Что-то ждетъ меня въ Янинѣ? Что-то ждетъ меня молодого, глупаго одинокого и всѣмъ теперь въ этомъ городѣ чужого?» такъ думалъ я, когда разстался съ нимъ въ хану.

Проливая слезы, возвращался я шагомъ на мулѣ къ городу, который такъ красиво разсыпался туда и сюда тихими и веселыми предмѣстьями по узкой и зеленой долинѣ, между двумя высокими стѣнами обнаженныхъ горъ. Озеро было тихо, и въ лазурныхъ водахъ его суровою и прекрасною твердыней воздвигалась турецкая крѣпость на дикихъ скалахъ, поросшихъ древнимъ плющомъ и кустарникомъ. На тонкомъ минаретѣ крѣпостномъ звалъ ходжа мусульманъ къ полдневной молитвѣ, и его голосъ, звучный, сильный и пріятный, издали долеталъ до меня...

Подъ городомъ мирно паслись стада овечекъ, бряцая позвонками; и весь городъ какъ будто бы весело покоился въ радостномъ сіяніи яснаго зимняго полудня. И мое взволнованное сердце понемногу утихало и открывалось для болѣе утѣшительныхъ чувствъ...

Подъѣхалъ я къ высокой стѣнѣ, за которой была скрыта церковь св. Марины, сошелъ съ мула и сказалъ себѣ: «Теперь смотри, *море* *) Одиссей!.. Ты самъ отцу сказалъ, что у тебя есть свой разумъ; а ты самъ знаешь, несчастная твоя голова, что начало всякой премудрости есть страхъ Божій. Смотри же теперь!»

Я разсѣдлалъ мула, поставилъ его на мѣсто и пошелъ поклониться отцу Арсенію. Старикъ принялъ меня благодушно и даже радостно.

— Теперь-то мы тебя яніотомъ настоящимъ сдѣлаемъ! — сказалъ онъ.

И я сталъ жить у него. Очень скоро привыкъ я къ тихому церковному двору. Мнѣ пришлись по вкусу его просторъ, его чистота, большія каменныя плиты, которыми онъ былъ мощенъ; понравились мнѣ и могилы около церкви: онѣ всѣ имѣли видъ деревянныхъ саркофаговъ, и во всѣхъ нихъ съ одного конца была стеклянная дверка, въ которой родные умершихъ зажигали лампадки. Когда вечеромъ въ темнотѣ за церковью сіяли эти кроткія звѣзды родственной любви, я думалъ, глубоко вздыхая, о чемъ-то и печальномъ, и пріятномъ, о чемъ-то дальнемъ, дальнемъ, и утѣшительномъ, и страшномъ... О чемъ?.. Теперь я понимаю, тогда я понять и сказать не умѣлъ.

Началъ я въ училище ходить. Увидалъ я тамъ множество дѣтей и большихъ юношей, такихъ же, какъ и я. Учителя хвалили мои познанія. Одинъ изъ нихъ заставилъ меня изложить на новомъ и простомъ греческомъ языкѣ отрывокъ изъ Гомера. Я изложилъ. Учитель былъ доволенъ и спросилъ: «Ты не ученикъ ли господина Несториди?» Я сказалъ: «Да, господинъ учитель, я ученикъ господина Несториди». — «Браво тебѣ, паликаръ ты мой, браво и наставнику твоему почтенному... Высокословесный человѣкъ твой наставникъ господинъ Несториди, онъ похвальба и слава нашему знаменитому Эпиру!.. браво тебѣ, браво!»

---

*) *Море* — глупый, глупенькій; на Востокѣ почти ласкательное слово и употребляется въ родѣ нашего слова *братъ*.

Потомъ учитель оставилъ меня и спросилъ у другихъ большихъ учениковъ:

— А что́ же это за боги эти у Гомера, которые всѣ бранятся между собой, какъ наши лодочники и носильщики, и всякому смраду грѣха и невоздержности всею безсмертною душою своей предаются?

Всѣ молчали. Одинъ изъ учениковъ сказалъ, наконецъ:

— Это все неправда. Это все глупости и сказки!

Хитрый учитель помолчалъ и потомъ вдругъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Ты, загорецъ, скажи мнѣ одну вещь: ты кто такой... турокъ ты, или нѣмецъ, или армянинъ?..

Я помнилъ всѣ уроки Несториди и быстро воскликнулъ:

— Я эллинъ! господинъ учитель, я эллинъ! Мы всѣ здѣсь эллины...

— Прекрасно! однако, чему же ты радъ?.. Эллины древніе были ослы или неразумныя малыя дѣти... такъ говоритъ вотъ этотъ товарищъ твой. Они, говоритъ онъ, все глупости сочиняли.

Такъ изловчился учитель лукавый; но на этого рода вещи и у меня были, какъ говорится, очень «открытые глаза».

Я минуточку, только одну минуточку помедлилъ въ недоумѣніи и потомъ вдругъ сказалъ такъ:

— Нѣтъ, господинъ, учитель, простите! Наши великіе предки, знаменитые эллины, были одарены возвышенною мудростью. Но они не были просвѣщены вѣрой истинною. Они поклонялись собственнымъ слабостямъ и страстямъ; они боготворили злыхъ духовъ и демоновъ злобы, блуда, лжи и коварства...

Учитель отступилъ отъ меня на шагъ съ удивленіемъ и сказалъ еще разъ:

— Браво тебѣ, загорскій юноша! браво тебѣ! А откуда ты это знаешь, скажи мнѣ, молодой мудрецъ?

Я опустилъ глаза и сказалъ краснѣя:

— Вотъ знаю!..

Учитель улыбаясь настаивалъ; я тогда поднялъ на него смущенные отъ радости глаза мои и сказалъ:

— Я читалъ объ этомъ въ житіи св. Екатерины Великомученицы. Она была царскаго рода и очень образована. Она все знала...

Тутъ у меня голосъ прервался отъ стыда и волненія; но учитель самъ покраснѣлъ отъ удовольствія и, потрепавъ меня ласково по плечу, сказалъ:

— Сиди! сиди!.. Успокойся! Изъ тебя выйдетъ, я вижу, такой именно человѣкъ, какихъ намъ нужно теперь. Кланяйся отъ меня господину Несториди, когда будешь ему писать, и скажи ему, что мы всѣ давно его ждемъ сюда и что я первый жажду его просвѣщенной бесѣды, какъ олень источниковъ водныхъ!

Такъ помогъ мнѣ Богъ въ этотъ день! И, возвращаясь домой, я сказалъ себѣ опять: «Эй, море-Одиссей несчастный!.. Все хорошо пока, все хорошо!»

Все хорошо, все отлично, мой добрый другъ, но тѣ соблазнительные и прекрасные демоны, которымъ воздвигали столь изящные храмы наши блистательные предки, эти коварные бѣсы безсмертны; они незримо живутъ и въ нашихъ собственныхъ слабыхъ сердцахъ; они рѣютъ неслышными тѣнями вокругъ, глумясь надъ нашими грѣхами и поднося безпрестанно къ жаднымъ устамъ юности благоухающую чашу наслажденія, на днѣ которой скрытъ ядъ духовной гибели и муки поздняго покаянія!..

Однажды (дня черезъ два, не больше, послѣ моего перваго тріумфа въ гимназіи) около меня сѣлъ одинъ ученикъ, уже большой и по виду мнѣ сверстникъ, но въ самомъ дѣлѣ онъ былъ постарше меня. Одѣтъ онъ былъ по-европейски и широкую шляпу свою любилъ носить набокъ съ особымъ молодечествомъ. Лицомъ онъ былъ красивъ, смѣлъ, веселъ и пріятенъ, хотя и очень смуглъ; глаза у него были черные и огневые. Онъ захотѣлъ самъ познакомиться со мной и сказалъ мнѣ, что онъ сынъ греческаго драгомана, старика, котораго я зналъ уже въ лицо. Имя этому юношѣ было Аристидъ. Отецъ его былъ съ Іоническихъ острововъ, а мать итальянка.

Аристидъ въ тотъ же день увелъ меня изъ училища къ

себѣ домой; потомъ пришелъ и къ намъ на дворъ св. Марины, и мы стали съ тѣхъ поръ постоянно вмѣстѣ ходить и проводить время. Въ первые же дни нашей дружбы онъ началъ учить меня худу и говорилъ: «Стой, я тебѣ на все открою глаза!» Онъ зналъ всѣ тайныя городскія исторіи; надъ всѣмъ смѣялся; представлялъ учителей; зналъ всѣ кофейни, всѣ самые дальніе переулки въ городѣ; зналъ, кто кого любитъ и кто кого ненавидитъ. Онъ разсказывалъ мнѣ множество анекдотовъ, полныхъ соблазна. Меня одни изъ нихъ смѣшили, другіе ужасали, но смущали и тревожили меня равно тѣ и другіе... «Много ты знаешь, Аристидъ!» говорилъ я ему, а онъ хвалился: «Погоди еще, ты и лучше этого отъ меня услышишь!»

Несмотря на то, что Аристиду было только всего восемнадцать лѣтъ, онъ уже старался нравиться женщинамъ и дѣвушкамъ и проводилъ иногда цѣлые вечера въ бѣдномъ предмѣстьѣ Канлы-Чешме, которое у насъ имѣетъ очень худую славу. Онъ прекрасно ѣздилъ верхомъ, никого не боялся и не стыдился, ходилъ и въ разныя консульства, посѣщалъ и самыхъ простыхъ людей, и вездѣ заводилъ и дружбу, и ссоры. Ссорился съ учителями и переставалъ ходить въ школу, а бралъ уроки дома, да и то когда вздумается, потомъ опять возвращался въ училище. Онъ былъ большой другъ съ молодымъ туркомъ Джемилемъ. Отецъ Джемиля былъ тотъ самый дряхлый Сеферъ-эффенди съ длиннымъ и горбатымъ краснымъ носомъ, который ласкалъ меня и говорилъ мнѣ персидскіе стихи «о стройномъ кипарисѣ», когда мы съ отцомъ гостили у доктора. Джемило было семнадцать лѣтъ. Мальчикъ онъ былъ тоже красивый, но бѣлокурый, съ большими тихими голубыми глазами, лѣнивый, немного глупый и отцомъ ужасно избалованный. По цѣлымъ часамъ занимался онъ голубями, щенятами, барашками, раскрашенными на спинѣ и головѣ розовою краской. Пѣсни пѣлъ, сидя на камнѣ у воротъ отцовскихъ, или игралъ на улицѣ съ самыми маленькими дѣтьми; или по цѣлымъ часамъ бросалъ въ потолокъ бумажки, скрученныя въ трубочки и разжеванныя съ одного конца,

и веселился, что онѣ прилипали къ потолку. Старый эффенди никогда его не бранилъ и, когда заставалъ его за такими пустяками, утѣшался самъ и, дрожа отъ радости и смѣха, говорилъ: «дитя!! *джу джукъ!*» И кончено.

Дружба Аристида съ Джемилемъ была такъ велика, что они иногда по цѣлымъ днямъ не разставались. Уходили вмѣстѣ на охоту; нерѣдко старый эффенди, котораго драгоманъ греческій нанималъ, чтобы давать Аристиду уроки турецкаго языка, посылалъ вмѣсто себя сына или приглашалъ Аристида къ себѣ, и тогда вмѣсто уроковъ начинались шалости и шутки.

Въ турецкой азбукѣ есть буквы: «*айенъ, гайенъ*» и еще «*ламъ-элифъ*» и «*вау*». Вотъ они оба вмѣстѣ и начнутъ, прыгая, твердить сперва: *айенъ-гайенъ! айенъ-гайенъ!..* А потомъ закричатъ вмѣстѣ: *ламъ-элифъ-вау!* изо всѣхъ силъ, и дразнятъ другъ друга: *вау! вау! вау!* А старый эффенди хохочетъ и радуется на нихъ.

Они и ему то же: *вау! вау!* И онъ не только не сердится, а еще и самъ принимаетъ въ этомъ участіе. Приподнимается дрожащими ногами на цыпочки и тоже къ нимъ навстрѣчу длиннымъ посомъ своимъ кивать какъ птица и кричитъ: «*вау!*»

Я бѣднаго и добраго старика этого душевно полюбилъ и, думая о немъ и теперь, когда уже его давно нѣтъ на свѣтѣ, нерѣдко повторяю то, въ чемъ сознаются въ минуту искренности и примиренія всѣ немусульманскіе жители Турціи, что «ужъ добрѣе добраго турка не найти человѣка на свѣтѣ!»

Онъ и мнѣ, и Аристиду радъ былъ всегда, какъ бы собственнымъ дѣтямъ своимъ, какъ роднымъ братьямъ своего обожаемаго Джемиля.

Онъ встрѣчалъ насъ и трясясь, и смѣясь, и восклицая: «Добро пожаловать! Милости просимъ! Счастливаго утра вамъ!» Меня всегда потреплетъ по щекѣ рукой и заговоритъ иногда опять о «кипарисѣ» или начнетъ возвышенно декламировать по-турецки:

«Однажды я былъ огорченъ и спряталъ голову мою въ

воротникъ моей одежды. Но внезапно принесся изъ степи вѣтеръ, напоенный благоуханіями рая... Я взглянулъ и увидалъ предъ собою щеку, подобную слоновой кости, обдѣланной въ драгоцѣнное черное дерево юныхъ кудрей»...

Такія онъ вещи мнѣ говорилъ, и мы всѣ смѣялись, слушая его; а съ Аристидомъ онъ обращался иначе. Привѣтствуя его, онъ сжималъ свой слабый старческій кулакъ, чтобъ изобразить его силу и отвагу, и говорилъ по-гречески: «*Нна**) ! паликаръ! *Бобо**) ! человѣкъ! *бобо* !» Или, указывая мнѣ на него, съ отеческою радостью восклицалъ: «Что намъ съ нимъ дѣлать? *Дели-Канлы!* Бѣшеная юная кровь!»

Аристидъ начальствовалъ надъ нами; у него было гораздо больше опытности, чѣмъ у насъ съ Джемилемъ, и потому во всѣхъ увеселеніяхъ и шалостяхъ и предпріятіяхъ онъ предводилъ, а я, и еще больше Джемиль, повиновались ему. Я говорю — особенно Джемиль. Если случалось, что Джемиль чего-нибудь не хотѣлъ или на что-нибудь не соглашался, Аристидъ упрашивалъ его ласковыми словами: «Ага ты мой прекрасный! паликаръ ты мой! кипарисъ ты! апельсинъ ты! лимонъ ты мой!..» И лѣнивый Джемиль, потягиваясь и зѣвая, соглашался. Иногда, когда онъ уже очень упорствовалъ, то Аристидъ, махая на него прямо рукой, называлъ его безъ страха и совѣсти: «Э! ты старая турецкая дрянь!» или, напротивъ того, молча бралъ его обѣими руками за его свѣжія полныя щечки и говорилъ: «Поди сюда, дитя мое!» и цѣловалъ его въ губы и въ глаза. Тогда Джемиль шелъ за нимъ покорно, какъ идетъ за хозяиномъ раскрашенный весною ягненокъ. Я дивился этой дружбѣ и смѣлости, съ которою Аристидъ бранилъ Джемиля. Но Аристидъ однажды отвѣчалъ мнѣ:

— Ты бѣдный турко-райя и потому боишься. А я грекъ свободнаго королевства! Кого мнѣ бояться? А кто меня обидитъ, для того вотъ что готово... И нагнувшись онъ досталъ изъ сапога своего складной ширзкій и преострый ножъ.

---

*) Междометія, служащія для изображенія силы, ума или молодечества.

— Смѣлый же ты, молодецъ! — сказалъ я, вздыхая и завидуя. Отъ времени до времени, послѣ прилежныхъ занятій, мнѣ было очень весело видѣться съ Аристидомъ и Джемилемъ. Джемиль хотя былъ и не уменъ, и не разговорчивъ, но всегда радъ былъ меня видѣть, уводилъ меня къ отцу и угощалъ въ изобилiи всякими сладостями, кофеемъ и табакомъ, на который денегъ у меня еще не было; что касается до Аристида, то устоять противъ него, когда онъ былъ ласковъ или веселъ, было очень трудно. Многое впрочемъ не нравилось мнѣ въ шалостяхъ и во вкусахъ его; часто они были вовсе не дѣтскiе и не невинные; совсѣмъ другого рода, непохожiе ни на *«айенъ-гайенъ»*, ни на бумажныя трубочки Джемиля. Разъ Аристидъ взялъ съ собою на гулянье, которое было за городомъ въ праздникъ, нитки и иголку и сшилъ тихонько въ тѣснотѣ платья двумъ небогатымъ женщинамъ; онѣ хотѣли разойтись; платье у одной разодралось. Женщины начали кричать и ссориться; мужья и знакомые вступились. Заптiе подошли унимать. Я отъ страха и стыда сидѣлъ полумертвый и такъ и ждалъ, что насъ съ Аристидомъ изобьютъ или схватятъ и отведутъ къ пашѣ; а онъ сидѣлъ около меня на камнѣ спокойно и смотрѣлъ равнодушно и только мнѣ шепталъ: «молчи! молчи!»

Нищаго обругать, старуху на улицѣ толкнуть, товарища въ училищѣ прибить, дѣвушкѣ, проходя мимо, сказать непристойность, — все это нравилось Аристиду. Джемиль самъ ничего, ни худого, ни хорошаго, ни вреднаго, ни забавнаго, выдумать не могъ, но всѣмъ дурнымъ поступкамъ Аристида онъ смѣялся и радовался отъ души и говорилъ только: «Аманъ! аманъ! Смотри, смотри, что онъ дѣлаетъ!» И прыгалъ и рукоплескалъ тогда отъ восторга.

Меня же все это очень огорчало и безпокоило мою совѣсть; я нерѣдко уходилъ отъ нихъ съ досадой или укорялъ ихъ, напоминая, что это грѣхъ, что это жалко или страшно.

Джемиль на минуту тогда задумывался и смотрѣлъ безпокойно то на меня, то на Аристида. Но Аристидъ тол-

калъ меня говоря: «Молчи ты! у попа живешь и самъ скоро попъ будешь... Убирайся, если тебѣ что не нравится... Вареная ты говядина, а не паликаръ».

Потомъ на другой день въ училищѣ или на улицѣ онъ съ улыбкой и ласковыми словами протягивалъ мнѣ руку, обнималъ меня, и я снова ему поддавался.

II.

Могла ли нравиться отцу Арсенію моя дружба съ Аристидомъ и Джемилемъ?

Конечно не могла. Отецъ Арсеній былъ священникъ старинный, по-старинному хорошій. Онъ не учился богословію ни въ Константинополѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ европейскихъ городахъ, не зналъ германской нынѣшней апологетики, знаніемъ которой, быть можетъ, и справедливо гордится теперь наше новое духовенство. Для него все было ясно, просто и незыблемо. «Старое православіе одно хорошо, остальное все *неправда;* все даже смѣшно и нестерпимо глупо!»

Когда онъ говорилъ: «*о полетизмосъ*» (просвѣщеніе), надо было понимать подъ этимъ словомъ «христіанство», и христіанство настоящее, идеальное, то христіанство, которое иные зовутъ «мистическимъ», безъ всякаго прямого отношенія къ земному блаженству всего рода человѣческаго; однимъ словомъ, то христіанство, которое и я зову *истиннымъ* и которому я, теперь уже зрѣлый человѣкъ и семьянинъ не бѣдный, какъ ты знаешь, остался вѣренъ, вопреки всѣмъ соблазнамъ, всѣмъ слабостямъ моимъ и глубокимъ грѣховнымъ паденіямъ; вопреки тому, что съ раннихъ лѣтъ я началъ слышать вокругъ себя совсѣмъ иное, вопреки растлѣвающимъ примѣрамъ и грубо-чувственнымъ и самымъ изящнымъ, самымъ нѣжнымъ и тихо искусительнымъ примѣрамъ.

И теперь, живя не въ горахъ незабвенной моей родины, но на дальней чужбинѣ, среди иной природы, на берегахъ

мутнаго, торговаго и многолюднаго Дуная, среди иныхъ людей и самъ уже совсѣмъ иной, настолько измѣнившійся, насколько яблоня, обремененная осенними плодами, разнится отъ молодого полудикаго побѣга, который проситъ ухода и заботливой прививки отъ рукъ искуснаго садовника,— и теперь, говорю я, съ любовью и почтеніемъ хранитъ сердце мое память о старцѣ этомъ и добромъ, и строгомъ, и простомъ за то, что онъ поддерживалъ во мнѣ въ самый опасный и воспріимчивый возрастъ мой тѣ чистыя, суровыя преданія, которыхъ духовный ароматъ наполнялъ воздухъ вокругъ очага нашей загорской семейной святыни.

Отецъ Арсеній не читалъ мнѣ безпрестанныхъ наставленій: онъ и не умѣлъ ихъ долго читать; онъ становился краснорѣчивѣе лишь подъ вліяніемъ очень сильнаго чувства досады или радости. У него была дурная привычка въ обыкновенное время безпрестанно повторять одни и тѣ же слова, самыя незначащія: «Будьте здоровы! будьте здоровы! Кланяюсь вамъ, кланяюсь вамъ, кланяюсь! Отчего? отчего? отчего?»—и на этомъ нерѣдко останавливалась его рѣчь.

Но его собственный образъ жизни былъ уже самъ по себѣ наставленіемъ.

И вотъ и теперь я съ улыбкой (съ такою улыбкой, съ какой я желалъ бы, чтобы мой собственный сынъ вспоминалъ обо мнѣ!) вспоминаю о сѣдинахъ его; вижу предъ собою его необыкновенно длинную бѣлую бороду, которую онъ иногда бралъ шутя за конецъ и, приподнимая его, говорилъ: «не Арсеніемъ надо звать меня, а недостойнымъ Онуфріемъ, Онуфріемъ, Онуфріемъ грѣшнымъ! а? а? а?» (Потому что св. Онуфрія, великаго пустынника, изображаютъ съ сѣдою бородой до колѣнъ и ниже).

И твердилъ онъ опять: «Онуфрій! Онуфрій!» и смѣялся, и хохоталъ, и веселился такимъ своимъ простымъ словамъ.

Вставалъ онъ рано, рано, до свѣту, шелъ слушать въ церковь или прочитывалъ то, что нужно по уставу; домой возвращался, садился у горящаго очага, выпивалъ одну турецкую чашечку кофе и долго молча курилъ агарянскій

наргиле, размышляя предъ огнемъ очага... Это была его дань плоти и турецкому на насъ вліянію. Потомъ онъ занимался. Онъ заботился о переводѣ всего Св. Писанія съ греческаго на албанскій языкъ. Онъ полагалъ, что и творенія нѣкоторыхъ свв. отцовъ, какъ разъясняющихъ болѣе въ приложеніи къ жизни евангельское ученіе, необходимо было бы перевести на этотъ языкъ. Онъ самъ былъ родомъ албанецъ, и его мать, столѣтняя старица, которая тогда еще была жива и жила въ одномъ дальнемъ горномъ селеніи, ни слова не знала по-гречески.

Многіе люди высшаго класса въ Янинѣ укоряли отца Арсенія за эти ученые труды его. Они говорили ему: «Оставилъ бы ты, старче, лучше въ покоѣ своихъ арнаутовъ *бьлошапошниковъ!* Азбуки у нихъ своей, слава Богу, нѣтъ: написана она, какъ слышно, была у васъ на капустныхъ листахъ, и вы ее съѣли. Оно и лучше такъ. Не довольно развѣ съ насъ столькихъ народностей, которыя, какъ плевелы, пробились по всему Востоку изъ-подъ благодатныхъ всходовъ эллинской пшеницы? Молдо-валахи, сербы, болгары-дьяволы, куцо-влахи, изъ которыхъ намъ неизвѣстно еще, что̀ для насъ выйдетъ. Останутся дикіе арнауты при своемъ неписьменномъ языкѣ, падетъ скоро Турція, и мы овладѣемъ хоть ими посредствомъ нашего божественнаго языка, такъ какъ бытъ и нравы ихъ схожи съ нашими, и станутъ они хорошими греками, какъ стали суліоты и другіе, подобные имъ, ибо они прямо изъ варварской гомерической безграмотности своей влились въ свѣтлый потокъ нашего вѣковѣчнаго эллинскаго просвѣщенія. А утвердишь ты языкъ ихъ писаніемъ, хотя бы нашими буквами, хотя бы турецкими, и вырастетъ еще одна голова у этой ужасной гидры, съ которой даже Гераклу всесильнаго греческаго ума не подъ стать бороться, ибо разнородныя главы эти, которыя зіяютъ на насъ и съ Дуная, и изъ Балканскихъ ущелій, и съ Черногорскихъ высотъ, и изъ дальней арабской Сиріи, — всѣмъ этимъ зіяющимъ главамъ одинъ неизмѣримо обширный желудокъ-кормилецъ скрытъ въ гиперборейскомъ мракѣ Невскихъ береговъ! Да и что̀ за

языкъ этотъ нашъ арнаутскій! Іоаннъ-Предтеча, «Іоаннисъ Пródромосъ», по-албански выходитъ «Янни-Перидромосъ»— «Яни-чума». Это даже и грѣхъ бы такъ говорить и писать, а такъ говорится и переводится».

Такъ полушутя, полусерьезно говорили отцу Арсенію иные купцы, доктора и ученые наставники наши. Такъ говорилъ Куско-бей, такъ говорилъ особенно Несториди, когда былъ въ Янинѣ. Если была въ словахъ этихъ и шутка, то лишь потому, что всѣ люди эти знали: не справиться старцу и съ сотою долей того труда, который онъ желалъ бы свершить. Но отецъ Арсеній былъ истинный, искренній попъ; онъ былъ и патріотъ, конечно, какъ всякій грекъ, но православіе *политическое* никогда не могло въ немъ исказить и затмить вполнѣ *духовнаго*, настоящаго православія, простой и великой мысли о *загробномъ спасеніи многихъ душъ*, осужденныхъ неизбѣжно здѣсь на землѣ вѣчно страдать и вѣчно грѣшить!

И на всѣ эти умныя рѣчи, въ которыхъ, надо сознаться, было много односторонней истины, съ точки зрѣнія нашего греческаго этно-филетизма, отецъ Арсеній отвѣчалъ свое: «Нѣтъ, добрый человѣче мой, нѣтъ. Надо и этихъ ржавыхъ людей просвѣтить истиннымъ свѣтомъ!.. Когда еще они выучатся такому высокому языку, какъ эллинскій, а пока пусть на своемъ читаютъ. А греки не пропадутъ до скончанія міра, не бойся, не бойся, не бойся! Говорятъ, Петръ Великій россійскій сказалъ: «Музы, покинувъ Грецію, обойдутъ весь міръ и снова возвратятся на свою родину...» Не бойся, Россія и Греція — вотъ два столпа вселенскаго православія, и грековъ самъ Господь нашъ Богъ милосердый хранитъ!»

И мнѣ случалось слышать въ домѣ отца Арсенія такіе споры, и не только слышать, но даже и понимать ихъ такъ хорошо, какъ только могъ понимать я ихъ въ тѣ годы. Выразить и разсказать словами я тогда не могъ, конечно, и сотой доли того, что могу выразить теперь; но понимать полусознательно, получувствомъ, полумыслью — я понималъ очень много и тогда.

Въ минуты, свободныя отъ своихъ занятій, отецъ Арсеній училъ азбукѣ своихъ маленькихъ внучатъ; иногда шутилъ и смѣялся съ ними, заботливо вникалъ въ ихъ распри, разспрашивалъ подробно, мирилъ и даже билъ ихъ иногда, но не крѣпко, не гнѣваясь въ сердцѣ своемъ и приговаривая: «Еще хочешь? еще? море-мошенникъ ты этакій? А?»

Къ бѣднымъ онъ былъ милостивъ и жалостливъ и нерѣдко наскучалъ богатымъ людямъ, ходя по домамъ и выпрашивая у нихъ для этихъ бѣдныхъ деньги, когда у него самого недоставало. Старый Бичо, Бакыръ-Алмазъ иногда, принимая его у себя, восклицалъ: «Ужъ вижу я, ты опять хочешь, мой попъ, *развьючить* меня легонечко, чтобы поскорѣй въ игольное ушко пропустить меня въ рай!.. Нѣтъ, дай ужъ немного во грѣсѣхъ отдохнуть, сердечный ты мой!»

Но отецъ Арсеній настаивалъ смѣясь и шутилъ настаивая, и хоть не много, но добывалъ денегъ отъ почтеннаго архонта, который и самъ, впрочемъ, былъ человѣкъ набожный и добрый.

Меня старецъ самъ иногда будилъ рано и полусоннаго велъ съ собой въ церковь, напоминалъ — какого святого сегодня, заставлялъ пѣть и читать, чтобы не отставать отъ церковной діакопіи, а по большимъ праздникамъ и по воскреснымъ днямъ я всегда пѣлъ и читалъ Апостола, какъ и дома въ Загорахъ.

Могъ ли такой старецъ благосклонно относиться къ моей новой дружбѣ съ молодымъ сорви-головой корфіотомъ и съ турченкомъ, который, какъ всѣ почти турчата, у насъ считался нѣсколько развращеннымъ?

Послѣ того какъ Аристидъ и Джемиль посѣтили меня раза два, отецъ Арсеній спросилъ у меня: «Часто ты бываешь у этого *калдырима-челибея*, у этого *гранителя мостовой (уличнаго барина)*?»

Я солгалъ и сказалъ, что рѣдко. Мнѣ было такъ весело съ Аристидомъ! «Какъ знаешь, сказалъ священникъ, только я скажу тебѣ, берегись ты такихъ молодцовъ». Больше онъ на первый разъ ничего не сказалъ; а я поспѣ-

шилъ только предупредить моихъ друзей, чтобъ они на нашъ дворъ не ходили за мною часто и что я и самъ ихъ найду, гдѣ нужно. И стали мы почти неразлучною троицей: то у Аристида, то у Джемиля въ домѣ, то за городомъ, то у дальнихъ кофеенъ на лужайкахъ, и все смѣхъ громкій, веселыя пѣсни, разсказы непристойные, пересуды и насмѣшки надъ старшими... Я заботился только объ одномъ, чтобы не слишкомъ опаздывать вечеромъ; тогда бы отецъ Арсеній замѣтилъ, что я уже слишкомъ много гдѣ-то гулялъ, и узналъ бы истину.

Аристидъ не разъ уговаривалъ меня сходить съ нимъ вмѣстѣ въ *предмѣстье* и посѣтить которую-нибудь изъ лучшихъ городскихъ *гетеръ*. Онъ говорилъ:

— Куда хочешь: хочешь къ Аннѣ, хочешь къ Вьенѣ, хочешь къ Ниццѣ; хочешь, наконецъ, къ черной арабкѣ Бессире? Я ихъ всѣхъ знаю. Арабка — это любопытнѣе; у Анны волосы очень густые и длинные; Вьена лучше всѣхъ смѣяться и шутить умѣетъ; а Ница первая по красотѣ и такая благородная, какъ самая важная мадама. Въ шелковомъ черномъ платьѣ, и родинка на щекѣ, и даже братъ у нея родной офицеромъ въ Эллядѣ служитъ. Ее паши любили. Куда хочешь?

Я вздыхалъ и говорилъ, что мнѣ страшно и грѣхъ.

Онъ называлъ меня дуракомъ и опять немного погодя предлагалъ то же.

— Вѣдь не въ монахи же ты готовишься.

— Грѣхъ! — отвѣчалъ я ему.

И было мнѣ очень жалко чистоты моей.

Однако я рѣшился, наконецъ, и пошелъ съ нимъ. Онъ повелъ меня къ Вьенѣ, которую онъ больше другихъ любилъ за веселый нравъ.

Былъ тогда темный вечеръ; вѣтеръ дулъ сильный: листья въ садахъ шумѣли, мнѣ казалось, какъ-то сильнѣе и страшнѣе обыкновеннаго. Аристидъ несъ фонарь; я шелъ за нимъ, и сердце мое крѣпко билось. Наконецъ привелъ онъ меня въ узкій и темный переулокъ по глубокой грязи и остановился у маленькой калитки въ большой и длинной стѣнѣ.

Онъ хотѣлъ уже постучаться, но я остановилъ его и сказалъ ему:

— Аристидъ, душа моя, Аристидъ!.. Подожди!.. Скажи мнѣ, именемъ Бога тебя умоляю, что̀ мы тамъ будемъ дѣлать? Умоляю тебя!..

— Не бойся! не бойся, глупый, — отвѣчалъ Аристидъ, — ничего мы не будемъ худого дѣлать. Сядемъ, поклонимся старухѣ теткѣ и Вьенѣ самой. Онѣ скажутъ: «Добраго вечера... Какъ ваше здоровье?» А мы скажемъ: «Благодарю васъ, какъ ваше?» Онѣ опять: «Благодарю васъ...» Потомъ варенья хорошаго и кофе намъ подадутъ, вина и сигарки... Мы поговоримъ благородно и вѣжливо и уйдемъ.

Если бъ не упомянулъ о винѣ, я бы можетъ быть пошелъ смѣлѣе; но мысль о винѣ напугала меня еще больше. Я подумалъ, что могу напиться пьянъ, и тогда, кто знаетъ, на что̀ я рѣшусь!.. Я вспомнилъ въ этотъ мигъ кроткія очи матери, воздѣтыя къ небу съ мольбою, отца больного и трудящагося на дальнемъ Дунаѣ въ борьбѣ со злыми людьми; веселый, правда, но опытный, испытующій взглядъ отца Арсенія и густыя брови Несториди, который такъ сердечно ненавидѣлъ всякій развратъ... Ночь была такъ темна... Листья подъ страшною стѣной такъ страшно шумѣли...

— Нѣтъ!—сказалъ я,—нѣтъ, Аристидъ, пусти меня... Я стыжусь...

Аристидъ началъ стучаться.

— Постой, Аристидъ, — говорилъ я, — постой...

— Зачѣмъ?

— Говорятъ тебѣ, я стыжусь... Боже мой! Боже!.. Стыжусь я; морѐ Аристидъ мой, стыжусь...

Аристидъ оттолкнулъ меня отъ замка и началъ опять стучаться. Но въ эту минуту я вырвалъ изъ другой руки его фонарь (онъ былъ мой, а не его) и убѣжалъ домой по камнямъ и грязи, преслѣдуемый его проклятіями и бранью.

Я дня три послѣ этого былъ печаленъ, вздыхалъ, молился, твердилъ слова псалма: «Окропиши мя иссопомъ, и

очищуся; омыеши мя, и паче снѣга убѣлюся»; уроки даже, которые я всегда вытверживалъ такъ прилежно, и тѣ не давались мнѣ.

Мнѣ казалось, что и отецъ Арсеній, и старушка парамана его, учителя всѣ и на улицѣ всѣ встрѣчные на лицѣ моемъ видятъ душу мою и говорятъ себѣ: «Вотъ онъ, этотъ распутный мальчишка Одиссей, который вчера былъ у блудной Вьены... не подходите къ нему и не пускайте его къ себѣ въ домъ!»

Однако я напрасно тревожился. Никто не говорилъ мнѣ о Вьенѣ, никто даже и не замѣтилъ моего волненія и моей тоски. Отецъ Арсеній не наблюдалъ меня внимательно; у него были иныя заботы. Ему нужно было что-нибудь болѣе ясное, чтобы привлечь все его вниманіе на состояніе моей нравственности. Это ясное не замедлило случиться.

Черезъ мѣсяцъ послѣ моего ночного бѣгства отъ дверей Вьены я встрѣтилъ на улицѣ Джемиля. Я давно у него не былъ, и онъ сталъ звать меня къ себѣ.

У него была привычка довольно мило ласкаться и ломаться, когда онъ кого-нибудь изъ сверстниковъ о чемъ-нибудь просилъ, и расположеніе его ко мнѣ было, кажется, искреннее.

— Пойдемъ ко мнѣ, — говорилъ онъ ласкаясь, — я тебѣ скажу, все у меня есть... Все! все! Табакъ есть, конфеты есть, варенье изъ вишенъ есть... кофе есть... ракй есть. Аристидъ придетъ.

Я зашелъ; пришелъ скоро Аристидъ и началъ угощать меня ракй, смѣшанною съ водой, и предлагалъ закусывать сладостями, и самъ пилъ, приговаривая: «Я все думаю о томъ, когда ты человѣкомъ будешь!» Я выпилъ три стаканчика, мнѣ понравилось; я выпилъ шесть, выпилъ еще и не совсѣмъ пьяный, а не такой, какъ всегда, пошелъ домой.

Дорогой со мной поравнялся старый кавассъ Ставри, поздоровался и спросилъ объ отцѣ моемъ. Я, будучи уже какъ бы внѣ себя, началъ говорить съ нимъ на улицѣ пространно и громко, разсуждая о дѣлахъ, какъ большой и опытный мужъ.

— Да, Ставри ага мой!—сказалъ я важно и небрежно,— да, эффенди мой, въ варварской въ этой странѣ жить трудно хорошему человѣку. Отецъ мой, конечно, какъ ты знаешь, человѣкъ хорошаго общества и состояніе имѣетъ значительное по нашему мѣсту, и въ дружбѣ величайшей состоитъ съ такими важными лицами, какъ господинъ Благовъ и господинъ Бакѣевъ и эллинскій консулъ... Съ докторомъ Коэвино въ родствѣ и въ древнѣйшей пріязни...

— Ну, Коэвино что́! — сказалъ Ставри, — Коэвино дуракъ! Онъ никакихъ порядковъ не хочетъ знать...

Съ этими словами кавассъ хотѣлъ проститься и уйти отъ меня, но я удержалъ его за руку и началъ такъ громко увѣщевать его, чтобъ онъ взялъ въ расчетъ общественное положеніе отца, безпорядки турецкой администраціи и мои собственныя усилія на поприщѣ науки для будущаго благоденствія нашей семьи, — увѣщевалъ его такъ шумно и многозначительно, что прохожіе не разъ оглядывались на насъ и самъ Ставри, поняв, въ чемъ дѣло, порывался уйти. Много разъ останавливалъ я его почти насильно, увѣряя, что «хотя этотъ свѣтъ и суетный, однако трудиться необходимо» и что «несомнѣнно за грѣхи нашихъ праотцевъ великое эллинское племя находится въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ мы его видимъ теперь...»

— Богъ, все это Богъ! — восклицалъ я, указывая на небо.

— Оставь ты, дитя, теперь имя Божіе, — сказалъ мнѣ наконецъ старый кавассъ. — Поди отдохни. Ты выпилъ, я вижу...

Меня это замѣчаніе нисколько не смутило. Мы были уже у воротъ св. Марины; я опять на минуту удержалъ Ставри и отвѣчалъ ему:

— Это ты правъ, киръ-Ставри. Но, знаешь самъ, выпить съ друзьями не грѣхъ... И Псалмопѣвецъ сказалъ: «Вино веселитъ сердце человѣческое, и хлѣбъ сердце человѣческое укрѣпитъ...»

Ставри, наконецъ, вырвался у меня, а я взошелъ шумно на дворъ, напѣвая одну насмѣшливую пѣсенку про янинскую дѣвицу, которая когда-то съ раннихъ лѣтъ, «прокля-

тая», постриглась въ монахини и хотѣла жить свято, «въ рясѣ и съ четками», у церкви св. Марины, а потомъ выходила навстрѣчу юношамъ и говорила: «Прекрасный юноша! приди въ мою келью, мы будемъ тамъ одни, и я лежу тамъ, завернувшись въ рясу, какъ свѣжій сыръ въ полотнѣ».

Никогда я не позволялъ себѣ пѣть громко на дворѣ у отца Арсенія и тѣмъ болѣе такія свободныя пѣсни. Я прошелъ прямо на кухню и не замѣтилъ, что отецъ Арсеній слѣдитъ за мной изъ открытаго окна. Въ кухнѣ я началъ разсуждать громко и шутить со старою параманой.

Взялся помогать ей, все распѣвая громко «о молодой черницѣ», и началъ укорять ее въ томъ, что женщина она и хорошая, но не умѣетъ дѣлать такъ вкусно иныя кушанья, какъ дѣлаетъ моя мать...

Парамана смѣялась и уговаривала меня не кричать...

— Возьми лучше отнеси всѣ эти тарелки наверхъ, — сказала она.

Я взялъ пять-шесть тарелокъ въ обѣ руки и, стоя посреди кухни, запѣлъ героическую пѣсню:

Олимпъ и Киссамосъ — двѣ горы спорятъ —
И говоритъ Олимпъ...

Въ эту минуту въ кухню вошелъ отецъ Арсеній, посмотрѣлъ на меня съ минуту пристально, подошелъ и далъ мнѣ сильную пощечину, не говоря ни слова.

Я успѣлъ только воскликнуть «за что!» и уронилъ всѣ тарелки, которыя и разбились въ дребезги.

Послѣ этого мнѣ сдѣлалось дурно, я упалъ на кровать и заснулъ крѣпкимъ сномъ до самой ночи.

Поздно проснулся я, больной, усталый, огорченный, хотѣлъ выйти на свѣжій воздухъ, но дверь моя была заперта снаружи на ключъ. Я понялъ, что отецъ Арсеній хочетъ наказать меня, покорился и, отворивъ окно, долго сидѣлъ у него, прохлаждая себѣ голову... Я не въ силахъ былъ ни разсуждать, ни плакать и только все шепталъ: «Мамень-

ка моя! маменька, что̀ они со мной сдѣлали! Маменька моя милая, что̀ они сдѣлали съ бѣдною моею головкой!»

На другой день отецъ Арсеній взялся уже и за увѣщаніе и долго говорилъ мнѣ:

— Шутовство, шутовство!.. Развратъ, развратъ!..

Я поклонился ему въ ноги, прося пастырскаго прощенія, и въ умиленій души моей, поколебавшись немного, разсказалъ ему и о Вьенѣ, и о побѣгѣ моемъ. Увидавъ мое раскаяніе, старикъ обрадовался и смягчился, началъ смѣяться и хвалить меня за то, что я ушелъ.

— А то бы я тебѣ шесть мѣсяцевъ св. тайнъ не далъ пріобщаться, — прибавилъ онъ.

Однако, хотя сердечно онъ мнѣ все тотчасъ же простилъ и пожалѣлъ меня, но, прибавивъ, что по писанію «тотъ отецъ сына не любитъ, который его не наказываетъ», велѣлъ мнѣ три мѣсяца по шести земныхъ поклоновъ утромъ и вечеромъ класть за увлеченія мои; съ захожденіемъ солнца приказалъ каждый вечеръ впередъ быть дома и отъ Аристида, разбойника и мерзавца, удаляться какъ можно болѣе.

— И отъ Джемиля, старче? — спросилъ я покорно.

— И отъ него тоже, — сказалъ отецъ Арсеній. — Что̀ за дружба у христіанскаго юноши со врагомъ своей вѣры и націи! Они же и скверны всякихъ полны... И что ты выиграешь отъ этой дружбы?.. Когда бы еще какой сынъ паши или великаго бея онъ былъ. Интересъ бы былъ. А какой ты интересъ отъ Джемиля получишь?..

Я поклонился еще разъ священнику въ ноги, рѣшился повиноваться ему и цѣлую недѣлю избѣгалъ даже встрѣчи съ Аристидомъ внѣ школы и къ Джемилю не ходилъ. Я замѣтилъ, что послѣ этого и самые уроки, которые я выучибалъ и при прогулкахъ съ ними все-таки не дурно, гораздо больше стали меня занимать, когда все мое вниманіе устремилось на нихъ одни, и вслѣдъ за горькимъ раскаяніемъ на умиленную душу мою сошла нѣкая несказанно-спокойная и сладкая благодать.

Я все вздыхалъ, но пріятно и утѣшительно, молился ве-

село, учился прилежно и бодро и благословлялъ старика за его ко мнѣ строгость.

Аристидъ и Джемиль, соскучившись безъ меня, пришли ко мнѣ сами, но едва только они ступили на дворъ св. Марины, какъ отецъ Арсеній вышелъ съ палкой и началъ бить ею крѣпко Аристида. Аристидъ, какъ ни былъ дерзокъ и силенъ, но не осмѣлился поднять руку на стараго іерея и бороться съ нимъ, а только приговаривая: «Что ты, старче! Что ты съ ума сошелъ!..» уклонялся отъ его ударовъ и бѣжалъ со двора.

Онъ, впрочемъ, не казался ни разсерженнымъ, ни испуганнымъ и, убѣгая со двора, даже громко смѣялся, а за калиткой закричалъ: «*юхга* *)! попъ! *юхга!*..» и ушелъ. Джемилъ, напротивъ того, былъ очень пораженъ и испуганъ; онъ широко раскрылъ глаза, сначала не зная, что́ дѣлать, глядя на то, какъ старецъ преслѣдовалъ съ жезломъ своимъ Аристида, а потомъ, подобравъ полы своей длинной одежды, кинулся тоже бѣжать. Его отецъ Арсеній не тронулъ, вѣроятно, чтобы не имѣть непріятностей съ турками, и только молча погрозился ему, когда онъ, согнувшись, проскользнулъ мимо него въ калитку.

Я сначала смѣялся надъ бѣгствомъ моихъ пріятелей и надъ тріумфомъ отца Арсенія, который возвратился ко мнѣ сіяющій отъ радости и твердилъ со смѣхомъ: «Вотъ я какъ! Вотъ я ихъ какъ!..».

Но потомъ, подумавъ, я сталъ очень опасаться, чтобъ Аристидъ и Джемиль гдѣ-нибудь меня не побили или, по крайней мѣрѣ, словами бы не оскорбили на базарѣ или гдѣ-нибудь еще при людяхъ не вздумали бы и мнѣ кричать: «юхга́! юхга́!»

III.

Однако ни увѣщанія и угрозы отца Арсенія, ни изгнаніе Аристида и Джемиля со двора св. Марины, ни даже собственное мое столь искреннее покаяніе не могли бы,

*) Позорящій возгласъ, въ родѣ шиканья и свиста.

вѣроятно, подѣйствовать на меня такъ, какъ подѣйствовало одно ужасное зрѣлище... Оно надолго отвратило меня отъ сообщества Аристида и Джемиля. Особенно отъ молодыхъ турчатъ я поклялся съ тѣхъ поръ удаляться и долго бѣгалъ отъ нихъ, какъ отъ страшной проказы.

Это было въ одинъ праздничный день. Я только что вышелъ послѣ литургіи съ нашего церковнаго двора и сталъ смотрѣть туда и сюда, раздумывая, куда бы лучше пойти и, по правдѣ сказать, очень желалъ встрѣтить какъ-нибудь нечаянно Аристида... Какъ вдругъ я увидалъ, что по ближней улицѣ кучками-кучками спѣшитъ куда-то народъ...

Наши греки и куцо-влахи, албанцы, евреи и турки, турчанки въ зеленыхъ одеждахъ своихъ, дѣти и даже иные взрослые бѣжали и прыгали по камнямъ, стараясь обогнать другихъ. Въ толпѣ стоялъ гулъ отъ голосовъ.

Я самъ побѣжалъ туда, и не успѣлъ перейти нашу улицу, какъ почувствовалъ, что меня кто-то нагналъ и тронулъ сзади рукой. Я оглянулся и увидалъ Аристида...

Я очень обрадовался ему, и онъ, сверкая глазами, воскликнулъ:

— Идемъ, идемъ скорѣе, человѣка убивать будутъ. Турка будутъ рѣзать...

— Какъ рѣзать? Что такое?

Аристидъ разсказалъ мнѣ поспѣшно, что это дѣло не очень новое и началось еще до моего пріѣзда изъ Загоръ. Два молодыхъ турка, почти такіе же юноши, какъ мы съ нимъ, мѣсяцевъ пять тому назадъ поспорили и побранились между собой. Одинъ изъ нихъ ударилъ другого въ лицо; обиженный хотѣлъ постращать его карманнымъ ножомъ, но тотъ сдѣлалъ неосторожное движеніе, и ножъ вошелъ ему весь въ животъ. Судили ихъ по шаріату, и родные убитаго выкупа не взяли, а потребовали по старому закону «кровь за кровь». Аристидъ говорилъ еще, что отецъ убитаго — лавочникъ, который на базарѣ продаетъ чернильницы, подсвѣчники и другія подобнаго рода вещи; отецъ же убійцы—писецъ хорошій. Онъ уже все

узналъ и развѣдалъ. Онъ даже зналъ, что убійцу зовутъ Саидъ, а убитаго звали Мустафа.

Мы скоро добѣжали до конца города и увидали, что на полѣ за предмѣстьемъ Канлы-Чешмѣ столпилось уже множество народа. Другіе догоняли насъ.

Съ Аристидомъ пробиться впередъ было недолго. Мы пробились, и я увидалъ... Ахъ! нѣтъ, никогда въ жизни я не забуду этого.

Кругомъ палача и его жертвы стоялъ отрядъ солдатъ; ружья ихъ были заряжены, и они безпрестанно отстраняли толпу прикладами; два офицера съ обнаженными саблями стояли молча и угрюмо и только изрѣдка взглядывали сурово туда и сюда.

Виновный Саидъ стоялъ посрединѣ и горько плакалъ. Ему было не болѣе восемнадцати лѣтъ... На немъ были опрятныя новыя шальвары, и его пестрая ваточная курточка на шеѣ и плечахъ была открыта и отвернута.

Палачомъ взялся быть за небольшую плату одинъ оборванный цыганъ-водовозъ, который на ослѣ развозилъ по домамъ ключевую воду. Онъ былъ очень грязенъ, черенъ и оборванъ. На лицѣ его было написано безпокойство и печаль (онъ въ первый разъ въ жизни поднималъ ножъ на человѣка); за старымъ поясомъ его былъ заткнутъ большой и дорогой ятаганъ, который онъ досталъ гдѣ-то, говорятъ, нарочно по этому случаю, и еще другой ножъ поменьше.

Въ кругу же, около офицеровъ, стояли и родные убитаго: отецъ, пожилой турокъ-лавочникъ, въ полосатомъ халатѣ и фескѣ, полный, румяный и сѣдой, и двѣ турчанки, — одна была жена его, а другая сестра — тетка убитому юношѣ.

Отецъ былъ спокоенъ и печаленъ; обѣ женщины кричали...

Но могу ли я изобразить тебѣ вѣрно, какъ это все вдругъ мнѣ представилось... Все предстало вдругъ: и палачъ оборванный и встревоженный, и отецъ задумчивый, и эти женщины, которыя кричали и махали руками въ страшномъ из-

ступленіи... Только и слышно было: «Проклятый! проклятый!.. Нѣтъ! нѣтъ!.. Нельзя... Крови хочу... крови!..» Такъ кричали эти двѣ фуріи; длинные тонкіе носы ихъ выставлялись черезъ покрывало, которое не мѣшало видѣть ни худобы ихъ, ни глазъ, сверкающихъ огнемъ изступленной злобы. «Крови! крови!» твердили онѣ себѣ. Тетка казалась еще изступленнѣе матери. Она начинала крикъ, а мать вторила ей.

Офицеръ сказалъ имъ: «Постойте! дайте сказать слово человѣку!» Изъ толпы впустили въ кругъ дядю убійцы. (Отецъ его заболѣлъ отъ горя, и братъ пришелъ на мѣсто казни, чтобъ еще разъ попытать счастья воспользоваться льготой выкупа денежнаго, которую разрѣшалъ убійцѣ законъ).

Онъ былъ одѣтъ въ сюртукъ и феску, худощавъ и не старъ еще. Лицо его было желтое отъ ужаса и горя... И руки и ноги его дрожали... Войдя въ кругъ, онъ поспѣшно кинулся къ купцу, схватилъ полу его платья и воскликнулъ по-гречески:

— Эффенди! эффенди! Господинъ мой! Во имя Бога великаго... Согласитесь уступить... Ты отецъ и братъ мой тоже отецъ... Посмотри на него, онъ дитя... Двадцать тысячъ піастровъ!.. Двадцать тысячъ піастровъ, всѐ, что́ у насъ есть... возьми!..

Мальчикъ также въ эту минуту бросился въ ноги купцу, и что́ онъ говорилъ, я разслышать за рыданіями его не могъ... Я слышалъ только, что онъ говорилъ: «нечаянно!»

Купецъ молчалъ; опустивъ голову на грудь и заложивъ руку за халатъ свой, онъ, казалось, былъ погруженъ въ глубокое раздумье.

— Возьми! возьми деньги! Возьми, Мехмедъ-ага! — кричала толпа.

И я закричалъ громко:

— Возьми, эффенди! возьми!

— Несчастное дитя! О! несчастный! — кричали другіе и женскіе голоса, и мужскіе.

Мехмедъ-ага обратился къ толпѣ и къ дядѣ убійцы и сказалъ, указывая на женщинъ:

— Я согласенъ; пусть онѣ согласятся...

Мальчикъ подползъ по землѣ къ матери убитаго и сказалъ, стараясь охватить ея ноги, такимъ ужаснымъ голосомъ, что кажется камень растаялъ бы, слушая его:

— Ханумъ! Ханумъ-эффендимъ... Боюсь я, боюсь... Мать моя, барашекъ ты мой... Слышишь... боюсь я, боюсь!

И онъ старался поцѣловать ея желтую туфлю, и руки ломалъ, и загнулъ голову назадъ, открывая глаза свои, полные слезъ...

Даже Аристидъ, который смотрѣлъ, положивъ подбородокъ на мое плечо, и держалъ меня, обнявъ за станъ, сказалъ:

— Ухъ! какая *холодная* *) вещь! — и сжалъ меня руками, содрогаясь...

А я стоялъ полумертвый отъ жалости и ужаса, но уйти до конца не хотѣлъ... не могъ бы даже; толпа безпрестанно напирала на насъ, и съ трудомъ и грознымъ крикомъ и ударами прикладовъ солдаты безпрестанно расширяли кругъ.

Поднялся общій шумъ и вопль; офицеры и солдаты кричали на народъ; мальчикъ рыдалъ и кричалъ; толпа начинала ревѣть въ негодованіи... Но громче всѣхъ раздавался голосъ неистовой тетки. Офицеръ схватилъ, наконецъ, за плечо цыгана и, встряхнувъ его, грозно сказалъ ему:

— Кончай!

Цыганъ схватилъ Саида. Я не стану изображать тебѣ ужасъ бѣднаго юноши. Я не могу передать тебѣ, съ какими изступленными мольбами онъ обращался, влачась по землѣ, то къ самому цыгану, то къ офицерамъ... Это свыше моего умѣнья... Но я желалъ бы, чтобы ты вообразилъ себѣ весь этотъ нестерпимый ужасъ, который былъ напи-

---

*) *Холодная* вещь, *хладный* человѣкъ — на Востокѣ вмѣсто *противная* вещь, *непріятный* человѣкъ.

санъ на его лицѣ, почти дѣтскомъ... И если ты и это вообразишь, то не знаю, вообразишь ли ты, что̀ послѣдовало за этимъ...

Цыганъ не умѣлъ убивать людей; онъ въ первый разъ въ жизни поднималъ руку съ ножомъ, и поднималъ ее изъ-за нѣсколькихъ золотыхъ на душу ни въ чемъ предъ нимъ неповинную...

Наконецъ одинъ изъ офицеровъ взялъ подъ руку Саида и, приподнимая его, сказалъ ему ласково:

— Дитя мое! Покорись твоей несчастной участи... Такъ Богъ желаетъ... Что̀ ты сдѣлаешь противъ Бога...

Саидъ только воскликнулъ:

— Аллахъ! Аллахъ! — и, глубоко вздохнувъ, сталъ на колѣни предъ цыганомъ и протянулъ ему шею...

Что̀ съ нимъ дѣлалъ цыганъ — я не видѣлъ... Я закрылся весь въ слезахъ и бросился въ толпу, чтобы не видать болѣе... Я слышалъ только пронзительный визгъ. Я слышалъ опять ревъ толпы и громкую команду офицеровъ... и опять новый визгъ.

Еще нѣсколько минутъ — и не стало бѣднаго Саида...

Въ народѣ продолжали раздаваться проклятія и вопли негодованія... Вдругъ кто-то закричалъ:

— Бей палача! Рви на куски цыгана! Бей его! Анаѳема старухамъ!.. Бейте этихъ вѣдьмъ!..

Я оглянулся и увидалъ, что солдаты съ остервенѣніемъ отбивались прикладами отъ толпы и офицеры подставляли сабли инымъ, которые слишкомъ бросались впередъ... У одного деревенскаго паликара изъ Чамурьи (я его зналъ; его звали Яни) шла кровь изъ руки... Его слегка ранили чѣмъ-то, вѣрно оттого, что онъ радъ былъ случаю наложить эту руку на цыгана-мусульманина и на двухъ старыхъ турчанокъ... На носилкахъ, покрытыхъ чѣмъ-то бѣлымъ и кровавымъ, уносили трупъ Саида, и около носилокъ шелъ его дядя... Я взглянулъ на него и увидалъ предъ собою такое спокойное и печальное лицо, что спокойствіе это мнѣ показалось кажется еще страшнѣе и жальче криковъ несчастнаго Саида...

Народъ, отбитый солдатами, скоро успокоился, и отрядъ съ офицерами направился къ городу, охраняя палача и родныхъ убитаго... Я долго слѣдилъ издали за зелеными *фередже* этихъ двухъ женщинъ и думалъ: «Какой же демонъ крови и мщенія долженъ былъ обитать въ ихъ сердцахъ!.. И что же было бы съ нами, христіанами, если такимъ турчанкамъ и туркамъ дана была бы надъ нами полная воля!..»

Толпа начала разсѣиваться и расходиться по домамъ. Я искалъ глазами Аристида, котораго оттолкнулъ въ ту минуту, когда хотѣлъ отвратить взоры свои отъ ужасной сцены холоднаго убійства... Онъ скоро и самъ нагналъ меня и сказалъ опять съ улыбкой, какъ бы находя удовольствіе вселять во мнѣ ужасъ:

— *Ти кріо прагма*! (Какая непріятная вещь!) Ты не видалъ, а я видѣлъ, какъ онъ его, бѣднаго, повалилъ и перерѣзалъ горло ему какъ барану... Прежде хотѣлъ ему сзади голову отрубить, но не умѣлъ... Ударилъ разъ... Саидъ какъ закричитъ... Только кровь полилась... А потомъ бѣдняжка ужъ и не кричалъ, а все молча терпѣлъ, когда онъ его...

Я заткнулъ уши и просилъ его перестать. Впрочемъ онъ и самъ былъ очень блѣденъ, и только чрезвычайная сила духа его, отвага и желаніе подразнить меня и представить себя самого безжалостнымъ, только эти чувства внушали ему бодрость. Мы прошли нѣсколько времени молча, и наконецъ онъ сказалъ мнѣ:

У меня есть нѣсколько піастровъ... Зайдемъ въ кофейню, въ Лутцу, выпьемъ холодной воды и кофе... А то боюсь я, чтобъ тебя не стошнило или чтобъ ты въ обморокъ не упалъ... Ты очень блѣденъ, душенька!

Это онъ сказалъ безъ всякой насмѣшки, но съ тою лаской и любезностью, которая всегда такъ смягчала мнѣ сердце; она смягчила и теперь.

Мы скоро пришли въ предмѣстье Лутцу, спросили себѣ стулья, кофе и холодной воды и сѣли на лужку, лицомъ къ озеру и горамъ и спиной къ городу. Народу не было

никого въ это время. Въ кофейнѣ только два человѣка играли въ шашки. Предмѣстья издали казались такъ мирны и тихи. Долина зеленѣла, зеленѣло-то самое поле, на которомъ убили Саида; и на дальнихъ синихъ горахъ бѣлѣли широкія жилы снѣга, такъ неподвижно и спокойно блистая!..

Я созерцалъ, умиротворяя въ себѣ взволнованную душу... Курилъ и кофе пилъ вздыхая. Аристидъ, тоже не говоря ничего, запѣлъ прекрасную пѣсню, подъ которую пляшутъ на свадьбахъ въ дальней Эгинѣ:

Веселитесь, молодые, веселитесь, дѣвушки—
А день идетъ все къ вечеру...
А Харонъ *) дни наши
По одному, по одному все отсчитываетъ...
Ну, такъ давайте же землю эту топтать веселяся.
Ту землю, которая насъ пожретъ...

Нѣтъ у Харона разбора,
Вѣрности нѣтъ у него никакой!...
Младенцевъ отъ груди беретъ
И старцевъ не оставляетъ...
Придавимъ-ка еще, пристукнемъ ногами ту землю...
И пляска наша пусть станетъ вкуснѣе...

Веселитесь, молодые, веселитесь вы, дѣвушки,
Радуйтесь въ прохладѣ молодости вашей.
Смотрите — придетъ время,
Какъ и васъ съѣстъ гробовая доска...
Ну, такъ давайте же землю эту топтать веселяся.
Ту землю, которая насъ пожретъ...

Въ эту землю, по которой мы ходимъ ногами,
Въ нее всѣ мы пойдемъ;
Она подъ травкой своей подъ зеленой
Поѣдаетъ паликаровъ молодыхъ,
И подъ цвѣточками подъ своими
Ѣстъ дѣвушекъ молодыхъ и дѣвчоночекъ.
Ну, такъ дайте ей еще ногою,
Дайте хорошенько...

---

*) Смерть.

Веселитесь, молодчики, дѣвушки, веселитесь!
До того года проживетъ ли кто?
У Харона есть рѣшеніе:
Ни души ни одной въ живыхъ не оставить,
И архонтовъ, и большихъ людей,
И всякую остальную бѣдную бѣдность,—
Всѣхъ ждетъ ихъ и насъ Харонъ,
Молодыхъ, стариковъ и дѣтей...

Такъ пѣлъ Аристидъ долго, а я слушалъ его. И стало мнѣ легче, хотя и грустно.

Я попросилъ его снова спѣть пѣсню. Онъ опять запѣлъ, а я сталъ опять слушать.

Наконецъ мы встали. Аристидъ повеселѣлъ вовсе и говорилъ мнѣ смѣясь:

— Пойдемъ теперь къ Джемилю. Я буду ему разсказывать, и ты увидишь, какъ онъ будетъ бояться.

Но я сказалъ:

— Ни за что теперь къ туркамъ не пойду. Далеко пусть будутъ отъ меня теперь всѣ турчата молодые! Пусть Господь Богъ меня спасетъ отъ нихъ...

Аристидъ назвалъ меня съ презрѣніемъ «несчастнымъ» и всѣ пять пальцевъ наложилъ на лицо: «вотъ тебѣ всѣ пять на глаза твои*)!» и ушелъ, а я возвратился къ отцу Арсенію.

Къ Джемилю послѣ этого я вовсе пересталъ ходить и кланялся ему только на улицѣ; но съ Аристидомъ я долго бы не нашелъ ни причины, ни охоты, ни силы прервать (такъ съ нимъ было всегда весело: такой онъ былъ занимательный, «курьезный», какъ у насъ говорятъ), если бъ онъ самъ вскорѣ не уѣхалъ въ Корфу. Чрезъ недѣлю какую-нибудь послѣ казни молодого турка онъ поссорился съ однимъ изъ учителей нашихъ. Ученики подняли шумъ; больше всѣхъ шумѣлъ сынъ Куско-бея, того красавца въ грязномъ сюртукѣ, котораго такъ ненавидѣлъ нашъ докторъ Коэвино; Аристидъ на этотъ разъ былъ гораздо менѣе виноватъ.

*) Обычный на Востокѣ жестъ презрѣнія или брани.

Но учитель, боясь оскорбить сына богача всемогущаго въ городѣ и въ самой Портѣ, воскликнулъ, обращаясь къ Аристиду: «Замолчишь ли ты, негодяй, шутъ маскарадный!» и поднялъ на него книгу, которую держалъ въ рукѣ. Боже мой! какъ сверкнули гордыя очи у моего Аристида!.. Онъ только пожалъ плечами, улыбнулся и сказалъ, приступая къ учителю: «Это ты меня-то, меня, учитель? Ты, морѣ, не въ своемъ умѣ, вѣроятно!» Далъ ему разъ по книгѣ, книга полетѣла изъ рукъ, а мой Аристидъ надѣлъ свою европейскую шляпу, загнулъ ее на́ бокъ и вышелъ съ тріумфомъ изъ школы.

Разсказалъ дома отцу; отецъ огорчился и, опасаясь, чтобъ онъ совсѣмъ здѣсь не излѣнился и не потерялъ головы, отправилъ его въ Корфу. Тогда еще были тамъ англичане; и былъ у нихъ одинъ дальній родственникъ англичанинъ, человѣкъ очень суровый и ученый. Къ нему отправилъ его отецъ.

Аристидъ, прощаясь со мной, говорилъ, пожимая плечами:

— Мнѣ все равно!.. Что *меня ржжетъ?*... И тамъ и здѣсь одно и то же. Тамъ еще лучше. Тамъ Европа. Тамъ мнѣ будутъ женщины и дѣвушки сами изъ оконъ платками знаки дѣлать. Она мнѣ вотъ такъ, а я ей вотъ такъ тоже платкомъ... И сейчасъ понимаемъ другъ друга... Ты знаешь ли, какой я клефтъ? И какой злодѣй? Я такой злодѣй, какъ въ той пѣсенкѣ поется:

Яни тотъ да Янаки, да распутный Яни
Обводитъ все дѣвушекъ, проводитъ прекрасныхъ...

Вотъ я что, сынъ мой любезный ты, Одиссей!

И опять шляпу на́ бокъ; обнялъ меня, поцѣловалъ и уѣхалъ; а я остался, и мнѣ сначала стало безъ него гораздо скучнѣе.

IV.

Долго говорили въ городѣ о казни Саида. Давно ничего подобнаго въ Янинѣ не видали; законъ этотъ прилагался не часто, и не всѣ родные были такъ жестоки и требовательны, какъ мать и тетка убитаго Мустафа. Иные христіане, попроще или позлѣе, восклицали: «Тѣмъ лучше! Пусть турки рѣжутся между собой. Съ нами они этого дѣлать не могутъ такъ легко теперь... Державы не допустятъ... А за этотъ анаѳемскій родъ кто заступникъ? Развѣ одинъ Лесси, старичокъ». Другіе радовались, что консулы напишутъ своимъ правительствамъ объ этомъ происшествіи и во всѣхъ европейскихъ столицахъ будутъ знать, какіе ужасы дѣлаются въ Турціи. Но были и такіе, которые вникали въ дѣло гораздо глубже и, качая головой и вздыхая, говорили печально: «Еще есть крѣпость духа у мусульманъ! Не правительство желало такой казни, а семья требовала приложенія закона во всей его древней строгости!.. Непріятно христіанину видѣть, что его враги еще такъ преданы своему суровому, кровавому закону! Увы намъ! увы!.. Мы здѣсь заняты нашими мелкими раздорами, въ Элладѣ министерство падаетъ за министерствомъ, а мусульмане все терпятъ, все переносятъ, мирятся молча со всѣми тягостями, и съ тѣми, которыя на нихъ налагаетъ правительство, пытающееся хоть для виду стать прогрессивными, и съ тѣми, которыхъ отъ нихъ требуетъ Коранъ».

Докторъ Коэвино, который многое понималъ такъ вѣрно и тонко, даже и въ политикѣ, хотя онъ ее и ненавидѣлъ (потому вѣроятно, что всѣ архонты, учителя и доктора наши на Востокѣ много занимаются ею), судилъ объ этомъ дѣлѣ именно такъ, какъ я сейчасъ сказалъ. Но онъ не вздыхалъ и не печалился, какъ другіе греки, согласные съ нимъ во взглядѣ, а восклицалъ почти радостно, на зло всѣмъ соотечественникамъ своимъ: «О! средніе вѣка! О! браво! Средніе вѣка! Ха-ха! ха-ха! Какая мрачная, величавая картина!.. Какая трагическая сила духа есть еще

у этого племени и въ этой религіи! Деньги! 20.000 піастровъ!.. На что́ намъ деньги?.. Мы презираемъ ихъ, хотя мы и бѣдные!.. Мы жаждемъ крови!.. Мы мщенія хотимъ!.. О! что за возвышенный ужасъ!.. Архонтъ бы нашъ, учитель нашъ премудрый — не 20.000!.. О, о! Онъ 20 піастровъ взялъ бы съ радостью за умерщвленіе сына!»

Исаакидесъ, вѣчный революціонеръ, послалъ тотчасъ двѣ корреспонденціи объ этомъ въ Аѳины и въ Тріестъ... Я читалъ ихъ (отецъ Арсеній доставалъ и запрещенныя въ Турціи газеты). Исаакидесъ постарался описать дѣло еще мрачнѣе, чѣмъ оно было, но преднамѣренно оставляя кое-что въ туманѣ... Напримѣръ Саидъ, всѣ это знали, разсерженный подставилъ товарищу ножъ: Исаакидесъ писалъ, что они *играли* и что ссоры вовсе не было. Онъ даже нарочно не называлъ казненнаго по имени, не говорилъ, что онъ турокъ, и выражался такъ: «*одинъ несчастный юноша*», «*одно семейство*...» Издали люди невнимательные или незнакомые съ турецкою жизнью могли думать, что казнили грека. Корреспонденціи кончались пламенными фразами о варварствѣ, о равнодушіи Европы... О русской крови, безполезно пролитой подъ стѣнами Севастополя...

Консулы, вѣроятно, всѣ что-нибудь писали объ этомъ. На мѣстѣ казни были почти всѣ драгоманы; я самъ мелькомъ видѣлъ ихъ форменныя фуражки; одинъ Бостанджи-Оглу не успѣлъ побывать и не узналъ даже ничего объ этомъ во́-время. Г. Бакѣевъ былъ очень разгнѣванъ на него за это́ упущеніе, и онъ былъ правъ; всѣ замѣтили, что изъ русскаго консульства не было на мѣстѣ казни ни чиновника, ни даже кавасса. Маноли-кавассъ, всегдашній мой покровитель и другъ, тотчасъ же вспомнилъ обо мнѣ (онъ какъ-то уже успѣлъ узнать — всезнающій! — что я тамъ былъ) и предложилъ г. Бакѣеву мои услуги. Г. Бакѣевъ былъ очень радъ, и вечеромъ въ самый день казни Саида за мной прислали, посадили въ канцелярію и заставили все разсказать, что́ я видѣлъ, безъ прибавленія и утайки. Я разсказалъ. Г. Бакѣевъ сказалъ мнѣ довольно холодно: «Mercі»; а Бостанджи-Оглу тутъ же замѣтилъ: «Не

хорошо, что ученикъ гимназіи и совсѣмъ посторонній мальчикъ исполняетъ вашъ долгъ!»

Бѣдный *Москов-Яуды* потупилъ очи и краснѣлъ, извиняясь и называя г. Бакѣева даже «господинъ консулъ», а не г. Бакѣевъ.

Воля ли Божья была на то, или такое особое стеченіе обстоятельствъ, только отецъ мой и я, мы во всемъ и вездѣ стояли на пути этому очень свѣдущему въ языкахъ и трудолюбивому, но все-таки неспособному, ничтожному и даже нѣсколько низкому молодому человѣку! Со временемъ эти отношенія приняли характеръ настоящей ненависти и явной борьбы, которая кончилась для меня полнымъ торжествомъ.

Меня, ученика неопытнаго и застѣнчиваго, какая-то незримая, но сильная волна житейскаго теченія приподнимала и какъ бы приносила къ порогу русскихъ и къ русскому консульству. Еще до возвращенія отца моего и г. Благова какъ будто мнѣ чувствовалось, что я уже теперь не просто *райя* беззащитный, а сынъ русскаго драгомана, который въ Портѣ можетъ сдѣлать при случаѣ больше самого консула, и воспоминаніе объ этомъ часто, какъ богу Гермесу, окрыляло мнѣ ноги и хоть на минуту, но приподнимало меня отъ земли смѣлостью и гордостью. Оставаясь все эллиномъ, я почти русскій теперь!.. Никто меня не обидитъ!.. Какъ это прекрасно и утѣшительно! думалъ я... Я сказалъ: «какая-то незримая волна житейскаго теченія»... Да! Это было до такой степени справедливо, что я самъ, почти и не замѣчая того, еще тогда, почти ребенкомъ, началъ *дѣлать дѣла*... и въ митрополіи, и въ консульствахъ, и въ самой Портѣ... *высокой* и страшной Портѣ... И показалось мнѣ очень скоро многое не такъ уже высоко и не черезъ силу страшно!

Первое дѣло мое, и сразу въ самой Портѣ, было вотъ какое: нужно было защитить отъ неистовой Гайдуши доктора Коэвино, и я защитилъ его... Ты дивишься? Слушай, и ты увидишь, что это сдѣлалось все просто и легко.

Былъ въ Янинѣ у насъ еще другой докторъ (докторовъ

у насъ хорошихъ и обученныхъ въ Европѣ много), по фамиліи Арванитаки. Онъ былъ уже старъ и женатъ давно на гречанкѣ съ одного изъ дальнихъ острововъ...

Ты, какъ житель Эллады, самъ лучше меня, я думаю, знаешь, какъ много на островахъ красивыхъ женщинъ; я же скажу тебѣ, что онѣ гораздо оживленнѣе и чувствительнѣе нашихъ янинскихъ дамъ и дѣвицъ.

Г-жа Арванитаки хотя въ то время была уже не очень молода, но еще красива, разговорчива, бойка и, какъ слышно, иногда тяготилась однообразною, тихою жизнью нашего города. Я видѣлъ самъ позднѣе не разъ, какъ она смѣло и много разговаривала съ Благовымъ и другими консулами, тогда какъ наши янинскія дамы, надо правду сказать, обыкновенно ограничивались во время визитовъ и при встрѣчахъ съ иностранцами разспросами о здоровьѣ и погодѣ или замѣчаніями о томъ, что «здѣсь Турція, варварство»; что «здѣсь пріѣзжему изъ Европы должно показаться все нехорошо». Всѣ говорили почти одно и то же и очень мало; разница была въ томъ, что мадамъ Бакыръ-Алмазъ говорила степенно и тихимъ голосомъ; мадамъ Несториди говорила нѣжно, склоняя головку на сторону, какъ милый анемонъ, а мадамъ такая-то кричала пронзительно и на весь домъ: «Туречина! Туречина! Господинъ консулъ! Туречина! Дороги у насъ дурныя, несчастныя, непроѣздныя...»

Вотъ и вся разница.

Мадамъ Арванитаки хотя и прожила уже около десяти лѣтъ въ Янинѣ и одѣвалась по-янински въ очень широкое и короткое платье на огромномъ кринолинѣ, изъ-подъ котораго были видны изрѣдка цвѣтныя турецкія шальвары, хотя носила расшитый цвѣтной, узенькій платочекъ, прикрѣпленный лишь на одной сторонѣ головы, но и взглядъ ея былъ пламенный, и походка иная, и рѣчь, какъ сказать, гораздо болѣе смѣлая и занимательная, чѣмъ у другихъ дамъ.

Даже одна пустая вещь... У насъ есть одинъ обычай: когда на вопросъ о здоровѣ знакомый отвѣтитъ, что онъ

самъ нездоровъ, или жена его, или сынъ, или кто-нибудь близкій, то приличіе требуетъ сказать непремѣнно: «Мнѣ это очень непріятно...» Нельзя воскликнуть: «Ахъ! Что такое? Что у васъ?.. Какое горе!.. Боже!..» Это можно, но послѣ, а прежде сказать надо: «мнѣ это непріятно», хотя бы и небрежно, и улыбаясь, и холодно, изображая на лицѣ своемъ «что мнѣ, братъ, до тебя за дѣло!» Но сказать нужно... Оно какъ-то само и не подумавъ говорится. И точно, всѣ янинскія дамы, всѣхъ классовъ общества, и богатыя, и бѣдныя, и безграмотныя, и въ лучшей школѣ обученныя говорятъ это привѣтствіе точно такимъ же тономъ, какимъ бы онѣ сказали вамъ: «сегодня вторникъ, а не среда!» Только одна мадамъ Арванитаки умѣла придать сожалѣнію своему въ подобныхъ случаяхъ какую-то живую и пріятную театральность: «Боже мой! Ваша жена? Ваша жена нездорова? Почему? Чѣмъ? Какъ мнѣ это непріятно! Какъ мнѣ жаль... Повѣрьте! Такая молодая, милая!.. Еще недавно она какъ юный ангелъ шла по улицѣ!.. Что съ ней! Что съ ней!» И человѣку пріятно было слышать эти восклицанія даже и тогда, когда онъ могъ сомнѣваться въ ихъ искренности.

У мадамъ Арванитаки были двѣ маленькія дочери; она занималась ими; но можетъ быть ей все-таки было дома очень скучно.

Постоянныхъ гульбищъ общественныхъ, баловъ, театровъ у насъ нѣтъ; въ домахъ другъ друга посѣщаютъ рѣдко... Самъ Арванитаки былъ, какъ я уже сказалъ, и тогда не молодъ, гораздо старше жены; сѣдой, въ очкахъ, всегда съ табакеркой, смирный, простодушный, весь погруженный въ чтеніе и задумчивость, собою неприглядный, низенькій. Когда я позднѣе сталъ встрѣчать больше людей разныхъ націй и разнороднаго воспитанія, я всегда, вспоминая о скромномъ, честномъ, ученомъ и безхитростномъ Арванитаки, находилъ, что онъ больше похожъ на германскаго ~~профессора~~, чѣмъ на грека; видно было, что долгая жизнь въ Германіи пришлась вполнѣ ему по природѣ. Греческаго въ немъ было только имя, языкъ и, конечно, то

сильное патріотическое чувство, которое есть стихія всякой греческой души! Сверхъ своихъ серьезныхъ медицинскихъ познаній Арванитаки былъ замѣчательный теологъ и зналъ отлично каноническое право. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ почтенныхъ грековъ, которые, не пренебрегая полудикою своею родиной, возвращаются домой изъ Европы, съ большимъ запасомъ знаній и потомъ живутъ у насъ *по-нашему* въ однообразномъ трудѣ и честной неизвѣстности.

Итакъ черноокая мадамъ Арванитаки тосковала; она сверхъ того болѣла чѣмъ-то и доктору Коэвино довѣряла больше чѣмъ мужу. Людямъ очень близкимъ она и сознавалась въ этомъ, говоря съ улыбкой: «Я очень уважаю господина Арванитаки, и всѣ считаютъ его очень знающимъ врачомъ; но что жъ мнѣ дѣлать! У него нѣтъ той божественной искры въ умѣ, которая есть у этого безумнаго Коэвино». И въ этомъ она была права. Когда Коэвино хотѣлъ, онъ былъ врачъ превосходный, находчивый, изобрѣтательный, внимательный. Онъ часто посѣщалъ домъ скромнаго Арванитаки, подолгу просиживалъ, особенно въ тѣ часы, когда старикъ старательно обходилъ своихъ больныхъ; онъ разсказывалъ женѣ его о томъ, что̀ дѣлала Франческа да-Римини, или о томъ, что на Марсѣ есть атмосфера и океанъ, а на Лунѣ вѣроятно нѣтъ.

Человѣку впечатлительному съ Коэвино могло быть иногда томительно и даже пожалуй и страшно отъ чрезмѣрной быстроты и силы его душевныхъ измѣненій, вспышекъ гнѣва и восторговъ, необдуманной смѣлости и самаго ребяческаго малодушія и страха... Но скучать съ нимъ было трудно.

Такимъ образомъ посѣщая часто мадамъ Арванитаки и врачуя ее, Коэвино вмѣстѣ съ тѣмъ и развлекалъ ее много. Она очень дорожила его обществомъ.

Однажды она созналась ему, что смолоду умѣла писать стихи, отыскала тетрадку и подарила ему на память слѣдующее свое стихотвореніе:

Въ часъ поздній, вечерній,
Когда выхожу я
На берегъ пустынный,
Глубоко тоскую...

Луна моя, луночка,
Прошу я, свѣти мнѣ
Дорогой утесистой,
Чтобы легче итти мнѣ...

Чтобы видѣть мнѣ море
И слышать мнѣ волны,
О скалы какъ бьются,
Страданія полны!

И мой путь нелегкій,
И я молодая
По другу прекрасному
Томлюсь, изнывая...

Коэвино въ восторгѣ возвратился домой, рыкая какъ левъ. Онъ никогда не сочинялъ стиховъ, сѣлъ за перо, хотѣлъ писать, не могъ и, наконецъ, отвѣтилъ ей слѣдующимъ бѣшенымъ взрывомъ страсти, который онъ выписалъ изъ печатнаго сборника, и отнесъ ей на другой день, какъ бы косвенно объясняясь ей этимъ самымъ въ любви:

Ахъ! поцѣлуй
Одинъ разъ въ ротъ!
Ну вотъ!!..
Тысячу въ грудь...
Дай мнѣ вздохнуть!
Ахъ! образумься—
Что ты, въ умѣ ли?
О! я не я!
Глаза потемнѣли—
Убилъ ты меня... и т. д. *)

*) Это плохое и даже гораздо хуже чѣмъ плохое стихотвореніе дѣйствительно изъ сборника и принадлежитъ, если не ошибаюсь, одному изъ лучшихъ аѳинскихъ поэтовъ, одному такъ сказать изъ *лавреатовъ* новыхъ Аѳинъ.

Къ несчастію Коэвино дома г-жу Арванитаки не засталъ и неосторожно отдалъ записку со стихами служанкѣ.

Служанка въ простотѣ своей отдала мужу. Арванитаки оскорбился и просилъ жену не принимать Коэвино такъ часто наединѣ безъ крайности. На слѣдующій день Коэвино явился одѣтый щеголемъ и довольный изобрѣтательностію своей, чтобъ узнать, что̀ *будетъ дальше*... поймутъ ли его и, если можно, то̀ и насладиться побѣдой... Мадамъ Арванитаки начала жаловаться на ревность скучнаго мужа. Вдругъ застучали въ дверь... Арванитаки, встревоженный за честь свою, возвратился раньше обыкновеннаго... Коэвино предпочиталъ остаться въ гостиной и не подать никакого вида; но мадамъ Арванитаки, не желая слышать новыхъ старческихъ, утомительныхъ упрековъ, почти насильно втолкнула его въ стѣнной шкапъ и приперла. Арванитаки взошелъ, посмотрѣлъ туда и сюда и прямо къ шкапу; отперъ его и увидалъ Коэвино тамъ съ вѣнскою тросточкой, въ *жакетонѣ*, со шляпою круглой, въ свѣжихъ перчаткахъ и съ pince-nez!..

Арванитаки тотчасъ отошелъ, сѣлъ на диванъ и, приподнявъ на лобъ очки, чтобъ они не мѣшали ему утирать платкомъ слезы, началъ плакать и сказалъ:

— Я живу, думаю только о томъ, чтобы никого не обидѣть и не оскорбить!.. Зачѣмъ же меня люди такъ безжалостно оскорбляютъ!..

Докторъ Коэвино былъ иногда очень добръ и совѣстливъ; онъ вышелъ, до крайности смущенный и пристыженный кроткими жалобами собрата. Его игра въ легкую итальянскую страсть причинила глубокое горе человѣку, котораго онъ самъ уважалъ.

Онъ пришелъ домой печальный и взволнованный. Раздѣлся, надѣлъ турецкую шубку свою, феску, велѣлъ съ горя приготовить чай на балконѣ (потому что день былъ теплый) *по-русски*, съ самоваромъ, который ему выписалъ изъ Одессы Благовъ, и на который онъ всегда глядя утѣшался; сѣлъ у столика, закурилъ наргиле и, пригласивъ Гайдушу сѣсть съ собою, началъ ей, какъ старому другу,

изливать свое горе и каяться, и хвалиться, и тосковать, что обидѣлъ ближняго, и восхищаться стихами...

Гайдуша сидѣла, пила чай и слушала... Но когда Коэвино кончилъ, она внезапно вскочила, такъ что чуть-чуть не опрокинула на доктора самоваръ, связала свои вещи въ узелокъ, ушла со двора и потомъ опять вернулась и съ дикимъ хохотомъ сказала:

— Смотри, докторъ, что я сдѣлаю. Я подамъ пашѣ прошеніе, чтобы простили того злодѣя, который хотѣлъ меня зарѣзать и сжечь твой домъ; черезъ меня онъ въ цѣпяхъ работаетъ; я же и выпущу его. Ты знаешь, докторъ ты мой, какая я собака?.. Я собака изъ пастушьей овчарни... отъ которой волки дрожатъ и трепещутъ. Выйду я за него, за паликара, замужъ и тогда... посмотри ты, что будетъ тебѣ... ни днемъ ни ночью не будетъ тебѣ покоя! Прощай!

Что было дѣлать доктору? Онъ былъ ужасно перепуганъ. Куда броситься за помощью? Къ кому итти? Ближе всего было итти къ г. Корбетъ-де-Леси, такъ какъ Коэвино былъ подданный Іоническихъ острововъ... Онъ и пошелъ, но... буря и погибель!.. Леси осмѣялъ его и даже позволилъ сказать себѣ, что такія дѣла съ Гайдушей, съ убійцами, заключенными въ тюрьму, нейдутъ такому *джентльмену*. Вообрази себѣ ярость Коэвино! Съ тѣхъ поръ онъ не ступалъ на порогъ своего консула и далъ себѣ клятву посѣтить его только тогда развѣ, когда онъ будетъ, умирая, звать его, какъ лучшаго, именно лишь какъ *лучшаго* врача! Но теперь, сейчасъ что дѣлать?.. Страхъ его былъ такъ же быстръ и требователенъ, какъ и всѣ другія его чувства и страсти! Итти къ Бакѣеву? Врагъ... Къ Бостанджи-Оглу? Глупъ; не понимаетъ его, доктора, не цѣнитъ... глупъ! Къ Бреше? Необразованъ; грубъ. Къ австрійцу? Добрый поваръ. Къ греку? Медленъ, осторожен. Скажетъ: подождите еще немного. Куда? Прямо въ Порту? Стыдно, неудобно! И вотъ нашелъ наконецъ. Пришелъ ко мнѣ взволнованный и блѣдный; прямо ко мнѣ въ комнату; заперся со мною и шопотомъ, почти со слезами

на глазахъ и обнимая крѣпко и цѣлуя, разсказалъ все, какъ взрослому другу:

— Ты сынъ русскаго драгомана, мое сокровище... Тебя Сабри-бей, этотъ милый мой Сабри-бей, такъ хвалилъ. Иди, мое сокровище, къ нему сейчасъ, только къ Сабри-бею... И скажи ему вотъ какъ: вашъ другъ Коэвино страдаетъ отъ этой мегеры! Помѣшайте ей сдѣлать это дѣло... Записки писать, понимаешь, я не желалъ бы... И объ Арванитаки не говори ни слова... А только о мегерѣ и объ убійцѣ.

Я не вѣрилъ, что въ силахъ буду что-нибудь сдѣлать. Но рѣшился и пошелъ охотно.

Мегера была уже и сама въ Портѣ и прыгала, хромая и сверкая взорами, по большимъ сѣнямъ съ прошеніемъ въ рукахъ. Сабри-бей, выслушавъ меня, много смѣялся и сказалъ: «Бѣдный докторъ!» Потомъ пошелъ одинъ къ Ибрагиму; потомъ кликнули меня туда же, и Ибрагимъ, улыбаясь, заставилъ меня повторить все. Я повторилъ все, смиренно и почтительно стоя у стѣны. Потомъ кликнули Гайдушу, и беи начали ее серьезно допрашивать:

— Ты можетъ замужъ за этого наказаннаго человѣка желаешь? — сказалъ Сабри-бей.

— Это воля Божья, — отвѣчала Гайдуша.

— Нѣтъ, — сказалъ Ибрагимъ важно, — ты должна говорить здѣсь всю правду. За искренность твою будетъ тебѣ и награда. Хотѣла бы за него замужъ? Говори, баба, когда тебѣ приказываютъ...

— Какая же дѣвушка не хочетъ замужъ... — отвѣчала Гайдуша улыбаясь.

— Ты говоришь... дѣвушка? А? Никакъ ты сказала: дѣвушка?..—насмѣшливо присовокупилъ Сабри.

— Незамужняя то-есть женщина,—отвѣчала ловкая Гайдуша очень весело, принимая эти шутки за добрый признакъ благосклонности къ ея дѣлу. (На меня она взглянула войдя, но вѣрно ей и въ голову не пришло, что я по этому же дѣлу здѣсь!)

— Какъ же ты хочешь освободить этого злодѣя и про-

стить ему и стать его женою, когда у тебя и теперь на лицѣ видны слѣды его звѣрства?

— Богъ велитъ прощать обиды, бей мой.

— Прекрасно. А бѣднаго доктора какъ же ты оставишь, кто же будетъ смотрѣть за нимъ? — спросилъ Ибрагимъ.

— Брить его? — сказалъ Сабри.

— Развѣ онъ худо съ тобой обращается?

— Нѣтъ, — отвѣчала Гайдуша. — Дай Богъ ему здоровья и долголѣтія... Онъ взялъ меня въ служанки сиротой и мужичкою мещовской; я дочь носильщика простого. А онъ изъ меня теперь человѣка сдѣлалъ, который все понимаетъ, и умъ мой развилъ даже, бей эффенди мой. Но докторъ человѣкъ большой, имѣетъ связи, отношенія, званіе прекрасное, а я желаю устроить тоже мою судьбу и освободить этого человѣка, который уже довольно былъ за меня правительствомъ наказанъ.

Турки помолчали, и потомъ Ибрагимъ, принявъ опять серьезный видъ, сказалъ спокойно:

— Этого нельзя... Иди по-добру по-здорову. Вонъ!

Гайдуша поблѣднѣла, но сказала твердо:

— Прошу васъ, бей эффенди мой, отдать это прошеніе мое самому пашѣ господину нашему.

Ибрагимъ бросилъ ей назадъ прошеніе и отвѣчалъ:

— Несчастная! Иди вонъ! Не ты наказала разбойника, а девлетъ (государство). Не твоей мордѣ, которую онъ разрѣзалъ, цѣна, а нуженъ порядокъ въ городѣ. Слышишь?

— Бей эффенди мой... — осмѣлилась еще сказать Гайдуша.

Но Ибрагимъ привсталъ немного съ дивана, и Гайдуша выскочила въ дверь какъ молнія.

Беи захохотали громко, и я засмѣялся, но слегка и всѣмъ видомъ моимъ показывая, что я никогда не позволю себѣ забыть, въ какомъ высокомъ мѣстѣ я, недостойный, пребываю въ этотъ мигъ.

Я поблагодарилъ обоихъ беевъ, низко поклонился имъ и вышелъ очень довольный, конечно, собой и первымъ хо-

датáйствомъ своимъ въ Портѣ. «Вотъ, чтó значитъ *тѣнь* отца моего и русскій флагъ!.. И я, мальчикъ, сдѣлалъ дѣло, благодаря тому, что этотъ флагъ и эта тѣнь меня осѣняютъ...»

Но и эта радость моя была очень непродолжительна. За воротами конака меня встрѣтила фурія. Я не ожидалъ никакъ ее тутъ увидать и, не принимая никакого участія въ сценѣ ея съ беями, я думалъ, что и она не обратила на меня вниманія.

Едва только вышелъ я со двора на улицу, какъ Гайдуша внезапно кинулась на меня и закричала такъ, что прохожіе остановились.

— Это ты, *bastardo*, это ты, змѣя подкрался уязвить меня... Проклятый!.. Вы все съ отцомъ своимъ, загорская деревенщина, путаетесь во все. Подожди, подожди! Почернѣешь и ты скоро, три раза проклятый, чтобы тебя взялъ Харонъ скорѣе отъ лица земли... Подождите!.. И отецъ твой ослѣпнетъ, я тебѣ говорю, я!.. И ты, bastardo, ни въ чемъ успѣха не будешь имѣть... И матери твоей глупой пусть Богъ никогда грѣховъ ея не проститъ... А! Чтобы вы всѣ никогда не спаслись ни въ этомъ свѣтѣ, ни въ будущемъ...

— Стой, стой, кира-Гайдуша, за что ты насъ проклинаешь! — воскликнулъ я въ ужасѣ, и точно вся внутренность моя содрогнулась отъ этихъ искреннихъ и пламенныхъ проклятій... У этой женщины было столько энергіи и въ духѣ, и въ рѣчахъ, и въ движеніяхъ, и во взорѣ!

— За чтó? за чтò?.. Смотрите на этого невиннаго и бѣднаго мальчика! Подожди... лопнутъ у отца твоего больные его глаза, лопнутъ... И чтò вы такое? Чтó вы? Развѣ вы изъ настоящей архонтской городской семьи? Развѣ въ васъ какое-нибудь особое благородство есть? Какая-нибудь фантазія? Образованность? Деликатные вы люди что ли?.. Знаешь ли, что у меня, дуракъ ты, больше ума, чѣмъ у всей вашей семьи!..

Я не зналъ, куда укрыться отъ стыда и ужаса; жиды, которыми полонъ этотъ кварталъ, обступили насъ и смѣя-

лись. На счастье мое одинъ изъ турецкихъ солдатъ, находившихся поблизости, обратилъ вниманіе на вопли Гайдуши, подошелъ и, обратясь къ ней, спокойно спросилъ ее:

— Зачѣмъ ты здѣсь, блудница, такъ громко кричишь?.. Здѣсь конакъ паши близко.

— Конакъ паши?..— вспыхнувъ еще больше въ лицѣ, повторила изступленная женщина. (Должно быть она горѣла желаніемъ и пашу оскорбить въ этотъ мигъ, но удержалась.)

— А если къ пашѣ бѣдныхъ людей добрые люди не пускаютъ?..

— А не пускаютъ, значитъ не надо; должно итти домой, — сказалъ ей спокойно старый солдатъ, взялъ ее за плечи, повернулъ, толкнувъ хорошенько въ спину, и хладнокровно промолвилъ:

— *Гидъ, роспу!* (маршъ, блудница!) Однимъ мановеніемъ руки разогналъ жидовъ и сказалъ мнѣ строго: — И ты, малый, иди домой.

Я признаюсь, грѣшный человѣкъ, благословилъ въ эту минуту и власть султана, и беевъ, и солдата! Я съ радостью вручилъ бы старому воину пять-десять піастровъ бакшишу; но я говорилъ уже тебѣ, что мать моя рѣдко позволяла отцу давать мнѣ деньги; она, ты это знаешь, все боялась, чтобъ я не пошелъ *куда-нибудь*... туда, куда, по ея мнѣнію, уже давно вѣроятно влекли меня мой высокій ростъ, мои восемнадцать лѣтъ и розы воздержной и здоровой юности, которыя все больше и больше расцвѣтали на моихъ щекахъ. Однако я нашелъ въ карманѣ два піастра, подошелъ тихонько къ солдату, сказалъ почтительно и робко: «Ага мой, я васъ благодарю!» и положилъ ему деньги въ руку. Солдатъ сурово взглянулъ на меня, на деньги, приложилъ руку къ груди и удалился молча.

«Добрый воинъ,—подумалъ я,—ничего худого мнѣ не сдѣлалъ и отъ вѣдьмы бѣшеной спасъ! Дай Богъ ему жить и спастися! Нѣтъ, хорошіе люди эти турки, что говорить!»

Я поспѣшилъ обрадовать и утѣшить доктора. Онъ побился безъ служанки дня два, а на третій Гайдуша снова пришла къ нему, и они надолго помирились. Онъ кричалъ ей: «А-а! ты поняла теперь мою силу въ Портѣ! Поняла? Постигла?»

Со мной съ тѣхъ поръ онъ навсегда пересталъ обращаться важно и небрежно, а все ласкалъ и обнималъ и звалъ: «сокровище мое!» Незадолго до этой исторіи я пришелъ къ нему просить немного денегъ взаймы на табакъ; онъ все переспрашивалъ у меня: «На табакъ? на табакъ?» и досталъ очень медленно и далъ немного, съ недовольнымъ выраженіемъ лица. А послѣ этого дѣла онъ самъ, встрѣчая меня, тотчасъ отводилъ въ сторону и заботливо и тихо спрашивалъ: «Табакъ есть?» И если не было, поспѣшно клалъ мнѣ въ руку большую серебряную монету и настаивалъ: «Возьми! возьми, мой Адонисъ! Возьми, мое сокровище!»

Таково было мое первое *дѣло въ Портѣ*.

V.

Другое дѣло, въ которомъ мнѣ волей и неволей пришлось принимать участіе и за которое я пострадалъ немало, было гораздо важнѣе ссоры доктора съ Гайдушей. Если гнѣвъ и проклятія Гайдуши причинили мнѣ много стыда на улицѣ и заставили меня вознести къ небу даже мольбу за долголѣтіе султана и его слугъ, то въ этой второй исторіи я прошелъ черезъ такія минуты страха, которыхъ я не испытывалъ ни на озерѣ ночью, когда мнѣ казалось, что лодочникъ съ большими усами хочетъ насъ утопить за то, что г. Бакѣевъ назвалъ *рамазанъ* праздникомъ фанатизма, ни при видѣ казни Саида.

На озерѣ я не чувствовалъ по крайней мѣрѣ за собой самимъ противъ турокъ никакой вины и преступленія; во время казни я былъ пораженъ больше жалостью, чѣмъ

страхомъ за себя... Но теперь... Слушай и радуйся, мой патріотъ!

Есть въ Эпирѣ нѣкто попъ Ко̀ста. Кто только его не знаетъ? И какъ его не знать! Голосъ у него громкій, ростъ высокій, видъ безстрашный, взглядъ орлиный; онъ уже не молодъ — бородка и кудри его давно сѣдѣютъ, но лицо его, тонкое и твердое, мнѣ кажется, до сихъ поръ еще моложе моего, и въ то время въ немъ не было еще ни одной морщины. У него въ предмѣстьѣ есть небольшой домикъ; есть попадья еще не старая, румяная и полная; есть двое дѣтокъ; но нѣтъ ни прихода, ни денегъ... Приходъ у него отняли за «постоянное вмѣшательство въ неподобающія дѣла». Приходъ, по настоянію турецкихъ властей, отнялъ у него самъ янинскій владыка. И владыку утомилъ попъ Ко́ста необузданнымъ и безпокойнымъ нравомъ своимъ. Престарѣлый владыка искалъ лишь спокойствія и мира. Довольно съ него было и тяжкой отвѣтственности, которую онъ несъ предъ Портой, какъ главный представитель народа своей епархіи, народа, ты знаешь, мѣстами угнетеннаго *въ чифтликахъ* у беевъ-землевладѣльцевъ (изъ нихъ очень немногіе, увы! похожи на благороднаго Абдурраима), зато мѣстами независимаго, тревожнаго, воинственнаго, склоннаго къ распрямъ, возстаніямъ, разбою, по одной лишь страсти къ геройству и молодечеству. Довольно было съ бѣднаго владыки распрей и оппозиціи нашихъ архонтовъ, которые претендовали распоряжаться безъ зазрѣнія совѣсти суммами *благодѣтелей;* которые хотѣли, чтобъ ихъ дѣти въ училищѣ имѣли особыя права (какъ ты видѣлъ въ исторіи учителя съ отчаяннымъ моимъ Аристидомъ); довольно было съ преосвященнаго и того, что богатые яніоты не признавали равными себѣ не только бѣдныхъ и порабощенныхъ землепашцевъ янинской долины, не только сулійскихъ героевъ-клефтовъ, которые въ случаѣ борьбы за отчизну сумѣли бы снова напомнить дѣяніями своими кровавыя и блестящія времена Марковъ Боцарисъ и Дзавели; нѣтъ, они не хотѣли равнять съ собою и насъ, богатыхъ и грамотныхъ загорцевъ, во всей Турціи, Греціи и Молда-

во-Валахіи знаменитыхъ умомъ, изворотливостью, ученостью, жертвами денежными и трудами на пользу родины... Митрополиту приходилось съ утра и до ночи думать то о томъ, чтобы паша не подозрѣвалъ его въ сообщничествѣ съ недовольными, то о томъ, чтобы бѣдные греки не роптали на него за потворство богатымъ; чтобы богатые не сочли его демагогомъ и не потребовали у патріарха его смѣны, не набрали бы сотни подписей подъ жалобой на него; чтобы консулы, наконецъ, не писали бы противъ него въ свои посольства — одинъ, что онъ «слишкомъ туркофилъ и даже по-турецки говоритъ охотнѣе, чѣмъ по-гречески»; а другой — что онъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ людьми подозрительными и буйными, что онъ можетъ быть предсѣдатель какой-нибудь тайной *гетеріи* революціонной, орудіе греко-русскихъ крамолъ и подкоповъ. Ему хотѣлось отдохнуть на диванѣ, почитать спокойно, грѣя у жаровни старыя кости, а тутъ присылали отъ паши его требовать немедленно... Поймано двое грековъ; они вырѣзали въ дальнихъ горахъ турецкихъ караульныхъ. Одинъ изъ этихъ ужасныхъ, растрепанныхъ людей съ длинными волосами, съ лицомъ звѣрскимъ и безстыднымъ, ссылался на него, увѣряя, что владыка его знаетъ давно и что онъ совсѣмъ не тотъ убійца, а человѣкъ миролюбивый и хорошій. И вотъ ему надо было сѣсть на коня и спѣшить въ Порту и отрекаться отъ этого человѣка и усовѣщевать его...

Прибѣгалъ къ нему изъ дальняго сельскаго прихода молодой и красивый священникъ и показывалъ съ гнѣвомъ и воплями синія пятна на тѣлѣ и царапины глубокія и говорилъ, что его поймали ночью какіе-то люди христіане и арнауты-турки вмѣстѣ... и пытали, и увѣчили, и убить хотѣли... И что онъ дойдетъ до патріарха, и до пословъ великихъ державъ, и до визиря великаго, и до султана самого, если его не удовлетворятъ и не накажутъ примѣрно оскорбителей и мучителей этихъ; что онъ, если его не удовлетворятъ сразу, приметъ мусульманство или католичество, лишь бы найти себѣ защиту и путь ко мщенію... Под-

нималъ опять владыка тяжелое и старческое тѣло свое съ мягкаго дивана и садился на коня и ѣхалъ... И вотъ оказывалось, что молодой священникъ былъ волокита и обольститель, что онъ былъ именно тѣмъ, чѣмъ хвастался Аристидъ: «Яни и все тотъ же Янаки, да распутный Яни!» И что арнаутамъ-сосѣдямъ и крестьянамъ-грекамъ наскучили его грѣхи и его любострастныя интриги, отъ которыхъ не могла защитить ни христіанская святыня семейнаго очага, ни мусульманскіе затворы; нѣсколько молодцовъ и той и другой вѣры согласились поймать его ночью и наказали сурово и крѣпко. Турки-чиновники и беи радовались и смѣялись этому позору и говорили одобрительно: «Хорошій попъ! красивый, очень красивый попъ! прекрасный попъ!!» И владыка былъ посрамленъ...

Полагая, что Корбетъ-де-Леси (особенно въ политическомъ смыслѣ) близокъ къ Портѣ и что дружба съ нимъ епископа послужитъ на пользу общую и отвратитъ вѣчныя подозрѣнія въ руссофильствѣ, владыка искалъ подружиться со старымъ причудникомъ; но Леси ему не вѣрилъ и, между прочимъ, однажды вотъ что́ сдѣлалъ съ нимъ. Въ нашемъ домѣ, который нанималъ англійскій консулъ, была небольшая и прекрасная турецкая баня (въ Эпирѣ это встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ въ восточныхъ областяхъ Турціи; у насъ народъ турецкихъ бань не любитъ и думаетъ, что мѵро святое отъ нихъ выходитъ изъ тѣла). Однажды святый *) янинскій жаловался, что здѣсь нѣтъ такихъ хорошихъ бань, какъ въ Царьградѣ и Адріанополѣ; Леси велѣлъ истопить свою, приказалъ нарочно нанять двухъ банщиковъ, ловкихъ ребятъ, и пригласилъ митрополита. Митрополитъ съ радостью поѣхалъ и вымылся; но въ ту минуту, когда, лежа въ предбанникѣ на хорошей постели, весь окутанный и съ чубукомъ въ рукѣ, онъ сбирался насладиться въ мирѣ этою земною радостью, вдругъ двери растворились, и предсталъ смѣясь самъ красный выбритый и сѣдой Корбетъ-де-Леси; а за нимъ стояли гг. Бла-

*) Такъ называются архіереи и митрополиты на Востокѣ.

говъ, Бакѣевъ, Бостанджи-Оглу и англійскій драгоманъ, очень злой и насмѣшливый человѣкъ. Что́ хотѣлъ этимъ доказать капризный старикъ? Не хотѣлъ ли онъ унизить епископа или доказать Благову, что митрополитъ англофилъ и больше ему другъ, чѣмъ Благову? Какъ бы то ни было, Благовъ вышелъ изъ этого, по обыкновенію, хорошо; онъ поцѣловалъ руку у владыки, сѣлъ около него на ложе и началъ говорить съ нимъ и расхваливать турецкія бани, потомъ самъ поправилъ ему одѣяла на ногахъ и съ поспѣшностью принялъ изъ рукъ его чубукъ, не давъ времени прислужнику взять его, когда владыка сдѣлалъ одно лишь движеніе...

Корбетъ-де-Леси надоѣло стоять въ жару, и онъ вышелъ; тогда, взглянувъ значительно на его спину, владыка простеръ руки къ Благову и умилительно прошепталъ: «Сынъ мой! Что̀ дѣлать!.. Знаешь!» «Знаю, знаю!» сказалъ Благовъ, опять поцѣловалъ его десницу и вышелъ.

И опять это все тотчасъ же разнеслось по городу; друзья архіерея хвалили его *тонкую дипломатію*, враги пожимали плечами и восклицали: «Этотъ человѣкъ не уважаетъ своего сана... Если бъ я былъ патріархъ, я бы его банщикомъ въ наказаніе въ Царьградѣ сдѣлалъ. Въ былыя времена такъ дѣлали съ монахами виновными...»

Такъ было трудно и скучно иногда митрополиту, а тутъ еще отъ попа Ко́сты покоя нѣтъ. Вздохнетъ владыка и скажетъ себѣ: «Слава Тебѣ, Господи, кончились главныя дѣла!.. Сіи на колесницахъ, сіи на конѣхъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ».

Но нѣтъ, самое *главное* дѣло еще впереди. Попъ Ко̀ста не дремлетъ: то дѣвушку-христіанку изъ деревни трое турокъ похитили и везутъ на мулѣ въ городъ, чтобы потурчить ее (съ ея согласія, такъ какъ ей одинъ изъ этихъ турокъ понравился и обѣщалъ ей много денегъ). Попъ Ко́ста одинъ нападетъ на турокъ при въѣздѣ въ городъ, отбиваетъ дѣвушку, стыдитъ ее, ведетъ въ митрополію, шумитъ... Правда, онъ поклонится прежде въ ноги владыкѣ, но вставъ онъ говоритъ почти повелительно·

«Дѣлай свой долгъ, святый янинскій, я свой кончилъ!»

То случается такъ, что маленькій сынъ попа Ко̀сты ссорится съ сосѣднимъ турчонкомъ; турчонокъ его бьетъ; мальчикъ бѣжитъ домой, турчонокъ за нимъ; попадья выходитъ изъ дверей и бьетъ маленькаго турка; мать турчонка вступается и бьетъ попадью, срываетъ съ нея платочекъ, треплетъ ей косы; возвращается домой попъ Ко̀ста и говоритъ: «Хорошо!» Идетъ къ турчанкѣ на дворъ, вызываетъ ее, внезапно припираетъ калитку — «око за око, зубъ за зубъ!»—срываетъ съ нея покрывало; треплетъ ея остриженные въ кружокъ волосы; бьетъ по щекамъ и уходитъ къ себѣ. По всему кварталу крикъ и вопль неистоваго негодованія. Турки сбираются толпою; всякіе турки: ходжи сердитые, купцы съ базара, арнауты сельскіе, лодочники и носильщики оборванные и крѣпкіе; вопль и крики; камни летятъ въ двери и на дворъ попа Ко́сты. Попъ Ко̀ста ворота на запоръ; беретъ двухствольное ружье въ руки и говоритъ попадьѣ: «Иди за мной и держи за-ряды». Онъ идетъ на небольшую вышку, которая у него есть около воротъ, съ окномъ прямо на улицу; отворяетъ окно; камни летятъ въ него, но онъ, поводя грозными очами, румяный отъ какого-то полурадостнаго гнѣва, взводитъ курки и прицѣливается... въ одного ходжу... ходжа бѣжитъ. «Разойдитесь всѣ! кричитъ имъ попъ Ко̀ста: слушайте меня». Турки ободряютъ другъ друга, и снова камни летятъ въ окно; одинъ попадаетъ попу въ грудь, онъ опять цѣлится и кричитъ: «Разойдитесь и позовите солдатъ. Иначе васъ накажетъ паша. Не то время теперь, что̀ вы думаете! И на васъ есть у падишаха законъ. Отойди ты, молодецъ, я въ тебя стрѣльну». Молодецъ отходитъ, бѣгутъ за солдатами. «Ага мой!—кричитъ попъ Ко́ста начальнику, — разгони народъ этотъ и веди меня къ пашѣ, если я виноватъ, а въ домѣ моемъ разбойничать я ихъ не пущу. Ты помни, ага, что это долгъ твой, и берегись».

— Знаю, знаю! — говоритъ мрачно чаушъ. Совѣтуетъ людямъ разойтись по-добру по-здорову, совѣтуетъ попу положить ружье и выйти. Приставляютъ одного солдата къ

дверямъ — хранить домъ и дѣтей, а попа и попадью ведутъ въ Порту, окруженныхъ толпой. Турчанка прибитая идетъ тоже и несетъ въ рукѣ клокъ волосъ своихъ.

Паша опять шлетъ за митрополитомъ. Попъ ничего не отрицаетъ; онъ считаетъ себя правымъ и самъ требуетъ удовлетворенія, ибо не должна была турчанка врываться на его дворъ и безчестить его жену. Паша присуждаетъ его на мѣсяцъ въ тюрьму; онъ самъ находитъ, что турчанка виновата, но Ибрагимъ и прогрессивный Сабри-бей оба говорятъ, что невозможно допустить такого преобладанія гяуровъ... Неслыханное дѣло, чтобы гяуръ осмѣлился взойти въ турецкій дворъ и избить мусульманку. Только опасаясь консульскаго вмѣшательства, можно замѣнить ссылку тюрьмою. Попъ въ свою очередь не дремлетъ; онъ находитъ себѣ помощника, онъ изъ тюрьмы пишетъ циркуляры консуламъ, онъ во всемъ винитъ владыку; онъ пишетъ: «Невыносимыя гоненія, которыя я претерпѣваю отъ святаго янинскаго, превосходятъ мѣру моихъ силъ, истощенныхъ на поприщѣ служенія алтаря Господня. Цивилизація иностранныхъ агентовъ такова, что они легко поймутъ мое положеніе»...

Ашенбрехеръ идетъ къ Бреше; Бреше идетъ къ Благову и Киркориди; всѣ идутъ къ равнодушному Корбетъ-де-Леси. Корбетъ-де-Леси полагаетъ, что Порта права. Благовъ, неожиданно для Бреше и для всѣхъ, согласенъ съ нимъ и прибавляетъ, что попъ Коста подаетъ о себѣ очень дурное мнѣніе жалобами иностранцамъ на своего владыку. Бреше внѣ себя; ему хочется показать вездѣ свою власть, и въ этотъ день, какъ и въ другіе, онъ, конечно, съ ранняго утра думалъ — кого бы еще устрашить? Бреше опять грозится «снять кожу съ головы митрополита, de cet indigne pasteur!» Но, погорячившись, онъ однако не дѣлаетъ ничего, ибо считаетъ попа Косту агентомъ Благова и не хочетъ за это ему помогать.

Благовъ между тѣмъ посылаетъ сказать попу, что это ему полезно; пускай посидитъ немного и охладится отъ бурныхъ своихъ страстей.

Но самъ онъ его очень любитъ и открыто говоритъ и Бостанджи-Оглу, и Бакѣеву, и доктору: «Что архонты? Архонты скука! Вотъ попъ Ко́ста! Такихъ я люблю... разбойниковъ!» И чрезъ недѣлю, не болѣе, онъ говоритъ митрополиту: «Поклонитесь за этого попа. Мнѣ его жалко. А объ облаченіи и о митрѣ я уже писалъ, куда слѣдуетъ»... Ѣдетъ опять старикъ въ Порту; кланяется, проситъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ и обѣщаетъ за первый же поступокъ лишить попа Ко̀сту прихода. Попъ выходитъ и благодаритъ митрополита, какъ будто онъ и не знаетъ, что митрополитъ ничуть не желалъ его выпустить; и владыка благословляетъ его на новые подвиги патріотизма и отваги, какъ будто и онъ не знаетъ о томъ, что попъ Ко́ста писалъ: «Нестерпимыя гоненія, которыя святый янинскій»... какъ будто онъ, владыка, не горюетъ, думая, что консулы давно написали объ этомъ всѣ ко всѣмъ своимъ дворамъ, кабинетамъ и посольствамъ, что святый янинскій гонитель невинныхъ и кроткихъ служителей алтаря Господня въ угоду агарянамъ... Владыка янинскій увѣренъ развѣ только въ одномъ Леси... Леси или вовсе ничего не писалъ, или писалъ, что Порта умѣетъ еще покорять буйныхъ людей и встрѣчать поддержку въ почтенномъ пастырѣ янинскихъ христіанъ.

И вотъ однажды, «однимъ печальнымъ четвергомъ и средой одною горькою», я сидѣлъ послѣ полудня у окна и училъ прилежно урокъ. На широкія плиты церковнаго двора лился потоками зимній дождь. Вдругъ, вижу я, идетъ, бѣжитъ по нашему двору женщина въ турецкой одеждѣ; она останавливается, открываетъ лицо, озирается со страхомъ, смотритъ въ окна наши... Я вижу, что она очень блѣдна и худа, не стара, но и не первой молодости; собой еще не дурна. Я открываю окно съ удивленіемъ и хочу спросить ее, что́ ей, но въ эту минуту вслѣдъ за ней бѣжитъ попъ Ко́ста, тоже озирается, тоже смотритъ на наши окна... Потомъ бѣжитъ назадъ, со тщаніемъ запираетъ калитку нашу и кричитъ ей: «Иди, иди въ комнату скорѣе!» Женщина бросается поспѣшно въ нашу

дверь... Я тоже выбѣгаю изъ моей комнаты и застаю ее лежащую у ногъ отца Арсенія, который взволнованъ немного, но весело смотритъ и повторяетъ: «Хорошо, хорошо, хорошо, хорошо! Опомнись, благословенная моя, опомнись!»

Турчанка молча держитъ одною рукой его рясу, а другую прижимаетъ къ сердцу и, закрывъ глаза, шопотомъ восклицаетъ: «Христосъ и Всесвятая! О, Всесвятая Дѣва моя!.. Госпожа моя, помилуй меня, помилуй!»

— Помилуетъ, помилуетъ, — говоритъ ей растроганный священникъ.

Входитъ попъ Ко́ста; лицо его еще веселѣе, чѣмъ у отца Арсенія; руки въ карманахъ рясы: «Видишь насъ! Что мы такое!» Входитъ парамана наша, несетъ воду свѣжую и даетъ пить турчанкѣ. Выпивъ, она вдругъ встаетъ и внезапно восклицаетъ со страстью и отчаяніемъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Я погибла! Сердце мое испорчено, и Харонъ меня скоро возьметъ». Потомъ опять садится на полъ, опять закрываетъ глаза и, качая головой, твердитъ: «Харонъ, Харонъ, Харонъ! буря и погибель моя... Смерть!»

Что́ такое? Что́ такое? Я смотрю на всѣхъ съ изумленіемъ, и любопытство пожираетъ меня.

Вижу, оба священника все веселы. Турчанку поднимаютъ и успокаиваютъ на диванѣ. Но она все держится за грудь и все говоритъ о Харонѣ, о лютой смерти неизбѣжной.

— Что́ жъ Харонъ? Что́ жъ Харонъ? — замѣчаетъ отецъ Арсеній: — Что́ тутъ вреднаго? На томъ свѣтѣ вѣнецъ неувядаемый ты получишь.

— Сердце мое разрывается, учитель ты мой, — говоритъ турчанка. — Я давно больна, и въ груди моей точно птичка живая крыльями бьется что-то, все бьется... Ахъ! Увы мнѣ! увы мнѣ!

Священники уходятъ оба въ другую комнату, совѣщаются долго и опять приходятъ; парамана тогда говоритъ мнѣ съ улыбкой:

— Я знаю ее. Она маленькая еще потурчилась. Она

была служанкой тогда у Раки-бея; потурчили ее; замужъ выдали; приданое дали; мужъ ея хорошій былъ молодецъ: высокій, цвѣтомъ цвѣлъ тогда. Правда, что турокъ онъ былъ. Ну, что̀ дѣлать! А въ 54-мъ году его убили... Вотъ она, бѣдная, овдовѣла... Что̀ вдова? вдова развѣ человѣкъ? Тихо пойдетъ по улицѣ — люди скажутъ: «она ломается такъ нарочно»; скоро пойдетъ — люди скажутъ: «Она мужа хочетъ... за мужемъ бѣжитъ!» Да! И такъ дѣло противное, и этакъ дѣло худое. Несчастіе!

— А теперь чего она хочетъ? — спросилъ я у параманы.

Но прежде, чѣмъ успѣла парамана отвѣтить, турчанка встала быстро съ дивана и, взявъ мою руку, воскликнула съ жаромъ:

— Ты, дитя мое, хочешь знать, чего я хочу? Чего я хочу, ты спрашиваешь? Спроси ты у меня самой, паликаръ мой молоденькій! Я хочу умереть въ Христовой вѣрѣ... Я хочу, чтобы св. Георгій Янинскій Новый исцѣлилъ меня, и хочу, чтобы перестала трепетать эта птичка живая, которая въ груди моей такъ дѣлаетъ... скоро, скоро, скоро. И потемнѣетъ въ глазахъ моихъ... И я падаю. А если мнѣ умереть судьба скоро, хочу, чтобы меня попы хоронили, не ходжи, попы... Вотъ чего я хочу, паликаръ ты мой, мальчикъ ты мой хорошій. И боюсь я турокъ, боюсь я быть съ ними, боюсь, что они или убьютъ меня какъ-нибудь, или настращаютъ меня, и издохну я въ грѣхѣ, какъ собака.

Священники возвратились задумчивые. Попъ Ко̀ста сказалъ:

— Хорошо, теперь я самъ привелъ ее сюда днемъ черезъ огороды и дивлюсь только одному, какъ это насъ съ ней никто изъ турокъ не примѣтилъ... Днемъ, посудите! Попъ Ко̀ста съ турчанкой бѣжитъ... Но въ митрополію черезъ базаръ вести днемъ?.. Базаръ — не огороды... Буря и погибель моя! что̀ дѣлать? Мнѣ бы только до мощей св. Георгія Янинскаго довести ее. И тамъ бы я ее въ надеждѣ на помощь мученика оставилъ...

Пуще всего попъ Ко̀ста не хотѣлъ, чтобы митрополитъ

зналъ объ его участіи: не зная о немъ, онъ охотнѣе защитилъ бы турчанку. Всѣ предлагали свои совѣты. Отецъ Арсеній говорилъ: «пусть парамана ее отведетъ»; парамана говорила: «пусть одна дойдетъ; развѣ не ходятъ турчанки? Больше нашего по улицамъ гуляютъ; а я боюсь. Можетъ быть турки теперь ужъ узнали, что она съ попомъ куда-то убѣжала, и ищутъ ее»... Турчанка говорила ей: «Радость ты моя! Что̀ мнѣ дѣлать?.. Теперь я боюсь одна итти... Разорвутъ меня турки!»

— Не разорвутъ! Зачѣмъ рвать! — сказалъ насмѣшливо попъ Кòста.—А лучше вотъ что́ я скажу...—И, взглянувъ на меня, онъ спросилъ: — Это кто такой этотъ молодчикъ?

Отецъ Арсеній сказалъ ему, кто я. Тогда попъ Кòста обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Я тебѣ, молодецъ, скажу такое мое слово: сдѣлай ты душеспасительное дѣло. До вечера ждать нельзя; надо спѣшить, пока митрополитъ еще въ конакѣ у паши. Переодѣнемъ ее въ платье параманы; черный платокъ большой ей на голову накинемъ; и ты веди ее во имя Божіе и во славу Его!.. А мы слѣдомъ за вами съ отцомъ Арсеніемъ.

Прошу тебя, суди самъ, до какой степени должно было такое порученіе казаться мнѣ страшнымъ и какъ я содрогнулся, услышавъ такія слова.

— Учитель! — сказалъ я, чувствуя, что ноги у меня слабѣютъ, — учитель... Я еще малъ для такихъ дѣлъ.

Попъ Кòста смѣрилъ меня съ ногъ до головы (я былъ почти одного роста съ нимъ), и глаза его засверкали злобно.

— Правда, что ты малъ! — И потомъ, топнувъ ногою, воскликнулъ съ отчаяніемъ: — Говорить намъ теперь много, христіане вы мои, некогда!

У отца Арсенія глаза тоже блистали, и онъ сказалъ мнѣ:

— Иди, иди, Одиссей. Я тебѣ говорю, иди... Это великое дѣло — спасти душу и вырвать ее изъ рукъ врага... Иди, я тебѣ говорю, и не бойся... Христосъ и Всесвятая доведутъ тебя въ цѣлости до митрополіи... Никто ее въ этой

одеждѣ не узнаетъ, и на тебя меньше обратятъ вниманія, чѣмъ на насъ, поповъ. Идетъ малый съ матерью—и только.

Священники были, разумѣется, правы, и время было дорого. Я рѣшился итти, восклицая мысленно: «О Боже! подкрѣпи меня... Я не Аристидъ... въ груди моей не желѣзо и въ ногахъ не сталь вложена... Доведи меня только живого съ этою бѣдною женщиной до митрополіи черезъ этотъ многолюдный базаръ, гдѣ сидятъ и ходятъ такіе бородатые и длинноусые агаряне, враги Твои, Христе Боже мой, и я клянусь, что какъ только немного разбогатѣю, то сдѣлаю серебряную ручку на икону Матери Твоей въ нашемъ загорскомъ параклисѣ *Широчайшей Небесъ*».

— Идемъ! — сказалъ я бодро турчанкѣ, когда она переодѣлась и покрылась большою черною шалью, какъ греческая вдова.

Я часто замѣчалъ и позднѣе, что послѣ усердной молитвы мой умъ свѣтлѣлъ и я становился умнѣе и находчивѣе. Выходя изъ дверей св. Марины, я вмѣсто того, чтобы вести Назли (такъ ее звали) прямо въ митрополію, довелъ ее поспѣшно до воротъ русскаго консульства (оно было несравненно ближе отъ насъ), и кинулся въ нихъ озираясь. Назли молча вбѣжала за мною.

Посреди большого двора стоялъ передъ Бостанджи-Оглу Маноли, подпершись руками, и говорилъ ему:

— Нѣтъ! Несчастный Бостанджи-Оглу... Этого не будетъ, что́ ты желаешь... чтобъ я шагалъ впереди передъ тобой, какъ передъ консуломъ, или вице-консуломъ *), или передъ первымъ драгоманомъ ихъ... Я всегда буду ходить съ тобой рядомъ, до тѣхъ поръ, пока самъ господинъ Благовъ не прикажетъ мнѣ... Потому что до учености твоей мнѣ нѣтъ дѣла, и ты человѣкъ не важный, и не великій и даже довольно низкій, я тебѣ скажу, и обкрадываешь господина Благова...

— Гдѣ ты видѣлъ, что я краду, оселъ! — воскликнулъ Бостанджи-Оглу.

---

*) Вице-консулъ — секретарь консульства.

— Нужда мнѣ видѣть большая! — сказалъ Маноли насмѣшливо.

Я кинулся къ Маноли и сказалъ ему съ энтузіазмомъ:

— Киръ-Маноли, золотой мой, надо скорѣе свести эту женщину въ митрополію... Она потурчена и хочетъ возвратиться на лоно церкви... Ты знаешь, я еще малъ для такихъ дѣлъ... И я пойду съ вами неподалеку... Только надо вамъ вести ее... Вы человѣкъ воинственный и вооруженный, а я что̀ могу?

Бостанджи-Оглу тогда вмѣшался и сказалъ сердито:

— Хорошо ты говоришь, что ты малъ еще. Зачѣмъ тебѣ-то въ политическія дѣла впутываться? Я не могу отпустить Маноли. Господина Бакѣева нѣтъ дома теперь, и безъ спроса его кавассы не должны мѣшаться въ подобныя дѣла.

— Хорошъ и ты, — сказалъ ему на это спокойно старый Ставри. — Успокойся. А ты, молодецъ, скажи, какое это дѣло.

Но я сказалъ, что говорить некогда, что послѣ все узнаютъ, что меня отецъ Арсеній прислалъ; Назли говорила то же самое и умоляла. Тогда Ставри сказалъ:

— Такъ мы даже оба пойдемъ; но не такъ, какъ ты, Одиссей мой, говоришь. Ты иди съ ней впередъ, чтобы было не такъ замѣтно и чтобы не говорили безъ нужды про консульство, а если что случится, мы съ Маноли будемъ близко!..

— Браво! — воскликнулъ Маноли, расправилъ усы, поднялъ плечи и пошелъ быстро къ воротамъ.

Мы съ Назли за нимъ; за нами Ставри

— Куда? куда? Вы съ ума сошли, — кричалъ мнѣ вслѣдъ оскорбленный Бостанджи-Оглу. — Куда? Вы потеряли оба голову! Вы меня, драгомана, не слушаете, а слушаете пустого мальчишку.

И онъ махалъ своимъ зонтикомъ и руками; но мы всѣ спѣшили молча черезъ широкій дворъ.

— Анаѳема вамъ всѣмъ! Чтобы вамъ до митрополіи всѣмъ дуракамъ не дойти, — сказалъ, наконецъ, въ изступленіи «московскій яуды» и успокоился.

Дорогой я шелъ нарочно не спѣша и постоянно ободряя себя мыслью, что въ двадцати какихъ-нибудь шагахъ за мной слѣдятъ два такихъ испытанныхъ помощника съ ятаганами и усами, «съ желѣзомъ въ груди и со сталью въ ногахъ», не чувствовалъ уже такой боязни, какъ прежде. А когда мы съ Назли взошли подъ старую крышу темнаго базара и зашумѣли вокругъ меня люди въ тѣснотѣ, я какъ опьянѣлый шелъ впередъ и ничего уже не помнилъ... Одну секунду только я ужаснулся. Уже поворачивая къ митрополіи, увидалъ я передъ собою внезапно страшнаго дервиша Хаджи-Сулеймана съ сѣкирой въ рукахъ:

— Га! га! — закричалъ онъ такъ звѣрски, что всѣ прохожіе остановились: — Га! га! Рогачъ, негодяй, куда ты бѣжишь?

Назли также въ страхѣ остановилась и закрыла еще больше лицо платкомъ. У меня подломились ноги, но я вспомнилъ, однако, что это, вѣроятно, обычная ласка юродиваго и что онъ узналъ меня, вспомнилъ, какъ я подавалъ ему варенье и кофе у доктора, и радовался встрѣчѣ... Что было дѣлать? Онъ все стоялъ и кричалъ сердито:

— Рогоносецъ! Гранитель мостовой ты этакій... Съ женщинами бѣгаешь... Га! га!.. Анаѳема... На, цѣлуй мою руку...

Купцы въ лавкахъ хохотали; я, наконецъ, приложился къ рукѣ, которую онъ мнѣ протягивалъ, и хотѣлъ итти.

Каждый мигъ намъ былъ дорогъ... Кавассовъ я потерялъ изъ виду въ толпѣ... Дервишъ, какъ только я поцѣловалъ его руку, утихъ и хотѣлъ итти, но вдругъ (о! ужасъ вспомнить) обратился къ Назли и сказалъ ей:

— Ты мать ему, вѣрно? Я твоего мужа знаю, зачѣмъ ты черное носишь?..

Я сказалъ:

— Мать, мать... Мы спѣшимъ, Хаджи, очень спѣшимъ... (А между тѣмъ человѣкъ десять любопытныхъ уже окружили насъ.)

Въ эту минуту раздался голосъ Ставри:

— Айда, айда! Впередъ, Одиссей... Айда! Хаджи, не мѣшай...

И мы прошли благополучно и эту подводную скалу, о которую чуть-чуть было не разбилось все мое мужество. Ворота митрополіи были близко; но мы долго еще слышали брань Хаджи-Сулеймана; теперь онъ, стоя на мѣстѣ, бранилъ моего спасителя Ставри: «Разбойникъ! Разбойникъ!»

Наконецъ, наконецъ, наконецъ стукнула за мной калитка; я вздохнулъ какъ пловецъ, выброшенный волною на берегъ, при всѣхъ поднялъ руки къ небу и сказалъ:

— Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ!

Назли, какъ только почувствовала то же, что́ и я, что она въ безопасномъ мѣстѣ и окружена одними друзьями, внезапно скинула съ головы шаль, какъ изступленная бросилась въ маленькую церковь св. Георгія Новаго Яниньскаго, упала на землю около мраморной гробницы его и восклицала: «Святой мученикъ мой... спаси меня!.. Пожалѣй меня, святой ты мой... Не дай мнѣ погибнуть, какъ ты погибъ самъ; *елейсонъ му Кіріе! елейсонъ му!*»

Сбѣжались за нею въ параклисъ всѣ мы: кавассы, я, три женщины, которыя жили при митрополіи, сторожъ и *кандильянафтъ*...*), и дѣти женщинъ, и слуги епископа. Вслѣдъ затѣмъ вошелъ и самъ отецъ Арсеній съ торжественнымъ и радостнымъ лицомъ. Двое нищихъ приковыляли на костыляхъ.

Назли лежала, приникнувъ лицомъ и губами къ холодному мрамору, и только шептала: «*елейсонъ му! Агіе! елейсонъ му!*»

И мы всѣ растроганные стояли вокругъ нея и повторяли тихо и всѣ дружнымъ хоромъ: «*Елейсонъ имасъ, о Θеосъ, елейсонъ имасъ!*»

---

*) Лампадовозжигатель; при церквахъ на Востокѣ есть такая должность.

VI.

Пока мы съ Назли и кавассами шли въ митрополію, пока пришли, пока отецъ Арсеній и кавассы и всѣ мы утѣшали Назли у гробницы св. Георгія и вмѣстѣ съ нею молились о ея спасеніи, попъ Ко́ста поспѣшилъ въ Порту и тамъ, въ толпѣ просителей и другихъ людей, призванныхъ по дѣламъ, нашелъ какого-то такого человѣка, который взялся доложить митрополиту о томъ, что въ митрополію прибѣжала турчанка, желающая принять христіанство. (И это было не такъ просто, какъ кажется: митрополитъ сидѣлъ у паши въ совѣтѣ, и къ тому же попъ Ко́ста, какъ я уже сказалъ, не желалъ показываться самъ на глаза владыкѣ, потому что владыка готовъ былъ всегда съ недовѣріемъ и гнѣвомъ относиться къ «его дѣламъ».) Наконецъ владыку вызвали и сказали ему: «Одна турчанка въ митрополіи желаетъ принять христіанство».

Митрополитъ поспѣшно возвратился въ пріемную паши и воскликнулъ:

— Видите, эффенди мой! До чего враги мои злобны; они подослали въ митрополію турчанку искать обращенія нарочно съ цѣлью разстроить меня съ вами и вселить въ васъ ко мнѣ недовѣріе.

Паша просилъ его успокоиться и довѣрчиво совѣтовалъ ему послать своего собственнаго митрополичьяго кавасса, чтобъ узнать настоящимъ образомъ, въ чемъ дѣло.

Митрополитъ, однако, во гнѣвѣ (все подозрѣвая Кускобея и другихъ враговъ своихъ въ интригѣ) приказалъ кавассу въ присутствіи паши выгнать эту женщину вонъ тотчасъ же!

Кавассъ пришелъ и засталъ насъ всѣхъ у гроба св. Георгія такъ, какъ я разсказалъ. Онъ сказалъ Назли:

— Уходи вонъ сейчасъ! Владыка такъ приказалъ.

Но Назли отвѣчала спокойно:

— Нѣтъ, я отъ святого мученика не пойду. Онъ меня не пускаетъ.

Никто изъ присутствовавшихъ кавасса не поддержалъ, и отецъ Арсеній прибавилъ отъ себя:

— Куда ей итти отсюда?

Когда кавассъ извѣстилъ владыку о томъ, что Назли уходить не хочетъ, митрополитъ сѣлъ на коня и пріѣхалъ самъ.

Онъ вошелъ разгнѣванный, руки его дрожали, лицо было встревоженное. Мы всѣ молча низко, низко поклонились.

Отецъ Арсеній сдѣлалъ ему три земныхъ поклона. Назли все лежала, припавъ лицомъ къ холодному мрамору гробницы.

— Это ты привелъ ее? — спросилъ владыка отца Арсенія.

— Я, старче, я, я... — сказалъ отецъ Арсеній весело и безъ малѣйшаго смущенія.

— Ты?

И митрополитъ долго глядѣлъ на него молча и подавляя бурю гнѣва, которая кипѣла видимо въ немъ... Потомъ сказалъ:

— Что жъ, это хорошо... Не сподобимся ли мы съ тобой мученическаго вѣнца за это?.. А? какъ ты скажешь?..

— Простите... — сказалъ Арсеній и еще разъ поклонился въ ноги.

Владыка продолжалъ все еще бороться съ своими чувствами и потому, видимо, взвѣшивалъ каждое свое слово. Обратясь къ Назли, онъ сказалъ ей тихо, но съ негодованіемъ, дрожащимъ въ голосѣ и взглядѣ:

— Встань, благословенная, подойди, поцѣлуй мою десницу. Дай мнѣ взглянуть на себя, что ты за человѣкъ.

Назли встала и тотчасъ же, упавъ ему въ ноги, сказала тихо и проникающимъ въ сердце голосомъ:

— Старче мой! милый мой старче!.. Барашекъ ты мой старче... я скоро умру... мой старче!..

И, качая головой, она сѣла на полъ у ногъ его и заплакала. Потомъ сказала:

— Поди сюда поближе, деспотъ ты мой, эффенди ты мой, паша ты мой! дай руку свою...

Митрополитъ тронутый подошелъ ближе, нагнулся къ ней и подалъ ей руку; она поцѣловала ее, потомъ, приложивъ руку его къ своей груди, въ которой такъ сильно билось сердце, вдругъ закричала раздирающимъ голосомъ:

— Слышишь? слышишь ты, какъ оно бьется?.. Слышишь, *море деспотиму?* Умру я, *море деспотиму?* и не хочу я умирать турчанкой, слышишь ты?..

Тогда митрополитъ повѣрилъ ей, лицо его измѣнилось и успокоилось. Онъ сталъ спрашивать у отца Арсенія, кто она и откуда, изъ какой семьи и какихъ лѣтъ была потурчена и когда задумала обратиться.

Выслушавъ все внимательно, митрополитъ позволилъ ей оставаться тутъ пока, а самъ велѣлъ опять подать себѣ коня и вышелъ изъ церкви, говоря отцу Арсенію со вздохомъ:

— Хорошо это! Но посмотримъ теперь, что́ намъ съ туречиной со всей этой дѣлать... Консуловъ извѣстить бы надо стороной... поскорѣе...

Отецъ Арсеній повторялъ съ радостью:

— Извѣстимъ! извѣстимъ... извѣстимъ... Хорошо! хорошо! Все хорошо... Все слава Богу... Извѣстимъ... извѣстимъ...

Лошадь подавали; я бросился держать стремя; тогда только владыка замѣтилъ меня и сказалъ:

— А! и ты, благословенный, здѣсь?..

Онъ подалъ мнѣ руку и прибавилъ, обращаясь къ отцу Арсенію:

— Ты бы самъ здѣсь съ ней остался; а къ русскому и къ эллину можно хоть бы и его послать. Онъ мальчикъ разумный, и отецъ его драгоманъ ихній... Не такъ замѣтно будетъ, какъ если отъ насъ кто-нибудь пойдетъ... Какъ ты думаешь, сынъ мой?

Я сказалъ: какъ прикажете; и ужъ ободренный первымъ успѣхомъ, одушевленный мыслью о спасеніи бѣдной Назли, успокоенный тѣмъ, что теперь одинъ, безъ Назли, я пройду безопаснѣе, я полетѣлъ какъ на крыльяхъ въ русское

консульство. Изъ осторожности я все-таки обошелъ базаръ далеко кругомъ и миновалъ благополучно всѣ тѣ мѣста, гдѣ боялся встрѣтить турокъ. Но я боялся напрасно. Еще въ городѣ немногіе знали объ этомъ событіи.

Гораздо труднѣе было мое положеніе въ консульствахъ. Эллинскаго консула я не засталъ дома; побѣжалъ къ отцу Аристида, къ драгоману, и его не засталъ; прихожу на русскій дворъ, Ставри говоритъ:

— Поди въ домъ Бакѣева, тамъ и Бостанджи-Оглу чай пьетъ, потому что у Бакѣева сегодня французъ и австріецъ въ гостяхъ.

Я спѣшу къ Бакѣеву и только что отворяю калитку на дворикъ его, прямо мнѣ навстрѣчу monsieur Брешѐ съ своимъ кавассомъ. За нимъ австрійскій консулъ и самъ Бакѣевъ.

Я посторонился поспѣшно и не зналъ, что́ мнѣ дѣлать. Они уходили, и я не смѣлъ остановить ихъ и сказать въ чемъ дѣло. Никто мнѣ этого не поручалъ и не приказывалъ.

Къ счастію самъ Бакѣевъ, увидавъ меня, сказалъ:

— А! вотъ и самый этотъ Одиссей!..

Я понялъ, что они уже знаютъ о дѣлѣ Назли. (Въ самомъ дѣлѣ, Бостанджи-Оглу, вѣрно, обдумавъ послѣ, что онъ не имѣетъ права пренебречь этимъ, поспѣшилъ отыскать управляющаго и разсказалъ ему.)

Консулы остановились, и Брешѐ, повелительно обратясь ко мнѣ, съ уничтожающимъ взглядомъ и строгимъ голосомъ сказалъ:

— Voyons de quoi s'agit-il?

Я сказалъ только, что отвелъ въ митрополію одну турчанку, которая желаетъ обратиться въ христіанство...

— Et ce coquin de Déspot-effendi que fait-il maintenant?

Я сказалъ:

— Je n'en sais rien, monsieur le consul. Меня не онъ прислалъ, я самъ пришелъ.

— Онъ, я думаю, ничего не дѣлаетъ! — продолжалъ monsieur Брешѐ. — Онъ любитъ только, какъ всѣ они, чтобъ

ему говорили: «*Севасміотате! Панієротате!* Qu'en dites-vous monsieur Ашенбрехеръ? Vous en savez quelque chose vous aussi? Пусть будетъ такъ, мы займемся этимъ дѣломъ...

И потомъ прибавилъ съ презрѣніемъ и гадкою усмѣшкой:

— Надо, однако, согласиться, что все это ужасно глупо. И я полагаю, что перспектива стать вѣчно невинною и ежедневно обладаемою гуріей въ раю Магомета гораздо забавнѣе, чѣмъ проводить время въ томъ блаженствѣ созерцательномъ, которое обѣщаетъ намъ христіанскій клиръ... Sont-ils bêtes ces gens-la avec leurs conversions... Если бы тутъ была еще любовь какая-нибудь, какъ часто бываетъ, я еще понимаю... Ne serait-elle pas la maitresse de ce petit jeune homme par hasard? Cela serait moins bête...

Я съ недоумѣніемъ и горестью слушалъ, какъ попиралъ этотъ отвратительный человѣкъ наши священныя чувства, стоялъ въ почтительномъ молчаніи и съ радостью замѣтилъ, что Бакѣевъ даже и не улыбнулся въ отвѣтъ на грязную и безстыдную рѣчь Брешѐ; что касается до Ашенбрехера, то онъ улыбнулся насильно, покраснѣлъ и смутился; онъ былъ *папистанъ*, и жена его славилась у насъ какъ набожная католичка, которой чувство, съ одной стороны, доходило до фанатизма и противу нась, а съ другой—принуждало ее иногда искать молитвы и въ православномъ храмѣ.

Помолчавъ Ашенбрехеръ обратился ко мнѣ очень вѣжливо и даже искательно и началъ разспрашивать: изъ какого квартала Назли и все, что́ я о ней знаю.

Обо всемъ томъ, что́ я зналъ про нее, я сказалъ, но, не теряя головы, я продолжалъ умалчивать и о томъ, что́ я видѣлъ и слышалъ въ митрополіи, и объ участіи попа Ко́сты и отца Арсенія. Я не хотѣлъ никого запутывать и боялся испортить дѣло. Но Ашенбрехеръ былъ лукавъ и льстивъ. Онъ очень тонко (и все съ самою сладкою улыбкой склоняясь ко мнѣ) разспрашивалъ меня, и такъ и иначе стараясь проникнуть въ какую-нибудь тайну, которую онъ подозрѣвалъ во всемъ этомъ.

— Вы, значитъ, сами отвели ее въ митрополію?

— Самъ отвелъ.

— А какъ же вы съ турчанкой вмѣстѣ по улицѣ шли? Здѣсь сейчасъ на это обращаютъ всѣ вниманіе.

— Она была въ христіанской одеждѣ.

— А! она была въ христіанской одеждѣ! Хорошо. А гдѣ жъ она переодѣлась?

— Она дома такъ была уже одѣта.

Я начиналъ лгать и съ ужасомъ чувствовалъ, что краска приливаетъ мнѣ въ лицо.

— А! она была дома такъ одѣта? Вы ее, значитъ, прямо изъ дома взяли...

— Изъ дома прямо, господинъ консулъ... — продолжалъ я, какъ бы увлекаемый въ бездну этимъ жирнымъ и ласковымъ демономъ.

— Изъ Канлы-Чешмѣ?—сказалъ Ашенбрехеръ, особенно лукаво прищуривъ глаза (я понялъ: это предмѣстье имѣетъ очень дурную славу); но я рѣшился стоять на своемъ и сказалъ:

— Да! оттуда.

Консулы всѣ улыбнулись. Брешѣ сказалъ:

— Je vous disais qu'il y a quelque chose!

Но Бакѣевъ спасъ меня, сказавъ имъ:

— Не будемъ больше мучить этого бѣднаго юношу; онъ сконфуженъ. Къ тому же я полагаю, что надо заняться этимъ дѣломъ поскорѣе, пока фанатизмъ мусульманъ не разгорѣлся... Это и пашѣ облегчитъ дѣло, если только онъ захочетъ быть справедливымъ.

Брешѣ сказалъ:

— Это правда! — И, тотчасъ же обратясь къ своему каввассу, послалъ за своимъ драгоманомъ, monsieur Какачіо, и вслѣдъ затѣмъ всѣ они трое ушли, оставивъ меня одного.

Я сказалъ себѣ: «слава Богу! все хорошо!» И пошелъ домой въ церковь св. Марины.

Но едва только я поравнялся съ домомъ одной турецкой школы, которая была не очень далеко отъ насъ при

мечети, какъ вдругъ выбѣжала изъ нея толпа дѣтей и начала кричать мнѣ: «гяуръ! море́! гяуръ! бре́! гяуръ!» и осыпала меня камнями. Одинъ изъ нихъ попалъ мнѣ въ спину и крѣпко ушибъ; другой, поменьше, въ голову. Я не зналъ, куда мнѣ бѣжать: дѣти были со всѣхъ сторонъ и прыгали, и кричали, и дразнили меня. Сбоку раздался громкій смѣхъ. Я оглянулся. На углу стояли двое молодыхъ турокъ; младшій былъ *сеисъ* *), другой немного постарше, *софта* **), въ бѣлой чалмѣ. Обернувшись къ нимъ, я сказалъ по-турецки: «На что́ жъ такой стыдъ и срамъ... Что́ я сдѣлалъ?..» Едва я только вымолвилъ это, лицо молодого сеиса остервенилось, онъ оглянулся туда и сюда, кинулся на меня, повалилъ меня однимъ ударомъ и началъ бить ногами и руками такъ сильно, что я не въ силахъ былъ уже защищаться... Я началъ кричать... Но и дѣти подняли такой общій вопль, что, конечно, голоса моего разслышать было нельзя... Наконецъ, усладивъ свою злобу, сеисъ всталъ и ударивъ меня еще разъ ногою въ грудь, сказалъ: «собака!» и отошелъ. Софта не билъ меня; онъ стоялъ около, смотрѣлъ и смѣялся. Потомъ, когда сеисъ всталъ съ земли, на которой онъ такъ безжалостно попиралъ меня, софта помогъ мнѣ встать и, только давъ мнѣ одну пощечину, толкнулъ и сказалъ: «*гидъ! пезевенгъ!*» (пошелъ! сводникъ!)

Я пошелъ домой, поправляя на себѣ одежду со слезами на глазахъ. Лицо мое было исцарапано, и бокъ очень сильно болѣлъ. Когда я пришелъ домой, онъ весь былъ красный, и послѣ того еще долго не могла сойти чернота отъ крѣпкаго ушиба.

---

*) Конюхъ.

**) Ученикъ высшаго духовнаго мусульманскаго училища, студентъ семинаріи турецкой.

VII.

Я шелъ домой, пылая мщеніемъ. Не боль одна, не воспоминаніе о страхѣ за жизнь мою, который я испыталъ, когда этотъ сильный конюхъ повалилъ меня на мостовую; нѣтъ, гордость моя, мое самолюбіе было глубоко оскорблено... Какъ! меня, который считалъ себя сыномъ архонтскимъ, меня любимаго и единственнаго сына загорскаго торговца, *эмпора* *), меня, котораго самъ господинъ Благовъ удостоивалъ брать благоухающею рукою своей за плечо и съ которымъ онъ дружески шутилъ въ Загорахъ... меня избилъ на улицѣ безграмотный варваръ, *обрѣзанный* турокъ, оборванный и вонючій конюхъ... Какъ защититься?.. Какъ отомстить ему? Какъ преувеличить даже мои страданія, чтобъ его наказали строго?.. Въ волненіи моемъ, въ смятеніи и гнѣвѣ я вдругъ забылъ обо всемъ, что могло меня утѣшить и ободрить... Я забылъ о томъ, что я потерпѣлъ побои и оскорбленія *во имя Христа*, заботясь о спасеніи души человѣческой; я забылъ и о русскомъ флагѣ, котораго тѣнь и меня *хоть немного* осѣняетъ, ибо хотя я самъ не что иное, какъ жалкій *райя*, но отецъ мой теперь драгоманъ русскій и уравненъ временно въ правахъ со счастливыми подданными того великаго православнаго Самодержца, котораго сіяющій портретъ грозно красуется въ черкесской одеждѣ на стѣнѣ нашего загорскаго жилища!.. Я обо всемъ этомъ забылъ и, думая лишь о боли въ груди и спинѣ, сокрушаясь только о стыдѣ моемъ и безсиліи, пришелъ домой къ отцу Арсенію и, сѣвъ въ кухнѣ у параманы, горько заплакалъ...

Когда добрая женщина эта съ участіемъ спросила, что со мной, я показалъ ей царапины на лицѣ моемъ, молча снялъ одежду и показалъ ей знаки на тѣлѣ и, закрывъ лицо руками, снова заплакалъ.

На политическія дѣла у насъ всѣ люди смышлены и

---

*) *Эмпоросъ — купецъ* богатый. него ціантъ.

всѣ понимаютъ ихъ съ быстротою молніи... Парамана тотчасъ же сказала:

— Раздѣнься, ложись скорѣе въ постель; задавятъ русскіе турокъ за это дѣло... Будь покоенъ... Только ты больше стони и жалуйся, а я сейчасъ пойду въ консульство.

И, накинувъ платокъ, тотчасъ ушла. Не прошло и получаса, какъ моя комната была полна людей. Отецъ Арсеній сидѣлъ около моего изголовья и твердилъ: «За Христа, святую вѣру ты понесъ это, за Христа»... И смѣялся, и веселился, и бороду свою знаменитую гладилъ. Маноли стоялъ, опершись на саблю, и, приподнимая усы, бранилъ турокъ и называлъ ихъ «необразованные звѣри». Парамана вздыхала, пригорюнившись у моихъ ногъ; скоро и докторъ Коэвино взошелъ, сверкая глазами и никому не кланяясь и ни на кого не глядя, весь преданный наукѣ и дружбѣ ко мнѣ, склонился надо мной заботливо и ощупалъ мой пульсъ.

Бостанджи-Оглу и тотъ пришелъ, и тотъ былъ внимателенъ и повторялъ: «Видите, видите! Не перерѣзать ли надо всю эту агарянскую сволочь?»

Сосѣди нѣкоторые пришли; даже дѣти чужія набѣжали въ отворенныя двери, потому что внучата отца Арсенія извѣстили ихъ о томъ, что турки «убили нашего Одиссея».

Наконецъ и самъ господинъ Бакѣевъ показался въ дверяхъ; всѣ встали и разступились передъ нимъ. Отецъ Арсеній спѣшилъ очистить ему мѣсто около меня; онъ первый поклонился доктору и спросилъ его, опасны ли побои для моего здоровья... Коэвино сказалъ, что они ничуть не опасны, но что если хотятъ дать дѣлу законный ходъ, то лучше послать за другимъ докторомъ, который состоитъ на турецкой службѣ, чтобъ онъ освидѣтельствовалъ меня скорѣе, пока всѣ знаки свѣжи...

Господинъ Бакѣевъ тотчасъ же послалъ за этимъ докторомъ, а самъ началъ разспрашивать меня о томъ, какъ было дѣло. Кто были эти турки, я не зналъ, но другіе по описанію моему сейчасъ догадались.

Такимъ образомъ *дѣло Назли* соединилось съ *дѣломъ*

Одиссея, и многіе еще гораздо позднѣе шутя говорили: «во время того вопроса, который зовется Назли-Одиссей, или Одиссей-Назли».

Еще ни разу прежде въ жизни моей я не ощутилъ такъ живо, какъ въ эти дни, для меня столь незабвенные, ту глубокую связь, которая объединяла всѣхъ насъ, православныхъ, и грековъ, и русскихъ, въ общемъ нравственномъ интересѣ...

Я не говорю о заботахъ доброй парамапы, которыя были даже излишни, ибо, кромѣ сильной боли въ ушибленныхъ мѣстахъ, у меня не было никакой болѣзни; не говорю объ отцѣ Арсеніи; онъ считалъ особымъ долгомъ обо мнѣ печись. Нѣтъ, я говорю обо всѣхъ другихъ людяхъ... Коэвино посѣщалъ меня каждый день, несмотря на то, что рисковалъ безпрестанно встрѣтить у меня людей, которыхъ онъ считалъ теперь ненавистными себѣ врагами, Бакѣева и самого Исаакидесъ... Да! Исаакидесъ вмѣшался въ это... И, какъ это бываетъ нерѣдко въ жизни, именно въ тѣхъ людяхъ, которые мнѣ меньше всѣхъ нравились, я видѣлъ въ этомъ случаѣ наибольшее рвеніе. Исаакидесъ и Бостанджи-Оглу, одинъ изъ *туркофагіи*, другой желая отличиться въ судахъ, больше всѣхъ другихъ въ этомъ случаѣ дѣйствовали въ моемъ духѣ, въ духѣ того отмщенія обиды, который продолжалъ одушевлять меня.

Г. Бакѣевъ, хотя и посѣтилъ меня, но видимо ему такихъ *дѣлъ* не хотѣлось, гдѣ будетъ предстоять трудная борьба съ турецкими изворотами и оттяжками. Онъ какъ-то брезгливо садился около меня на стулъ, брезгливо издали разсматривалъ на тѣлѣ моемъ красноту, обнаженную врачами; не разъ спрашивалъ врачей: «Вѣдь это, видимо, вовсе не серьезно?..» Замѣтилъ было даже и мнѣ самому: «Такимъ молодымъ людямъ, какъ вы, не слѣдовало бы мѣшаться въ политическія дѣла... особенно, когда они сами себя защитить не умѣютъ... Предоставьте это старшимъ и болѣе храбрымъ, чѣмъ вы...»

Однако на слѣдующій же день прислалъ за мной Бо-

станджи-Оглу, чтобы меня вести въ *истинтакъ*, на слѣдствіе.

Затрудненіе было въ томъ, признаютъ ли турки право русскаго консульства защищать меня. Отецъ мой, какъ ты помнишь вѣроятно, имѣлъ греческій паспортъ и требовалъ отъ турокъ, чтобъ они признали его подданнымъ Эллинскаго свободнаго королевства. Теперь онъ былъ сдѣланъ русскимъ драгоманомъ, такъ что у насъ было двѣ законныя иноземныя защиты; но я рожденъ былъ имъ еще въ турецкомъ подданствѣ, и онъ, какъ и многіе другіе христіане Востока, не прочь былъ имѣть въ родствѣ своемъ и въ семьѣ своей людей *различнаго* подданства. Это прежде было очень выгодно для торговыхъ и тяжебныхъ дѣлъ; это и теперь иногда удобно. Есть дѣла, которыя легче устроить подъ флагомъ русскимъ, другія подъ англійскимъ и иными европейскими, а были всегда и такія дѣла (напримѣръ, до послѣдняго времени по вопросамъ о поземельной и недвижимой собственности), для которыхъ прямая зависимость отъ турокъ была часто выгоднѣе всякаго иностраннаго подданства. Вотъ поэтому и мой отецъ не спѣшилъ безъ крайности снабдить меня какимъ-нибудь иностраннымъ видомъ, вотъ поэтому я и до сихъ поръ остаюсь турецкимъ подданнымъ, ибо позднѣе поладилъ съ турками, какъ нельзя лучше.

Итакъ, слабый и неспособный г. Бакѣевъ колебался... Онъ, по обычаю своему, не надѣясь на себя одного, пошелъ ко всѣмъ западнымъ консульствамъ извѣщать и совѣтоваться. Онъ пришелъ къ Леси, разсказалъ ему о Назли и обо мнѣ и спросилъ, что онъ думаетъ... (Бостанджи-Оглу былъ съ нимъ, и онъ обо всемъ разсказывалъ послѣ; говорили и другіе люди.)

Леси долго смотрѣлъ въ потолокъ, улыбался и наконецъ тонко сказалъ:

— Я провожу черту глубокаго различія между дѣломъ турчанки Назли, о которомъ меня давно уже извѣстили, и дѣломъ молодого Поликроніадеса, о которомъ вы мнѣ даете первыя свѣдѣнія. Я твердо убѣжденъ, что дѣло Назли от-

носится къ области янинскаго митрополита, и консульство касательно подобнаго прозелитизма должно пребыть лишь въ наблюдательной позиціи, руководствуясь увѣренностью, что вѣроисповѣданія въ Оттоманской Имперіи стараніями союзныхъ державъ Запада уже давно объявлены свободными. Это по дѣлу Назли. Переходя же къ дѣлу молодого Полихроніадеса, котораго вы, какъ я вижу, предпочитаете называть *Одиссеемъ*, я, продолжая проводить ту глубокую черту, о которой уже разъ упомянулъ, выражу вамъ слѣдующее мнѣніе. Хотя отецъ господина Полихроніадеса, Полихроніадесъ, такъ сказать, старшій, драгоманъ вашъ, и имѣетъ право на вашу защиту, но сынъ не драгоманъ и правъ на защиту вашу не имѣетъ и долженъ самъ, если желаетъ, обратиться прямо и непосредственно къ оттоманскимъ властямъ. Если же онъ несовершеннолѣтній, то можно найти руководителя, хотя бы въ лицѣ того почтеннаго іерея, въ домѣ котораго онъ, по вашимъ словамъ, обитаетъ.

Г. Бакѣевъ пошелъ къ Брешѐ. Брешѐ выслушалъ его и сказалъ:

— C'est votre affaire... Après tout cela m'est indifferent. Mais monsieur de Lecy est un peu fatiguant, pour ne pas dire autre chose...

— Что бы сдѣлали вы, если бъ это былъ сынъ вашего драгомана?

Брешѐ тогда сказалъ:

— Я? Конечно, я бы послалъ его въ Порту отъ себя самого. И если бы мнѣ не дали сейчасъ удовлетворенія... то я бы сталъ затрудняться только вопросомъ: кому изъ туроkъ надавать пощечинъ, предсѣдателю слѣдственной коммиссіи, или Ибратымъ-бею, который давно уже раздражаетъ мнѣ нервы... или, наконецъ, сдѣлать сцену самому старому колпаку, паша этому.

— Современны ли и законны ли такія средства? — попробовать было колко сказать Бакѣевъ.

На это Брешѐ, величаво поднявшись съ дивана, воскликнулъ:

— Monsieur, все то современно, что̀ поддерживаетъ величіе Франціи, передовой націи во всемъ человѣчествѣ.

Что̀ сказалъ добрый и толстый поваръ съ Австрійскаго Ллойда?

— Il povero ragazzo! Il est bien gentil, le pauvre enfant, avec sa robe de chambre turque (опять турецкій халатикъ! Опять са̀ванъ турецкій! Опять печать отверженія... Боже! Когда же вернется отецъ мой и дастъ мнѣ денегъ на европейское платье, на одежду прогресса и моды благородныхъ людей!). Надо, надо взять мѣры... Хотя съ этими турками очень трудно; они ужасно хитры... И свидѣтелей, замѣтьте, никакихъ не было при этомъ несчастіи.

Нашъ эллинъ Киркориди былъ полезнѣе всѣхъ ихъ. Онъ самъ поспѣшилъ притти къ Бакѣеву и сказалъ ему:

— Есть тутъ одно обстоятельство важнѣе всего. Между нами будь сказано, вашъ писецъ Бостанджи-Оглу, человѣкъ знающій прекрасно языки и очень хорошій, очень хорошій юноша, но... онъ не очень опытенъ, неопытенъ, больше ничего. У васъ пока нѣтъ хорошаго драгомана. Если вы хотите непремѣнно защищать Одиссея, то я предложу вамъ моего старика (это былъ отецъ Аристида); а если не хотите, скажите, я самъ возьмусь за эту защиту, такъ какъ этотъ Одиссей все-таки сынъ эллинскаго поддашнаго, и, если мы даже не достигнемъ того, чтобы люди, которые его побили, были наказаны, то по крайней мѣрѣ всѣ узнаютъ, что оскорбленія такого рода не остаются пренебреженными и что на нихъ есть какой-нибудь судъ.

Киркориди сказалъ это все твердо и рѣшительно. Исаакидесъ, вездѣ преслѣдуя турокъ, подливалъ масла въ огонь; онъ и греческому консулу, и русскому управляющему внушалъ одно и то же.

— Неужели такая обида останется безъ отмщенія и пройдетъ безъ слѣда?.. Неужели? неужели?

Г. Бакѣевъ рѣшился послать меня въ *истинтакъ*, но, всегда безтактный, вдругъ неумѣстно возгордился противъ осторожнаго и умнаго нашего Киркориди и драгомана его не взялъ, а послалъ все-таки Бостанджи-Оглу, мотать тамъ

предъ турками своею длинною и острою жидовскою бородкой. Паша уступилъ, призналъ мое право.

Пошли мы... Бостанджи-Оглу моталъ бородкой, сидя рядомъ съ предсѣдателемъ туркомъ, въ восторгѣ отъ такого почета. Я сидѣлъ, напротивъ, смиренно на стулѣ съ обнаженною грудью и спиной и показывалъ огромное пятно, которое изъ краснаго уже становилось синимъ и желтымъ.

На старомъ грязномъ диванѣ, который шелъ вокругъ всей комнаты, сидѣли другіе чиновники и судьи, и всѣ курили. На другихъ стульяхъ сидѣли, лицемѣрно потупивъ глаза, мои оскорбители, — софта и сеисъ... Ихъ допрашивали. Сабри-бей былъ въ числѣ членовъ и, разумѣется, не оказывалъ мнѣ никакого особеннаго вниманія и былъ холоденъ.

Предсѣдатель, медленный турокъ, жирный и невѣроятно хитрый и опытный, разспрашивалъ поочереди и меня, и моихъ противниковъ... Но явно, что они были научены и говорили очень коротко и просто, что вовсе и не видали меня. Ихъ выпускали обоихъ вмѣстѣ въ прихожую за занавѣску, и они совѣтовались тамъ сколько хотѣли...

Бостанджи-Оглу предложилъ пригласить докторовъ. Предсѣдатель на это тихо сказалъ: «Мы и сами видимъ знаки. На что же докторовъ безпокоить... Свидѣтелей нѣтъ, сказалъ онъ потомъ, обращаясь къ Сабри-бею, и Сабри сказалъ, кланяясь ему быстро: «Эветъ! эффендимъ».

Потомъ отложили засѣданіе на цѣлую недѣлю, потому что были другія дѣла; черезъ недѣлю нашли причину еще отложить; кто-то изъ членовъ былъ боленъ, и были опять болѣе важныя дѣла; нашли тѣло убитаго человѣка въ ямѣ за городомъ... Деревенскія женщины жаловались, что ихъ тоже избили на дорогѣ солдаты.

Такъ понемногу угасало мое дѣло, и у всѣхъ людей начиналъ проходить къ нему интересъ.

Угасало мое дѣло; угасало, казалось, и дѣло Назли... Въ то время, когда меня прибили и когда моя комната была полна посѣтителей и друзей, Назли все оставалась

въ митрополіи съ разрѣшенія самого паши; митрополитъ боялся или притворялся, что боится ночного нападенія турокъ. Онъ сказалъ пашѣ: «Я продержу ее до утра; но разставьте вокругъ стѣнъ моихъ аскеровъ». И паша послалъ ему взводъ солдатъ со строгимъ приказомъ гнать всѣхъ турокъ отъ митрополіи. На другой день Назли освидѣтельствовалъ, по приказанію паши, докторъ, нашелъ у ней болѣзнь сердца, и приказано было отдать ее въ больницу, съ тѣмъ, чтобы къ ней невозбранно имѣли доступъ духовныя лица обоихъ исповѣданій.

Тогда попъ Ко̀ста, отчаявшись въ помощи консульствъ и видя ея горе и отчаяніе, которое доходило даже до того, что она боялась принимать лѣкарства и думала, что турки приказали доктору отравить ее, попъ Ко̀ста сказалъ ей:

— Знаешь что́! Оставь это все; скажи, что ты здорова и раскаялась и останешься впредь навсегда турчанкой. Вернись домой; я иначе сдѣлаю... На консульства нѣтъ надежды...

Посѣтилъ ее и отецъ Арсеній и сказалъ то же самое. Посѣтили ее и мусульманскіе ходжи, и она рѣшилась сказать имъ такъ, какъ научили ее христіане.

— Мнѣ лучше, и я вернусь домой и останусь въ той вѣрѣ, въ которой столько лѣтъ жила... Это все сдѣлала мнѣ болѣзнь... Отъ нея я потеряла разумъ.

Сказать ей это стоило очень дорого! Она ежеминутно трепетала, чтобы не умереть отъ этихъ, хотя бы и *лживо* произнесенныхъ ею словъ. «Страшно, страшно, отецъ мой!» говорила она отцу Арсенію и плакала.

У турокъ была радость по этому поводу. Иные прямо въ глаза смѣялись попу Ко̀стѣ и говорили: «Ушла куропатка изъ рукъ твоихъ!» А попъ Ко̀ста отвѣчалъ дерзко: «Изъ моихъ рукъ ушла, да посмотрю, изъ Божьихъ уйдетъ ли въ дьявольскія. Вотъ вопросъ, ага ты мой».

И точно, не прошло и двухъ какихъ-нибудь недѣль послѣ всѣхъ этихъ событій, какъ однажды вечеромъ вошелъ ко мнѣ попъ Ко̀ста и сказалъ:

— Пиши къ матери.

— Что писать? о чемъ? — спросилъ я съ удивленіемъ.

Но попъ Коста повелительно сказалъ:

— Пиши, христіанинъ ты, человѣче! — и, указавъ на столъ еще сердитѣе и повелительнѣе, прибавилъ: — Садись, морѣ, садись и не будь *вареною вещью*... Стыдно!

Я повиновался, и онъ продиктовалъ мнѣ письмо о томъ, что христіане должны помогать другъ другу, о томъ, — что Назли страдаетъ нестерпимо отъ «звѣрей во образѣ человѣковъ», о томъ, что госпожа Полихроніадесъ славится своимъ благочестіемъ и добротою и что Назли желаетъ поступить *параманой* въ какой-нибудь уединенный и мирный монастырекъ именно въ Загорахъ, гдѣ турокъ вовсе нѣтъ и гдѣ она можетъ въ монахини постричься.

Я написалъ. Онъ подписалъ и прибавилъ: «Самъ я скверно пишу и не очень грамотно, а ты преуспѣлъ грамотѣ и въ риторскомъ искусствѣ, и въ словесныхъ наукахъ. Живи, Одиссей!» Взялъ письмо и ушелъ.

На другой день еще до разсвѣта Назли, переодѣтая въ старое платье попадьи, жены попа Косты, вышла изъ дома своего тихонько за городъ. Тамъ ждалъ ее попъ и другой молодецъ въ фустанеллѣ съ двумя мулами (денегъ для найма муловъ выпросилъ отецъ Арсеній у кого-то изъ самыхъ скупыхъ архонтовъ). Молодецъ этотъ (скажу мимоходомъ, чтобы порадовать еще разъ твой греческій патріотизмъ) былъ тотъ самый отчаянный юноша, который однажды грозился Бакыръ-Алмазу издали ножомъ, чтобъ ему на праздникъ выдали помощь денежную изъ митрополіи, тотъ самый еще, который былъ слегка раненъ, когда рвался растерзать палача-цыгана послѣ казни Саида. Несмотря на его буйный и сварливый нравъ, въ немъ было много привлекательнаго, и я самъ любилъ его. Ростомъ небольшой, сложенія вовсе не сильнаго, легкій и ловкій, круглолицый и блѣдный, какъ большая часть арнаутовъ, бѣлокурый, еще безбородый вовсе, съ очами отважными, онъ ремесломъ былъ просто башмачникъ и кормилъ трудами своими мать и двухъ сестеръ. Онъ былъ всегда веселъ, пѣлъ и плясалъ хорошо, когда у господина Благо-

ва на дворѣ собирались молодцы танцовать и консула веселить; онъ былъ изъ первыхъ во всемъ. Это онъ бросилъ стаканъ выше дома и закричалъ, когда онъ не разбился: «крѣпка Россія»; онъ выбранилъ турецкій обходъ, и за него больше старался господинъ Благовъ, когда ходилъ къ пашѣ просить, чтобы выпустили молодцовъ изъ тюрьмы... Попъ Ко̀ста иногда спрашивалъ у него:

— Сынъ ты мой! Яни мой! Мальчикъ мой! Другъ ты мой, когда будемъ турокъ бить?..

— Сейчасъ! — говорилъ Яни и засучивалъ широкіе арнаутскіе рукава свои выше локтей...

Попъ Ко̀ста зналъ, кому поручить безпомощную и заблудшую овцу стада Христова, которую не могли или не хотѣли защитить какъ слѣдуетъ люди власти и вліянія. И Назли съ охотой довѣрилась этому герою.

Онъ благополучно отвезъ ее къ намъ въ село Франга́десъ съ письмомъ моимъ. Въ одномъ хану, при всходѣ солнца, отдыхалъ даже вмѣстѣ съ какими-то турками и разсказывалъ имъ тысячу небылицъ о томъ, что спутница его больная, сестра двоюродная госпожи Полихроніадесъ, жены русскаго драгомана, и ѣздила лѣчиться въ Янину, къ докторамъ, и теперь возвращается восвояси... И турки говорили имъ серьезно: — Въ добрый часъ! Въ добрый часъ! — И Назли отвѣчала имъ по-гречески: — Благодарю васъ, ага мой!

Такъ легко и неожиданно просто кончаются самыя трудныя дѣла, когда придетъ имъ *этотъ добрый часъ* и когда созрѣютъ сами собою обстоятельства, помимо воли даже самыхъ сильныхъ людей.

Назли давно уже не Назли. Она даже и не Елисавета, какъ была крещена, а мать Евпраксія. Пожившъ недолго у матери моей, она удалилась скоро въ одинъ изъ тѣхъ небольшихъ горныхъ монастырей нашихъ эпирскихъ, въ которыхъ, какъ въ аѳонскихъ лѣсныхъ и пустынныхъ кельяхъ, живутъ по-двое, по-трое монаховъ, а нерѣдко и одинъ всего. Они всѣ мужскіе, но женщины пожилыя и основательныя допускаются въ нихъ для прислуги и помощи.

Сперва Назли мыла тамъ полы и бѣлье у одинокаго старца *игумена безъ братіи*, готовила ему смиренный обѣдъ... Здоровье ея въ тишинѣ стало получше. Она желала постричься, и игуменъ, призвавъ двухъ-трехъ другихъ монаховъ со стороны, постригъ ее самъ въ маленькой церкви своей. Мать моя ѣздила смотрѣть на это пустынное, безлюдное и глубоко-трогательное постриженіе и всегда вспоминала о немъ съ самымъ искреннимъ чувствомъ умиленія и радости.

Не такъ давно (лѣтъ черезъ пять послѣ ея обращенія и бѣгства изъ Янины) я видѣлъ ее еще разъ. Я пріѣзжалъ съ Дуная въ Загоры и посѣтилъ ее нарочно въ той пустынѣ, куда она скрылась.

Монастырь этотъ построенъ на высокомъ холмѣ, недалеко отъ села. Мѣсто это очень дикое, суровое, нагое и печальное. Бѣлая высокая стѣна стараго и небольшого дома съ узкими окошками; крѣпкія ворота всегда запертыя; древняя низенькая церковь, снаружи простое строеніе съ черепичною кровлей, внутри темные своды и высокій до потолка узкій иконостасъ, старинный, весь въ позолотѣ и мелкихъ завиткахъ рѣзьбы, прекрасно сіяющей изъ мрака. На задней стѣнѣ, по нашему обычаю, иконописные портреты благодѣтеля этого храма, богатаго, не нынѣшняго времени валашскаго князя (имя котораго я забылъ) и его супруги; князь почти въ царской восточной широкой одеждѣ; жена въ европейскомъ платьѣ, съ тонкою таліей, какъ бы въ корсетѣ, съ цвѣткомъ въ рукѣ, съ обнаженными по-бальному плечами... Игуменъ — дряхлый и простой старикъ, который смолоду зналъ еще самого Али-пашу янинскаго и говаривалъ съ нимъ, но ничего любопытнаго сказать о немъ не умѣетъ. Вокругъ безмолвные каменистые ущелья и утесы. Нѣсколько старыхъ огромныхъ деревьевъ, отъ которыхъ въ ненастные дни страшный шумъ... Назли — монахиня въ черномъ платочкѣ, въ черномъ ситцевомъ платьѣ... Въ смиренной келейкѣ ея горитъ всегда лампада предъ иконой св. Георгія Новаго Янинскаго, изображеннаго такъ, какъ всегда изображаютъ его, въ фуста-

нелѣ и фескѣ, въ длинной *багряницѣ* мученической, съ крестомъ въ одной рукѣ, съ пальмой страданія въ другой... Тишина и забвеніе... и никому невидимый и никѣмъ не награждаемый трудъ и молитва...

Я провелъ почти цѣлый вечеръ съ Назли. Это было лѣтомъ; вечеръ былъ очень теменъ и чуть-чуть прохладенъ... Шумныя цикады уже замолкали... Въ воздухѣ вокругъ насъ летали свѣтящіяся мухи... Мы сидѣли съ ней у открытаго окна на старомъ и жесткомъ турецкомъ диванѣ... Назли не жаловалась; она благодарила Бога, меня за тогдашнюю помощь, священниковъ, митрополита, всѣхъ...

Хотя ей тогда уже было около тридцати пяти лѣтъ, но она не казалась еще старою и, несмотря на страданіе сердцемъ, лицо ея было не слишкомъ изнурено и не слишкомъ блѣдно; голубые глаза ея были кротки и велики и даже скорѣе веселы, чѣмъ грустны. И отъ прежней жизни у нея осталась привычка, говоря, какъ-то мило, то туда, то сюда, то впередъ, то назадъ, двигать головой и шеей, какъ дѣлаютъ воркующіе голуби.

Мы долго бесѣдовали; наконецъ я вздумалъ спросить ее:

— Какъ ты потурчилась? разскажи мнѣ.

Назли охотно разсказала мнѣ, какъ ея родители были бѣдны, какъ умерла ея мать, а отецъ былъ грубый и сердитый лодочникъ и билъ ее часто. Какъ поступила она въ домъ служанкой, еще маленькою дѣвочкой, къ турецкому бею, какъ ее тамъ ласкали, пріучали, какъ было дома скучно и голодно иногда, а въ гаремѣ сыто и весело. И тамъ ее никогда не били, а доставляли ей всякія удовольствія и дарили ей вещи.

Между прочимъ она вотъ что сказала:

— И была у нихъ, я скажу тебѣ, Одиссей, одна комнатка въ гаремѣ зимняя, вся красная и вся заново отдѣланная; низенькая, теплая, теплая зимой... И потолокъ пурпуровый, и стѣны, и диваны, и коверъ... И когда зажгутъ огонь въ очагѣ и сядемъ мы всѣ около: и ханумиса, и я, и дѣти, и гостьи, и служанки другія... блеститъ огонь въ потолкѣ и въ стѣнахъ, потому что все было вновь вы-

крашено, понимаешь... Такъ весело!.. Орѣхи ѣдимъ, смѣемся... Арабка одна пѣсню пѣла, правда, пѣсня эта очень нехороша и проста... и даже стыдно ее пѣть...

Гдѣ мой орѣхъ?
Гдѣ мой орѣхъ?...

Дальше ты, я думаю, и самъ знаешь. И пляшетъ, и пляшетъ, спиной только шевелитъ, на одномъ все мѣстѣ. А мы всѣ смѣемся. Гдѣ же мнѣ у отца было такъ жить? Такъ они, Одиссей, и совратили меня...

Я еще спросилъ ее:

— А замужъ какъ ты вышла?

Евпраксія улыбнулась, опять закачала головой и покраснѣла:

— У монашенки ты такія вещи спрашиваешь, глупый!

Я сказалъ:

— Говори ужъ! Я уѣду завтра, и можетъ быть никогда ты не увидишь меня. Утѣшь меня и вспомни, что меня за тебя турки тогда избили.

Она сказала:

— Ну, вотъ я все не соглашалась потурчиться. Боялась грѣха. А тамъ хозяйка сказала мнѣ: «Мы тебя, Лиза, замужъ отдадимъ. И что̀ за мужъ! Что̀ за мужъ!» И показала мнѣ его сперва тайкомъ, а такъ какъ я еще христіанка была, то послѣ приказала мнѣ выйти туда̀, гдѣ онъ сидѣлъ съ людьми и чубукъ ему подать. Было ему всего двадцать лѣтъ, а мнѣ пятнадцать. И онъ былъ кузнецъ и *налбантъ*, который лошадей куетъ. Зналъ онъ, зачѣмъ пришелъ, и былъ одѣтъ во все хорошее. Въ голубыхъ шальварахъ короткихъ, шнуркомъ черным расшитыхъ, и въ голубой курточкѣ, шнуркомъ тоже черным расшитой, и на головѣ феска новая, кругомъ голубым тонкимъ платочкомъ обвязана, и кисточка у него на искѣ черная такъ пріятно лежала. А самъ онъ былъ бѣленькій и чернобровый, и стыдливый, и еще я тебѣ одну вещь скажу... если хочешь, что̀ мнѣ слишкомъ ужъ понравилась...

И, не говоря, однако, *что* понравилось, Назли ужасно покраснѣла и закрылась руками, но я настаивалъ, и она, открывъ лицо, сказала презабавно и притомъ съ испугомъ даже на лицѣ, что я ее въ такое искушеніе ввожу:

— Пустое дѣло, Одиссей мой, вовсе пустое! Дѣтское дѣло!.. прости ты мнѣ... Не знаю, что̀ такое, что онъ себѣ все губы языкомъ облизывалъ немножко. Потрескавши онѣ были у него — не знаю. Вотъ меня врагъ и побѣдилъ совсѣмъ тутъ. Понравилась мнѣ эта такая глупость, и я потурчилась и вышла за него замужъ. А потомъ его убили въ 54-мъ году греки, и я осталась вдовою.

Такъ кончилось дѣло Назли.

А дѣло *Одиссея?* Месть за побои? Не осталось ли все безъ послѣдствій?

Нѣтъ, мой другъ, дѣло *мое* кончилъ тотчасъ по пріѣздѣ своемъ Благовъ, этотъ лучшій герой моей юности, котораго я иногда хотѣлъ бы сравнить съ Алкивіадомъ, если бъ Алкивіадъ не былъ порою ужъ слишкомъ безстыденъ въ своемъ честолюбіи, въ своей силѣ и въ блескѣ своемъ.

VIII.

Наконецъ я дождался Благова. Онъ пріѣхалъ въ самый праздникъ Крещенія на разсвѣтѣ.

Еще недѣли за двѣ до пріѣзда консула въ городѣ ходили слухи о томъ, что онъ близко. Говорили, что онъ теперь въ Превезѣ или въ Артѣ; иные увѣряли, будто бы онъ былъ и въ предѣлахъ свободной Эллады, чтобы взглянуть на *дикихъ* эллиновъ геройской Акарнаніи. Говорили даже, что онъ видѣлся тамъ съ разбойниками и сводитъ съ ними тѣсную дружбу. (Со временемъ я объясню тебѣ, на чемъ основана была эта выдумка). Разсказывали также шопотомъ и съ радостью, что онъ старается повѣсить *большой колоколъ* въ Артѣ или въ Превезѣ на христіанскомъ храмѣ. «И это будетъ у насъ неслыханное дѣло; будетъ этотъ колоколъ первымъ колоколомъ въ Эпирѣ, и уви-

дятъ люди, вѣрить ли впредь или не вѣрить имъ вовсе султанскимъ *гатти-шерифамъ* и *гатти-гумаюнамъ*».

Полагали, что это, однако, вовсе не легко; вотъ почему: каймакамъ *) въ той сторонѣ былъ рожденъ въ христіанствѣ; его въ дѣтствѣ звали Василіемъ; позднѣе онъ былъ совращенъ въ исламизмъ, и поэтому наши турки эпирскіе ему не вѣрили. Ихъ у насъ по городамъ не очень много, и они стараются сплотиться между собою тѣснѣе, чтобы поддержать другъ въ другѣ пламень религіознаго своего чувства предъ лицомъ столькихъ *невѣрныхъ* и у самыхъ предѣловъ этой независимой и всегда раздраженной Греціи; они вѣчно недовѣрчивы, неуступчивы; они въ одно и то же время какъ будто и напуганы, и сердиты.

О каймакамѣ этомъ и безъ того турки говорили такъ: «Развѣ онъ Мехмедъ? Развѣ онъ Мустафа? Онъ не Мехмедъ и не Мустафа — онъ Василій».

Трудно было такого каймакама убѣдить, чтобъ онъ не препятствовалъ всячески вознесенію на высокую колокольню христіанскаго колокола въ городѣ и чтобъ онъ согласился дать туркамъ новый поводъ называть его «Василіемъ» и интриговать противъ него.

Наши архонты сомнѣвались въ успѣхѣ, улыбались и говорили: «Похвалимъ, похвалимъ Благова, превознесемъ и прославимъ имя его, если его начинанія эти будутъ успѣшны».

И всѣ мы скорѣе желали узнать, что̀ тамъ было. Я какъ влюбленный, какъ очарованный бродилъ около русскаго консульства, и не проходило дня, чтобъ я не заходилъ къ Бостанджи-Оглу или къ кавассамъ узнать: «Когда будетъ консулъ? Не пріѣхалъ ли онъ?»

Я все помнилъ слова Благова, сказанныя емъ въ Загорахъ: «Мы повеселимъ тебя въ Янинѣ, Одиссей!» И еще,— хотя сердечное озлобленіе мое противъ сеиса и софты, которые меня прибили, и противъ начальства турецкаго, которое не наказало ихъ, уже почти прошло, но все-таки

---

*) *Каймакамъ* — въ родѣ уѣзднаго начальника.

самолюбію моему было бы очень пріятно, если бы, придя поутру въ училище, я могъ тамъ сказать при всѣхъ: «Слышали вы, какъ вчера отмстилъ русскій консулъ туркамъ за безчестье, нанесенное сыну его драгомана?»

Въ одинъ изъ такихъ дней ожиданія я сказалъ архистратигу Маноли:

— Господинъ Маноли, мой добрый, исполните мою просьбу: сведите меня наверхъ во внутреннie покои господина Благова. Я никогда еще ихъ не видалъ и сгораю желаніемъ видѣть, потому что всѣ говорятъ, что тамъ царствуетъ роскошь и красота.

Маноли отвѣчалъ мнѣ въ духѣ благосклонности:

— Ты справедливо говоришь, мой Одиссей, что у насъ наверху царствуетъ роскошь и красота. И я съ величайшимъ удовольствіемъ отопру тебѣ все.

Я обрадовался, и онъ тотчасъ же повелъ меня.

Я можетъ быть забылъ сказать тебѣ, что прекрасный этотъ конакъ *), въ которомъ помѣщалось русское консульство, принадлежалъ именно тому самому Шерифъ-бею, племяннику Абдурраима-эффенди, съ которымъ Исаакидесъ имѣлъ не совсѣмъ чистую тяжбу, къ несчастію переведенную имъ (какъ ты конечно не забылъ) на имя отца въ очень тяжелую для насъ минуту.

Шерифъ-бей построилъ этотъ конакъ для себя недавно. Онъ былъ новымъ зданіемъ, но въ старинномъ вкусѣ. Бей думалъ женившись самъ поселиться въ немъ; но когда и его дѣла, и дѣла его дяди стали приходить въ разстройство и сумма долговъ уже грозила превысить все состояніе ихъ, Шерифъ-бей перешелъ въ наемный и худшій домъ, а свое новое блистательное жилище отдалъ г. Благову за большую цѣну.

Когда Маноли растворилъ дверь въ пріемную, я остановился въ изумленіи. Я никогда еще не видывалъ подобнаго сочетанія азіатскаго вкуса съ европейскимъ порядкомъ и опрятностью...

*) Большой домъ, хоромы.

Правда, здѣсь не было того множества вещей, монетъ, древностей, посуды, раковинъ, какъ у стараго англичанина; здѣсь, напротивъ того, все было просторно и даже немного пусто. Но зато какъ все было и свѣжо, и богато, и красиво!

Не зналъ я, на что мнѣ прежде дивиться, чѣмъ любоваться, что изучать. Какой драгоцѣнности касаться осторожною рукой.

Домъ Шерифъ-бея былъ по отдѣлкѣ своей первый домъ въ городѣ. Поднималъ я глаза свои на деревянный потолокъ — онъ былъ весь въ самой хитрой рѣзьбѣ; некрашеный, фигурный, совсѣмъ новый, и въ мелкихъ углубленіяхъ рѣзьбы блестѣла позолота. Рѣзьба дорогая была вездѣ, гдѣ только было дерево въ этомъ обширномъ покоѣ: и вокругъ множества оконъ, и по высокимъ карнизамъ вверхъ по стѣнамъ до оконъ; на дверяхъ и вокругъ дверей, и на дверцахъ шкаповъ, вдѣланныхъ по-восточному въ стѣну, и на маленькихъ полочкахъ около шкаповъ. Все рѣзьба. Все цвѣты, и звѣзды, и завитки тысячи родовъ, и листья, и какія-то чудныя вѣтви; и опять завитки, и опять звѣзды, и опять цвѣты...

Смотрѣлъ я на стѣны и дивился лѣпной алебастровой работѣ... Вездѣ, гдѣ не было деревянной рѣзьбы, были тоже звѣзды и цвѣты, и завитки, и фрукты, и листья... но бѣлые, алебастровые, какъ бываютъ капители на церковныхъ колоннахъ... Были даже и колосья металлическіе, облѣпленные этимъ составомъ, которые колебались отъ всякаго движенія двери или сотрясенія мостовой, потому, я думаю, что они были на витыхъ проволокахъ.

Глядѣлъ я внизъ — я видѣлъ, что ноги мои стоятъ на чистой, свѣжей, блестящей цыновкѣ, тончайшей, не *здѣшней* работы (должно быть египетской); вся она была шахматная, пурпуровая съ бѣлымъ.

Подходилъ я къ окошкамъ, — на нихъ на всѣхъ были занавѣсы еще изумительнѣе цыновки и потолка, и дѣлныхъ алебастровыхъ стѣнъ. Это были большіе, толстые, темные [illegible] бархат-

наго ворса, всѣ въ широкихъ цвѣтныхъ разводахъ, полосахъ и треугольникахъ, бѣлыхъ, розовыхъ, голубыхъ...

Я коснулся рукой ихъ прочной ткани и еще болѣе удивился. Я увидалъ, что въ ткани этихъ страшныхъ ковровъ былъ затканъ пучокъ разноцвѣтнаго шелка... Я взглянулъ въ другое мѣсто—была другая такая же кисточка шелковая; въ иномъ—еще перышки птичьи разноцвѣтныя... Мнѣ показалось даже, что на одномъ изъ этихъ ковровъ я увидѣлъ небольшую прядь волосъ человѣческихъ.

Маноли улыбался, глядя на мое восхищеніе, и говорилъ торжественно:

— *Кызъ-келимъ! Коверъ дѣвицы.* Ихъ ткутъ невѣсты на приданное. Шелкъ затканъ; перья. Невѣсты ткутъ и кладутъ около себя разныя вещи, и что̀ имъ попадется подъ руку, то и вплетаютъ въ ткань... Очень любопытно!..

Смотрѣлъ я на мебель туда и сюда, направо и налѣво,— я видѣлъ, что нѣтъ вокругъ всей комнаты однообразнаго и сплошного дивана, какъ у турокъ или у нашихъ архонтовъ, и нѣтъ тѣхъ гадкихъ, дешевыхъ европейскихъ диванчиковъ и креселъ съ пружинами, которыхъ я видѣлъ столько на Дунаѣ въ дѣтствѣ, не понимая даже тогда, до чего они гадки. Нѣтъ! Здѣсь были тамъ и сямъ нѣсколько диванovъ отдѣльныхъ, наподобіе турецкихъ, они были гораздо ниже обыкновенныхъ нашихъ и обиты дорогими бархатистыми мелко-узорчатыми персидскими коврами. Ты знаешь (знаешь ли ты персидскіе ковры, живя всегда въ Лоннахъ? Для меня это вопросъ, прости мнѣ *), краски

*) Не должно удивляться, что молодой человѣкъ, рожденный и выросшій въ Турціи, почти вовсе не видалъ хорошихъ восточныхъ вещей. Ихъ вовсе не легко встрѣтить въ нынѣшней Европейской Турціи. Западныя моды самаго *дурного тона* уже давно господствуютъ въ высшихъ (то-есть административныхъ, коммерческихъ и ученыхъ) слояхъ тамошняго общества всѣхъ исповѣданій безъ различія. И у христіанъ вкусъ еще хуже и вульгарнѣе, чѣмъ у турокъ. Чтобы видѣть хорошія восточныя вещи, надо или ѣхать въ Азіатскую Турцію, или *отыскивать* ихъ нарочно на Цареградскомъ Старомъ Базарѣ, или посѣщать посольства, особливо русское. Можетъ быть еще такого рода прекрасныя произведенія декоративнаго азіатскаго искусства можно встрѣтить у очень не многихъ пашей. У тѣхъ, вѣроятно, которые настолько

персидскихъ ковровъ вовсе не ярки и нѣсколько суровы... Но узоры ихъ божественны, и правъ былъ тотъ англичанинъ, который еще недавно находилъ восточные ковры несравненно лучшими европейскихъ уже по тому одному, что азіатцы изображаютъ лишь однѣ небывалыя фигуры, узоры свободно создающей фантазіи, а не церкви, не безобразныхъ дамъ съ зонтиками подъ деревомъ, не тигровъ и охотниковъ, трубящихъ въ рогъ, и по *которымъ*, говорилъ этотъ англичанинъ, мы никогда ногами не ходимъ! Всѣ эти дорогіе персидскіе ковры, которыми были обиты низкіе и широкіе диваны Благова, были нѣсколько темны и строги красками, сказалъ я. Только два дивана были покрыты малоазіатскими коврами необычайной яркости и гармоническаго соединенія самыхъ сіяющихъ цвѣтовъ: лазурная бархатистая шерсть чередовалась съ ярко-розовою; изъ розовой арабески выходилъ свѣтло-зеленый листъ. Въ срединѣ черной звѣздочки была палевая звѣздочка, а въ палевой—бѣлая.

По концамъ диванovъ были положены особыя очень большія подушки, круглыя какъ цилиндры, изъ шелковой алой и голубой матеріи съ золотыми полосками... И такихъ подушекъ, и такой ткани я тоже не видѣлъ еще ни въ Тульчѣ, ни въ Эпирѣ!.. Заднія подушки у стѣнъ были тоже какія-то особыя, все шелковыя, но на яркихъ малоазіатскихъ коврахъ онѣ были черныя атласныя, вышитыя разными шелками, а на темныхъ персидскихъ были яркія подушки...

Были еще стулья и кресла тяжелой, рѣзной, хорошей работы нашихъ эпирскихъ столяровъ; такія однако, какихъ никто у насъ не дѣлаетъ, а по рисункамъ. Былъ столъ большой, круглый, и на немъ вокругъ лампы высокой ле-

---

уже *европеизировались*, что ихъ дюжиннымъ европействомъ не удивишь... Этому упадку вкуса способствуетъ и разстройство мѣстной промышленности въ Турціи вслѣдствіе слишкомъ несообразной съ ея экономическими силами *свободною торговлей*. Самыя дурныя и фальшивыя произведенія Запада сбываются по дешевизнѣ своей хорошо разореннымъ турецкимъ беямъ и скупымъ христіанскимъ старшинамъ. *Авт.*

жало много книгъ въ золоченыхъ и разноцвѣтныхъ переплетахъ съ разными изображеніями и рисунками. Была большая чугунная англійская печь фигурная; были американскія качающіяся кресла...

Тѣхъ дешевыхъ гравюръ и мелкихъ фотографій на стѣнахъ, которыми теперь такъ богаты *наши* жилища и на которыхъ какой-нибудь усатый дядя, окруженный дѣтьми, обнимаетъ тетку, — здѣсь не было вовсе. Въ углу висѣла икона Спасителя, кроткій ликъ, свѣтлый, молодой и, однако, еврейскій; икона была вся въ золотѣ и *почернѣломъ* серебрѣ... (И Маноли воскликнулъ: «Серебро почернѣвшее. Это *нарочно!* Вкусъ! капризъ!») А на другой стѣнѣ, между дверцами рѣзныхъ шкаповъ, висѣла одна только большая картина: три полуобнаженныхъ женщины, полныя, всѣ бѣлокурыя и по-моему не очень красивыя, стояли и сидѣли подъ тѣнистымъ деревомъ. Подальше виденъ былъ пастушокъ съ овечками и посохомъ, тоже полунагой и безбородый, и надъ нимъ склонялся другой человѣкъ въ круглой шапочкѣ съ крыльями: онъ подавалъ пастушку яблоко. Устремился я къ этой картинѣ и спросилъ: «Это что еще!? Какія эти толстыя женщины?» А Маноли мнѣ: «Ты знаешь, вѣрно, это лучше меня; это былъ прежде одинъ *воръ Парисъ*. Онъ укралъ одну Елену». И я тотчасъ понялъ, что рѣчь шла о Троянской войнѣ, которую, конечно, я зналъ хорошо и лучше Маноли...

Такова была пріемная у русскаго консула! Потомъ добрый Маноли повелъ меня въ его кабинетъ, который былъ одного размѣра съ этою пріемной и выходилъ на другомъ концѣ галлереи такимъ же точно выступомъ на дворъ. Тамъ было тоже много хорошаго, но все было проще и дешевле. Вмѣсто цыновки тутъ по всей комнатѣ былъ здѣшній меццовскій заказной коверъ, черный, съ крупными пестрыми звѣздочками.

Было многое множество книгъ и бумагъ на огромномъ столѣ. Опять широкіе и низкіе диваны, большіе портреты на стѣнахъ и еще нѣсколько треножниковъ особыхъ и высокихъ, на которыхъ стояли рамы, обтянутыя полот-

номъ... На одномъ столѣ въ безпорядкѣ были разбросаны краски, палитра и кисти...

Я смотрѣлъ на Маноли, и онъ улыбался мнѣ. Потомъ, подойдя къ одному изъ портретовъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Отецъ Благова, полководецъ!.. И еще мать Благова, игемонической *) крови мадама!

И, подпершись послѣ этого въ бока руками, Маноли взглянулъ на меня безъ улыбки, а такъ, какъ будто онъ самъ уже давнымъ-давно породнился съ предками Благова и снисходилъ лишь по добротѣ душевной къ общественному моему ничтожеству.

Отецъ Благова былъ точно генералъ; онъ казался на видъ лѣтъ сорока, глядѣлъ строго, какъ орелъ, немного въ сторону; на груди его были латы, рукава бѣлые, а воротникъ синій; сверхъ латъ звѣзда и много крестовъ. Волосы его были свѣтлы и очень кудрявы... У него не было ни усовъ, ни бороды...

Что касается до матери Благова, то она была изображена въ бѣломъ легкомъ платьѣ, въ саду. Лицо ея было худощаво и гораздо смуглѣе, чѣмъ у мужа, а глаза темно-синіе, прекрасные, *романтическіе*, скажу я теперь; *добрые* (подумалъ я тогда); на черныхъ волосахъ ея былъ вѣнокъ изъ мелкихъ голубыхъ цвѣтовъ, какихъ-то сѣверныхъ, какихъ у насъ я не встрѣчалъ.

Пока я смотрѣлъ задумчиво на знаменитыхъ родителей моего Алкивіада и привлекали меня ихъ лица и странныя тогда для меня одѣянія, такъ что я оторвать отъ нихъ взоровъ моихъ не могъ... Маноли подошелъ къ другой стѣнѣ и, обернувъ одну изъ рамокъ, обтянутыхъ полотномъ, поставилъ на треножникъ картину и сказалъ мнѣ:

— Одиссей, смотри, что̀ это?..

Я взглянулъ, присмотрѣлся и узналъ, что это былъ начатый, но еще не оконченный видъ нашей янинской крѣпости, такъ величаво воздвигнутой надъ озеромъ. Густая высокая зеленая трава вокругъ узорнаго чугуна турец-

*) Игемонъ — князь, владыка.

кихъ почетныхъ могилъ. Колонны мечетей изъ цвѣтного мрамора, тѣ самыя колонны, которыя иными почитаются за остатки Додонскаго прорицалища; древовидный, величавый старый плющъ на полуразрушенной стѣнѣ. Небо голубое... синяя вода... И людей никого. Только одинъ турокъ съ длинною бѣлою бородой, въ зеленой чалмѣ и голубой одеждѣ, молится по книжкѣ, сидя въ тѣни у Додонскихъ колоннъ на травѣ...

Я всплеснулъ руками: «Это *онъ* рисуетъ?..» спросилъ я.

Маноли раскрылъ еще другіе рисунки и бумаги... И я увидалъ разныя вещи и здѣшнія, и не здѣшнія, и изумлялся и восклицалъ, смотря на нихъ...

Потомъ подумалъ я такъ: «А на что̀ ему, Благову, при такомъ высокомъ званіи, трудиться надъ этимъ ремесломъ?»

Подумалъ, поколебался и спросилъ такъ у Маноли:

— Не трудна ли эта работа?.. Находитъ время онъ трудиться?..

Такъ любитъ онъ! Высокое искусство!..

Но, между тѣмъ, я, новый Бакыръ-Алмазъ, мудрый политикъ, задумалъ нѣчто тонкое и, лукаво взглянувъ на Маноли, сказалъ:

— Киръ-Маноли, такъ ли это?

Маноли не хотѣлъ отстать отъ меня въ тонкости, двусмысленно улыбнулся и отвѣчалъ:

— Кто это знаетъ?..

— Вотъ то-то! И я говорю, *кто знаетъ!*—продолжалъ я, ободряясь.—Знаешь ли что̀... Не ищетъ ли онъ подъ этимъ предлогомъ планъ крѣпости снять для россійскаго сюда нашествія...

— Ба!—возразилъ Маноли, размышляя.—Я думаю, что если и такъ, то здѣсь не Дунай! Далеко отъ Россіи и сообщенія прямого нѣтъ.

— Союзъ съ Сардиніей или Франціей,—замѣтилъ я.—Для Россіи все это, я думаю, возможно... Были же, вы знаете, русскіе въ Корфу.

Маноли взглянулъ на меня съ почтеніемъ и сказалъ, что

я хоть и юнъ, но много грамотнѣе и ученѣе его, онъ къ тому же *аскеръ*, воинъ-человѣкъ, а я сынъ купца, человѣка политическаго, и могу это все видѣть тоньше и дальше его...

— И еще,—прибавилъ онъ съ любовью,—васъ, загорцевъ всѣхъ, это извѣстно, самъ дьяволъ соткалъ и выткалъ...

Увы! мнѣ очень скоро суждено было убѣдиться, что Маноли былъ правѣе меня, объясняя все это просто: «высокое искусство!»

Очень скоро суждено мнѣ было смириться, сознавъ, что если я былъ грамотнѣе и ученѣе каваса, то во многомъ онъ былъ несравненно болѣе моего тѣмъ, что нынче зовутъ *развитой* человѣкъ...

— Оставь теперь политику!—воскликнулъ онъ потомъ;—я тебѣ покажу еще одно зрѣлище... Поди сюда!

Онъ отвелъ меня въ другую, небольшую комнату, которая была рядомъ съ кабинетомъ. Въ ней остановился я тотчасъ же предъ чѣмъ-то подобнымъ престолу церковному; это былъ какъ бы драпированный кисеей столикъ.

— Что за вещь!.. Какъ престолъ церковный!—воскликнулъ я.

— Развѣ не видишь зеркала?—сказалъ Маноли,—это туалетъ эффенди...

Въ самомъ дѣлѣ, на туалетѣ стояло довольно большое зеркало въ серебряной оправѣ, стояли духи, разные ножички, щеточки и, между прочимъ, каучуковая какая-то вещица, какъ пузырь со стклянкой и трубочкой... Маноли взялъ ее и вдругъ началъ пожимать что-то, опрыскивая меня всего тончайшею пылью благоуханія...

— Вотъ это вещи!—говорилъ я.—Вотъ это жизнь!

— Европа! Просвѣщенье! Наука!—значительно замѣтилъ Маноли; потомъ, притворивъ дверь въ кабинетѣ, онъ взялъ меня за руку и подвелъ къ стеклянному окну, которое было на этой двери.

Окно было закрыто небольшою занавѣской. Маноли приподнялъ одинъ уголъ и велѣлъ мнѣ смотрѣть оттуда въ кабинетъ и спросилъ:

— Что ты видишь?

Я смотрѣлъ почти съ испугомъ. Не знаю, что я думалъ... Можетъ быть я ожидалъ, что онъ покажетъ мнѣ что-нибудь волшебное...

— Я ничего не вижу! — сказалъ я наконецъ.

— Видишь этотъ диванъ у печки?

— Вижу.

— Видишь ли столъ передъ диваномъ и кресло, которое качается?

— Вижу... Такъ что жъ?..

— А то, что я скажу тебѣ, Одиссей, одинъ величайшій секретъ, потому что я тебя очень люблю и отца твоего уважаю непомѣрно. Лѣтомъ здѣсь на диванѣ сидѣла ханума... Какая ханума!.. Не здѣшняя!.. Стамбульская ханума! *Меймура* *) супруга. Фередже модное изъ синяго атласа... Да, мой Одиссей, ты это подумай! Она пришла съ величайшею опасностью для себя; одна только арабка-рабыня ее провожала... Я умиралъ взглянуть на нее; разулся и подкрался черезъ спальню къ этимъ дверямъ и глядѣлъ.

Маноли съ такимъ жаромъ изобразилъ прическу ханумы, ея сброшенное назадъ покрывало и пунцовое платье съ букетами (во всю мою руку букеты! показывалъ онъ), что я какъ живую воображалъ ее на пустомъ теперь диванѣ, съ улыбкой облокотившуюся на столъ.

— Что жъ ты видѣлъ?—спросилъ я въ волненіи, почти въ ужасѣ.

— Ничего! Сидѣла *она* съ ногами на этомъ диванѣ передъ столомъ, вотъ такъ опершись на руку, и смѣялась, и говорила что-то. А эффенди передъ нею качался въ креслѣ и улыбался, слушая ее. Потомъ онъ всталъ, налилъ изъ графина воды, взялъ варенья и все подалъ ей на подносѣ... И опять сѣлъ...

— Самъ подалъ? Самъ?—воскликнулъ я.

— Да! самъ подалъ. Мои глаза это видѣли. А что они

---

*) Чиновникъ.

говорили—не знаю. Они говорили очень чисто по-турецки, какъ бы по-эллински *).

— Ахъ, жаль мнѣ *это!*—сказалъ я печально.—Вѣдь это грѣхъ большой... Зачѣмъ бы ему такъ поступать, Благову!

— Пусть грѣхъ!—возразилъ Маноли,—однако все-таки и это какъ бы тріумфъ для нашихъ, турка одного лишняго рогоносцемъ сдѣлать! Все же наше паликарство, а не ихнее! Слышалъ ты это, море́ Одиссей мой!

Однако это объясненіе легкомысленнаго капитана Маноли не удовлетворило и не успокоило меня.

Моя полуволшебная, но чистая и строгая картина консульской жизни помрачилась на нѣсколько времени чѣмъ-то непріятнымъ и страшнымъ. И стало жаль мнѣ Благова, какъ будто я узналъ навѣрное, что смерть его будетъ *лютве*, какъ смерть грѣшника и закоснѣлаго въ грѣхѣ человѣка. И сталъ онъ передъ моими собственными очами не такъ недосягаемъ, не такъ возвышенъ надъ всѣмъ окружающимъ и его и меня. «Нейдетъ,—говорилъ я самъ себѣ, уходя домой къ отцу Арсенію,—нейдетъ ему это... Онъ не Куско-бей...»

Да! я думалъ такъ. И тогда яснѣе прежняго и значительнѣе представились мнѣ слова отцовскія, прощальныя его слова въ хану, когда онъ уѣзжалъ въ Тульчу: «Если есть у тебя разумъ, то связей не бросай, ходи въ хорошіе дома, бери полезные въ нихъ примѣры образованности и благородства, а что̀ твоему возрасту непристойно и что́ несообразно со строгою нравственностью добраго православнаго, отъ того устраняйся. Вотъ тебѣ мое слово отеческое! Я сказалъ, а ты это помни!»

Однако понемногу, понемногу... мои молодыя мысли... Ахъ, другъ мой! Не напрасно, конечно, молотъ столькихъ отцовъ церкви нашей сокрушалъ прекрасныя изваянія языческихъ боговъ!.. Конечно, не напрасно столькіе вѣка кипѣла борьба изящныхъ, но сладострастныхъ демоновъ Олим-

---

*) Этимъ кавассъ хочетъ сказать, что они говорили литературнымъ турецкимъ языкомъ, смѣшаннымъ съ персидскимъ и арабскимъ.

па, противъ суровыхъ и чистыхъ угодниковъ распятаго Христа. Изваянные, видимые боги зла и наслажденія стали безсильны и не страшны. Ими можно украшать богатые покои, не боясь того, что отъ присутствія кумира скорѣе повѣришь въ его незримый, скрытый за прекраснымъ изваяніемъ, порочный идеалъ, не боясь, что повѣришь и поклонишься ему. Но самъ-то незримый этотъ идеалъ — обворожительный и лживый... Развѣ погибъ онъ навсегда? Развѣ не ежедневно, не ежечасно, мой добрый другъ, должны мы трепетать его? И развѣ не во всеоружіи того браннаго доспѣха, которымъ одѣть и покрыть насъ можетъ одно лишь ученіе церковнаго аскетизма (ибо оно не отъ міра сего), должны мы выходить на шумное состязаніе этой всюду сіяющей и вѣчно томительной жизни мірской? Однѣ скучныя рѣчи нравственнаго долга не могутъ овладѣть безпокойнымъ сердцемъ нашей юности и бушующей плотью молодечества нашего, когда нѣтъ надъ главами нашими еще иного закона. Когда нѣтъ такого закона, который не требуетъ ежеминутнаго разумнаго согласія съ нашей стороны (ибо при внутренней измѣнчивости самой сильной души человѣческой, что вовѣки, скажи, утвердится на ней?), а говоритъ намъ только: «Повинуйся, ибо *Я* такъ сказалъ!..»

Отецъ Арсеній мой въ началѣ вдовства своего прожилъ нѣсколько времени на утесахъ унылаго Синая и въ лѣсахъ Аѳонской горы. Простой и неопытный во многомъ житейскомъ, онъ былъ очень свѣдущъ и уменъ въ порядкѣ своихъ мыслей и въ области тѣхъ знаній, которымъ онъ посвятилъ себя.

Однажды, позднѣе, я спросилъ у него въ одну тяжелую для меня минуту:

— Старче мой! Скажи ты мнѣ искренно, именемъ Божіимъ прошу тебя, какъ ты думаешь, почему злые духи являлись глазамъ древнихъ людей, какъ увѣряетъ насъ священное преданіе, и почему не являются они нашимъ глазамъ?

Отецъ Арсеній взглянулъ на меня тогда внимательно и зорко. Въ глазахъ его, я помню, внезапно засвѣтился пла-

мень нѣкоей радостной вѣры, и, поразмысливъ немного, онъ отвѣчалъ мнѣ такъ:

— Тогда у всѣхъ, и у самихъ язычниковъ, было много вѣры. Теперь люди стали немощны, и вѣра слабѣетъ. Земля сама старѣетъ, и люди стали скоро дряхлѣть и духомъ и плотью. Ослабѣли силы, ослабѣла вѣра. Теперь злымъ духамъ-искусителямъ выгоднѣе не являться намъ воочію... Они говорятъ себѣ: «И такъ хорошо!» Явись маловѣрному человѣку или безбожному демонъ воочію... и пойми онъ, что это демонъ, онъ послѣ этого станетъ вѣрить всему доброму крѣпче.

Такъ прекрасно отвѣтилъ мой благородный старецъ отецъ Арсеній.

Но эта бесѣда наша была, говорю я, много позднѣе, въ одну очень тяжелую для меня годину.

А тогда?.. Тогда скоро мысли мои приняли менѣе печальное теченіе и менѣе суровый характеръ.

IX.

Я скоро забылъ... Не самую турчанку въ таинственномъ кабинетѣ молодого дипломата, не синее атласное фередже ея, не волосы стриженые на вискахъ, не позу у стола, не платье красное... Не это все, конечно, нѣтъ! Я забылъ только первое печальное движеніе моего собственнаго сердца и сталъ снова ожидать Благова съ нетерпѣніемъ, началъ снова скитаться около консульства, если не всегда тѣломъ (потому что уроки надо было учить и въ школу ходить), то, по крайней мѣрѣ, душой, какъ скитались около входа въ Элизіумъ тѣни непогребенныхъ людей, которыхъ не пропускалъ неумолимый перевозчикъ черезъ страшный Стиксъ.

За нѣсколько дней всего до возвращенія Благова я опять было сталъ терять надежду увидѣть его скоро. Пріѣхалъ изъ Арты и Превезы одинъ купецъ и разсказывалъ съ восторгомъ о томъ, съ какимъ великимъ почетомъ при-

нималъ г. Благова тамошній каймакамъ. Цѣлый взводъ пѣшихъ аскеровъ, подъ командой офицера, встрѣтилъ консула за городомъ, и онъ въѣзжалъ въ городъ тихо на своемъ прекрасномъ рыжемъ конѣ, и воины, держа ружья по формѣ, въ два ряда шли по обѣимъ сторонамъ коня, а впереди шелъ офицеръ, командуя гдѣ нужно: «Азъ-дуръ!» «Селямъ-дуръ!» *). Потомъ каймакамъ пріѣхалъ самъ къ тому архонту, у котораго Благовъ останавливался, и при греческихъ старшинахъ, при епископѣ, при всѣхъ сказалъ ему: «Воздухъ благоуханія вашего дошелъ давно и и до насъ издалека». Г. Благовъ надѣется повѣсить колоколъ и, кажется, не хочетъ уѣзжать оттуда, пока не увѣрится, что каймакамъ въ этомъ дѣлѣ его не обманываетъ...

Такъ говорилъ купецъ; но не больше какъ дня черезъ два г. Благовъ прискакалъ съ однимъ только провожатымъ, на разсвѣтѣ, въ Янину.

Новое необычайное обстоятельство вызвало его въ нашъ городъ внезапно.

Однажды, проснувшись утромъ, люди городскіе съ изумленіемъ услыхали новость: г. Брешѐ ударилъ въ лицо г. Бакѣева. Почти всѣ греки, даже и не особенно расположенные къ Россіи, ощутили въ себѣ какъ бы внезапный и сильный приливъ какого-то не то, чтобы патріотическаго, а скорѣе *обще*-православнаго чувства и пришли въ негодованіе... Многіе спѣшили спросить: «Неужели голова папистана еще цѣла послѣ этого?» Не говоря уже о чувствѣ мести и отвращенія, которое питали къ императорской Франціи столь многіе греки въ то время, когда еще не возросли болгарскія претензіи до нарушенія правилъ церкви и не раздражили эллинскаго чувства въ народѣ противъ славянъ и Россіи, не говоря уже объ этомъ политическомъ чувствѣ, было еще чувство личной ненависти къ самому Брешѐ, гордому и грубому со всѣми безъ разбора.

Во всѣхъ движеніяхъ, во всѣхъ словахъ, во всѣхъ поступкахъ этого злого и тщеславнаго человѣка дышало та-

*) Стой! На караулъ!

кое глубокое презрѣніе ко всему *нашему*, мѣстному восточному, безъ разбора турецкое оно или греческое, что иного чувства онъ населенію и внушить не могъ. Были даже люди, которые утверждали и клялись, что онъ беретъ большія взятки съ богатыхъ турецкихъ подданныхъ, чтобы подъ разными предлогами вмѣшиваться въ ихъ тяжбы и дѣла и выигрывать для нихъ самые несправедливые процессы, благодаря безстыдной смѣлости своей съ турками.

Тѣ немногіе только люди, для которыхъ онъ за большія деньги дѣлалъ это, готовы были хвалить его, но не иначе, какъ лицемѣрно. Съ такими людьми онъ обращался еще хуже, чѣмъ съ другими, и одного изъ архонтовъ, обязаннаго ему подобнымъ образомъ, онъ своею рукой билъ гиппопотамовымъ бичомъ, преслѣдуя его съ лѣстницы за то, что тотъ осмѣлился сказать ему съ значительнымъ удареніемъ: «До сихъ поръ *я думалъ*, что консульство Франціи *безусловно* вліятельно въ конакѣ паши!»

Что касается до г. Бакѣева, то хотя его у насъ не считали ни способнымъ, ни энергическимъ человѣкомъ, но, по крайней мѣрѣ, никто не видалъ отъ него особыхъ оскорбленій, а всегда почти видѣли желаніе помочь христіанамъ.

Понятно, послѣ этого, какъ всѣ вознегодовали и почти ужаснулись, услыхавъ, что Брешѐ оскорбилъ управляющаго русскимъ консульствомъ.

Однако очень скоро всѣ мы узнали, что дѣло было не совсѣмъ такъ... Брешѐ не ударилъ г. Бакѣева, онъ сказалъ ему только: «Я сейчасъ былъ у васъ на квартирѣ pour vous mettre la main sur la figure».

Что хотѣлъ сказать этимъ злой Брешѐ? Хотѣлъ ли онъ передать по-французски презрительное восточное наше движеніе руки, когда мы говоримъ сердясь: «на вотъ тебѣ!» и накладываемъ всю ладонь на глаза противнику? Или онъ придумалъ этотъ странный оборотъ, желая замѣнить имъ слишкомъ ужъ грубое выраженіе «ударить васъ»? не знаю...

Но такъ или иначе, Бакѣеву было нанесено этими словами глубокое оскорбленіе.

Вотъ какъ это было. Бакѣевъ не умѣлъ жить *по-своему*, такъ жить, какъ жилъ г. Благовъ. Онъ не занимался живописью, не интересовался особенно нашими нравами, не любилъ утомляться ѣздой верхомъ по горамъ, не восхищался круговыми плясками нашихъ паликаровъ и не смотрѣлъ на нихъ по цѣлымъ часамъ, какъ Благовъ съ своего балкона. Бакѣевъ не предпочиталъ общество глупенькой Зельхи, безумнаго, подчасъ утомительнаго Коэвино и юродиваго дервиша Сулеймана обществу консуловъ. Бакѣеву вездѣ нужна была Европа, вездѣ нужны были прекрасныя мостовыя; ему нуженъ былъ газъ, француженки, театръ (а Благовъ говорилъ архонтамъ: «Зачѣмъ мнѣ театръ искусственный? Здѣсь у васъ живой!»). Конечно, при такомъ взглядѣ на вещи Благову было весело въ Эпирѣ, а Бакѣеву скучно. Бакѣевъ давно уже отъ скуки очень часто посѣщалъ Брешѐ. Жена Брешѐ играла на фортепіано, которое для нея нарочно выписалъ мужъ изъ Корфу, и множество носильщиковъ за дорогую цѣну несли его черезъ наши горы на плечахъ своихъ. Бакѣевъ пѣлъ недурно, и они вмѣстѣ съ мадамъ Брешѐ занимались музыкой. Часто видали ихъ вмѣстѣ всѣхъ трехъ на улицѣ и, несмотря на косые глаза мадамъ Брешѐ, ея худобу и слишкомъ большой носъ, многіе воображали, что Бакѣевъ къ ней питаетъ *эросъ*—счастливый или несчастный, этого люди не брались рѣшить.

Г. Благовъ еще прежде не разъ совѣтовалъ Бакѣеву ходить туда какъ можно рѣже. Онъ находилъ, что у Брешѐ нѣтъ ни ума, ни познаній, ни вѣжливости, и самъ онъ держалъ себя съ нимъ очень сухо, очень осторожно и видѣлся съ нимъ только по необходимости и рѣдко. Въ городѣ давно у насъ ходили слухи о томъ, будто между Россіей и Франціей послѣ Парижскаго мира состоялся секретный договоръ, чтобы во всемъ на Востокѣ дѣйствовать заодно и согласно поддерживать другъ друга. Шептали наши архонты даже, что навѣрное есть предписаніе обоимъ консуламъ быть во всемъ гдѣ можно заодно. Было ли это предписаніе или нѣтъ (я думаю тоже, что́ было), но г. Благовъ,

несмотря на все свое личное отвращеніе къ Брешѐ, нерѣдко поддерживалъ его въ Портѣ, и *въ дѣлахъ* у нихъ столкновеній никогда не было. Стараясь удовлетворить свирѣпаго француза во всемъ, что̀ прямо касалось службы, г. Благовъ являлся всегда одинъ изъ первыхъ, въ мундирѣ, поздравить его въ день рожденія императора и т. п., но въ частной жизни онъ удалялся отъ него, насколько могъ, не нарушая приличій. Никогда никто не видалъ ихъ вмѣстѣ на прогулкѣ; никогда Брешѐ не игралъ въ карты у Благова; обѣдалъ у него только съ другими консулами, очень рѣдко. Я узналъ позднѣе, что Благовъ особенно сталъ осторожнѣе съ Брешѐ и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ меньше давать воли собственной вспыльчивости и гордости съ тѣхъ поръ, какъ и ему случилось выслушать въ домѣ Брешѐ двѣ-три вещи, возмутившія его до невѣроятія.

Однажды говорили они о войнѣ и военныхъ подвигахъ, и Брешѐ сказалъ Благову:

— Вашъ Суворовъ, напримѣръ, былъ генералъ *дикій*. Онъ дѣлалъ разныя гримасы, чтобы забавлять свою *орду!*

У Благова на первый разъ достало столько выдержки, что онъ только отвѣчалъ:

— Это правда! Мы за это его очень любимъ!

На такой отвѣтъ г. Брешѐ не нашелъ уже новыхъ возраженій.

На другой разъ было хуже. Мадамъ Брешѐ начала безразсудно порицать всѣхъ христіанъ Востока — грековъ, сербовъ и болгаръ. Разсматривая одинъ рисунокъ Благова, она сказала:

— Правда, эти одежды красивы только на бумагѣ, но въ натурѣ эти люди такъ грязны и такъ низки!..

— Вы находите?—отвѣчалъ Благовъ спокойно.—Я не совсѣмъ согласенъ; я нахожу, что они гораздо опрятнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ лучше европейскихъ рабочихъ (онъ не сказалъ французскихъ, но *европейскихъ*), которыхъ и я имѣлъ несчастье видѣть, — прибавилъ онъ потомъ.

Мадамъ Брешѐ вспыхнула и воскликнула:

— Вы хотите сказать о парижскихъ рабочихъ... О, эта

бѣдная Франція! Она подобію прекрасной женщинѣ въ высшемъ свѣтѣ, которой всѣ завидуютъ, потому что она милѣе и умнѣе всѣхъ...

А Благовъ ничуть, повидимому, не сердясь и улыбаясь ей, сказалъ:

— Франція много измѣнилась. Красавица въ пятьдесятъ лѣтъ не то, что въ двадцать пять... Не правда ли?

Тогда вмѣшался мужъ и грубо и прямо спросилъ:

— Вы развѣ грекъ, monsieur Благовъ?

А Благовъ ему:

— Не грекъ, но, конечно, если бы мнѣ выбирать, то я скорѣй желалъ бы быть грекомъ, чѣмъ парижаниномъ.

— Я позволю себѣ сомнѣваться въ этомъ! — сказала мадамъ Брешѐ. (Хорошо, что это сказала она, а не мужъ).

При этомъ разговорѣ присутствовали Коэвино и драгоманъ Какачіо. Они оба говорили, что онъ былъ веденъ тихо, даже съ улыбкой; но, глядя на лица и слыша тонъ обоихъ консуловъ, становилось непріятно и страшно. Во взглядахъ ихъ и въ тонѣ дышало столько сдержанной вражды и усилій воли, чтобы побѣдить въ себѣ гнѣвъ и ненависть, что надо было изумляться, какъ они оба въ этомъ случаѣ хорошо владѣли своими страстями.

Съ тѣхъ поръ-то, какъ я сказалъ, Благовъ особенно сталъ остерегаться всякой близости съ Брешѐ и всякихъ разговоровъ съ нимъ, выходящихъ за черту необходимости. Предчувствуя возможность такого оскорбленія, котораго онъ простить будетъ не въ силахъ, честолюбивый молодой человѣкъ не хотѣлъ запутывать себѣ карьеры какимъ-нибудь ненужнымъ затрудненіемъ, какою-нибудь громкою исторіей, которая могла кончиться быть можетъ и въ ущербъ его службѣ (особенно, если эти слухи о тайномъ соглашеніи были справедливы). Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ въ своей энергіи и не считалъ нужнымъ раздражаться и возбуждать ее въ себѣ безъ крайности. Этотъ человѣкъ былъ удивительно даровитъ и обиленъ тѣмъ, что̀ зовутъ *рессурсы*, богатъ разными средствами *жить* и вести трудную борьбу жизни человѣческой.

Онъ и Бакѣеву постоянно совѣтовалъ дѣлать то же и удаляться отъ Брешѐ. Но Бакѣевъ не любилъ своего начальника и не слушался его; онъ, вѣроятно, изъ зависти къ его способностямъ и быстрой карьерѣ (Благову было всего двадцать шесть лѣтъ тогда), любилъ все дѣлать вопреки ему и по-своему. Безъ Благова онъ во всемъ и безпрестанно совѣтовался съ Брешѐ, во все его вмѣшивалъ, былъ съ нимъ слишкомъ откровененъ и слабъ. Быть можетъ, для хода дѣлъ оно было и недурно, въ томъ смыслѣ, что безъ Брешѐ, самъ по себѣ, Бакѣевъ и половины тѣхъ удовлетвореній для консульства не находилъ бы у турокъ, которыя онъ получалъ съ помощью французскаго консула. Это такъ; и тѣ люди у насъ, которые прежде всего судятъ о *политическомъ* результатѣ, хвалили Бакѣева за это. Нашъ почтенный и простодушный Бичо Бакыръ-Алмазъ, глядя на то, какъ ухаживалъ Бакѣевъ за Брешѐ, говорилъ, стуча себя по обыкновенію пальцемъ по виску (понимаемъ мы! все понимаемъ!..) «Да, эффенди мой! Россія — государство! государство, эффенди мой!.. Гдѣ львиного зуба нѣтъ, лисій хвостъ умѣетъ себѣ привязать!..»

Брешѐ покровительствовалъ Бакѣеву, но уже давно былъ съ нимъ не всегда вѣжливъ и одинъ разъ позволилъ себѣ сказать сухо и грубо, когда тотъ обратился къ нему вновь по какому-то дѣлу: «Опять дѣла! У васъ все дѣла!» Другой разъ у нихъ произошла было ссора по поводу простого разговора о танцахъ, на карточномъ вечерѣ у самого Брешѐ въ домѣ. Madame Брешѐ стала жаловаться, что въ Янинѣ совсѣмъ не бываетъ настоящихъ баловъ и никто по-европейски танцовать не умѣетъ. На столѣ стоялъ ужинъ и между прочимъ ветчина. Г. Бакѣевъ, желая, видно, показать при гостяхъ, что онъ очень хорошо знаетъ по-французски и что онъ съ Брешѐ на равной ногѣ, спросилъ у него:

— Et vous monsieur Brechè, *gigotez*-vous quelquefois?

Г-ну Брешѐ этотъ тонъ не понравился, и онъ отвѣчалъ ему, возвышая голосъ и съ непріятнымъ выраженіемъ въ лицѣ:

— Gigote-toi... Quant à moi je mangerai du gigot!

Бакѣевъ смолчалъ.

Наконецъ предсказанія Благова оправдались по поводу одного дѣла, въ которомъ Бакѣеву, внутренно оскорбленному этимъ словомъ: «gigote-toi», захотѣлось дѣйствовать нѣсколько враждебно противъ Брешѐ.

Былъ въ Янинѣ одинъ эмпирикъ-докторъ итальянецъ. Итальянскаго кóнсула не было, и итальянцы всѣ были подъ защитой Брешѐ. Этотъ итальянецъ женатъ былъ на гречанкѣ; отецъ гречанки, уроженецъ острова Итàки, имѣлъ русскій паспортъ (такъ точно, какъ мой отецъ имѣлъ греческій). У итальянца съ тестемъ были общія торговыя дѣла. Они вмѣстѣ, напримѣръ, занимались контрабандой (кажется піявокъ, но я навѣрное не помню), и Благовъ не разъ увѣщевалъ своего подданнаго оставить это. Наконецъ они попались. Какъ ни дерзокъ былъ Брешѐ, но не могъ же онъ съ турками дѣйствовать одною лишь дерзостью; особенно, когда они были правы и когда паша писалъ ему бумаги крайне осторожныя и основательныя, избѣгая, сколько могъ, всякихъ личныхъ съ нимъ объясненій. Ему однако хотѣлось во что̀ бы то ни стало защитить своего итальянца. Паша уже написалъ двѣ бумаги и просилъ отвѣта. Итальянецъ, испугавшись штрафа, пошелъ самъ просить Бакѣева, чтобъ онъ взялся защитить его тестя.

— Я больше надѣюсь на русское императорское консульство, illustrissimo signore! — сказалъ онъ, чуть не цѣлуя руку Бакѣева. — Паша такъ любитъ господина Благова, а господина Брешѐ онъ ненавидитъ. О! illustrissimo signore!.. Вся моя надежда на васъ.

Бакѣеву это очень польстило; онъ призвалъ тестя, уговорилъ его, чтобъ онъ принялъ на себя это дѣло, взялъ шляпу, трость, кавасса и пошелъ въ Порту. Тамъ онъ секретно и долго просилъ пашу оставить это дѣло, потому что замѣшанъ русскій подданный, тесть итальянца; просилъ его именемъ Благова, который скоро пріѣдетъ и будетъ этому радъ.

Паша уступилъ ему довольно охотно: «въ угоду госпо-

дину Благову», сказалъ онъ. Бакѣевъ вернулся съ торжествомъ. Паша между тѣмъ сказалъ прямо драгоману французскому такими словами: «Передайте monsieur Брешѐ, что я не желаю ссориться съ консулами и съ моей стороны готовъ на всякую уступку. Дѣло вашего итальянца кончено, мы уже съ господиномъ Бакѣевымъ говорили объ этомъ... Я не требую штрафа, а прошу лишь, чтобы впредь не повторялась эта контрабанда».

Брешѐ, уже взбѣшенный тѣмъ, что итальянецъ осмѣлился обратиться къ Бакѣеву, недовольный самимъ Бакѣевымъ за глаголъ *gigoter*, объявилъ чрезъ своего драгомана, что онъ уступокъ не просилъ никакихъ, что Франція не нуждается въ нихъ, и что онъ еще не отвѣчалъ на двѣ официальныя бумаги. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ же написалъ пашѣ самый грубый отвѣтъ, въ которомъ, не говоря даже о контрабандѣ, спрашивалъ у него: «Какъ онъ смѣлъ захватить собственность человѣка, *вдвойнѣ* находящагося подъ защитою французскаго флага, какъ итальянца и какъ католика?» Самого же итальянца онъ изругалъ «бестіей» и вытолкалъ въ шею, потомъ пошелъ въ Порту, далъ пощечину часовому у воротъ, за то, что тотъ поздно отдалъ ему честь ружьемъ, и самому пашѣ сказалъ такъ:

— Вы слишкомъ скоро забыли, что Франція за васъ недавно въ Крыму проливала свою благородную, священную кровь, которой все человѣчество должно дорожить!

— Это законъ, — отвѣчалъ паша.

— Я предписанія особаго не имѣю отъ своего посла объ этомъ именно предметѣ, а безъ предписанія посла всѣ ваши законы и новыя распоряженія для меня не обязательны.

Прямо отъ паши Брешѐ поѣхалъ на домъ къ Бакѣеву, не засталъ его тамъ, отыскалъ его въ англійскомъ консульствѣ и въ присутствіи Корбетъ де-Леси, его драгомана и еще какихъ-то людей, сказалъ Бакѣеву, что онъ ходилъ къ нему «наложить руку на его лицо».

Что было дѣлать бѣдному Бакѣеву? Онъ обратился къ Леси и сказалъ ему:—Вы были свидѣтелемъ этого! И ушелъ.

Долго всѣ присутствующіе въ недоумѣніи молчали. Посторонніе лица поспѣшили уйти, а Брешѣ началъ оправдывать себя предъ англійскимъ консуломъ, обвиняя Бакѣва въ нестерпимыхъ и мелкихъ интригахъ.

Все это случилось какъ разъ наканунѣ Крещенія. На Крещеніе, поутру, во время обѣдни весь городъ узналъ, что Благовъ пріѣхалъ. Уже за нѣсколько дней передъ этимъ выпалъ сильный снѣгъ и морозъ былъ такой, какого давно уже въ Эпирѣ люди не помнили.

Несмотря на это, наша церковь св. Маріины была полна народа еще до разсвѣта. Я былъ въ шубкѣ и пѣлъ на клиросѣ, когда вошелъ одинъ изъ моихъ маленькихъ товарищей по школѣ, сынъ нашего *кандильянафта*, и шепнулъ около меня отцу своему: «*Большой* консулъ пріѣхалъ изъ Арты сейчасъ...» и тотчасъ же взялъ въ тонъ своимъ тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ. Мы съ отцомъ его продолжали пѣть переглянувшись, и потомъ кандильянафтъ съ радостью сказалъ мнѣ тихо: «Хорошо это!», и я сказалъ: «да! очень хорошо!»

Едва только мы это подумали и сказали, какъ вдругъ (о, изумленіе и радость!) толпа нашихъ Арнаутовъ и Куцо-Влаховъ заколыхалась, начала поспѣшно раздвигаться, и, предшествуемый двумя кавасами, въ церковь вошелъ самъ г. Благовъ!

Онъ былъ въ большой и хорошей русской шубѣ, распахнутой на мундирѣ; на груди у него виденъ былъ только что полученный имъ *командорскій знакъ* св. Станислава 2-й степени (я и не зналъ, что онъ получилъ его); на лѣвой рукѣ, которою онъ держалъ форменную треугольную шляпу, была бѣлая, свѣжая перчатка...

Онъ шелъ своею молодецкою твердою поступью, не спѣша и ни на кого не глядя. Остановился посреди церкви; не торопясь помолился на иконостасъ и потомъ взошелъ на особую *стасидію* *), обитую краснымъ сукномъ, рядомъ

---

*) Мѣста съ ручками для стоянія; въ Петербургской греческой церкви есть такія.

съ епископскимъ престоломъ, на которую онъ всегда становился, когда бывалъ въ нашей церкви: она была около самыхъ нашихъ пѣвческихъ мѣстъ. Сталъ онъ, обратясь къ иконамъ лицомъ, совсѣмъ рядомъ со мной и, перекрестившись еще разъ, запахнулся старательно въ свою прекрасную шубу какого-то нѣжнаго темнаго мѣха. Вокругъ меня запахло опять тѣмъ тонкимъ благоуханіемъ, которымъ я такъ восхищался еще въ Загорахъ, и голосъ мой ослабѣлъ, и я долго все былъ въ какомъ-то неизъяснимо-пріятномъ волненіи... Какъ будто я ожидалъ чего-то... Чего? я самъ не зналъ... Точно будто бы я ожидалъ, что какъ только отецъ Арсеній закроетъ *священный порогъ* *), г. Благовъ вдругъ обратится ко всѣмъ намъ и къ народу и заговоритъ, какъ всегда, не совсѣмъ чистымъ греческимъ языкомъ, съ тѣмъ недостаткомъ въ произношеніи, который мы зовемъ *пахистомо* **), но смѣло, весело, твердо, не спѣша и сверкая своими большими, сѣрыми, истинно *сарматскими* очами, и скажетъ всѣмъ намъ: «Православные христіане, возлюбленные единовѣрцы мои! Знаменитые эллины, потомки Леонидовъ, Калликратидовъ и Пелопидовъ! Я здѣсь! Православіе, въ лицѣ сотрудника моего и друга г. Бакѣева, не будетъ попрано іезуитскими и дерзостными агентами Запада... Я здѣсь, и вы меня видите... И побои достойнаго сына моего драгомана, который такъ сладкогласно поетъ во святомъ храмѣ семъ, побои эти также будутъ жестоко отомщены... Я сотру главу агарянамъ!..»

Но онъ не говорилъ ничего. Стоялъ неподвижно, изрѣдка крестясь и даже не оглядываясь на меня, хотя мѣхъ его большого воротника спадалъ съ плечъ его такъ близко отъ моего лица, что мнѣ казалось онъ сейчасъ коснется меня...

Утѣшивъ въ сердцѣ своемъ первое волненіе, я громче,

---

*) Священная ступень, священный порогъ, святилище, алтарь. Выраженіе *царскія двери* неупотребительно на Востокѣ, по понятнымъ историческимъ причинамъ.

**) *Пахистомо* — грассировать.

выразительнѣе и торжественнѣе обыкновеннаго прочелъ Апостолъ, рядомъ съ нимъ и мимо его самого взойдя на ступеньку владычнаго престола; я пѣлъ потомъ такъ старательно и долго выводя голосомъ самыя звонкія и долгія трели нашего восточнаго псалмопѣнія... Но все напрасно. Благовъ не обращалъ на меня никакого вниманія.

Наконецъ мнѣ улыбнулось счастье на мгновенье. Господинъ Благовъ уронилъ перчатку. Я стремительно поднялъ ее и подавая сказалъ тихо: «Извольте, сіятельнѣйшій господинъ консулъ!» Но онъ, почти не взглянувъ на меня, сказалъ очень сухо: «Эвхаристо». («Эвхагисто», такъ онъ произносилъ, и мнѣ это ужасно нравилось).

Когда обѣдня кончилась, народъ остался неподвижнымъ и не шелъ къ антидору, ожидая, чтобы консулъ взялъ его первый. Господинъ Благовъ былъ задумчивъ и забылся на минуту. Народъ смотрѣлъ на него и ждалъ. Отецъ Арсеній тоже поглядѣлъ на него; тогда я рѣшился напомнить: «Антидоръ, господинъ консулъ!» Онъ сказалъ: «а!», и подойдя къ антидору, поцѣловалъ руку отцу Арсенію, а тотъ радостно привѣтствовалъ его: «Добро пожаловать... Мы васъ ждали... Радуюсь... радуюсь!..»

Послѣ этого господинъ Благовъ тотчасъ ушелъ съ кавассами. А я, едва только успѣлъ немного поѣсть у отца Арсенія, побѣжалъ въ консульство, чтобъ узнать, что̀ тамъ будетъ.

Самъ отецъ Арсеній говорилъ мнѣ: «Иди, иди! Посмотри, что̀ онъ теперь сдѣлаетъ съ французомъ»...

Уходя я еще спросилъ отца Арсенія, не благословитъ ли онъ мнѣ тамъ позавтракать и даже пообѣдать вечеромъ, если бы консулъ меня пригласилъ. На это отецъ Арсеній отвѣтилъ, сомнѣваясь:

— Имѣешь мое благословенье, однако, я думаю такъ, на что̀ бы ему, дипломату-человѣку, тебя, безбрадаго отрока, пиршествами угощать?

X.

Въ консульствѣ я узналъ, что Благовъ легъ отдыхать и велѣлъ всѣмъ отказывать до тѣхъ поръ, пока не проснется. Получивъ письмо Бакѣева, онъ оставилъ все, оставилъ дѣло о *колоколѣ*, бросилъ всѣ свои вьюки и кавасса въ Артѣ, позднимъ вечеромъ, пользуясь лунною ночью, сѣлъ на коня и съ однимъ только турецкимъ жандармомъ проскакалъ двѣнадцатичасовое разстояніе въ семь часовъ, несмотря на стремнины, скользкіе камни, не взирая на морозъ и снѣгъ, подъ которымъ мѣстами была скрыта глубокая грязь.

Турецкій жандармъ, не то съ негодованіемъ, сожалѣя о своей лошади, не то съ изумленіемъ и уваженіемъ *потрясалъ на груди своей одежду*, и говорилъ: «Консулъ! Ну, консулъ! Что за вещь такая? Всю ночь!..»

Однако, когда архистратигъ Маноли вручилъ ему, по порученію консула, три золотыхъ, выраженіе лица у турка вдругъ перемѣнилось, онъ приложилъ руку къ сердцу и фескѣ и поспѣшно ушелъ.

Благовъ пріѣхалъ прямо на квартиру Бакѣева, разбудилъ его, велѣлъ растопить себѣ печь, сдѣлать чай и основательно тотчасъ же разспросилъ его обо всемъ. Онъ разсудилъ, что это дѣло не частное, не личное. Оскорбленіе было нанесено по поводу служебнаго казеннаго дѣла, по дѣлу самого консульства и русскаго подданнаго; оно было нанесено не просто секретарю, а управляющему консульствомъ, лицу, представляющему собою въ то время, хотя бы и въ глухой провинціи, всѣсъ русской державы, честь императорскаго флага, силу православія на Востокѣ. Оно было, наконецъ, нанесено видимо съ намѣреніемъ имѣть свидѣтелей оскорбленію въ англійскомъ консульствѣ, въ присутствіи самого Корбетъ де-Леси.

На основаніи всего этого, Благовъ бралъ это трудное дѣло на себя, на свою отвѣтственность и обѣщался добиться офиціальнаго и блистательнаго удовлетворенія во что бы то ни стало.

Слуга Бакѣева, подавая чай консулу и растапливая печку, старался понять сколько могъ, что̀ они говорятъ; но онъ не зналъ по-русски и кромѣ имени Брешѐ ничего не понялъ. Однако онъ замѣтилъ, что г. Благовъ былъ какъ будто очень веселъ и что его эфенди, Бакѣевъ, который цѣлый день никого не хотѣлъ видѣть и былъ какъ будто полумертвый отъ огорченія, тоже повеселѣлъ при консулѣ, и все жалъ ему руку, и говорилъ: «Mercì, mercì!» А потомъ они обнялись, поцѣловались, и консулъ ушелъ къ себѣ.

Послѣ этого, несмотря на ту всенощную скачку, которой ужаснулся даже и привычный турецкій наѣздникъ, Благовъ вспомнилъ, что въ этотъ день большой православный праздникъ (онъ слышалъ, вѣроятно, и отъ сокрушеннаго Бакѣева, что весь городъ его ждетъ), одѣлся въ мундиръ и пришелъ еще на *разсвѣтъ* въ нашу церковь. И онъ прекрасно поступилъ; я не могу передать тебѣ, какъ это понравилось нашему народу. «Вотъ какихъ намъ нужно! Пусть живетъ, молодецъ!» говорили всѣ.

Пока мой молодой герой и царскій слуга отдыхалъ у себя наверху, послѣ двухъ этихъ подвиговъ, подъ рѣзнымъ потолкомъ и подъ шелковымъ одѣяломъ, я сидѣлъ внизу у кавассовъ и ждалъ.

Было холодно; но мы всѣ собрались у большого мангала и бесѣдовали весело, но вполголоса, боясь даже и мысли одной, потревожить какъ-нибудь нечаянно консула. Насъ было много. Старикъ Ставри и Маноли, Колыйо, камердинеръ консула, поваръ и садовникъ, еще одинъ бѣдный мальчикъ, Алéко, лѣтъ двѣнадцати, у котораго отца не было, а мать жила посреди озера, на томъ самомъ островѣ, гдѣ былъ убитъ Али-паша и гдѣ мы мѣсяца три тому назадъ пировали съ отцомъ моимъ, съ Бакѣевымъ и Коэвино. Его Благовъ взялъ безъ всякаго дѣла къ себѣ въ домъ, чтобъ ему легче было каждый день ходить учиться въ городъ, чтобы не платить матери каждый день за лодку и мальчику въ училище не опаздывать. Скоро присоединились къ нашему обществу попъ Кòста и самъ Бостанджи-Оглу, который соскучился одинъ въ канцелярiи. Онъ всегда

дѣлалъ такъ: то ссорился съ кавасами, то требовалъ отъ нихъ почета и покорности, какъ будто онъ былъ первый драгоманъ или настоящій секретарь на службѣ, то мирился опять съ ними и приходилъ къ нимъ разсуждать и смѣяться.

И если бы ты посмотрѣлъ тогда на всѣхъ насъ, что̀ была за картина около этой большой жаровни. Всѣ мы разнаго возраста и сами разные и въ разныхъ одеждахъ. Попъ Ко̀ста въ клобукѣ и теплой рясѣ на лисьемъ мѣху; ужъ сѣдой, но живой, худощавый и молодой движеніями и рѣчами, съ очами точно такими же сѣрыми, *сарматскими* *), и сверкающими, какъ у Благова; попъ Ко̀ста, патріотъ и разбойникъ, спаситель, а можетъ быть и предатель при случаѣ, лукавый и безстрашный, алчный и готовый на жертву, умный и почти безграмотный. Бостанджи-Оглу, *Москов-Яуде*, котораго ты уже давно знаешь, въ новенькой сѣраго цвѣта жакеткѣ, весь продрогшій отъ холода. Киръ-Маноли, огромный, усатый, сухой, внѣ себя отъ радости, что Благовъ вернулся и что *будутъ теперь разныя великія дѣла*, для праздника въ лучшей одеждѣ своей— въ курткѣ темно-малиноваго бархата, обшитой особыми *придворными* русскими галунами, золотыми съ черными двуглавыми орлами (и этимъ утѣшилъ его все тотъ же Благовъ — выписалъ ему изъ Петербурга). Киръ-Ставри, задумчивый, исхудалый, такой же безстрашный и рѣшительный, какъ попъ Ко̀ста, но серьезный, тихій и молчаливый, вспоминающій быть можетъ въ эту минуту, какъ онъ въ двадцатыхъ годахъ своими, еще юношескими тогда руками застрѣлилъ изъ-за угла сельской хижины одного могучаго и страшнаго бея, едва только тотъ впереди отряда своего выѣзжалъ, гарцуя на лихомъ конѣ, изъ узкаго ущелья въ село христіанское, чтобы сжечь его и перерѣзать жителей.

И онъ былъ очень наряденъ въ этотъ день, весь въ се-

*) Са̀вро-ма̀ты — сарматы. Извѣстно, что древніе греки называли иныя сѣверныя племена савро-матами — *ящероглазыми*, за сѣроватый цвѣтъ ихъ глазъ.

ребрѣ, хотя и безъ *придворныхъ* галуновъ на куртке. Поваръ кривой, лѣнивый и лжецъ, котораго однако г. Благовъ за что-то очень любилъ, — былъ въ русской суконной одеждѣ, которую зовутъ *поддевка* и которую съ своихъ плечъ отдалъ ему еще прежде самъ консулъ, — въ бѣломъ колпачкѣ и въ синихъ турецкихъ шальварахъ. Молодой румяный Кольйо, камердинеръ г. Благова, простодушный, честный, немного безтолковый; *безъ галуновъ, безъ серебра,* но въ албанской одеждѣ, въ чистой, *бѣлой* всегда, какъ новый снѣгъ на горахъ, фустанеллѣ и въ новой яркой фескѣ съ вышитымъ золотомъ русскимъ орломъ; все озабоченный, взволнованный... не проснулся ли консулъ и не забылъ ли онъ самъ чего-нибудь, что̀ очень нужно. Руки его всегда такъ же были чисты, какъ у самого консула, онъ чистилъ ногти щеточкой и безпрестанно на нихъ глядѣлъ, потому что г. Благовъ разъ только сказалъ ему: «Кольйо! Если большой палецъ твой, когда ты подаешь мнѣ что-нибудь, не будетъ мнѣ нравиться, я тебя отпущу...» И внизу смѣялись надъ нимъ и говорили ему вдругъ: «Кольйо! Кольйо! Смотри... палецъ твой... палецъ». И онъ тотчасъ же глядѣлъ на руки и восклицалъ, хватая себя за голову по-турецки, такъ серьезно и забавно: «бела́съ!» (бѣда моя). Я былъ, какъ ты знаешь, все въ турецкомъ халатикѣ; только въ этотъ день сверху на мнѣ была хорошая *джюбе* *), на хорошемъ рысьемъ мѣху, съ пятнышками, не дешевая. Лучше же всѣхъ насъ былъ старый садовникъ, которому въ консульствѣ, особенно зимой, почти дѣлать было нечего и котораго держалъ Благовъ безъ всякой нужды. Онъ былъ такъ же, какъ и поваръ, въ широкихъ, но въ очень старыхъ, свѣтло-голубыхъ шальварахъ, въ высокой-превысокой фескѣ, которая давно всякій цвѣтъ потеряла отъ сала и грязи, и въ красной суконной куртке, перешитой изъ кусковъ старыхъ мундировъ, которые ему по добротѣ подарили еще года три до этого въ Корфу англійскіе сол-

*) *Джюбе* — шуба, верхнее широкое платье, въ родѣ рясы съ широкими рукавами.

даты, потому что воры въ Элладѣ у него все платье отняли и онъ былъ тогда въ одной только рубашкѣ. Этотъ садовникъ уже не молодой, ростомъ маленькій, кривобокій, безобразный и очень смирный и добрый, по имени господинъ Христо, былъ большой разсказчикъ и видѣлъ очень много разныхъ вещей и въ разныхъ странахъ; онъ уже второй годъ копилъ все деньги себѣ, будто бы на новое платье, и продолжалъ носить англійскій мундиръ и по будиямъ, и по праздникамъ; а когда Благовъ у него спрашивалъ: «Не собралъ еще денегъ ты, Христо, на новое платье?» онъ отвѣчалъ: «Не собралъ, эфенди, нѣтъ, не собралъ». — «Собирай, собирай», говорилъ консулъ и давалъ ему еще что-нибудь. Но видно ему нравилась оригинальная его одежда, и онъ не приказывалъ ему мѣнять ее.

Всѣ мы сидѣли вокругъ жаровни и грѣлись, и всѣ думали о дѣлѣ Брешѐ и Бакѣева, и всѣ говорили о немъ.

Попъ Ко́ста вздохнулъ съ сожалѣніемъ и сказалъ:

— Зарѣзать! зарѣзать бы мало было на мѣстѣ его... Жаль, что у Бакѣева мало мужества, а то бы... разъ... два...

И онъ показалъ рукой.

Не всѣ раздѣляли его взгляды. Маноли на это возразилъ первый.

— Господинъ Бакѣевъ — человѣкъ словесный, филологическій человѣкъ, который въ университетѣ учился. А господинъ Благовъ военнымъ былъ. Онъ прежде служилъ въ царской гвардіи кавалеристомъ. И вышелъ въ отставку лишь по слѣдующему особенному случаю. Они шли цѣлымъ полкомъ на смотръ государю, черезъ улицу хотѣла пробѣжать одна женщина и упала; на рукахъ у нея былъ ребенокъ маленькій. Г. Благовъ скомандовалъ своимъ солдатамъ: «стой!» и весь полкъ остановилъ. Когда тысяченачальникъ спросилъ у него грозно: «Зачѣмъ произошло это препятствіе, и какъ онъ могъ противу приказа высшаго начальства остановиться, когда самъ начальникъ скомандовалъ: «маршъ!» то г. Благовъ сказалъ: «Меня остановило человѣколюбіе, вотъ такъ-то и такъ-то». А тысяченачальникъ ему на это: «Покорность и іерархія прежде

всего... Должны были итти». Г. Благовъ разсердился на него и перешелъ въ политику.

Тогда вмѣшался Бостанджи-Оглу и возразилъ Маноли:

— На что̀ ты это сказалъ, Маноли? Все это правда. Но что же ты думаешь, что господинъ Благовъ теперь палкой какъ *хамалъ* *) начнетъ за оскорбленіе драться съ французскимъ консуломъ?

Маноли обидѣлся и поспѣшилъ отвѣчать:

— Чего ты? Я этого совсѣмъ не говорилъ. Но господинъ Благовъ владѣетъ оружіемъ и можетъ на *свиду* **) выйти съ г. Брешѐ. За городъ уйдутъ и обнажатъ мечи. Ты самъ всего боишься, несчастный, и думаешь такъ; а я тебѣ вотъ что скажу: одинъ эллинъ одного баварца въ Аѳинахъ вызвалъ и запѣлъ арнаутскую пѣсню, и запѣлъ, и пѣлъ онъ пѣсню, и пока тотъ сбирался махать своею саблей, а нашъ вытянулъ ятаганъ, разъ его и пополамъ. Вотъ что̀... Чувствуешь ли ты или не чувствуешь?

Тогда престарѣлый киръ-Ставри вышелъ изъ своей задумчивости и промолвилъ съ улыбкой:

— Да! и я слышалъ также, что онъ такъ чисто полосонулъ его, что баварецъ еще долго стоялъ не шевелясь и все понять не могъ, что его разрѣзали пополамъ.

Мы всѣ было разразились громкимъ смѣхомъ, но Кольіо вскочилъ и зашепталъ съ отчаяніемъ: «бела́съ»; мы вспомнили о г. Благовѣ и смѣялись тихо.

Добрый киръ-Маноли не обидѣлся, а смѣялся тоже, говоря:

— Э! Пусть будетъ и такъ... А все-таки на *свиду* самое лучшее дѣло.

Въ эту минуту бесѣду нашу прервали человѣкъ до двадцати архонтовъ: купцы, доктора и учителя, которые пришли поздравлять г. Благова съ пріѣздомъ, а можетъ быть и выразить свое сожалѣніе о непріятностяхъ, случившихся безъ него.

---

*) Носильщикъ, грубый человѣкъ.

**) На поединокъ.

Тутъ былъ и красивый Куско-бей, и скромный Арванитаки въ очкахъ, и важный Бичо Бакыръ-Алмазъ, и полный Ставро-Мустаки, и Вроссо, и Мессо, Исаакидесъ и, къ удивленію моему и радости, самъ Несторидесъ мой, который тоже наканунѣ пріѣхалъ совсѣмъ на житье въ Янину изъ Загоръ, и многіе другіе.

Маноли однимъ прыжкомъ вылетѣлъ въ сѣни и привѣтливо объявилъ, что консулъ будетъ очень жалѣть, но что онъ утомился путемъ и раннею обѣдней и отдыхаетъ, и просилъ ихъ завтра утромъ зайти позднѣе, чтобы навѣрное застать его дома и свободнымъ.

— Я доложу ему, и онъ будетъ ждать васъ, — сказалъ архистратигъ Эпира.

Архонты удалились, а мы хотѣли возобновить нашъ интересный разговоръ.

Но въ эту минуту въ сѣняхъ явился Сабри-бей. Онъ былъ присланъ отъ паши узнать о здоровьѣ г. Благова. Опять Маноли выпорхнулъ и отправилъ его вѣжливо и со многими комплиментами назадъ.

Тогда попъ Ко́ста началъ снова:

— Да! надо все привести теперь въ порядокъ и правильность. Христіанство страждетъ. Вотъ и Одиссей этотъ бѣдный за вѣру и отчизну потщился, а получилъ одни побои и больше ничего. Долго ли будетъ турокъ глумиться надъ нами? Все это дѣло Назли не такъ бы вести надо, а чтобъ ужасъ и трепетъ былъ туркамъ внушаемъ! Но безъ хозяина что̀ за строй и что́ за экономія въ домѣ!

Бостанджи-Оглу оскорбился за себя и Бакѣева и отвѣчалъ смѣясь, но со злобой:

— Ужъ вы, попы, какъ впутаетесь въ дѣло — бѣда съ вами! Я поповъ знаю. У меня отецъ, къ сожалѣнію, попъ. И не даромъ сказано, что сынъ попа — дьяволу племянникъ. Всѣ попы интриганы и мошенники...

— У тебя, ты говоришь, господинъ Бостанджи-Оглу, отецъ по́пъ? — спросилъ поваръ.

— Такъ что жъ? И онъ интриганъ, и мошенникъ, и жесткій человѣкъ... Меня палками кормилъ... Боже упаси...

— Полно, много ли, — сказалъ кривой поваръ выразительно.

Онъ сказалъ это такъ выразительно и забавно и всѣ такъ хорошо поняли, что̀ онъ хотѣлъ этимъ сказать, что опять было громкимъ смѣхомъ ужаснули Кольйо, который долженъ трепетать за спокойствіе своего господина...

Попъ Ко́ста не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на пустыя слова противнаго Бостанджи-Оглу; онъ былъ все занятъ высшею политикой и снова началъ говорить:

— Желалъ бы я видѣть поскорѣй, что̀ будетъ...

— Будетъ, чему быть должно. Примутъ мѣры,—замѣтилъ спокойно капитанъ Ставри.

— О! разумѣется, что примутъ мѣры и потребуютъ самаго величайшаго нравственнаго вознагражденія... — съ жаромъ подтвердилъ Маноли.

Тогда вдругъ вмѣшался садовникъ Христо, до той минуты безмолвный, и возразилъ имъ такъ:

— Вы говорите, что примутъ мѣры? Вы такъ говорите?

— Да, — сказалъ Маноли, — мы такъ говоримъ! Потому что честь и слава Россіи этого требуютъ неизбѣжно.

Но садовникъ продолжалъ:

— Вы такъ говорите? А я вамъ говорю — не говорите такъ. И слушайте вы всѣ меня, что̀ я вамъ скажу. Я вамъ скажу вотъ что̀: бываютъ такія политическія вещи, которыхъ постичь намъ нельзя, ибо мы сами люди не политическіе. Да! я, христіане вы люди мои, очень много былъ и скитался въ различныхъ странахъ съ моею бѣдностью... Теперь слушайте: въ городѣ П... служилъ я въ домѣ англійскаго консула, мусье Виллартона. Онъ былъ человѣкъ, скажемъ, и не злой самъ, но христіаноборецъ первой степени. И говорилъ онъ и намъ въ домѣ всегда, что въ Турціи жить хорошо, что даже у нихъ въ Англіи хуже и голоднѣе и строже; а что съ турками рай земной. Другіе консулы идутъ съ кавасами по улицѣ, а онъ не беретъ каваса. Это, говоритъ, Турціи обида! На что мнѣ стража? Кто кого тронетъ здѣсь? Здѣсь въ городахъ, говоритъ онъ, спи

съ открытыми дверями, а у насъ нельзя. И ходилъ одинъ всегда по улицамъ. Я разсуждаю въ глупости и бѣдности моей такъ, что если какой случай, то онъ не долженъ былъ уже гнѣваться. Однако онъ прогнѣвался. Видишь ты меня, капитанъ Маноли? Вотъ этими глазами моими я видѣлъ, какъ его билъ одинъ арабъ и на землю повалилъ, и ногами билъ. Да! было это недалеко отъ консульства, и я сидѣлъ въ кофейнѣ. Идетъ консулъ, и арабъ идетъ. Столкнулись. Консулъ ему: «Какъ ты смѣешь толкать, сволочь!» и поднялъ палку. А тотъ разъ его, и на мостовую, и ногами... Всѣ мы, сколько ни было насъ въ кофейнѣ, кинулись на араба и отбили консула. Дѣло теперь. Арабъ въ тюрьмѣ. Консулы другіе говорятъ: «Казнить его мало! что̀ съ нимъ сдѣлать?» Паша говоритъ: «Увидимъ, увидимъ...» Городъ весь шумитъ. Христіане смѣются. Французъ первый пришелъ къ Виллартону; и къ пашѣ самому уже онъ собирался итти съ величайшею пышностью и гнѣвомъ и говоритъ англичанину: Я этимъ оскорбленъ тоже. И я консулъ. Я съ нимъ то, я съ нимъ это сдѣлаю... А мусье Виллартонъ ему: «Все это неправда... И все это не такъ было... И араба этого бѣднаго напрасно заключили въ тюрьму. Освободить его!» Теперь что̀ вы мнѣ, христіане люди, на это скажете? Не секретно ли все это?

Мы всѣ съ любопытствомъ слушали кривобокаго старичка и молчали; а онъ тоже помолчавъ продолжалъ:

— И еще вамъ скажу. Этого я глазами не видалъ, о̀днако ушами слышалъ. Въ Константинополѣ старика лорда Б—, посла самого, черные евнухи на *крестовой дорогѣ* *) около магазиновъ бичами побили. За что̀, не знаю. Они при турецкихъ гаремахъ были, которые въ каретахъ ѣздятъ въ магазины европейскія вещи себѣ покупать. И побили бичами евнухи лорда. Посланники говорятъ: На совѣтъ сберемся... А лордъ Б—: «На что̀ совѣтъ? Этого никогда не бывало!» Слышали вы меня теперь, люди? Ну и судите о

*) *Ставро-дромо*, крестовая или перекрестная улица; такъ зовутъ обыкновенно главную Перскую улицу въ Константинополѣ.

томъ, что̀ бываетъ между людьми великаго званія... Я говорю, тайна тутъ есть...

Всѣ въ первый разъ слышали объ этихъ двухъ событіяхъ и всѣ опять задумались молча, только попъ Ко́ста пошевелилъ щипцами уголья, чтобы было теплѣе, и сказалъ:

— Хорошо! Пусть будетъ все это такъ. Это значитъ, что въ Турціи все хорошо и что въ ней рай земной... Вотъ и секретъ весь... А въ *нашемъ* дѣлѣ съ Брешѐ — секретъ для какого дьявола?

Пришло опять одинъ за другимъ нѣсколько посѣтителей; пришелъ австрійскій кавассъ, пришелъ греческій — спросить, когда принимаютъ. Потомъ пришелъ драгоманъ отъ Корбетъ де-Леси; онъ самъ хотѣлъ видѣть консула. Потомъ они ушли; а пришла одна добрая-предобрая сельская старушка, сѣдая и бѣлая, и веселая, круглая и румяная, какъ яблочко; она давно уже захаживала въ русское консульство, потому что жандармы турецкіе у нея въ домѣ взяли барана, зажарили его, съѣли, отобрали еще нѣсколько куръ и потомъ грозились побить ее, если она не заплатитъ имъ *дишь-параси* *). Она очень огорчилась и говорила: «Вотъ шестьдесятъ лѣтъ живу на этомъ свѣтѣ, а этого еще со мной не бывало!» А когда ей говорили: «Бабушка, съ другими бывало!» она отвѣчала спокойно и весело: «Да-да-да! Съ другими вотъ бывало, а со мной никогда!» Она узнала отъ кого-то, что бываютъ *русскіе паспорты* и что тогда уже ни за куръ, ни за барановъ не страшно. Вотъ она и рѣшилась выправить себѣ русскій паспортъ у *большого* консула; пріѣхала въ городъ издалека и ходила раза по три въ недѣлю справляться, не вернулся ли консулъ. Она почти никогда не переставала, даже и на ходу, вязать толстый шерстяной чулокъ, а въ другомъ такомъ же чулкѣ за пазухой носила всегда какую-то турецкую бумагу и всѣмъ ее показывала.

Всѣ ее въ кавасской комнатѣ приняли съ радостью и смѣхомъ; у огня сейчасъ ей мѣсто Маноли опросталъ,

---

*) *Зубныхъ денегъ*. За то, что зубы тратилъ, теръ ихъ, кушая.

посадилъ и сказалъ ей, подмигивая мнѣ: «Бабушка, ты турецкая подданная?» А старушка весело, какъ дитя, головой затрясла: «А! а! а!» (т.-е. да! да! да!) Смѣхъ! Маноли ей еще: «Да нѣтъ, бабушка, ты можетъ быть греческая подданная?» А старушка опять ему: «А! а! а!» И на это согласна. Опять смѣхъ. Опять Колыо говоритъ: «Перестаньте вы! Белáсъ! белáсъ!»

Такъ было весело въ этотъ день. Послѣ старушки пришли Зельхá съ матерью, обѣ въ бѣлыхъ покрывалахъ и черныхъ *фередже*, какъ самыя благочестивыя и честныя мусульманскія гражданки.

И съ ними сейчасъ разговоры и смѣхъ. «Зельхá-ханумъ! Милости просимъ! Милости просимъ!.. Кофею не прикажете ли... Дайте кофею... Сигарку извольте... Колыо, принеси бабушкѣ нашей и ханумисамъ консульскаго варенья и кофе...» Такъ весело; одно жаль—что громко говорить и смѣяться нельзя. Маноли говоритъ старухѣ матери Зельхи:

— Баба! раскрой покрывало! Поцѣлуй нашего попа. Чтобы тебѣ жить вѣкъ и здравствовать, сдѣлай ты это для моего удовольствія... Дочь твою на свадьбахъ всѣ по очереди цѣлуютъ, когда она съ тамбуриномъ деньги собираетъ, а тебя, бѣдную, кто цѣлуетъ? Поцѣлуй попа.

— Я согласна, — говоритъ турчанка.

— И я могу! — говоритъ попъ Кòста. — Она человѣкъ почтенный... — И они цѣлуются.

Просто бѣда!.. Самъ Колыо зажимаетъ ротъ, чтобы не разбудить Благова. Однако все-таки большой гулъ отъ голосовъ и смѣха въ комнатѣ стоитъ. Но веселью нашему вдругъ конецъ.

Внезапно скрипятъ засовы на воротахъ. Мы къ окну и видимъ, что французскій кавасъ самъ отворяетъ ворота... Бостанджи-Оглу блѣднѣетъ и спѣшитъ въ сѣни, смотритъ и не знаетъ, что̀ дѣлать. М-сье Брешѐ въѣзжаетъ на широкій дворъ, громко стучитъ копытами конь его по мощеной дорогѣ. Мы въ недоумѣніи глядимъ другъ на друга. Что̀ будетъ?! Но напрасно наше смущеніе. Архистратигъ Маноли вѣдь здѣсь!.. Онъ бодрствуетъ неусыпно... Пока

мы глядимъ другъ на друга и ужасаемся, пока Бостанджи-Оглу, какъ дуракъ, блѣднѣетъ все болѣе и болѣе въ сѣняхъ... Маноли какъ молнія уже сверкаетъ своими доспѣхами мимо насъ.

Онъ у стремянъ француза и, приложивъ руку къ золотому орлу своей фески, говоритъ ему такъ:

— Господинъ консулъ почиваетъ, сіятельнѣйшій господинъ консулъ! онъ ѣхалъ всю ночь очень спѣшно и былъ у литургіи...

Брешѐ мрачно, медленно достаетъ карточку и отдаетъ ее молча кавасу, поворачиваетъ лошадь и... вообрази, даже съѣзжаетъ съ каменной дороги, на сторону, на снѣгъ и мягкую землю... чтобы не гремѣть копытами по двору... Ворота только притворяетъ и засовы не трогаетъ...

Маноли возвращается, приподнявъ усы и плечи; лицо его таинственно. Онъ глядитъ на насъ, мы на него, а кривой поваръ говоритъ со вздохомъ: «Дѣла!»

Смѣхъ прекращается, и женщинъ въ молчаніи угощаютъ консульскими кофеемъ и вареньемъ. Не судьба была г. Брешѐ разбудить Благова; его разбудилъ Сулейманъ дервишъ. Тотъ былъ глухъ, и какъ только увидали мы всѣ изъ окна, что онъ, несмотря на холодъ и снѣгъ, идетъ себѣ въ ситцевомъ халатѣ своемъ и въ башмакахъ на босую ногу... Колыйо къ нему навстрѣчу побѣжалъ, чтобъ онъ не вскрикнулъ: Га! га! но это было хуже... увидалъ онъ Колыйо, обрадовался ему и какъ левъ, какъ быкъ полудикій взревѣлъ на весь дворъ...

Благовъ дернулъ звонокъ... всѣ взволновались и разсыпались въ разныя стороны.

Садовникъ понесъ наверхъ дрова; Бостанджи-Оглу поспѣшилъ въ канцелярію; мальчикъ Алéко бросился раздувать мангалы; Колыйо наверхъ, къ самому консулу; Маноли не знаю куда устремился; а поваръ сказалъ двумъ старухамъ, турчанкѣ и бабушкѣ: «Пойдемте въ кухню, я васъ покормлю, такъ какъ сегодня праздникъ».

Остались мы только трое у мангала: Зельхá, задумчивый Ставри и я.

XI.

Когда мы остались втроемъ съ капитаномъ Ставри и Зельхóй, Зельхá вдругъ подошла ко мнѣ и обратилась съ вопросомъ:

— Мальчикъ, чей ты сынъ? Жидъ ты или христіанинъ?

Я, смутившись и краснѣя, отвѣчалъ ей:

— Конечно христіанинъ, морé, зачѣмъ это я буду жидомъ? — И хотѣлъ уйти.

Но она схватила меня за шубу, начала глядѣть мнѣ прямо въ лицо (глаза ея были очень велики и черные и мрачные, рѣсницы очень длинныя, какъ *франкскія стрѣлы*; она рѣдко улыбалась)... и сказала:

— Ты пойдешь къ консулу наверхъ!..

Я отвѣчалъ:

— Оставь меня, пойду не пойду — что̀ тебѣ!

(Ко мнѣ никогда не прикасалась еще ни одна молодая дѣвушка, а тѣмъ болѣе танцовщица цыганка. И мнѣ при Ставри было очень стыдно...)

— *Геронта* *), — съ презрѣніемъ и печально сказала Зельхá, — точно игуменъ!

Киръ-Ставри сидѣлъ молча у жаровни и не смотрѣлъ даже вовсе на насъ.

Зельхá повторила еще:

— Этотъ мальчикъ очень тихій... Точно онъ игуменъ, точно геронта!.. *Гидъ!* (поди прочь) — и съ негодованіемъ отбросила отъ себя полу моей шубы, которую держала.

Я опять хотѣлъ уйти поскорѣй отъ нея, но она вдругъ снова схватила рукой шубу и воскликнула совсѣмъ другимъ голосомъ:

— Ба! какая прекрасная шуба!.. Пятнышки, пятнышки, пятнышки, пятнышки. Это знаешь что̀ такое? Это вѣдь рысь! Прекрасно! Очень прекрасно! Скажи мнѣ, милый

*) *Геронта* — старецъ, настоятель монашескій и т. п.

барашекъ мой, это ты самъ себѣ сдѣлалъ, или тебѣ твой отецъ купилъ?..

И прежде еще чѣмъ я успѣлъ отвѣтить ей, она кинулась мнѣ лицомъ подъ шубу, спряталась у меня на груди и оттуда кричала:

— Какъ прекрасно здѣсь! Какъ хорошо пахнетъ у него тутъ въ шубѣ!.. Тепло, тепло!

Я старался оттолкнуть ее и вынуть ея голову изъ шубы; она сопротивлялась... Я начиналъ уже сердиться; киръ-Ставри улыбался, но, увидавъ наконецъ эту борьбу, сказалъ ей строго:

— Э! Зельха́! полно! оставь Одиссея! я тебѣ говорю. Я консулу на тебя пожалуюсь...

Зельха́ вышла изъ шубы моей, высокомѣрно оглядѣла меня еще разъ съ ногъ до головы, и сама очень строго обращаясь къ Ставри:

— Одиссей? Ты говоришь Одиссей? Это имя его? Одиссей? Никогда не слыхала! Какое скверное имя — Одиссей... пожала съ недоумѣніемъ плечами, еще одинъ разъ сказала: — Одиссей! что́ за вещь такая?

И вдругъ нахмурила брови, топнула на меня ногой и закричала:

— Что́ ты стоишь, море́, иди наверхъ, узнай, что́ дѣлаетъ большой эффенди... знаешь, у меня къ нему дѣло большое есть...

И толкнула меня въ спину: — Иди! иди!

Тогда ужъ и мнѣ стало смѣшно, и я сказалъ: «хорошо! пойду...» И пошелъ въ канцелярію, думая: «вотъ дерзкая какая она и необразованная, и у нея, смотрите, есть тоже *дѣла!* мои дѣла, это точно *дѣла*, не меньше бакѣевскаго, посмотримъ еще, что́ скажетъ м-сье Благовъ о моихъ врагахъ, о *софтѣ* и *сешѣ!* вотъ это дѣла!»

Раздались опять шумъ и бряцанье за мной, и я увидалъ внезапно предъ собою трехъ консуловъ разомъ: Корбетъ де-Леси, Ашенбрехера, нашего эллина и съ ними трехъ кавассовъ... всѣ были въ *официальныхъ фуражкахъ*. Ставри повелъ ихъ наверхъ.

Я видѣлъ, какъ впереди всѣхъ шелъ низенькій и весь чисто-выбритый англичанинъ въ мѣховомъ длинномъ пальто и все съ манжетками женскими на сборкахъ. А за нимъ австріецъ и Киркориди, оба большіе, оба очень толсты. Но австріецъ, еще не старый и живой, не отставалъ отъ Леси, а нашъ поднимался не спѣша и дышалъ тяжело на всѣ сѣни...

Я смотрѣлъ, какъ они всѣ шли на лѣстницу, и слышалъ, что Ашенбрехеръ сказалъ по-французски: «Il n'est pas trop *coulant*...» «Nous verrons!» отвѣчалъ Леси. А Киркориди молчалъ.

Я тотчасъ же поспѣшилъ въ канцелярію и передалъ эти слова консуловъ Бостанджи-Оглу и спросилъ, что̀ такое это слово *coulant*. Бостанджи-Оглу кинулся искать въ словарѣ, нашелъ и съ радостью воскликнулъ:

— А! уступчивый... хорошо! это значитъ, они мирить взялись... — потомъ прибавилъ: — Бѣги, Одиссей, за Бакѣевымъ скорѣй... скажи ему.

Я тотчасъ же побѣжалъ на квартиру, разсказалъ Бакѣеву все, сказалъ, что Брешѐ пріѣзжалъ самъ и что онъ на *снѣгъ съ камней* съѣхалъ. Г. Бакѣевъ отвѣчалъ мнѣ очень сухо и печально: «благодарю васъ...» и мы вмѣстѣ вернулись въ консульство. Онъ прямо пошелъ наверхъ, туда, гдѣ собрались консулы, а я въ канцелярію.

Вотъ что̀ произошло наверху.

Ашенбрехеръ лучше всѣхъ другихъ консуловъ ужился и съ Брешѐ, и съ Благовымъ, и съ Леси. Онъ былъ всѣхъ слабѣе въ странѣ, всѣхъ уступчивѣе, можетъ быть, и по природѣ всѣхъ добрѣе и любезнѣе. Брешѐ завидовалъ независимости и популярности Благова, которая все росла и росла, и ненавидѣлъ русскихъ. Корбенъ де-Леси раздражалъ ему нервы своею щепетильностью и формализмомъ и тѣмъ, что̀ онъ звалъ: des simagrées britanniques!

Когда послѣ покушенія Орсини на жизнь Наполеона III во Франціи столь многіе были возбуждены противъ Англіи и восклицали съ бѣшенствомъ, что надо, наконецъ, разгромить этотъ притонъ, это вѣчное убѣжище разныхъ пре-

ступниковъ и политическихъ авантюристовъ, Корбетъ де-Леси опасался серьезнаго разрыва между двумя государствами. Ему необходимо тогда было сдѣлать визитъ господину Брешѐ. Онъ пришелъ, просидѣлъ ровно десять минутъ (по часамъ) и ушелъ. Когда же все утихло, онъ опять пришелъ и просидѣлъ болѣе часу. Вотъ такія вещи не нравились господину Брешѐ. Ему кажется все на свѣтѣ не нравилось!.. Не нравилось ему также, что Леси слишкомъ часто спрашивалъ: «*официально* или *офиціозно* вы это говорите?» А еще болѣе надоѣдалъ англійскій консулъ Брешѐ тѣмъ, что у Леси турки были все прекрасные люди, все честные люди, все правые люди. Брешѐ нужно было кого-нибудь *сокрушать* для величія императорской Франціи... Кого же сокрушать, какъ не этихъ бѣдныхъ варваровъ? Они подъ рукой; у нихъ нѣтъ ни Парижа, *столицы земного шара*, ни французскихъ префектовъ. Леси опасался дерзости француза и считалъ за счастье не имѣть съ нимъ дѣла. Еще недавно, въ самый день столкновенія Брешѐ и Бакѣева у него въ домѣ, тотчасъ послѣ столкновенія, которое очень разгнѣвало старика (у него въ домѣ! Какъ это могъ произойти такой безпорядокъ! Чуть не кулачный бой!), Леси, говоря съ г. Брешѐ, не безъ раздраженія выразился, между прочимъ, такъ: «Одинъ разъ былъ вотъ какой у насъ случай... Французское посольство *позволило* себѣ...»

Брешѐ прервалъ его: «Monsieur de Lecy!.. Выраженіе ваше *позволило* себѣ нейдетъ въ приложеніи къ посольству Франціи...»

Но старику ужъ Брѐше надоѣлъ до-нельзя; онъ задрожалъ, затрясъ головой и сказалъ: «Извольте, извольте, въ другой разъ я буду, встрѣчаясь съ вами, въ одной рукѣ держать какой-нибудь словарь, а въ другой револьверъ...»

«Продолжайте вашъ разсказъ!» сказалъ Брешѐ примирительно.

Но Леси отвѣчалъ сдержанно и злобно: — «Да, я продолжаю... Посольство Франціи *позволило себѣ* однажды...»

Брешѐ снесъ это; нельзя же ему было разомъ *сокрушить* всѣхъ...

Благова Леси любилъ больше и уважалъ его, какъ человѣка стариннаго дворянскаго рода, но трепеталъ московскихъ интригъ и видѣлъ ихъ вездѣ, подозрѣвалъ, искалъ ихъ всюду. Вдругъ выходилъ изъ своей апатіи и уединенія, шелъ къ Киркориди, шелъ къ Ашенбрехеру и безпокоился у нихъ: «Нѣтъ ли еще чего-нибудь? Откуда разбой въ горахъ? Не видѣлся ли Благовъ съ разбойниками въ самомъ дѣлѣ?.. Что за *ящикъ* съ пистолетами ему прислали?.. (И ящикъ въ самомъ дѣлѣ былъ, только не съ пистолетами, а съ такъ-называемыми *prûnes pistoles*. Но на турецкой таможнѣ испугались). Не слыхать ли чего о *русскихъ рубляхъ?*.. Правда ли, что онъ въ лѣсномъ селеніи Вувуса, на самыхъ дальнихъ загорскихъ высотахъ, подарилъ *пильщикамъ* образъ Воздвиженія Честнаго Креста и сказалъ имъ: «Все у васъ хорошо тутъ на лѣсопильнѣ вашей, только образа нѣтъ и лампады въ углу. Это дурно. Надо, чтобъ у васъ было, какъ *у насъ въ Россіи*...» Правда ли это? Это чистый панславизмъ!» шепталъ Леси то австрійцу, то греку. И они соглашались и вздыхали и говорили: «Что дѣлать?» И писали всѣ объ этомъ *образѣ* и писали...

Кромѣ того и лично Леси былъ не совсѣмъ доволенъ Благовымъ; до него дошло, что Благовъ рисовалъ на него очень удачные карикатуры, напримѣръ такого рода: «Охота», «Лѣсъ». Стоитъ Леси съ ружемъ и смотритъ наверхъ озабоченно. На козырекъ его форменной фуражки сѣла птичка, и онъ спрашиваетъ ее: «Скажите мнѣ, маленькая птичка, вы сѣли на фуражку мою *офиціально* или *офиціозно?* Я буду дѣйствовать сообразно съ этимъ!»

Что касается до Благова, то онъ Леси любилъ, уважалъ сердечно и, если иногда смѣялся надъ нимъ за глаза, то развѣ дружески и шутливо; а господина Брешѣ терпѣть не могъ, и смѣялся зло и брезгливо надъ его дурными манерами; какъ политическаго агента Благовъ остерегался французскаго консула и ненавидѣлъ его особенно, какъ представителя французской демократіи, которая была въ его глазахъ въ гражданскомъ смыслѣ олицетворенная плоскость и грязь.

Между этими тремя упрямыми, самолюбивыми и вліятельными коллегами, какъ ручей между камнями и колючими кустами, струился толстый Ашенбрехеръ, пріятно и уклончиво извиваясь и журча...

Въ мѣстную политику мѣшаться *дѣятельно*, а не только наблюдательно, онъ былъ бы очень радъ, но что́ ему было дѣлать?.. Конечно, можно со временемъ привлечь и всю Албанію къ великой имперіи Габсбурговъ, имѣющей раскинуть мощь свою до самыхъ Вратъ Блаженства *)!.. Но... теперь? Что́ дѣлать въ Эпирѣ, гдѣ нѣтъ славянъ? Развѣ изрѣдка-изрѣдка спросить у грековъ,—и то даже не официозно, а какъ-то такъ—спросить у нихъ: «Согласились ли бы вы быть когда-нибудь подданными австрійскаго императора?» Хорошо еще, если грекъ отвѣтитъ на это уклончиво: «Наши люди, г. консулъ, слишкомъ не образованы, чтобы не бояться католицизма». А иной скажетъ и прямѣе: «Нѣтъ, грекъ такъ свободолюбивъ и гордъ въ своей народности, что по охотѣ и съ любовью онъ подниметъ тяжесть только одной великой короны, короны особаго византійскаго императора». Интернунцій не поддерживаетъ въ распряхъ съ турками и строго велитъ агентамъ справляться самимъ на мѣстѣ достойно и умно. Интернунцій Прокешъ-Остенъ самъ постарѣлъ, совсѣмъ пожелтѣлъ и, кажется, думаетъ только о томъ, какъ бы ему спокойно наслаждаться въ Константинополѣ. Ходитъ по утрамъ на дачи къ молодымъ посланницамъ, читаетъ съ ними нѣмецкихъ поэтовъ; на балахъ старается всѣхъ дамъ, подъ предлогомъ старости своей, брать за обнаженныя руки выше локтя и вздыхаетъ, говоря: «Какъ печально имѣть молодое сердце въ престарѣломъ тѣлѣ!»

Великую имперію Габсбурговъ разбили недавно въ прахъ эти наглые французы подъ Сольферино и Маджентой, и молодой императоръ вынужденъ былъ просить мира у вѣнчаннаго *кондотіери* и обниматься съ нимъ... А мадамъ Ашенбрехеръ молода бѣдная и беременна уже шестымъ ребенкомъ... А жалованье меньше, чѣмъ у другихъ консу-

*) Босфоръ, Царьградъ.

ловъ... Подданныхъ почти нѣтъ въ Эпирѣ, и легкаго, простительнаго *оборота* даже какого-нибудь не дождешься...

И вотъ ручей журчитъ и льется миротворствуя... Онъ со всѣми хорошъ. У Леси онъ негодуетъ на *пильщиковъ Вувусы*, на грязныя интриги панславизма; у Благова онъ до слезъ смѣется надъ птичкой и надъ вопросомъ: «Какъ вы сѣли, птичка?» и восклицаетъ: «О! какъ это остроумно! Какъ изящно! Сколько правды! О! нашъ добрый monsieur Леси!»

У Брешé онъ тоже ропщетъ на пильщиковъ Благова и смѣется надъ птичкой Леси, но сверхъ того онъ жалуется на пашу, на то, что онъ перестаетъ помнить, что́ такое *консульскій корпусъ*, котораго *doyen* monsieur Брешé. (потому, что онъ давнѣе всѣхъ въ этой странѣ); онъ говоритъ, что туркамъ нужны то *шпоры*, то *узда*, что они грека, имѣющаго честь быть австрійскимъ protégé, ввергли вчера въ тюрьму, не спросясь у предсѣдателя древней имперіи Габсбурговъ.

И господину Брешѐ пріятно, что чуть не вся *Австрія* у ногъ его и простираетъ къ нему руки; онъ ѣдетъ въ Порту, и шпоритъ стараго и добраго пашу, и подтягиваетъ и ворочаетъ жестоко узду въ надменныхъ, но безсильныхъ устахъ его Ибрагима!..

Теперь какъ быть?.. Брешé увлекся черезъ мѣру... Надо спасти его отъ непріятности... а завтра онъ въ свою очередь поможетъ католической Австріи и уничтожитъ кого-нибудь въ угоду ея агенту, а мы представимъ послѣ интерпунцію: вотъ какъ искусенъ тонкій Меттернихъ Эпира... и будетъ *прибавка*, и для милой madame Ашенбрехеръ будетъ легче и пріятнѣй жить на свѣтѣ. Вотъ другому его австрійскому же товарищу, вѣроятно за разныя подобныя этому заслуги, въ другомъ городѣ, дало правительство монополію или иную выгодную привилегію при торговлѣ табакомъ съ Турціей... Что-то въ этомъ родѣ... И онъ воздвигъ себѣ пріятный и помѣстительный каменный домъ зеленаго цвѣта, убралъ его розовыми лаврами и живетъ хорошо, несмотря на то, что его супруга еще болѣе чѣмъ

madame Ашенбрехеръ «какъ плодовитая лоза въ домѣ своемъ, и дѣти его какъ масличныя вѣтви вокругъ его трапезы». Надо также помнить, что Бакѣевъ *секретарь*, а не консулъ. А это великая разница! У Бакѣева нѣтъ *помазанія* дипломатическаго, онъ ничего не *представляетъ*; онъ не *агентъ*, онъ чиновникъ, *employe*... «Пинейро-Ферейра», Мартенсъ и др. согласны въ томъ, что les bons offices» и т. д. Словомъ, надо, чтобы Брешé помогъ подданнаго австрійскаго завтра выручить изъ тюрьмы... Возвышая Брешé, возвышаемъ весь консульскій корпусъ.

Надо смягчить Благова прежде, чѣмъ онъ *можетъ быть* приметъ какія-нибудь мѣры. Надо придать этому дѣлу частный, личный характеръ. Съ этою же цѣлью и самъ Брешé, какъ не *имѣющій ничего личнаго противъ Благова*, поспѣшилъ ему сдѣлать утромъ визитъ.

Корбетъ де-Леси съ трудомъ соглашается итти *вмѣстѣ* къ Благову. Онъ находитъ, что Брешé вовсе не правъ, а что Бакѣевъ правъ вполнѣ (Бакѣевъ съ турками дѣйствовалъ посредствомъ «bons offices» по дѣлу контрабанды. Онъ не *шпорилъ* ихъ, не оскорблялъ!); итти онъ идетъ; если только самъ Благовъ не начнетъ. Онъ *предполагаетъ* только, что «будетъ *вѣроятно* отвѣчать въ примирительномъ духѣ, если бы *случайно* г. Благовъ самъ завелъ рѣчь объ этой распрѣ, достойной сожалѣнія!..» (Быть-можетъ старичокъ былъ бы и радъ, чтобы молодой левъ московскій и старый, исхудалый отъ злости тигръ парижскаго плебейства схватились бы при немъ и растерзали бы другъ друга, и чтобы на мѣсто ихъ пріѣхали бы другіе агенты, какой-нибудь тяжкій славянскій телецъ и какая-нибудь тихая іезуитская лисица, которой и поживы не будетъ среди лукаваго и бойкаго эпирскаго народа! Быть можетъ и объ этомъ думала британская старушка). Что дѣлалъ нашъ бѣдный эллинъ, нашъ медлительный Киркориди? Онъ рѣшилъ, что онъ не *отдѣлится отъ товарищей* и будетъ поддерживать ихъ настолько, насколько будетъ выгодно для общаго примиренія. Ему больше нежели кому-нибудь необходимы *единеніе* и *сила* консульскаго корпуса, ему, который *самъ* лич-

но и умен̀ъ, и очень твердъ, но *государственно* такъ слабъ предъ турецкою системой своевластія!

Когда всѣ (кромѣ Брешé) собрались въ пріемной Благова, наверху, *неожиданно* туда пришелъ Бакѣевъ. Неожиданный оттѣнокъ... При оскорбленномъ не такъ удобно говорить, что его надо принести въ жертву оскорбителю, или по крайней мѣрѣ отвлеченной силѣ *консульской корпораціи*.

Благовъ пришелъ очень веселый и нарядный; точно ничего не случилось.

Ашенбрехеръ, который уже успѣлъ узнать о томъ, что Благову дали св. Станислава 2-й степени, началъ первый прежде всего съ увлеченіемъ его поздравлять и, обратясь ко всѣмъ присутствующимъ, воскликнулъ радостно и съ *незлобивою* какою-то *завистью* (какъ выражался послѣ самъ Благовъ).

— Два креста и одна медаль... Два креста и одинъ изъ нихъ уже командорскій! У такого молодого человѣка! Признаюсь, пріятно служить такому правительству! Два креста и одна медаль!

Потомъ и Леси, поздравивъ Благова съ тонкою, вѣжливою и сухою улыбкой дипломатіи на гладко выбритыхъ устахъ, началъ такую рѣчь:

— Холодно! Морозъ значительный. Самые пожилые изъ жителей Янины съ трудомъ могутъ припомнить то время, когда озеро подергивалось льдомъ. Но нынѣ оно подергивается все болѣе и болѣе...

Онъ остановился, соображая, что еще было бы тутъ приличнѣе прибавить...

Ашенбрехеръ спѣшитъ вмѣшаться и говоритъ Благову:

— Вамъ было очень холодно, вѣроятно, ѣхать этою ночью. *Вы такъ сюда спѣшили.* Хотя, конечно, русскія привычки...

— Не скажу,—говоритъ Благовъ,—чтобы мы были привычнѣе къ холоду здѣшнихъ людей... Здѣсь и въ Италіи люди зябнутъ въ домахъ зимой и очень довольны; а мы на югѣ не знаемъ, что дѣлать иногда отъ стужи...

Леси продолжаетъ настойчиво и возвышая голосъ съ нѣкоторою досадой:

— Самые престарѣлые жители города Яннины съ величайшимъ трудомъ вспоминаютъ о морозѣ, который въ отдаленное время подѣйствовалъ даже на воды озера...

Онъ пріостановился еще разъ; но Благовъ вдругъ ему на это:

— Да! а я хотѣлъ спросить у васъ, monsieur Леси, правда ли, что я прочелъ недавно о вашемъ Нана-Саибѣ, что онъ будто бы чуть не наканунѣ возстанія въ Индіи танцовалъ очень хорошо на балахъ съ англійскими дамами?

Вообрази себѣ положеніе Леси! Вся нить его метеорологическихъ наблюденій была прервана; все разстроилось; онъ замолчалъ, выпрямился, заложилъ вдругъ пальцы за жилетъ и отвѣчалъ Благову значительно:

— Monsieur Благовъ, на этотъ вопросъ я могу отвѣтить вамъ только одно... Что я не знаю объ этомъ ничего.

Ашенбрехеръ опять *струится* между *терновыми кустами*... Онъ говоритъ о томъ, что въ Россіи зимой, слышно, очень пріятно, что лѣса въ инеѣ и санки, дымящіяся печи и златоверхія колокольни придаютъ странѣ въ такіе дни какую-то волшебную поэзію, которой нѣтъ въ южныхъ странахъ...

— Да! — прибавляетъ онъ ласкательно, — всякая *цивилизація* имѣетъ свою оригинальную прелесть. Такъ и русская *цивилизація*.

Благовъ благодаритъ его за «цивилизацію» Россіи легкою улыбкой и продолжаетъ дразнить Леси:

— Мнѣ понравился этотъ Нана-Саибъ... Вотъ это точно оригинальная цивилизація, предъ которой нашъ русскій иней ничто!

Леси молчитъ и смотритъ на часы, не довольно ли этихъ *bons offices*?

Ашенбрехеръ опять о снѣгахъ и объ одномъ итальянцѣ, который замерзъ въ Россіи, и опять спрашиваетъ:

— Скажите, mon cher monsieur Blagow, во сколько ча-

совъ вы совершили свое знаменитое путешествіе отъ Арты до Янины?

Бакѣевъ въ волненіи, ему хочется, чтобы разговоръ скорѣе сталъ откровеннѣе... Чтобы заговорилъ хоть кто-нибудь о немъ и о Брешé...

Онъ вдругъ врывается некстати въ бесѣду.

— Monsieur Благовъ ужасно спѣшилъ; онъ ѣхалъ такою ужасною ночью всего семь часовъ, и я, конечно, не знаю, какъ выразить ему мою признательность...

Никто ему не отвѣчаетъ, а Благовъ говоритъ только Ашенбрехеру очень веселымъ тономъ:

— Я люблю иногда, сознаюсь въ этой слабости, разныя трудности и сильныя ощущенія.

Киркориди, пока тѣ говорятъ, въ сторонкѣ жметъ крѣпко руку Бакѣеву и шепчетъ ему очень глухо, очень глухо:

— Какъ вы себя чувствуете? Здоровы ли вы?

— Вы знаете, — тихо и мрачно отвѣчаетъ Бакѣевъ.

— Такъ! такъ! что́ дѣлать!.. — еще глуше шепчетъ ему по-гречески Киркориди подъ шумъ другихъ голосовъ; и прибавляетъ еще тише по-итальянски и со вздохомъ: «Prepotenza!»

На лицѣ его широкомъ, спокойномъ, огромномъ и невозмутимомъ Благовъ *издали*, несмотря на молчаніе его, читаетъ:

— Не сердитесь на меня, вы, русскіе, что и я съ ними пришелъ... Вы знаете: Булгарисъ, англійская партія...: Іоническія острова... Еврей Пачифико... А я проигралъ вчера немного въ карты...

Такъ разсказывалъ гораздо послѣ обо всемъ этомъ самъ Благовъ при мнѣ, и этотъ разсказъ его былъ восхитителенъ! Онъ шутя увѣрялъ, будто бы ему даже казалось, что Киркориди подмигивалъ ему глазомъ въ сторону Іоническихъ острововъ, гдѣ тогда еще царили тѣ самые красные мундиры, изъ которыхъ выкроилъ себѣ куртку нашъ садовникъ Христо, столь свѣдущій въ политикѣ.

Такъ кончилось ничѣмъ это совѣщаніе; Корбетъ де-Леси ушелъ, негодуя слегка за Нана-Саиба и еще больше за *оригинальную его цивилизацію*, за нимъ ушли и остальные.

XII.

Время завтрака давно уже прошло. Консулъ былъ вѣроятно сытъ еще съ утренняго чая; а мы съ Бостанджи-Оглу все сидѣли въ канцеляріи, въ ожиданіи, и нѣсколько разъ то пили турецкій кофе, чтобы заглушить на минуту голодъ, то ѣли понемногу одинъ хлѣбъ, чтобы не испортить совсѣмъ себѣ аппетита къ обѣду, на который я непремѣнно надѣялся быть приглашенъ.

Скоро пришелъ къ намъ Коэвино. Онъ, не снимая шляпы и почти не кланяясь, спросилъ у насъ:

— Принимаетъ ли теперь господинъ Благовъ?

Ему сказали, что наверху консульское совѣщаніе по дѣламъ, но Бостанджи-Оглу прибавилъ, что г. Благовъ приказалъ задержать его на обѣдъ непремѣнно, если онъ придетъ:

— Онъ очень желаетъ скорѣе васъ видѣть, — сказалъ ему Бостанджи.

Докторъ сѣлъ у мангала, снялъ шляпу и перчатки и нѣсколько времени сидѣлъ молча, крайне печальный и задумчивый. Только брови его дергались надъ унылыми, потухшими очами. Но вдругъ онъ оживился, всталъ и воскликнулъ:

— Ха-ха! ха-ха! консула! Très bien! Très bien! Теперь наверху совѣщаніе. Благовъ не уступитъ и не должно... Могу сказать, что у него есть тактъ.

Бостанджи-Оглу, который при всемъ ничтожествѣ своемъ любилъ не хуже другихъ подстрекать доктора на разныя его выходки, замѣтилъ:

— Брешѐ ужасно невѣжливъ и ему оскорбить человѣка не значитъ ничего.

Докторъ продолжалъ, одушевляясь все болѣе и болѣе.

— Французскій умъ! Французская вѣжливость! Гдѣ она? Я ихъ не вижу въ Брешѐ... Брешѐ! Французское невѣжество, французская грубость... Какое сравненіе съ моимъ Благовымъ (и лицо доктора сдѣлалось внезапно мило и пріятно, глаза его стали сладки и томны). Благовъ, это истинная цивилизація, это порода. C'est la race... la race (онъ опять ожесточился и наступалъ грозно на насъ, чтобы показать силу аристократіи и породы). Мать — княгиня, владѣтельной скандинавской крови. А? могу сказать — Рюрикъ!.. А? Не такъ ли? Рюрикъ... Было три князя: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ... Ха, ха, ха, ха! Я все это изслѣдовалъ.... Я знаю больше твоихъ учителей, Одиссей мой милый, а? Скажи? больше? а, скажи, больше?

— Больше, докторъ, гораздо больше.

— Рюрикъ, Скандинавы, les Varengiens... А? Les Varengiens... Какія имена! они служили у византійскихъ императоровъ... C'est la race! Взгляните на походку (и докторъ шелъ къ дверямъ, шелъ отъ нихъ опять къ намъ стойко и прямо, съ нѣсколько военнымъ оттѣнкомъ — это былъ Благовъ).

Потомъ, вдругъ разразившись на мгновеніе хохотомъ, топотомъ и крикомъ, онъ подошелъ ко мнѣ тихо и сказалъ съ глубокимъ отвращеніемъ и почти съ жалостью:

— А monsieur Брешѐ? Онъ въ Азіи прежде ѣздилъ какъ commis-voyageur... приказчикъ, шелковыхъ червей скупалъ. Червей! червей! — продолжалъ онъ съ негодующимъ укоромъ. — Онъ дипломатъ теперь... Червей... Отецъ Благова, вотъ взгляни сюда, густыя эполеты... *Трикантонъ* *) съ бѣлымъ плюмажемъ... Конь лихой... Кресты и ленты Государя! Борецъ противъ la grande armée (и докторъ поднималъ надъ головой моей палку, какъ бы желая доказать мнѣ ощутительно, до чего былъ властенъ и могучъ покойный отецъ Благова).

Онъ прибавилъ еще: — Татарскій князь крестился нѣ-

---

*) Треугольная шляпа.

сколько вѣковъ тому назадъ, онъ былъ добръ какъ ангелъ, и русскіе его называли «Сильно-благъ», а? Каково это? «Сильно-благъ!» Потомъ боярскій родъ Благовыхъ!

Долго размышляя Коэвино надъ прекраснымъ именемъ «Сильно-благъ». Мы ждали, что̀ будетъ дальше. И вотъ постепенно, сразу почти незамѣтно, докторъ сталъ измѣняться; онъ какъ будто сдѣлался короче, сгорбился, пошелъ по комнатѣ медвѣдемъ, лицо его поглупѣло, опухло, и онъ заговорилъ грубо:

— А вотъ отецъ Брешé... *V'la! ben!* Блуза грязная, деревянные *сабо*, колпакъ на головѣ ночной и вилы, и вилы! И вилы... и вилы!.. И онъ вилами этими тащитъ сѣно! И онъ этими вилами сѣно пихаетъ!

И, схвативъ съ дивана подушку, докторъ началъ съ хохотомъ подпирать мнѣ ею бокъ и притиснулъ меня къ стѣнѣ, и радостно и все съ грубымъ лицомъ ревѣлъ на меня:

— А онъ вилами сѣно взваливаетъ!

Мы съ Бостанджи-Оглу до слезъ смѣялись, и докторъ казался тоже счастливъ. Онъ успокоился, сѣлъ и сталъ опять хвалить русскихъ и Благова, говорилъ много, потомъ началъ проводить параллель между самимъ собою и Благовымъ:

— Оба артисты, оба поэты, оба люди хорошаго общества, оба люди съ энергіей и съ фантазіей.

Долго наслаждался докторъ, проводя эту параллель, которая ему очень льстила, и наконецъ, обратясь къ Бостанджи-Оглу, спросилъ его весело:

— Скажи мнѣ, мой дорогой Бостанджи-Оглу, развѣ я не правъ? а? Развѣ я не правъ? Развѣ между мною и Благовымъ нѣтъ нѣкоего существеннаго, такъ сказать, сходства, *онтологическаго*, могу даже сказать, единства?

Бостанджи-Оглу молчалъ и улыбался не безъ смущенія.

— А? Развѣ нѣтъ? а? развѣ нѣтъ? Скажи, будь вѣчно живъ и здоровъ, мой милый.

— Какъ вамъ сказать? — отвѣтилъ не смѣлымъ голосомъ Бостанджи-Оглу. — Ну нѣтъ, я думаю, что вамъ далеко,

слишкомъ далеко до господина Благова! Ничего и похожаго нѣтъ.

О! если бъ я могъ изобразить тебѣ живо внезапное оцѣпенѣніе доктора... Его внезапное краснорѣчивое молчаніе!.. Только брови его заиграли и черные глаза стали мрачны какъ могила...

Бостанджи-Оглу, я видѣлъ, немного испугался...

Докторъ надѣлъ шляпу, надѣлъ перчатки, еще постоялъ и вдругъ стукнувъ объ полъ тростью воскликнулъ:

— Подлецъ! Побродяга! Дуракъ... Скотина!.. Скотина!

Киръ-Ставри отворилъ двери изъ сѣней и смотрѣлъ съ удивленіемъ...

Докторъ еще разъ повторилъ: «Босоногая тварь! Дуракъ!»—и, отстраняя кавасса издали мановеніемъ руки отъ двери, вышелъ изъ нея царемъ.

Мы остались въ недоумѣніи.

Киръ-Ставри спросилъ съ язвительностью:

— Опять въ него бѣсъ вселился?..

Бостанджи-Оглу былъ очень оскорбленъ и сказалъ мнѣ и Ставри:

— Не самъ ли онъ подлый человѣкъ? За что онъ меня такъ оскорбилъ? Хочетъ, чтобъ я его вровень съ господиномъ Благовымъ ставилъ. Развѣ что такъ... а? Погоди ты, я тебя заставлю у себя просить прощенія... Консулъ у насъ справедливый. Развѣ онъ позволитъ всякому оскорблять его чиновниковъ въ канцеляріи, и тогда еще, когда они его честь и достоинство защищаютъ!.. Будетъ этому Козвино анаѳемскому отъ Благова! Посмотри, Одиссей...

Въ это время консулы окончили свой визитъ и ушли, и Бакѣевъ спѣшно сошелъ къ намъ внизъ въ канцелярію и принесъ нѣсколько бумагъ. Онъ былъ гораздо веселѣе прежняго.

— Консулъ велѣлъ сейчасъ переписать вотъ это,—сказалъ онъ, показывая бумагу Бостанджи-Оглу.—Надо намъ поскорѣй успѣть... Не можетъ ли и Одиссей помочь?

Почеркъ у меня былъ твердый, крупный и красивый. Съ французскаго я списывать уже могъ почти безъ оши-

бокъ, если черновая рукопись была разборчива. Я всталъ и написалъ для примѣра одну строку.

Г. Бакѣевъ воскликнулъ:

— Да это превосходно! Вы лучше меня пишете... Садитесь... Вотъ вамъ все... Эти два циркуляра спишите...

Никогда я не видалъ Бакѣева такимъ оживленнымъ или взволнованнымъ; онъ подалъ намъ съ Бостанджи-Оглу черновыя; себѣ оставилъ самую большую бумагу и хотѣлъ было писать, но вдругъ остановился и сказалъ:

— Нѣтъ! подождите, надо вамъ прочесть, что monsieur Благовъ пишетъ этому Брешѐ... Слушайте!

И онъ прочелъ намъ громко:

«Г. консулъ, съ удивленіемъ узналъ я, по возвращеніи моемъ въ Янину, что вчерашняго дня вы позволили себѣ въ присутствіи г. Корбетъ де-Леси, англійскаго консула, «une action inqualifiable» относительно управляющаго въ мое отсутствіе русскимъ консульствомъ, г. Бакѣева. Я не вхожу въ разсмотрѣніе побужденій, которыя могли внушить вамъ подобныя выраженія, и не мое дѣло разсматривать теперь, какое консульство было правѣе, то ли, которое, снисходя къ проступку подданнаго, искало дружескимъ путемъ облегчить его заслуженное наказаніе, или то, которое хотѣло защищать контрабанду въ предѣлахъ дружественной державы; здѣсь я считаю долгомъ лишь сообщить вамъ, г. консулъ, что оскорбленіе, нанесенное г. Бакѣеву по поводу дѣла юридическаго и въ иностранномъ консульствѣ, касается не только лица г. Бакѣева, но самого Императорскаго консульства, коимъ онъ въ то время завѣдывалъ. Не считая возможнымъ оставить безъ вниманія подобный поступокъ вашъ, я предупреждаю васъ о томъ, что всѣ сношенія, какъ официальныя, такъ и личныя, будутъ прерваны между ввѣреннымъ мнѣ и французскимъ консульствами до тѣхъ поръ, пока мы не получимъ блистательнаго удовлетворенія».

Въ томъ же смыслѣ, но гораздо короче, написалъ Благовъ циркуляры всѣмъ другимъ консуламъ.

Когда я впослѣдствіи больше ознакомился съ обы-

чаями и уставами консульствъ, мнѣ стало казаться, что циркуляровъ этихъ вовсе не нужно было писать никому. Что это было или лишнее увлеченіе Благова, вслѣдствіе того, что все-таки онъ былъ еще молодъ и сравнительно не очень давно служилъ, а случаи былъ довольно рѣдкій; или у него была какая-нибудь особая цѣль, особое желаніе придать всей этой исторіи больше шума и официальности, чтобы возвратъ къ примиренію безъ полнѣйшаго покаянія француза былъ труднѣе. Рѣшить этого я и теперь не берусь; но это и не важно. Важенъ былъ, во всякомъ случаѣ, фактъ официальнаго разрыва при тѣхъ слухахъ о тайномъ и тѣсномъ дружескомъ согласіи, которые такъ твердо держались въ городѣ.

Кончивъ свою главную бумагу, ноту къ Брешё, Бакѣевъ спѣшилъ нести ее наверхъ и насъ все торопилъ, говоря: «Готовы ли вы? Не старайтесь слишкомъ! Скорѣе...» Но дверь отворилась, и самъ консулъ вошелъ въ канцелярію.

Какъ только онъ увидѣлъ меня, лицо его выразило удовольствіе, и, протягивая мнѣ руку, онъ сказалъ своимъ звучнымъ голосомъ: «А! Здравствуй! здравствуй! Загорскій мой риторъ!.. Очень радъ... очень радъ!» И подставилъ мнѣ даже щеку свою, къ которой я съ благоговѣніемъ и радостью приложился.

Потомъ онъ сѣлъ, перечелъ еще разъ наши бумаги и сталъ подписывать ихъ, говоря со мною въ то же время:

— Я отца твоего жду. Напиши ему и поздравь... Тотъ первый драгоманъ, который былъ здѣсь прежде, остается въ Константинополѣ, а твой отецъ будетъ первымъ, если только не позднѣе мѣсяца вернется... Иначе я не могу... Такъ и напиши ему и прибавь, что я ждать терпѣть не могу никого.

И, обратясь къ г. Бакѣеву, консулъ прибавилъ еще:

— Я люблю его отца. Я вѣрю ему, онъ говоритъ дѣло, а не фразы. Вопросъ не въ *страданіяхъ* христіанъ, которыя вовсе ужъ не такъ велики, вопросъ въ ихъ *желаніяхъ*. Вотъ что намъ нужно знать.

Такъ говорилъ Благовъ объ отцѣ моемъ. Бакѣевъ

спѣшилъ соглашаться съ нимъ во всемъ. Я видѣлъ, что Бакѣевъ теперь при консулѣ вовсе уже не тотъ прежній Бакѣевъ, котораго я зналъ, когда онъ, величаво развалясь на софѣ, говорилъ отцу моему: „a! *Негадесъ*, *Негадесъ*, это тоже Загоры? И *Линьядесъ*, и это тоже Загоры?» или когда онъ около меня садился, такъ пренебрежительно и осторожно осматривая издали знаки отъ побоевъ на моемъ тѣлѣ. Теперь онъ сталъ гораздо проще и доступнѣе. Даже выраженіе лица его стало естественнѣе и добрѣе... Большіе каріе глаза его утратили ту лжеофиціальную важность, которая сначала такъ меня поразила. О небрежномъ и недоброжелательномъ тонѣ, который онъ принималъ когда-то, говоря о дурномъ почеркѣ Благова, теперь уже и помину быть не могло... Онъ сталъ предупредителенъ и почтителенъ съ начальникомъ своимъ; онъ съ выраженіемъ искренней дружбы, всматриваясь въ блѣдное и молодое, но нѣсколько строгое и твердое лицо Благова, подавалъ ему бумаги, дѣлалъ ему вопросы и очень часто звалъ его по русскому обычаю, прибавляя имя отцовское: «Александръ Михайловичъ». (У нихъ такой способъ выраженія, ты долженъ это знать, гораздо почтительнѣе и въ то же время дружественнѣе, чѣмъ «г. Благовъ».) Мнѣ Бакѣевъ въ такомъ видѣ больше нравился, чѣмъ въ прежнемъ; я понималъ, что онъ не изъ низости, но изъ горячей благодарности измѣнился въ обращеніи съ своимъ начальникомъ. Прежде всѣ приближавшіеся къ нимъ обоимъ замѣчали, что Бакѣевъ Благову не только не льститъ, но, напротивъ того, повинуется ему очень неохотно и только по крайней необходимости. Я слышалъ, сверхъ того, потомъ, будто бы главная причина искреннему раскаянію Бакѣева была та, что Благовъ имѣлъ благородство ни разу не напомнить ему ни словомъ, ни намекомъ даже о прежнихъ предостереженіяхъ своихъ насчетъ близости Бакѣева къ ужасному представителю *передовой* и *величайшей* въ мірѣ націи. Самъ Бакѣевъ позднѣе, уѣзжая изъ Янины, сознавался въ этомъ отцу моему, хваля Благова, и говорилъ, что, выслушавъ весь его пер-

вый разсказъ о столкновеніи съ Брешё, консулъ, вмѣсто упрековъ, сказалъ только очень весело: «А! прекрасно! прекрасно!» Когда же на вопросъ Благова: «А вы его тогда бить не начали?» Бакѣевъ отвѣчалъ, что «не рѣшился»— консулъ съ лаконическою рѣзкостью: «Напрасно! напрасно!»

Бумага къ г. Брешё и циркуляры другимъ консуламъ были тотчасъ же отправлены, и г. Благовъ, вставъ, сказалъ мнѣ:

— Пойдемъ наверхъ, Одиссей, поговоримъ!

Мы пошли вмѣстѣ на лѣстницу, но за нами прибѣжала Зельха и, тронувъ рукой полу жакетки консула, воскликнула:

— Эффенди! Паша мой! Добраго утра тебѣ!.. Какъ ты, *кузумъ*-паша мой, доѣхалъ?..

Благовъ равнодушно поблагодарилъ ее за привѣтствіе и позвалъ и ее съ собою наверхъ.

— Ну, поди и ты сюда... Разскажи что-нибудь новое,— сказалъ онъ ей.

Наверху, въ прекрасной пріемной, было тепло; чугунная печь раскалена до-красна и сверхъ того въ комнатѣ было два мангала. Въ воздухѣ пахло хорошимъ куреніемъ, котораго я тогда еще не зналъ. «Лучше ладана»,—думалъ я.

Г. Благовъ не сѣлъ, а сталъ спиной къ печкѣ и началъ грѣться, стоя, а намъ обоимъ приказалъ садиться.

Зельха, не стѣсняясь ничуть, скинула съ себя зеленую шубку, воскликнувъ: «фу, какъ жарко!» бросилась въ американскую качалку, слишкомъ сильно качнулась назадъ, испугалась, вскрикнула, а потомъ обрадовалась и начала тихо качаться.

Я же не смѣлъ сѣсть, когда консулъ стоитъ, и стоялъ, сложивъ спереди почтительно руки до тѣхъ поръ, пока г. Благовъ не сказалъ, уже съ нѣсколько гнѣвнымъ и скучающимъ выраженіемъ лица:

— Садись, наконецъ, когда я говорю тебѣ!

Я сѣлъ, и мы всѣ молчали съ минуту.

Наконецъ г. Благовъ спросилъ:

— На что́ жъ вы пришли сюда оба? Если молчать, то я прогоню васъ.

И, обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Ты, риторъ, не имѣешь ничего возвышеннаго сказать на этотъ разъ?

— Есть одно дѣло, *эклампротате киріе проксене*, — началъ я печально и вставая снова.

— Безъ *эклампротате* продолжай, — замѣтилъ Благовъ тоже серьезно.

— Киріе проксене! — не удержался я еще разъ, и онъ улыбнулся. — Есть одно дѣло, о которомъ вашему благородію вѣроятно за болѣе важными государственными заботами доложено не было...

Лицо Благова омрачилось.

— Дѣло? — спросилъ онъ. — И у тебя дѣло? Ужъ не страданія ли *подъ игомъ*?

— Ваше благородіе не ошиблись, — поспѣшилъ я сказать. — Но при этой дѣвушкѣ...

Благовъ, конечно, не успѣлъ еще узнать о томъ, что меня на этотъ разъ *въ самомъ дѣлѣ* побили турки. Ему въ это утро можетъ быть надоѣли уже и другія *дѣла*. Какъ бы то ни было, онъ сказалъ:

— Хорошо, послѣ! А ты, Зельха́, что́ скажешь? Можетъ быть и у тебя есть тяжба?

— Эффендимъ?—спросила Зельха́, обращая къ нему мрачныя очи свои.

— Тяжбы, тяжбы нѣтъ ли у тебя?..

Зельха́ воскликнула съ радостью:

— Есть! есть! Я нарочно пришла къ тебѣ сегодня за этимъ, паша мой.

Она встала, серьезно подошла къ консулу, поклонилась низко и, еще разъ коснувшись рукой края его одежды, бросилась опять въ кресло и сказала:

— Великая у меня до тебя просьба есть, бей-эффенди мой! Знаешь ли ты Ницу, христіанку, которая около насъ живетъ? Она женщина блудная и дурная!

— На что́ жъ мнѣ знать такихъ женщинъ, — отвѣчалъ

ей консулъ (и я замѣтилъ, что по мѣрѣ того, какъ Зельха вступала въ разговоръ, лицо его веселѣло и глаза, помраченные моимъ *ритерствомъ* и моею *политикой*, все болѣе и болѣе оживлялись). — Изо всѣхъ дурныхъ женщинъ я знаю только одну, тебя! — продолжалъ онъ съ лицомъ довольнымъ и, скажу я, чуть не любящимъ, обращаясь къ ней.

Зельха всплеснула руками въ ужасѣ:

— Что ты говоришь, милый паша мой! Что говоришь ты, *море* консулосъ-бей мой! Я развѣ женщина? Я дѣвица. Я маленькая еще... А Ница очень дурная женщина! Самая скверная и злая! Отчего она такая дурная, я не знаю... Скажи мнѣ, паша мой, можешь ты сослать ее въ изгнаніе или въ тюрьму ее заключить, если она очень виновата?

— Я все могу! — отвѣчалъ Благовъ. — Что же сдѣлала Ница?

— Она вчера поссорилась у калитки съ моею матерью; мать ей ничего не сказала, а она матери моей говоритъ: «Молчи ты, старая! Ты собака плѣшивая! Какъ на базарѣ ходятъ отъ парши собаки всѣ плѣшивыя». Такъ она ее назвала. Ты скажи, паша мой, развѣ это не грѣхъ? А я говорю тебѣ, что это очень большой грѣхъ.

Хотя мнѣ сперва и очень досадно было, что консулъ занялся такъ этою пустою дѣвчонкой, а не мною, но, слушая Зельху, я смѣялся; консулъ старался быть серьезнымъ и обѣщалъ маленькой турчанкѣ разсмотрѣть это дѣло завтра основательно и непремѣнно жестоко наказать эту Ницу, если только есть свидѣтели.

— Есть, есть свидѣтели! — съ восторгомъ воскликнула Зельха.

Послѣ этого она успокоилась и опять начала качаться на креслѣ изо всѣхъ силъ, опять пугаясь и вскрикивая немного, когда она слишкомъ низко падала назадъ. Потомъ вдругъ сказала:

— Паша мой, ты мнѣ дашь еще той помады, которая хорошо пахнетъ?

Благовъ отвѣчалъ, что дастъ ей этой помады тогда, когда у нея будутъ очень чистыя руки. Зельха посмотрѣла на свои руки, задумалась и пропѣла печально и неправильно по-гречески:

„Ке сéна, сéна *нáдлико-оосу*...
Корми-и-и м'ангелико!"

— Одиссей, скажи, барашекъ, что̀ значитъ *надликòсу*? Это наша Мариго сосѣдка поетъ *надликòсу*, всегда *надликòсу*.

Такъ говорила она вмѣсто *θа-глитòсо* *).

Я началъ понимать, хотя еще и не ясно, чѣмъ она Благову нравится.

— Ты будешь у меня завтракать, — сказалъ онъ ей. — Поди къ Колыйо, чтобъ онъ тебѣ вымылъ руки.

Послѣ этого доложили, что пріѣхалъ Ибрагимъ-бей (не отъ паши, а самъ отъ своего лица сдѣлалъ визитъ консулу); еще полчаса бесѣды съ глазу на глазъ. Я ходилъ сверху внизъ и снизу вверхъ, выжидая все моей очереди, и мнѣ пришлось быть на галлереѣ въ ту минуту, когда г. Благовъ провожалъ Ибрагима.

Красивый, полный, одѣтый въ щегольское пальто на мѣху, Ибрагимъ держалъ себя очень хорошо и съ большимъ достоинствомъ; въ этотъ день онъ былъ особенно чѣмъ-то возбужденъ (быть можетъ любезностью консула) и сопровождалъ рѣчь свою одушевленными и выразительными движеніями рукъ, на которыхъ сверкали алмазные перстни.

Остановившись передъ лѣстницей, онъ съ жаромъ сказалъ Благову:

— *Санкюлотъ!* Я давно говорю, эффенди мой, *санкюлотъ!*

---

*) „*Θа-глитòсо*" — спасу, освобожу. — Два стиха изъ пѣсни значатъ:
И тебя, тебя освобожу я...
О! мой ангельскій ликъ...
Надликóсу ничего не значитъ. *Авт.*

И онъ употребилъ еще одно слово, неупотребительное вообще у турокъ, которое онъ или самъ позволилъ себѣ составить, или слышалъ отъ кого-нибудь въ Константинополѣ. Онъ сказалъ:

— Вотъ это настоящій *барбарлыжъ*, такъ я скажу, эффендимъ! Вотъ это именно то, о чемъ *они сами* такъ любятъ твердить «la barbarie!»

Я понялъ, что они говорили о Брешѐ и французахъ.

Благову эти рѣчи бея видимо нравились; онъ, по обыкновенію, улыбался очень сдержанно, но веселое сіяніе глазъ обличало его внутреннее удовольствіе.

— Подождите минуту, бей-эффенди мой, — сказалъ онъ Ибрагиму. — Я вамъ разскажу прекрасную остроту вашего Фуадъ-паши. Онъ говорилъ, что не понимаетъ имени «monsieur Lavallette». Что это, грамматическая ошибка? Madame Lavallette — это правильно. А monsieur долженъ называться «Levalet».

Бей вышелъ изъ себя отъ восторга. Онъ громко закричалъ:

— А! прекрасно! о! это любопытно! Levalet! Lavallette. А! Фуадъ-паша! Что̀ за умъ! Что́ за мозгъ!

Затѣмъ они простились, и Благовъ спустился для зятя паши на пять-шесть ступенекъ съ лѣстницы (чего онъ давеча не сдѣлалъ для трехъ консуловъ). И конечно, эти пять ступенекъ, по которымъ кстати умѣлъ сойти для турка молодой дипломатъ, столь неуступчивый съ знаменитымъ Брешѐ, подняли русское консульство въ Портѣ на пятьдесятъ ступеней выше прежняго.

Стоя у окна во время любезнаго прощанія турка съ Благовымъ, я думалъ о себѣ: «Вотъ бы минута! Не выйти ли мнѣ теперь, не сказать ли, что меня обидѣли?» Но воздержался отъ этой дерзкой глупости и остался почти непримѣченнымъ. Уходя, Ибрагимъ, однако, кивнулъ мнѣ головой. И только!.. О! Агаряне! и зачѣмъ это русскіе такъ хорошо обходятся съ ними... Зачѣмъ! Зачѣмъ это!

Когда ушелъ Ибрагимъ, я думалъ, что дойдетъ, наконецъ, очередь до меня, *до моего дѣла* и до обѣда; но консулъ

принималъ сперва митрополичьяго дьякона и бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько минутъ наединѣ, а потомъ пошли наверхъ *русскіе подданные*. Ихъ было трое; все лавочники и торговцы.

И я рѣшился снова итти вслѣдъ за этими подданными наверхъ.

Г. Благовъ опять не садился, а стоялъ у печки.

Впереди всѣхъ насъ шелъ пожилой плотный лавочникъ, который былъ одѣтъ по-турецки, и въ фескѣ, но съ голубымъ европейскимъ галстукомъ на шеѣ; онъ снялъ башмаки еще внизу. За нимъ, качая туда и сюда огромнымъ носомъ, плелся высокій старикъ Симо, въ черномъ опрятномъ сюртукѣ съ русскою фуражкой въ рукахъ. Онъ былъ прежде богатъ и красивъ, долго жилъ въ Бессарабіи и славился тогда своими любовными приключеніями, особенно тѣмъ, что онъ разъ въ Салоникахъ притворился евреемъ, отъ живой жены гречанки, остававшейся въ Эпирѣ, женился на молодой еврейкѣ, взялъ за ней деньги и убѣжалъ въ Россію. Теперь онъ былъ дряхлъ, разоренъ, нѣсколько лѣтъ уже велъ тяжбу съ турецкими подданными о стотысячномъ наслѣдствѣ, не зналъ пока чѣмъ прокормить дѣтей, безпрестанно приходилъ въ консульство, и, медленно качая головой и разинувъ ротъ, какъ потерянный, говорилъ Благову и Бакѣеву по-русски: «Пожалуйте *на харчи*. Турки дѣла не кончаютъ: голодомъ уморили!»

За Симо шелъ г. Понтикопеци, человѣкъ молодой и не бѣдный, въ бараньей шапочкѣ, въ ботинкахъ, въ поношенномъ и грязномъ длинномъ европейскомъ пальто, но вовсе безъ галстука, а на шею и еще больше на подбородокъ, чѣмъ на шею, у него былъ небрежно накинутъ вязаный шарфъ. Онъ былъ не выбритъ, несмотря на праздникъ, и весь посинѣлъ отъ холода. Манерами онъ старался показаться, что онъ очень образованъ и что сами консулы для него свои люди.

Онъ долго не снималъ своей бараньей шапочки, но увидавъ вдругъ предъ собою въ открытую дверь пріемной стоящаго у печки консула, онъ сорвалъ ее съ головы, вошелъ въ пріемную не прямо, какъ мы всѣ, а бокомъ, обходя по-

лукругомъ у стѣны, любезно улыбаясь и отставляя руку съ шапочкой очень далеко въ сторону.

Всѣ эти подданные поочередно (и европеецъ все въ обходъ) подошли къ консулу и протянули ему пальцы рукъ своихъ, а консулъ едва касался ихъ, какъ будто онъ боялся обжечься или взять какую-нибудь противную муху. Почти такъ же, какъ дѣлалъ Абдурраимъ-эффенди съ отцомъ моимъ у доктора въ домѣ).

На лицѣ г. Благова не выражалось впрочемъ ничего ни веселаго, ни сердитаго.

— Что вамъ?—спросилъ онъ.

Лавочникъ по-турецки одѣтый началъ поздравлять его съ пріѣздомъ, а г. Благовъ: «Вѣрно дѣло есть?»

— Есть и дѣло,—отвѣчалъ лавочникъ,—только сегодня мы по поводу возвращенія и по случаю праздника православнаго.

— Это напрасно,—отвѣчалъ г. Благовъ, даже не улыбнувшись;—я обязанъ заниматься вашими дѣлами, но тратить время на ваши привѣтствія я не намѣренъ. Съ Богомъ!

И онъ показалъ головою на дверь.

Тогда европеецъ въ бараньей шапочкѣ приблизился къ консулу очень развязно, подалъ ему письмо и сказалъ, что оно рекомендательное отъ г. Петрова, другого консула, во Ѳракіи.

Благовъ, читая письмо, началъ слегка улыбаться. Потомъ, положивъ его на столъ, онъ спросилъ: «Такъ какое же у васъ дѣло?»

Европеецъ подалъ другую бумагу.

— Если это прошеніе по-гречески написано, — сказалъ консулъ,—то я самъ не могу читать его. Я не очень хорошо разбираю греческое письмо.

— Оно по-славянски,—отвѣчалъ съ льстивымъ движеніемъ европеецъ. (Живъ долго съ болгарами во Ѳракіи, этотъ ловкій грекъ, русскій подданный, надѣялся больше угодить *панславистическимъ чувствамъ* русскихъ, если напишетъ прошеніе по-славянски).

Г. Благовъ началъ читать громко это прошеніе:

«Ваше величество! (Я прошу тебя вѣрить, что я не преувеличиваю). Голѣма-та грыжа, кос то вы имѣете за всички единовѣрцыта неговы на турско-то и наипаче за подданныетѣ Государя Императора сполучи да оставимъ городъ Пловдивъ-тъ и да излѣземъ на Эпиръ подъ ваше высоко-то покровительство и да возложимъ надежды-то всички на ваше благородіе и на Государя Императора!.»

Послѣ этого привѣтствія слѣдовала жалоба на крестьянъ двухъ селъ въ сосѣднемъ городу-округѣ Куренда, давно не платящихъ денегъ отцу просителя (подданному турецкому); сумма долга была большая, видимо съ процентами на проценты, внесенными заранѣе въ долговое обязательство въ какую-нибудь очень тяжелую для бѣдныхъ селянъ минуту.

Благовъ спросилъ:

— Отецъ вашъ вѣроятно покупалъ хлѣбъ у нихъ еще на корню?

Европеецъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, но сознался, что «на корню».

— Это хорошо!—сказалъ консулъ;—а вотъ что пишетъ о васъ г. Петровъ изъ Ѳракіи. Слушайте:

«М-сьё Понтикопеци досталъ себѣ въ Кишиневѣ русскій паспортъ. Онъ ѣдетъ къ вамъ въ Эпиръ и убѣдительно проситъ у меня рекомендаціи. Что сказать? Это одинъ изъ тѣхъ ново-русскихъ подданныхъ мѣстнаго происхожденія, которыхъ назначеніе одно—ставить консульство въ самое трудное положеніе. Большею частью они мошенники. Г. Понтикопеци покупалъ здѣсь хлѣбъ на корню у болгарскихъ селянъ, когда тѣ были въ крайности при уплатѣ податей туркамъ. Потомъ... Вы знаете сами конечно... проценты на проценты. И вотъ консульству, съ одной стороны, нельзя отрицать юридическихъ правъ г. Понтикопеци, а съ другой приходится ввергать въ тюрьму и безъ того обремененныхъ налогами сельскихъ болгарскихъ старшинъ за неуплату!..»

— Видите,—сказалъ консулъ и прибавилъ:—Хорошо по крайней мѣрѣ, что у васъ нѣтъ національнаго оттѣнка;

вы и своихъ здѣшнихъ грековъ грабить готовы точно такъ же, какъ и болгаръ....

— Это дѣло коммерческое!—сказалъ европеецъ и довольно бойко взглянулъ на консула.

— Съ Богомъ!—повторилъ ему еще разъ Благовъ и показалъ на дверь съ такимъ замѣтнымъ измѣненіемъ въ голосѣ и взглядѣ, что молодой человѣкъ поспѣшно направился къ выходу.

Благовъ сдѣлалъ и самъ нѣсколько шаговъ за нимъ, и тотъ такъ испугался, что вдругъ вся его грація и смѣлость пропали; онъ вильнулъ въ сторону спиною и побѣжалъ бокомъ, бокомъ (понимаешь?..) такъ, какъ дѣлаютъ ослы, когда погонщикъ сзади кольнетъ ихъ чѣмъ-нибудь больно съ одной стороны...

Послѣ этого и плотный лавочникъ, по-турецки одѣтый, уже самъ, не дожидаясь второго приглашенія, ушелъ; а старику Симо консулъ далъ двѣ лиры «на харчи» и прибавилъ:

— Теперь чтобы два мѣсяца я твоего имени не слыхалъ.

Освободившись отъ этихъ людей, г. Благовъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Когда же обѣдъ наконецъ?.. Поди, Одиссей, вели подавать кушать. Позови Зельху и узнай, будетъ ли докторъ Коэвино или нѣтъ... (Отчего же онъ не сказалъ *намъ съ тобой кушать*, а кушать просто. Нѣтъ! Видно большая разница ему быть *у насъ* въ Загорахъ, и ему *пъсть нашъ* хлѣбъ, или здѣсь мнѣ быть у него въ домѣ и мнѣ ѣсть его хлѣбъ!)

Однако, прежде чѣмъ я успѣлъ выйти, на галлереѣ показался киръ-Маноли съ докладомъ:

— Эффенди, старичокъ Мишо!

За Маноли шелъ согбенный старичокъ. Г. Благовъ вдругъ вышелъ самъ на холодную галлерею и воскликнулъ съ самымъ радостнымъ видомъ, простирая руки:

— А, капитанъ Мишо!.. Милости просимъ... Милости просимъ. Очень радъ!..

Мишо былъ вотъ какой старикъ: во-первыхъ онъ весь былъ только двухъ цвѣтовъ—бѣлый съ краснымъ. Одежда

вся: фустанелла, косматая *флоката* *), чулки; усы, брови, волосы были бѣлые; кожа на лицѣ—и та была какъ воскъ, зрачки глазъ его даже были очень свѣтлые; только феска, башмаки, которые онъ снялъ за дверью, кушакъ на фустанеллѣ, губы и вѣки старческія, вовсе безъ рѣсницъ, были красныя. Онъ служилъ когда-то слугой у самого Али-паши и у дѣтей его. Когда Али-пашу убили по приказанію султана, сыновей и приближенныхъ его ввергли въ тюрьму, въ томъ числѣ и молодого Мишо. Каждый день входили въ тюрьму люди султанскіе, брали по два, по три человѣка и рѣзали ихъ; остальные ждали своей очереди; ждалъ и Мишо. Но рѣшеніе измѣнилось: темницу отворили и всѣхъ остальныхъ отпустили на волю. Съ тѣхъ поръ Мишо жилъ въ Эпирѣ, разбогатѣлъ, женился, овдовѣлъ и жилъ по-старинному теперь, не бѣдно, но сурово; жилъ одинъ въ своемъ собственномъ большомъ уже постарѣвшемъ и холодномъ архонтскомъ домѣ. Всѣ, кто смотрѣлъ внимательно на этого низкаго ростомъ и согбеннаго старичка съ бѣлыми бровями и красными вѣками, въ простой, но чистой и красивой арнаутской одеждѣ, думали про себя: «Чего не видалъ этотъ человѣкъ! Чего бы не могъ онъ разсказать, если бъ онъ умѣлъ понимать и цѣнить то, что видѣлъ! Онъ зналъ мрачнаго героя нашего Марко Боцариса и пѣлъ быть можетъ вмѣстѣ съ нимъ унылыя и жестокія пѣсни горцевъ подъ звуки *тамбуры*. Онъ зналъ вѣроятно *тѣхъ самыхъ* женщинъ, которыя кинулись въ пропасть съ силіотскихъ высотъ. Мимо него самого, когда онъ сидѣлъ на дворѣ Али-паши съ другими его молодцами (безъ разбора турками, арнаутами и греками, лишь бы были лихіе), прошелъ, быть можетъ, посѣщая сатрапа, лордъ Байронъ, съ такимъ пламеннымъ чувствомъ воспѣвшій нашъ полудикій Эпиръ!.. Мишо, можетъ быть, говорилъ часто съ самимъ Али-пашой; онъ можетъ быть мылъ ему ноги; онъ зналъ всѣхъ его женъ, одалисокъ,

---

*) *Флоката* — бѣлая шерстяная зимняя арнаутская одежда, снизу косматая и съ острыми открытыми какъ крылья рукавами. Одно изъ самыхъ красивыхъ и граціозныхъ одѣяній. *Авт.*

фаворитокъ... Кто знаетъ! Кто знаетъ тайны этихъ по нравамъ уже столь отдаленныхъ отъ насъ временъ! Временъ сладострастныхъ и кровавыхъ, и пастушески-простодушныхъ и христіански-восторженныхъ? Быть можетъ этотъ старецъ, такой строгой, правильной православной жизни, такой набожный, серьезный, молчаливый, можетъ быть, и онъ былъ одно время въ числѣ тѣхъ красивыхъ отроковъ и юношей, которые въ шубкахъ, расшитыхъ великолѣпнымъ золотымъ янинскимъ шитьемъ, веселили одряхлѣвшаго, толстаго, но все еще страшнаго повелителя, танцовали, обнимались при немъ и, цѣлуясь съ избранными имъ самимъ для этой потѣхи дѣвицами его гарема...

Такъ думали многіе, взирая на угрюмаго старца. Такъ думалъ конечно и Благовъ, оказывая ему всякое вниманіе и почтеніе и стараясь всячески отъ него что-нибудь выспросить. Но старикъ былъ не только угрюмъ, онъ былъ нестерпимо скученъ въ своемъ загадочномъ молчаніи... И заставить его говорить о прошедшемъ было очень трудно.

— Многое было! много разныхъ вещей!—такъ любилъ онъ отвѣчать, вздыхая слегка.

Почти такъ случилось и теперь.

Благовъ посадилъ его въ лучшія кресла у печки и самъ сѣлъ, чтобы не стѣснять и не смущать его (старику было бы мучительно сидѣть передъ *стоящимъ* консуломъ).

— Что новаго, капитанъ Мишо? Что новаго въ городѣ?—спрашивалъ онъ ласково.

Старикъ усмѣхнулся чуть-чуть.

— У меня новое?—переспросилъ онъ.—Я и старое все забылъ ужъ...

Однако потомъ прибавилъ (вниманіе Благова вѣроятно возбудило наконецъ и его):

— Вотъ на тебя радуюсь, что ты такой молодецъ. Твоій предмѣстникъ былъ хорошій дипломатъ, почтенный человѣкъ; мы его любили; но онъ былъ изъ нашихъ керкирейцевъ, грекъ... А я вотъ радуюсь, что настоящаго русскака тебя перваго вижу... Не уступай никому... Пусть дрожатъ... Хорошо ты дѣлаешь!.. Живи и здравствуй за это!..

— Холодно очень,—сказалъ Благовъ.—Говорятъ, озеро мерзнетъ... Не помните ли вы, капитанъ Мишо, когда было замерзши озеро здѣсь?

— Помню. Разъ было. Это было давно,—отвѣчалъ капитанъ и, снова со вздохомъ опустивъ голову, погрузился въ молчаніе.

— Какъ же переходили черезъ него на островъ тогда? Вѣдь тамъ люди въ деревнѣ и монахи живутъ?—спросилъ консулъ.

— Не помню,—отвѣчалъ Мишо.

— Не помните, носили имъ провизію?—спросилъ Благовъ.

— Не помню,—отвѣчалъ Мишо.

Послѣ этого онъ всталъ, сказавъ: «Сниму я *съ тебя бремя* *)... Тебѣ и кушать пора...» тронулъ слегка руку Благова, надѣлъ за дверями башмаки и согнувшись пошелъ себѣ тихонько къ лѣстницѣ. Благовъ проводилъ его до самой лѣстницы.

Кольйо доложилъ, что обѣдъ готовъ. Я поспѣшно спустился внизъ, кликнулъ Зельху, велѣлъ итти ей наверхъ кушать, а самъ, порядочно пристыженный и голодный, пошелъ тихо по улицѣ домой, не постигая, что такое сдѣлалось съ Благовымъ. И почему онъ, который и въ Загорахъ у насъ былъ такъ хорошъ со мной, и здѣсь сказалъ мнѣ при первой встрѣчѣ: «Очень радъ, очень радъ!» съ такимъ же радушіемъ, какъ и старику Мишо — почему онъ не хочетъ теперь сказать мнѣ такое пустое слово: «Одиссей, пойдемъ кушать со мной!»

Я зналъ, что въ это время дня у отца Арсенія кромѣ хлѣба и чернаго кофе я ничего не найду и въ кавасской комнатѣ или въ кухнѣ Благова я бы могъ поѣсть хорошо, но предпочелъ уйти домой. Не то, чтобъ я гордился предъ кавассами или поваромъ. Въ Загорахъ я привыкъ обѣдать за однимъ столомъ съ работникомъ нашимъ, старымъ Константиномъ, и бабушка моя Евгенко Стилова, хоть и бо-

---

*) Т.-е. *бремя моего присутствія*, чтобы не наскучить. *Авт.*

гатая женщина въ своемъ селѣ, была ничѣмъ почти не выше и не образованнѣе старушки съ турецкою бумагой въ шерстяномъ чулкѣ, которая пришла въ Янину доставать себѣ паспортъ у русскаго консула... Не гордость предъ слугами консула, а стыдъ предъ ними и предъ собой, что Зельха́ какая-нибудь приглашена наверхъ, а меня онъ не пригласилъ, вотъ что заставило меня скрыться скорѣй и предпочесть скудную пищу священника обильному обѣду въ консульской кухнѣ...

Я шелъ мимо тихо и печально, размышляя объ этомъ, какъ вдругъ услыхалъ, что кто-то бѣжитъ за мной по улицѣ и кричитъ: —«Одиссей! Одиссей!» Я оглянулся и увидалъ маленькаго Але́ко.

Онъ сказалъ мнѣ такъ: «Куда ты ушелъ? Большой консулъ спрашиваетъ тебя. Обѣдать иди». Я пошелъ назадъ и, если я отказываюсь описать тебѣ мою радость, такъ это потому, что она была неизобразима.

И теперь еще я объ этомъ обѣдѣ вспоминаю съ удовольствіемъ. За этимъ обѣдомъ объяснилось для меня много. Рѣшилась и *судьба* моихъ оскорбителей, *сеиса* и *софты!*

XIII.

Обѣдъ нашъ не былъ веселъ. *Для меня* (да, для меня *только*) онъ былъ пріятенъ и остался особенно памятнымъ, потому что г. Благовъ доказалъ мнѣ ясно, какъ ошибался я, обвиняя его въ забвеніи обѣщаній и въ чрезвычайной гордости противу меня, все-таки архонтскаго сына, котораго онъ хотѣлъ не только принять въ домъ свой, но и *веселить* въ городѣ; какъ веселитъ и утѣшаетъ старшій другъ или старшій родственникъ друга и родственника младшаго.

Понявъ при этой второй нашей встрѣчѣ, что молодой консулъ не всегда бываетъ такимъ добрымъ, любезнымъ и веселымъ, какимъ онъ мнѣ показался въ Загорахъ, когда

съ дороги усталый и голодный онъ отдыхалъ, кушалъ и смѣялся у насъ въ домѣ—я утратилъ вдругъ всякую надежду расположить его къ себѣ. Въ Загорахъ я ожидалъ увидать на конѣ предъ воротами нашими нѣчто въ родѣ пожилого, бородатаго, недоступнаго паши, и очень удивился и обрадовался, когда предо мной предсталъ человѣкъ молодой, почти юноша, стройный, прямой и высокій, какъ кипарисъ, съ чертами лица нѣжными и тонкими, немного блѣдный... когда увидалъ, что вмѣсто суровой и старческой бороды у него есть только небольшіе, чуть-чуть кверху приподнятые усики. Очи его, правда, сверкали и тогда: и тогда они были велики и смѣлы, но они сверкали весельемъ, привѣтствуя всѣхъ насъ, а не злымъ лучомъ недовѣрія или гнѣва. Двѣ-три шутки его со мной, два-три ласковыхъ слова, сказанныя быть можетъ потому, что мой отецъ ему былъ тогда очень нуженъ для хорошей статистики, и вотъ я въ моей неопытной глупости рѣшилъ, что Благовъ мнѣ *другъ*, или все равно какъ старшій братъ и благодѣтель, что онъ съ перваго же взгляда сильно полюбилъ меня и сдѣлаетъ все для моего счастія и для моей будущей карьеры.

«Здѣсь.. .въ Янинѣ... увы!» (думалъ я въ этотъ первый шумный день его внезапнаго пріѣзда)... «увы! не то!» Онъ, если хочешь, нравиться мнѣ сталъ съ первыхъ же часовъ своего возвращенія изъ Превезы еще гораздо больше прежняго. Здѣсь я увидалъ его дѣйствующимъ. Я понялъ сразу практическую силу его ума, оцѣнилъ его энергію, восхищался вмѣстѣ со старымъ Мишо и со всѣми слугами въ домѣ и со всѣмъ городомъ его независимымъ образомъ дѣйствій относительно западныхъ агентовъ. Да! я готовъ былъ вмѣстѣ съ другими яніотами гордиться имъ, какъ будто онъ былъ *нашъ*... *нашъ* вполнѣ, а не только тѣмъ однимъ *нашъ*, что крестится въ церкви какъ мы и беретъ антидоръ, какъ мы, и какъ мы говѣетъ у *нашихъ* поповъ.

Все это такъ; но я съ этого же утра и бояться сталъ его гораздо больше, чѣмъ ожидалъ, и въ очахъ его примѣтилъ иныя сверканія, не веселыя, не радушныя, какъ

въ Загорахъ, а жесткія, острыя, какъ блескъ стальнаго ножа...

Возвращаясь съ маленькимъ Алéко въ консульство, я думалъ: «Однако, онъ бываетъ и грозенъ... Помни это, бѣдный мой Одиссей! Что ты, несчастный, предъ нимъ, когда онъ ничуть не боится Брешé и о знаменитыхъ министрахъ говоритъ кому вздумается такія вещи: Le valet! Le valette! Берегись теперь и умѣй понравиться ему. Это, ты видишь, теперь вовсе не такъ легко. Онъ можетъ обласкать тебя, какъ почтеннаго капитана Мишо или эту негодную, хотя и забавную Зельху, но онъ можетъ и выгнать тебя, какъ выгналъ Понтикопеци, даже и гнѣваться на него не удостоивая, а такъ выгнать, какъ гонитъ сильный вѣтеръ соръ и пыль по дорогѣ!..»

Я впалъ въ другую крайность, размышляя такъ. Опять улыбаясь простеръ ко мнѣ щедрую десницу свою Благовъ и воскликнулъ, увидавъ меня:

— Садись же, садись! ѣшь скорѣе! Ты, я думаю, очень голоденъ, бѣдный... Кольйо! Давай ему больше, больше!.. Вообрази себѣ, я только сейчасъ узналъ, что ты не у насъ тутъ живешь, а у священника, и еще что тебя турки крѣпко побили... Кольйо! Положи ему ты самъ на тарелку. Онъ можетъ быть думаетъ, что образованность требуетъ брать поменьше!

Потомъ, обращаясь къ г. Бакѣеву, консулъ сказалъ ему довольно серьезно:

— Напрасно вы не потрудились дочесть моей записки. Я на вѣтеръ словъ не люблю говорить. Я пригласилъ его отца къ себѣ въ домъ—этого довольно...

Г. Бакѣевъ ему на это стремительно и кротко:

— Александръ Михайловичъ! Vous comprenez...

А Благовъ:

— Non, je ne comprendrai jamais une impolitesse semblable. А статистику его вы, конечно, также не перевели?..

— Александръ Михайловичъ, voyez-vous, Александръ Михайловичъ!

Но Александръ Михайловичъ былъ неумолимъ:

— Вотъ, если бы вы меньше занимались слезами *бѣдныхъ огородниковъ, пролитыхъ обильно подъ сѣнью двуглаваго орла*, такъ и прекрасный трудъ его отца давно бы былъ тамъ, гдѣ онъ долженъ быть...

Г. Бакѣевъ покраснѣлъ ужасно и, въ сильной досадѣ, откидываясь на спинку своего кресла, воскликнулъ:

— У всякаго свой слогъ и всякій свободенъ въ выборѣ выраженій... мнѣ кажется!..

На это г. Благовъ отвѣтилъ ему одну вещь, которой значенія я до сихъ поръ не могу понять, хотя и очень много видѣлъ, узналъ и прочелъ съ тѣхъ поръ.

Онъ сказалъ ему по-русски:

— Курскіе помѣщики хорошо пишутъ! (Помѣщики значитъ—благородные, дворяне... Не уроженецъ ли Курской области былъ г. Бакѣевъ?)

Послѣ этого консулъ заставилъ меня подробно разсказать о дѣлѣ Назли и моемъ, несмотря на присутствіе за обѣдомъ маленькой турчанки, которая, впрочемъ, по-гречески говорила очень дурно, а серьезныхъ разговоровъ и вовсе не могла понять.

Однако осторожность никогда не мѣшаетъ, и я старался, съ одной стороны, въ разсказѣ моемъ избѣгать собственныхъ именъ и званій, а съ другой — уклонялся всячески отъ слишкомъ яснаго изображенія дѣйствій г. Бакѣева, боясь и его (безъ того огорченнаго) оскорбить и противу себя возстановить какъ-нибудь. Я не говорилъ: «Назли, митрополитъ, попъ Ко́ста, попъ Арсеній, Сулейманъ-дервишъ»; я говорилъ: «Нашъ больщой іерей—про митрополита, а про Ко́сту—*тотъ, который все дѣлаетъ, знаете?* А про Назли́—*и прозели́тосъ* (прозелитка)». Зельха́ знала только: *деспотъ-эффенди*; слово *іерей* для нея было не такъ понятно, какъ *попъ*, а *прозелитка*—для нея было то же, что для меня «курскій помѣщикъ».

Консулъ былъ благосклоненъ и внимателенъ, и я, ободряясь все болѣе и болѣе, одушевляя себя воспоминаніями этихъ событій, еще столь недавнихъ и для меня конечно очень важныхъ, чувствовалъ самъ, что говорю хорошо,

выразительно и просто, и искусно въ одно и то же время.

Я говорилъ такъ: «Тогда... какъ я вдругъ увидалъ предъ собою на базарѣ этого *страшнаго юродиваго съ сѣкирою*, дрогнуло у меня сердце!.. Однако, слава Богу, мы дошли куда нужно съ *тою женщиной, съ прозелиткой*, и пріѣхалъ *главный іерей нашъ*, и нашелъ ее *у гробницы святого*; онъ пожалѣлъ ее и послалъ меня сюда къ г. Бакѣеву. Г. Бакѣевъ дальше самъ изволитъ знать все это лучше меня...»

О *софтѣ* и *сеисѣ* я говорилъ открыто: тутъ нечего было скрывать.

Г. Благовъ слушалъ меня съ дружескою, ободряющею улыбкой и только два раза прервалъ меня. Разъ онъ сказалъ мнѣ самому: «Ты хорошо говоришь. И ты очень ловокъ, я вижу. Изъ тебя со временемъ выйдетъ, я вижу, прекрасный драгоманъ!» (Тріумфъ, послѣ котораго вся кровь во мнѣ взыграла, и я заговорилъ еще умнѣе и лучше).

А другой разъ, когда, желая яснѣе отличить *іерея* Арсенія отъ *іерея* Кости, я движеніемъ руки показалъ на груди своей какъ бы большую бороду, спрашивая: «Вы понимаете, ваше сіятельство?» Г. Благовъ отвѣчалъ мнѣ: «Подожди минуту, сейчасъ!..» И, обратясь къ Бакѣеву и къ Бостанджи-Оглу, которые оба сидѣли унылые и сумрачные, онъ сказалъ имъ: «Этимъ жестомъ Одиссей напомнилъ мнѣ мой собственный жестъ. *Тамъ*, знаете, *у границы, гдѣ колоколъ*... Сидѣли мы одни съ этимъ каймакамомъ, который объявилъ мнѣ, что «воздухъ моего благоуханія дошелъ и до него», и говорили откровенно объ этомъ дѣлѣ... Мнѣ хотѣлось расположить его къ намъ какимъ-нибудь обѣщаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ связывать себя словомъ не хотѣлось. Я сказалъ ему: «Эффенди, вамъ самимъ выгодно угодить большинству населенія, и сверхъ того вы понимаете, что *мы*, русскіе, одной вѣры съ ними. Намъ это пріятно, и Россія никогда, вы это знаете сами, услугъ не забываетъ». И, говоря это, я вотъ точно такъ, какъ онъ теперь, провелъ рукой около шеи по груди... какъ орденъ виситъ. И каймакамъ такъ хорошо понялъ меня, что покраснѣлъ и глаза

опустилъ отъ смущенія... Ну, продолжай теперь (сказалъ мнѣ, кончивъ свой разсказъ, Благовъ). Ты видишь, я даже тебѣ подражаю... «*Тамъ, на границѣ, гдѣ колоколъ...*» У васъ надо этому здѣсь учиться у грековъ, у болгаръ и армянъ. Вы, я думаю, когда родитесь, то не просто родитесь, какъ въ другихъ мѣстахъ люди, а какъ-нибудь политически и тонко...»

Такъ шутя хвалилъ меня консулъ. Когда же я разсказалъ о томъ, какъ меня били турки и какъ велики были пятна на боку и спинѣ моей, Благовъ воскликнулъ: «Каково!» И спросилъ у Бакѣева: «Что же было сдѣлано?»

Бакѣевъ отвѣчалъ: «Ничего. Вы знаете турецкія проволочки. Свидѣтелей не было».

Консулъ, помолчавъ, сказалъ: «Конечно, если свидѣтелей не было, то турки пожалуй правы... Я самъ на ихъ мѣстѣ поступилъ бы такъ. Но... *На своемъ мѣстѣ* я теперь сдѣлаю иначе!»

«A la Bréchet?» попробовалъ было сказать съ насмѣшкою Бакѣевъ, но консулъ отвѣчалъ ему весело: «Да, à la Bréchet!»

И обратясь опять ко мнѣ, онъ прибавилъ: «Мы сегодня же отыщемъ твоихъ недруговъ и накажемъ сами ихъ крѣпко!»

Такъ кончился разговоръ со мной.

Бостанджи-Оглу съ самаго начала обѣда, какъ я сказалъ, уже сидѣлъ опустивъ глаза и всячески старался привлечь на свою тоску и отчаяніе вниманіе г. Благова, но это ему долго не удавалось; наконецъ консулъ заговорилъ о Коэвино.

— Мнѣ такъ досадно,—сказалъ онъ,—что я доктора до сихъ поръ не видалъ. Не понимаю, отчего онъ не пришелъ обѣдать. Мнѣ одну минуту даже послышался его голосъ внизу... Какъ будто его рѣзали...

Тогда Бостанджи-Оглу, принявъ видъ еще болѣе обиженный, привсталъ немного со стула, покраснѣлъ, на глазахъ его показались слезы, и онъ началъ такъ:

— *Киріе прбксене!* Коэвино точно былъ внизу въ канце-

ляріи... Я говорилъ ему о вашемъ приглашеніи... И онъ безъ всякой причины выругалъ меня подлецомъ, побродягой... Нѣтъ! Я продолжать не могу... Пусть Одиссей разскажетъ... Онъ былъ свидѣтелемъ...

— Что такое? что такое?—спросилъ консулъ съ удивленіемъ.

Я разсказалъ ему, какъ Коэвино хвалилъ его и отца его, и бранилъ Брешé и отца Брешѐ, какъ онъ потомъ долго настаивалъ, чтобы Бостанджи-Оглу согласился съ нимъ, будто бы у него, доктора, очень много сходства въ характерѣ и во всемъ съ г. консуломъ... За это и произошла ссора, потому что Бостанджи-Оглу отвѣчалъ: «Далеко вамъ до г. Благова!»

Разсказывая, я руководился одною мыслью—сказать правду (я все заботился прежде всего о себѣ, чтобы всячески угодить г. Благову); но мнѣ было вмѣстѣ съ тѣмъ и жалко доктора; я ожидалъ, что г. Благовъ сейчасъ же начнетъ утѣшать своего огорченнаго писца и пообѣщаетъ ему принудить доктора извиниться... Такъ, мнѣ казалось, требовали и справедливость, и даже собственное самолюбіе консула; ибо нельзя же человѣку, хотя бы и доброму и, можетъ быть, умному, но надъ которымъ всѣ смѣются, позволить безнаказанно сравнивать себя, стараго безумца и малодушнаго хвастуна, съ кѣмъ же?.. съ представителемъ Россіи, блестящимъ консуломъ, котораго всѣ чтутъ и даже боятся!.. Я все еще не могъ рѣшить, что̀ такое этотъ Коэвино, нарушавшій такъ безсовѣстно всѣ *наши* мѣстныя, столь опредѣленныя, столь древнія и столь ясныя правила житейской мудрости, общественныхъ приличій и даже нерѣдко и нравственности (напримѣръ въ открытой близости къ Гайдушѣ или въ дѣлѣ съ женой почтеннаго Арванитаки).

Каково же было мое удивленіе, когда я увидалъ, что г. Благовъ не придалъ всему этому дѣлу ни малѣйшаго значенія и, смѣясь отъ всего сердца моему разсказу, воскликнулъ:

— Бѣдный Коэвино! бѣдный! Какъ жаль мнѣ, что это случилось...

Я смотрѣлъ въ недоумѣніи на всѣхъ, и всѣ мои понятія о справедливости и о правахъ консульскаго самолюбія пошатнулись и пришли въ какое-то смятеніе.

— А дальше что?—спросилъ г. Благовъ у Бостанджи.

И Бостанджи-Оглу самъ казался еще больше меня удивленъ... Не думалъ ли и онъ, что консулъ скажетъ: «послать за Коэвино!» Или какъ мнѣ про сеиса и софту: «Мы отыщемъ и накажемъ его!»

— Дальше что?—переспросилъ Бостанджи-Оглу, робко понижая голосъ.—Дальше, онъ ушелъ.

Г. Благовъ молча кушалъ; и мы всѣ молчали. Бостанджи-Оглу, не дождавшись ничего отъ консула, до того, наконецъ, вышелъ изъ себя, что возобновилъ разговоръ почти съ крикомъ изступленія:

— Господинъ Благовъ, что жъ мнѣ дѣлать? Этотъ человѣкъ глубоко оскорбилъ меня! Я не лодочникъ, не слуга простой... Я не могу послѣ этого служить болѣе при консульствѣ...

— Не служи,—отвѣчалъ консулъ. И опять спокойно продолжалъ кушать.

Но раздраженіе Бостанджи-Оглу дошло до отчаянія, и онъ опять закричалъ дрожащимъ голосомъ, весь красный и поднимая руки высоко надъ головой:

— *Киріе прѳжсене*! Я вашу честь защищалъ... Васъ! Ваше достоинство...

Тогда и лицо г. Благова немного побагровѣло; въ глазахъ его сверкнулъ тотъ стальной блескъ, который мнѣ такъ памятенъ. Онъ отвѣчалъ писцу своему медленно, но выразительно:

— А кто, скажи мнѣ, просилъ тебя защищать мою честь? Я тебѣ поручалъ развѣ это? Докторъ, наконецъ, прекрасный человѣкъ. Вотъ если бы кто-нибудь меня къ тебѣ приравнялъ—это было бы мнѣ грустно. Если ты оскорбился, вызови на дуэль господина Коэвино. А мнѣ какое дѣло до того, что онъ тебя оскорбилъ? Впрочемъ, формальное прошеніе ты можешь подать, если хочешь. Мы начнемъ дѣло съ англійскимъ консульствомъ, подъ начальствомъ котораго

докторъ состоитъ. Въ этомъ я тебѣ препятствовать, къ несчастію, не имѣю права.

И потомъ, помолчавъ немного, консулъ прибавилъ еще съ недобрымъ выраженіемъ лица, но весело, какъ бы наслаждаясь терзаніями жертвы своей:

— Вмѣсто того, чтобы защищать меня тамъ, гдѣ не надо, ты бы лучше, мой любезный другъ, исполнилъ мою старую просьбу, за обѣдомъ не *чавкать*. Это непріятно.

«*Чавкать? чавкать?*», спрашивалъ я себя въ безпокойствѣ. Этого глагола я не зналъ по-русски. Но вслушавшись, что въ эту минуту Бостанджи-Оглу вдругъ пересталъ дѣлать ртомъ «плакъ-плакъ!» при жеваніи, я немного испугался за себя; ибо иногда я дѣлалъ это, по мѣстному обычаю, существующему у насъ въ самыхъ хорошихъ архонтскихъ домахъ. Такъ вкуснѣе, слышнѣе вкусъ; что дѣлать, надо впередъ остерегаться и мнѣ! Буду знать!

Обѣдъ нашъ приближался къ концу. Г. Благовъ, который очень повеселѣлъ послѣ того, какъ уничтожилъ обоихъ сослуживцевъ своихъ, обратился снова ко мнѣ и сталъ шутить со мной.

— Знаешь, — сказалъ онъ, — мнѣ твоя турецкая одежда очень нравится. Я тебя срисую въ ней непремѣнно. Я тебя срисую вмѣстѣ съ Зельхóю и Хаджи-Сулейманомъ. Это будетъ семья дервиша, сынъ и дочь... Хочешь?

— Какъ прикажете! — отвѣчалъ я, опять изумляясь и краснѣя; мнѣ показалось это очень обидно.

Г. Благовъ прибавилъ еще, оглядывая издали мой мѣхъ:

— Это рысь... Раскрой немного полу. Вотъ такъ. Славная шубка! Да! я забылъ. Ты можешь, если хочешь, перейти въ консульство жить, пока твой отецъ вернется. У тебя прекрасный почеркъ, и если у тебя останется время отъ уроковъ, ты можешь помочь намъ переписывать отцовскую статистику. Я тебѣ за это могу по окончаніи нѣсколько золотыхъ дать изъ казенныхъ суммъ. Впрочемъ, какъ знаешь, это твое дѣло.

Я выразилъ не только согласіе, но и живѣйшую ра-

дость мою и сказалъ, что, благословясь у отца Арсенія, напишу матери и перейду завтра.

— Кольйо, приготовь ему маленькую комнату, окномъ въ садъ; и чтобы было все тамъ хорошо!—приказалъ г. Благовъ.

Въ это время явился опять кавассъ Маноли и подалъ Благову конвертъ отъ Брешѐ.

Г. Благовъ немного, чуть-чуть измѣнился въ лицѣ и, обернувъ конвертъ раза два, туда и сюда, положилъ его нераспечатаннымъ на столъ и сказалъ кавассу: «Хорошо».

Г. Бакѣевъ встревожился гораздо больше его и, видя, что консулъ молчитъ и задумчиво играетъ апельсиномъ, онъ сказалъ:

— Вы бы распечатали, Александръ Михайловичъ, скорѣе. Быть-можетъ, онъ извиняется предо мной.

Г. Благовъ отвѣчалъ ему, раздумывая:

— Это особый случай!.. Я вамъ объясню это послѣ, и вы согласитесь со мной. Вѣрьте мнѣ, что для васъ же будетъ лучше, если я не распечатаю.

— Будетъ ли это правильно?—спросилъ Бакѣевъ тревожно.

— Что́ же вамъ до этого?—возразилъ консулъ и велѣлъ кликнуть Маноли.

Отдавая кавассу французскій конвертъ, онъ сказалъ ему:

— Отнеси это самъ господину Брешѐ и скажи ему вѣжливо, что я не могу принять отъ его консульства ничего послѣ той бумаги, которую я ему послалъ сегодня. Вѣжливо. Посмотримъ, какъ ты скажешь?

Маноли вздрогнулъ, выпрямился и началъ:

— *Киріе прѳжсене*! Я скажу господину Брешѐ такъ: сіятельнѣйшій господинъ консулъ! Господинъ Благовъ много вамъ кланяется и приказалъ мнѣ вручить вамъ этотъ вашъ конвертъ и сказать, что онъ не можетъ, къ величайшему сожалѣнію своему, распечатать его послѣ той дипломатической ноты, которую онъ имѣлъ честь сообщить вамъ, господинъ консулъ, сегодня поутру.

Г. Благовъ засмѣялся, и Бакѣевъ даже улыбнулся на эту рѣчь архистратига.

Консулъ сказалъ тогда:

— Хорошо. И «величайшее сожалѣніе», и «честь имѣлъ», и даже «ноту»—это все ты можешь сказать, а что *я много кланяюсь* ему, этого ужъ лучше не говори. Ты вообще, я вижу, хорошо говорить умѣешь.

Боже! что сдѣлалось съ Маноли! Онъ вдругъ весь вскипѣлъ отъ радости и воскликнулъ:

— М-сье Благовъ! Я за консульство Его Величества и за ваше благородіе готовъ жизнь мою положить!

— Ты надѣнь большую бурку, Маноли, когда пойдешь. Сегодня ужасно холодно.

— Морозъ, эффенди! Ужасъ! Замерзаніе! — закричалъ Маноли, простирая руки къ небу.

— Да! А ты ходишь въ одномъ бархатѣ и галунахъ,— ласково укорялъ его консулъ. — Я очень люблю тебя за то, что ты не жалѣешь денегъ на одежду и богаче всѣхъ въ Янинѣ одѣтъ. Но потому-то и надо беречь себя, что ты человѣкъ нужный. А что озеро?

— Все замерзло. Одинъ человѣкъ сдѣлалъ три шага по льду, но все озеро вдругъ взревѣло ужаснымъ ревомъ, какъ звѣрь, и этотъ человѣкъ убѣжалъ. И другіе люди въ страхѣ разсѣялись въ разныя стороны и возвратились въ жилища свои.

Такъ отвѣчалъ Маноли, и консулъ, отпустивъ его съ конвертомъ, обратился къ г. Бакѣеву и сказалъ ему:

— Все будетъ по-нашему. Все хорошо. Только знаете,— продолжалъ онъ, вздохнувъ слегка: — у насъ сумѣютъ ли защитить своего... Мы стали такъ уступчивы. Я думаю, уступчивѣе этихъ несчастныхъ турокъ.

Въ этомъ смыслѣ они продолжали довольно долго разговаривать между собою. Г. Бакѣевъ, повидимому, опять простилъ своему начальнику его насмѣшки, а консулъ началъ объяснять ему, почему онъ не хочетъ распечатать французскаго конверта; онъ говорилъ: «Если эта бумага нѣчто въ родѣ извиненія или объясненіе въ примири тель-

номъ духѣ, то мы будемъ вынуждены принять эти объясненія и удовлетвореніе наше не будетъ гласно и блистательно. А если онъ пишетъ новыя дерзости (что болѣе съ его нравомъ сообразно), то намъ станетъ послѣ прочтенія труднѣе достигнуть двойного, такъ-сказать, нравственнаго вознагражденія за двойной проступокъ. Даже его собственному французскому начальству станетъ тогда труднѣе опредѣлить мѣру его наказанія, ибо на все есть предѣлъ, и нельзя же требовать лишняго отъ сильной и гордой державы».

Мнѣ очень хотѣлось внимательно дослушать и понять все это, и я дослушалъ и понялъ, хотя это было мнѣ вовсе не легко. Зельха все время мѣшала мнѣ. Она ничего почти не ѣла, скучала, что ею никто не занимается, и давно уже то морщилась, то черезъ столъ подавала мнѣ разные знаки; то издали еще кричала, топая ногой на Кольйо: «Не хочу! Не подавай мнѣ этого кушанья!» начинала жевать *мастику* *) и, надувая ее воздухомъ, дѣлала изъ нея пузыри и дразнила меня ими. Въ душѣ на нее я ничуть не сердился и даже она все больше и больше начинала нравиться мнѣ; но я все-таки старался усмирить ее всячески, угрожалъ бровями, взглядами, движеніемъ головы... Все было тщетно!

Наконецъ она взяла конфетку изъ вазы и бросила ею въ меня. Это такъ сконфузило меня, что я уже не могъ болѣе слѣдить внимательно за дѣловымъ разговоромъ Бакѣева съ Благовымъ и успѣлъ запомнить только одну фразу консула:

«*Онъ* (кто былъ *онъ*, я не знаю) говоритъ про всѣхъ насъ, консуловъ, такъ: «tous ces consuls ne sont que *de la drogue!*» Но это не бѣда (прибавилъ Благовъ смѣясь), онъ человѣкъ прекрасный и очень даровитый. Я его очень уважаю».

— Что значитъ это выраженіе: «de la drogue?»—спросилъ Бакѣевъ съ удивленіемъ. — Я, признаюсь, не понимаю его хорошо.

---

*) *Мастика* — родъ бѣлой смолы, которую имѣютъ привычку многіе жевать на Востокѣ.

Благовъ объяснилъ ему, что это значитъ: «горькое, ядовитое *зелье*, противное лѣкарство или просто *дрянь*».

Слушая это, я подумалъ:

«Ну, какая же дрянь Благовъ, напримѣръ? Какое онъ *горькое зелье?* Что за вздоръ! А вотъ эта дрянная и дурно воспитанная дѣвчонка правда, что горькое зелье и ядовитая травка... Все она шалитъ и все меня дразнитъ, а я все хочу смотрѣть на нее. Зачѣмъ—не знаю!»

Когда мы вышли изъ-за стола, г. Благовъ сказалъ мнѣ, садясь на диванъ:

— Ну, Одиссей, сейчасъ послѣ кофе пойдемъ софту и сейса отыскивать.

Но я вдругъ пожалѣлъ моихъ враговъ и простилъ ихъ. Вполнѣ счастливый отъ всего того, что случилось со мной за обѣдомъ, радуясь несказанно и потому, что перейду въ консульство, и потому, что получу *первыя* въ моей жизни золотыя деньги за трудъ... (И за какой трудъ!.. за письмо въ Императорскомъ консульствѣ. Ужъ это что-то даже къ недосягаемой чертѣ посольствъ и министерствъ великихъ ведущее! Неужели?) вполнѣ счастливый, говорю, я почувствовалъ внезапно, что *всепрощающій христіанинъ* беретъ въ смягченномъ сердцѣ моемъ перевѣсъ надъ *мстительнымъ* грекомъ и сказалъ:

— Оставимъ ихъ, м-сье Благовъ, если позволите... Я имъ прощаю.

Но консулъ отвѣчалъ:

— Ты прощаешь, но я не прощаю. Мнѣ не тебя жалко вовсе; я хочу, чтобъ они знали всѣ, что не только сына нашего драгомана тронуть нельзя, но и маленькаго Алéко, пока онъ живетъ въ нашемъ консульствѣ. Сейчасъ кончимъ кофе и пойдемъ.

Цвѣтущій Кольйо подавалъ въ это время своими *знаменитыми* руками всѣмъ намъ кофе въ черныхъ чашечкахъ съ филигранными серебряными *зарфиками* *).

---

*) Подставки турецкія подъ чашки, вмѣсто блюдечка. Въ Янинѣ недурно работаютъ серебряныя вещи. *Авт.*

Когда мы всѣ взяли чашки, Кольйо сказалъ консулу:

— Эффенди! Могу я вамъ только одно слово сказать?

— Говори, Кольйо,—отвѣчалъ ему Благовъ очень ласково.—Ужъ не поссорился ли и ты съ кѣмъ-нибудь? У васъ тутъ все ссоры, я вижу...

— Нѣтъ, эффенди! — съ чувствомъ воскликнулъ добрый Кольйо: — Нѣтъ! Я ни съ кѣмъ, эффенди мой, не ссорюсь... А мнѣ только очень жалко! Маленькій Алéко внизу сѣлъ и плачетъ *черными* слезами.

Г. Благовъ, услыхавъ это, обнаружилъ тотчасъ же большое участіе; онъ спросилъ поспѣшно, о чемъ плачетъ мальчикъ, и Кольйо объяснилъ ему, что озеро давно совсѣмъ уже застыло и что уже скоро двое сутокъ, какъ нѣтъ съ острововъ сообщенія; лодки давно перестали ѣздить, по льду никто перейти не можетъ, и на островѣ у людей нѣтъ можетъ быть ни хлѣба, ни угольевъ для мангаловъ, потому что они почти все покупаютъ каждый день изъ города.

Выслушавъ это, г. Благовъ спросилъ:

— А паша, ты не слышалъ, ничего туда не посылаетъ?

Кольйо отвѣчалъ ему на это простодушно:

— Развѣ вы, эффенди, турокъ не знаете? Вы знаете ихъ.

Тогда Благовъ послалъ за маленькимъ Алéко. Сиротка пришелъ въ своихъ старыхъ суконныхъ шальварчикахъ и поношенной маленькой *флокатѣ* *). Глаза его были полны слезъ. Онъ подбѣжалъ къ консулу и поцѣловалъ плача его руку.

Г. Благовъ погладилъ его по головѣ и сказалъ ему: «О чемъ ты плачешь, мой бѣдный Алéко, о чемъ?» съ такимъ ласковымъ выраженіемъ, съ такимъ искреннимъ чувствомъ, какого я еще ни разу не замѣчалъ у него.

Мальчикъ отвѣчалъ:

— Боюсь, мать моя замерзнетъ и умретъ тамъ. У нея и хлѣба нѣтъ!

Господинъ Благовъ оставилъ свой кофе недопитымъ.

---

*) *Флоката* — бѣлая косматая албанская верхняя одежда, весьма красивая. *Авт.*

всталъ тотчасъ же и, сказавъ мнѣ: «твоихъ сеиса и софту отложимъ до завтра!», велѣлъ подать себѣ шубу и пригласилъ съ собою г. Бакѣева:

— Пойдемте, посмотримте, что̀ тамъ такое на озерѣ случилось.

Потомъ онъ взялъ Алéко за грязную его руку такъ, какъ взялъ бы маленькаго брата своего, и повелъ его за собою, говоря: «Не плачь, не плачь, Алéко! Мы вмѣстѣ съ тобой перейдемъ озеро и отнесемъ матери и хлѣба, и угольевъ, и денегъ!»

Г. Бакѣевъ, увидавъ, что консулъ, повидимому, задумалъ попробовать *по-русски* по льду пройти, уклонился отъ этой прогулки и сказалъ, что онъ все-таки очень взволнованъ и разстроенъ и пойдетъ домой.

Тогда г. Благовъ сказалъ:

— Ну, хорошо, такъ я приглашу съ собой Киркориди и Ашенбрехера. Мы *коллективно* перейдемъ озеро. Они же оба толстые, можетъ быть и провалятся. Это въ своемъ родѣ тоже будетъ недурно. Греки рѣшатъ, что я ихъ съ политическою цѣлью утопилъ нарочно. Пойдемъ, Алéко!

Они ушли, и оба кавасса съ ними; и Кольйо пошелъ за ними изъ любопытства. А я, такъ же, какъ и Бакѣевъ, изъ боязни, чтобъ и меня не заставилъ консулъ переходить черезъ ледъ, пошелъ къ Несториди, съ которымъ мнѣ сверхъ того и повидаться очень хотѣлось.

XIV.

Несториди былъ дома. Онъ получилъ должность при гимназіи нашей и пріѣхалъ въ городъ пока еще безъ семьи. Добрая его кира-Марія съ дѣтьми должна была пріѣхать позднѣе.

Онъ нанялъ себѣ скромную квартиру, недалеко отъ училища и отъ русскаго консульства, и я засталъ его сидящимъ съ ногами на диванѣ, еще не обитомъ ситцемъ, у пылающаго очага и въ такой же турецкой шубѣ съ широ-

кими рукавами, какая была на мнѣ. У него было двое гостей, Исаакидесъ и еще одинъ человѣкъ, котораго я никогда въ Янинѣ не видывалъ.

Незнакомецъ этотъ былъ роста высокаго, плечистъ, полонъ, красивъ; у него были очень большія и густыя бакенбарды, черныя и съ небольшою сѣдиной. Онъ безпрестанно былъ занятъ ими, взглядывалъ на нихъ искоса, подкручивалъ ихъ, расправлялъ въ стороны, составляя изъ нихъ, вмѣстѣ съ настоящими усами, другіе усы, очень длинные. Одѣтъ онъ былъ чисто и не бѣдно: пальто на немъ было изъ очень хорошаго и толстаго трико; на груди золотыя запонки, на рукѣ большой перстень съ розовымъ круглымъ яхонтомъ. Лицо его было веселое и доброе; на видъ ему казалось лѣтъ развѣ пятьдесятъ (въ самомъ дѣлѣ ему было около шестидесяти). Онъ былъ похожъ больше на богатаго шкипера съ острововъ, добраго и воинственнаго, чѣмъ на осторожнаго купца нашихъ странъ. Но онъ былъ купецъ и очень богатый. Родомъ онъ былъ кажется съ одного изъ острововъ Архипелага, но жилъ и торговалъ давно уже въ Болгаріи шелковыми коконами и пшеницей. Онъ велъ дѣла и въ Марсели, и въ Англіи, и въ Одессѣ. Сюда онъ пріѣхалъ не надолго, не знаю, по какой нуждѣ. Имя его было Пѣтро Хаджи-Хамамджи. Турки же его звали Дели-Пѣтро (безумный, отчаянный Пѣтро) и даже такъ титуловали его въ казенныхъ документахъ, въ судахъ и пригласительныхъ привѣтствіяхъ.

Входя въ квартиру Несториди, я еще изъ прихожей услыхалъ громкій хохотъ и узналъ даже голосъ моего суроваго наставника, который такъ рѣдко смѣялся. Хаджи-Хамамджи что-то говорилъ.

Несториди мнѣ обрадовался; я прочелъ это во взглядѣ его. Мы обнялись; я спросилъ о здоровьѣ моихъ родныхъ и его семьи, и онъ сказалъ мнѣ, что слухъ о томъ, какъ я былъ побитъ турками, дошелъ туда давно, что мать моя была очень испугана и совсѣмъ собралась ѣхать сюда, несмотря на проливной дождь... «но я отговорилъ ее», сказалъ Несториди. Бабушка Евгéнко очень радовалась, что

я такой юный и сподобился пострадать за вѣру. «Имѣетъ вѣнецъ на небеси у Бога за это!»—говорила она всѣмъ.

Мнѣ было очень пріятно все это слышать. Несториди пригласилъ меня сѣсть, а Хаджи-Хамамджи спросилъ у него, подставляя руку къ уху (такъ какъ онъ былъ немного глухъ): «Кто этотъ прекрасный юноша?» Несториди отвѣчалъ ему, что я сынъ одного изъ загорскихъ старшинъ, и прибавилъ: «Мальчикъ не дурной. Отецъ же его — одинъ изъ добрѣйшихъ и благороднѣйшихъ у насъ людей».

Хаджи-Хамамджи любезно кивнулъ мнѣ головой: «Очень хорошо. Радуюсь!» И потомъ спросилъ у Исаакидеса и хозяина.

— Будемъ мы продолжать?

— Конечно, конечно! — отвѣтили тѣ, и на лицахъ ихъ тотчасъ же явилась улыбка въ ожиданіи одномъ, что скажетъ имъ Дели-Пѣтро.

Дели-Пѣтро откашлянулся, расправилъ бакенбарды и, ставъ величественно посреди комнаты, продолжалъ рѣчь, которую видно я на мигъ прервалъ моимъ приходомъ.

— Итакъ, я сказалъ,—началъ онъ, дѣлая томные глаза и все играя бакенбардами, — я сказалъ, что русскіе бываютъ нѣсколькихъ и даже очень многихъ сортовъ. Прежде всего великіе русскіе; потомъ малые русскіе, иначе называемые у насъ на Дунаѣ *и Хоходлидесъ*. Есть еще русскіе-германцы; люди не плохіе, подобные Дибичу Забалканскому, и наконецъ есть еще... особые русскіе, издалека откуда-то, изъ Уральскихъ горъ, *Уральскій Россскій*. Таковъ былъ, напримѣръ, у насъ не господинъ Петровъ, который тамъ недавно, а его предмѣстникъ, господинъ Бунинъ... Я даже спрашиваю себя, зачѣмъ это Бу-*нинъ*... нинъ?.. Настоящій русскій долженъ быть *овъ* и *евъ*... Прежде всего *овъ*. Этотъ господинъ Бу-*нинъ* не имѣлъ въ себѣ того, нѣкоего тонкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ властительнаго вида, который имѣютъ всѣ благородные великоруссы, даже и тѣ изъ нихъ, которые не богаты. Таковъ былъ, напримѣръ, предмѣстникъ господина Бунина, генеральный кон-

сулъ м-сье Львовъ. При немъ господина Бунина никто не слыхалъ у насъ; онъ жилъ въ глухомъ и безвыходномъ переулкѣ, и, какъ Львовъ заговоритъ съ нимъ, онъ вотъ такъ (Хаджи-Хамамджи вытянулся и руки по швамъ). А какъ уѣхалъ Львовъ, и назначили его. Что за диво! думаю я, Бунинъ тамъ... Бунинъ здѣсь... Бунинъ наполняетъ шумомъ весь городъ... Бунинъ въ высокой косматой шапкѣ... У Бунина по положенію четыре кавасса турка, въ турецкихъ расшитыхъ одеждахъ съ ножами... да! А сверхъ положенія десять *охотниковъ* изъ грековъ, въ русской одеждѣ и въ военныхъ фуражкахъ. Бунинъ идетъ къ пашѣ — пять человѣкъ направо впереди, пять человѣкъ налѣво... А Бунинъ самъ въ большой шапкѣ. Monsieur Бунинъ здѣсь, говорю я, monsieur Бунинъ тамъ! Сегодня онъ съ беями другъ и пируетъ съ ними; завтра онъ видитъ, что бей слишкомъ обидѣлъ болгарина-поселянина; онъ беретъ самого бея, связываетъ его, сажаетъ на телѣгу и съ своимъ кавассомъ шлетъ въ Порту связаннаго... И турки молчатъ! Сегодня Бунинъ болгарскую школу учреждаетъ; завтра Бунинъ *идетъ самъ встрѣчать* новаго греческаго консула, котораго назначили нарочно для борьбы противу него, противу панславизма въ тѣхъ краяхъ, и самъ приготовляетъ ему квартиру. Сегодня Бунинъ съ пашою другъ. Онъ охотится съ нимъ вмѣстѣ; ѣстъ и пьетъ вмѣстѣ... «Паша мой! паша мой!» Завтра онъ мчится въ уѣздный городъ самъ верхомъ съ двумя кавассами и греками-охотниками; входитъ внезапно въ засѣданіе меджлиса. Мудиръ встаетъ. «Разъ—два!» Двѣ пощечины мудиру, и Бунинъ на коня и домой. И съ генералъ-губернаторомъ опять: «Паша мой! паша мой!» «Что такое? Что за вещь?» Вещь та, что мудиръ прибилъ одного болгарина, русскаго подданнаго; а паша слишкомъ долго не бралъ никакихъ мѣръ для наказанія мудира. Понимаете? «Мы съ пашой все друзья! Зачѣмъ мнѣ на него сердиться? Онъ безсиленъ для порядка, для строгаго исполненія трактатовъ, обезпечивающихъ жизнь, собственность, честь и подсудность иностранныхъ подданныхъ — такъ я самъ буду своихъ защищать..!»

А? Что скажете вы—не Уральскія это горы?.. (Такъ, кончивъ разсказъ свой, спросилъ Хаджи-Хамамджи съ удовольствіемъ, какъ бы сочувствуя этому уральскому духу Бунина).

Исаакидесъ былъ тоже очень доволенъ этимъ и сказалъ:

— Такихъ людей здѣсь надо!

Но Несториди замѣтилъ на это такъ:

— Что тутъ дѣлать Уральскимъ горамъ, добрый вы мой Хаджи-Хамамджи! У насъ Брешé изъ Парижа такой же...

Хаджи-Хамамджи, выслушалъ его, приклонивъ къ нему ухо, и вдругъ, топнувъ ногой, воскликнулъ:

— Не говорите мнѣ о французахъ! Извольте! Скажите мнѣ, Брешѐ пьетъ *раки* съ беями турецкими, такъ, что до завтрака онъ болѣе византійскій политикъ, а послѣ завтрака болѣе скиѳъ?

— Нѣтъ, не пьетъ; онъ почти и не видитъ у себя туровъ, — сказалъ Несториди.

— Извольте!—воскликнулъ Хаджи-Хамамджи. — А monsieur Бунинъ пьетъ. Бунинъ пьетъ! Брешѐ сидитъ *у порога* простой и бѣдной греческой хижины за городомъ, входитъ въ семейныя дѣла греческаго землевладѣльца или лодочника, миритъ его съ женой?.. Отвѣчайте, я васъ прошу!

— Ну, нѣтъ, конечно... — отвѣчали Исаакидесъ и Несториди.

— Извольте! А monsieur Бунинъ сидитъ у бѣднаго греческаго и у бѣднаго болгарскаго порога и говоритъ мужу: Ты, *братъ* (видите — *братъ*, *братъ!*), тоже скотиной быть не долженъ и жену напрасно не обижай; а то я тебя *наставлю на путь мой* и пойдешь ты по истинѣ моей... Извольте! Брешѐ строитъ самъ православный храмъ въ селѣ подгородномъ? Снявъ сюртукъ, везетъ самъ тачку? Роетъ землю лопатой для этого храма?.. Я за васъ отвѣчу — нѣтъ! У Брешѐ домъ полонъ друзей изъ болгаръ и грековъ?.. Я вамъ отвѣчу — нѣтъ! Къ Брешѐ *просятся* ли въ кавассы разоренные *сыновья богатыхъ беевъ*, которыхъ именъ однихъ когда-то трепетали мы всѣ?.. просятся въ ка-

вассы объдинѣвшія дѣти тѣхъ самыхъ янычаръ, на которыхъ султанъ Махмудъ до того былъ гнѣвенъ, что на каменномъ большомъ мосту рѣки Марицы, при въѣздѣ въ Адріанополь, *обламывалъ граненыя главы* столбовъ, украшавшихъ мостъ, когда онъ проѣзжалъ по мосту этому? Да! чтобы даже эти граненыя главки не *напоминали ему чалмы и колпаки янычарскихъ могилъ*... а къ Бунину просятся!

Хаджи-Хамамджи кончилъ и сѣлъ отдохнуть на минуту; всѣ молчали въ раздумьѣ.

Несториди, который сначала рѣчи смѣялся, сталъ печальнѣе подъ конецъ ея и размышлялъ что-то, облокотившись на руку. Наконецъ онъ началъ такъ:

— Пусть такъ! Я понимаю великую разницу между дерзостью и энергіей Брешѐ и дерзостью и энергіей того, что вы зовете духомъ *Уральскихъ горъ*. Я согласенъ, что эта скиоская патріархальная грубость имѣетъ въ себѣ нѣчто болѣе привлекательное, чѣмъ французская холодная злоба. Эти черты, которыя вы находите у Бунина, мы нерѣдко видимъ здѣсь и у турокъ, и должны сознаться, что...

Исаакидесъ перебилъ его съ негодованіемъ:

— Господинъ Несториди, что вы богохульствуете... Вы православнаго агента сравниваете съ этою сарацинскою мерзостью!..

Несториди мрачно взглянулъ на него изъ-подъ густыхъ бровей своихъ, попросилъ его подождать и продолжалъ:

— Разница, однако, та, что турки слабы, уступчивы и не бдительны. А Бунины только притворяются скиоами, въ самомъ же дѣлѣ они Меттерних въ образѣ скиоскомъ... Хорошо ли это для нашей греческой будущности? Вотъ о чемъ я думаю и вотъ единственная точка зрѣнія, съ которой мы, греки, должны смотрѣть на всѣхъ и на все во вселенной.

Выслушавъ все это, Дели-Пѐтро снова всталъ, простеръ руку, прося вниманія, и продолжалъ такъ свои разсужденія:

— Я не люблю французовъ. Англичане мнѣ нравятся

больше. Я люблю, чтобъ у націи было что-нибудь свое, мѣстное, ей собственно принадлежащее. Мнѣ нравится, что у англичанъ есть многое, только имъ однимъ свойственное. Какія-то любопытныя и даже безсмысленныя вещи. Чрезвычайно я это люблю! Но я не люблю, что англичанинъ *всегда* аристократъ... Это глупо. Другое дѣло — русскій. Сейчасъ онъ аристократъ самый гордый и грозный... «Пошелъ ты вонъ, такой-сякой!.. *кюпекъ-оглу* (сынъ собаки!)» — Хаджи-Хамамджи топнулъ ногой и крикнулъ на весь домъ сильнымъ голосомъ. — А потомъ...

Тутъ Хаджи-Хамамджи пріостановился, осмотрѣлся, какъ бы отыскивая кого-нибудь, увидалъ меня около себя, обнялъ меня одною рукой за плечо, нагнулъ ко мнѣ голову довольно нѣжно и совсѣмъ измѣнившимся голосомъ съ необыкновенною тонкою и вѣрною выразительностью представилъ немного угрюмую ласку русскаго солдата или даже офицера, говоря не совсѣмъ чистымъ русскимъ языкомъ:

— Ну, здравствуй, братъ! Какъ ты, братъ, поживаешь? Пойдемъ водочки выпьемъ.

Это было такъ вѣрно, этотъ внезапный переходъ отъ брани къ добротѣ до того былъ похожъ на манеру тѣхъ русскихъ военныхъ, которыхъ я еще такъ недавно въ дѣтствѣ моемъ видѣлъ въ Тульчѣ, что я забылъ всю скромность, надлежащую моему возрасту при старшихъ, и воскликнулъ съ восторгомъ:

— Что за правда это! Что за правда! Такіе они! такіе!

Несториди взглянулъ на меня подозрительно и, ни слова не говоря, показалъ мнѣ рукой, какъ будто человѣкъ погружается куда-то, ныряетъ во что-то.

— Это я, учитель? — спросилъ я. — Куда это? я не понимаю хорошо...

— Tu quoque, Brute! — сказалъ Несториди печально. — Куда? еще ты спрашиваешь? Въ потокъ панславизма...

Я не нашелся отвѣчать на этотъ укоръ. Дели-Пѣтро, однако, не умолкалъ.

— У русскихъ есть нѣчто, — продолжалъ онъ, — и вла-

стительное и примиряющее!.. Посмотрите у насъ здѣсь. Грекъ ненавидитъ турка; турокъ ненавидитъ грека и араба; *автохтонъ* Эллады не хочетъ признавать одинаковыхъ правъ за грекомъ, внѣ свободной Эллады рожденнымъ; болгаринъ тѣхъ странъ, гдѣ я живу, какъ мнѣ кажется, презираетъ болгарина-*шопа*; Сербія и Черногорія въ антагонизмѣ; друзы и мароните пылаютъ другъ противъ друга звѣрскою враждой... А русскому все равно. Ему всякій братъ. «Э! братъ! братъ!» Только не бунтуй противъ государя. Этого русскій требуетъ... Я вижу тутъ нѣчто глубокое. Я вижу тутъ не притворство, а естественное свойство русскаго духа. Во-первыхъ, я скажу и самъ про себя: я не *дипломатъ; я политикъ*. Je ne suis pas diplomate, mais je suis grand *politique*. Mon coeur est très large! Je n'ai pas un coeur de Metternich, mais ma *teste* (такъ говорилъ онъ вмѣсто tête) ma *teste* est de grand politique! Итакъ я вижу здѣсь нѣчто глубокое! Я вижу, что русскіе могутъ одинаково дѣйствовать съ успѣхомъ и на мусульманъ, и на православныхъ, и на буддистовъ, и на послѣдователей Конфуція... Тутъ можетъ быть сокрыты гигантскія предначертанія историческихъ судебъ. Былъ графъ Амурскій—будетъ графъ Заамурскій, будетъ графъ Брамапутрскій... Это вѣрно! «Пошелъ ты вонъ, такой-сякой! Сынъ собаки!» А потомъ—«Ну, какъ ты, братъ, поживаешь? Не выпить ли водочки?» А можетъ-быть... а можетъ-быть и наоборотъ... т.-е. прежде: «не выпить ли, братъ, намъ водочки?» И потомъ: «пошелъ вонъ!» И это вѣдь способъ недурной. А?

Тутъ уже всѣ, и Иссакидесъ, и я, и самъ Несториди засмѣялись громко.

Несториди тогда еще былъ далеко отъ мысли о союзѣ съ турками, да и теперь, когда онъ склонился, подъ вліяніемъ греко-болгарскаго дѣла, къ подобному союзу, его мысли были вовсе другія, почти противоположныя мыслямъ Дели-Пѣтро. Не изгонять правительство съ Босфора, не бунтовать противу него, вступая въ союзъ съ недовольною партіей мусульманъ, стало теперь цѣлью его; напротивъ

того, хранить султана на Босфорѣ до той минуты, пока эллины выждутъ себѣ удобнаго случая самимъ завладѣть наслѣдіемъ халифовъ. Такъ думаетъ теперь Несториди и всѣ передовые люди подобные ему.

Тогда онъ еще не дошелъ до этой мысли; славянское движеніе не казалось еще очень сильнымъ и опаснымъ; и не всѣ послѣдствія его можно было предвидѣть; церковнаго разрыва еще не было у насъ съ болгарами; а турки были въ то время гораздо суровѣе и смѣлѣе*)...

Тогда политическая мысль была труднѣе и запутаннѣе для такихъ людей, какъ Несториди, и единомышленниковъ его.

Однако онъ возразилъ на краснорѣчивыя рѣчи Дели-Пѣтро очень обдуманно, тонко и глубоко, хоть и съ односторонностью.

— Если русскіе, — сказалъ онъ, — имѣютъ въ себѣ тѣ два свойства, о которыхъ вы говорите, рѣдкую личную доброту и государственную строгость... то это-то и есть наше величайшее несчастіе. Они все возьмутъ! Иго ихъ будетъ легче всякаго другого ига, и нашего имени греческаго не останется...

— Греческое имя пропасть не можетъ! — съ жаромъ перебилъ Исаакидесъ. — Греки сохранились подъ нѣсколькими вѣками такого ужаснаго и дикаго ига, что имъ больше нечего бояться за свое будущее...

Несториди усмѣхнулся презрительно и, не возражая ему прямо, продолжалъ свою ясную и твердую рѣчь, въ которой каждое слово рѣзало какъ алмазъ:

— Греческое имя погибнетъ безслѣдно подъ давленіемъ стомилліоннаго славянства. Дружеское давленіе единовѣрцевъ опаснѣе вражескаго ига мусульманъ. Мусульмане не сливаются съ побѣжденными; они лишь одну часть ихъ претворяли прежде въ себя насиліемъ, посредствомъ обращенія христіанскихъ дѣтей въ янычарство, посредствомъ пропаганды, очень рѣдко удачной, посредствомъ браковъ

---

*) Дѣйствіе происходитъ въ 60—61—62 годахъ.

съ христіанскими дѣвицами, которыхъ дѣти тотчасъ же и отдѣлялись вовсе отъ родной націи, ихъ мать произведшей. Черта разграниченія оставалась глубока и понятна всякому. Но славяне? Но русскіе? Они будутъ ходить въ одну церковь съ нами, они какъ Бунинъ будутъ сами съ лопатой строить наши храмы; они будутъ вѣнчаться съ нашими дочерьми; они добры и ласковы; а начальство ихъ строго и искусно...

— Грекъ хитрѣе русскаго, — сказалъ Исаакидесъ.

— Да! Но Россія несравненно мудрѣе Греціи, братъ ты мой! — возразилъ Несториди. — Мы всѣ, разъ освободившись отъ турокъ, не хотимъ терпѣть никакихъ стѣсненій... И я первый таковъ. Мы всѣ аристократы, и каждый изъ насъ хочетъ быть первымъ. А въ Россіи люди покорны, и машина государства идетъ твердо и спокойно, раздробляя въ прахъ предъ собою все, что́ противится ей.

Дели-Пѣтро, который во время этого спора глупаго Исаакидеса съ умнымъ Несториди, сидѣлъ и наклонялся то туда, то сюда, приставляя руку къ уху своему и стараясь не проронить ни одного слова ихъ, всталъ тогда, взялъ шляпу, трость свою и сказалъ:

— Прежде чѣмъ пожелать доброй ночи гостепріимному хозяину, я требую еще одного слова... Выслушайте меня: Греки пропасть ни въ какомъ случаѣ не могутъ! Они вступили на историческое поприще еще за тысячу пятьсотъ какихъ-нибудь лѣтъ до Рождества Христова, и съ тѣхъ поръ ничто великое не можетъ свершиться безъ нихъ. Итакъ, возвращаясь къ русскимъ и къ ихъ всемірному владычеству, я скажу вотъ что. Кто-то изъ французовъ сказалъ: «Opposez-vous au mouvement, il vous écrase; mettez-vous à sa *teste*, vous le dominez». Итакъ русскіе — великая завоевательная нація. Она завоевательна даже иногда вопреки себѣ. Она изъ семи-восьми милліоновъ, съ которыми началъ Петръ Великій, почти не замѣчая сама того, возросла въ теченіе двухъ вѣковъ до семидесяти и болѣе. Пораженная, хотя и со славою, но все-таки пораженная въ Крыму, она пріобрѣтаетъ Кавказъ и Амуръ.

Россія *должна* расти даже вопреки себѣ. Нравится ли намъ, грекамъ, это или нѣтъ, она возьметъ Константинополь. Большому дому нужна большая дверь! Но эта аристократическая, завоевательная нація не способна къ развитію наукъ и искусствъ... У нея нѣтъ великихъ философовъ и поэтовъ... и знаменитыхъ во всемъ мірѣ художниковъ и ученыхъ... У нея есть вотъ какіе люди: великіе политики и полководцы... Но гдѣ у нихъ лордъ *Вѣронъ*? гда у нихъ Платонъ и Сократъ? Гдѣ у нихъ *о Нѣвтонос*ъ, *о Лѣжос*ъ?.. Вотъ назначеніе грековъ въ средѣ славянскаго океана: флотъ, торговля, искусство...

— Пусть будетъ и по-вашему, — сказалъ Несториди, провожая его въ прихожую...

— Что́ за дьяволъ! — вскрикнулъ вдругъ Дели-Пѣтро.— Теперь я вижу, что забылъ фонарь мой... И посадятъ меня турки въ *кулужъ* *) безъ него. Что́ мнѣ дѣлать!

Тогда я сказалъ ему:

— У меня есть фонарь, господинъ мой, не угодно ли, я васъ провожу?

Хаджи-Хамамджи горячо поблагодарилъ меня, и мы вмѣстѣ хотѣли уйти. Но Несториди спросилъ у меня:

— А Брешѐ? Ты былъ въ консульствѣ. Что́ тамъ дѣлается?

— Да, да, — подтвердилъ Хаджи-Хамамджи и поспѣшилъ подставить мнѣ ухо.

Я сказалъ, что все прервано съ Брешѐ, что я самъ переписывалъ даже циркуляръ, наконецъ разсказалъ и о томъ, какъ г. Благовъ не распечаталъ конверта француза.

Всѣ помолчали и переглянулись.

— Это хорошо! — сказалъ Несториди.

— Радуюсь, душевно радуюсь! — воскликнулъ Исаакидесъ. — Радуюсь за твердость благословенной нашей Россіи! Радуюсь!

А Хаджи-Хамамджи подумалъ, подумалъ и, обращаясь къ обоимъ собесѣдникамъ, весело сказалъ:

---

*) На гауптвахту.

— Чтó же это? Я хочу видѣть этого человѣка... этого Благова... Посмотрѣть, Бунинъ онъ или не Бунинъ... *Велико-Росскій* или *Малый-Росскій?* А? Вотъ мнѣ чтò любопытно! Вы сведете меня къ нему завтра?

Несториди отвѣчалъ, указывая на Исаакидеса:

— Вотъ человѣкъ русской партіи. Онъ сведетъ. Да и одни итти можете.

Послѣ этого мы простились и ушли вмѣстѣ съ Хаджи-Хамамджи. Дорогой онъ разспрашивалъ меня очень любезно объ отцѣ моемъ и о матери, и о гимназіи, и сказалъ мнѣ, что онъ въ Эпирѣ въ первый разъ и что Эпиръ ему больше нравится, чѣмъ Ѳракія и Македонія.

— Да, — отвѣчалъ я ему, — особенно у насъ въ Загорахъ всѣ люди очень умны.

— Загоры ваши — слава нашего греческаго племени. Сулія — слава воинская; Загоры — слава умственная и торговая, — сказалъ онъ.

У дверей церкви св. Марины мы простились; я просилъ его взять до завтра мой фонарь и принести его въ русское консульство, «въ которое я на-дняхъ совсѣмъ перейду по величайшему желанію самого консула», — прибавилъ я.

— А, — сказалъ Дели-Пѐтро, принимая отъ меня фонарь и смѣясь, — такъ вотъ почему учитель сказалъ, что вы погрузились совсѣмъ въ потокъ панславизма. Не бойтесь. Это ничего. Вы воспользуйтесь всѣмъ, чтó нужно вамъ отъ русскихъ, и вынырните опять эллиномъ... Каподистрія развѣ не остался лучшимъ изъ грековъ? А? Не бойтесь... Грекъ и растяжимъ, и крѣпокъ какъ сталь!.. Понимаете?.. Покойной ночи вамъ, мой добрый!

И, пожавъ мнѣ руку, любезный купецъ ушелъ съ моимъ фонаремъ.

Было уже около одиннадцати часовъ ночи, ибо разговоръ у Несториди продолжался долго. Наконецъ я рѣшился ударить въ дверь раза два не громко... И, къ стыду и удивленію моему, самъ священникъ, пройдя черезъ весь дворъ по снѣгу, отворилъ мнѣ дверь.

Я попросилъ у него прощенія, объясняя, что меня задержалъ Несториди, и онъ не сказалъ мнѣ ничего на это, только спросилъ:

— А Брешѐ?

Мы пришли наверхъ; у него горѣли еще свѣчи, и на турецкомъ столикѣ, поставленномъ на диванѣ, лежала развернутая книга Ветхаго Завѣта. Онъ опять трудился надъ своимъ албанскимъ переводомъ. Сѣвъ, онъ съ живостью переспросилъ меня еще разъ:

— А Брешѐ?

Я разсказалъ и ему о дѣлѣ Брешѐ, все, что̀ видѣлъ и зналъ. Мнѣ ужасно хотѣлось спать, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хотѣлось и другого: я желалъ скорѣе узнать отъ него, какъ онъ смотритъ на мое переселеніе въ русское консульство.

Пересиливая дремоту мою, я стоялъ предъ старцемъ нѣсколько времени молча. Онъ сказалъ мнѣ самъ:

— Время тебѣ отдохнуть теперь. Иди.

Тогда я рѣшился открыться и пришелъ въ волненіе, отъ котораго вдругъ исчезъ весь мой сонъ. Я началъ такъ:

— Отче! Господинъ Благовъ очень желаетъ, чтобъ я перешелъ въ консульство. У нихъ есть большая письменная работа, и онъ предлагаетъ мнѣ деньги, чтобъ я помогалъ, потому что она спѣшная. Онъ очень желаетъ.

Отецъ Арсеній, всматриваясь въ меня, отвѣчалъ:

— Правду ли ты говоришь?

Я отвѣчалъ, что правду, но конечно чувствовалъ, что не совсѣмъ, потому что Благовъ не сказалъ мнѣ: «*я очень желаю*», не просилъ меня, а сказалъ только: «Переходи, если хочешь, впрочемъ, какъ знаешь».

Лгать мнѣ больше не хотѣлось отцу Арсенію, и потому я о *желаніяхъ* Благова умолчалъ, а повторилъ изъ его словъ только то, что̀ было и правда, и выгодно моему малодушію.

— Вѣрьте мнѣ, что работа у нихъ очень спѣшная и что онъ мнѣ деньги дастъ за нее.

— А училище? — спросилъ отецъ Арсеній.

— Я только буду помогать въ часы свободные отъ уроковъ; за деньги. Нѣсколько лиръ золотыхъ.

Отецъ Арсеній отвѣтилъ мнѣ, что я все-таки уже не дитя. Приказалъ написать матери и потомъ дѣлать, какъ хочу и какъ знаю.

Послѣ этого, давая цѣловать на прощанье мнѣ правую руку свою, почтенный человѣкъ этотъ прибавилъ:

— Не знаю я, сыне мой, правильно ли ты идешь по этому пути. Какъ будто бы, мнѣ кажется, отецъ твой не слишкомъ желалъ этого! Однако, какъ знаешь. И такъ какъ мѣсяцъ этотъ еще не кончился, то я тебѣ возвращу половину платы, которую мнѣ внесла за него впередъ твоя мать. Покойной почи тебѣ, дитя мое!

Я удалился, вздыхая и жалѣя отца Арсенія, въ мою холодную и маленькую комнатку, въ которой, конечно, не было печи, а только одинъ давно потухшій мангалъ. Мнѣ стало очень скучно ложиться на жесткомъ диванчикѣ въ такой морозъ безъ огня. Я вспомнилъ о чугунныхъ печахъ и огромныхъ мангалахъ Благова; о томъ, что тамъ меня будутъ грѣть и питать уже не такъ, какъ здѣсь, и не только безплатно, но будутъ еще и золотыя деньги платить мнѣ самому за пустую работу переписки. И жалость, которую я на мигъ почувствовалъ къ отцу Арсенію, начала исчезать, какъ искра въ полномъ сосудѣ воды. Да! Душа моя была въ этотъ вечеръ полна, какъ сосудъ, налитый драгоцѣнною и опьяняющею влагой, которая поднималась и лилась черезъ край...

Я завернулся въ два ваточныя одѣяла и въ шубу мою и легъ лицомъ на подушку, холодную какъ ледъ... И думалъ...

Волна за волною несла меня къ русскому порогу, къ порогу, который для меня тогда казался такъ недосягаемъ, такъ прекрасенъ, такъ высокъ...

Волна за волною... все выше, все выше... все выше! Волна эта была чистаго и голубого цвѣта, какъ само небо, но она была очень холодна... Я вздрагивалъ на мигъ отъ

холода и страха, когда волна эта, упускаясь, падала немного внизъ подо мною... Я вздрагивалъ и видѣлъ снова мракъ и пустоту вокругъ себя на мгновенье. Но вода опять синѣла и уже безъ колебаній, безъ волненія и безъ сотрясеній этихъ скучныхъ, поднималась ровно, ровно, наверхъ надъ зеленымъ дворомъ богатаго дома съ рѣзнымъ потолкомъ и протекала безъ шума и препятствій въ открытыя окна русской галлереи... Галлерея была полна народа...

Около меня стояла милая, невинная отроковица высокой игемонической крови, родная сестра Благова — Зельха́. Шопотомъ она говорила: «Милый мой! Нареченный супругъ мой! Одиссей мой, ты для меня все на свѣтѣ. И братъ, и повелитель, и мужъ и отецъ. Тебѣ повинуясь, я стала такая же христіанка, какъ ты, и теперь, лобзая твои ноги, я молю тебя... Я озябла въ этой волнѣ, дай завернуться мнѣ въ твою рысью шубу...»

— Постой, — говорю я сурово. — Я жду чего-то... Подожди! — И я самъ завертываюсь въ шубу крѣпче; мнѣ самому очень холодно...

Брешѐ стоитъ въ деревянныхъ башмакахъ и бумажномъ колпакѣ и держитъ на плечѣ вилу. Онъ смотритъ внизъ, какъ человѣкъ глубоко униженный.

Толпа между тѣмъ разступилась, и г. Благовъ подходитъ къ намъ. Онъ въ генеральскихъ эполетахъ, въ латахъ, въ *трикантонѣ* съ плюмажемъ, который льется по плечамъ его почти до земли, какъ душистый водопадъ бѣлаго пуха...

Онъ возлагаетъ на меня и на Зельху, вмѣсто брачныхъ вѣнцовъ, командорскіе знаки св. Станислава на красныхъ съ бѣлымъ широкихъ лентахъ, мѣняетъ ихъ на насъ три раза и отходитъ прочь, говоря:

— Графъ Каподистрія! Vous n'êtes pas diplomate, mais vous êtes grand politique...

Онъ отходитъ, и бѣлыя перья льются, льются каскадомъ вокругъ него, и онъ весь исчезаетъ въ бѣломъ снѣгу далеко за озеромъ на горѣ; я уже не вижу его болѣе. А вижу предъ собой Хаджи-Хамамджи, который, расправляя

бакенбарды, благословляетъ меня съ милою Зельхóй на совмѣстный путь многотрудной жизни; онъ благословляетъ насъ, привѣтливо улыбаясь намъ.

Мы оба съ Зельхóй благодаримъ его съ жаромъ и цѣлуемъ его руку.

Потомъ я вижу, что мрачные глубокіе глаза моей невѣсты уже не ниже моихъ, а горятъ таинственнымъ огнемъ, прямо противъ моихъ, и губы ея, полныя, полныя, горячія, горячія, тоже касаются моихъ губъ... и она шепчетъ мнѣ тихо: «Барашекъ мой милый... Очи главы моей, Одиссей, радость ты моя, птичка моя золотая... Не знаешь ты, что я такое, Одиссей? Я горькая ядовитая травка. Я демонъ маленькій... Я самый молодой и самый маленькій изъ малыхъ бѣсовъ твоихъ... И я выпью до дна, Одиссей, твою чистую, голубую, ровную, ровную душу, которая только сегодня полилась черезъ край...» И я отвѣчалъ ей: «Пей, моя царевна! Пей, сестра моя, мою голубую, ровную душу!»

XV.

Утромъ на слѣдующій день я, почти обезумѣвъ отъ радости и еще разъ поклонившись отцу Арсенію, перебрался съ пожитками моими въ консульство... Загорская мечта моя осуществилась... Я сдѣлалъ первый шагъ на крутомъ, но восхитительномъ пути почестей, роскоши и славы! «Быть-можетъ вся будущность моя теперь...» — начиналъ думать я, вздыхая отъ блаженства, но благоразумно тотчасъ же самъ клалъ себѣ предѣлъ: «Остановись, молодой Одиссей, пути Провидѣнія неисповѣдимы и свѣтъ видѣлъ великихъ мужей низвергнутыхъ въ прахъ неумолимою судьбой!» Я даже приводилъ себѣ на память знаменитый мѳъ Сезифа, никогда не перестающаго катить тяжелый камень въ гору— и катилъ его напрасно... (О немъ же на-дняхъ только что прочелъ я въ книгѣ). Мнѣ приходила также на умъ осторожность отца моего, его правило турецкой мудрости:

«*Явашъ, явашъ* *)... все будетъ, все совершится понемногу!» Но мнѣ было такъ весело и пріятно, что я правило это прилагалъ къ обстоятельствамъ моимъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мнѣ было выгоднѣе... Я говорилъ себѣ: «Да! вотъ все свершится! Всѣ желанія наши могутъ быть исполнены! Надо только Бога не забывать!..» И тутъ же забывалъ Его... Ахъ! горькая травка! Ахъ, душистый цвѣтокъ моего сновидѣнія, и *тебя*, Зельха́ забавная, я буду видѣть часто теперь...

Не знаю, какъ и когда случилась эта перемѣна... такъ скоро! Въ одинъ день... Сонъ ли этотъ вчерашній такъ сблизилъ меня съ нею? *Часъ* ли просто пришелъ такой?.. Не знаю. Но я уже не нападалъ больше на Зельху, не бранилъ ея, а напротивъ того, начиналъ улыбаться, вспоминая ея рѣзвость, начиналъ даже какъ будто и жалѣть ее и думалъ: «Тоже вѣдь и она, бѣдняжечка и сироточка, бьется и убивается, хлѣбъ пріобрѣтая себѣ. Не осуждай— да не осужденъ будешь, Одиссей мой!»

Небольшая комнатка, которую приказалъ для меня приготовить г. Благовъ, мнѣ показалась прекрасною. Въ ней было только одно окно, но оно было велико и красиво и видъ изъ него былъ очаровательенъ!.. Диванъ былъ въ этой комнатѣ всего одинъ и не очень большой, но обитъ онъ былъ пестрымъ ситцемъ, съ такими крупными лиліями и астрами, что ихъ можно было долго и пріятно созерцать задумавшись, если наскучитъ глядѣть въ окно на городъ, сады и минареты, на тополи садовъ и на горы за городомъ. Можно было сдѣлать и больше того; можно было внезапно уединиться отъ всего міра и забыть даже объ Янинѣ, обо всемъ Эпирѣ и обо всей Турціи. Для этого достаточно было только спустить на окно расписную европейскую штору, которую уже, полюбивъ меня и угождая мнѣ, повѣсилъ добрый Колью́о. На ней изображена каменная угрюмая башня въ густомъ лѣсу, въ лѣсу такомъ зеленомъ и веселомъ, какихъ, кажется, и не бываетъ въ

*) Потихоньку, потихоньку.

самомъ дѣлѣ... И къ этой башнѣ, и по этому лѣсу прекрасному ѣдетъ одинъ воинъ европейскій на хорошемъ конѣ; на шлемѣ его высокія перья и въ рукѣ его большое копье...

Спущу я — и радуюсь; подниму — и любуюсь.

И мангалъ пылаетъ жаромъ около меня, и столъ для смиренныхъ занятій моихъ покрылъ Кольйо зеленымъ сукномъ, какъ для какого-нибудь мудреца, и образъ Божьей Матери загорскій мой, *Широчайшей Небесъ*, я повѣсилъ самъ и прибилъ его *по-русски* къ восточному углу.

И не знаю я, стоя у окна этого и сидя въ этой комнатѣ, на что мнѣ смотрѣть и на какую вещь прежде всего веселиться мнѣ, окаянному... и за что мнѣ все это! За что и за какія заслуги!

Снѣгъ таетъ въ саду Шерифъ-бея; ручьями бѣжитъ вода; травка вездѣ опять зеленѣетъ. Солнце юга спѣшитъ жадно вступить снова въ свои, на нѣсколько дней попранныя, права.

У моего Алкивіада есть *звѣзда удачи*. За его звѣздой пойду и я. Одинъ день, одну ночь опоздай онъ, и не было бы случая ему перейти вчера вечеромъ озеро Янинское и вплести еще одинъ лавровый листъ въ вѣнецъ своихъ успѣховъ.

Весь городъ съ утра уже опять былъ полонъ его именемъ! Къ своему кавалерійскому подвигу, къ набожности своей, столь утѣшительной нашему православному народу, къ ранней обѣдни въ мундирѣ и крестахъ, къ независимости дѣйствій своихъ предъ лицомъ западныхъ агентовъ, къ искусному и твердому веденію дѣла съ ненавистнымъ Брешѐ, къ радостнымъ для насъ слухамъ о *колоколѣ на юлѣ Эпира* онъ прибавилъ еще одно дѣло: вчера, *пока былъ морозъ*, онъ первый, смѣясь, перешелъ на островъ по льду страшнаго озера... и за нимъ перешли другіе консулы, австрійскій и греческій, за нимъ отнесли людямъ хлѣба и угольи. За нимъ перебѣжалъ бѣдный Алѐко къ бѣдной и рыдающей матери.

О, мой герой! О, мой Благовъ!.. о, какъ правъ Кэвино,

восхваляя его! Какъ дальновиденъ и опытенъ почтенный родитель мой, который въ одинъ вечеръ въ Загорахъ оцѣнилъ и понялъ его, сказалъ мнѣ, что онъ *перваго* нумеравесь, а никакъ не *второго*.

Не написать ли мнѣ теперь ему стихи? Написать, поправить и поднести съ такимъ привѣтствіемъ:

«Сіятельный господинъ консулъ»...

Нѣтъ, онъ этого не любитъ... Проще: «Позвольте мнѣ, ничтожному мальчику, котораго вы изволили осыпать нынѣ»... Вотъ такъ. Стихи я давно люблю и давнымъ-давно даже завидую нашимъ новымъ поэтамъ, Рангави и Суццо, Ригѣ-Фереосу и Залокостѣ. Они не поэты дальней древности... Они всѣ такіе же нынѣшніе греки, какъ и я. Отчего жъ бы и мнѣ... Напримѣръ въ такомъ родѣ (это въ сборникахъ есть аонискихъ):

Гласъ Марса меня восхищаетъ!
Кипитъ моя кровь и уста восклицаютъ!
На тирана возставши,
Ярмо я топчу и ломаю...
Умереть я желаю!
Я свободы хочу!

Или вотъ какъ это:

О! дѣти эллиновъ, спѣшите
Отчизны зо́ву вы внемлите...
Мужи, безстрашные на муки!
Оружье въ руки!
Уже вездѣ труба свободы
Противъ тирана возгремѣла...
Борьбы мгновеніе приспѣло...
И вражья кровь... пусть потечетъ какъ воды.

Самого его я въ это утро видѣлъ хотя и нѣсколько разъ, но всякій разъ лишь на минуту, и ему некогда было обратить на меня вниманіе. Съ утра въ канцеляріи спѣшили отправить почту; усатый старикъ болгаринъ Трипча, отчаянный курьеръ русской службы, примчался изъ Битоли́и,

гдѣ вскачь, гдѣ вплавь, и ждалъ огромнаго пакета, чтобъ опять помчаться назадъ чрезъ рѣки, утесы и лѣса... Потомъ г. Благовъ принималъ всѣхъ архонтовъ, которые наканунѣ застали его еще спящимъ. Я видѣлъ только, какъ онъ на минуту вышелъ провожать ихъ въ залу, когда они прощались съ нимъ толпою. Видѣлъ, какъ онъ жалъ имъ по очереди руки, не наклоняя при привѣтствіяхъ ничуть ни головы, ни стана, но оставаясь неподвижнымъ, какъ бронзовый кумиръ надменнаго и счастливаго самимъ собою божества. Я слышалъ, что сѣдой Бакыръ-Алмазъ сказалъ ему такъ: «Я позволю себѣ возразить, г. консулъ, на ваше предположеніе объ улучшеніяхъ и прогрессѣ Имперіи Оттомановъ; я выражу мою мысль съ помощью великаго историческаго примѣра: есть Гордіевы узлы, которые разрубить можетъ лишь побѣдоносный мечъ Александра!»

На это Благовъ отвѣчалъ съ улыбкой: «Вы думаете?» И больше ничего! Я, глядя и слушая изъ дверей моихъ, воскликнулъ мысленно:

— Учись! учись! Вотъ это дипломатъ!

Потомъ Несториди, также прощаясь, сказалъ ему такого рода краткую рѣчь:

— Позвольте, г. Благовъ, и мнѣ, повопріѣзжему изъ Загоръ, привѣтствовать васъ во слѣдъ за представителями древней и досточтимой общины іоаннискихъ эллиновъ, позвольте и мнѣ увѣрить васъ, что эпироты умѣютъ быть благодарными, умѣютъ равно чтить всѣ христіанскія державы, которыхъ просвѣщенное вліяніе способствуетъ хоть сколько-нибудь заживленію вѣковыхъ язвъ великаго греческаго племени, и сверхъ того повѣрьте... (онъ пріостановился)... умѣютъ прекрасно отличать истинныхъ друзей своихъ отъ ложныхъ...

Г. Благовъ молча подалъ ему руку и не сказалъ ни слова. Я видѣлъ, что онъ былъ недоволенъ, глаза сверкнули и щеки вспыхнули. Но онъ тотчасъ же опять овладѣлъ собою, и архонты ушли. Я подумалъ, что онъ понялъ нѣсколько дерзкій намекъ Несториди «о друзьяхъ

истинныхъ и ложныхъ». Зная образъ мыслей моего наставника, я тотчасъ же догадался, что онъ говорилъ о славянахъ, и мнѣ показалось это столь неумѣстнымъ и дерзкимъ, что сердце у меня дрогнуло отъ боли, отъ страха, отъ стыда... Не знаю отчего... только я даже сказалъ самъ себѣ тихо и съ отчаяніемъ за своею дверью.

— Ба! что̀ за вещь онъ сказалъ!.. Зачѣмъ это!..

Но Благовъ тогда еще образа мыслей Несториди не зналъ; и какъ я послѣ понялъ, онъ былъ недоволенъ другимъ: его всегда гнѣвило, когда онъ слышалъ, что христіане позволяютъ себѣ ставить наравнѣ *православную*, Московскую, Царскую Россію съ чуждою Англіей или съ Франціей какого-нибудь Бонапарта.

Во всякомъ случаѣ онъ былъ недоволенъ рѣчью Несториди, и всѣ архонты это замѣтили и всѣ они упрекали потомъ учителя за его невѣжливый намекъ; но всѣ они почти думали, какъ я, не про державы Запада, а про лживую дружбу православнаго панславизма.

Еще архонты были здѣсь, когда отъ самого паши пріѣхала за г. Благовымъ коляска. Рауфъ-паша, получивъ извѣстіе, что г. Благовъ собирается къ нему съ визитомъ, не захотѣлъ, чтобы его возлюбленный консулъ ѣхалъ верхомъ или шелъ бы пѣшкомъ къ нему чрезъ весь городъ по глубокимъ ручьямъ тающаго снѣга, чтобъ онъ не забрызгался или не простудился бы, и предупредилъ, что въ назначенный часъ будетъ готова коляска.

Я видѣлъ коляску эту; она была хороша; видѣлъ коней вороныхъ, сильныхъ, какъ волы, быстрыхъ, стройныхъ и огненныхъ, какъ юные олени; они били копытами землю у *нашего* подъѣзда. Видѣлъ возницу араба молодого (мнѣ показалось только, что *франкская* жакетка его была стара и не знаю почему Рауфъ-паша не приказалъ ему строго зачинить подъ мышкой большую прорѣху!..)

Два турецкихъ солдата верхомъ и нашъ киръ-Маноли тоже верхомъ ожидали консула.

Я видѣлъ, какъ г. Благовъ вышелъ еще разъ переодѣтый (меня восхищало, что онъ, какъ знаменитый царе-

вичъ или какъ епископъ, безпрестанно мѣняетъ свои облаченія). Онъ былъ уже не въ бархатной жакеткѣ; въ которой онъ принималъ архонтовъ. Онъ былъ теперь въ очень длинномъ черномъ сюртукѣ съ шелковыми отворотами (я никогда этого не видывалъ), и въ петлицѣ у него былъ нѣжный орденскій бантикъ, голубой съ красными крылышками, точно бабочка летѣла, летѣла и вилась въ него какъ въ душистый цвѣтокъ весны... и въ высокомъ цилиндрѣ онъ былъ на этотъ разъ; а перчатки его, опять совсѣмъ новыя, были такого свѣтло-лиловаго цвѣта, какъ море иногда бываетъ зимой, при тихой погодѣ и при кроткомъ захожденіи солнца. Самъ же онъ, высокій, прямой и тонкій, казался мнѣ въ этомъ длинномъ сюртукѣ похожимъ какъ бы на очень красивую бутылочку, наполненную водою померанцевою или розовою, которыми у насъ иногда прыщутъ на людей, привѣтствуя ихъ.

Сѣлъ онъ въ колесницу; черные быки-олени кинулись вдругъ съ мѣста и помчали его къ воротамъ по широкому двору... Ставри въ золотѣ вспорхнулъ на козлы какъ юноша; Маноли съ конными турками помчался вскачь во слѣдъ по водѣ, по травѣ, по камнямъ, по грязи, по снѣгу...

Умиленный, я воскликнулъ въ окошко: «Zito Россія!» и потомъ смирно возвратился въ мою милую опочивальню.

Тамъ сидя, я колебался, что̀ мнѣ прежде начать: письмо къ матери, по совѣту отца Арсенія, или по внушенію души моей героическіе стихи на побѣдоносное возвращеніе Александра Благова?

Сперва я, внявъ призыву музъ, попытался начать стихи; но внутренній хоръ моихъ разнообразныхъ ощущеній, торжественныхъ и веселыхъ, православныхъ и демоническихъ, серьезныхъ и дѣтскихъ, лживыхъ и правдивыхъ, не выходилъ на бумагу свободно, стройно и красиво... Я напрасно тщился на зеленомъ сукнѣ моего новаго стола. Я оказался еще недостойнымъ такого философскаго, дипломатическаго или пѣитическаго стола, съ зеленымъ сукномъ хорошей доброты. Я былъ самъ для такого стола еще слишкомъ зеленъ.

«Шумитъ Борей!..» «Свищетъ Борей, свищетъ!..» «Борей свиститъ и льдомъ...» «И старики...» «И старцы...» «И вотъ отъ сѣверной державы...» «И вотъ его привѣтствуя танцуетъ...» «Благоуханьями полна, стройна какъ пальма молодая...» Я почувствовалъ, наконецъ, что у меня, какъ во вчерашнемъ сновидѣніи, одно лицо незримо и внезапно превращается въ другое, и отроковица-плясунья «da petite drogue», моя «горькая травка душистая»... вмѣсто Благова, слетала неожиданно ко мнѣ на ледяныхъ крыльяхъ этого ужаснаго Борея! И даже болѣе (увы! увы!), я чувствовалъ, что стиль менѣе героическій, менѣе строгій пошелъ у меня лучше, что тутъ Ѳебу помогаетъ сама всемогущая Афродита...

Я оставилъ поскорѣе эти стихи и началъ было письмо къ матери. Это подальше отъ искусительнаго, это добродѣтельнѣе. И я началъ это письмо:

«Достопочитаемая и превозлюбленная матерь моя, прежде всего вопрошу васъ о драгоцѣннѣйшемъ здравіи вашемъ и о здравіи досточтимой и превозлюбленной воспитательницы и благодѣтельницы и бабки нашей, госпожи Евгеніи Стиловой. Я же, благодареніе Богу, здоровъ и, лобзая почтительно десницу вашу, досточтимая матерь моя, и десницу госпожи Евгеніи, желаю вскорѣ видѣть васъ и радоваться вмѣстѣ съ вами. Нынѣ, по настоятельной просьбѣ его сіятельства Императорскаго консула всѣхъ Россіянъ, господина Алѐксандроса Благова, я оставилъ отца Арсенія и перешелъ жить въ означенное консульство для совокупной переписки за весьма щедрую и даже, въ смиреніи моемъ скажу, несообразную съ нѣжнымъ возрастомъ моимъ и неразумѣемъ плату изъ государственной казны; въ точности же опредѣлить еще не могу цѣны; но его сіятельство изволилъ сказать, что заплатитъ мнѣ нѣсколько золотыхъ оттоманскихъ лиръ по окончаніи статистическихъ свѣдѣній набѣло».

Нѣтъ, это лучше удалось, чѣмъ стихи; даже и ложь о настоятельныхъ просьбахъ удалась очень хорошо... Она удалась такъ хорошо, что мнѣ стало стыдно, и я письмо

къ матери тоже отложилъ на время, желая обдумать зрѣлѣе—лгать мнѣ или не лгать.

Но я думалъ объ этомъ недолго, потому что пришли посѣтители, Колйо и маленькій Алѐко. Колйо сѣлъ, спрашивалъ, доволенъ ли я комнатой, и разсказывалъ, смѣясь, что Бостанджи-Оглу и сегодня опять сердитъ на консула за то, что онъ не взялъ его съ собою къ пашѣ. Бостанджи-Оглу совсѣмъ одѣлся тоже, кинулся къ Благову навстрѣчу и говоритъ: «И мнѣ прикажете ѣхать?» А консулъ ему: «Какъ бы бѣднаго Рауфъ-пашу не напугать. Онъ больной. Цѣлая куча народа. Сиди ужъ дома, я думаю, ты и такъ-то туркамъ ужасно надоѣлъ!» Люди всѣ вышли смотрѣть на консула. Бѣдный Бостанджи! Мы этому всѣ такъ смѣялись. Даже жалко его.

Алѐко пришелъ разутый изъ почтенія ко мнѣ и долго не хотѣлъ садиться на мою мебель, потому что платье свое онъ находилъ очень грубымъ. Онъ хотѣлъ также, привѣтствуя меня, поцѣловать мою десницу, но я, тронутый его сиротствомъ и миловидностью, любезно обнялъ его и самъ посадилъ около себя на стулъ.

Тогда мальчикъ ободрился и скоро одушевился до того, что сталъ въ лицахъ представлять, какъ консулы переходили по льду на островъ. Онъ очень хорошо представилъ прежде Киркориди, разставилъ ноги широко и надулся и ходилъ тихо и все: «ахъ! ахъ!» А м-сье Ашенбрехеръ скоро, скоро «ха, ха, ха! хи, хи, хи! Очень хорошо! очень прекрасно!» А м-сье Благовъ только: «Сюда! сюда!»

И Колйо разсказывалъ также, что Киркорди говорилъ прежде: «Стойте! или я одинъ впередъ, или я одинъ послѣ... Я слонъ, я китъ! Я какъ десять человѣкъ вмѣстѣ... Гдѣ льду вынести меня съ другими вмѣстѣ».

Потомъ, когда Алѐко ушелъ, у насъ былъ съ Колйо разговоръ очень дружескій и любопытный. Я разспрашивалъ его подробно о томъ, какъ живутъ они въ консульствѣ, кого больше любитъ Благовъ и кого меньше и что̀ нужно дѣлать, чтобы ему понравиться.

Колйо совѣтовалъ мнѣ за обѣдомъ громко не жевать,

съ ножа не ѣсть, руки чисто держать и Бостанджи-Оглу остерегаться, «потому что онъ, мошенникъ, завистливъ и предатель».

Наконецъ я рѣшился, помедливъ немного, предложить Кольйо еще одинъ вопросъ:

— Добрый мой Кольйо,—сказалъ я:—я вижу, что ты хочешь быть моимъ другомъ. Дай Богъ тебѣ за это долго жить. Давай же будемъ какъ братья во всемъ согласны. Скажи правду, любитъ Благовъ эту турчанку или не любитъ?

— Я думаю, что любитъ,—отвѣчалъ размышляя Кольйо.—Она веселитъ его, и онъ за это ее награждаетъ.

— А больше ничего нѣтъ?

— Пустыя это слова, Одиссей,—сказалъ Кольйо съ досадой.—Не вѣрь людямъ. У насъ любятъ осуждать, ты это знаешь. Только это ложь, и ты не вѣрь этому. Я бы зналъ.

Послѣ этихъ посѣщеній мнѣ стало еще веселѣе. Г. Благовъ дома даже и не завтракалъ; онъ прямо отъ паши поѣхалъ ко всѣмъ консуламъ (кромѣ Брешѐ разумѣется) и остался кушать у Ашенбрехера. Мы завтракали вдвоемъ съ Бостанджи-Оглу, и во время завтрака пришелъ Коэвино. Онъ въ этотъ день сталъ ангеломъ доброты. Въ этотъ день имѣлъ онъ также *свой* тріумфъ и въ это утро онъ свершилъ также *свой* подвигъ.

Ты не забылъ, я увѣренъ, мою притчу *о бѣлыхъ зубахъ издохшей собаки?* Если же ты забылъ, то перечти ее, прошу тебя. Я, какъ говоритъ одинъ старинный писатель, не намѣренъ быть ясенъ для того, кто ко мнѣ не внимателенъ.

У Адониса Куско-бея, богатаго и скупого, у этого мѣстнаго нашего Креза-цинника въ сюртукѣ блестящемъ отъ ветхости, у Куско-бея развратнаго и лукаваго, у этого обольстителя бѣдныхъ христіанскихъ дѣвушекъ, просящихъ приданаго, у этого архонта низкаго передъ властями и недосягаемо-гордаго съ людьми неимущими и простыми, былъ также одинъ рядъ очень бѣлыхъ и ровныхъ пре-

красныхъ зубовъ. Онъ очень былъ привязанъ къ своей старой матери и чтилъ ее такъ искренно, какъ иногда не чтутъ матерей своихъ и хорошіе люди.

Мать эта опасно занемогла. Составился консиліумъ; но больная сказала сыну, что она вѣритъ только одному человѣку—Коэвино и проситъ его послать за нимъ. Она, какъ madame Арванитаки, находила, что только у одного Коэвино есть та божественная искра, которая внушаетъ довѣріе больнымъ. Каково было надменному и богатому архонту итти къ этому дерзкому безумцу, который въ многолюдномъ обществѣ назвалъ его глупцомъ, невѣждой и негодяемъ и предлагалъ сойти внизъ, чтобы проломить ему голову палкой и удостовѣриться, есть ли у него мозгъ!

Я думаю, во всю жизнь свою Куско-бей не выносилъ такой борьбы, какую вынесъ въ это утро. Однако онъ немедленно пошелъ къ доктору. Вошелъ. Гайдуша доложила, сказавъ доктору, что madame Куско-бей при смерти, что сынъ ея пришелъ умолять о помощи.

Коэвино не торопясь пробралъ проборъ, не спѣша одѣлся, вздѣлъ pince-nez и вышелъ одѣтый въ нетопленую пріемную, гдѣ уже давно дрожалъ Куско-бей.

Увидавъ его, Куско-бей всталъ стремительно, восклицая:

— Докторъ! Мать моя при смерти!

Но Коэвино, смѣривъ его съ головы до ногъ въ pince-nez, сказалъ тихо и улыбаясь ему:

— Добро пожаловать моему ослу! Добро пожаловать моему мерзавцу!

— Докторъ! Я прошу васъ...

— Иду, мой оселъ! Иду, мой архонтъ! Иду, мой дуракъ! Иду, моя скотина!

И пошелъ и осмотрѣлъ старуху, и ей скоро стало легче. Коэвино послѣ этого колебался даже взять тѣ пять золотыхъ, которые упрашивалъ, умолялъ его взять благодарный сынъ, и взялъ только потому, что старуха сама ему сказала съ чувствомъ:

— Я тебя прошу, благодѣтель мой, возьми ты ихъ!

Послѣ такого торжества европейской науки и его лична-

го таланта надъ богатствомъ злопріобрѣтеннымъ, надъ порокомъ и невѣжествомъ какъ же было доктору не смягчиться хоть на короткое время ко всѣмъ людямъ, какъ было не «замкнуть все человѣчество (такъ онъ самъ говорилъ, простирая руки и возводя очи къ небу), въ горячія и безпредѣльныя объятія любви!»

Отъ Куско-бея онъ прямо пошелъ на квартиру Бакѣева, у котораго онъ съ самой ссоры на островѣ не былъ. Онъ еще и раньше, какъ только узналъ о томъ, что Брешѐ оскорбилъ русскаго секретаря, порывался пойти къ нему въ тотъ самый вечеръ. Ему стало жаль, онъ простилъ его, онъ забылъ въ ту минуту, что Бакѣевъ такъ рѣзко заступался тогда—и за кого же?—за Исаакидеса, у котораго красноватый носъ виситъ внизъ и усы криво подбриты... Но не рѣшился, опасаясь сухого пріема, ибо Бакѣевъ, правда, не былъ ни простъ, ни прямъ, ни искренъ.

Теперь онъ пошелъ къ нему; они помирились и вмѣстѣ бранили Брешѐ и хвалили Благова.

Отъ Бакѣева Коэвино пришелъ въ консульство, прямо подошелъ къ Бостанджи-Оглу, схватилъ его, обнялъ и воскликнулъ весело: «А! а! а! Забудь мою *фурію*, мой добрый Бостанджи. Забудь! Если бъ у тебя были такіе первы, какъ у меня, ты пожалѣлъ бы меня, а не сердился. Во имя Божіе прошу тебя, забудь это все! Я сегодня такъ счастливъ!.. У меня есть *кейфъ* сегодня... Я умоляю тебя, не порти мнѣ *кейфа!* Ха, ха! ха, ха! ха, ха!»

Бостанджи-Оглу сказалъ ему:

— Богъ вамъ проститъ, докторъ; другой разъ не надо оскорблять такъ бѣднаго человѣка, который въ зависимости тяжкимъ трудомъ пріобрѣтаетъ себѣ хлѣбъ и который поэтому не въ силахъ самъ себя защищать.

Коэвино покраснѣлъ, застыдился, на глазахъ его показались слезы. Онъ помолчалъ, потомъ ушелъ наверхъ дожидаться Благова... и не болѣе, какъ минутъ черезъ пять уже весь обширный конакъ Шерифъ-бея былъ наполненъ его радостнымъ воплемъ и хохотомъ, и потолокъ надъ нашей канцеляріей дрожалъ отъ его топота и прыжковъ. Онъ вѣр-

но разсказывалъ Колью или садовнику, который топилъ тамъ печи, о своей побѣдѣ надъ Куско-беемъ.

По уходѣ доктора наверхъ, у насъ съ Бостанджи-Оглу начался разговоръ, который для меня былъ очень важенъ по своимъ послѣдствіямъ.

Я сказалъ ему, смѣясь и указывая глазами на потолокъ:

— Гремитъ нашъ Зевсъ!.. Гремитъ съ Олимпа!

На это Бостанджи отвѣчалъ печально:

— Пусть гремитъ. Онъ-то точно, что человѣкъ пустой и не злой. А что ты мнѣ скажешь, Одиссей, о м-сье Благовѣ?.. Что вчера онъ мнѣ говорилъ за обѣдомъ? Что за деспотизмъ! Что за варварство обращаться такъ со мною, котораго онъ самъ выписалъ изъ Константинополя за мое прекрасное знаніе языковъ, и русскаго, и французскаго, и турецкаго, и греческаго, за мое трудолюбіе!.. Какъ было не оцѣнить то, что я за него вступился, то, что я ему доказалъ мою преданность! Нѣтъ, Одиссей, яблоня другихъ плодовъ, кромѣ яблокъ, дать не можетъ! Московитскій деспотизмъ похуже турецкаго будетъ!.. Что за злость въ его отвѣтахъ! Что за презрѣніе! Что за ядъ горчайшій! За что? Скажи мнѣ, за что?

Я молчалъ. Что мнѣ было говорить на это? Я готовъ былъ и пожалѣть его, но не настолько, чтобы говорить противъ Благова, даже и тогда, когда я нахожу его не вполнѣ правымъ... Не такъ я уже глупъ и вѣтренъ, чтобы сдѣлать это! Зачѣмъ я буду говорить? Кому будетъ легче отъ того, что я соглашусь съ Бостанджи-Оглу?.. Только *мнѣ самому* можетъ быть хуже въ несчастную минуту, а Бостанджи-Оглу я этимъ не спасу и не утѣшу. Итакъ я рѣшился молчать и молчать.

Бостанджи-Оглу, предполагая должно-быть, что молчаніе мое есть нѣмое порицаніе жестокости молодого консула, все болѣе и болѣе одушевлялся. (Руки его уже не опускались, онъ безпрестанно поднималъ ихъ выше головы тѣмъ противнымъ движеніемъ, которое придавало ему нѣчто подлое, и глаза его блестѣли отъ горести и гнѣва).

— Я знаю всѣ политическія тайны консульства,—про-

должалъ онъ. — Я могу сдѣлать вредъ! Я знаю, гдѣ ихъ шифръ секретный... Какъ ни запирай его, какъ ни прячь они... А я могу все розыскать, когда захочу... Если я захочу, то я могу доказать, что въ самомъ дѣлѣ я не даромъ поповскій сынъ. Я докажу на дѣлѣ, что сынъ попа—племянникъ самому дьяволу... Понимаешь?

Я хотѣлъ тотчасъ спросить у него: «А чѣмъ виновата вся Россія, если Благовъ тебя огорчилъ?» но отложилъ этотъ вопросъ и сдѣлалъ ему сначала другой:

— Какія же такія великія тайны можешь знать ты, писецъ консульства? Ты не секретарь.

— Ты думаешь? Ты такъ думаешь? — спросилъ Бостанджи злорадно и таинственно. — Пусть будетъ по-твоему! Одно я скажу тебѣ... только одно, слышишь. Тутъ есть проектъ возстанія... Постой...

Онъ пошелъ въ уголъ, искалъ долго въ какихъ-то бумагахъ. Нашелъ; пошелъ припереть дверь и, возвратившись, подалъ мнѣ французскую бумагу, переписанную очень спѣшно его собственною рукой, и сказалъ мнѣ: «Читай!»

Я читалъ; а онъ стоялъ за спиной моей, помогая мнѣ разбирать, и переводилъ мнѣ по-гречески цѣлыя фразы.

Точно, это былъ проектъ возстанія, преимущественно въ сѣверной Албаніи. Шла рѣчь о Вассоевичахъ, о феодальныхъ преданіяхъ буйныхъ Арнаутовъ, о Гегахъ, объ Албанскихъ католикахъ...

Но Бостанджи-Оглу, все-таки опрометчивый, при всей природной злокозненности своей, не обратилъ вниманія на одно. Проектъ этотъ былъ не русскій. Онъ былъ составленъ однимъ гарибальдійцемъ или французскимъ коммунистомъ, не могу навѣрное теперь утверждать. Онъ былъ только данъ при случаѣ гдѣ-то, даже и не здѣсь, Благову, который возвратилъ подлинный проектъ автору съ надписью: «Вотъ воздушные замки! и, притомъ, развѣ этотъ странный анахронизмъ, который зовутъ Турція, не лучше все-таки (какъ зло знакомое) тѣхъ разлагающихъ и вздорныхъ принциповъ, которые ваши единомышленники желали бы внести въ среду этихъ добрыхъ и наивныхъ насе-

леній Востока?» Онъ возвратилъ автору подлинную его рукопись съ этимъ блестящимъ замѣчаніемъ(съ которымъ и я теперь, послѣ пятнадцати лѣтъ опыта и знанія, вполнѣ согласенъ); но, разумѣется, онъ приказалъ самъ снять съ него, на всякій случай, копію. Это была его обязанность. И онъ, можетъ быть, не смутился бы даже, если паша или самъ султанъ узнали бы объ этомъ! Но Бостанджи-Оглу, трудолюбивый, знающій языки, иногда лукавый, былъ все-таки, какъ я сказалъ, не уменъ и вѣтренъ. Списывая самъ все одною и тою же рукой и очень спѣшно, онъ списалъ въ строку и надпись Благова, не обративъ на нее вниманія...

Я тогда тоже сразу не совсѣмъ ясно понялъ это различіе; исторіи этого проекта не зналъ вовсе и потому я не могъ отвѣтить на все это Бостанджи-Оглу такъ, какъ отвѣтилъ бы ему человѣкъ болѣе меня зрѣлый и знакомый съ этого рода дѣлами. Но я былъ все-таки *грекъ*, я былъ *сынъ Востока, всосавшій съ молокомъ матери политическій смыслъ;* и я возразилъ ему такъ, какъ сумѣлъ бы ему возразить на это не только я, не только Кольйо, но я думаю и самъ маленькій Алеко, складывавшій еще склады въ школѣ взаимнаго обученія. Я спросилъ его, *выждавъ* время:

— Скажи мнѣ, однако, чѣмъ виновата вся Россія въ томъ, что Благовъ несправедливъ къ тебѣ? А еще вотъ что. А христіанамъ всѣмъ за что ты сдѣлаешь вредъ, обнаруживая подобныя вещи? И еще, бѣдный ты мой, я прошу тебя, не говори ты мнѣ никогда такъ дурно противъ м-сье Благова, потому что мнѣ это очень непріятно, скажу тебѣ. Онъ благодѣтель мой. Что мнѣ дѣлать? Предать тебя—стыжусь и жалѣю, а слушать—не хочу.

Бостанджи-Оглу, услыхавъ мой отвѣтъ, побѣдѣлъ; а потомъ, подумавъ немного, началъ улыбаться и, лукаво подмигивая мнѣ, сказалъ:

— Однако, ты чортовъ чулокъ, я вижу, загорецъ! Ты будешь патріотъ хорошій и вѣрный слуга единовѣрному намъ начальству... Молодецъ ты—браво тебѣ!.. Я хотѣлъ испытать тебя... Такъ какъ ты теперь здѣсь жить и ни-

сать будешь... Теперь я тебя и консулу и Бакѣеву все хвалить буду...

Я сказалъ ему на это:

— Благодарю тебя. Смотри, чтобы тебя они хвалили! — и тѣмъ этотъ разговоръ нашъ кончился. *Но я запечаталъ его въ сердцѣ моемъ.*

Между тѣмъ топотъ Коэвино надъ головами нашими утихъ. Благовъ и Бакѣевъ возвратились и меня вдругъ позвали наверхъ.

Я увидалъ Благова уже въ шубѣ, въ фуражкѣ и съ тростью въ рукѣ.

— Идемъ къ софтѣ и сенсу! — сказалъ онъ, глядя на часы.

Коэвино спросилъ его тогда:

— Итакъ *soirée* будетъ... Танцовщицы будутъ?.. Я хочу праздновать всѣ тріумфы разомъ: ваши, мои, тріумфъ этого милаго Одиссея нашего надъ врагами его и гонителями!.. О! приди, приди мое сокровище! Приди, мой Ахтиной, мой Эросъ! мой Антэросъ!..—воскликнулъ онъ вдругъ, обнимая меня и цѣлуя...

— Докторъ! Оставьте Одиссея! — сказалъ ему Благовъ, съ упрекомъ качая головой.

— Ха-ха!ха-ха! — кричалъ Коэвино. — Да! и его тріумфъ... Празднуемъ сегодня же! все празднуемъ, все! Vivons! vivons! О, весна—молодость года! О, молодость—весна жизни нашей...

Мы вышли всѣ трое вмѣстѣ.

Изъ кавассовъ передъ нами шелъ одинъ только Ставри.

На улицѣ, когда я увидалъ, что мы въ самомъ дѣлѣ идемъ сами наказывать турокъ, у меня вдругъ дрогнуло сердце, и я сказалъ консулу:

— Monsieur Благовъ, боюсь я, чтобы послѣ турки мнѣ не отмстили.

Но Благовъ не обратилъ на мои слова ни малѣйшаго вниманія и отвѣчалъ:

— Ну, бойся, если тебѣ охота.

Нечего было дѣлать, я шелъ за нимъ.

Оба турка жили недалеко отъ консульства. Софта жилъ въ домѣ ярко-зеленой школы турецкой, которая выступомъ выходила на широкую улицу, а сейсъ рядомъ со школой, у какого-то другого турка въ услуженіи.

На полдорогѣ Ставри остановился и сказалъ консулу:

— Эффенди, если мы пойдемъ звать ихъ, они не выйдутъ на улицу. А надо иначе сдѣлать.

— Внутрь войдемъ, — сказалъ Благовъ.

— Нейдетъ, эффенди, въ домъ входить для такихъ дѣлъ! Пусть будетъ открыто, на улицѣ лучше.

Я удивился, что Благовъ послушался старика тотчасъ же и отвѣчалъ:

— Я думаю, Ставри, что ты это хорошо говоришь... Но что́ жъ намъ дѣлать?

— Легкое дѣло! — отвѣчалъ съ пренебреженіемъ Ставри. — Вы извольте итти понемногу. Если случатся они сами наружи, то вы накажете ихъ сами, если вамъ это пріятно. А я между тѣмъ пойду къ Сулейманъ-дервишу. У него сынокъ теперь безъ мѣста, тотъ, который тоже сейсомъ служилъ у м-сье Леси. Онъ очень желаетъ къ вамъ. Мы ему дадимъ что-нибудь, и онъ ихъ вызоветъ. Сколько вы дадите ему?

— Сколько хочешь дамъ. Лиры двѣ золотыхъ? Онъ тоже мусульманинъ. Пойдетъ ли онъ?

— Ба! — сказалъ Ставри. — За что́ же двѣ лиры? Дайте ему одинъ меджидіе серебряный за это. Онъ скажетъ имъ только: васъ какіе-то люди зовутъ на улицу.

— Какъ бы они послѣ его за это не убили,—замѣтилъ Благовъ.

— Это ихъ турецкіе счеты между собой. Намъ что́?

— Хорошо, — сказалъ Благовъ.

Ставри поспѣшилъ въ тотъ переулокъ, гдѣ былъ домъ дервиша. А мы пошли не торопясь впередъ.

Благовъ казался невозмутимъ и веселъ; но у меня, по мѣрѣ приближенія къ *зеленой школѣ*, которая была издали такъ видна, все сильнѣе и сильнѣе билось сердце. Я взглянулъ на доктора, и у него дергались уже не однѣ

брови, — все лицо его было въ непомѣрномъ движеніи и глаза его были унылы. Наконецъ онъ сказалъ Благову:

— Я удалюсь. У меня есть еще визиты... Удалюсь... Къ тому же нервы мои...

— Нервы? — спросилъ Благовъ разсѣянно и сказалъ потомъ: — Хорошо.

Онъ не сводилъ глазъ со школы, такъ же какъ я. Коэвино ушелъ. Ставри ушелъ. Мы остались одни съ консуломъ, оба безоружные. Я утѣшалъ себя мыслью, что Благовъ непремѣнно дождется кавасса и молодого араба, который, въ надеждѣ на награду и должность, будетъ вѣроятно на нашей сторонѣ.

Миновали и эту страшную теперь для меня школу. Я думалъ: «Все хорошо; слава Богу. Нѣтъ никого». Но вотъ еще мигъ, и самъ сеисъ *мой* стоялъ передъ нами въ красной праздничной одеждѣ, высокій, плечистый, смѣлый; изъза кушака его былъ виденъ довольно длинный ножъ.

Я думалъ, что мы пройдемъ мимо и дождемся вооруженнаго Ставри, чтобъ исполнить наше намѣреніе. Г. Благовъ какъ будто бы и хотѣлъ сначала сдѣлать еще нѣсколько шаговъ. Онъ человѣка этого никогда не видалъ; я молчалъ и видѣлъ, какъ сеисъ глядѣлъ насмѣшливо, провожая глазами консула, потомъ взглянулъ и на меня и окинулъ меня блистающимъ взоромъ насмѣшки.

Въ эту самую минуту г. Благовъ вдругъ обернулся и спросилъ:

— Одиссей, не онъ ли это?

— Онъ, — отвѣчалъ я робѣя.

Консулъ обратился тогда къ сеису и спросилъ у него:

— Знаешь ли ты меня, кто я такой?

— Нѣтъ, не знаю! — отвѣчалъ сеисъ дерзко и спокойно. (Конечно это была ложь; консульство было на той же улицѣ, и фуражка круглая, русская извѣстна у насъ).

— Не знаешь? — повторилъ Благовъ поблѣднѣвъ и, возвышая немного голосъ, указалъ на меня: — А его ты знаешь?

— Его знаю, — отвѣчалъ сеисъ, пренебрежительно подбочепясь и взявшись рукою за кушакъ, за которымъ былъ ножъ.

Прохожихъ на этой большой улицѣ было довольно, несмотря на холодъ. Были и турки. Насъ скоро окружило человѣкъ тридцать и христіанъ и турокъ.

— Зачѣмъ же ты билъ его, когда ты знаешь, что онъ сынъ моего драгомана?—спросилъ Благовъ, и голосъ его все крѣпчалъ и все возвышался; лицо теперь краснѣло все болѣе и болѣе.

Говоря онъ поднялъ трость. Сейсъ, отступивъ немного, взялся рукою за рукоятку ножа.

Тутъ увидалъ я, до чего бываютъ люди смѣлы...

Возвращаясь домой послѣ расправы и не доходя до консульства, Благовъ сказалъ мнѣ:

— Бѣги скорѣй къ своему Несториди и еще отыщи одного пріѣзжаго купца Хаджи-Хамамджи, Дели-Пѣтро, и зови ихъ сегодня ко мнѣ на вечеръ. И скажи Дели-Пѣтро, чтобъ онъ приходилъ ко мнѣ раньше. Я очень хочу его видѣть... Я буду ждать тебя къ обѣду.

Я пошелъ звать ихъ, а г. Благовъ вернулся въ свой конакъ.

XVI.

Обѣдали мы при свѣчахъ и всѣ были веселы.

Еще мы не кончили прекраснаго желе съ гранатовыми зернами, которое зовутъ *эльмазіе*, когда на галлереѣ раздалась цыганская музыка и въ столовую вошла Зельха́, такая нарядная и красивая, какой я еще ее никогда не видалъ. Она тотчасъ же сняла съ себя шубку и бросила ее на диванъ. Въ этотъ день на ней было платье изъ тонкой шерстяной матеріи, все въ широкихъ полосахъ: одна полоса ярко-палевая, другая бѣлая; палевая была одноцвѣтная, а на бѣлой были ряды букетовъ печатныхъ мелкимъ узоромъ въ персидскомъ вкусѣ. Курточка на ней была самая хорошая, новая, изъ малиноваго бархата, вся въ шитьѣ и блесткахъ, безъ рукавовъ; подъ курточкой надѣта была рубашка съ широкими рукавами изъ шелковой азіатской кисеи (*хашламà*), у которой одна полоса прозрачная, а дру-

гая—густая бѣлая, почти какъ атласъ. Шея ея была украшена кораллами и ожерельемъ въ два ряда турецкихъ золотыхъ лиръ, наполеондоровъ и австрійскихъ червонцевъ; на груди висѣла огромная австрійская монета въ пять червонцевъ (завѣтный даръ *московскаго отца*). На черныхъ волосахъ ея, подстрижённыхъ по-турецки на вискахъ, надѣта была немного на сторону новенькая феска.

Она тотчасъ же начала просить у Благова разныхъ вещей.

— Эффенди,—сказала она,—у меня отъ этихъ мѣдныхъ штучекъ, которыми я звоню, когда танцую, руки послѣ не хорошо пахнутъ. Купи мнѣ перчатки. А когда ты мнѣ сдѣлаешь серебряныя эти штучки, тогда мнѣ перчатокъ не надо будетъ.

Благовъ согласился и тотчасъ же послалъ Маноли къ одному архонту, который держалъ магазинъ разныхъ мелкихъ европейскихъ товаровъ, и велѣлъ просить его непремѣнно прислать нѣсколько паръ самыхъ маленькихъ шелковыхъ перчатокъ (*хорошихъ* лайковыхъ въ Янинѣ вовсе не бываетъ).

— Я знаю,—прибавилъ Благовъ,—что онъ уже ушелъ теперь съ базара домой, и что опять итти въ лавку очень холодно и далеко. Но *я* прошу его. И ты можешь начать съ того, что пригласишь его на сегодняшній вечеръ. А ужъ потомъ, понимаешь, о перчаткахъ...

Не прошло и получаса, кажется, какъ Маноли уже принесъ нѣсколько картоновъ женскихъ шелковыхъ перчатокъ. Они были разной мѣры и всякихъ цвѣтовъ.

Зельха́ кинулась на нихъ, и мрачные глаза ея засверкали искрами. Всѣ улыбались, глядя на ея радость. А Коэвино сказалъ Благову по-французски: «Она особенно заботится сегодня о своей красотѣ, потому что будутъ и танцовщицы другихъ партій!» А Благовъ отвѣчалъ: «Да! Однако и года дѣлаютъ свое; она стала постарше».

Зельха́ была въ недоумѣніи, какую пару выбрать—палевую, черную, свѣтло-лиловую, свѣтло-коричневую. Но Благовъ ей сказалъ: «выбери всѣ!» Она взяла паръ шесть ра-

зомъ, опять стала покойна и, подойдя къ консулу, серьезно коснулась края его одежды, благодарила его и спросила: «Теперь какія надѣть, паша мой, прикажешь?» Благовъ велѣлъ надѣть палевыя, «а такъ какъ ты (прибавилъ онъ) черезъ часъ замараешь ихъ совсѣмъ, то надѣнь послѣ черныя».

— *Пекъ еи*, эффенди! — отвѣчала Зельха́, надѣла палевую пару и, увидавъ, что она сидитъ на ней красиво, въ обтяжку и вовсе ей не мѣшаетъ, такъ обрадовалась, что подошла вдругъ ко мнѣ и, сказавъ: «Взгляни, барашекъ мой, какъ красиво, какъ хорошо!» положила обѣ маленькія руки свои мнѣ на лицо.

Никто, къ счастью, не обратилъ на это вниманія. Всѣ были заняты приготовленіями къ вечеру.

Въ кабинетѣ и въ пріемной зажигали лампы. И хотя стало гораздо теплѣе, чѣмъ было утромъ, однако чугунныя печи пылали вездѣ. Кольйо въ свѣжей, бѣлой одеждѣ и съ золотымъ орломъ на пурпуровой длинной греческой фескѣ ходилъ по комнатамъ съ куреніями. Скоро пришли и другія танцовщицы, Ферземинъ и Эисмѐ съ другою партіей цыганъ-музыкантовъ. Ферземинъ была высокая, еще молодая и довольно полная женщина, бѣлокурая и красивая; а Эисмѐ была не хороша и не молода, но считалась лучшею и самою опытною у насъ *цингистрой* (танцовщицей). Она была худа, желта и широколица, какъ ногайская татарка, и глаза ея сверкали какъ тотъ черный хрусталь, изъ котораго дѣлаютъ на Востокѣ хорошія четки. При ней былъ маленькій сынъ лѣтъ десяти, съ такими же глазами, какъ у матери, въ длинной, почти женской одеждѣ и въ фескѣ. Онъ также танцовалъ. Одѣты обѣ *цингистры* были опрятно, но просто и бѣдно, въ ситцахъ, и наша Зельха́ казалась предъ ними царевной, радостно ожидающей прекраснаго принца-жениха.

Она и сама знала это. Подойдя къ другимъ танцовщицамъ, она съ улыбкой высокомѣрія оглядѣла ихъ и сказала имъ по-турецки:

— Я съ вами вмѣстѣ плясать сегодня не буду.

— Кто тебя проситъ? Кто тебя желаетъ? — возразила Ферземинъ спокойно, пожимая плечами.

Но Эисмѐ, взглянувъ на дѣвочку свирѣпымъ и завистливымъ взглядомъ, вскрикнула:

— Э! ты, дрянь! будешь плясать, когда велитъ эффенди... Много словъ лишнихъ не надо, знаешь... что́ съ тобой говорить.

— Ты... дрянь,—отвѣчала Зельха́ съ небрежнымъ, аристократическимъ презрѣніемъ.

— Молчи!—возразила Эисмѐ съ еще большимъ гнѣвомъ. Но въ эту минуту мать Зельхи, которая уже сѣла было на полъ около музыкантовъ своей партіи и собиралась ударить въ бубенъ, вскочила и, бросившись къ дочери, рванула ее очень сильно за руку, восклицая:

— Говорила я тебѣ, потеряшная, не заводи ссоры; пошла, дура, прочь отъ нихъ; ты дѣвушка — и тебѣ стыдно.

Бостанджи-Оглу тоже вмѣшался и, обращаясь къ Зельхѣ, убѣждалъ ее не шалить. А мать ей сказала тоже еще разъ: «ты дѣвушка — тебѣ стыдно». Другія танцовщицы тогда засмѣялись, восклицая: «дѣвушка, дѣвушка!» Но мужъ Эисмѐ, страшный, худой и небритый цыганъ, похожій на того, который казнилъ несчастнаго Саида, закричалъ женѣ съ полу: «оставь!» Женщины замолчали, музыка заиграла, и всѣ они сѣли на полъ и хоромъ мирно всѣ запѣли пѣснь о нападеніи разбойниковъ на путника въ горахъ.

Оселъ мой медленно ступалъ
Тропинкой узкой надъ обрывомъ.
О, ужасъ! я боюсь, что пропаду средь этого Парнаса!..
И вдругъ изъ-за кустовъ пять-шесть ребятъ въ одеждѣ грязной,
и на́голо ножи...

Зельха́ не удостоила сѣсть на полъ. Она опять подошла ко мнѣ и, ничуть не стѣсняясь, раскинулась на великолѣпномъ диванѣ Благова и улыбнулась мнѣ такъ мило, поглядѣла на меня такъ внимательно, такъ ласково, что я внезапно вспомнилъ мой вчерашній сонъ и весь

содрогнулся отъ какой-то новой, отъ какой-то внезапной радости. Встрепенулся радостью, мнѣ самому не понятною. Это чувство было похоже на какую-то струю или какую-то тончайшую стрѣлку, которая изъ глазъ моихъ, изъ устъ, отвѣтившихъ противъ воли ей такою же улыбкой, полной выраженія, проникла глубоко, глубоко въ сердце мое... Да! въ *сердце*; я говорю это не иносказательно, а просто, ибо я подобнаго ничего не ощущалъ еще ни разу. И мое неопытное сердце затрепетало отъ радости и страха... Я переступилъ въ этотъ мигъ черезъ какую-то незримую волшебную черту. Я пересталъ ея бояться и не хотѣлъ гнать ее прочь.

Около насъ въ эту минуту не было никого. Музыка все громче и громче играла; пѣвцы и пѣвицы все возвышали голоса; громче и громче звучалъ тамбуринъ старухи; яркія лампы и свѣчи блистали вокругъ, озаряя пестроту просторнаго жилища. Милый Кольйо опять ходилъ съ чарующею благовонною курильницей; пышная юбка его качалась при каждомъ осторожномъ шагѣ, которымъ ступалъ онъ по клѣтчатой цыновкѣ...

О Боже мой! Что сталось со мной! Я не хочу уже болѣе удаляться отъ «душистой и горькой моей травки»...

Цвѣтокъ соблазна и грѣха! Мной внезапно овладѣлъ тотъ самый младшій, тотъ нѣжный и маленькій демонъ, самый быстрый и крылатый изъ всѣхъ демоновъ упоительнаго зла, котораго меня такъ долго учили бояться.. Я сказалъ ей только два слова: «что̀ ты, *моя* Зельха́?» и взялъ ее осторожно за маленькую руку подъ складками моей широкой одежды, чтобы никто не видалъ. Она отвѣчала: «ничего» и сама незамѣтно ни для кого пропускала свои пальцы одинъ за другимъ между моими и, сжимая ихъ все крѣпче и крѣпче, вдругъ обернулась лицомъ къ цыганамъ и, выждавъ минуту, запѣла вмѣстѣ съ ними, отворачиваясь отъ меня и все съ бо̀льшимъ чувствомъ сжимая мои пальцы своими. Мнѣ казалось, что я слышу, какъ скрипитъ подъ моею рукой нѣжный шелкъ ея перчаткъ; мнѣ ка-

зался этотъ звукъ сильнѣе и тамбурина, и скрипокъ, и громкихъ возгласовъ пѣвицъ.

Такъ сидѣли мы довольно долго; никто не замѣчалъ, что мы держимся за руки. Наконецъ вошли гости: докторъ Арванитаки, Куско-бей и два другихъ архонта, Врóссо и Мèссо. Ихъ провожалъ Бостанджи-Оглу. Я поспѣшно всталъ и почтительно поклонился, но Зельха̀ не обратила на нихъ никакого вниманія.

Врóссо былъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ нашихъ янинскихъ архонтовъ. Онъ очень недурно понималъ вопросы высшей международной политики. Но въ мелкія интриги мѣстныхъ партій вмѣшиваться не любилъ.

Еще немного погодя пришелъ Несториди, пришли Исаакидесъ и Бакѣевъ.

Наконецъ вышелъ и самъ г. Благовъ. Всѣ окружили его привѣтствуя и всѣ потомъ сѣли; сѣлъ и я въ сторонѣ и внимательно слушалъ. Исаакидесъ первый счелъ долгомъ упомянуть о наказанныхъ оскорбителяхъ моихъ, сейсѣ и софтѣ. Указывая на меня съ улыбкой, онъ сказалъ:

— Мы съ радостью услыхали, что бѣдный Одиссей отмщенъ.

Но льстивый Мèссо перебилъ его, стремительно воскликнувъ:

— О, конечно! Ваше сіятельство изволили снизойти до этихъ негодяевъ и удостоили ихъ наказать сами, дабы свѣтъ зналъ, что юноша, который наслаждается россійскимъ покровительствомъ, какъ сынъ вашего драгомана, не можетъ быть оскорбляемъ.

— Что́ жъ мнѣ оставалось больше дѣлать? — сказалъ Благовъ. — Я думалъ...

— О, да, понятно! — воскликнулъ Мèссо.

Г. Благовъ замолчалъ. Тогда Бакыръ-Алмазъ замѣтилъ.

— Если уже разсуждать объ этомъ, то прежде всего надо припомнить, что господинъ Благовъ въ теченіе стольких мѣсяцевъ жилъ съ пашой прекрасно, ни одного турка ничѣмъ не обидѣлъ и ни на кого въ городѣ не

поднималъ руки. Паша могъ бы ихъ наказать административно, по достаточному нравственному убѣжденію...

— И по довѣрію къ русскому консульству, которое вело себя всегда благородно и даже уступчиво по отношенію къ Портѣ,—прибавилъ солидный Врòссо.

— Не такъ, какъ нѣкоторые другіе,—прибавилъ г. Благовъ.

Всѣ поняли, что онъ намекалъ на Бреше, улыбнулись, и Мèссо, припрыгнувъ на диванѣ, воскликнулъ:

— О, да, понятно, конечно!

А Бакыръ-Алмазъ обвелъ всѣхъ взоромъ и сказалъ:

— Знаемъ, что̀ это значитъ!

Мнѣ казалось, что эта обильно расточаемая лесть нѣсколько тяготила консула. При всей сдержанности и нѣкоторой скрытности Благова, при всемъ томъ, что тонъ его былъ почти всегда ровенъ и лицо и взглядъ спокойны, у него было одно свойство, которое обличало его душевное движеніе: онъ легко краснѣлъ. Такъ и въ этомъ случаѣ онъ покраснѣлъ и, обратившись къ Несториди, началъ другой разговоръ:

— Я очень радъ, что вы здѣсь надолго; здорова ли ваша кира-Марія?

Я видѣлъ, какъ у Несториди вздрогнули брови отъ удовольствія, что консулъ даже не забылъ имени его жены, и разговоръ оживился.

Благовъ началъ разсказывать о своемъ путешествіи по Эпиру, Ѳессаліи и Македоніи; говорилъ, какъ ему все понравилось въ Меццовѣ, въ Загорахъ и въ Сулійскихъ горахъ и какъ хорошо, что все это такъ разнородно, такъ самобытно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ одушевлено однимъ и тѣмъ же патріотическимъ эллинскимъ духомъ.

— Мнѣ нравится чрезвычайно оригинальность этого строя,—сказалъ консулъ.—Какъ бы особыя небольшія республики подъ неограниченною, повидимому, властью паши. Я говорю: повидимому, потому что уничтоженіе всѣхъ этихъ мѣстныхъ особенностей и неравномѣрныхъ привилегій, которыя иногда кажутся и не совсѣмъ справедливыми жи-

телямъ тѣхъ округовъ, которые этихъ привилегій не имѣютъ, было бы, однако, очень вредно для общаго хода вашихъ національныхъ дѣлъ. Тогда константинопольской централизаціи было бы легче простирать свое владычество до самаго отдаленнаго села. Пусть лучше поселяне янинскихъ окрестностей и другихъ не привилегированныхъ округовъ, которые находятся въ зависимости отъ беевъ и обязаны платить имъ, пусть лучше они завидуютъ привилегированнымъ жителямъ Загоръ или Мецова, чтобы сохранились по крайней мѣрѣ эти очаги, гдѣ сосредоточена ваша національная жизнь, чѣмъ, уравнивая все, давать просторъ только этой централизаціи на французскій образецъ.

— О, конечно, — воскликнулъ Мѐссо. — Мы свято должны хранить наши старинные права и даже обычаи, которые суть залогъ нравственности нашей.

— Я говорю не столько о нравственности, сколько о нравахъ, — сказалъ Благовъ.

На это Несториди замѣтилъ такъ:

— Я полагаю, что именно то, что̀ вы, господинъ консулъ, зовете нравами, и служитъ хранилищемъ даже нравственности въ нашихъ семьяхъ, нравственности, которою мы, греки, такъ дорожимъ. Единство нравовъ и обычаевъ даетъ, напримѣръ, крѣпость и опредѣленность общественному мнѣнію.

Врѐссо перебилъ его съ улыбкой:

— Господинъ Несториди въ сочиненіи своемъ о Загорахъ, которое онъ надѣется скоро издать, является строгимъ защитникомъ народныхъ танцевъ, праздничныхъ обрядовъ и даже дѣтскихъ игръ мѣстнаго происхожденія.

Несториди прервалъ его, говоря:

— Да, я утверждаю даже большее; я говорю въ этомъ трудѣ моемъ, что измѣнять у насъ въ Загорахъ восточную одежду на европейскую несообразно съ климатомъ и что отъ перемѣны этой можетъ пострадать общественное здоровье. Хотя я и самъ подчинился этой вредной модѣ и надѣлъ европейскую одежду, но нахожу, что мы всѣ долж-

ны были бы одѣваться такъ, какъ одѣтъ молодой человѣкъ (онъ указалъ на меня, и я почтительно всталъ).

На это возразилъ Исаакидесъ, что въ такой варварской странѣ, какъ Турція, никакой нѣтъ возможности одѣваться порядочному человѣку по-восточному и будто бы меня, напримѣръ, не такъ бы легко рѣшились прибить турки, если бъ я носилъ европейскую одежду.

Мѐссо поспѣшилъ замѣтить на это:

— Однако сіятельнѣйшій господинъ консулъ потщился и сумѣлъ извлечь изъ этого печальнаго обстоятельства большую пользу. Всѣ люди, считаю долгомъ это присовокупить, обратили особенное вниманіе на то, что ваше благородіе были безъ оружія и безъ кавассовъ и, несмотря на цѣлую толпу мусульманъ, дали имъ публичное наставленіе.

И, обращаясь ко мнѣ, онъ прибавилъ еще:

— И этотъ молодой человѣкъ, какъ слышно, велъ себя истиннымъ паликаромъ.

Всѣ начали тогда хвалить меня хоромъ, говоря то же, что̀ говорили многіе при началѣ моего дѣла и дѣла Назли,— что «я пострадалъ за вѣру и народность, что я хорошо заслужилъ отъ отчизны». Смирный Арванитаки и тотъ подтвердилъ то же самое по-латыни и даже поправлялъ очки, чтобы лучше меня разсмотрѣть. Въ эту минуту показался греческій консулъ и съ нимъ Хаджи-Хамамджи, а вслѣдъ за ними явился и докторъ Коэвино. Тогда всѣ встали, начался смѣхъ и шумъ. Музыка опять громко заиграла; докторъ хохоталъ и кричалъ: «браво! браво!», архонты любезно спорили между собой; самъ Несториди началъ смѣяться, слушая Хаджи-Хамамджи, который что-то ему очень громко разсказывалъ. И надъ всѣмъ этимъ шумомъ, говоромъ и смѣхомъ высоко, высоко возносился звучный голосокъ моего маленькаго, нарядная и черноокаго демона. Она пѣла, и я, удалясь въ темный уголъ, слушалъ ее внимательно. Г. Киркориди просилъ замолчать.

— Подождите,— сказалъ онъ,— я очень люблю пѣсни разлуки; это, кажется, пѣсня разлуки.

Вы, птички полевыя, ахъ, румелійскія вы птички,
Туда, куда летите вы, чтобъ внизъ спуститься,
Письмо есть у меня, писанье я имѣю,
Снесите доброй вы его, вы матери снесите,
Чтобъ не ждала она меня и чтобъ не ожидала.
Я здѣсь, куда пришелъ, тутъ и женился,
И дали мнѣ жену колдуньи дочь.
Чаруетъ корабли — и не плывутъ они,
Чаруетъ рѣки — и рѣки не текутъ.
Меня она очаровала и мнѣ возврата нѣтъ;
Хочу уѣхать, — снѣгъ и дождь,
Назадъ вернусь, — днемъ солнце, ночью звѣзды.
Сѣдлать хочу коня, — онъ разсѣдлается,
Хочу оружье взять, — опять его снимаю.

Однако кто-то изъ круга гостей ударилъ громко въ ладоши, и музыкѣ приказали замолчать. Хаджи-Хамамджи хотѣлъ говорить рѣчь.

Хаджи-Хамамджи, по обычаю своему, расправляя бакенбарды, сталъ посреди комнаты и началъ такъ:

— Россія сосредоточилась...

(Всѣ засмѣялись. Это была обожаемая имъ дипломатическая цитата, и всѣ знакомые ему люди уже предвидѣли, что онъ съ нея начнетъ.)

Хаджи-Хамамджи обвелъ всѣхъ томнымъ и значительнымъ взглядомъ и продолжалъ плавно и величаво:

— Она сосредоточилась! Задумчивый образъ не уснувшаго, но слегка раненаго и отдыхающаго льва изобразилъ бы превосходно это состояніе. Я убѣжденъ, что Россія искренна въ своемъ миролюбіи. Но... есть теченіе историческихъ судебъ, независимое отъ воли самыхъ всесильныхъ людей. Въ 1810 или 1811 году могли ли предвидѣть государственные люди Россіи, что въ 1814 году русскія войска будутъ вступать тріуфмально въ Парижъ? «Прикажете ли разрушить Аустерлицкій мостъ?» спросили французскіе льстецы у императора Александра. —«Зачѣмъ его разрушать, когда мои войска прошли черезъ него, вступая въ Парижъ?» отвѣчалъ дипломатъ-побѣдитель. (Хамамджи радостно засмѣялся.) Я самъ, котораго вы видите,

котораго турки зовутъ «безумный Пѣтро» и увѣряютъ, что слѣдуетъ слушать меня говорящаго, чтобъ узнать мысли всѣхъ другихъ *не говорящихъ* грековъ, я, Хаджи-Хамамджи, не отчаиваюсь перейти во главѣ иррегулярной конницы Гималайю... *Oui! cette teste fera tout... Elle passera le... diable... comment le nommez-vous?.. le Ganguès à la teste des troupes irregoulières et cosaques!* Sacré nom de Dieu!.. Какое пышное зрѣлище! Древніе города, милліонами, трилліонами населенные! Священныя коровы... ихъ держатъ святые люди за хвостъ... Океаны разноцвѣтныхъ зданій... Нагія баядерки... Слоны бѣлые величиною съ гору... Боги съ десятками рукъ... Обезьяны кричатъ и прыгаютъ съ вѣтки на вѣтку... Христосъ и Панагія!.. Кто это? Съ полосатою лентой св. Георгія первой степени черезъ плечо. C'est le chef des troupes *irregoulières*... Графъ Дели-Петро Загангесскій, Хаджи-Хамамджи князь Загималайскій... Sacré nom de Dieu!.. Женщины кричатъ: «Аманъ, аманъ, пощади насъ!» Нельзя!.. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа... Поповъ сюда!.. Въ Гангъ ихъ всѣхъ, въ рѣку... Въ Гангъ, въ Гангъ!.. Cette petite bayadère est très jolie! Sa *figoure* est tout-à-fait *canonique*... *) Иванъ! cette bayadère... — Хамамджи подмигнулъ значительно Ивану. — Потомъ снова принялъ повелительный и серьезный видъ, обратился ко всѣмъ намъ, стоявшимъ около него близко, и сказалъ намъ, слегка толкая насъ всѣхъ поочереди къ дивану: — Въ Гангъ, въ Гангъ! Да, надо ихъ всѣхъ искупать въ рѣкѣ, какъ сдѣлалъ Владиміръ!.. Но, если политика требуетъ осторожности, можно поступить иначе... Я сдѣлаю только водосвятіе и молебенъ въ униформахъ и трикантонахъ на базарѣ въ Бенаресѣ и Калькуттѣ... Только одно водосвятіе...

Всѣ громко зааплодировали и закричали: «Браво, браво». Въ томъ числѣ и самъ консулъ.

---

*) Хаджи-Хамамджи, не зная хорошо по-французски, не стѣсняясь передѣлываетъ окончанія греческихъ словъ и замѣняетъ ими тѣ французскія слова, которыхъ ему недостаетъ. *Каноническія черты лица* по-гречески значитъ правильныя, красивыя; *clire* — clérgé и т. д.

Хаджи-Хамамджи продолжалъ:

— Я сдѣлаю водосвятіе, вступивъ прежде въ Бенаресъ при восторженныхъ крикахъ народа: «Zito, Хаджи-Хамамджи, графъ Дели-Петро Загималайскій!..» Сдѣлавъ водосвятіе только для войска, не принуждая ни къ чему народъ, я, напротивъ того, покажу примѣръ терпимости и пойду прежде въ мусульманскую мечеть, и сниму сапоги, и скажу такъ, поднимая руки къ небу: «Аллахъ экберъ! Богъ одинъ для всѣхъ, и Магометъ былъ *человѣкъ* великій». Замѣтьте, скажу не *пророкъ*, а *человѣкъ*, и скажу это pour que notre *clire* à nous ne *pouisse m'accouser*! Англичане глупы, что мѣшаютъ людямъ въ Индіи бросаться подъ колесницу богини. Пусть люди будутъ свободны... При такого рода свободѣ будетъ больше послушанія и любви.

Всѣ смѣялись. Но Благовъ сказалъ оратору такъ:

— Слава Богу, что мы не мечтаемъ о томъ, о чемъ вы мечтаете. Если бы все то, что вы говорите, свершилось, отъ Россіи не осталось бы и слѣда. Мы всѣ бы уѣхали жить на югъ и востокъ. Такого рода тріумфы были бы началомъ паденія для настоящей, для нынѣшней Россіи.

— Тѣмъ лучше! Мы, греки, поможемъ вамъ просвѣтить Востокъ,—возразилъ Хамамджи.—Надо желать только одного: надо вести дѣла такъ, чтобы ни одна западная держава не могла мѣшаться въ дѣла Востока, кромѣ Россіи. Что могло быть лучше трактата сороковыхъ годовъ между Турціей и Россіей? Особливо эта анаѳемская Австрія! У нея отняли Ломбардію, отнимутъ Венецію, Чехію... Надо отнять все. Изъ всѣхъ державъ, дѣйствующихъ на Востокѣ, всѣхъ вреднѣе, всѣхъ растлѣннѣе нравственно — это Австрія. Для насъ, грековъ, достаточно вспомнить, что Австрія—родина Меттерниха, предъ которымъ напрасно преклонялъ колѣни, умоляя за насъ, нашъ благородный Ипсиланти. Въ 1822 году Меттернихъ убѣждалъ императора Александра I предоставить свою распрю Россіи съ Турціей на рѣшеніе европейской конференціи. Но великій Каподистрія успѣлъ во-время раскрыть глаза императора на эти сатанинскія козни...

Въ эту минуту въ залѣ показался австрійскій консулъ.

Хаджи-Хамамджи внезапно умолкъ; г. Благовъ пошелъ навстрѣчу Ашенбрехеру, и всѣ поспѣшно встали, кланяясь.

Г. Ашенбрехеръ любезно здоровался со всѣми и всѣмъ пожималъ руки. Онъ восклицалъ и по-итальянски, и по-гречески:

— А, киріе Вро̀ссо! А, синьоръ Мѐссо!

Г. Благовъ представилъ ему Хаджи-Хамамджи и сообщилъ ему вполголоса, что это человѣкъ чрезвычайно занимательный.

Всѣ утихли и сѣли по мѣстамъ. Но Ашенбрехеръ, который увидѣлъ еще вѣроятно изъ большой залы, что Хаджи-Хамамджи что-то ораторствовалъ и всѣ его слушали, обратился ко всему обществу и сказалъ привѣтливо:

— Я, кажется, прервалъ очень оживленную бесѣду; я прошу продолжать. Синьоръ Хаджи-Хамамджи, вы разсказывали что-то.

Хаджи-Хамамджи поклонился и отвѣчалъ:

— Это была рѣчь о высшей политикѣ, къ которой я имѣю особое призваніе, и если позволите, господинъ консулъ, я буду продолжать начатое.

— Очень радъ, очень радъ! — воскликнулъ австрійскій консулъ съ жаромъ.

Всѣ съ удивленіемъ ждали и спрашивали себя, какъ это Хаджи-Хамамджи будетъ продолжать подобную рѣчь при Ашенбрехерѣ.

Ораторъ однако всталъ и, принявъ свою любимую позу, продолжалъ такъ:

— У великой имперіи османовъ есть два великіе сосѣда: Австрія и Россія. Османлисы — народъ чисто государственный, народъ военный. Они сначала доказали глубину своего политическаго смысла. Есть преданіе, что султанъ Магометъ II, завоеватель, вскорѣ послѣ взятія имъ нашей древней столицы, стоялъ въ прекрасномъ кіоскѣ съ нѣкіимъ старымъ шейхомъ, и они вмѣстѣ любовались на магическое зрѣлище Босфора. «Государь! — воскликнулъ на-

конецъ въ умиленіи шейхъ, — государь, если бы столькіе народы, подвластные теперь твоему жезлу и твоей десницѣ, стали всѣ правовѣрными мусульманами!» Тогда Магометъ II взялъ его за руку, обратилъ лицомъ къ роскошному цвѣтнику, который былъ виденъ изъ кіоска, и сказалъ ему: «Развѣ не красивѣе и не величественнѣе видъ этого сада теперь, когда цвѣты и растенія въ немъ такъ разнородны? Пусть роза лучше всѣхъ цвѣтовъ, но цвѣтникъ былъ бы хуже, если бъ онъ состоялъ изъ однѣхъ только розъ». Такъ изрекъ этотъ страшный и мудрый завоеватель. Османлисы были политически правы, разсуждая такъ: «Оставимъ этихъ невѣрныхъ, этихъ несчастныхъ людей торговать и пахать землю; мы же будемъ воевать, будемъ править, будемъ брать подати!»

(Говоря это, Хаджи-Хамамджи дѣлалъ опять жесты руками. «Воевать» — грозный взмахъ рукой; «править» — довѣрительный взглядъ въ обѣ стороны и горизонтальное движеніе руки, рѣжущей голову; «будемъ брать подати» — хватая пальцами что-то въ воздухѣ, онъ значительно и не спѣша набивалъ себѣ карманы.)

Всѣ понемногу начинали смѣяться и прерывали рѣчь его хохотомъ.

— Il est ravissant! — воскликнулъ Ашенбрехеръ. — Продолжайте, продолжайте, итакъ Россія и Австрія...

Хаджи-Хамамджи продолжалъ:

— Я сказалъ Австрія и Россія, а не Россія и Австрія ибо Австрія ближе къ Турціи во многихъ отношеніяхъ мѣстность, родъ населенія и многія другія дѣла... и другія дѣла.

Улыбки на этотъ разъ были сдержаннѣе.

— Чисто государственный военный характеръ османлисовъ имѣетъ, однако, свои худыя стороны. Эти свойства ихъ, не смягченныя ничѣмъ другимъ, слишкомъ ѣдки и остры. Они дѣйствуютъ на окружающую среду слишкомъ разъѣдающимъ образомъ. Подвластные имъ народы были слишкомъ угнетены. И мы всѣ должны быть благодарны Австріи и Россіи за тѣ войны и за тѣ дружескія хода-

тайства, которыми эти державы способствовали смягченію государственнаго ига османлисовъ. Но тутъ явилось неожиданное обстоятельство, имперіи османовъ стало грозить разрушеніе... Великіе сосѣди имѣютъ право позаботиться о наслѣдствѣ халифовъ; имѣютъ право спросить себя: что будетъ? Обѣ державы вынуждены бросить взглядъ на зеленые всходы, которые видны уже изъ-подъ расшатаннаго зданія. Я понимаю, что онѣ должны, можетъ быть, даже поддержать это зданіе, чтобы быстрое его разрушеніе не повредило ихъ собственному жилищу; но, поддерживая его, онѣ изъ собственныхъ выгодъ, какъ державы христіанскія и сосѣднія, должны не терять той свѣжей зелени, тѣхъ всходовъ, о которыхъ я говорилъ. Это наблюденіе не есть вражда, не есть интрига; это есть законная мѣра предосторожности.

Ашенбрехеръ просилъ заключенія.

— Заключеніе мое вотъ какое, — сказалъ Хаджи-Хамамджи, наливая себѣ изъ графина: — Заключеніе мое то, что великіе христіанскіе сосѣди Турціи имѣютъ право больше всѣхъ другихъ державъ Европы вмѣшиваться въ дѣла мусульманскаго сосѣда. Я скажу даже болѣе,—изъ всѣхъ другихъ державъ Запада *только* Австрія и Россія имѣютъ право вмѣшиваться въ дѣла Турціи, стараясь смягчать своимъ миротворнымъ вліяніемъ тѣ слишкомъ разъѣдающія свойства, которыя обнаруживаетъ мусульманская государственность, предоставленная лишь самой себѣ. Обѣ державы эти должны стараться дополнить своимъ вліяніемъ лишь то, чего недостаетъ туркамъ, — онѣ должны способствовать развитію и росту того племени въ Турціи, которое болѣе всѣхъ способно къ умственному труду, къ торговлѣ и мореплаванію, промышленности и философіи, къ словесности и къ изящнымъ искусствамъ, возвышающимъ духъ нашъ и украшающимъ нашу жизнь. Мнѣ не нужно, я полагаю, послѣ этого перечисленія объяснять болѣе, про какое племя я говорю. Подвиги эллиновъ и творенія ихъ издревле сами говорятъ за себя. Zito!

И онъ выпилъ сразу весь стаканъ.

Тогда и всѣ архонты встали съ шумомъ и всѣ закричали:

— Zito! Zito Россія! Zito Австрія! Zito Эллада! *Ура*, господинъ Благовъ! Да здравствуетъ господинъ Ашенбрехеръ! Zito, господинъ Киркориди! Zito, Zito!

— Музыку! — воскликнулъ господинъ Благовъ.

Музыка заиграла героическую пѣснь, стаканы звенѣли, архонты продолжали кричать: Zito, Zito! Консулы стоя благодарили и кланялись.

Господинъ Благовъ, увидавъ меня, подалъ мнѣ полстакана вина и сказалъ:

— И ты пей, и ты кричи Zito!

И я пилъ, и я кричалъ Zito.

XVII.

Послѣ рѣчи Хаджи-Хамамджи и всѣхъ этихъ тостовъ вечеръ еще болѣе оживился. Кольйо и кавассы разносили вино, кофе и сладкое; огни все сіяли; музыка все играла; печи все топились, и чугунъ ихъ раскалялся все краснѣе.

Танцовщицы танцовали то по очереди, выходя одна за другою, то всѣ разомъ. Подъ звонъ музыки, все болѣе и болѣе громкой, подъ унылое пѣніе цыганъ и подъ ихъ радостные, дикіе возгласы, къ которымъ присоединялись часто восторженные голоса архонтовъ, выходили одна за другой: Эисмѐ, Ферземинъ и Зельха́. То *наша* нарядная царевна кружилась долго на мѣстѣ, бряцая своими тарелочками и поднимая высоко руки въ шелковыхъ перчаткахъ; то изъза нея являлась, прыгая, бѣлая и стройная Ферземинъ, также простирая руки съ звонками и также кружась; и она снова удалялась, обойдя Зельху, а на мѣсто ея выходила Эисмѐ, широко и мягко ступая; и она звонила, и она кружилась, и она выгибалась назадъ, гордо сверкая узкими черными очами. А сынокъ ея, въ фескѣ и широкой одеждѣ, кружился между ними, какъ маленькій дервишъ *мевлеви*, такъ искусно, что ни разу ни въ чемъ не ошибся и не помѣ-

шалъ ни одной изъ нихъ. И едва только обращалась къ намъ спиной суровая Эисмѐ, опять съ другой стороны, закинувъ голову назадъ и на сторону, прыгала Ферземинъ, и опять Зельха́ восхитительно гнулась вся назадъ предъ нами, какъ гѣжная вѣтвь молодого растенія... И снова кружился мальчикъ въ зеленой рясѣ. И цыгане, сами одушевляясь ихъ пляской, вскрикивали пронзительно, и все громче и громче била старуха въ тамбуринъ...

Я сидѣлъ въ большомъ креслѣ какъ упоенный и ни о чемъ уже не думалъ. Мнѣ казалось, что я былъ не на землѣ! Я слышалъ звонъ и пѣсни, видѣлъ танцовщицъ и не видѣлъ ихъ... Я слышалъ старшихъ: «Браво, Зельха́! браво! Zito, Ферземинъ! Эисмѐ, однако, пляшетъ лучше ихъ всѣхъ... Хорошо! *аферимъ* *), дитя мое, *аферимъ*! Еще, еще! Браво!..» Но кто кричалъ — я уже не разбиралъ и видѣть не могъ. Г. Благовъ, проходя мимо меня, спросилъ: «Ну что, Одиссей?» И, не дождавшись моего отвѣта, пошелъ дальше; я вскочилъ и потомъ, опустившись опять въ кресло мое, предался снова созерцательному, тихому восторгу.

Наконецъ меня вывелъ изъ этого полусна Исаакидесъ. Онъ коснулся рукой плеча моего и, подавая мнѣ газету, шепнулъ:

— Прочти послѣ, Одиссей, здѣсь идетъ рѣчь о тебѣ.

— Обо мнѣ? — спросилъ я съ изумленіемъ.

— Да, о тебѣ! — отвѣчалъ Исаакидесъ, улыбаясь. — Это изъ Аѳинъ; секретно. Поди, прочти. Но прошу тебя, милый сынъ мой, напиши еще разъ отцу за Дунай, чтобъ онъ возвращался скорѣе. Ты видишь, какой господинъ Благовъ дѣятельный; онъ разомъ наше дѣло съ Шерифъ-беемъ покончилъ.

Я взялъ газету, ушелъ поспѣшно въ мою комнату и сталъ читать. Корреспонденція изъ Эпира была обозначена крестикомъ. Вотъ что въ ней было:

«Христіанство рѣшительно подавлено въ Турціи. У насъ въ Эпирѣ христіанинъ—парія, которому запрещено имѣть

*) *Аферимъ* — хвалю, прекрасно!—по-турецки.

человѣческія права. Всѣ народы просвѣщенной Европы живутъ въ XIX вѣкѣ: только злополучные греки продолжаютъ влачить свое плачевное существованіе среди мрака среднихъ вѣковъ! Увы! Гатти-гамаюны и гатти-шерифы — слова, лишенныя смысла! Пусть не говорятъ намъ объ ужасахъ, совершаемыхъ друзами мусульманами въ Дамаскѣ, Горанѣ и другихъ мѣстностяхъ Сиріи! Здѣсь въ нашей несчастной странѣ не сразу хотятъ истребить христіанъ; здѣсь турки стараются постепенно довести ихъ до отчаянія и гибели. Это еще вѣрнѣе, потому что менѣе привлекаетъ вниманіе общественнаго мнѣнія Европы; кабинеты великихъ державъ, не видя предъ собою потоковъ крови, остаются равнодушными и не спѣшатъ смыть позорное пятно варварскаго владычества съ европейской карты».

Далѣе описывалась кратко, но со всевозможными преувеличеніями, исторія Назли и мои приключенія... Упомянуто было опять и о казни «невиннаго юноши» (и опять не сказано было, что его звали *Саидъ*, что онъ турокъ, а не грекъ). Про меня было написано такъ:

«Благородный этотъ юноша, по имени Одиссей Полихроніадесъ, отчизной не будетъ забытъ! Всѣ проливали слезы при видѣ отроческой красоты его, изувѣченной звѣрскими побоями извергов. Янioты толпами окружали его страдальческій одръ. Жизнь его долго была въ крайней опасности. Его почтенная матерь, можетъ быть, навсегда разстроила свое здоровье, видя его на одрѣ. Мужественный юноша однако оставался вѣренъ идеѣ, одушевлявшей его. Онъ сказалъ друзьямъ, окружавшимъ его: «Я счастливъ, досточтимые господа мои, что пострадалъ такъ жестоко за вѣру и родину!» Наконецъ усилія почтенныхъ врачей возстановили его здоровье, и эпироты могутъ поздравить себя, что у нихъ однимъ благороднымъ патріотомъ больше. Да здравствуетъ молодой Одиссей Полихроніадесъ, и да хранитъ Богъ благороднаго юношу для блага христіанскаго Востока!»

Я положилъ газету на столъ. Этотъ тонъ, эти слова для меня были столь неожиданны, столь высоки, что я,

подавленный ими, не ощущалъ въ первую минуту даже и радости, я сталъ вдругъ задумчивъ и, вздохнувъ глубоко, еще разъ съ уваженіемъ перечелъ корреспонденцію.

«Однако,—воскликнулъ я мысленно, наконецъ,—однако это что-то ужъ слишкомъ! Боже, за что́ Ты вознесъ мой рогъ такъ высоко передъ лицомъ всѣхъ людей?»

И я въ третій разъ посмотрѣлъ на свое имя. Чисто, ясно:—Одиссей Полихроніадесъ. Это я! и гдѣ жъ? На какихъ скрижаляхъ неизгладимо изсѣчены эти дорогіе мнѣ звуки? На столбцахъ періодическаго изданія, въ которомъ тутъ же рядомъ, рядомъ со мной, безбрадымъ отрокомъ, красуются монархи, полководцы, писатели великіе и политическіе мужи нашего вѣка! Да, повыше я читаю: «Тогда именуемый Яни Акостанъ-дудаки лодочникъ сказалъ матро-у Маттео: «Я разобью тебѣ, оселъ, морду». На что́ матросъ Маттео отвѣчалъ ему: «А я кишки тебѣ вырву и тогда...»

Нѣтъ, это глупо. Выше:

«Наши министры точно маскарадные шуты...»

Нѣтъ, ниже:

«Хлопокъ, привозимый изъ Америки...»

Нѣтъ! Вотъ пошли короли:

«Его величество король Викторъ-Эммануилъ возвратился въ Туринъ».

Вотъ Гарибальди, вотъ императоръ Наполеонъ въ трехъ мѣстахъ, волненіе въ Навпліи, вотъ самъ султанъ! И рядомъ со всѣми ними ты, мой Одиссей, увѣнчанный лаврами патріотизма.

Да! А говорятъ еще, что Исаакидесъ человѣкъ скверный и глупый; а онъ вотъ что сдѣлалъ. Нѣтъ, я вижу, что эти люди судили поверхностно, что онъ замѣчательный политическій писатель и надежный другъ. И, размышляя такъ, я рѣшилъ, что завтра же пошлю эту газету къ матери въ Загоры, и вышелъ опять въ гостиную.

Танцы прекратились, и Зельха обходила гостей съ тамбуриномъ, собирая деньги. Она хорошо уже знала порядокъ и правила политическихъ приличій. Прежде всего она

подошла не къ хозяину, а къ представителю другой великой державы—Ашенбрехеру; чуть улыбаясь и глядя на него немного какъ будто свысока, она тихо опустилась къ нему на колѣни и обвила рукой ему шею. Ашенбрехеръ съ любезностью поспѣшилъ положить ей серебряный меджидіе. Зельха поблагодарила его движеніемъ руки и, вставъ съ его колѣнъ, почти перепрыгнула въ объятія Киркориди. Греческій консулъ, отстраняя ее, ласково сказалъ ей: «Не сиди у меня долго, дитя мое; у меня неловко: ты видишь, какъ я толстъ. Иди себѣ дальше». И онъ положилъ ей тоже меджидіе.

Благовъ махнулъ ей тихонько рукой, чтобъ она проходила мимо его. Я замѣтилъ, что Ашенбрехеръ сказалъ тогда, обращаясь къ Киркориди:

«М-сье Благовъ лицемѣрнѣе и искуснѣе насъ; онъ бережетъ все лучшее для свиданій съ глазу на глазъ».

Греческій консулъ лукаво подмигнулъ въ сторону Благова и подтвердилъ слова Ашенбрехера греческою пословицей: «Извѣстно, что волкъ тумана ищетъ».

— Вы ошибаетесь господа, — возразилъ Благовъ какъ будто весело, но я видѣлъ, что ему было стыдно и онъ желалъ перемѣнить разговоръ; онъ подозвалъ меня и тихонько приказалъ мнѣ сходить и справиться у людей, есть ли все, что̀ нужно къ ужину? Чтобы денегъ не жалѣли и чтобы было всего много. Я сбѣгалъ, узналъ, что все въ порядкѣ и все хорошо; доложилъ объ этомъ на ухо консулу и, на случай новыхъ порученій, оперся сзади его на высокую рѣзную спинку кресла. Разговоръ о маленькой *цингистрѣ* продолжался.

— Вѣрно одно, что она хорошѣетъ, бѣлѣетъ и полнѣетъ, — говорилъ Ашенбрехеръ. — Лѣтомъ она была ребенокъ въ родѣ этого сына Эисмѐ, который кружится и пляшетъ только потому, что такъ велитъ мать. А у этой дѣвушки уже теперь замѣтны и въ танцахъ томленіе и нѣга, которыхъ прежде у ней не было. Румянецъ ея теперь сталъ очень нѣженъ и хорошъ.

— У нея на щекахъ краска, — сказалъ Киркориди.

— О! едва ли, — возразилъ Ашенбрехеръ.

— Есть краска, есть, — закричала изъ угла Ферземинъ.

— Что́ ты врешь, собака! — возразила ей мать Зельхи.— Нѣтъ у нея краски! Нѣтъ!

Ашенбрехеръ рѣшился сдѣлать испытаніе; онъ позвалъ Зельху, которая въ эту минуту собиралась уже сѣсть на колѣни Бакѣева, взялъ ее за руку, спросилъ ея платокъ и началъ тереть ей щеки. Она не сопротивлялась и самодовольно подставляла ему лицо. На платкѣ не было ничего, и Зельха́, сдѣлавъ австрійскому консулу небольшую гримасу, спросила:

— Что́, есть? Что́, нашелъ?

Ашенбрехеръ тогда вставъ поклонился ей низко и сказалъ:

— Виноватъ.

Эта крайняя вѣжливость консула была такъ неожиданна, что Зельха́ отъ нея смутилась гораздо больше, чѣмъ отъ подозрѣній его въ неестественномъ цвѣтѣ лица; она вдругъ, покраснѣвъ, вспрыгнула ему опять на колѣни и, обнимая его обѣими руками, воскликнула:

— Ничего, паша мой! Ничего, эффенди! Въ этомъ нѣтъ вреда мнѣ,—и поцѣловала его въ щеку такъ весело и искренно, что всѣ громко и весело засмѣялись.

— Какой демонъ эта дѣвчонка!—воскликнулъ съ восторгомъ Куско-бей.

— *Аферимъ*, дочь моя, благодарю тебя,—сказалъ австріецъ, самъ отъ души смѣясь этой милой ея выходкѣ, и положилъ ей еще большую монету.

Г. Бакѣевъ былъ очень занятъ какою-то бесѣдой съ Бакыръ-Алмазомъ, и, когда Зельха́ подошла къ нему, онъ съ досадой отстранилъ ее и, бросивъ ей на тамбуринъ деньги, сказалъ:

— Иди дальше.

Старый Бакыръ-Алмазъ, напротивъ того, посадилъ ее къ себѣ на колѣни, все продолжая разговоръ съ Бакѣевымъ, потомъ далъ ей денегъ и, потрепавъ рукой отечески по спинѣ, сказалъ:

— Экая курточка знаменитая; на возвратномъ пути опять заходи ко мнѣ.

Врóссо, Мèссо, Исаакидесъ,—всѣ по очереди удостоились принять ее на свои колѣни; но Исаакидесъ и Мèссо ничего не говорили и только улыбались игриво и противно; Врóссо же при этомъ замѣтилъ не безъ остроумія:

— Не слѣдъ бы отцу семейства обниматься съ тобою, моя прекрасная, но таковъ обычай древній, и г. Благовъ совѣтуетъ чтить обычаи.

Что касается до Несториди, то онъ, насупивъ строго брови и давая ей деньги, сказалъ:

— Я за то тебѣ заплачу, чтобы ты только не подходила ко мнѣ.

Она отошла и смотрѣла, къ кому еще итти.

Когда пришла очередь Хаджи-Хамамджи принимать привѣтствія молодой баядерки, онъ и за это дѣло взялся по-своему, очень прилично и умно; выдвинулся на край дивана, выставилъ одно колѣно впередъ, посадилъ ее осторожно на самый кончикъ, подальше отъ себя, и, глядя на нее томно и серьезно, повелъ съ ней основательную бесѣду на турецкомъ языкѣ; послѣ каждаго ея отвѣта онъ клалъ ей по монетѣ, всякій разъ прибавляя цѣнность.

— Садись, моя дочь, милости просимъ. Скажи, сколько тебѣ лѣтъ? (и положилъ одинъ піастръ).

Зельхá, съ неудовольствіемъ взглянувъ на этотъ піастръ, сказала:

— Шестнадцать,—и хотѣла уйти, но Хаджи-Хамамджи вѣжливо придержалъ ее, не спѣша и не сводя съ нея взоровъ, вынулъ пять піастровъ и спросилъ:

— Очень хорошо. А отецъ у тебя есть?

— Нѣтъ, отца нѣтъ,—отвѣчала Зельхá смягчаясь.

— А *валидé* есть?

— *Валидé?*—съ удивленіемъ спросила Зельхá. И, обращаясь къ матери, которая все еще сидѣла въ углу, закричала ей громко:—Смотри! Чтó это онъ говоритъ *валидé*, чтó такое *валидé?*

Хаджи-Хамамджи объяснилъ ей, что *валидѣ* значитъ то же, что̀ и *нене* (мать), и положилъ десять піастровъ.

Зельха̀ припрыгнула радостно и воскликнула:

— А! *Нене!* Вотъ моя *нене*, видишь этого стараго человѣка, который тамъ сидитъ.

Старуха тоже радовалась изъ своего угла на красоту и успѣхи дочери.

— А гдѣ ты родилась, дочь моя?

— *Нене*, гдѣ я родилась?—вскричала Зельха́.

— Она родилась въ Трикалѣ,—сказала мать.

— А, въ Трикалѣ! Прекрасное мѣсто,—сказалъ Хамамджи, — земля тамъ очень хорошая.

— Какой курьезный человѣкъ! *Аджаибъ Адамъ!*—восклицала Зельха́, продолжая прискакивать отъ удовольствія. — Ну, спроси у меня еще что-нибудь; я тебѣ все скажу.

— Все скажешь? — спросилъ Хаджи-Хамамджи. — Прекрасно. А женихъ у тебя есть?

— Ба! жениха нѣтъ у меня. (И она подставила ему опять тамбуринъ.)

— Не дамъ теперь тебѣ ничего, пока ты не скажешь мнѣ, кого ты любишь. Какого молодца? Какого джигита?

— Тебя люблю,—сказала Зельха́.

— Меня? нѣтъ, это ложь, и я не дамъ тебѣ за это ни піастра. А ты, прекрасная дѣвушка, скажи мнѣ прямо, что ты имѣешь въ душѣ. Я тебѣ за это золотую лиру дамъ. Скажи, кто больше всѣхъ тебѣ здѣсь нравится? Но я хочу повѣрить, я хочу, чтобъ это было похоже на правду.

Зельха́ съ недоумѣніемъ обвела взоромъ все собраніе; взглянула и на Благова (я все еще стоялъ за высокою спинкой его кресла и не видалъ его лица).

Всѣ съ улыбками, съ нетерпѣніемъ, почти съ безпокойствомъ слѣдили за ней... Слѣдилъ и я. Наконецъ Зельха́ обратилась къ матери и еще разъ пожала плечами.

— Что я скажу?

— Скажи, скажи! Вреда тутъ нѣтъ. Кто здѣсь прекраснѣе всѣхъ, кого ты больше любишь?—ободряла ее мать.

Зельха́ еще подумала, еще посмотрѣла то на Благова,

то на другихъ и вдругъ съ ребяческою радостью, соскочивъ съ колѣнъ ѳракійскаго купца, стала посреди комнаты и громко воскликнула, указывая на меня пальцемъ:

— Его люблю! Его! Одиссей всѣхъ лучше, Одиссея!..

Пріемная задрожала отъ хохота, отъ рукоплесканій, отъ криковъ:

— Браво, Зельха́! *Аферимъ!* Браво!.. Вотъ здравый выборъ!.. Да! «два нѣжныхъ цвѣточка юности»... Молодецъ, Одиссей!..—кричалъ Коэвино.

Я какъ только могъ быстрѣе спустился на полъ за спинку консульскаго кресла, чтобы скрыть тамъ мое смущеніе. Г. Благовъ, нагнувшись, поднялъ и вывелъ меня, смѣясь надо мной, оттуда.

— Онъ герой дня теперь,—замѣтилъ про меня Вро́ссо.

— Вы счастливы на мусульманокъ,—сказалъ мнѣ благосклонно австрійскій консулъ.

— Не избалуйте, не испортите его такъ рано!—сказалъ чей-то голосъ изъ толпы. И я узналъ, конечно, голосъ моего загорскаго наставника Несториди.

Я стоялъ, сложивъ смиренно руки спереди и лицемѣрно опуская очи, но... тщеславіе уже вселилось въ меня... И я самъ не зналъ, какого рода было мое смущеніе. Смущеніе истинной стыдливости или волненія радости, что я играю такую важную роль и въ такомъ высокомъ для меня кругу...

Однако вскорѣ всѣ оставили меня въ покоѣ. Музыкантовъ отпустили надолго отдохнуть внизъ, и шумъ утихъ.

Гости разошлись по разнымъ комнатамъ. Благовъ увелъ въ кабинетъ Ашенбрехера и что-то шепталъ тамъ ему. Киркориди бесѣдовалъ солидно съ нѣсколькими архонтами о коммерческихъ дѣлахъ.

Коэвино, который такъ долго крѣпился и такъ долго молчалъ въ этотъ вечеръ, желая сохранить больше достоинства и величія предъ архонтами, наконецъ измѣнилъ себѣ. Увидавъ, что Ашенбрехеръ ушелъ изъ пріемной и что даже мусульманъ нѣтъ болѣе въ комнатѣ, онъ окружилъ

себя нѣсколькими слушателями и говорилъ съ восторгомъ объ одномъ своемъ новомъ открытіи.

— Меня тѣснилъ до сихъ поръ узкій патріотизмъ Эллады... Но теперь и я понялъ, что и я патріотъ; патріотъ великій, изступленный... Моя родина, мой очагъ теперь—православіе. Вотъ мощный, необъятный патріотизмъ! Ты протестантъ? Прочь! ты не будешь со мной въ раю вмѣстѣ! Ты турокъ, папистъ?.. Прочь!.. А ты сербъ? О! иди сюда, братъ мой! Ты будешь со мной вмѣстѣ въ раю... Ты русскій?—Будешь! Ты валахъ?—Ты будешь!.. Иди сюда, о возлюбленный мой!...

Слушатели вторили ему дружелюбно.

Г. Бакѣевъ долго ходилъ по залѣ съ Хаджи-Хамамджи подъ руку; онъ съ увлеченіемъ жаловался ему на Брешѐ и спрашивалъ: «Скажите, что жъ мнѣ было дѣлать?»

Хаджи-Хамамджи почтительно и внимательно слушалъ его, подставляя ухо, и соглашался, что дѣлать было нечего.

Потомъ, когда г. Бакѣевъ оставилъ ѳракійскаго купца, къ этому послѣднему подошли Исаакидесъ, Врòссо, Несториди и Арванитаки, подошелъ и я послушать. (Смотрѣть уже было не *на что: она* ушла внизъ.)

Несториди спросилъ вполголоса:

— Что жъ, господинъ Хамамджи, какъ вамъ понравился амфитріонъ нашъ?

— *Уральскій росскій?*—спросилъ Исаакидесъ, напоминая вчерашнюю бесѣду.

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ Дели-Пѐтро значительно и тихо. — О, нѣтъ... велико-росскій, велико-росскій...

— А тотъ, Бакѣевъ?—шепнулъ ему почти на ухо Врóссо.

Дели-Пѐтро еще тише и бросая поочередно на всѣхъ насъ свой любимый многозначительно-томный взоръ повторилъ нѣсколько разъ:

— Малый росскій, малый росскій... Я нахожу, что малый росскій.

Конечно, всѣмъ стало очень смѣшно это слышать, и всѣ мы чувствовали, что въ этой остротѣ большая правда.

Такъ время шло до ужина...

Меня кавассы и Кольйо позвали помогать въ столовую, и я съ радостью тоже носилъ посуду и накрывалъ столъ. Все было хорошо, но Бостанджи-Оглу опять и тутъ смутилъ меня. Онъ таинственно отозвалъ меня въ сторону и шепнулъ мнѣ:

— Не видалъ ты, бѣдный, какъ у консула измѣнилось лицо, когда эта пропащая дѣвчонка на тебя, а не на него указала, что ты лучше всѣхъ!..

— Поди ты,—сказалъ я ему съ досадой.—Господинъ Благовъ даже не удостаиваетъ заниматься такими пустяками. У тебя все злое на умѣ! А у него званіе высокое, и онъ можетъ быть стыдился при народѣ, чтобъ она въ угоду ему на него не указала... Она еще дитя!

— Дитя! — возразилъ онъ съ гнусною, циническою усмѣшкой.—Весь баталіонъ низамовъ, я думаю, знакомъ съ ней... Я человѣкъ тертый и знаю всѣ дѣла... А ты еще дуракъ...

Я разсердился и самъ выбранилъ какъ умѣлъ хуже этого во всемъ противнаго мнѣ человѣка, удалился отъ него къ моимъ добрымъ кавассамъ и слугамъ—помогать имъ въ хозяйствѣ.

Хозяйничая однако въ столовой, я нѣсколько времени былъ озабоченъ вопросомъ, кому больше вѣрить: ему, Бостанджи-Оглу, или Кольйо, который говоритъ, что все это ложь, а что *нѣтъ ничего*...

И я рѣшилъ, что надо вѣрить Кольйо, потому что онъ добрый и честный и все про консула лучше знаетъ и еще... потому... вѣроятно, что мнѣ самому было пріятно *такъ* вѣрить.

За ужиномъ все было хорошо: и кривой поваръ постарался, и всего было въ обиліи, и гости всѣ были очень веселы. Даже молчаливые и тихіе люди говорили и шутили на этомъ дружескомъ пиру. Враги примирились, и серьезныя рѣчи прерывались смѣхомъ, а смѣхъ смѣнялся радостными возгласами и заздравными кликами.

Коэвино сидѣлъ рядомъ съ Куско-беемъ и громко хохоталъ, потому что Куско-бей шепталъ ему что-то забав-

ное.. Докторъ радовался и восклицалъ: «А! браво! А! я давно говорилъ, что ты умѣешь веселиться, что ты именно то, что у насъ называется *чурисъ* *) ! Настоящій янинскій *чурисъ* !.. Браво!..»

Смиренный Арванитаки и тотъ съ оживленіемъ простиралъ руки къ Бакыръ-Алмазу, который сидѣлъ напротивъ его, и восклицалъ: «Не слѣдуетъ вамъ такъ пристыжать насъ пьющихъ и пить такъ мало... Я донесу на васъ сейчасъ господину Благову...»

Наконецъ Несториди (вѣроятно сознавъ невѣжливость своего утренняго намека о «ложныхъ друзьяхъ» и желая загладить ее) всталъ, поднялъ стаканъ и сказалъ такъ:

— Господинъ Благовъ! Позвольте мнѣ, человѣку нездѣшнему, но который еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Загорахъ успѣлъ оцѣнить высокія качества вашего ума и вашей души, поздравить именитыхъ іоаннинскихъ гражданъ, собравшихся здѣсь, на семъ дружескомъ пиру, съ счастливымъ возвращеніемъ вашимъ. Мужественная душа эллина умѣетъ помнить добро, господинъ Благовъ, и наша Іоаннина всегда съ умиленіемъ будетъ вспоминать о томъ, какъ вы въ сопровожденіи здѣсь присутствующихъ коллегъ вашихъ, благородныхъ представителей Австріи и Эллады, взяли на себя трудъ перейти непрочный ледъ здѣшняго озера, на который ничья непривычная нога не дерзала стать, чтобъ отнести убогую пищу и топливо бѣднымъ жителямъ острова. Будьте увѣрены и вы, благородный амфитріонъ нашъ, и вы, достойно уважаемые представители просвѣщенныхъ и христіанскихъ державъ, что жители Іоаннины не нуждаются въ мраморѣ и рѣзцѣ, дабы изсѣкать на вѣчную память имена своихъ благодѣтелей: имена эти начертаны неизгладимо въ нашихъ признательныхъ сердцахъ!.. Zito! Да здравствуютъ представители европейскихъ просвѣщенныхъ державъ, удостоившіе насъ чести пировать съ нами здѣсь... Zito!!!

Когда громъ стульевъ, звонъ стакановъ и крики умол-

*) *Чурисъ — именно городской янинскій* молодецъ, повѣса простого званія.

кли и консулы, которые долго кланялись, стоя и чокаясь со всѣми, опять сѣли, всталъ самъ Благовъ и предложилъ сперва тостъ за здоровье своихъ коллегъ, а потомъ за всѣхъ архонтовъ Янины и за всѣхъ эпиротовъ.

Принимались пить не разъ за здоровье то одного, то другого лица. Одинъ кричалъ: «Здоровье г. Ашенбрехера!» Другой: «Г. Киркориди, я пью за ваше здоровье!» Г. Благовъ провозглашалъ: «За здоровье нашего друга и цѣлителя Коэвино!» Zito Хаджи-Хамамджи... Дели-Пѣтро, нашъ другъ изъ Ѳракіи, Zito!

Опять гремѣли стулья, опять звенѣли стаканы...

Хаджи-Хамамджи вставалъ и начиналъ говорить нѣсколько разъ понемногу. Одинъ разъ онъ воскликнулъ:

— Пью за здоровье господина Благова и всѣхъ великихъ русскихъ! Потомъ:—За здоровье господина Бакѣева и малыхъ русскихъ!

Благовъ не воздержался отъ улыбки, а Бакѣевъ смутился.

Въ послѣдній разъ Дели-Пѣтро говорилъ нѣсколько пространнѣе. Онъ опять возвратился къ любимому предмету своему, къ тому, какіе бываютъ на свѣтѣ разные народы, разные люди и въ особенности *разные русскіе*...

Эту рѣчь его безпрестанно всѣ прерывали рукоплесканіями и восторженнымъ смѣхомъ.

Такъ какъ никто изъ присутствовавшихъ здѣсь, кромѣ Несториди, Исаакидеса и меня, не слыхалъ еще ничего объ этомъ, то онъ и началъ такъ:

— Есть еще и другое раздѣленіе; напримѣръ, есть русскіе съ рубашкой внутрь и есть другіе русскіе съ рубашкой наружу. Русскіе съ рубашкой наружу имѣютъ привычку...

Тутъ онъ разстегнулъ немного рубашку на мощной груди своей, выразилъ на лицѣ своемъ нѣчто серьезное и задумчивое и началъ не спѣша класть себѣ туда, приговаривая каждый разъ: «Во имя Отца и Сына»... кусокъ хлѣба со стола, апельсинъ, вынулъ изъ кармана записную книжку и ее туда же... Потомъ, поспѣшно оглянувшись въ обѣ стороны, схватилъ вдругъ двѣ серебряныя ложки и опустилъ ихъ туда.

Рукоплесканія огласили столовую; слуги и кавассы даже не могли служить и смѣялись. Маленькій Алѐко поставилъ тарелку на полъ и, забывъ все почтеніе къ властямъ, смѣялся громко, глядя на оракійскаго политика.

Хаджи-Хамамджи продолжалъ:

— Однако русскіе съ рубашкой наружу имѣютъ великое качество. Это—даръ дисциплины и покорности и уваженія къ властямъ. Однажды одно изъ лицъ царской фамиліи поѣхало въ сопровожденіи нѣсколькихъ генераловъ и высшихъ офицеровъ на катерѣ по Финскому заливу; катеръ опрокинулся, и всѣ стали тонуть. Пріѣхали поспѣшно другія лодки на помощь, и начали люди доставать тонувшихъ изъ воды... Вынутъ за волосы (Хаджи-Хамамджи схватывалъ что-то рукою въ воздухѣ и подносилъ къ глазамъ такъ, какъ смотритъ человѣкъ на волосы, когда они падаютъ отовсюду у него между пальцевъ, которыми онъ провелъ по головѣ). Вынутъ и смотрятъ... «Кто это... Князь?» Нѣтъ! матросъ! (и онъ молча раскрывалъ руку, бросая матроса опять въ воду); обращался въ другую сторону, въ иномъ мѣстѣ ловилъ рукой: «Адмиралъ?» Нѣтъ! (и опять бросалъ, пока не нашелъ и князя и адмирала)...

Всѣ начинали смѣяться, но Хаджи-Хамамджи попросилъ вниманія и присовокупилъ: «Эти свойства и составляютъ главную силу Россіи... Сила Россіи необходима не только намъ всѣмъ здѣсь на Востокѣ, она необходима и самой западной Европѣ, въ которой такъ много элементовъ раздора. Да здравствуетъ русскій съ рубашкой наружу!»

Ашенбрехеръ восхищался оракійскимъ ораторомъ и спросилъ у г. Благова: «Гдѣ вы его нашли?» Г. Благовъ отвѣчалъ: «Онъ меня нашелъ, а не я его!»

Наконецъ встали изъ-за стола и ушли въ гостиную пить кофе.

Г. Бакѣевъ еще разъ доказывалъ Хаджи-Хамамджи, что онъ напрасно назвалъ его *малымъ русскимъ*, что онъ почти москвичъ, и старался объяснить ему, что такое хохлы.

Хаджи-Хамамджи извинялся и отвѣчалъ ему убѣдительно, что онъ, выпивъ за здоровье г. Благова и всѣхъ велико-

русскихъ, не зналъ, куда дѣть малороссовъ, и такъ какъ онъ слышалъ, что ихъ числомъ меньше, то и нашелъ приличнымъ отдать ихъ секретарю, такъ сказать второму лицу послѣ консула.

Г. Бакѣевъ все-таки казался недоволенъ этимъ, и такъ они ушли.

Я, хоть немного, но пилъ вино и былъ очень сытъ, и весьма радъ, и всѣми доволенъ. Пошелъ я въ свою пріятную комнатку; зажегъ свѣчу, распустилъ немного кушакъ, легъ на диванъ и досталъ опять газету, въ которой мое смиренное имя стояло рядомъ съ именами столькихъ знаменитыхъ людей.

Я прочиталъ снова корреспонденцію Исаакидеса; и, несмотря на то, что въ ней было для меня столько лестнаго, я, читая ее во второй разъ, сталъ понимать, что есть тутъ ложь... будто бы мы, христіане, здѣсь ни кушать, ни спать, ни веселиться... ни ходить по улицѣ не можемъ. А дерутся? Гдѣ же не дерутся?.. Когда и въ свободной Элладѣ лодочникъ убилъ даже матроса! И яснѣе вдругъ чѣмъ вчера поутру мнѣ стали слова Благова: *не въ страданіяхъ христіанъ вопросъ, потому что вовсе ужъ не такъ велики они, а въ ихъ желаніяхъ*».

«И въ Турціи, думалъ я, развѣ худо живется человѣку, когда онъ счастливъ, какъ я теперь», и такъ я задумался надъ этимъ, что и не замѣтилъ, какъ на боковой двери поднялась занавѣска и вошла Зельха.

Она подкралась къ моему дивану, кинулась ко мнѣ и сѣла съ громкимъ смѣхомъ около меня. Въ первый разъ сегодня увидалъ я, что она такъ весела и такъ часто смѣется. Исповѣдуюсь и признаюсь тебѣ, мой другъ, я только *теперь* понимаю... до чего я *тогда* ей самъ обрадовался!

Я поспѣшилъ подвинуться и дать ей больше мѣста и спросилъ ее ласково, устала ли она.

— Устала,—отвѣтила она, улыбаясь, и потомъ молча стала глядѣть на меня.

Мы поговорили о разныхъ предметахъ, совсѣмъ постороннихъ. Наконецъ я взялъ ее за руку и спросилъ, сняла ли

она перчатки... «Сняла»,—отвѣчала она. Потомъ приблизила мою руку къ лицу своему и безцеремонно понюхала ее и сказала: «Твои руки хороши, толще моихъ, только онѣ ничѣмъ не пахнутъ, а мои пахнутъ духами левантинскими».

— Ты любишь консулосъ-бея?—спросилъ я ее.

— Очень люблю,—отвѣтила она.—Онъ мнѣ сегодня еще четыре золотыхъ далъ.

— Люди говорятъ, у него есть любовь къ тебѣ, Зельха́... такая, знаешь... большая...

— Кто знаетъ! — сказала она уже болѣе серьезно и положила себѣ въ ротъ мастику и начала жевать ее.

— А ты любишь его?—еще спросилъ я ее.

— Еще разъ спрашиваешь,—сказала она съ досадой.— Люблю, онъ много мнѣ дарилъ, онъ какъ отецъ мнѣ.

Тогда я убѣдился, что съ ней надо говорить яснѣе, и спросилъ у нея о томъ же яснѣе и грубѣе и прибавилъ:

— Правда ли это?

— Ба! — воскликнула она... — Нѣтъ, это неправда.

Я молчалъ, глядѣлъ, и сердце мое все сильнѣе и сильнѣе билось, мнѣ было страшно; только я все-таки не выпускалъ ея руки изъ моей. Забылъ теперь и Благова, и всѣ вопросы высшей политики, и совѣты родителей, и отца Арсенія, и мою собственную славу, прогремѣвшую благодаря Исаакидесу по всей Элладѣ и по Турціи, я теперь думалъ только о томъ, когда пріятнѣе держать мнѣ эту невѣрную, агарянскую маленькую руку, тогда ли, когда я слышу подъ пальцами моими нѣжный скрипъ шелку, или тогда, когда эта рука безо всего?

Наконецъ она спросила меня: «Хочешь этой мастики?» Я сказалъ: «Хочу».

Она нагнулась...

Прощай, прощай, моя невинность, моя чистота! Прощай навѣки, стыдливость цѣломудрія! Я обнялъ ее, и мы стали съ ней цѣловаться.

Въ большихъ комнатахъ вдали опять заиграла музыка, опять начали пѣть цыгане. Тогда намъ стало еще пріятнѣе. Она брала меня руками за лицо, и поднимала вверхъ

мой отроческій подбородокъ, и цѣловала его, и цѣловала шею, и говорила:

— А я тебя, *кузумъ*, очи мои, гдѣ ни поцѣлую, вездѣ мнѣ нравится.

Это становилось нестерпимо! Страшная стрѣлка все глубже проникала въ мою душу, взволнованную и растерянную среди столькихъ сильныхъ для меня ощущеній въ эти дни.

Я хотѣлъ бы отвѣтить ей что-нибудь благоразумное, но благоразумнаго не нашлось у меня ничего; и я сказалъ только на это вздыхая:

— И я тебя сегодня очень полюбилъ, моя душенька.

Вдругъ приподнялся занавѣсъ на дверяхъ, и вошелъ Благовъ.

Мы оба молча и тихо поднялись съ дивана. Но у меня дрожали ноги, и я не видалъ отъ страха и стыда, что выразило лицо грознаго моего покровителя.

Я слышалъ только голосъ его, какъ всегда спокойный, какъ всегда тихо-повелительный и скорѣй ласковый на этотъ разъ, чѣмъ гнѣвный.

— Зельха! — сказалъ онъ ей. — Иди скорѣе, тебя всѣ ждутъ. Танцуй еще разъ.

А мнѣ онъ ничего не сказалъ. О! лучше бы онъ скорѣе сказалъ мнѣ что-нибудь укоряющее... Онъ пропустилъ ее въ дверь прежде себя. Занавѣсъ запахнулся за ними, и я остался одинъ, мгновенно отрезвленный раскаяніемъ и страхомъ.

Я не вышелъ болѣе никуда изъ моей комнаты.

Я сидѣлъ и твердилъ себѣ: «Боже! Что сдѣлалъ я, окаянный! Маменька моя милая, пожалѣй меня глупаго, одинокаго на чужбинѣ!.. Если онъ соперникъ мнѣ, какъ говоритъ Бостанджи-Оглу, онъ возненавидитъ и прогонитъ меня. Если это неправда, если онъ ни въ чемъ не повиненъ, онъ можетъ быть тоже прогонитъ меня завтра какъ развращеннаго юношу изъ жилища своего и скажетъ отцу моему всю правду!»

Долго сидѣлъ я такъ, сокрушаясь, одинъ. Я слышалъ, какъ въ залѣ толпой уходя прощались гости; узналъ го-

лоса, слышалъ *ея* беззаботный, безстрашный, неразумный смѣхъ. Слышалъ, какъ Благовъ приказывалъ, чтобы музыканты играя провожали гостей чрезъ весь дворъ до воротъ по обычаю Востока.

Музыка удалялась, утихала, утихла вовсе вдали. Я же сидѣлъ и все сокрушался.

Консулъ потомъ приказывалъ что-то въ залѣ кавассамъ; потомъ прошелъ Кольйо по залѣ изъ спальни Благова тихо въ своей мягкой обуви. Только доски скрипѣли. И я содрогался и отъ этого скрипа, и отъ легкаго стука консульскихъ каблуковъ.

Стукнули еще двѣ-три двери въ домѣ. Наконецъ все затихло. А я все еще сидѣлъ и говорилъ себѣ: «Маменька моя, маменька! Что-то онъ скажетъ мнѣ завтра? Что заговоритъ онъ поутру?»

Камень Сизифа низринулся въ одинъ мигъ съ недосягаемой вершины и въ паденіи своемъ онъ разрушилъ мгновенно все зданіе богатства, славы, наслажденія, которое я успѣлъ уже мысленно воздвигнуть въ эти два незабвенные дня моей жизни, и самъ я лежалъ теперь во прахѣ и ужасѣ подъ этими позорными обломками, подъ этими презрѣнными остатками моихъ малодушныхъ мечтаній и страстей. Я поздно уснулъ, забывъ раздѣться, и Богу въ эту ночь отъ чрезмѣрнаго унынія не въ силахъ былъ молиться.

IV.

КАМЕНЬ СИЗИФА *).

ЕЩЕ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОДИССЕЯ ПОЛИХРОНІАДЕСА, ЗАГОРСКАГО ГРЕКА.

I.

«Скажи мнѣ, наконецъ, Одиссей мой, что̀ жъ сталось съ тяжелымъ камнемъ Сизифа, который низвергся такъ внезапно съ той вершины, гдѣ ты думалъ утвердить твое дѣтское счастіе?» Такъ пишешь ты мнѣ, мой добрый другъ, въ послѣднемъ твоемъ письмѣ изъ Аѳинъ. Ты повторяешь: «Я жду!» и совѣтуешь мнѣ забыть тѣ опасенія, на которыя я указывалъ въ моихъ тебѣ отвѣтахъ. «Не тревожься (говоришь ты), не стыдись писать мнѣ о внутреннихъ буряхъ твоего дѣтскаго самолюбія и томительныхъ радостяхъ твоихъ весеннихъ дней, о давно протекшихъ годахъ мира и забвенія на милой твоей родинѣ.»

«Все возрастающая день ото дня трагическая мощь того исполинскаго потока исторіи, въ кровавыя волны котораго мы всѣ (всѣ до одного) жители христіанскаго Востока влечемся неудержимо теперь и съ энтузіазмомъ, и съ ужасомъ, — эта трагическая мощь великихъ событій дня не заставитъ меня, Одиссей мой, забыть нашу дружбу; и трубный призывъ, увѣнчанный лаврами Кліо, не заглушитъ вполнѣ въ моемъ сердцѣ ни милыхъ мнѣ жалобъ твоего

*) Напечатано было въ Русскомъ Вѣстникѣ 1877 г. № 8, 10—12 и 1878 г. № 9—10, какъ продолженіе уже изданнаго въ 1876 г. „Одиссея Полихроніадеса“. *Ред.*

отроческаго уныніе, ни любовныхъ пѣсенъ забавной турчанки твоей, ни звуковъ твоего благочестиваго псалмопѣнія въ православныхъ церквахъ прекраснаго Эпира. Будь покоенъ! Пиши, пиши все такъ же искренно, какъ ты писалъ до сихъ поръ, и, если мнѣ самому придетъ очередь стать въ ряды бойцовъ за свободу Греціи и всего христіанства, я прочту со вниманіемъ и съ улыбкой радости твои правдивыя строки даже при свѣтѣ бивуачныхъ огней и наканунѣ опаснаго боя.

«И почему ты думаешь, Одиссей, что въ повѣсти твоей такъ мало связи съ событіями дня? Ты ошибаешься, и страхъ твоей скромности, могу тебя увѣрить, напрасенъ, мой другъ! Напротивъ того, для внимательнаго ума очень многое въ изображаемомъ тобою мирномъ прошломъ объясняетъ грозный взрывъ настоящаго. Читая твои записки, я вижу всю Турцію, а не одинъ только Эпиръ, я вижу, до какого униженія и разстройства была доведена она на дѣлѣ тѣми же самыми европейскими друзьями ея, которые такъ ее защищали въ рѣчахъ и дипломатическихъ актахъ своихъ; я вижу, какъ своевольно господствовали въ ней агенты иностранныхъ державъ, ревниво охранявшіе ее отъ самыхъ умѣренныхъ притязаній Россіи. Эти державы, на которыя и мы, мы, аѳиняне... увы! такъ долго и такъ напрасно надѣялись. Я вижу и понимаю многое изъ записокъ твоихъ, будь покоенъ. Я вспоминаю и тѣ слова твои, которыя ты сказалъ мнѣ всего четыре года тому назадъ, когда мы съ тобой сидѣли задумчиво на Халкедонскомъ берегу и восхищались сіяющими дивною красой мирными и богатыми берегами синяго Босфора и многоцвѣтными и зелеными.

«Ты, Одиссей, сказалъ мнѣ тогда: «Что значитъ вашъ тонкій и образованный аѳинскій умъ?..» Умъ вреденъ иногда. У событій свой умъ. И глупые люди иногда видятъ дѣло въ грубости своей вѣрнѣе слишкомъ тонкихъ людей. Не вѣрь ты Англіи, даже и она ничего не можетъ. Не вѣрь ни въ союзъ съ мусульманствомъ, ни въ возрожденіе Турціи. Самъ я туркамъ не только не врагъ, нѣтъ, я съ ними живу хорошо, имѣю отъ нихъ выгоды; я

сеыкся съ ними, и очень многія черты ихъ характера для меня привлекательны. Но вѣрь мнѣ, Турція скоро погибнетъ, вопреки и тебѣ, и мнѣ, и всѣмъ друзьямъ своимъ, вопреки всѣмъ собственнымъ усиліямъ! Я вижу каждый день, какъ эта устарѣвшая Турція таетъ мало-по-малу и разрушается, несмотря на раздоры христіанъ другъ съ другомъ, несмотря на миръ съ Россіей, несмотря на умѣренность и искренность этой самой Россіи, которая повидимому и забыла, что есть на свѣтѣ страшный для всѣхъ восточный вопросъ».

«Да, Одиссей, я помню эти рѣчи твои и только теперь я понялъ, до какой степени ты былъ тогда правъ и какъ я ошибался... Прошу тебя, продолжай... И въ малой каплѣ воды изображается сіяніе дневного свѣтила; и въ незначительныхъ, повидимому, событіяхъ, правдиво изображаемыхъ тобою, только глупецъ не сумѣетъ прочесть залоговъ грядущаго, полнаго ужасовъ и славы, восторговъ и слезъ, самоотверженія и звѣрскихъ неистовствъ, огня и потоковъ крови, и неповинной ни въ чемъ, и преступной, — только легкомысленный глупецъ не прочтетъ залоговъ того грядущаго, которое стало теперь настоящимъ и о которомъ столькіе простые люди тогда пророчески намъ прорицали...

«О, разсказывай, разсказывай мнѣ дальше твою исторію, Одиссей...»

Вотъ я выписываю всѣ эти слова твои изъ письма твоего и повторяю мои собственныя рѣчи на Халкидонскомъ берегу въ этой тетради, для того чтобы ты еще разъ вспомнилъ о нихъ и чтобы ты никогда отъ нихъ не отрекся и, читая ихъ внимательно, «при бивуачномъ огнѣ», какъ ты пишешь, — сказалъ бы себѣ твердо и разъ навсегда: «Одиссей и тогда еще, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ своей дѣтской православной преданности Россіи и русскимъ былъ ближе къ истинѣ, чѣмъ я съ моими воздушными замками, воздвигнутыми на досугѣ въ веселыхъ Аѳинахъ, у подножія Акрополя нашего и при видѣ красотъ его невозвратной славы!»

Да, мой добрый другъ, камень Сизифа, какъ мнѣ каза-

лось, упалъ и разбился въ дребезги и въ прахъ, въ тотъ горькій вечеръ, когда я, сидя на диванѣ моей комнатки въ русскомъ консульствѣ, прислушивался къ тяжелымъ шагамъ гостей, уходившихъ толпой по большой залѣ, и къ звукамъ музыки, которая провожала ихъ по двору до воротъ... Я слышалъ (ты помнишь), ея беззаботный и громкій смѣхъ... Я думалъ:

«Увы тебѣ! увы, Одиссей несчастный!.. О, женолюбецъ презрѣнный, недостойный великаго и геройскаго имени, которое дали тебѣ твои дорогіе родители... О! глупый, презрѣнный мальчишка, забывшій, что женою и грѣхъ впервые проникъ въ человѣчество, забывшій и мудрыя рѣчи древнихъ людей... Не утверждалъ ли кто-то изъ нихъ, что изъ многихъ женщинъ только одна добродѣтельна и подобна трудолюбной пчелкѣ, смиренно жужжащей вокругъ семейнаго улья, а что изъ всѣхъ остальныхъ одна похожа на сварливую, лающую псицу, другая на заносчивую лошадь, третья на льстивую и свирѣпую кошку...

Промѣнять мощнаго благодѣтеля! промѣнять кого же? представителя православной Россіи на ничтожную и можетъ быть развращенную дѣвчонку, на нѣчто такое, что мы зовемъ «Палеокóрицо! Дьяволокóрицо *).

Все кончено!

А какъ хорошо бы было торгуя богатѣть подъ сѣнью русской протекціи!.. Какъ прекрасно было бы и самому съ благоразумною постепенностью стать прежде помощникомъ отца и писцомъ великой державы, какъ Бостанджи-Оглу; потомъ, замѣнивъ усталаго отца, самому сдѣлаться драгоманомъ... и, наконецъ... вице-консуломъ (кто знаетъ). Да! подобно другимъ обыкновеннымъ грекамъ или славянамъ торговаго сословія въ Турціи, поднять русскій флагъ надъ большимъ и собственнымъ своимъ домомъ въ какомъ-нибудь пріятномъ приморскомъ городкѣ...

Какъ это все разумно и прекрасно!.. И какъ хороши эти милые золотые орлики на красной эмали св. Станисла-

*) Дрянная дѣвчонка; дьявольская дѣвчонка.

ва! Съ какимъ вкусомъ золотыя рѣшеточки... Но... Нѣтъ... Св. Анны я никогда ужъ не получу... Я и большою медалью золотой на столь пышной пурпуровой лентѣ, которую даютъ русскіе у насъ на Востокѣ почтеннымъ торговцамъ, людямъ, помогающимъ ихъ дѣятельности, я и этимъ знакомъ отличія былъ бы польщенъ вполнѣ...

И вотъ... О, горе мнѣ, горе мнѣ...

Представилось фантазіи моей въ эту минуту одно обстоятельство изъ того времени, когда я еще жилъ въ Загорахъ, у матери, и учился у Несториди.

Однажды пріѣхалъ въ то время къ роднымъ своимъ изъ Константинополя одинъ богатый загорецъ. На груди его мирно сіяли рядомъ св. Станиславъ и Меджидіе. Я никогда не видалъ этого и съ глубокимъ чувствомъ и жаднымъ любопытствомъ спросилъ у Несториди:

— Господинъ учитель! Какъ же это такъ, что Россія и Турція столь часто враждуютъ, а онъ христіанинъ, и у него и русскій крестъ, и турецкій *нимань* есть?.. Развѣ это можно?

— Отчего же нельзя? Видишь — значитъ можно.

Я поинтересовался узнать, *какъ же* именно можно достичь такого страннаго сочетанія.

Несториди отвѣчалъ мнѣ такъ:

— Можно даже къ этимъ нимanамъ и эллинскаго Спасителя на голубой лентѣ привѣсить. Я научу тебя, какъ. Надо дѣлать сперва съ турками какіе-нибудь выгодные обороты, поставки напримѣръ на войско, и пашамъ хорошія взятки давать. Вотъ — Меджидіе. Потомъ русскимъ доносить на турокъ, что они берутъ взятки и что съ ними жить невозможно. Это — Станиславъ. А изъ того, что̀ заработаешь и отъ турокъ, и чрезъ русскую протекцію, пожертвовать на эллинское возстаніе или на большую школу для борьбы противъ панславизма. Вотъ — Спаситель...

Учитель сначала говорилъ серьезно; но подъ конецъ рѣчи онъ не могъ уже удержаться отъ улыбки.

Отецъ мой сказалъ тогда, качая слегка головой: — Что̀ ты говоришь ребенку!

А мать моя засмѣялась громко и весело воскликнула:

— Учитель всегда говоритъ хорошо!.. Правда это!.. Зачѣмъ человѣку не быть искуснымъ въ этой жизни?

И я послѣ этого долго дивился мудрости людей, подобныхъ этому загорцу съ Меджидіе и Станиславомъ, и думалъ: отчего это учитель смѣялся словамъ своимъ и зачѣмъ отецъ качалъ ему головой съ укоромъ? Если паша добрый, отчего же не почтить его пріятными дарами; если паша злой, то чѣмъ же, какъ не дарами, умилостивить изверга? А русскимъ доносить на турокъ — это нашъ долгъ; а просвѣщенію эллинскому и освобожденію способствовать — тоже обязанность... О разумъ, разумъ!.. сіяющая искра божественная, отличающая словесную тварь, человѣка, отъ безсловесныхъ!.. Какіе плоды ты можешь принести намъ, когда мы управляемся тобою, а не страстями нашими!..

Да! съ помощью разума я построилъ бы новый домъ въ Загорахъ, большой и высокій, и каменный. Корабли бы мои плыли и плыли по морямъ, и въ Марсель, и въ Одессу, и въ Италію, и въ Бейрутъ... И съ пшеницей, и съ шелкомъ, и съ лимонами, и съ шерстью, и съ табакомъ турецкимъ, и тюмбекй персидскимъ...

Но!.. Она, она... *колдуньи дочь*... (такъ пѣла мнѣ вчера пророческая пѣсня), она заколдовала «мои корабли», и они не поплывутъ теперь никуда!

Вотъ завтра по утру консулъ позоветъ меня и воскликнетъ:

— Одиссей! Твой отецъ мнѣ другъ, и я готовъ былъ полюбить тебя, какъ меньшого брата, но ты не достоинъ. Не я ли удостоилъ самъ своею рукой наказать официально на улицѣ твоихъ оскорбителей-турокъ? Не ты ли наслаждался брашенъ въ дому моемъ?.. Иди съ глазъ моихъ, развращенный и лукавый мальчикъ! Не оскверняй больше жилища моего ты, котораго поведеніе такъ несообразно ни съ нѣжнымъ возрастомъ твоимъ, ни съ правилами христіанской нравственности. Я все передамъ твоему досточтимому родителю и другу моему...

Такъ сказалъ бы у насъ почти всякій честный глава дома и каждый добродѣтельный архонтъ...

Но если *онъ самъ?*.. Если *она* любима имъ... О! Я не ревную... Она мнѣ отвратительна теперь... Но если?.. Тогда онъ такъ не скажетъ... Тогда еще хуже... Онъ все-таки удалитъ меня... Что жъ дѣлать мнѣ?.. Куда мнѣ скрыться отъ стыда и вопросовъ, отъ улыбокъ слугъ и насмѣшекъ товарищей?.. Боже! Боже! прости мнѣ и помоги мнѣ несчастному!..

И еще: если онъ не станетъ даже и говорить такъ много и такъ трогательно, а скажетъ мнѣ, какъ сказалъ жалкому Пондикопеци слегка, но такъ значительно, подступая къ нему: «Съ Богомъ!» Куда я пойду?

Или онъ и не скажетъ даже «съ Богомъ», а поблѣднѣетъ такъ страшно, какъ поблѣднѣлъ тогда, поднимая трость на сеиса, и воскликнетъ громовымъ голосомъ: «Вонъ! негодяй!..»

И изъ-за чего? изъ-за чего? И зачѣмъ было это?.. Стыдъ, глупость, грѣхъ, позоръ безсмысленный!..

Такъ я уснулъ, наконецъ, утомленный и веселымъ вечеромъ, и горемъ ночнымъ, на обломкахъ и прахѣ Сизифова камня...

Но камень этотъ низринулся съ крутой высоты лишь въ одномъ воображеніи моемъ!.. Онъ лежалъ спокойно, не у вершины (ибо мы всѣ въ жизни Сизифы, и у кого есть та неподвижная вершина, которой можно достичь, катя этотъ тяжкій камень жизни? Не у всѣхъ онъ падаетъ внезапно внизъ; но или сама вершина, влекущая насъ, отодвигается по мѣрѣ приближенія нашего и зоветъ насъ снова къ себѣ, или камень, откатываясь хоть и немного назадъ при каждомъ усиліи нашемъ, никогда не можетъ достичь до того райскаго жилища радости и покоя, гдѣ розы растутъ безъ шиповъ)... И мой камень не упалъ и не разбился, и не у мечтательной вершины этой лежалъ, а лежалъ онъ лишь тамъ же, гдѣ былъ и вчера, до поцѣлуя, на диванѣ; онъ былъ все у того же русскаго порога, отъ котораго никто отгонять меня и не грозился.

Открылъ я мои очи, смеженныя сномъ, взглянулъ я на окно, озаренное солнцемъ, прочелъ я «Пàтеръ Имòнъ» *).

---

*) Отче нашъ.

одѣлся и поспѣшилъ въ школу все еще смущенный и задумчивый, но готовый мужественно трудиться и не прилагать новаго зла ко злу, уже совершонному, не прилагать унынія и лѣни къ легкомыслію и разврату...

Въ училищѣ я былъ старателенъ, благодаря моей настойчивой способности къ учебному подвигу, но невольно и страдальчески разсѣянъ; я забылъ, кто былъ Калликратидъ, и въ чемъ онъ былъ такъ благороденъ, и какъ онъ погибъ. И потомъ такъ глупо и неправильно написалъ слово «Эвніа» что вмѣсто «благосклонности» вышло «постель»...

— Не выспался еще послѣ вчерашняго бала. Ищешь не благосклонности, а постели...—сказалъ учитель, не гнѣвно, ибо онъ уважалъ мое прилежаніе и способности, а лишь съ тонкою улыбкой...

Но товарищи засмѣялись громко, и мнѣ было это очень непріятно.

Случайное совпаденіе въ смыслѣ этихъ словъ «ищешь не благосклонности, а постели...» даже ужаснуло меня своею неожиданностью. Я увидѣлъ въ этомъ такой со стороны учителя ясный намекъ на мои обстоятельства и на минуту потерялся до того, что вся кровь мнѣ бросилась въ голову и слезы готовы были политься изъ глазъ моихъ.

Но добрый мой наставникъ, замѣтивъ мое смущеніе, обратился строго къ товарищамъ и заставилъ ихъ молчать, восклицая:

— Утихните! Что вы смѣетесь надъ Одиссеемъ, который лучше всѣхъ васъ. Онъ одинъ разъ только ошибся, а вы? Садись, садись, Одиссей! Прекрасно! Прекрасно, дитя мое.

Я и тутъ чуть-чуть было еще сильнѣе не заплакалъ, теперь ужъ отъ умиленія и признательности.

Насилу дождался я окончанія классовъ и побѣжалъ въ консульство, чтобъ узнать скорѣй, скорѣй мой приговоръ.

Пришелъ... Ахъ! Какъ тутъ все хорошо! Какъ все пестро! Какъ пахнетъ духами и свѣжимъ деревомъ новой постройки! И какъ красива хрустальная плоская ваза съ фруктами, которая уже давно готова посреди стола на бѣлой скатерти съ узорами, отливающими въ нѣчто еще болѣе бѣлое. Ахъ... ахъ...

Вотъ и Алеко. Какъ онъ мнѣ улыбается. Вотъ добрые и почтенные кавассы наши (наши, наши!.. не насмѣшка ли это теперь?) Вотъ мой черноглазый, круглолицый и румяный другъ Кольйо. Вотъ рыцарь мой съ копьемъ на зеленой шторѣ... Прощай, моя комнатка...

Вотъ раздались эти страшные, эти легкіе и твердые, эти столь знакомые, рѣзкіе шаги... Дверь отворилась...

— Здравствуй, Одиссей...

Руки не подалъ, и мы сѣли кушать...

Прошелъ еще день, прошло еще два дня... Все то же...

Восходъ солнца и молитва, рыцарь съ копьемъ, Алеко и Кольйо, училище и трудъ упорный... потомъ завтракъ...

«Здравствуй, Одиссей!»

Потомъ — обѣдъ и вечеръ, ночь...

Иногда «прощай, Одиссей!»

Иногда и того нѣтъ.

Ни руки, ни выговора, ни гнѣва, ни улыбки, ни привѣтствія...

О! тайна, мучительная тайна... Кто мнѣ разгадаетъ тебя, прекрасный и убійственный сфинксъ великой Московіи!?

Къ кому пойти? кому открыться?..

Что замыслилъ онъ? Или было темно у дивана, и онъ ничего не видалъ... Нѣтъ! Это невозможно, свѣча горѣла близко, и было такъ свѣтло, что я видѣлъ, какъ выпадали изъ-подъ фески *ея* небольшія... самыя маленькія пряди волосъ... Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ эти волосики были такъ пагубны и милы...

Могъ ли онъ не видать, *какъ* она сидѣла, если я видѣлъ эти проклятыя кисточки Веліара! Видно — *онъ* рѣшилъ ждать до поры до времени... Видно, мнѣ рано или поздно, но придется возвратиться въ первобытное состояніе моего ничтожества!..

Жалкій, безпомощный *райя*, Одиссей — и только!.. Опять тебя могутъ турки оскорбить безнаказанно, избить, даже убить, какъ хотѣли они убить отца моего на Дунаѣ...

О Суццо, Александръ Суццо мой, о «необузданный» лѣ-

вецъ свободы, котораго такъ высоко цѣнилъ даже самъ Несториди, не ты ли въ поэмѣ твоей, Александръ, такъ воскликнулъ:

Столько слезъ должно и крови, и страданій, и побѣдъ
Цѣпью рабства завершиться!

Лучше всего было бы открыть сердце свое отцу Арсенію... Я и хотѣлъ это сдѣлать, но вотъ что случилось.

На второй изъ этихъ четырехъ дней тихаго и скучнаго томленія я забѣжалъ къ нему съ намѣреніемъ все разсказать, но старецъ охладилъ меня тѣмъ, что съ перваго слова спросилъ съ проницающею строгостью взгляда:

— Ну, что, какъ ты живешь въ великомъ свѣтѣ теперь? Иродіада все волнуется, все пляшетъ, все головы твоей требуетъ?..

Я отвѣтилъ почтительно, но сухо, и не рѣшился ни о чемъ ему говорить... Если онъ такъ подозрительно смотритъ за то только, что Иродіада пляшетъ, то что же онъ скажетъ, когда я сознаюсь ему, что я лобзалъ Иродіаду лобзаніемъ преступной любви...

Потупивъ очи, какъ подобаетъ у насъ смиренному отроку предъ старцемъ, я отвѣчалъ ему на всѣ его вопросы о политическихъ дѣлахъ, о здоровьѣ консула, объ отцѣ моемъ; но о горѣ и грѣхѣ своемъ не сказалъ ничего...

Встрѣтилъ я также въ тотъ же самый день и попа Косту въ консульской залѣ. Онъ шелъ озабоченный, и хотя внизу ему сказали, что Благовъ заперся, занятъ и не велѣлъ никого принимать, но онъ не унывалъ и непремѣнно хотѣлъ его видѣть...

Онъ попросилъ меня доложить консулу; я отказался, и онъ, топнувъ ногой и скрипнувъ зубами, рѣшился подождать въ залѣ, чтобъ улучить минуту, когда можно будетъ сказать Благову два слова.

Онъ сталъ у окна и, заложивъ по обычаю своему руки въ карманы подрясника, вздыхая отъ нетерпѣнія, смотрѣлъ куда-то...

И я смотрѣлъ долго, но не на видъ изъ окна, а на

самого попа Косту, размышляя, что «вѣдь и онъ іерей, и хотя святый Янинскій и отнялъ у него приходъ за вмѣшательство въ неподобающія дѣла, но все-таки рукоположенія онъ не лишенъ и многоопытенъ въ жизни...»

Я подошелъ къ нему тихо и сказалъ ему робко:

— Отче, я имѣю нѣчто очень важное вамъ сообщить.

Попъ Коста, съ изумленіемъ и досадой обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Важное дѣло? говори... Только говори скорѣе.

— Я хотѣлъ вамъ сказать, отче, что я родителями всегда былъ содержимъ въ удаленіи...

Попъ Коста слегка еще разъ притопнулъ ногой, и очи его помрачились:

— Безъ многословія! — замѣтилъ онъ строго.

— Отче, я согрѣшилъ и теперь...

Попъ Коста, почти съ презрѣніемъ окинувъ меня взоромъ, перебилъ меня быстро:

— Согрѣшилъ? Ну, что же? Согрѣшилъ — умолкни!

Я въ ужасѣ отступилъ отъ него.

— Да это Богъ Каину сказалъ: «Согрѣшилъ — умолкни!»

— Богъ Каину, а я тебѣ говорю. Не тумань, брé, несчастный ты, головы моей... Имѣю дѣло! Стой (и онъ довольно ласково взялъ меня за одежду на груди моей и продолжалъ такъ:) — я уйду, а ты скажи консулу вотъ такъ: Былъ попъ Коста; ждать не могъ и велѣлъ мнѣ передать вамъ, что правительство турецкое хочетъ замѣнить подать *верги* новою податью *темету* и что народъ недоволенъ. Темету будутъ взимать по оцѣнкѣ всего имущества и дохода. Богатые люди уже свои дѣла охлопотали, и наши діаволы-архонты (тутъ онъ радостно улыбнулся тому, что христіане въ Турціи такіе умные!) вѣрно, что-нибудь... Кто ихъ знаетъ (опять улыбка и знакъ пальцами, что деньги, взятки даютъ чиновникамъ туркамъ...) И беи, конечно... А бѣднымъ труднѣе темету, чѣмъ верги. И тутъ всего труднѣе простой туркарьѣ*), потому они, знаешь ты самъ, нужда-

*) Туречина.

ются. И это очень хорошо. Объясни, что именно турки-то бѣдные и простые хотятъ протестовать и противиться, а христіане и жиды съ ними заодно... Слышалъ, морѐ? Ну, прощай... будь здоровъ.

Я печально обѣщалъ передать. Попъ ушелъ; и какъ только я услыхалъ, что Благовъ отперъ свою дверь, то я тотчасъ же поспѣшилъ къ нему, полагая, что, можетъ быть, наединѣ наконецъ онъ мнѣ скажетъ что-нибудь и разрѣшитъ мои мучительныя сомнѣнія, хотя бы и убійственнымъ ударомъ, но разрѣшитъ ихъ.

Я вышелъ и, выслушавъ еще разъ все то же хладное: «Здравствуй!», началъ, какъ древній вѣрный вѣстникъ слово въ слово: «Былъ попъ Коста и сказалъ, что»...

Благовъ, качаясь въ креслахъ, слушалъ меня съ величайшимъ вниманіемъ, и когда я кончилъ, онъ сказалъ:

— Хорошо. Какъ ты сказалъ? темету? Запиши вотъ на этой бумажкѣ латинскими буквами. Записалъ?

— Записалъ.

— Хорошо. Иди.

Ну, не адъ ли это?

Наконецъ мнѣ ужъ на третій день пришла мысль обратиться къ Кольйо.

Мнѣ показалось тогда, что онъ лучше всѣхъ людей постигнетъ мои чувства и дастъ мнѣ совѣтъ добрый, ибо онъ Благова знаетъ уже около года, и путешествовалъ вмѣстѣ съ нимъ, и въ Константинополѣ былъ, и... даже въ эту минуту я вспомнилъ одно обстоятельство, на которое прежде не обратилъ большого вниманія. Кавассъ Маноли еще прежде, глумясь надъ стыдливостью Кольйо, совѣтовалъ мнѣ при немъ же приподнять ему широкій рукавъ его албанской рубашки и поглядѣть, «что́ у него есть на рукѣ».

Я схватилъ тогда Кольйо за рукавъ, но онъ краснѣя сердито вырвался у меня и ушелъ, хлопнувъ дверью, а Маноли, смѣясь, уже безъ него прибавилъ: «Эротическія дѣла! Не смотри на него, что онъ смирный. Онъ *манга* *)!..

*) *Ма́нга* — должно-быть арнаутское слово, употребляемое часто въ Эпирѣ, *бѣдовый, ловкій, хитрый молодецъ*...

Вотъ почему я подумалъ, что Кольйо можетъ болѣе, нежели кто-нибудь, быть мнѣ полезенъ, можетъ понять мои чувства и объяснить мнѣ, какъ мнѣ должно объяснять себѣ хладное молчаніе нашего господина и благодѣтеля.

Я сталъ искать Кольйо по всему дому и долго не находилъ его; наконецъ мнѣ сказали люди, смѣясь, что Кольйо очень огорченъ и сидитъ въ саду одинъ на камешкѣ у стѣны...

Что такое еще случилось?

II.

Кольйо въ самомъ дѣлѣ сидѣлъ за стѣной дома въ саду, на камнѣ, въ уединенномъ мѣстѣ. Онъ плакалъ тихо и утиралъ слезы тѣмъ самымъ широкимъ албанскимъ рукавомъ своимъ, который скрывалъ его эротическую тайну...

Увидавъ это, я понялъ, что теперь не время мнѣ говорить ему о моихъ секретахъ и совѣщаться съ нимъ; я сѣлъ около него на другой камень и ласково спросилъ: «что случилось?..»

Онъ долго не смотрѣлъ на меня и долго не хотѣлъ отвѣчать, а потомъ сказалъ:

— Спроси у людей, они всѣ смѣются теперь надо мной!..

Я отвѣчалъ ему, что я ничего не знаю.

— Объ лампѣ... — сказалъ онъ наконецъ.

Случилось вотъ что. Милый и честный Кольйо былъ очень недогадливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень хотѣлъ быть тонкимъ человѣкомъ; отъ этого онъ безпрестанно дѣлалъ ошибки; къ тому же онъ былъ и неловокъ; довольно стройный, хотя и широкоплечій, онъ какъ-то умѣлъ быть еще шире, чѣмъ казался, цѣплялся безпрестанно за двери, шумѣлъ, стучалъ, ронялъ; пламенно стараясь услужить Благову и, обожая его, онъ забывалъ его привычки, не ставилъ ему туфли на ночь, не туда клалъ сигары, куда нужно. Усердствовалъ не въ мѣру; билъ вещи иногда и цѣнныя и, разбивъ, останавливался передъ консуломъ печально, а консулъ говорилъ ему спокойно:

— Старайся не бить!

И Кольйо уходилъ, еще больше испуганный и почти недовольный, пожимая плечами, почему это Благовъ не бранитъ и даже не бьетъ его за дѣло, когда слѣдуетъ бить и бранить... Когда бы хуже не было!..

Почти то же, что̀ думалъ я въ эти дни, думалъ Кольйо всегда въ подобныхъ случаяхъ. Насчетъ лампы вотъ какъ было. Г. Благовъ привезъ изъ Константинополя дорогую и большую новую европейскую лампу, окрашенную зеленоватымъ цвѣтомъ древней бронзы. Кольйо, желая угодить и показать, что онъ русскій хлѣбъ не даромъ ѣстъ, взялъ ее внизъ и цѣлое утро чистилъ и скоблилъ ее всячески, до того, что она, наконецъ, стала желтенькая и заблистала какъ простая новая мѣдь. Онъ ее поставилъ на столъ и ушелъ. Вдругъ звонокъ. Благовъ стоитъ предъ лампой; около него два гостя — архонты, Бостанджи-Оглу и кавассъ Анастасій...

— Кто это сдѣлалъ, Кольйо? — спрашиваетъ консулъ

Кольйо говоритъ весело, что онъ вычистилъ.

— Хорошо!—говоритъ консулъ. — Прекрасно! Чисто!..

И тогда всѣ начинаютъ громко смѣяться... Кольйо сначала смѣется самъ, озираясь на всѣхъ и еще не понимая, въ чемъ дѣло... Но одинъ изъ архонтовъ отечески говоритъ ему:

— Не надо дѣлать того, Николае, чего ты не знаешь... Эта краска, посредствомъ особаго тонкаго способа, нарочно для красоты наводится... Надо простить его безграмотности и варварству, господинъ консулъ...

А Благовъ говоритъ съ улыбкой:

— Я не сержусь... Мнѣ нравится это... Точно самоваръ русскій!..

И всѣ опять засмѣялись.

И сошелъ внизъ Кольйо, всѣ ему кричатъ, и Бостанджи-Оглу, и поваръ, и Маноли:

— Кольйо! Гдѣ самоваръ? Кольйо! Самоваръ ты видѣлъ, Кольйо?..

И, разсказывая мнѣ это, Кольйо мало-по-малу одушевлял-

ся, печальное лицо его стало выражать энергическое отчаяніе, и онъ, наконецъ, воскликнулъ, вставая и ударяя себя въ грудь...

— Нѣтъ, Одиссей, нѣтъ!.. Я долженъ погибнуть... Я дуракъ! Я несчастный человѣкъ. У всякаго человѣка, Одиссей, самолюбіе есть... Я не могу этого вынести... не могу... Я утоплюсь... Я уйду въ разбойники! И пусть я погибну... Пусть я погибну! Несчастный я!..

— Постой, Кольйо,—сказалъ я ему.—Вѣдь одна эта лампа что́ такое?.. Вотъ если бы грѣхъ, если бы гласъ совѣсти твоей...

Кольйо съ досадой отвернулся.

— Что́ ты говоришь мнѣ, Одиссей мой, гласъ совѣсти... Оставь это, слушай... Нѣтъ, ты слушай, Одиссей мой, что́ я тебѣ скажу.

И онъ опять сѣлъ и съ глубокимъ чувствомъ началъ разсказывать мнѣ, что́ съ нимъ случалось еще прежде, сколько онъ дѣлалъ разныхъ глупостей и ошибокъ въ консульствѣ и «какое у этого человѣка» (то-есть у Благова) терпѣніе. Важнѣе же всего было то, что во время путешествія ихъ по Эпиру и Македоніи Кольйо потерялъ въ кофейнѣ однажды девять золотыхъ лиръ, которыя поручилъ ему Благовъ на мелкіе дорожные расходы. Онъ изображалъ мнѣ свой ужасъ, свое отчаяніе... свой стыдъ, свою мучительную боязнь, что Благовъ сочтетъ его за наглаго вора и тотчасъ же прогонитъ его...

Тутъ ужъ и я искренно ужаснулся, услышавъ это, и воскликнулъ:

— Ну, что́ же онъ? Что́ же?

— Ничего,—отвѣчалъ Кольйо.—Что́ я тебѣ скажу? Совсѣмъ ничего... Я сталъ предъ нимъ и, простирая руки къ небу, сказалъ ему со слезами: «Прошу васъ, эффенди, именемъ Бога прошу васъ, не думайте, что я ихъ укралъ или истратилъ... Лучше просто прогоните меня, какъ безумнаго». А онъ такъ смотритъ (и Кольйо открылъ какъ можно больше глаза)... такъ смотритъ и говоритъ мнѣ очень любезно и кротко: «Нѣтъ, я тебѣ вѣрю, Кольйо! Успокойся!»

Кольйо, одушевившись, не умолкалъ, и я не находилъ долго возможности передать ему то, что̀ меня тревожило. Онъ разсказалъ мнѣ послѣ этого еще много разнаго о томъ, какъ, не желая, чтобы турки-жандармы прежде его подскакали держать поводъ и стремя Благову, когда онъ останавливается и сходитъ съ коня, попробовалъ подскочить самъ и полетѣлъ внизъ головой съ сѣдла; а Благовъ сказалъ ему: «Нѣтъ, ужъ пусть лучше турки!» Потомъ какъ въ посольствѣ русскія дамы призывали его, чтобы смотрѣть его одежду, и трогали ее и какъ ему было это стыдно... И какъ онъ не зналъ, куда ему дѣть руки; а одинъ старикъ сказалъ по-русски: «Добрая, предобрая рожа!» И эти слова перевелъ ему докторъ болгаринъ по-гречески и подтвердилъ ихъ самъ и, наконецъ, какъ г. Благовъ хотѣлъ отпустить его только за то одно, что раза два фустанелла его была грязна и руки не совсѣмъ чисты; онъ не сталъ и разговаривать съ нимъ много, а положилъ жалованье ему на столъ и спросилъ: «Отчего ты, Кольйо, не одѣлся почище, когда я это люблю? Скажи правду». «Тягощусь переодѣваться», сказалъ ему Кольйо по совѣсти. «Значитъ, ты не можешь больше служить мнѣ; вотъ твои деньги».

— Такъ сказалъ Благовъ. И никогда еще я не видалъ у него въ лицѣ такой злости, — прибавилъ Кольйо.

Насчетъ этой злости Кольйо имѣлъ свое тонкое соображеніе. Онъ приложилъ плутовски палецъ къ виску и сказалъ:

Полагаю, что это при другихъ въ столицѣ онъ хотѣлъ быть еще строже насчетъ чистоты... Такъ я думаю...

— Что̀ жъ ты сдѣлалъ тогда? — спросилъ я.

— Я постоялъ немного за дверью, подумалъ и, возвратившись, сдѣлалъ ему земной поклонъ и сказалъ: «Простите! Я буду впередъ гораздо чище». А онъ: «Не надо быть глупымъ», и больше ничего.

Всѣ эти разсказы Кольйо были неутѣшительны для меня. Они не только не объясняли мнѣ ничего, напротивъ того, они еще больше туманили мою мысль...

Не прогнать простого мальчишку за потерю девяти золотыхъ.. Повѣрить ему на слово! И удалить его безпощадно за то только, что рукъ не вымылъ и фустанеллу полѣнился перемѣнить... Какъ понять такого человѣка? Какъ угодить ему?.. Ни я, ни Кольйо не понимали. И какъ намъ было понять? Привычки и понятія наши были совсѣмъ иныя. У насъ, на Востокѣ, есть свои опредѣленные общіе обычаи, придерживаясь которыхъ, самый неопытный человѣкъ можетъ не дѣлать грубыхъ ошибокъ; у русскихъ образованнаго общества нѣтъ обычаевъ; у нихъ всякій имѣетъ свои обычаи. У насъ, напримѣръ, въ субботу надо вымыть полъ въ домѣ, и если придутъ гости, это ничего, надо только воскликнуть: «Ахъ, извините; вы застали насъ вверхъ дномъ (а́но-ка́то)»... Иначе какъ «а́но-ка́то» кто скажетъ? А Благовъ «а́но-ка́то» никому не говорилъ, не извинялся, запрещалъ по субботамъ мыть у себя каждую недѣлю полы и говорилъ, что «это грязная чистота». У насъ, когда слуга кофе или варенье подаетъ, онъ долженъ имѣть видъ кроткій и какъ бы жалобный и, потупя очи, отступить, подавъ, и даже еще лучше, если онъ руку къ сердцу приложитъ. А подносъ всякій разъ водой всполоснуть, и если онъ будетъ мокрый, то это не бѣда,—значитъ, онъ чистъ, если свѣжая вода съ него течетъ. Отступить назадъ и руку прикладывать—это Благовъ любилъ, и когда Кольйо, побывавъ на Босфорѣ, думалъ, что надо это оставить, Благовъ, который какъ будто бы ничего вокругъ себя не замѣчалъ, а все видѣлъ, тотчасъ же сказалъ ему: «Кольйо! Нѣтъ, ты руку прикладывай къ сердцу такъ—это мнѣ нравится»... А подносъ мокрый подавать не приказывалъ... Юноша, напримѣръ, у насъ, слуга ли, какъ Кольйо, или купеческій сынъ, подобный мнѣ,—все равно,—юноша долженъ быть прежде всего экономенъ, и деньги крѣпко, крѣпко, и свои, и отцовскія, и хозяйскія, въ рукѣ держать... Одинъ вотъ юноша болгаринъ тонулъ въ Дунаѣ, а деньги въ рукѣ... Такъ и вынули его... Это человѣкъ будетъ! А не то, что девять лиръ золотыхъ потерять въ кофейнѣ... За это изувѣчить мальчишку стоитъ.

И можно ли вѣрить ему?.. А платье?.. На что̀ это платье? Слуга или служанка чѣмъ грязнѣе, тѣмъ лучше... Бѣгай внизъ, вверхъ... стучи, кричи, работай... Есть ли время наряжаться и чиститься хорошему человѣку?.. И купеческій сынъ точно также. Его бранитъ отецъ за щегольство и опрятность.... И скорѣе горцу, воину по духу, можетъ нравиться разодѣтый молодецъ-сынъ, чѣмъ городскому купцу. «Ты человѣкъ труда! Не развращайся»... А Благовъ только за одно пятно на юбкѣ хотѣлъ удалить Колькю... О поцѣлуяхъ моихъ молчитъ и ученость мою зоветъ риторствомъ... Развѣ риторъ, риторъ — дурное слово?.. Демосѳенъ и Цицеронъ были риторы... Это обязанность просвѣщенія... Какъ же мы съ Колькю угодимъ ему?.. Ни я, ни Колькю не могли этого постичь... Но у Колькю была совѣсть чиста, и онъ плакалъ о лампѣ только изъ самолюбія, обижаясь, что весь городъ будетъ это знать и назовутъ его яніоты человѣкомъ «дикимъ и необразованнымъ», а я находилъ себя преступнымъ.

Мы посидѣли нѣсколько времени молча и въ раздумьи... Потомъ походили по саду тоже молча. Я вздыхалъ и онъ вздыхалъ...

Наконецъ я остановился и сказалъ, обращаясь къ нему дружески:

— Послушай, мой милый Колькю! Послушай, чтобы мнѣ всегда радоваться на твои глазки.... Не бойся и не обижайся... что̀ я тебѣ скажу...

— Говори...

— Послушай, не было ли у тебя чего-нибудь такого съ дѣвушками или женщинами? Просвѣти, вразуми меня... что̀ мнѣ дѣлать?.. Я каюсь тебѣ и сознаюсь въ моемъ несчастіи; мнѣ эта пропадшая туркуда очень понравилась въ тотъ вечеръ, когда были гости... Скажи мнѣ, не было ли чего-нибудь такого съ тобой?.. И если ты уклонился отъ зла, то открой, какъ безъ грѣха сохраниться и мнѣ. И съ тобой можетъ быть что-нибудь было, и ты тоже красивъ лицомъ. Ты красивѣе меня.

И я не льстилъ ему. Я въ самомъ дѣлѣ находилъ тогда,

что онъ красивѣе меня. У меня, какъ ты знаешь, продолговатое лицо и носъ классическій. А у Кольйо лицо было круглое и очень румяное, выраженіемъ доброе и тихое, а иногда и веселое. Персидскій поэтъ Саади восхитился бы его наружностью, ибо онъ говоритъ про одного юношу: «лицо его было подобно полной лунѣ въ ту минуту, когда она восходитъ». Если бы небольшіе усики, которые начинали уже украшать его губу и были еще похожи больше на брови, чѣмъ на усы, если бы (припоминая все того же Саади) не «пухъ аївы» на подбородкѣ и щекахъ его, то онъ очень былъ бы похожъ на широкоплечую, полную, краснолицую и скромную честную дѣвушку, для шутки одѣвшуюся въ мужскую фустанеллу. Лучше же всего была хорошая душа его, которая свѣтилась такъ привлекательно изъ его очей и улыбки.

Я держалъ его за его прекрасную руку и просилъ исповѣдать мнѣ для поученія что-нибудь изъ прошедшей его жизни, такъ какъ онъ былъ годами тремя постарше меня.

Боже! какъ стыдливо и простодушно и испуганно смотрѣлъ на меня этотъ незабвенный мой юноша-горецъ...

Высвободивъ руку свою, онъ отвѣчалъ мнѣ кротко:

— Не спрашивай этого, Одиссей...

Я началъ умолять его и сказалъ ему такъ:

— Не оскорбляй меня! Я не предатель... Покажи мнѣ, мой другъ, что̀ у тебя на рукѣ... Я только объ этомъ прошу тебя объ одномъ...

Кольйо посмотрѣлъ на меня внимательно, какъ бы желая убѣдиться, довѣрять ли мнѣ, или нѣтъ, и спросилъ серьезно:

— Ты смѣяться послѣ надо мной не будешь?

Я съ жаромъ поклялся ему, что не буду.

Тогда Кольйо, поднявъ широкій рукавъ, обнажилъ до плеча свою сильную руку, и я увидалъ на смуглой кожѣ ея синюю ёлочку, или палочку, отъ которой шли въ стороны вѣточки. Это изображало непоколебимый кипарисъ; а внизу была тоже синяя меланхолическая подпись:

Ахъ! Вахъ!
День и ночь гуляю,
Все тебя не забываю!!.

— Видѣлъ? — спросилъ Кольйо, опуская рукавъ и краснѣя.

— Видѣлъ,—отвѣчалъ я, тоже отвращая взоры мои, чтобы не стѣснять его.

А Кольйо прибавилъ съ глубокимъ, глубокимъ вздохомъ:

— Что дѣлать! Всякій человѣкъ находитъ въ этихъ вещахъ свое удовольствіе.

Я сталъ просить его разсказать, что значитъ это воспоминаніе, разсказать мнѣ для нравственной пользы моей, но Кольйо рѣшительно отказался.

— Нѣтъ, Одиссей! нѣтъ! Не проси меня! Этого я сдѣлать не могу!

И онъ почти съ изступленіемъ прижалъ руку къ груди и, поднявъ глаза свои къ небу, воскликнулъ:

— Вотъ тебѣ Богъ мой! это невозможно... И ты оставь меня теперь...

Съ этими словами онъ поспѣшно удалился; а я, погоревавъ еще, пошелъ медленно наверхъ, думая: что-то будетъ!..

Но за обѣдомъ все внезапно и легко разрѣшилось само собой.

Г. Бакѣевъ собирался уѣзжать въ Арту и Превезу. Ему послѣ исторіи съ Брешѐ оставаться въ городѣ было тяжело, и Благовъ самъ, понимая это, далъ ему порученіе хлопотать тамъ о вознесеніи колокола на колокольню, *перваго* христіанскаго колокола въ эпирскомъ городѣ... Консулъ обѣщалъ ему прислать за нимъ нарочнаго гонца, если Бреще не получитъ предписаніе извиниться.

Но чрезъ этотъ отъѣздъ уменьшилось количество рукъ въ канцеляріи, и Благова это тревожило.

Разговаривая объ этомъ за обѣдомъ, онъ какъ-то пристально вглядывался нѣсколько времени въ меня и потомъ, обратясь къ Бостанджи-Оглу, спросилъ его, сколько будетъ листовъ въ статистикѣ, которую приготовилъ еще

въ Загорахъ отецъ мой. Бостанджи-Оглу сказалъ, что очень много.

Тогда они разочли всѣ вмѣстѣ, и консулъ сказалъ:

— Съ завтрашняго дня ты, Бостанджи, начни переводить это по-французски; каждый день подавай мнѣ поправлять по утру, а вечеромъ Одиссей будетъ переписывать переводъ на хорошей депешной бумагѣ начисто... и будетъ опять мнѣ же на просмотръ приносить на слѣдующій день. Такъ мы всѣ будемъ заняты, и все скоро кончимъ.

Потомъ онъ спросилъ у меня, не будетъ ли этотъ трудъ мѣшать моимъ школьнымъ занятіямъ? Я сказалъ, что не помѣшаетъ нисколько, если число листовъ въ день не будетъ слишкомъ велико.

Тогда консулъ спросилъ:

— Будетъ ли Одиссею этой работы недѣли на двѣ?

— Будетъ на мѣсяцъ, — сказалъ Бостанджи-Оглу.

— И прекрасно! — сказалъ Благовъ. — Если хочешь, я тебѣ сегодня золотыхъ три за это казенныхъ впередъ дамъ, такъ какъ я тебѣ обѣщалъ.

Что мнѣ было сказать на эту высокоблагосклонную почтенно-пріятную рѣчь благодѣтеля!..

Я до того былъ пораженъ радостью, услыхавъ, что не только этими заботами о перепискѣ устраняется для меня всякая мысль объ изгнаніи изъ консульства, но напротивъ того, грозная туча, нависшая на моемъ горизонтѣ, неожиданно разрѣшается злато-плодотворнымъ дождемъ Данаи,— что я не могъ уже владѣть собой отъ порыва внезапной радости и, вскочивъ за обѣдомъ со стула, воскликнулъ:

— Я не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ мою живѣйшую благодарность, сіятельный господинъ консулъ мой!..

Всѣ, и Благовъ, и Бакѣевъ, и Бостанджи-Оглу, и даже Кольйо засмѣялись...

Я, смущенный немного этимъ, но все-таки счастливый, сѣлъ опять; а г. Благовъ съ насмѣшливою улыбкой, оглядывая меня внимательно, замѣтилъ:

— Какъ деньги любитъ! Такъ его со стула даже кверху вдругъ подняло.

Опять смѣхъ, въ которомъ уже и я принялъ искреннее участіе...

Но мой смѣхъ былъ не тотъ смѣхъ, что̀ *у нихъ* у всѣхъ; мой смѣхъ былъ трепетъ и хохотъ внутренняго праздника души моей...

На вторичномъ возвращеніи моемъ къ вечернему обѣду изъ школы, дѣйствительно, я нашелъ на столѣ моемъ нѣсколько черновыхъ листковъ статистики, переведенной Бостанджи-Оглу, очень разборчивымъ. Я обрадовался имъ какъ нѣкоему *праву гражданства* въ русской канцеляріи, убралъ ихъ и сѣлъ къ отворенному окну съ видомъ на обнаженныя высоты.

День былъ сухой, зимній день; ясный, веселый и теплый... Слышалось уже приближеніе ранней весны юга; травка въ саду все больше и больше зеленѣла, и снѣга недавняго не видно было и слѣдовъ.

Высоты, которыя темнѣли величаво за городомъ предъ окномъ моимъ, были *наши же* загорскія высоты. Темною стѣной онѣ начинаются тотчасъ же къ востоку за янинскимъ озеромъ и даже есть почти у самой вершины ихъ на склонѣ къ городу маленькое, очень маленькое загорское селеніе *Линьядесъ*. Бѣлые домики его и красноватыя черепичныя кровли были очень хорошо видны изъ консульскаго дома, и я каждое утро, вставая и творя молитву, глядѣлъ на нихъ, вспоминая съ чувствомъ, что дальше, дальше, за нѣсколькими такими высотами живутъ всѣ *мои*... Живетъ моя мать дорогая, и бабушка Евгенко Стилова, и Константинъ нашъ работникъ хорошій живетъ, и Елена служанка наша, всѣ тѣ, которыхъ я съ дѣтства любилъ и которыхъ только однихъ я могъ любить безо всякой боязни, безъ колебаній и раскаянія.

Сегодня, когда душа моя вдругъ успокоилась и смягчилась отъ радости, что все мнѣ прощено, я смотрѣлъ на эти высоты еще съ бо̀льшимъ чувствомъ. Онѣ краснѣли все болѣе и болѣе отъ заката, и я думалъ, что вѣрно

и въ маленькомъ этомъ Линьядесѣ, котораго бѣлые домики такъ хорошо видны отсюда, теперь блещутъ стекла въ пурпурныхъ лучахъ заката такъ, какъ блистали они въ селѣ *Джудила* нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда, переѣзжая съ отцомъ въ Янину, я въ послѣдній разъ оглянулся назадъ. Такъ я думалъ, хотя этого я видѣть не могъ.

Я давалъ себѣ еще разъ слово быть благоразумнымъ, цѣломудреннымъ и трудолюбивымъ и напоминать себѣ постоянно, что отецъ мой старается и что у него болятъ глаза и некому будетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, кромѣ меня одного, быть опорой семьѣ....

Зельха была очень далека теперь отъ моихъ мыслей; мнѣ непріятно было даже вспомнить объ ней, какъ ребенку долго противно вспомнить о сладкомъ кушаньѣ, которымъ онъ неосторожно пресытился и тяжело занемогъ.

Въ такомъ созерцаніи засталъ меня Кольйо. Онъ вошелъ улыбаясь и сказалъ мнѣ тотчасъ же садясь:

— Я, Одиссей, перемѣнилъ мысли теперь... Такая прекрасная погода. Консула дома нѣтъ. Пойдемъ вмѣстѣ за городъ погулять. Тамъ я разскажу о себѣ кой-что... такое, что̀ ты давеча спрашивалъ. Я хочу разсказать тебѣ, какъ на островѣ Іàкинтѣ *) я видѣлъ на рукѣ у одного молодца-грека нарисованную даму въ платьѣ и съ букетомъ. И какъ нарисована! Какая живопись на кожѣ человѣческой! Какъ икона!.. Послушай... Вставай, пойдемъ...

Каково мнѣ было это слышать? Каково испытаніе мужеству? Я понималъ, что онъ издали съ этого острова Іàкинта подкрадывался къ исторіи своего *голубого жипарисса*, которую узнать я просто алкалъ...

Я понималъ къ тому же, что теперь за городомъ должно быть очень пріятно... Мнѣ представилась веселая зелень долины и одинъ домикъ около мощеной дороги направо, и вдали ханъ, и темная дубовая роща около монастыря Перистера, которую я очень любилъ. Съ Кольйо мнѣ всегда

---

*) Зàнте.

было весело... И воздухъ въ окно прилеталъ прохладный и душистый...

Но я превозмогъ себя и, подавляя глубокій вздохъ, сказалъ, обращаясь къ Колькѣ:

— Нѣтъ, иди, Колькѣ мой бѣдный, одинъ! а у меня теперь дѣло спѣшное есть.. Не обидься, что я тебѣ отказываю! Прости мнѣ....

Колькѣ сказалъ: «Пиши, пиши!» и ушелъ.

А я тотчасъ же сѣлъ за столъ мой и началъ чисто и крупно переписывать статистику съ величайшимъ терпѣніемъ...

И послѣ обѣда весь вечеръ и за полночь я писалъ и на другое утро отправилъ г. Благову такъ много и такъ хорошо написаннаго, что онъ съ Колькѣ велѣлъ передать мнѣ тѣ три золотыхъ и сказать: Очень хорошо! прекрасно! благодарю!

Чего мнѣ было еще болѣе желать... Глупая любовь моя, казалось мнѣ, утекла совсѣмъ вмѣстѣ со снѣгомъ...

Прошелъ морозъ, прошла любовь. Морозъ еще вернется хоть на будущій годъ; неразумѣе — никогда!..

Прочно лежитъ *мой камень* теперь у вершины горы, на которую водруженъ столъ Бостанджи-Оглу, покрытый зеленымъ сукномъ. О! гора моя, гора тучная, гора усыренная, надъ которой паритъ такъ всемощно двуглавый орелъ Гипербойрейской державы...

Однако?.. Лучъ сомнѣнія....

Смотри, Одиссей, смотри ты, впрочемъ!.. Вѣдь все-таки ты не знаешь — видѣлъ ли онъ что-нибудь тогда на диванѣ, или ничего не видалъ...

Смотри ты... Берегись, злополучный!

III.

Конечно, чувство мое къ «забавной турчанкѣ» было вовсе не глубоко и такъ противорѣчило всѣмъ правиламъ и началамъ, которыя я всосалъ съ молокомъ моей доброй и

богобоязненной матери, что я не только не искалъ поддерживать его игрою фантазіи, но скорѣе стыдился его искренно и всячески радъ былъ подавить его въ сердцѣ моемъ.

Какъ всякій молодой христіанинъ, выросшій въ Турціи подъ властью турокъ, я всякое вмѣшательство, прямое или косвенное, явное или сокровенное, всякую интригу или демонстрацію считалъ несравненно важнѣе сердечныхъ и романтическихъ чувствъ... О всякой любви внѣ законнаго и освященнаго церковью брака окружавшіе меня съ дѣтства люди говорили, — кто съ презрѣніемъ и насмѣшкой, а кто съ отвращеніемъ и ужасомъ... «Блудница» и «прелюбодѣйца» были два имени, которыя безъ оттѣнковъ и уступокъ давались всѣмъ тѣмъ женщинамъ, которыя изрѣдка, среди строгаго и однообразнаго стиля нашей вѣковой византійской жизни, разрывали на себѣ покровъ стыда и цѣпи чтимаго обычая... О «симпатическихъ и милыхъ» падшихъ женщинахъ, о мужчинахъ высокаго ума, которые романтическую, нѣжную и томительную, но преступную страсть считали бы дѣломъ философскимъ и высокимъ, не менѣе важнымъ, чѣмъ сама наука, и гораздо болѣе занимательнымъ, чѣмъ политика, — о такихъ мужчинахъ едва ли и слышалъ у насъ кто-нибудь (кромѣ Коэвино, который бредилъ подобными предметами и былъ за то посмѣшищемъ всего города).

Отецъ моій о *любви* почти никогда не говорилъ, хотя самъ и женился по чувству и при условіяхъ особенно поэтическихъ.

У меня остался въ памяти разсказъ отца моего про одного англичанина, которому жена измѣнила, потому что влюбилась въ другого человѣка. Когда англичанинъ убѣдился навѣрное въ измѣнѣ жены, онъ сталъ каждое утро, уходя отъ нея, молча класть предъ нею на столъ небольшую сумму денегъ, въ указаніе ея непотребства и униженія, и такимъ средствомъ довелъ ее до отчаянія и преждевременной смерти.

У отца моего обыкновенно выраженіе лица было больше

спокойное, доброе, немного даже равнодушное, но когда онъ разсказывалъ объ этой мести оскорбленнаго супруга, глаза его сверкали, и жестъ его былъ исполненъ выраженія: онъ дышалъ какою-то радостью гнѣва и сочувствіемъ мужу.

И мать моя, слушая это, стремительно и страстно восклицала:

— Хорошо онъ сдѣлалъ! Прекрасно... Такъ было нужно ей, скверной женщинѣ!..

Мать моя, если и упоминала о такихъ людяхъ, какъ Козвино или Гайдуша, или о такихъ исторіяхъ, какъ исторія доктора съ г-жей Арванитаки, то прежде всего она вспоминала о «грѣхопаденіи» и о томъ, какъ страшны были рѣчи той мертвой головы языческаго жреца, которая въ пустынѣ отвѣчала на вопросы св. Макарія Египетскаго. «Ниже и глубже насъ, невѣрныхъ и язычниковъ, и больше насъ несравненно наказаны на томъ свѣтѣ христіане не по закону жившіе». Бабушка Евгенко не говорила ничего объ этомъ. Я не помню.

О политикѣ, о высшей ли, о средней, или даже о самыхъ мелкихъ дѣлахъ гражданскихъ говорили всѣ съ уваженіемъ, серьезно, съ тонкостью, глубиной, съ остроуміемъ, съ любовью...

И я, дитя своей страны и сынъ своихъ обычаевъ, и я стыдился и боялся той стрѣлки Эроса, которая такъ внезапно и вовсе не глубоко проникла въ неопытное сердце, и гордился чрезмѣрно, когда, садясь за столъ, бралъ въ руки «трость книжника-скорописца» и переписывалъ крупными французскими буквами самую ничтожную бумагу, напримѣръ такую:

«Monsieur l'Envoyé!

«J'ai l'honneur d'accuser réception de la dépêche que V. E. m'avez fait l'honneur... sub №...

«J'ai l'honneur d'être...»

А если случайно въ какомъ-нибудь подобномъ извѣщеніи былъ на поляхъ знакъ «ci-joint» или «ci près» (./·), то я возносился еще болѣе, ибо около года можетъ быть все

думалъ что этотъ (./·) знакъ означаетъ совсѣмъ другое, что-нибудь очень секретное и условное, то-есть понимайте другое, не то, что́ я пишу... Напримѣръ, понимайте такъ: «Турецкая имперія въ Эпирѣ на краю гибели... и прикажите мнѣ только дунуть на это позорное и подгнившее зданіе азіатскаго варварства»...

Но мнѣ и не нужно было искать дѣлъ; дѣла эти, и политическія, и тяжебныя, и коммерческія, сами съ раннихъ лѣтъ искали меня.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ моего водворенія въ консульствѣ Колыо привелъ ко мнѣ въ комнату двухъ христіанъ изъ села (своей родины, Чамурья). Они пріѣхали жаловаться на нестерпимыя обиды, которыя терпятъ люди въ этомъ округѣ отъ мусульманскихъ беевъ и отъ продажной слабости янинскихъ властей, и въ случаѣ нужды готовы были даже выселиться изъ своей страны. Не такъ давно было совершено тамъ турками ужасное преступленіе.

На дорогѣ изъ города Фильятесъ къ селу Нивица, нѣсколько дней тому назадъ, въ большой ложбинѣ, у дороги, найдены были три обезображенныхъ христіанскихъ трупа.

Одинъ былъ трупъ молодого и очень извѣстнаго въ томъ округѣ селянина Панайоти Чо̀ка. Онъ лежалъ съ головой, раздробленной пистолетнымъ выстрѣломъ въ упоръ. Видно было по положенію трупа, рукъ и головы, подъ которою была дорожная торба, что Панайоти убитъ былъ сонный на мѣстѣ. Шагахъ въ десяти отъ него лежалъ старикъ, его родственникъ: у этого горло было перерѣзано ножомъ, носъ и щеки изрублены, и на рукахъ были глубокія раны, одежда его была изорвана. Должно быть онъ хотѣлъ бѣжать и защищаться. Третьяго спутника, который ѣздилъ съ ними въ городъ, бѣднаго юношу Ко̀сту, долго не могли отыскать. Наконецъ увидали его трупъ подальше и пониже подъ высокой скалой на каменистомъ мѣстѣ съ переломленною ногой; онъ былъ убитъ двумя выстрѣлами въ грудь навылетъ. Можно было догадываться, что онъ проснулся отъ перваго выстрѣла и, увидавъ, что старика рѣжутъ, хо-

тѣлъ скрыться и спрыгнуть въ темнотѣ съ высокой скалы, переломилъ себѣ ногу, и что убійцы нашли его, можетъ быть прислушавшись къ стонамъ, которыхъ онъ удержать не могъ.

Свидѣтелей не было ни одного. Но у всѣхъ христіанъ тотчасъ же подозрѣніе пало на молодого бея Джефферъ-Дэма, который претендовалъ на бо́льшую часть той земли, гдѣ расположено было село Нивица. Подозрѣніе это укрѣпилось еще больше, когда неподалеку отъ трупа Ко̀сты нашли серебряную рукоятку отъ ножа Джефферъ-Дэма.

Что же означало это таинственное злодѣяніе?.. Джефферъ-Дэмъ былъ не разбойникъ, онъ былъ гордый дворянинъ, и на трупахъ осталось все въ цѣлости: деньги, серебряныя украшенія одежды, даже оружіе убитыхъ осталось нетронутымъ и было разбросано около нихъ на землѣ.

Исторія эта довольно длинная, но мнѣ необходимо разказать ее...

Чамурья лежитъ неподалеку отъ Адріатическаго моря, на западѣ Эпира; есть тамъ мѣста гористыя, есть и небольшіе лѣса на горахъ, но много долинъ, производящихъ пшеницу, кукурузу, виноградъ, и даже на иныхъ теплыхъ склонахъ разведены рощи оливъ, которыя не растутъ на высокой и холодной янинской долинѣ.

Беевъ турецкихъ въ тѣхъ странахъ вообще довольно много; въ горахъ Фильятесъ и Маргарити у нихъ большіе дома, пустые, страшные, суровые, на стѣнахъ у нихъ нарочно для устрашенія нарисованы большіе львы и грозные усатые янычары. Есть въ Чамурьѣ довольно много христіанскихъ селъ, чифтликовъ, зависимыхъ отъ этихъ беевъ, укрѣпленныхъ за ними старыми фирманами; но есть и свободныя села, кефалохо̀рія; жители ихъ живутъ на *своей* землѣ и беямъ никакими указами ничего платить не обязаны.

Но безпорядки, грабежи й притѣсненія, которымъ подвергались издавна христіане подобныхъ отдаленныхъ округовъ, гдѣ не было ни страха консульскаго, ни даже хоть сколько-нибудь сильной и разумной мѣстной власти, при-

нуждали иныя села платить добровольную подать (положимъ хоть бы по двадцати піастровъ со двора) самымъ энергическимъ и вліятельнымъ изъ беевъ Чамурьи, чтобы пользоваться ихъ защитой. Наконецъ, при возрастаніи податей и дороговизны, люди утомились этимъ; правительство султана обѣщало лучшіе порядки, и дѣйствительно тамъ и сямъ даны были нѣкоторыя льготы, заведены были, хотя и непрочные, но все-таки болѣе строгіе порядки. Централизація, которую турецкіе чиновники хотѣли ввести по примѣру Франціи, имѣла свою хорошую и свою худую сторону.

Стараясь больше прежняго все уравнять (по крайней мѣрѣ съ виду), турецкое правительство вредило христіанамъ тѣмъ, что уничтожало почти вездѣ ихъ мѣстныя особенности, ослабляя самоуправленіе ихъ обществъ, но съ другой стороны, не надо этого скрывать, оно все-таки старалось ослаблять и феодальную необузданность беевъ. Оно хотѣло сохранить за собой однимъ монополію безпорядковъ и притѣсненій. Однако были естественныя минуты раздыха, въ которыя казалось, что все какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ стремится къ лучшему устройству.

Вотъ въ одну-то изъ такихъ минутъ, еще въ началѣ прибытія Рауфъ-паши въ Эпиръ, христіане шестнадцати освобожденныхъ селъ на родинѣ нашего Колью объявили беямъ, что больше платить имъ не будутъ, такъ какъ это было не по указу и не по закону, а лишь временно, по нуждѣ и обычаю... О пашѣ всѣ отзывались какъ о человѣкѣ добромъ, совершенно чуждомъ фанатизма и здравомыслящемъ, хотя бы и не умномъ; и селяне эти надѣялись, что онъ поддержитъ несомнѣнныя, вполнѣ законныя права на освобожденіе отъ этого добровольнаго налога, который былъ не только для нихъ бременемъ, но и живымъ укоромъ и стыдомъ для правильной власти... ибо зачѣмъ же откупаться отъ вліянія частныхъ лицъ или зачѣмъ подкупать ихъ годовымъ окладомъ, когда есть эта законная власть, и карающая, и заступительная.

Рауфъ-паша дѣйствительно принялъ въ началѣ ихъ сторону. Беи жаловались въ Константинополь, докладывая, что

эти села не свободныя, а старые, *обязанные* чифтлики. Диванъ-эффендиси Ибрагимъ между тѣмъ сталъ брать деньги вѣроятно и съ селянъ и съ беевъ, и тяжба затянулась на нѣсколько лѣтъ... Потомъ и Рауфъ-паша, всегда почти поддававшійся вліянію дочери и зятя, перешелъ почти совсѣмъ на сторону беевъ. Селяне, хотя и не слишкомъ бѣдные, но все-таки утомились, перессорились между собою, раздѣлились на партіи, и нѣкоторыя села рѣшились, чтобы кончить это дѣло, возобновить платежъ, и пошли къ беямъ съ повинной головой.

Были даже люди, которые обвинили нѣкоторыхъ старшинъ въ томъ, что ихъ подкупили беи. Трудно, конечно, узнать, правда ли это; предатели есть вездѣ, и нѣкоторымъ беямъ, разумѣется, могло казаться выгоднымъ дать одинъ разъ немногимъ старшинамъ и по большой даже суммѣ, чтобы получать всегда и со всѣхъ этихъ шестнадцати селъ опредѣленные доходы.

Какъ бы то ни было, часть христіанъ согласилась возобновить уплату. Нѣкоторые изъ греческихъ законниковъ и опытныхъ людей совѣтовали имъ поступить такъ еще потому, что теперь по крайней мѣрѣ беи не выхлопотали себѣ еще новыхъ фирмановъ, и старыя злоупотребленія не получили юридической санкціи; но если продолжать тяжбу, то фирманы могутъ быть выданы, и тогда уже будетъ гораздо труднѣе возобновить дѣло позднѣе. Такъ я помню объ этомъ дѣлѣ, хотя и не совсѣмъ увѣренъ, вполнѣ ли я все въ немъ понялъ.

Не всѣ села и не всѣ христіане однако были съ этимъ рѣшеніемъ согласны. Сильнѣе всѣхъ возставалъ противъ этого тотъ самый убитый молодецъ Пано изъ села Нивица. Ему не было еще и тридцати лѣтъ, но онъ пріобрѣлъ вліяніе. Онъ былъ не бѣденъ, смѣлъ, уменъ, собою виденъ; Кольйо его зналъ и говорилъ про него съ восторгомъ: «Такой молодецъ! Такой хорошій молодецъ! Свѣтъ не видалъ такого!»

Онъ жилъ съ молодою женой и молодою сестрой дѣвушкой. «Итакъ, говорилъ Кольйо, у нихъ было весело!

Всѣ трое молодые. Работаютъ и смѣются. Все смѣхъ у нихъ и веселье! А Дѐспо (это сестра его), только все се видишь, какъ она бѣгаетъ туда, сюда и босыми ногами стучитъ, и по горницѣ, и по лѣстницѣ внизъ, и по лѣстницѣ вверхъ. Ту-ту-ту-ту!.. Айда... ту-ту-ту—туда... Хорошее семейство!»

Я очень любилъ, когда Кольйо разсказывалъ что-нибудь просто, и не подозрѣвалъ, какой онъ былъ прекрасный живописецъ и какъ запечатлѣвались въ сердцѣ слушателя его простодушныя изображенія!..

И теперь стоило ему только разсказать мнѣ немного о родинѣ своей, которую я не видалъ и которая ни на Янину, ни на Загоры не похожа, какъ я уже вообразилъ себѣ все такъ ясно, и оливки эти сѣдыя, и лихого Па́но въ старой фустанеллѣ съ молодецкими усиками, и жену его съ грудным ребенкомъ за спиной, идущую на работу, и Дéспо эту маленькую, которая красивыми и нѣжными, хотя и босыми ногами, покрытыми сухою пылью, бѣжитъ съ сосудомъ на беззаботной головкѣ... «ту-ту-ту»... какъ говорилъ Кольйо, представляя даже руками, какъ Дéспо дѣлаетъ «ту-ту-ту!»

И еще чувствительнѣе тогда было мнѣ представить себѣ глухую ложбину, въ которой лежалъ бездыханный трупъ молодца и заступника этого съ разнесеннымъ въ дребезги черепомъ, и бравыхъ товарищей его, убитыхъ такъ жестоко...

Убійство это было совершено почти тотчасъ же послѣ пріѣзда Благова. Слухъ объ немъ очень скоро пронесся и по Янинѣ; селяне, которые пришли свидѣтельствовать противъ Джефферъ-Дэма, носили съ собой серебряныя ножны ятагана, затерянnаго второпяхъ на мѣстѣ преступленія. Множество людей признавали эти ножны и свидѣтельствовали, что они принадлежатъ Джефферу. И не только христіане, но даже были и турки, которые прямо указывали на убійцу. Надъ большимъ селомъ Нивицей, въ которомъ было домовъ можетъ быть триста, претендовалъ господствовать не одинъ этотъ Джефферъ; съ нимъ вмѣстѣ получалъ

деньги съ жителей этого села и другой турокъ Тахиръ-бей Аббасъ. Онъ былъ еще съ отцомъ Джеффера во враждѣ и теперь во всеуслышаніе говорилъ, что Джефферъ злодѣй и злодѣй глупый, мальчишка, который, убивъ Пано, вредитъ не себѣ одному, а всѣмъ беямъ Чамурьи и больше всѣхъ ему, Тахиръ-Аббасу, и лишаетъ и его дохода, ибо селяне Нивицы, доведенные теперь до отчаянія и бѣшенства, хотятъ во что бы то ни стало переселиться въ Россію, въ Элладу ли или даже въ иную область Турціи, лишь бы имъ дали гдѣ-нибудь земли.

Джефферъ-Дэма схватили, привели въ Янину и содержали нѣсколько времени подъ стражей. Но это длилось очень недолго, за него нашлись поручители, паша его выпустилъ, и не далѣе, какъ черезъ недѣлю послѣ его поимки, Кольйо вбѣжалъ ко мнѣ такъ, что дверь едва не сорвалась съ петель, схватилъ меня за руку и повторяя: «Джефферъ-Дэмъ! Джефферъ-Дэмъ!..» почти выкинулъ меня на балконъ, который выходилъ на боковой стѣнѣ въ переулокъ.

Джефферъ-Дэмъ проходилъ пѣшкомъ съ однимъ слугой мимо русскаго консульства. Я только этотъ разъ и видѣлъ его, но уже никогда забыть его не могъ; и если бы даже онъ не былъ героемъ такой трагической исторіи, если бъ онъ не совершилъ никакого преступленія, если бъ я не зналъ даже имени, а только видѣлъ бы разъ, какъ онъ прошелъ по улицѣ этой, то и тогда кажется не забылъ бы его никогда, какъ не забываетъ человѣкъ прекрасную картину, на которую онъ поглядѣлъ и недолго, но со вниманіемъ...

Джефферъ-Дэмъ былъ еще молодъ и чрезвычайно красивъ. Онъ былъ пріятно круглолицъ, очень смуглъ и очень свѣжъ; во всей его особѣ, въ огромныхъ темныхъ очахъ, въ небольшихъ черныхъ усахъ, подкрученныхъ кверху, въ стройномъ станѣ, въ тихой, неспѣшной, величавой походкѣ, въ бѣлыхъ рукахъ, заложенныхъ покойно за спину, было такъ много чего-то необъяснимаго, породистаго, тихо-горлаго, тайно-самодовольнаго, что я тебѣ выразить не могу! Одѣтъ онъ былъ, конечно, въ пышную фустанеллу, а курт-

ка его и всѣ остальныя части одежды были изъ чернаго сукна и вышиты золотомъ, сіявшимъ какъ новый червонецъ и на груди, и на спинѣ, и на рукавахъ, и на обуви икръ.

За нимъ шелъ пожилой усатый слуга, тоже одѣтый поалбански, и лицо его было одно изъ тѣхъ худыхъ и свирѣпыхъ арнаутскихъ лицъ, вспоминая о которыхъ, понимаешь событія послѣднихъ дней въ злополучной Болгаріи и видишь тотчасъ предъ собою то церковный дворъ Батока, наполненный истлѣвающими трупами, то тріумфальныя арки изъ мертвыхъ головъ христіанскихъ, перевитыхъ цвѣтами, то распятыхъ и повѣшенныхъ священниковъ; то мать-болгарку, убитую и связанную съ изнасилованною дочерью ремнями ихъ собственной кожи!..

Не этотъ ли слуга помогалъ своему молодому красавцу господину убивать Пано и его спутниковъ? Не онъ ли ужъ научилъ его все это совершить?..

Когда мы съ Кольйо выскочили, какъ безумные, оба вмѣстѣ на балконъ, Джефферъ-Дэмъ поднялъ не спѣша на насъ глаза, поглядѣлъ на насъ... Я бы желалъ, мой другъ, чтобъ ты понялъ, какъ онъ это именно поглядѣлъ!.. Или глаза его были очень красивы, или мысль объ ужасномъ этомъ убійствѣ придавала всему, что до него касалось, особое значеніе... только мы оба съ Кольйо сказали другъ другу почти въ одно время, когда онъ удалился: «какъ глядитъ!»

А «какъ» именно онъ глядитъ, этого мы не могли сказать... Онъ поглядѣлъ равнодушно; ничего не было замѣтно... А мы сказали, однако, оба другъ другу: «Какъ глядитъ!»

Прошелъ молодой злодѣй-красавецъ. Прошелъ и ушелъ, и я больше никогда не видалъ его... Но такъ мнѣ до сихъ поръ кажется удивительнымъ и страннымъ, что такой нѣжный и такой юноша, полный достоинства и изящества, рѣзалъ самъ христіанъ, обагрялъ горячею кровью эти почти женскія руки, заложенныя теперь такъ равнодушно за спину; потерялъ даже ножны свои въ борьбѣ,—такъ мнѣ все это кажется страннымъ, что стоитъ мнѣ только подумать о первой молодости моей и объ Янинѣ, такъ одно изъ пер-

выхъ лицъ, которыя представляются воображенію моему какъ живыя—это Джефферъ-Дэмъ съ поднятыми къ балкону нашему на минуту равнодушными черными очами, въ бѣлой фустанеллѣ, которая чуть-чуть качается, когда онъ ступаетъ по камнямъ, и руки его за спиной, на которыхъ и слѣдовъ христіанской крови какъ будто не видно...

И не мы одни съ Кольйо обратили вниманіе на прекрасную наружность этого безстыднаго убійцы. Люди, гораздо больше насъ знающіе, что такое «изящное», замѣтили ее.

У насъ былъ разъ какъ-то запросто австрійскій консулъ. (Благовъ его продолжалъ предпочитать всѣмъ своимъ товарищамъ, и они часто бывали другъ у друга).

Ашенбрехеръ больше нашего восхищался красотой молодого бея. Именно больше нашего. Мы съ Кольйо по-дѣтски считали обязанностью, такъ сказать, нашей умалчивать по возможности обо всемъ, что можетъ встрѣтиться въ мусульманахъ мало-мальски хорошаго, и особенно въ мусульманахъ злыхъ; мы не осмѣливались выразить другъ другу то, что насъ поразило, и понявъ, конечно, молча другъ друга, сказали только: «какъ глядитъ!..»

Ашенбрехеру не было, конечно, никакой нужды или потребности скрывать свои впечатлѣнія, и онъ хвалилъ громко и восторженно: «Quelle beauté! Ah! Ce costume mirabolent! Mais c'est fabuleux! c'est curieux au plus haut dégrés!... Какая жалость, что этотъ молодой человѣкъ такой преступникъ, такой негодяй!..»

На это Благовъ отвѣчалъ ему при насъ съ веселостью (онъ всегда при Ашенбрехерѣ былъ въ духѣ):

— Я жалѣю о другомъ... И я его видѣлъ, и отдаю справедливость и костюму его и наружности; и даже такъ оцѣнилъ все это, что пожалѣлъ объ одномъ: отчего я здѣсь не всемогущій сатрапъ... Я сначала выписалъ бы изъ Италіи живописца, чтобы снять съ него портретъ, а потомъ повѣсилъ бы его... Я не говорю: посадилъ бы его на колъ... потому что, какъ вы знаете, теперь это не принято... но я повѣсилъ бы его тоже картинно: при многолюдномъ сборищѣ и христіанъ, и турокъ, чтобы турки учились впередъ быть

осторожнѣе... И самъ присутствовалъ бы при этой казни... Я не шучу...

— О! — воскликнулъ, смѣясь, австріецъ, — какое нероновское соединеніе артистическаго чувства и кровожадности... О!..

Благовъ немного покраснѣлъ и отвѣчалъ:

— Что жъ Неронъ?.. Вотъ развѣ мать... Это конечно... Но нельзя же увѣрять себя, что пожаръ Рима былъ не красивъ...

— Ecoutez!..—воскликнулъ Ашенбрехеръ, — вы сегодня ужасны!..

И, перемѣнивъ разговоръ, онъ началъ доказывать, что турки рѣшительно неисправимы и что всѣ надежды, возлагаемыя на нихъ въ Европѣ, напрасны... Это истлѣвающая нація!.. У нихъ есть сила только противу беззащитныхъ и слабыхъ, какъ напримѣръ въ Сиріи, а наказывать преступленія они не хотятъ или не умѣютъ...

Но Благовъ былъ въ этотъ день хотя и веселъ, но въ самомъ дѣлѣ ужасенъ...

— Зачѣмъ же вы всегда помогаете имъ подъ рукой?— спросилъ онъ безъ церемоніи и все съ тѣмъ же сіяющимъ побѣдоноснымъ лицомъ.

Ашенбрехеръ, впрочемъ, вышелъ изъ затруднительнаго положенія очень мило...

Онъ воскликнулъ:

— Послушайте! Что́ жъ намъ дѣлать противъ такого колосса какъ вы? Ваша Россія—это какой-то наивный Баобабъ! Она растетъ невинно, какъ дерево... Все не хочетъ завоеваній, всего боится, и все около нея трещитъ, какъ старый заборъ... Чего хотятъ ваши государственные люди— никто никогда понять не можетъ... Voyons, soyez-donc bon enfant... Avoyez, que j'ai raison.

Но Благовъ отвѣтилъ ему на это такъ:

— Это очень зло, то, что́ вы говорите. Вы кажется хотите этимъ сказать, что мы, русскіе, сами не понимаемъ чего хотимъ... Бываетъ положимъ и такъ... но не всегда.

— А! А!.. — восклицалъ Ашенбрехеръ. — Разсказывайте!.. Никогда, никогда этого не бываетъ! Я хочу только ска-

зать, что ваши государственные люди умѣютъ желать именно того, чего требуетъ минута; c'est organique... Ихъ воля необходимое проявленіе того, такъ сказать, естественнаго роста... о которомъ я говорю... Тѣмъ хуже!.. Тѣмъ хуже для насъ! Поставьте же, наконецъ, себя на мѣсто Австріи! — прибавилъ онъ съ жестомъ шуточнаго отчаянія.

— Ставлю, ставлю,—снисходительно сказалъ Благовъ.

Эта шуточная и довольно смѣлая бесѣда консуловъ кончилась тѣмъ, что Ашенбрехеръ при насъ обѣщалъ Благову не только написать интернунцію о необходимости удовлетворить жителей Нивицы и семью убитаго Пано и наказать Джефферъ-Дэма, но обѣщалъ ему уговорить даже и Брешѐ для пользы самой Турціи сдѣлать то же и далъ слово, что бѣловую бумагу свою дастъ на прочтеніе Благову. Слово свое онъ сдержалъ, конечно, но онъ не клялся при этомъ, что онъ никакого другого и въ противоположномъ духѣ донесенія еще секретно не напишетъ своему начальству, и еще, прибавлю, впослѣдствіи оказалось, что слово, сказанное Благовымъ (не совсѣмъ въ шутку) о жаждѣ очень строго наказать Джефферъ-Дэма, Ашенбрехеромъ не было забыто.

Вотъ именно около этого времени, когда консулы рѣшились всѣ писать въ Царьградъ о томъ, что Джефферъ-Дэма выпустили на поруки и что его серьезно судить паша кажется не намѣренъ, явились въ Янину тѣ представители Нивицы, которыхъ Кольйо, какъ земляковъ своихъ, помимо Бостанджи-Оглу, прямо привелъ ко мнѣ въ комнату.

Лишь только до Нивицы дошелъ слухъ о томъ, что Джефферъ-Дэмъ ходитъ свободно по Янинѣ, все село поднялось въ изступленіи и рѣшилось выселиться во что̀ бы то ни стало и куда бы то ни было. Движеніе это понемногу сообщилось и жителямъ другихъ сосѣднихъ селъ. Однако селяне хотѣли сначала посовѣтоваться съ вліятельными лицами въ Янинѣ и пріобрѣсти себѣ поддержку въ консульствахъ; поэтому, выбравъ для этой цѣли надежныхъ людей, они поручили имъ прежде всего обратиться къ Благову и къ эллинскому консулу Киркориди.

IV.

Я принялъ жителей Нивицы, (ихъ было трое), разумѣется, какъ слѣдовало, съ уваженіемъ и участіемъ; посадилъ, угостилъ ихъ консульскимъ кофеемъ и самъ крутилъ имъ сигарки и спрашивалъ обо всемъ обстоятельно.

Я видѣлъ, что я имъ понравился, и одинъ изъ нихъ, старикъ, сказалъ мнѣ такъ:

— Жаль, что отца твоего здѣсь нѣтъ... Какъ это такъ долго безъ хорошаго драгомана консулу оставаться?..

— Отецъ скоро будетъ, — отвѣчалъ я.

— Когда еще будетъ! А консулу бы нужно пока хорошаго драгомана изъ здѣшнихъ.

— Вотъ Бостанджи-Оглу пока ходитъ по дѣламъ въ Порту.

— Не здѣшній. Нужно бы здѣшняго, — сказали селяне.— Твой отецъ такой человѣкъ, какого нужно... А пока бы другого взяли; хорошо бы сдѣлали. Отчего консулъ Исаакидеса не возьметъ на время? Онъ человѣкъ грамотный, имѣетъ и мозгъ, и состояніе, и все, что нужно.

— Онъ и турокъ ненавидитъ такъ, какъ нужно, — прибавилъ съ веселою улыбкой другой.

Я отвѣчалъ, что это дѣло начальника, «а я что тутъ?»

— Нѣтъ, ты посовѣтовалъ бы это консулу, чтобъ онъ Исаакидеса взялъ.

Я сталъ догадываться, что это какія-нибудь внушенія со стороны самого Исаакидеса, которому хоть на одинъ бы мѣсяцъ хотѣлось послужить при русскомъ консульствѣ, чтобы покончить скорѣе какія-нибудь дѣла свои или дать имъ по крайней мѣрѣ выгодное направленіе. Я не могъ знать навѣрное, повредитъ ли это отцу моему или нѣтъ, и боялся, чтобъ Исаакидесъ не сумѣлъ бы такъ за это время понравиться своею дѣятельностью консулу, что отецъ, по возвращеніи своемъ, найдетъ мѣсто навсегда занятымъ.

Что Исаакидесъ желалъ стать хоть временно драгоманомъ, это я зналъ навѣрное, потому что онъ сталъ подъ

разными предлогами почти ежедневно, съ перваго дня возвращенія Благова, ходить въ консульство и подобострастно улыбаться всѣмъ намъ.

Бостанджи-Оглу, который и не любилъ меня и завидовалъ мнѣ въ чемъ-то (я и не знаю въ чемъ именно), но и скрываться отъ меня не умѣлъ, еще вчера, глядя на подходящаго съ поклонами къ Благову Исаакидеса, сказалъ мнѣ такъ:

— Что за дьяволъ, иногда и этотъ Коэвино говоритъ хорошо! Правъ онъ, когда говорилъ, что у этого человѣка низкій и подлый видъ и что сюртукъ у него ужъ слишкомъ скверный и сальный, и усы даже всегда криво пробриты, и носъ виситъ... Ей Богу, все это правда... Гляди, гляди, какъ онъ смотритъ снизу на консула. Хочетъ въ драгоманы попасть, у отца твоего мѣсто отбить...

— Хочетъ развѣ? — спросилъ я.

— Одно и то же все твердитъ: «Вамъ безъ Полихроніадеса трудно... Вамъ хоть на время нуженъ мѣстный человѣкъ».

— А консулъ что? — еще спросилъ я.

— Не знаю. Молчитъ.

Для меня было понятно, что Бостанджи на всѣхъ сердится за то, что его самого никто драгоманомъ сдѣлать не желаетъ. Посмѣявшись надъ нимъ злорадно въ сердцѣ моемъ, я далъ себѣ слово написать поскорѣе обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ отцу и просить его, чтобъ онъ далъ мнѣ наставленіе относительно моего собственнаго поведенія, когда ко мнѣ люди будутъ обращаться съ вопросами или просьбами, касающимися чего-нибудь подобнаго.

На этомъ-то основаніи и этимъ сельскимъ представителямъ я отвѣчалъ, что не мнѣ, мальчишкѣ, приличествуетъ давать консулу совѣты, что онъ знаетъ самъ, кого взять нужно.

Селяне, услыхавъ мой сухой отвѣтъ, какъ будто даже испугались немного и поспѣшили согласиться со мной.

— Конечно, конечно! Какъ консулу самому всего не знать!

Но простодушный Кольйо, который присутствовалъ при нашемъ совѣщаніи, вмѣшался въ дѣло и сказалъ своимъ землякамъ:

— Это Одиссей хорошо говоритъ, что ему не пристойно давать консулу совѣты.

— Не совѣты, а такъ только одно слово, живя въ домѣ... мы говорили... Мы тоже знаемъ,—перебили селяне обидчиво.

— Стой, стой!—прервалъ ихъ Кольйо, одушевляясь,—и я не дуракъ, ты знаешь... Ты стой, что̀ я тебѣ, *патріотъ* *), скажу... Ты самъ консулу скажи такъ: «Мы, конечно, и такъ, и такъ... а вы бы, ваше сіятельство, Исаакидеса взяли, чтобы хоть по нашему дѣлу онъ похлопоталъ бы пока до г. Полихроніадеса...» Что̀? Развѣ я глупо сказалъ?

И Кольйо началъ смѣяться и на всѣхъ насъ поочереди взглядывалъ, радуясь своей тонкости и своей политикѣ.

Селяне нашли, что въ самомъ дѣлѣ правда и, какъ только г. Благовъ отперъ дверь своего кабинета, такъ Кольйо доложилъ ему о приходѣ этихъ людей и отвелъ ихъ къ нему.

Они очень долго у него сидѣли, долго говорили съ нимъ и вышли отъ него очень довольные.

На первую мысль ихъ, переселиться въ Россію, онъ сказалъ, что въ Россіи мѣста много и что отказу имъ, вѣроятно, не будетъ, но что онъ совѣтуетъ имъ прежде обдумать зрѣло такое крутое рѣшеніе: въ Россіи и воздухъ другой, и обычаи не тѣ, и *вода* **) не та... А главное, что такіе молодцы и православные люди *здѣсь* очень нужны... И не лучше ли прежде воспользоваться этимъ ужаснымъ несчастіемъ, которое случилось, чтобы доказать и Высокой Портѣ, и европейскимъ посольствамъ, какъ правы были жители этихъ шестнадцти селъ, когда увѣряли и клялись, что имъ эта зависимость отъ беевъ становится нестерпи-

---

*) *Соотечественникъ*, — неправильное употребленіе вмѣсто *компатріотъ*.

**) На Востокѣ очень дорожатъ хорошею водой и замѣчаютъ въ водѣ тончайшіе оттѣнки.

мою и желали достать какой-нибудь фирманъ или что-нибудь подобное для устраненія впредь притязаній со стороны беевъ.

Благовъ далъ имъ сверхъ того подробныя наставленія, какъ они должны дѣйствовать; совѣтовалъ прежде всего обойти всѣхъ консуловъ, начиная съ Леси, но не подавать имъ подписанныхъ прошеній, чтобы безъ крайности не раздражать противъ себя еще больше турокъ, которыхъ всегда оскорбляютъ донельзя офиціальныя обращенія христіанъ къ консуламъ, а оставить только для памяти неподписанныя замѣтки о ходѣ ихъ дѣла и о подробностяхъ самаго преступленія.

Благовъ обѣщалъ имъ даже, что прикажетъ кому-нибудь изъ насъ въ консульствѣ составлять для нихъ получше эти записки.

— Англію хвалите, меня больше браните, — прибавилъ онъ еще, и селяне много этому совѣту радовались и смѣясь говорили: «Англичанинъ не повѣритъ намъ!»

Объ Исаакидесѣ они не забывали и рѣшились рекомендовать его Благову.

Консулъ немного удивился и спросилъ у нихъ:

— Развѣ онъ хорошъ?

Старшій изъ селянъ сжалъ кулакъ и воскликнулъ, сверкая глазами: «Звѣрь-человѣкъ на турка!!..»

И Благовъ отвѣчалъ селянамъ: «Что же, это правда, на время можно и его попробовать».

Меня очень поразило, когда я узналъ, что консулъ, который никого слушать не любилъ, вдругъ вздумалъ послушаться этихъ селянъ.

Но видимо было съ другой стороны, что его пріемы мало-по-малу начинаютъ мѣняться и что онъ не можетъ быть уже впредь такъ умѣренъ и сдержанъ, какъ былъ въ первые мѣсяцы своего пребыванія въ Эпирѣ, до путешествія по округамъ. Осмотрѣвшись на новомъ мѣстѣ, узнавъ людей и взвѣсивъ обстоятельства, онъ явно желалъ теперь повыше приподнять въ нашей странѣ русское знамя и показать всѣмъ, что его первоначальная умѣренность есть

лишь то, что̀ древніе звали мудростью, а никакъ не слабость или равнодушіе.

Самое рѣшеніе его взять драгоманомъ Исаакидеса, о которомъ онъ около года тому назадъ говорилъ, что «нельзя брать драгоманомъ человѣка, который чуть не съ тарелкой для сбора на возстаніе по базару ходитъ», доказывало ясно этотъ поворотъ его настроенія.

Вѣроятно и та безнаказанность, въ которой оставило турецкое начальство сеиса и софту, избившихъ меня, его protégé *), оскорбила его, можетъ быть, глубже, чѣмъ меня самого, пострадавшаго только тѣлесно и столько хваливаго всѣми за «мученическій вѣнецъ», и память этого событія была, можетъ быть, не послѣднею изъ причинъ, побудившихъ Благова доказать, что онъ только *самъ не хотѣлъ* до сихъ поръ быть *ужаснѣе* Брешѐ, а сто̀итъ только ему захотѣть, то Брешѐ будетъ предъ нимъ, русскимъ дворянином Рюриковой крови, какъ мелкій ястребъ предъ настоящимъ *Царскимъ орломъ*!..

Я убѣжденъ, что Благова пожиралъ внутренній огонь честолюбія и что жажда самой разнообразной дѣятельности, въ которой онъ могъ бы обнаружить свою энергію, томила его глубоко.

И, наконецъ, если я и ошибаюсь, если бы даже онъ былъ такъ честолюбивъ, такъ сокровенно-страстенъ гордостью и волей, если бъ ему и не было такъ пріятно вести разомъ нѣсколько трудныхъ, запутанныхъ и таинственныхъ дѣлъ, развѣ бы онъ не долженъ былъ обратить все вниманіе свое на дѣло Джефферъ-Дэма и на оскорбленныхъ христіанъ Чамурьи?.. Надо же было русскому дѣятелю такъ или иначе вознаградить и успокоить или хоть утѣшить несчастныхъ родныхъ и соотчичей Пано, такъ жестоко погибшаго, а если можно, то и отомстить за него во славу имени православнаго!

---

*) Protégé — надо помнить, что это слово по отношенію къ консульству имѣетъ и офиціальное значеніе. Одиссей имѣлъ отчасти право на русскую защиту какъ сынъ русскаго драгомана.

Какъ достичь этого? Какъ поступить? Что придумать? Что предпринять?..

Я понимаю, что эта мысль должна была долго тревожить дѣятельнаго молодого человѣка, который, при всѣхъ недостаткахъ своихъ, былъ слишкомъ благороденъ, чтобы корыстный и предательскій поступокъ красавца Джефферъ-Дэма не возмущалъ его глубоко, помимо даже всякихъ политическихъ соображеній о духовной связи грековъ съ Россіей и объ обязанностяхъ взаимной помощи, которыя лежатъ на всѣхъ православныхъ людяхъ Востока, помимо, наконецъ, всемірнаго и великаго значенія того, что зовутъ такъ вѣрно, не славянскій и не греческій, не византійскій и не русскій, а именно — *Восточный вопросъ!*..

Тотчасъ же по уходѣ представителей Нивицы, Благовъ послалъ извѣстить Порту, что онъ беретъ себѣ вторымъ драгоманомъ эллинскаго подданнаго Исаакидеса. Туркамъ это очень не понравилось; Исаакидеса они справедливо считали безпокойнымъ человѣкомъ и пытались сначала дружественно и официозно протестовать противу такого избранія.

Сабри-бей былъ у Благова и говорилъ прямо, что Исаакидесъ «гетеристъ», что онъ будетъ «мѣшать карты» и причинитъ безконечныя затрудненія; что паша надѣется на дружбу...

Но Благовъ возразилъ на все это рѣзко и холодно. Онъ перечислилъ прежде все то, чѣмъ онъ былъ самъ недоволенъ, говорилъ объ оскорбленіи Бакѣева солдатами, о двухдневной тогдашней борьбѣ и о вмѣшательствѣ г. Брешѐ, тогда какъ извиненіе должно бы было воспослѣдовать немедленно и не дожидаясь, чтобы французскій консулъ явился съ дерзостями на помощь правотѣ Бакѣева; говорилъ и о томъ, что меня избили сеисъ и софта и не были начальствомъ своимъ наказаны, и о томъ, что отца моего нѣсколько дней не хотѣли признать драгоманомъ, а теперь не хотятъ признать Исаакидеса; упоминалъ и о неконченныхъ тяжбахъ русскихъ подданныхъ... И прибавилъ:

— Гдѣ же эта дружба? Я вижу только одни препятствія. И обвиняю я въ этомъ, если хотите, одного себя; я былъ слишкомъ уступчивъ и слишкомъ *правильно* велъ себя.

Туркамъ на это возразить было нечего... то, что̀ зовется «attitude» русскаго консульства, было въ самомъ дѣлѣ такъ долго «attitude correcte», особенно въ сравненіи съ опустошительною и всесокрушающею дѣятельностью Брешѐ, что Сабри-бею осталось только умолкнуть и уйти, а пашѣ признать Исаакидеса драгоманомъ.

Исаакидесу Благовъ поставилъ съ другой стороны слѣдующія условія: во-первыхъ, сейчасъ же ѣхать въ Чамурью (и на свой собственный счетъ; лишнихъ казенныхъ денегъ теперь нѣтъ) и внимательно и безпристрастно на мѣстѣ разузнать все, что̀ только возможно о дѣлѣ Джефферъ-Дэма и Пано; понять двухъ другихъ беевъ; многіе ли изъ нихъ на сторонѣ Джефферъ-Дэма, и многіе ли враги ему,— подобно тому Тахиръ-бей-Аббасу, который, какъ слышно, поддерживаетъ въ этомъ дѣлѣ христіанъ Нивицы... И почему это Тахиръ за христіанъ? Какіе его расчеты? И нѣтъ ли еще кого-нибудь изъ мусульманъ въ Чамурьѣ, которые имѣли бы связи и вліяніе въ Артѣ и Превезѣ, чтобы постараться о колоколѣ? Сверхъ того, собрать мимоходомъ статистическія свѣдѣнія о прибрежьѣ Адріатическаго моря вообще и о южныхъ округахъ Арты и Превезы... Какъ можно точнѣе: всѣ турецкія караульни, всѣ христіанскія сельскія церкви, школы и маленькіе монастыри, всѣ произведенія почвы, всѣ роды занятій, весь ввозъ и вывозъ... За все это Благовъ обѣщалъ Исаакидесу непремѣнно тотчасъ же по отъѣздѣ его *подумать* о его тяжбѣ съ Шерифъ-беемъ и *заняться* ею...

Подумать и заняться... Онъ такъ сказалъ, — больше ничего...

Исаакидесъ ликовалъ и собрался на слѣдующій же день въ дорогу, не жалѣя даже небольшихъ расходовъ, въ виду большихъ выгодъ отъ выигрыша процесса.

Между тѣмъ Благовъ, не имѣя повидимому никакого вѣрнаго понятія о томъ, какія кроются въ этой тяжбѣ Иса-

акидеса съ Шерифомъ злоупотребленія со стороны перваго, и насколько во всемъ этомъ замѣшанъ отецъ мой, призвалъ вдругъ меня въ свой кабинетъ и спросилъ какъ будто равнодушно:

— Ты не знаешь, какая это сдѣлка у отца твоего съ этимъ Исаакидесомъ?..

Я пожалъ плечами и отвѣчалъ по совѣсти, что знаю одно: отецъ мой занялъ въ крайности предъ отъѣздомъ на Дунай двѣсти лиръ у Исаакидеса, а больше ничего я не знаю.

— Ты не бойся говорить мнѣ правду, — сказалъ на это консулъ; — всякій можетъ иногда ошибиться и согрѣшить... Для меня все-таки большая разница — интересы твоего отца, котораго я уважаю, и мошенничества Исаакидеса. Я его знаю и вовсе ему не вѣрю. Говори, что ты знаешь, смѣло.

Я поклялся, что больше ничего не знаю.

Я не лгалъ, и г. Благовъ больше меня объ этомъ не разспрашивалъ.

V.

Въ этотъ же самый день, послѣ обѣда, Кольйо пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что Исаакидесъ, уходя домой, былъ очень веселъ, искалъ меня, не нашелъ и поручилъ ему, Кольйо, звать меня къ себѣ провести вечеръ.

Я собрался итти и съ удивленіемъ увидалъ, что и Кольйо идетъ туда же.

— И ты идешь туда? И тебя звали? — спросилъ я.

— Я иногда бываю у нихъ, — отвѣчалъ Кольйо.

Я не зналъ, что онъ бываетъ иногда у Исаакидеса въ домѣ и принятъ тамъ почти на правахъ равенства, и думалъ сначала, что онъ хвалится...

У Исаакидеса въ домѣ всегда было довольно хорошо, привѣтливо, не скучно. Все почти по-янински, — тихо, довольно опрятно, просторно; большіе турецкіе диваны кругомъ стѣнъ, покрытые полушерстянымъ, полубумажнымъ штофомъ, который зовется дамаско, оранжевымъ съ зеле-

ными разводами; на бѣлыхъ оштукатуренныхъ стѣнахъ большіе портреты европейскихъ государей; русскій императоръ съ голубою лентой; австрійскій въ бѣломъ мундирѣ; Викторія; прусскій коронованный герой съ сѣдыми бакенбардами; Наполеонъ съ усами тонкими; король Галантуомо — съ усами толстыми; былъ на всякій случай и портретъ Абдулъ-Азиса, но онъ былъ гораздо меньше другихъ и висѣлъ особо надъ входною дверью, такъ, что грекамъ можно было сказать: «Я отдѣлилъ его прочь отъ царей Христа признающихъ!» А если придетъ съ визитомъ турокъ, то ему можно было сказать съ улыбкой любви: «Падишахъ входъ мой осѣняетъ всегда!»

Самъ Исаакидесъ былъ хозяинъ дома ласковый, веселый и простой... Супруга его кира Кириакица была не особенно хороша собой, но смотря по вкусу могла быть и пріятна. Ей было лѣтъ двадцать пять, двадцать шесть. Какъ сказать объ ней? Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты вообразилъ ее себѣ поживѣе (у меня на это есть особыя причины). Она роста была небольшого, сложена хорошо, моложава, но цвѣтъ лица ея былъ желтоватый и ровный, какъ цвѣтъ воска. Глаза ея только были очень недурны: голубые и задумчивые. Мнѣ всегда нравилось, что она держала себя и естественно и какъ-то немножко, немножко... не то гордо, не то осторожно. Она почти каждое лѣто ѣздила въ Корфу купаться и посѣтить знакомыхъ и пріобрѣла тамъ немного больше другихъ янинскихъ дамъ свободы въ обращеніи съ мужчинами. Эпирскія (и не однѣ эпирскія, но скажу вообще и греческія, и болгарскія, и вѣроятно сербскія дамы) не то, чтобы стыдятся, но онѣ сидятъ и смотрятъ на гостя и говорятъ съ нимъ такъ, что чужой мужчина не знаетъ, что имъ сказать, и все поневолѣ обращается къ мужу... И ему становится какъ-то стыдно, и онъ поскорѣе уходитъ домой.

Госпожа Исаакидесъ, хотя и очень тихая по манерамъ своимъ и характеру, умѣла однако ободрить гостя тѣмъ, что сама безпрестанно заговаривала съ нимъ, предлагая довольно разнообразные вопросы, или сама разсказывала разныя вещи...

Одѣвалась она не по-янински, *малакофъ* *) у нея не былъ ужъ такъ широкъ, какъ у другихъ; на головѣ дома не было ничего, а на улицѣ она носила круглыя шляпки, какъ madame Брешѐ, только подешевле, и шлейфа длиннаго у нея не было. У нея были какія-то черненькія кофточки или курточки, которыя очень хорошо обрисовывали ея тонкій станъ и придавали ей много миловидности и моложавости.

Она чаще другихъ архонтиссъ ходила къ madame Ашенбрехеръ, къ madame Брешѐ и къ дочери Киркориди и очень любила сама разсказывать такъ кротко и задумчиво о консульскихъ семействахъ.

— Попробуйте этого варенья, это madame Ашенбрехеръ прислала мнѣ. Я посылаю ей наше варенье, греческое, она посылаетъ мнѣ варенье нѣмецкое. Мы очень съ ней дружны. Она такая милая женщина!

— Вчера я была у madame Брешѐ. Ей еще привезли два шелковыхъ платья изъ Парижа. Одно дикаго цвѣта съ бѣлыми и фіолетовыми цвѣтами, шлейфъ огромный; а другое абрикосоваго цвѣта съ розовою отдѣлкой. Какая красота!.. Гдѣ она, бѣдная, здѣсь это надѣвать будетъ!..

— Третьяго дня я была у mademoiselle Киркориди! Какъ жаль, что эта прекрасная дѣвица коса и не вышла замужъ. Она очень желала бы имѣть фортепіано, но сюда нести на рукахъ черезъ горы такую тяжелую вещь очень трудно и дорого.

И все это такъ медленно и чувствительно, голосомъ мягкимъ, не крикливымъ, какъ у другихъ архонтиссъ.

Долгоносая и страшная madame Брешѐ говорила про нее.

— Madame Исаакидесъ для восточной женщины довольно мила.—И потомъ прибавляла, откидываясь томно на спинку кресла своего:—разумѣется она не можетъ имѣть всей граціи истинно-европейской женщины (la grâce d'une vraie européenne!) Однако...

Исаакидесъ казался къ женѣ своей очень внимательнымъ и двухъ дочекъ своихъ маленькихъ онъ очень любилъ.

Въ исторіи женитьбы ихъ было, впрочемъ, столько осо-

---

*) Кринолинъ.

беннаго, что я не могу не остановиться немного на ней и не разсказать тебѣ ее мимоходомъ.

Исаакидесъ видѣлъ Кирiакицу до брака сначала еще почти ребенкомъ, тогда, когда еще ее *выпускали* при мужчинахъ; видалъ онъ другую младшую сестру ея Марiю; разница въ годахъ была между ними мала, но въ красотѣ большая. Младшая сестра, которая потомъ вышла замужъ за другого архонта, была красива и свѣжа, какъ картинка. Кирiакица въ отрочествѣ своемъ была гораздо хуже, чѣмъ теперь. Исаакидесъ сватался за младшую чрезъ знакомыхъ женщинъ и чрезъ родственниковъ и просилъ за ней восемьсотъ лиръ приданаго. Долго спорили, однако, наконецъ, согласились на шестистахъ лирахъ,, и свадьба была назначена секретно въ домѣ родителей, такъ какъ женихъ былъ эллинскiй подданный, а невѣста дочь райя *). Собрались родные, пригласили священника, женихъ ждалъ; вывели изъ внутреннихъ комнатъ парядную невѣсту...

Исаакидесъ съ ужасомъ и удивленiемъ увидалъ, что это была не Марiя, а Кирiакица, не красавица — младшая, а эта блѣдная, восковая дѣвушка небольшого роста. Онъ смутился и не зналъ, что̀ дѣлать. Но родные окружили его, хвалили Кирiакицу, умоляли не срамить, твердя, что невозможно младшую выдать прежде старшей и, наконецъ, отецъ сказалъ жениху:

— Хорошо, добрый и милый другъ мой, ты человѣкъ разумный. Ты желалъ восемьсотъ лиръ?.. Вотъ тебѣ восемьсотъ пятьдесятъ... Успокой ты меня старика. Возьми ихъ; я за дѣтей своихъ послѣднюю каплю крови моей отдамъ...

Исаакидесъ взялъ деньги, вздохнулъ и обвѣнчался...

Но вѣдь и у него былъ одинъ рядъ «бѣлыхъ зубовъ»... Онъ былъ человѣкъ уживчивый и, помимо безстыдства своего въ политикѣ и тяжбахъ, я готовъ сказать, скорѣе добрый, чѣмъ злой.

Они жили послѣ этого съ женой очень согласно, лучше,

---

*) Дочерямъ турецкихъ подданныхъ за подданныхъ иностранныхъ турки выходить замужъ не позволяютъ.

чѣмъ живутъ многіе изъ женившихся охотно, и даже, какъ бываетъ въ другихъ мѣстахъ, по страсти (у насъ же ни въ Янинѣ, ни въ Загорахъ по страсти никто еще никогда не женился).

Онъ все улыбался подъ кривыми усами своими. Она все пѣла-распѣвала голоскомъ своимъ и все хвалила, что̀ только ни есть на этомъ Божьемъ свѣтѣ. Обороты денежные шли недурно. Диваны оранжевые съ зеленымъ были; шелковыя кофточки и шляпки были; дѣти были. Домъ свой былъ. Въ Корфу купаться ѣздила... Консульскія жены и дочери хвалили и варенье присылали.

Чего же еще хотѣть? Хорошо!

Имъ было хорошо и намъ, гостямъ, было хорошо.

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, было очень пріятно. Вечеръ прошелъ разумно, какъ проводятся иногда вечера въ благочинныхъ семействахъ восточныхъ христіанъ.

Кромѣ меня и Кольйо, были тутъ въ этотъ вечеръ—мать госпожи Исаакидесъ: почтенная старушка, одѣтая очень опрятно, въ темномъ платьѣ и въ черномъ платочкѣ; она почти ничего не говорила, но держала себя съ важною пріятностью и съ достоинствомъ улыбалась, слушая другихъ. И былъ еще одинъ гость, пріѣзжій изъ Аѳинъ, г. Вамвакосъ, законникъ, молодой человѣкъ лѣтъ подъ тридцать на видъ. Онъ былъ очень разговорчивъ и казался мнѣ занимательнымъ и весьма образованнымъ. (Какъ моя встрѣча, такъ и встрѣча Кольйо съ этимъ человѣкомъ въ этотъ вечеръ оставила довольно значительные слѣды на послѣдующихъ нашихъ думахъ и осталась не безъ вліянія на нашу судьбу.) Панталоны у него были гораздо уже, чѣмъ у Исаакидеса и другихъ нашихъ янинскихъ, почти такіе же узкіе, какъ и у Благова и Бакѣева и какіе-то яркіе. И не только панталоны, самъ онъ весь былъ очень узенькій, длинненькій, высокенькій, жиденькій, блѣдненькій. И головка его по росту была слишкомъ маленькая. Только бакенбарды довольно густы и велики.

Я помню, что я долго не могъ дать себѣ отчета въ томъ впечатлѣніи, которое онъ производилъ на меня. Какъ буд-

то бы оно было нехорошо... А, впрочемъ, какъ будто и хорошо. Хорошо было оно потому, что въ немъ было съ избыткомъ замѣтно все то, что я привыкъ уважать и о чемъ даже и мечталъ нерѣдко для себя.

Обучался онъ въ просвѣщенныхъ и свободныхъ Аѳинахъ, въ университетѣ. Платье европейское, и даже модное (хотя къ благовскому европейскому платью оно относилось, какъ «листъ поблекшій и пожелтѣлый, гонимый осеннимъ вѣтромъ», относится къ созрѣвшему бутону, но все-таки...), говоритъ языкомъ самымъ тонкимъ и высокимъ. Громитъ деспотизмъ. Хвалитъ аѳинскую мостовую. Цѣпочка у него большая золотая на часахъ и ключикъ такой, какого я еще и не видалъ: не особенный, отъ часовъ, а такъ прямо возьметъ онъ за шишечку какую-то у часовъ пальцами, небрежно раскинувшись на диванѣ, затрещитъ шишечка тихонько, и завелись часы.

(Усовершенствованіе все! А мы подъ игомъ все назади!..)

Говорилъ г. Вамвакосъ много.

Неумолкающая его бесѣда была впрочемъ очень разнообразна и содержала въ себѣ много поучительнаго и для меня новаго. Онъ говорилъ объ итальянскихъ пѣвцахъ, о томъ, что бываютъ два рода теноровъ, tenore di forza и tenore di grazia, что самъ онъ tenore di grazia.

Потомъ онъ радовался изгнанію короля Оттона и декламировалъ стихи изъ политической драмы Александра Суццо.

«Мы, эллины, стали посмѣшищемъ вселенной», декламировалъ онъ нараспѣвъ и очень громко.

Мы всѣ подобны полумертвымъ кускамъ изрубленной ехидны...
Раздираемъ нѣдра отчизны...
Каждый изъ насъ подъ знаменемъ какой-нибудь презрѣнной
газеты...
Народъ, еще столь недавно *) героическій сподвижникъ нашъ
Мы его предали въ когти какихъ-то филологическихъ хищныхъ
на полѣ брани,
птицъ...

*) Политическая драма была напечатана въ Брюсселѣ, въ 1843 году.

Мы не греки, а *грекули* римлянъ...
Подчинились деспотизму баварцевъ,
Готовъ безъ славы, отряхающихъ хладъ отъ вандальскихъ одеждъ своихъ у развалинъ Акрополя...

Онъ хвалилъ старика Гриваса; разсказывалъ, что онъ у себя въ имѣніи ходитъ самъ вмѣстѣ съ рабочими въ національной одеждѣ и длинною сѣкирой рубитъ колючіе кусты... И прибавлялъ, что одно только не хорошо: «Гривасъ становится страшенъ для свободы эллинской. Онъ набираетъ цѣлое войско охотниковъ, и нѣтъ ли у него коварныхъ замысловъ?..»

Еще онъ сообщилъ госпожѣ Исаакидесъ, какую онъ траву пьетъ отъ геморроя и сколько было у него прежде мозолей и какъ онъ ихъ свелъ.

Итакъ, нельзя не согласиться, что рѣчи Вамвакоса были и разнообразны и полны полезныхъ свѣдѣній. Все это: Всенаучница аттическая, платье, языкъ Ѳукидида и Іоанна Златоуста, ключикъ, свободолюбіе и медицинскія общеполезныя свѣдѣнія, — это все хорошо...

Но я не могъ рѣшить навѣрное, хорошо ли, что головка его мнѣ казалась ужъ очень мала, а бакенбарды велики, и что онъ все глаза поднималъ къ небу и слишкомъ былъ «тарахопіосъ» (многомятеженъ) какъ родъ іудейскій... что онъ былъ безпрестанно на ногахъ, въ то время, когда мы всѣ сидѣли истово и чинно на длинномъ диванѣ; или то, что онъ раскидывался на диванѣ уже слишкомъ близко отъ хозяйки... Или вдругъ опять вскакивалъ и начиналъ напѣвать, чуть не прыгая, пѣсенку любовную (пріятнымъ, впрочемъ, голоскомъ, и опять очи къ небу)...

Бѣлая ты моя роза!...
И златой ты мой жасминъ!...
Цумба! Цумба!
Цумба! Цумба!

И такъ онъ то туда, то сюда, и руками, и глазами, и ногами... и голову назадъ, и голову направо, и голову налѣво... А мы всѣ—Исаакидесъ, Кольйо, и я, и обѣ госпожи!

Исаакидина и матерь ея—сидимъ и смотримъ на него. Не знаю, какъ сказать... какъ будто бы нехорошо... А можетъ быть это происходитъ отъ свободы политическихъ нравовъ въ Греціи и для этого самаго проливали кровь Канарисъ, Міаули и Караискаки! Не знаю!..

Сомнителенъ также показался мнѣ и другой родъ вольности, которую онъ себѣ позволялъ.

Онъ какъ-то все подпрыгивалъ, сгибая колѣнки и подобострастно смѣясь, все обращался къ одной госпожѣ Исаакидесъ, а не къ мужу или къ матери...

— Кирія!.. о! Кирія!.. Вы не повѣрите, что за энтузіазмъ можетъ пробудить новый пѣвецъ, котораго я слышалъ...

И вдругъ выпрямился; очи печальныя, одну руку къ сердцу, а другую кверху...

Клятвамъ ты не довѣряешь...
Вздоховъ знать не хочешь ты!..

И опять, согнувъ колѣнки и улыбаясь, къ ней:

— Кирія! Кирія!..

О государственныхъ волненіяхъ въ Элладѣ или о стихотвореніяхъ Суццо говоритъ, языкъ его хорошъ; а насчетъ увеселеній и дамъ: все у него *сулье, суаре, гантіа*, а не *папуціа*, не *хорò*, не *хиròфтіа**).

Изо всего обращенія его съ госпожей Исаакидесъ мнѣ показался остроумнымъ одинъ только льстивый вопросъ его этой молодой дамѣ; она вышла по хозяйству приготовить намъ какое-то прохладительное и пригласила съ собой даже Кольйо (который сидѣлъ скромно въ углу и подобно мнѣ большею частію созерцалъ молча аѳинянина и слушалъ его) они пробыли тамъ довольно долго.

Едва только возвратилась она, предшествуемая служанкой, которая несла на подносѣ сладости, какъ Вамвакòсъ бросился съ дивана и, устремляясь къ ней навстрѣчу, вос-

*) Башмаки, танцовальный вечеръ, перчатки.

кликнулъ съ отчаяніемъ: «А! госпожа моя, вы насъ вовсе покинули! Мы думали, что вы уже *корни пустили* тамъ!..»

Это «корни пустили тамъ» мнѣ понравилось.

Такъ продолжалось очень долго. Вамвакòсъ занималъ общество; остальные изрѣдка прерывали его. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока наконецъ онъ не усыпилъ старушку мать госпожи Исаакидесъ. Забывъ свою безмолвную важность, почтенная кирія упала потихоньку на подушки софы и уснула. Дочь, смѣясь, разбудила ее, и она ушла.

Кольйо сначала долго не показывался въ пріемной—онъ остался въ прихожей и стыдился взойти при аттическомъ львѣ. Госпожа Исаакидесъ сказала, наконецъ, мужу:

— Смотри, киръ Василáки, бѣдный Кольйо стыдится и сидитъ внизу.—Исаакидесъ самъ пошелъ за нимъ и, приведя его за руку, какъ смущенную невѣсту, посадилъ его у стола въ сторонѣ. Кольйо, я видѣлъ, весь вечеръ послѣ этого былъ на себя не похожъ... Онъ былъ какъ потерянный (отъ самолюбія и стыда, такъ я думалъ)... Сидѣлъ облокотившись на столъ, не говорилъ ни слова, изрѣдка печально улыбался мнѣ, едва отвѣчалъ на ободрительные вопросы хозяина и хозяйки. А когда ему подавали варенье и кофе, онъ внезапно и судорожно выходилъ изъ своего онѣмѣнія, схватывалъ лѣвою рукой широкій рукавъ своей правой руки, какъ священникъ, желающій благословить, и вовсе безъ надобности такъ высоко и изысканно поднималъ эту руку съ ложечкой надъ подносомъ, какъ будто онъ хотѣлъ эту ложку вонзить въ желе съ исполинскою силой. Глаза его все время были потухшіе и лицо какъ бы изможденное...

Подъ конецъ вечера Исаакидесъ ласково сказалъ женѣ:

— Киріакица моя, не утѣшишь ли ты насъ старымъ вицомъ?

— Съ радостью, съ радостью, — отвѣтила добрая хозяйка, и вино принесли.

Исаакидесъ наливалъ намъ всѣмъ тремъ, и мы пили понемножку, даже и Кольйо.

Выпивъ рюмки по двѣ, мы всѣ хоромъ запѣли всѣмъ извѣстную греческую *Марсельезу*:

О, мой острый и длинный ножъ
И ты, *черное* ружье мое, огневая птица...
Вы уничтожаете турка, терзаете тирана на части...

Госпожа Исаакидесъ сказала тогда Кольйо:

— Приблизься, Кольйо; зачѣмъ ты удаляешься и стыдишься?.. Пой съ нами громче...

Кольйо кивнулъ головой въ знакъ согласія и произнесъ въ первый разъ во весь вечеръ два слова: «это можно!» подошелъ поближе къ хозяйкѣ и аѳинянину, началъ пѣть, и сильный голосъ его очень скоро покрылъ всѣ другіе голоса.

Въ эту минуту, когда всѣ занялись пѣніемъ, Исаакидесъ тронулъ меня за плечо, отвелъ къ столу и, наливая мнѣ еще рюмку вина, сказалъ:

— За твое здоровье, Одиссей...

Мы выпили.

Потомъ Исаакидесъ, всматриваясь въ лицо мое, ласкательно продолжалъ:

— Имѣю я до тебя большую просьбу, дитя мое; ты приближаешься постоянно къ консулу русскому; постарайся, чтобы безъ меня уже было начато наше дѣло съ Шерифомъ. Ты знаешь? Старое дѣло, которое туркарья въ мою пользу рѣшить, конечно, не хочетъ... А я могу и долго пробыть въ отъѣздѣ... Я хочу угодить консулу...

Я отвѣчалъ, пожимая плечами, что я кажется въ этомъ ничего не могу.

— Кого господинъ Благовъ слушаетъ? Никого!

— Пусть такъ! — продолжалъ Исаакидесъ, — но все-таки напоминаніе одно... У него разныя мысли и заботы. Напоминаніе... Послушай меня...

И онъ отвелъ меня еще подальше отъ другихъ и продолжалъ съ выраженіемъ самой вкрадчивой ласки во взглядѣ и голосѣ:

— Сыне мой! Развѣ ты не знаешь, что и отецъ твой можетъ большія выгоды отъ меня имѣть чрезъ это дѣло... Я отчаиваюсь въ возможности достигнуть хорошаго результата безъ помощи великой державы и безъ вмѣшательства энергическаго консула... Турки выдумали, будто я не возвра-

тилъ Шерифу нѣсколько расписокъ и будто въ другихъ есть подлогъ. Клеветать на христіанъ имъ всегда легко! На что́ подлогъ? Шерифъ и безъ того долженъ мнѣ больше тысячи лиръ золотыхъ... Кто виноватъ, что онъ пьяница и расточитель... Не я же!.. Посмотри, какой домъ три года тому назадъ построилъ. На что́ онъ ему былъ?.. Турецкая нерасчетливость... Пусть пропадаетъ...

Тутъ Исаакидесъ, все улыбаясь весело и довольно отвратительно, повторилъ очень нагло то, что́ онъ говорилъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на островѣ, когда ссорился съ Коэвино.

— Не могу я «*черным*ъ ружьемъ» и ножомъ терзать турка, такъ я его иначе сгублю и пользу христіанамъ сдѣлаю... Слушай же, сыне мой... Надо спѣшить... Ему, Шерифъ-бею, просватали теперь богатую невѣсту, дочь Пертэфъ-эффенди. Завтра или послѣзавтра свадьба... Надо налегать на него, пока деньги у него есть... Иначе онъ опять ихъ растратитъ, и гдѣ мы ихъ возьмемъ?.. А я твоему отцу готовъ даже половину отдать всего долга его, лишь бы мнѣ другую половину счетомъ отъ турокъ получить... Подумай объ этомъ, сыне мой... Не говори, что ничего не можешь... Богъ это знаетъ! Постарайся... Польсти Бостанджи-Оглу, чтобъ онъ у консула настаивалъ. Помни, говорю я тебѣ, что Шерифъ женится теперь на богатой и что ты можешь пособить отцу твоему пріобрѣсти деньги большія, или домъ, или землю вмѣсто денегъ... когда бей вынужденъ будетъ продать... Смотри, теперь и деньги у бея есть, и консулъ русскій молодецъ. Мѣняются обстоятельства... Развѣ не можетъ завтра уѣхать Благовъ? Развѣ всѣ русскіе консулы такіе, какъ онъ? Тоже и между ними есть никуда негодные...

Рѣчь искусителя была сладка, и меня впервые поразила ясная мысль о возможности отцу моему внезапно пріобрѣсть довольно хорошій капиталъ, который или здѣсь бы въ Эпирѣ улучшилъ и возвысилъ наше положеніе, или бы послужилъ по крайней мѣрѣ къ расплатѣ съ болгарскимъ злодѣемъ Петраки-беемъ на Дунаѣ (пусть его дѣло вовсе не-

правое и долгъ отца небывалый вовсе; но вѣдь мы *въ Турціи*, и я не разъ удивлялся терпѣнію отца моего, который вотъ уже лѣтъ пять-шесть напрасно тратился и мучился, отстаивая права свои).

Да! слышать то, что говорилъ Исаакидесъ, было мнѣ очень пріятно, но... что́ я могъ? вотъ вопросъ.

Такъ я и еще разъ сказалъ ему:

— Хорошо! Но что́ я могу?.. въ мои годы и въ моемъ положеніи...

Исаакидесъ кощунственно возразилъ мнѣ на это словами псалма:

«Малъ бѣхъ въ братіи моей и юнѣйшій въ дому отца моего: пасохъ овцы отца моего... Изыдохъ въ срѣтеніе иноплеменнику и проклятъ мя идолы своими...»

На это я не отвѣтилъ. Его лесть и корыстныя надежды, которыя онъ возбудилъ во мнѣ, боролись въ душѣ моей съ тѣмъ все-таки непріятнымъ впечатлѣніемъ, которое производилъ во мнѣ его ползающій характеръ... Конечно, что́ говорить. Хорошо получить пятьсотъ золотыхъ или имѣніе, или домъ... Хорошо!..

— Еще рюмочку на дорогу, — говорилъ Исаакидесъ.

Я выпилъ еще одну рюмку на дорогу, кланяясь, благодаря и обѣщая сдѣлать все, что́ могу...

— А что́ могу, все-таки не знаю!

Наконецъ Исаакидесъ отошелъ отъ меня и, присоединясь снова къ женѣ и господину Вамвако́су, продолжавшимъ еще вмѣстѣ пѣть, началъ тоже басомъ патріотическій припѣвъ:

Эллада! Эллада!...

Я смотрѣлъ, гдѣ Кольйо... Но онъ опять куда-то скрылся... Я пошелъ искать его и нашелъ его внизу въ сѣняхъ у открытаго окна.

— Задыхаюсь, — сказалъ онъ. — На вѣтеръ свѣжій хотѣлъ... Пойдемъ домой...

— Что́ съ тобой, Кольйо?—спросилъ я.—Ты опять печаленъ?..

— Ничего. Голова болитъ...

Мы вернулись въ комнаты и, простившись съ хозяевами, ушли.

Исаакидесъ и жена его прощались съ Колльо очень ласково и ничѣмъ не отличали меня отъ него, ни привѣтствіемъ, ни пожатіемъ руки.

— Доброй ночи, Одиссей! Доброй ночи, Колльо! Не забывайте насъ...

Но Вамвакосъ иначе простился съ хозяевами, иначе со мной, иначе съ Колльо...

Не могу я изобразить, какъ именно, только иначе. И Колльо это замѣтилъ и еще больше огорчился...

Мы возвращались въ консульство по темнымъ улицамъ съ фонаремъ и долго молчали.

Я все думалъ о чифтликѣ Шерифъ-бея, о домѣ его, о золотѣ и о томъ, зачѣмъ я такъ безсиленъ, что не могу ничего сдѣлать? И еще было одно обстоятельство во всемъ этомъ дѣлѣ, которое затрудняло меня... Я вовсе еще не зналъ, хочетъ ли отецъ мой дѣлиться барышомъ съ Исаакидесомъ или нѣтъ. Впрочемъ, думалъ про себя: «какъ бы не хотѣть?»

Не знаю я о чемъ съ своей стороны размышлялъ Колльо, но онъ вдругъ прервалъ молчаніе наше вопросомъ:

— Нравится тебѣ этотъ Вамвакосъ?

Я отвѣчалъ нерѣшительно, соображаясь со своимъ собственнымъ впечатлѣніемъ:

— Какъ будто хорошій человѣкъ. Просвѣщенный. А ты какъ его находишь?

— Хорошій!.. — отвѣчалъ Колльо, какъ бы не желая высказывать настоящихъ чувствъ своихъ.

Я, занятый моими коммерческими мечтами, не желалъ продолжать разговора; но Колльо опять возобновилъ его съ другой стороны.

— Думаю я иногда... Такъ... помыслъ пустой... Тяжела жизнь, мнѣ кажется, женщинѣ молодой, когда у нея мужъ такой некрасивый и неопрятный, какъ Исаакидесъ... Ты какъ думаешь?

Я отвѣтилъ ему на это поучительно, чтобы только онъ оставилъ меня въ покоѣ:

— Что́ жъ дѣлать, другъ мой! Не всѣмъ Богъ красоту далъ. Все-таки таинство и учрежденіе... Честенъ бракъ и ложе нескверно...

— Ты правъ,—сказалъ Колью́, и больше мы ничего не говорили всю дорогу.

По возвращеніи въ консульство я нашелъ на столѣ моемъ письмо отъ отца, уже изъ Константинополя, а не съ Дуная; онъ сообщалъ мнѣ, что послалъ письмо и Благову съ просьбой пощадить его и не лишать драгоманства, если онъ немножко еще опоздаетъ; потому что онъ несовсѣмъ здоровъ и никакъ не можетъ тотчасъ выѣхать въ Эпиръ. Насчетъ дѣла Исаакидеса и Шерифъ-бея онъ писалъ такъ: «Какъ они (т.-е. Благовъ и Исаакидесъ) находятъ лучшимъ, такъ пусть и дѣлаютъ». Итакъ, изъ неожиданнаго письма этого явствовало, что отецъ мой не только отъ меня не требовалъ никакого содѣйствія въ этой тяжбѣ, которая меня начинала такъ живо интересовать, но и самъ почти отстранялся отъ нея, предоставляя все не зависящему ни отъ него самого, ни отъ меня ходу обстоятельствъ.

Но и я съ своей стороны уже успѣлъ очень скоро вспомнить объ одномъ важномъ условіи нашего юридическаго быта въ Турціи...

Вотъ о какомъ именно: у отца моего былъ хотя и не совсѣмъ правильно пріобрѣтенный эллинскій паспортъ, а я былъ *райя* (на этотъ разъ къ счастію); такъ что въ случаѣ какой-нибудь конфискаціи или продажи чифтликовъ и домовъ они были бы, вѣроятно, записаны отцомъ на мое имя, а не на его собственное...

Собственность! Недвижимая собственность!.. Или ужъ и въ самомъ дѣлѣ всѣ, всѣ сверкающія звѣзды разомъ спѣшатъ восходить на утреннемъ небосклонѣ твоемъ, Одиссей, мой сердечный!..

Газеты перомъ Исаакидеса гремятъ о тебѣ, о! патріотъ-человѣкъ...

Вельможи русскіе раскрываютъ тебѣ двери жилищъ сво-

ихъ... Молодыя дѣвушки сами хвалятъ и сами цѣлуютъ тебя.

Безнравственная уступчивость твоя ихъ сластолюбивымъ замысламъ, по милосердію ли, или по чему-либо иному, не казнится...

Въ политику уже входить...

Царское жалованье идетъ...

И если еще... «собственность» эта?..

Да! посмотримъ, что́ скажетъ тогда Несториди, который шутилъ прежде, что я слишкомъ ужъ добръ и глупъ и купцомъ быть не могу...

Шутилъ ли онъ?

На другой день уже съ ранняго утра я предался мечтамъ любостяжанія...

Учитель нашъ въ гимназіи возглашалъ громогласно и внушительно: «Печальныя и унизительныя для великой эллинской націи условія политической жизни сдѣлали то, что эта *политическая жизнь*...»

А я, устремивъ на него почтительные и лжевнимательные взоры, думалъ про себя, слегка вздыхая, объ одномъ имѣніи Шерифъ-бея въ полутора часахъ ходьбы отъ города. Унылое мѣсто!.. Гора, на склонѣ ея бѣлый, старый, пустой, препустой домъ, бѣдное христіанское селеніе, небольшая, но доходная мельница; мнѣ ужъ слышался шумъ ея каскадовъ... Деревьевъ тамъ очень мало... Видъ, конечно, не веселый, но есть кукуруза въ обиліи, есть и пшеница, и съ нихъ селяне должны, за то что живутъ на моей землѣ, уплачивать мнѣ два на десять. Хорошо! Они вѣдь не рабы же, наконецъ, эти соотчичи мои. И Авраамъ былъ богатъ; что́ жъ такое!.. «Текущу богатству не прилагайте сердца...» Вотъ что́ нужно. Оно течетъ теперь намъ въ руки само: что́ жъ я-то дѣлаю худого? Селяне имѣютъ право удалиться, если имъ непріятно платить. Свобода! Да! Конечно, оно такъ: «печальныя и унизительныя условія политической жизни...» Но вотъ какъ пойдутъ эти чифтлики, станутъ звать отца моего Полихроніадесъ-бей (какъ есть Фотіадесъ-бей); а меня, напримѣръ, Одиссей-эффен-

ди... И я мысленно повторялъ, какъ бы прислушиваясь въ глубинѣ души моей къ пріятности звука: Фуадъ-эффенди, Рифаатъ-эффенди, Гумбухіанъ-эффенди, Одіанъ-эффенди, Одиссей-эффенди... Нѣтъ, хороши, дьяволъ ихъ возьми, эти турецкія имена! Да и чѣмъ же я виноватъ, наконецъ, тоже надо сказать и это. Видно *часъ* еще намъ эллинамъ освободиться не пришелъ! Всякая власть отъ Бога, и правы турокъ несомнѣнно смягчаются... Надо бы какъ-нибудь это право! Да, впрочемъ, Благовъ молодецъ, ужъ онъ выиграетъ тяжбу!

А между тѣмъ въ той же самой душѣ моей, которую такъ ласкалъ шумъ мукомольныхъ каскадовъ, раздавались и другіе звуки, слышались совсѣмъ иного рода голоса и даже вопли... Зачѣмъ это дѣло ведется съ Шерифомъ, а не съ другимъ какимъ-нибудь подлымъ и злымъ туркомъ?

Шерифъ-бей еще и прежде и самъ по себѣ мнѣ нравился, и были еще сверхъ того особыя причины, которыя расположили меня къ нему и о которыхъ разскажу. Да нравился онъ и не мнѣ одному, но и другимъ христіанамъ.

Наружность его была довольно пріятная, выраженіе лица очень доброе и располагало въ его пользу. Говоря о внѣшности бея, я упомяну и о томъ, однако, что Шерифъ, несмотря на свое положеніе въ городѣ, на средства и кредитъ (которые были все-таки еще довольно велики пока), одѣвался очень дурно, но не иначе, какъ по-европейски.

Онъ ходилъ въ фескѣ, въ широкихъ панталонахъ дурного покроя и въ ваточномъ пальто, не дорогомъ и поношенномъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, *какъ* люди одѣваются хорошо по-европейски, и я сталъ больше понимать въ этомъ и безсознательно жалѣлъ, что Шерифъ-бей надѣлъ это платье *цивилизаціи и моды*, съ которымъ онъ и обращаться не умѣлъ. Пріятное и молодое лицо его портилось еще и тѣмъ, что онъ, какъ многіе у насъ, рѣдко брился. И эта черта была еще замѣтнѣе при плохой европейской одеждѣ; небритый подбородокъ въ восточной одеждѣ придаетъ только суровый и грубый видъ; а при европейской онъ дѣлаетъ человѣка похожимъ на грязнаго нищаго или на столичнаго уличнаго вора.

Непріятно, конечно, было видѣть человѣка, который построилъ такой великолѣпный домъ и тратилъ такъ много денегъ, такимъ неопрятнымъ. Но это все я разсуждаю *теперь*. А тогда я хоть и чувствовалъ смутно все это, но другія гораздо болѣе важныя соображенія заставляли меня съ самаго начала моего пріѣзда въ городъ смотрѣть на Шерифъ-бея съ искреннимъ дружелюбіемъ, жалѣя только, зачѣмъ такой хорошій человѣкъ не можетъ креститься и стать членомъ нашей общины.

Недостатки Шерифъ-бея вредили только ему и развѣ семьѣ его и ближайшимъ людямъ, такимъ же туркамъ, какъ онъ. Добрыя же его качества прямо относились къ намъ, христіанамъ, и были намъ дороги *именно потому, что были рѣдкостью* въ туркѣ.

Шерифъ-бей пилъ, напримѣръ, но онъ пилъ и бывалъ пьянъ у себя дома или у другихъ пріятелей турокъ, подобно ему падкихъ до *раки*; изъ насъ онъ въ пьяномъ видѣ никогда никого не тревожилъ. Восточные люди всѣхъ вѣръ и племенъ стыдливы и шума не любятъ. Ни турку, ни болгарину, ни греку, ни армянину нѣтъ никакой охоты въ пьяномъ видѣ бить окошки и посуду и цинически выставлять всѣмъ людямъ напоказъ свое буйство, свой развратъ, свои оргіи.

Шерифъ-бей разорялся отъ неумѣренной жизни и отъ дурныхъ распоряженій по хозяйству; но онъ не былъ христіаноборецъ и свою мать, христіанку, такъ чтилъ и любилъ, какъ благослови Боже каждому изъ насъ почитать и любить!

Къ тому же, и не раздѣляя мнѣнія Исаакидеса, что турокъ позволительно грабить огромными процентами и даже фальшивыми расписками, все-таки можно сказать, какой же христіанинъ станетъ ненавидѣть тѣхъ мусульманъ, которые разоряются и вредятъ этимъ укрѣпленію мусульманскаго владычества? Чѣмъ слабѣе и бѣднѣе турки, тѣмъ естественнѣе намъ меньше ненавидѣть ихъ.

Шерифъ-бей былъ невѣжественъ и кромѣ плохого чтенія и письма на двухъ языкахъ, турецкомъ и греческомъ, ничему обученъ не былъ. Но что́ было мнѣ до этого за дѣло? Тѣмъ лучше! Это его дѣло, а не наше.

Важно было то, что его мать была христіанка, что онъ позволялъ ей жертвовать доходы на православныя церкви (какъ мы видѣли изъ исторіи бакѣевскихъ огородниковъ, «обильно проливавшихъ слезы подъ сѣнью двуглаваго орла»). Важно было то, что крестьяне въ чифтликахъ его жили посноснѣе, чѣмъ у другихъ беевъ и даже... чѣмъ у иныхъ христіанскихъ старшинъ, скупившихъ у беевъ подобные чифтлики. Важно было то, что онъ былъ со всѣми вѣжливъ и что пріятная наружность его никого изъ насъ не обманула.

Сверхъ всего этого была и еще одна личная причина, которая располагала меня къ Шерифъ-бею.

Подобно тому, какъ дипломатъ Сабри-бей, служившій въ Портѣ, былъ благосклоненъ къ отцу моему за то, что отецъ подарилъ ему большой меццовскій коверъ съ яркими узорами по бѣлому полю, такъ и я былъ признателенъ Шерифъ-бею за серебряную сигарочницу очень тонкой, филигранной работы, которую онъ вручилъ мнѣ по слѣдующему случаю. Еще когда я до пріѣзда Благова жилъ у отца Арсенія, Шерифъ-бей заѣхалъ однажды къ священнику по какому-то порученію своей матери.

Онъ былъ верхомъ на вороной, небольшой, но лихой лошадкѣ своей, которую многіе знали въ Янинѣ за то, что она «плавала какъ змѣя, летала какъ птица и по скаламъ взбиралась подобно козѣ». Противъ обыкновенія всѣхъ беевъ, которые по городу ѣздятъ всегда почти шагомъ и въ сопровожденіи пѣшаго слуги, Шерифъ-бей, не знаю почему, былъ одинъ. На дворѣ у отца Арсенія не было никого, и я, взявъ подъ уздцы прекрасную лошадку, съ удовольствіемъ водилъ и прохлаждалъ ее, пока бей сидѣлъ у священника.

Сбираясь опять сѣсть на коня и ѣхать домой, Шерифъ-бей поблагодарилъ меня и, не зная кто я такой, предложилъ мнѣ *бакшишъ* въ пять піастровъ; я сухо поблагодарилъ его. Тогда, обративъ вѣрно вниманіе на недовольное выраженіе лица моего, онъ спросилъ меня:

— А ты чей такой, мальчикъ?

— Я сынъ киръ-Георгія Полихроніадеса изъ Загоръ, который только что русскимъ драгоманомъ назначенъ,—сказалъ я съ достоинствомъ.

— Ба! Вы сынъ его?—воскликнулъ бей, спохватясь и подавая мнѣ руку,—въ такомъ случаѣ простите мнѣ и будемъ друзьями.

Меня эта внезапная перемѣна тона очень тронула.

Потомъ онъ, какъ хозяинъ дома, занимаемаго Благовымъ, заѣхавъ одинъ разъ въ отсутствіи консула, чтобы распорядиться починкой черепицы на кровлѣ, засталъ меня въ консульствѣ случайно и зазвалъ къ себѣ. Ему вѣрно хотѣлось расположить меня самого и еще больше отца моего въ свою пользу, но я тогда, не думая вовсе о томъ, есть ли какая у отца сдѣлка съ Исаакидесомъ, не догадывался, что во вниманіи бея есть тонкое соображеніе, и приписывалъ всѣ его любезности однимъ моимъ достоинствамъ и моей обворожительности (въ Янинѣ многіе меня хвалили, а я, самъ не замѣчая того, внутренно становился все гордѣе самимъ собою.)

Шерифъ-бей угостилъ меня кофеемъ, хорошимъ табакомъ, предложилъ и раки съ водой; выпилъ самъ немного; сидѣлъ со мной долго на открытой галлереѣ своего селамлыка *) и говорилъ о разныхъ предметахъ. Онъ сначала, впрочемъ, и подразнилъ меня даже. Но довольно невинно.

Это свиданіе наше происходило вскорѣ послѣ того, какъ сеисъ и софта прибили меня.

Шерифъ-бей началъ разговоръ съ того, что сознался мнѣ, смѣясь (подливая себѣ раки), въ дурномъ поступкѣ...

— Сегодня я поступилъ à la turka,—сказалъ онъ.—Крѣпко избилъ своего сеиса и прогналъ его... Подпруга лопнула въ ту минуту, когда и садился...

— Эти сеисы такіе звѣри!—воскликнулъ я неосторожно. Мнѣ бы нужно было въ угоду ему воскликнуть: «Всѣ эти *слуги* такъ необразованны и варворозны!» такъ, какъ обыкновенно говорятъ архонты наши и дамы ихъ, особенно при иностранцахъ... «Эти слуги» вообще, а я сказалъ «сеисы»...

*) Мужская половина дома, пріемная.

Шерифъ-бей чуть-чуть улыбнулся и потомъ, серьезно устремивъ на меня взоры, замѣтилъ:

— Да! вотъ и васъ сеисъ оскорбилъ... Какой безпорядокъ, что его не наказали!.. И за что это онъ васъ? Говорятъ люди, вы какую-то турчанку въ митрополію водили?.. Только я не вѣрю... Что вамъ до турчанокъ?.. Вы человѣкъ молодой и нѣжный...

Я испугался на мгновеніе, что разговоръ принимаетъ такой политическій и религіозный оборотъ, а бей нарочно принялъ пресерьезный видъ и все повторялъ съ притворнымъ презрѣніемъ: «Какъ люди лгутъ. На что вамъ турчанка?».

И я нетвердымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Сами вы знаете, бей-эффенди мой... Что мнѣ турчанокъ водить...

Насладившись немного моимъ минутнымъ страхомъ, Шерифъ-бей перемѣнилъ разговоръ и, взявъ со стола коробочку фосфорныхъ спичекъ французской фабрики съ отвратительными карикатурами, показалъ ихъ мнѣ, удивляясь, зачѣмъ это безобразіе и какой тутъ вкусъ, и слово за словомъ началъ ужъ очень серьезно жаловаться, что Европа нестерпимо вредитъ Турціи своими мануфактурными издѣліями; что лампы, фосфорныя спички, дешевый фаянсъ и гнилые англійскіе ситцы и ковры, все это губительно и вредно для турокъ и для христіанъ, и вообще для всѣхъ жителей европейской Турціи; что прежде, напримѣръ, весь Эпиръ и вся Ѳессалія ходили въ фустанеллахъ домашняго тканья, а теперь всюду эта анаѳемская «американика». Разспрашивалъ меня, знаю ли я ткань, которую дѣлаютъ въ селахъ люди изъ растенія спарта... Однимъ словомъ, онъ повелъ бесѣду о коммерческихъ вещахъ, которыя были мнѣ съ раннихъ лѣтъ понятны и какъ нельзя болѣе доступны.

— Когда бы Турція наша была сильнѣе,—сказалъ онъ,—нужно было бы положить въ Дарданеллахъ и во всѣхъ портахъ 50% на сто, сто на сто на всякій европейскій ввозъ... А то это только развратъ и разоренье для всѣхъ подданныхъ султана... Эта франкья!..

Я соглашался со всѣмъ этимъ искренно, ибо и отъ отца своего слыхалъ еще прежде и не разъ, а очень часто, что слишкомъ свободная торговля губитъ Турцію и что самое лучшее бы было, если бы Россія, господствуя въ этихъ юго-восточныхъ странахъ, могла бы положить неодолимый желѣзный предѣлъ европейской коммерціи...

Отецъ мой полагалъ, что это стоитъ даже купить цѣлымъ періодомъ кровопролитныхъ войнъ въ родѣ Греко-Мидійскихъ или Пуническихъ, изъ которыхъ страны болѣе бѣдныя и менѣе промышленныя всегда выходятъ подъ конецъ побѣдительницами.

Я былъ очень радъ, что бей завелъ со мной разговоръ о такихъ серьезныхъ дѣлахъ и, вспомнивъ еще, что отецъ мой, когда ему случалось вести подобнаго рода разговоры съ турками или вообще съ людьми, которымъ онъ вполнѣ довѣриться не хотѣлъ, замѣнялъ мысль о *господствѣ* Россіи мыслью о «всеобщемъ военно-торговомъ союзѣ восточныхъ государствъ, лишь подъ руководствомъ Россіи», подумалъ немного, можно ли это сказать (и отчасти, быть можетъ, подъ легкимъ вліяніемъ *раки*) и выразился такъ въ отвѣтъ бею:

— Бей-эффенди мой! Ваша всеславность говорите правду. Но, чтобы Востокъ могъ противостать коммерческому вліянію Европы—необходимъ союзъ Турецкой имперіи, Персіи, Румыніи, Сербіи, Греціи и Египта съ Россіей противъ Запада; тогда можно было бы измѣнить тарифъ и уничтожить весь этотъ ввозъ. Я не могу припомнить цѣну, но отецъ мой говорилъ, что одинъ золотникъ шелку, который въ сыромъ видѣ высылаютъ, напримѣръ, адріанопольскіе купцы въ Европу, возвращается въ Турцію оттуда въ видѣ шелковой матеріи, которой цѣна баснословна, если сравнить ее съ сырымъ матеріаломъ... Нуженъ могущественный союзъ. Это мнѣніе многихъ опытныхъ людей, бей-эффенди мой. И я, конечно, ничтожный еще мальчишка, но имѣю уши и слышу, и что̀ слышу, то теперь излагаю вамъ...

Шерифъ-бей налилъ себѣ еще *раки*, выпилъ, вздохнулъ и, жалобно прищелкнувъ языкомъ, взглянулъ на меня плутовски и сказалъ:

— Союзъ всѣхъ этихъ государствъ съ Россіей!.. Прекрасно! А слыхалъ ты басню о *желтомъ быкѣ Сары-Окюсъ?*

— Нѣтъ, бей-эффенди мой, о желтомъ быкѣ я не слыхалъ.

— Жили три быка,—началъ бей, все подливая себѣ раки.—Черный, бѣлый и желтый (сары-окюсъ). Крѣпкіе и съ большими рогами. Пришелъ левъ и говоритъ: «Заключимъ союзъ противъ другихъ звѣрей и противъ охотниковъ». Этотъ левъ боялся напасть на трехъ быковъ разомъ, потому что двое изъ нихъ могли бы проколоть ему бокъ въ то время, когда онъ пожиралъ бы третьяго. Быки не вѣрили ему сначала, а потомъ согласились. И точно, левъ долго охранялъ ихъ вѣрно и отъ охотниковъ и отъ другихъ звѣрей. Потомъ, выбравъ добрый часъ, онъ отозвалъ въ сторону бѣлаго быка и желтаго и сказалъ имъ: «Хорошо мы живемъ, но этотъ черный цвѣтъ очень непріятенъ. *Огурсизъ*» *). Быки бѣлый и желтый испугались и просили льва, чтобы онъ чернаго быка удалилъ. Левъ его съѣлъ въ удаленномъ мѣстѣ. Немного погодя онъ сказалъ желтому быку: «Бѣлый цвѣтъ очень опасенъ тѣмъ, что издали виденъ и привлекаетъ охотниковъ и звѣрей». И бѣлаго быка предалъ ему желтый быкъ, и онъ бѣлаго быка съѣлъ. А когда съѣлъ бѣлаго быка, то, лежа передъ желтымъ быкомъ, который теперь былъ одинъ и защищаться уже не могъ, левъ все смотрѣлъ на него насмѣшливо и повторялъ, показывая ему свои когти: «Э! Сары-Окюсъ! Что-то мы, Сары-Окюсъ, будемъ теперь съ тобой дѣлать? Какъ-то мы хорошо съ тобой, Сары-Окюсъ, будемъ теперь жить».

Разсказывая басню, Шерифъ-бей очень благодушно засмѣялся и прибавилъ:

— Кто тамъ ни остался бы послѣдній изъ этихъ: Турція ли, или Персія, или кто другой, а все будетъ Сары-Окюсъ...

И мнѣ, слушая его, пришлось вспомнить, какъ это говорятъ про турокъ всѣ наши старики, и отецъ мой, и старикъ Стиловъ, и Константинъ работникъ нашъ, и отецъ Арсеній: «Хорошій человѣкъ, а все-таки *турокъ*. Не въ томъ непре-

---

*) Дурное предзнаменованіе, дурная примѣта.

мѣнно смыслѣ, что всякій турокъ злодѣй или негодяй, *а только турокъ*, и больше ничего, т.-е. что у самаго хорошаго изъ турокъ всегда есть противъ христіанъ и противъ покровительницы ихъ Россіи, если не острый ножъ въ сапогѣ, то хоть камень скрытый въ складкахъ одежды... Они намъ не вѣрятъ и никогда не повѣрятъ, точно такъ же какъ мы имъ не вѣримъ и никогда не повѣримъ вполнѣ...

Однако все-таки Шерифъ-бей былъ пріятенъ и сталъ мнѣ еще пріятнѣе подъ конецъ этой занимательной бесѣды на открытой галлереѣ съ веселымъ видомъ на городъ и дальнюю крѣпость.

Какъ примѣръ способности янинскихъ жителей къ художественной и мануфактурной дѣятельности, онъ вынулъ ту серебряную табачницу филигранной работы, о которой я упомянулъ, и началъ ее расхваливать, любуясь, какъ сквозилъ фіолетовый шелкъ ея подбоя сквозь нѣжные узоры бѣлой проволоки.

— Восхитительно! — сказалъ и я.

— Нравится? — возьмите себѣ,—сказалъ бей.

Я, лицемѣрно поколебавшись, принялъ это какъ даръ его дружбы съ невыразимымъ внутреннимъ восторгомъ... Это была первая въ моей жизни серебряная, собственно мнѣ, а не родителямъ принадлежащая вещь...

Потомъ мы простились, и я ушелъ тогда, довольный и моимъ умѣньемъ говорить, и видомъ съ открытой галлереи, и забавною басней, а больше всего восхитительною табачницей...

— Благородный человѣкъ! Прекрасный человѣкъ! Какъ жаль, что онъ не хочетъ или не можетъ креститься и стать членомъ душеспасительной нашей христіанской общины!.. Благородный молодой человѣкъ!.. Видно сейчасъ человѣка *стараго очага* и высокаго рода... Хорошей души человѣкъ!.. Прекрасная табакерка!..

. . . . . .

Неужели тебѣ, другъ мой, непонятно теперь, что шумъ *той* мельницы не могъ заглушить вполнѣ въ сердцѣ моемъ жалобныхъ вздоховъ добраго бея, разореннаго въ конецъ,

при моемъ предполагаемомъ (я говорю—предполагаемомъ, и только,—понимаешь?) участіи...

Что жъ это такое, наконецъ: доброта моя или мое малодушіе и неопытность?

И можно ли богатѣть при подобныхъ чувствахъ? И еще: какъ бы это безъ грѣха сохранившись хоть день на свѣтѣ этомъ пожить намъ бѣднымъ, хоть немножко въ усладу душъ и тѣлесъ нашихъ страстныхъ, о друже мой? Скажи ты мнѣ,—а я не зналъ тогда, не узналъ позднѣе и донынѣ, клянусь тебѣ, не знаю навѣрное, *какъ?*..

VI.

Шерифъ-бей и всѣ родные его испугались, когда узнали, что Благовъ вдругъ взялъ Исаакидеса драгоманомъ. Они, какъ ты помнишь, ничуть не боялись Исаакидеса, пока онъ могъ вести тяжбу съ ними только какъ простой греческій подданный. Хотя эллинскій консулъ Киркориди былъ несравненно опытнѣе Благова въ коммерческихъ и тяжебныхъ дѣлахъ Востока (ибо Благовъ умѣлъ только съ необыкновеннымъ достоинствомъ притворяться, что онъ все знаетъ), но разница въ политическомъ вѣсѣ семидесятимилліонной Россіи и свободной Эллады, которая по матеріальнымъ силамъ своимъ меньше многихъ отдѣльныхъ областей Русской Имперіи, такова, что консулъ русскій, хотя бы и вовсе незнакомый ни съ юриспруденціей вообще, ни съ тайными и нерѣдко очень простыми пружинами турецкихъ *дѣлъ*, могъ и въ судахъ вліять несравненно больше, чѣмъ самый искусный, самый ловкій и знающій эллинъ.

Поэтому-то Исаакидесъ и сталъ въ глазахъ своихъ противниковъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, когда онъ явился передъ ними внезапно во всеоружіи русской протекціи.

Абдурраимъ-эффенди самъ поспѣшилъ немедленно къ Коэвино; Коэвино пошелъ къ Благову и что-то громко кричалъ у него. Шерифъ-бей, который и въ первые дни

по возвращеніи Благова сдѣлалъ ему визитъ, пришелъ тотчасъ же еще разъ, прежде чѣмъ Благовъ успѣлъ заплатить ему этотъ визитъ, и просидѣлъ часа два съ нимъ наединѣ.

Немного погодя бей пришелъ и еще разъ въ консульство вмѣстѣ съ Коэвино.

Меня тогда не было дома, но я спросилъ у Колыйо, не замѣтилъ ли онъ чего-нибудь особеннаго? Не слыхалъ ли онъ хотя бы отрывками, о чемъ они говорили въ то время, когда онъ подавалъ варенье и кофе? Не произносили ли имя отца моего или Исаакидеса? Колыйо сказалъ, что, когда онъ вносилъ прохладительное и кофе, то Шерифъ-бей разсказывалъ консулу о томъ, какъ одинъ его знакомый турокъ былъ въ Россіи въ плѣну, и, приставивши оба указательные пальца ко лбу мычалъ, а потомъ пальцемъ водилъ по горлу. Это значило: турокъ не зналъ по-русски и ходилъ по базару покупать себѣ самъ говядину. Всѣ смѣялись. А больше ничего онъ не слыхалъ; потомъ замѣтилъ, что и Шерифъ-бей и Коэвино ушли очень недовольные; Шерифъ-бей былъ прегрустный и что-то шепталъ доктору, уходя; а Коэвино все молчалъ, ни на чьи поклоны внизу не отвѣтилъ, собаку повара на дорогѣ тростью ударилъ, и брови у него «вотъ такъ прыгали». (Колыйо сдѣлалъ изъ рукъ себѣ какъ зонтики надъ глазами, и руки эти у него очень выразительно вздрагивали, а лицо стало жестоко и рѣшительно.)

Я понялъ изъ этого, что Коэвино взбѣшенъ на Благова... ничего не достигъ. Вѣрно Благовъ сказалъ съ возмутительною холодностью: «Очень жаль, очень жаль, что я въ этомъ ничего не могу. Теченіе тяжбы должно свершиться. Д'эмборо*)! д'эмбого!» Тѣмъ самымъ ужаснымъ тономъ, которымъ онъ мнѣ говорилъ: «здгаствуй, Одиссей!», «пгощай, Одиссей!» — или съ тою адскою радостью, съ которою онъ иногда раздиралъ на части то Бакѣева, то Бостанджи-Оглу...

Потомъ вдругъ что-то измѣнилось; пріѣхалъ къ вечеру

---

*) Не могу.

въ тотъ же день нарочный изъ Превезы отъ тамошняго вице-консула и привезъ отъ него пакетъ донесеній и письмо отъ Исаакидеса. Г. Благовъ за обѣдомъ *) прочелъ все это, обрадовался и даже намъ сказалъ: «Есть надежда повѣсить скоро колоколъ».

Бостанджи-Оглу поспѣшилъ принять живое участіе въ радости начальника и, скорчившись весь, спросилъ довольно глупо: «Изъ Превезы пишутъ?»

Но Благовъ, не удостоивъ его отвѣтомъ и не докончивъ даже обѣда, ушелъ къ Коэвино и тамъ видѣлся еще разъ съ Шерифъ-бсемъ, за которымъ нарочно ходила Гайдуша.

До совершенной ясности для меня еще было, однако, все-таки далеко въ это время; я началъ только понимать, что всѣ три дѣла: дѣло колокола въ Артѣ, дѣло отцовскаго векселя и дѣло страшнаго убійства въ Чамурьѣ, какъ-то связаны между собой въ умѣ ли Благова, или силой самихъ обстоятельствъ.

Я ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда же начнетъ Благовъ тяжбу въ *тиджаретъ*, и мнѣ казалось, что изъ-за того одного, что Шерифъ-бей человѣкъ хорошій, нельзя же намъ съ отцомъ вѣкъ свой не расширять круга нашей дѣятельности...

Одно только воспоминаніе нѣсколько путало и смущало меня. Я припомнилъ, что отецъ мой передъ самымъ отъѣздомъ своимъ, именно послѣ того, какъ онъ вступилъ въ неизвѣстное мнѣ соглашеніе съ Исаакидесомъ, былъ какъ-то печаленъ и разстроенъ, все вздыхалъ и слишкомъ часто повторялъ: «Увы! всѣ мы люди!» Значитъ онъ находилъ себя въ чемъ-то не совсѣмъ правымъ. Отецъ мой былъ человѣкъ совѣстливый и честный настолько, насколько позволяетъ быть честнымъ коммерческая жизнь.

Это такъ, конечно, но я сообразилъ однако и то, что если и есть отчасти подлогъ въ документахъ Исаакидеса, то вѣдь не во всѣхъ же, а именно—отчасти; и не можетъ же Шерифъ отрицать большую часть своего долга...

---

*) Обѣдаютъ на Востокѣ въ 7 часовъ и даже позднѣе.

Значитъ — *не все нечисто...*

Для провѣрки мыслей моихъ я пробовалъ говорить объ этомъ кос-съ-кѣмъ; напримѣръ съ Кольйо и съ кавассомъ Ставри. Кольйо пожималъ только плечами и отвѣчалъ: «Почемъ я знаю!» Но почтенный Ставри, который самъ жилъ процентами съ небольшого капитала (нажитаго имъ еще прежде, вѣроятно разбоемъ), очень ободрилъ меня, сказавъ:

— Конечно такъ! Пусть турки, если у нихъ есть мозгъ, различаютъ хорошія расписки отъ худыхъ. Развѣ это твое дѣло? Пусть греческій консулъ наказываетъ Исаакидеса за мошенничество, какъ нужно и какъ въ Элладѣ наказывать за это полагается. А что же тутъ худого, если твой отецъ возьметъ съ Исаакидеса то, что прилично? Это ты хорошо самъ понимаешь.

Эта рѣчь Ставри очень меня развеселила. Прошла еще недѣля; я написалъ второе письмо отцу и просилъ еще разъ настойчиво его наставленій: «что мнѣ отвѣчать, когда у меня будутъ спрашивать что-нибудь, и не нужно ли и мнѣ дѣйствовать какъ-нибудь съ моей стороны?» Справлялся я разъ и у Бостанджи-Оглу, не начато ли опять дѣло въ тиджаретѣ, но онъ отвѣтилъ грубо: «Не начнетъ никогда Благовъ этого грязнаго дѣла». Онъ желалъ, разумѣется, оскорбить этимъ моего отца и повторялъ съ гримасой: «Такое грязное! Такое грязное дѣло!..», такъ что я уже не сталъ больше обращаться къ нему, а спрашивалъ все у кавассовъ. Они говорили раза три: «нѣтъ»; а на четвертый сказали: «сегодня начали!»

Я вздрогнулъ внутренно и ждалъ, что будетъ.

Мечты внезапнаго обогащенія продолжали услаждать меня, и я предавался имъ теперь тѣмъ охотнѣе и тѣмъ безстыднѣе, что самъ не могъ, казалось мнѣ, несмотря на всѣ просьбы и совѣты Исаакидеса, ничего сдѣлать для ускоренія благопріятнаго для насъ исхода.

Заговорить самому съ Благовымъ, подойти къ нему униженно и сказать ему такъ, какъ говорили ему у насъ многіе другіе: «Прошу васъ, сіятельнѣйшій мой г. консулъ, нельзя ли».

Нѣтъ! Это ужасно!.. Этого я не могъ! Одна мысль о томъ, какъ онъ съ удивленіемъ спроситъ: «Что? что?» или какъ все лицо его иронически просвѣтлѣетъ, когда я начну говорить... Эта одна мысль наводила краску стыда на щеки мои и полагала дверь огражденія на уста мои.

А мечтать, предоставляя все року и фортунѣ—я могъ, и мечталъ. Но и то не очень долго. На слѣдующій же день послѣ того, какъ въ торговомъ судѣ возобновилась тяжба эта, парамана отца Арсенія пришла ко мнѣ и сказала, что старый священникъ очень проситъ меня зайти къ нему поскорѣй, какъ только я буду свободенъ.

Я тотчасъ же пошелъ къ нему. У дверей церковнаго двора я увидѣлъ новую вѣнскую карету Шерифъ-бея.

Въ каретѣ не было никого. Я обратился къ кучеру туреку съ вопросомъ: «Кто это пріѣхалъ къ священнику?», но кучеръ, окинувъ меня сердитымъ взглядомъ, спросилъ: «А ты самъ кто такой?»

Я сказалъ этому варвару, что я сынъ русскаго драгомана, и надѣялся этимъ смягчить его; однако напрасно; онъ молча отвернулся, почти презрительно взглянувъ еще разъ на меня.

Когда я, отвѣтивъ на его видимую грубость тайнымъ презрѣніемъ, вошелъ въ прихожую, то услыхалъ довольно громкій, но пріятный женскій голосъ изъ пріемной отца Арсенія, и парамана, выскочивъ изъ кухни, поспѣшно сообщила мнѣ, что тамъ сама мать Шерифъ-бея.

Отецъ Арсеній тотчасъ же вышелъ ко мнѣ. Онъ былъ немного взволнованъ и, давъ мнѣ поцѣловать десницу свою, по обычаю спросилъ все-таки сначала, здоровъ ли я, здоровъ ли консулъ и т. д.; однако по безпокойному выраженію лица его я видѣлъ, что онъ сейчасъ спроситъ у меня что-нибудь болѣе важное.

И точно, онъ началъ такъ:

— Что мы теперь будемъ дѣлать съ этою женщиной? Она сокрушается о сынѣ своемъ. У нихъ и безъ того въ домѣ только что случилось большое несчастье. Жена молодая убѣжала отъ него къ отцу своему. А *почему* она убѣ-

жала, этого я не могу тебѣ сказать. А тутъ вотъ въ тиджаретѣ вчера началъ Благовъ дѣло отца твоего... Пріѣхала, проситъ и плачетъ, чтобы я уговорилъ митрополита нашего отлучить отъ церкви Исаакидеса и отца твоего, обоихъ, за лжесвидѣтельство и обманъ... Безумныя вещи!.. Что будешь дѣлать съ ней... мать! женщина... Что ты скажешь?

— Что мнѣ сказать, старче?—отвѣчалъ я. — Развѣ я могу судить о такихъ великихъ дѣлахъ...

— Не суди.... Не суди... Я тебѣ говорю, чтобы ты зналъ только. Надо отцу скорѣе написать. Она проситъ также, чтобы я къ Благову сходилъ, попросилъ бы его дѣло это пріостановить... Не могу я и этого сдѣлать... А ты скажи мнѣ, не знаешь ли, какъ отецъ твой въ эту тяжбу запутался?

Я и ему сказалъ то же, что Благову, т.-е. то, что зналъ.

— Больше ничего нѣтъ? — спросилъ священникъ пытливо. — Пусть будетъ такъ. А можетъ быть и еще что-нибудь знаешь. Такъ ты мнѣ скажи. Мнѣ ты можешь сказать.

Я прибавилъ, что самъ только на-дняхъ узналъ навѣрное, что тяжба въ торговомъ судѣ будетъ вестись отъ имени отца моего, а не отъ имени Исаакидеса.

Отецъ Арсеній подумалъ, подумалъ, ушелъ опять въ пріемную, и немного погодя я услыхалъ голосъ ханумисы: «Ничего! Ничего! Пусть войдетъ онъ самъ...» и вслѣдъ за этимъ отецъ Арсеній отворилъ снова дверь и кликнулъ меня.

Мать Шерифъ-бея сидѣла на диванѣ безъ покрывала на лицѣ. Какъ христіанка, принадлежащая къ турецкой семьѣ и турецкому обществу, она соблюдала всѣ турецкіе обычаи только на улицѣ и при многолюдствѣ; при свиданіяхъ же запросто въ домахъ, даже и съ мужчинами, она лица не считала нужнымъ покрывать.

Она взглянула на меня такъ печально и поздоровалась со мной такъ привѣтливо, что я, какъ прикованный стыдомъ и почтеніемъ, остановился у порога.

— Подойди сюда, подойди ближе, дитя мое, — сказала она мнѣ. — Здоровъ ли ты?

Я отвѣтилъ, что здоровъ и благодарю «госпожу мою», и приблизился къ ней робко, но съ глубокимъ, внезапно проникшимъ сердце мое сыновнимъ чувствомъ.

Я никогда не видалъ въ жизни (и еще такъ близко и такъ просто) важной турецкой дамы... И эта турецкая дама, одѣтая по-турецки въ очень широкія пышныя шальвары изъ темно-синяго ситца съ красными мелкими букетами, и въ бѣличьей шубкѣ, крытой золотистымъ атласомъ, была такая же христіанка, какъ моя родная мать.

Кирія Параскева (такъ звали ее) была не совсѣмъ здорова, и голова ея немного качалась.

Меня растрогали и худоба ея красиваго пятидесятилѣтняго лица, и печальные взоры ея очей, и ласковый голосъ, которымъ она сказала мнѣ этотъ простой, обыкновенный привѣтъ: «Здоровъ ли ты, дитя мое?» И то, наконецъ, что она была нѣсколько смугла и черноока, подобно моей матери.

Эта тѣнь далекаго сходства поразила меня въ самое сердце до того глубоко и неожиданно, что, я почувствовалъ даже — не страшно ли? — я почувствовалъ, что у меня ноги внезапно отъ жалости слабѣютъ, какъ бываетъ отъ страха... Мы всѣ трое помолчали немного. Ханумиса и священникъ сидѣли; я стоялъ. Она смотрѣла на меня внимательно и пристально; я на нее почтительно и снизу, стараясь немного потуплять очи; отецъ Арсеній, ожидая отъ нея чего-то, глядѣлъ на нее.

Наконецъ кирія Параскева предложила мнѣ сѣсть.

— Нѣтъ, я постою, — сказалъ я и продолжалъ стоять.

Тогда она сдѣлала мнѣ нѣсколько вопросовъ одинъ за другимъ?

— Здоровъ ли твой отецъ? Здорова ли мать твоя? Имѣешь ли ты отъ нея письма? Ты въ русскомъ консульствѣ живешь? Хорошо тебѣ у консула жить? Деньги получаешь?

Я на всѣ эти вопросы отвѣчалъ утвердительно.

— Какое же ты дѣло у консула дѣлаешь, что онъ тебѣ деньги платитъ?

Я сказалъ: — Пишу, переписываю.

— Онъ очень грамотенъ, — похвалилъ меня отецъ Арсеній.

Кира Параскева все продолжала вглядываться въ меня, какъ будто сбиралась съ силами сказать мнѣ что-то важное или тяжелое; и потомъ вдругъ лицо ея покраснѣло, глаза заблистали, голова затряслась сильнѣе, и, все еще сдерживаясь, она начала такъ:

— Хорошо, значитъ, тебѣ жить у москвича этого? А развѣ онъ добрый человѣкъ? Онъ человѣкъ жесткій, злой... Не жесткій ли и не злой ли онъ человѣкъ? За что онъ преслѣдуетъ моего сына? Мой сынъ никому вреда не сдѣлалъ. Если Шерифъ дуренъ, для себя дуренъ... А изъ людей онъ никого никогда не обидѣлъ.

Я молчалъ въ недоумѣніи. Отецъ Арсеній замѣтилъ съ своей стороны, что я почти ребенокъ и въ эти дѣла не вхожу и про благодѣтеля своего дурно говорить не стану. Но кира Параскева не слушала его и продолжала:

— Нѣтъ! Ты скажи мнѣ, развѣ онъ хорошій человѣкъ? Развѣ человѣкъ такой благородный не долженъ быть въ своемъ словѣ твердъ... Ты знаешь ли, что онъ сказалъ моему сыну? Ты знаешь ли...

И она дрожа приподнималась немного съ дивана, приближаясь въ увлеченіи рѣчей своихъ ко мнѣ:

— Ты не знаешь? Ты не знаешь?..

— Почему ему знать, онъ ученикъ и дитя еще,—опять защищалъ меня отецъ Арсеній. — Пусть онъ лучше идетъ домой. Онъ ничего не знаетъ... А ты, госпожа моя, успокойся. Если можно, онъ напишетъ отцу своему все, что слышалъ, и пусть отецъ рѣшаетъ, какъ быть дѣлу...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Стой, стой, — сказала она, — слушай. Если ты не знаешь, что Благовъ сказалъ моему сыну, я скажу тебѣ. Онъ сказалъ ему: «Вѣрьте мнѣ, бей-эффенди мой, что душевно я нисколько не расположенъ помогать противу васъ всѣмъ этимъ купцамъ. Вы турецкій бей, я самъ бей московскій. И я очень хорошо понимаю, какъ вамъ тяжело съ ними бороться, какъ они съ васъ проценты бе-

рутъ, и все, и все!.. А буду дѣлать только, что́ надо по закону и черезъ великую нужду!..» Слышалъ ты это? Слышалъ это? Нѣтъ, ты скажи мнѣ, сынъ мой, слышалъ ты эти слова сладкія?

Я сказалъ:

— Теперь отъ васъ слышу, кира моя...

Отецъ Арсеній улыбнулся. Кира-Параскева оскорбилась и, утихнувъ на минуту, вздохнула и сказала:

— Не вѣришь мнѣ? Какъ хочешь; это твое дѣло. А я тебѣ говорю, что это не благородно. Такія слова говорить, и двухъ недѣль не прошло, какъ и онъ, и Киркориди напали на сына моего и требуютъ продажи имѣнія его съ публичнаго торга для уплаты Исаакидесу. Исаакидесу, вору, мошеннику, подлецу этому. Шерифъ мой никому не вредилъ, никому, никогда. Пусть онъ турокъ! Пусть! Это для его души гибель, а людямъ что́?

Голосъ ея прервался, и она начала рыдать. Я не зналъ, что́ мнѣ дѣлать. Отецъ Арсеній съ участіемъ смотрѣлъ на нее и твердилъ:

— Успокойся! Успокойся!.. Вотъ онъ напишетъ отцу. Ты напиши, Одиссей, отцу, нельзя ли подождать до его возвращенія... Успокойся, кира моя, умолкни... Смотри, чтобы здоровье твое хуже не повредилось отъ огорченія... Отецъ его скоро вернется; онъ человѣкъ хорошій...

Но кира Параскева вдругъ отерла слезы, встала съ мѣста и съ энергическимъ движеніемъ, простирая руки, начала проклинать Исаакидеса.

— Этого вора! Этого подлеца!.. Анаѳемскій часъ его рожденья... О! чтобы душа его никогда не спаслась... О! если бъ я могла привязать его къ хвосту лошадиному и разорвать его на четыре куска, и кинуть ихъ во всѣ четыре стороны. Эти куски анаѳемскіе проклятаго его тѣла...

Напрасно отецъ Арсеній старался прервать ее, напрасно онъ возвышалъ голосъ, раздраженная мать была неудержима и, не обращая никакого вниманія на священника, она подошла ко мнѣ и, слегка трогая меня блѣдною, нѣжною рукой своей на груди за одежду, говорила опять уже кротко:

— Слушай, слушай, Одиссей, слушай меня, старуху. Я

христіанка такая же, какъ ты, какъ отецъ твой, какъ мать твоя... Дай Богъ ей много жить и здравствовать бѣдной... Слушай. Мать твою ты любишь? Ты долженъ ее любить. Мать твоя жалѣетъ тебя? А я, развѣ я не должна жалѣть сына моего оттого, что онъ турокъ? Что дѣлать мнѣ? Это правда, онъ турокъ... А ты знаешь, какой онъ турокъ? Знаешь ли ты, что онъ позволилъ людямъ повѣсить колоколъ на церкви въ чифтликѣ своемъ? Да! И виситъ теперь колоколъ ужъ годъ... «данга-данга!» звонитъ въ праздники! Тамъ онъ хозяинъ; ни паша, никто не заставлялъ его и никто не мѣшалъ. А сказалъ онъ деревенскимъ людямъ: «За это дорогу поправьте, по горѣ ѣздить нельзя ни вамъ, ни мнѣ, ни чужимъ людямъ». И поправили люди дорогу, и онъ самъ, снявши пальто, впереди всѣхъ работалъ... Понялъ ты теперь? И еще одно слово я тебѣ скажу, а потомъ иди себѣ. Я скажу тебѣ, что деревенскіе христіане хотѣли у входа на задней стѣнѣ въ церкви его портретъ написать, какъ пишутъ портреты благодѣтелей. Но сынъ мой сказалъ: «Нѣтъ, не надо. Это и по вашей вѣрѣ не совсѣмъ выйдетъ хорошо, и по моей неприлично!» Теперь иди, иди, иди, пиши отцу... что хочешь. Я тебѣ сказала... О! Боже! Боже мой.

И она, утомившись, сѣла на диванъ, утирая платкомъ глаза. Я не зналъ, уйти ли мнѣ или нѣтъ, и смотрѣлъ на священника вопросительно.

Отецъ Арсеній понялъ мой взглядъ и сказалъ мнѣ: «иди». Я, поклонившись, вышелъ въ сѣни, а онъ тотчасъ же за мной и сказалъ мнѣ тихо:

— Это правда. Шерифъ-бей, хоть и турокъ, но человѣкъ хорошій; онъ лучшій изъ всѣхъ турокъ здѣсь въ городѣ. Они разоряются, и какъ бы не пришлось ему и тотъ домъ, въ которомъ Благовъ живетъ, продавать. Онъ пьетъ и денегъ не считаетъ. Отцу напиши, что вотъ мать Шерифъ-бея пріѣзжала просить меня, Арсенія, чтобъ Исаакидеса и отца твоего митрополитъ отлучилъ отъ церкви. Но это, конечно, не годится. А ты все-таки напиши, что слышалъ... Какъ онъ прикажетъ...

Я возразилъ на это:

— Старче, напишите лучше вы сами моему отцу; а я пошлю вмѣстѣ съ моимъ письмомъ.

Отецъ Арсеній сказалъ, что подумаетъ, и сообщилъ мнѣ при этомъ, что ему приходитъ въ голову, не оттого ли Благовъ началъ вдругъ, не дождавшись моего отца, дѣло въ тиджаретѣ, что онъ не совсѣмъ доволенъ Шерифомъ; Шерифъ обѣщалъ консулу постараться черезъ другихъ беевъ въ Превезѣ или Артѣ, чтобы тамъ непремѣнно повѣсили колоколъ. Колоколъ этотъ уже довольно времени привезенъ изъ Россіи, и его все не вѣшаютъ.

— Вотъ Благовъ и недоволенъ,—прибавилъ отецъ Арсеній съ лукавою улыбкой.—Такъ мнѣ говорилъ, знаешь кто? Коэвино; и просилъ меня уговорить господина консула отложить дѣло Шерифа до возвращенія твоего отца. А мнѣ какъ въ это мѣшаться?.. Не знаю, правду ли говоритъ докторъ. Тайныя вещи отсюда, тайныя вещи оттуда... Лучше ты узнай отъ кого-нибудь. И мнѣ скажи. Тогда отцу вмѣстѣ и напишемъ.

Я вышелъ очень смущенный отъ отца Арсенія и остановился въ раздумьѣ у воротъ. Я не зналъ, что мнѣ теперь придумать.

Если бы самъ Исаакидесъ былъ въ это время въ Янинѣ, то я пошелъ бы къ нему и, не говоря ни слова ни о колоколѣ, ни о свиданіи моемъ съ матерью Шерифъ-бея, выспросилъ бы у него только о томъ рѣшительно, какая же именно эта сдѣлка у него съ отцомъ моимъ и большія ли выгоды придутся на нашу долю, если они получатъ всѣ деньги сполна за конфискацію хотя части имѣній Шерифъ-бея. Я очень боялся, чтобы вмѣшательствомъ моимъ не испортить какъ-нибудь отцовскаго оборота. Если бъ я зналъ тогда навѣрное (какъ узналъ я позднѣе), что дѣло идетъ только о тѣхъ двухстахъ лирахъ, которыя отецъ взялъ у Исаакидеса, чтобъ ѣхать осенью на Дунай, то это еще ничего. Занялъ — отдастъ; а если отецъ безъ отдачи взялъ за веденіе своей тяжбы отъ его имени и съ особыми условіями, то это дѣло совсѣмъ другое.

Что дѣлать? Какъ понять все это?

Здѣсь наши выгоды, здѣсь страданія и заботы больного отца на чужбинѣ; тамъ политическая тайна, дѣло колокола въ Артѣ, дѣло столь дорогое и для меня, какъ для православнаго грека эпирскаго. Тутъ убійство это въ Чамурьѣ. Джефферъ-Дэмъ другъ Ибрагиму; Благовъ хорошъ съ пашой. У Шерифъ-бея тоже есть друзья и родные въ Чамурьѣ. Потомъ отъ Шерифъ-бея убѣжала домой молодая жена. Отецъ Арсеній говоритъ: «А *почему*, этого я не могу тебѣ сказать!» Жалко киры-Параскевы, жалко колокола, жалко выгодъ отца (онѣ же вѣдь и *мои* — все равно!). Жаль даже, очень жаль самого Шерифъ-бея... Пожалуй, въ иныя минуты... хотѣлось бы и *этому* Исаакидесу быть полезнымъ и пріятнымъ... *Табачница* Шерифа пойдетъ когда-нибудь на расплавку и въ ломъ какой-нибудь, а *печать* — дѣло вѣковъ, и въ печати, въ аѳинскихъ газетахъ, на скрижаляхъ исторіи, перомъ *этого*... да! *этого самаго* Исаакидеса вѣдь написано: «Благородный, мужественный юноша Одиссей Полихроніадесъ подвергся...» (По дѣлу Назли.)

Что́ лучше, слава или злато (ну — или серебро — все равно), — рѣши ты, мой другъ, а я не берусь!

Я хотѣлъ наконецъ видѣть ясно во всемъ этомъ лабиринтѣ, въ которомъ нить Аріадны держалъ одинъ только Благовъ, и рѣшился пойти къ Коэвино, чтобы попытаться хоть отъ него узнать еще что-нибудь и о колоколѣ, и о тяжбѣ, и о семейныхъ горестяхъ Шерифъ-бея: отчего это и какъ, и когда это убѣжала отъ него молодая жена?

Случилось это, видно, очень недавно, можетъ быть вчера или дня два тому назадъ, не болѣе, ибо, хотя о домашней жизни турокъ мы знаемъ несравненно менѣе, чѣмъ о семейныхъ дѣлахъ горожанъ православныхъ, и даже большею частью не совсѣмъ ясно и понимаемъ, что́ у нихъ въ гаремахъ можетъ дѣлаться и случиться, но бѣгство богатой молодой дѣвушки, только что соединенной узами брака съ однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ въ городѣ мусульманъ, случай слишкомъ поразительный и рѣдкій, чтобы не обра-

тить на себя общаго вниманія. Однако до меня и до всѣхъ меня окружающихъ объ этомъ и слуху не доходило.

Итакъ съ твердымъ намѣреніемъ употребить всѣ усилія моего *загорскаго*, купеческаго и политическаго, хотя и незрѣлаго ума, чтобъ узнать отъ Коэвино все, что́ онъ знаетъ, самъ, я поспѣшилъ отъ отца Арсенія прямо къ нему...

VII.

Доктора за послѣднее время было нелегко застать дома.

Все, что́ я разсказалъ тебѣ, мой добрый другъ, о Джефферъ-Дэмѣ, о трагической смерти молодца Панайоти, и о колоколѣ, и объ отъѣздѣ Исаакидеса и Бакѣева, и о моемъ свиданіи съ матерью Шерифъ-бея — случилось не разомъ, конечно, не въ два-три дня, а слѣдовало одно за другимъ въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ-трехъ недѣль, не помню навѣрное.

Пока Александръ Михайловичъ Благовъ наслаждался своею изобрѣтательностью и тонкимъ соединеніемъ отважной предпріимчивости съ тѣмъ макіавеллизмомъ, который такъ нравится всѣмъ безъ исключенія христіанамъ Востока и могъ только усилить его популярность; пока Шерифъ-бей и всѣ родные его, подавленные разомъ нѣсколькими неудачами и горестями, забывали турецкую гордость и старались заискивать у всѣхъ: у приближенныхъ Благова и даже у меня, — во все это время докторъ почти не бывалъ дома и всѣ часы свободные отъ визитовъ проводилъ въ домѣ столяра куцо-влаха, мастера Яни, на дочери котораго онъ задумалъ жениться.

Одѣвшись во все лучшее, онъ уходилъ въ домъ мастера и сидѣлъ тамъ, разговаривая то съ матерью, то съ самой невѣстой (которая, какъ говорятъ, была въ самомъ дѣлѣ довольно мила), вопреки всѣмъ преданіямъ и обычаямъ города.

Бѣдный мастеръ Яни былъ такъ польщенъ, что докторъ

сватается за его дочь, что рѣшился уступить его требованіямъ и позволялъ ему видѣться ежедневно, и днемъ, и вечеромъ, съ невѣстой и просиживать съ нею по два, по три часа. Конечно ихъ ни на минуту не оставляли однихъ; то сидѣла съ ними мать, то приходилъ сынъ, молодой подмастерье въ синемъ куцо-влашскомъ безрукавникѣ и шальварахъ, и, не обращая вниманія на вздрагиванія докторскихъ бровей и надменные взгляды, съ почтительною улыбкой садился вдали на край дивана слушать, какъ докторъ просвѣщалъ сестру и разсказывалъ то со слезами умиленія, то съ хохотомъ торжества о свободѣ дѣвичьихъ правовъ въ Европѣ, о прогулкахъ подъ руку, о вальсѣ и кадрили, о томъ, что кавалеры садятся тамъ около дѣвицъ, а отцы и матери радуются этому и гордятся этимъ. Или, наконецъ, о томъ, что въ Англіи былъ одинъ Шекспиръ, который писалъ про Италію и описывалъ, что на балу Юлію (дочь герцога, «кóнта»!) берутъ молодые люди за обѣ руки безъ перчатокъ! И онъ бралъ невѣсту за руку безъ перчатокъ, а та смотрѣла на брата и глазами спрашивала: «теперь что́ жъ дѣлать мнѣ, буря и погибель моя!» А мать или братъ говорили доктору жалобно: «Гдѣ у насъ, у ниѣотовъ, такое политическое просвѣщеніе!.. Вотъ вы только идете по улицѣ, такъ крикомъ всѣ сосѣдки кричатъ и у калитокъ, и въ окна: Коэвино къ Маригò столяровой пошелъ! и ставни рѣшетчатыя такъ и стучатъ, всѣ кидаются въ нихъ смотрѣть».

Было и еще одно затрудненіе; докторъ хотѣлъ, чтобы невѣстѣ купили хорошую шляпку и сдѣлали бы платья всѣ по послѣдней модѣ, какъ у madame Брешѐ, чтобы юбки были длинныя и сзади влеклись бы по полу и чтобы дали два орѣховые комода въ приданое. Но такихъ платьевъ, какъ у madame Брешѐ, шить никто не брался; всѣ шили здѣсь круглыя и короткія юбки, чтобъ онѣ колоколомъ только стояли на огромномъ *малакòфѣ* *). Шляпку тоже негдѣ было въ скорости порядочную достать. И насчетъ

*) *Малакòфъ* — кринолинъ.

комодовъ мастеръ Яши очень затруднялся; скоро великая Четыредесятница; дочь компрометирована; одинъ комодъ поспѣетъ, а другой гдѣ взять?.. Докторъ уступилъ, но сказалъ, чтобы хоть одинъ комодъ кончали скорѣе... Онъ и самъ начиналъ бояться, что раздумаетъ жениться, и постоянными посѣщеніями поддерживалъ въ себѣ подобіе любви къ этой простенькой дѣвушкѣ... Поэтому его дома застать было въ это время очень трудно.

Я засталъ одну Гайдушу; и это было къ лучшему. Докторъ почти все, что̀ зналъ, разсказывалъ ей, а она могла передать мнѣ все спокойно и гораздо лучше, чѣмъ онъ самъ, безъ крику, безъ вводныхъ эпизодовъ, безъ утомительнаго шума и хохота.

Я не могъ понять, какъ она смотритъ на семью столяра и на желаніе доктора жениться. Казалось, какъ будто бы она смирилась предъ мыслью о законномъ бракѣ и не находила себя въ правѣ за это осуждать Коэвино.

— Докторъ все у невѣсты, кира-Гайдуша? — спросилъ я, не желая обнаруживать сразу настоящую причину моего посѣщенія.

Гайдуша усмѣхнулась и отвѣчала:

— У невѣсты. Вся *махала* *) голову потеряла. Отъ окошекъ съ утра не отходитъ. Все сторожатъ, когда онъ пойдетъ къ невѣстѣ. Варварскій народъ!..

— Но вѣдь у нея нѣтъ приданаго? — сказалъ я.

— Докторъ не любостяжателенъ. Съ его ученостью и даромъ, который онъ отъ Бога имѣетъ, деньги онъ и самъ найдетъ.

— А собой она хороша? — спросилъ я еще.

— Молодая,—холодно отвѣчала Гайдуша. И, какъ бы желая перемѣнить разговоръ, сама начала спрашивать у меня, что̀ дѣлается въ консульствѣ и какія мѣры принялъ Благовъ относительно убійства въ Чамурьѣ? Были ли селяне у другихъ консуловъ, и что̀ имъ консула сказали, и куда поѣхалъ Исаакидесъ? Правда ли, что онъ именно въ Нивицу

*) *Кварталъ*.

и поѣхалъ, чтобъ обстоятельнѣе все разслѣдовать? И о колоколѣ артскомъ даже спросила.

Я очень обрадовался и, отвѣтивъ ей на все это, какъ слѣдовало и какъ было прилично, сталъ самъ ее разспрашивать о семьѣ Шерифъ-бея, о бѣгствѣ только что прибывшей въ домъ его богатой молодой жены и обо всемъ, что́ мнѣ было нужно.

Гайдуша была истинно великаго ума женщина. Я не шучу, утверждая это.

Она не только съ восхитительною ясностью изобразила мнѣ секретныя семейныя дѣла Шерифъ-бея, но объяснила даже мнѣ какъ нельзя лучше многое изъ политики Благова, отчасти по собственнымъ догадкамъ и предположеніямъ, отчасти потому, что́ знала чрезъ Коэвино. Исаакидесъ старался, нельзя ли теперь, сейчасъ, поскорѣе взыскать что-нибудь съ Шерифъ-бея, потому что дядя и мать только что сосватали ему одну изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ невѣстъ города, Азизѐ-ханумъ, дочь Пертефъ-эффенди.

Объ этомъ Пертефъ-эффенди Коэвино говорилъ, сверкая глазами: «О-о! Пертефъ-эффенди! А-а! Пертефъ-эффенди... Это тотъ Пертефъ-эффенди, котораго отецъ дерзалъ бороться съ самимъ Али-пашой Янинскимъ... О-о! А-а!.. Пертефъ-эффенди»...

И не только одинъ Коэвино, но и старикъ Мишо, почти нѣмой и ко всему равнодушный, тотъ *красный съ бѣлымъ* старикъ Мишо, котораго такъ уважалъ Благовъ, говорилъ о Пертефъ-эффенди съ глубокимъ вздохомъ: «Поднялъ ношу этотъ человѣкъ въ молодости своей!»

Пертефъ-эффенди именно ношу поднялъ, и спина его съ раннихъ лѣтъ не могла уже разогнуться. Безжалостный Али-паша, враждуя съ отцомъ его, возненавидѣлъ и дѣтей. Пертефа еще отрокомъ онъ посадилъ въ подземелье своей крѣпости, въ особомъ углубленіи, въ стѣнѣ, и посадилъ надолго, такъ что Пертефъ тамъ росъ, не имѣя мѣста выпрямиться никогда во всю длину тѣла. Такъ онъ вырослъ, и, когда дверь тюрьмы отворилась предъ нимъ, его станъ былъ уже согбенъ на всю жизнь. Онъ былъ очень

богатъ, и Азизе́-ханумъ была его младшая и любимая дочь. Въ Янинѣ привычны люди (и христіане и турки) давать за дѣвицами большое приданое, и безъ приданаго не беретъ никто, ни богатый, ни бѣдный.

Гайдуша о самой Азизѣ-ханумъ говорила мнѣ такъ:

— Эта дѣвушка очень горда и очень благородна. Не могу я сказать, чтобъ она была красива, бѣдная... Бѣла она, это правда, и очи имѣетъ черныя, большія и огненныя. Докторъ ее лѣчилъ и въ гаремѣ часто бывалъ у нихъ. Онъ съ турчанками очень простъ, и онѣ съ нимъ не стыдятся, потому что привыкли къ нему. Онъ хвалитъ ея умъ и говоритъ, что она даже хорошія двустишія на греческомъ языкѣ сочинять умѣетъ. И умъ есть, — продолжала Гайдуша, — и глаза огненные, и рода высокаго, и денегъ много, и лицомъ бѣла. Однако судьбы ей хорошей нѣтъ, куропаточкѣ бѣдной... Худа, и есть у нея, все равно какъ у меня, — прибавила еще Гайдуша съ какимъ-то внезапнымъ лучомъ не то гордости, не то гнѣва въ глазахъ, такихъ же огненныхъ, какъ и очи албанской дворянки, о которой она говорила, — есть у нея недостатокъ какъ у меня... Я хрома, а она кривобока... Это отъ Шерифъ-бея скрыли. Переѣхала невѣста къ нему въ домъ. Вошелъ къ ней женихъ. Пробылъ тамъ минутку, возвратился къ матери и со слезами на глазахъ сказалъ ей: «Матерь моя, что́ ты сдѣлала! Я ее видѣть не могу... Я не могу приблизиться къ ней!» Вотъ какое оскорбленіе! И кира-Параскева, и Абдурраимъ, его дядя, усовѣщивали его и просили... И говорили: «Вѣдь она молоденькая: ей всего семнадцать лѣтъ. Умъ есть, богата...» А Шерифъ только вздыхалъ и говорилъ: «Не могу я приблизиться къ ней!..» Вотъ горе! Долги, разоренье, люди роскошные, знатные... Очагъ старинный и славный... Все пропало!.. Хорошо. Уговорила его мать возвратиться къ невѣстѣ. Онъ возвратился; но Азизѣ-ханумъ заперла дверь и не впустила его. На другой день еще хуже. Турчанки знакомыя пришли поздравлять. Азизѣ-ханумъ не выходитъ къ нимъ. Пошелъ мужъ просить у нея извиненія и обѣщаетъ жить съ ней хорошо и любить,

и говоритъ ей: «Послушай, Богомъ я тебя заклинаю, похорони ты меня лучше послѣ, только не срами и выйди къ этимъ женщинамъ!» А она какъ взглянетъ на него страшно и какъ засмѣется, и спрашиваетъ: «Хоронить? Хоронятъ люди близкихъ людей. А я тебѣ что?» Онъ и такъ и этакъ, и оттуда и отсюда, но Азизе́-ханумъ какъ львенокъ озлобилась, схватила себя за волосы, и, топнувъ ногой, закричала на него: «Не хочу я!» Опять затворилась; послала отцу своему сказать, чтобъ онъ за ней карету прислалъ, и уѣхала... И остался нашъ Шерифъ-бей безъ жены молодой и опять безъ денегъ... Былъ онъ тутъ у доктора послѣ этого и даже заплакалъ, потому что въ эти самые дни и въ тиджаретѣ г. Благовъ началъ дѣло Исаакидеса. Ты хотѣлъ знать, что́ случилось. Теперь я сказала тебѣ.

Такъ говорила Гайдуша, и я еще лучше понялъ горе киры-Параскевы, которая не знаетъ, какъ спасти сына отъ дурной жизни и разоренія. Но всего этого мнѣ было мало. Я сказалъ еще Гайдушѣ:

— Кира-Гайдуша, вы съ моего пріѣзда въ этотъ городъ были добры ко мнѣ; дай Богъ вамъ жить! Скажите мнѣ, очень я васъ умоляю, что́ говоритъ докторъ объ этой тяжбѣ и что́ вы сами знаете? Я хоть и сынъ отца моего, но что́ такое тутъ кроется, я не знаю...

Гайдуша улыбнулась многозначительно.

— Ты сынъ отца своего? (И она головой покачала.) Я знаю, что ты сынъ отца твоего и что вы оба загорцы. Только я думаю, когда глаза мои на тебя глядятъ, что отецъ твой въ твои года много меньше твоего дьяволъ былъ... Хорошо ты льстить людямъ умѣешь... Что́ бу́детъ изъ тебя, моро́, позднѣе? Однако я тебя люблю, и хитрость твоя мнѣ нравится... Я тебѣ скажу, что я знаю очень многое, больше, чѣмъ ты думаешь. Но я хотѣла бы тоже знать, на что́ это тебѣ?

Я отвѣчалъ ей такъ:

— Положимъ, кира-Гайдуша, что я загорецъ и что въ дѣлахъ имѣю глаза открытые; только по совѣсти я вамъ скажу, что мать Шерифъ-бея просила меня отцу моему

написать, чтобъ онъ помѣшалъ Исаакидесу теперь требовать всѣхъ денегъ съ ея сына и уговорилъ бы его на сдѣлку пойти. Я вотъ и хочу знать, что́ это такое тутъ кроется?

Гайдуша сѣла на полъ и, задумчиво помѣшивая щипцами уголья въ мангалѣ, сказала:

— Ты не выдашь меня Благову?.. Поклянись.

Я поклялся Богомъ.

— Хорошо, — сказала она, — я все знаю и все скажу тебѣ. Не пиши ничего отцу. Не надо. Благовъ ничего Шерифу не сдѣлаетъ... И твой отецъ даже ничего, ни даже одного піастра лишняго не получитъ. А придется твоему отцу возвратить Исаакидесу тѣ двѣсти лиръ, которыя онъ взялъ у него. А тогда Благовъ возьметъ бумаги эти всѣ и броситъ Исаакидесу въ морду... Скажи мнѣ, звонитъ ли колоколъ въ Артѣ или не звонитъ?

— Не знаю! — прибавилъ я и сказалъ, что было отъ Бакѣева извѣстіе, но все-таки кажется еще не звонили...

— Ну, подумай тогда самъ... Подумай о томъ, что у Шерифъ-бея есть родные въ Артѣ и Превезѣ, и если будетъ колоколъ звонить, такъ Исаакидесу дѣла своего не выиграть. Благовъ не станетъ имъ заниматься. Ему колоколъ пуженъ, а о томъ, есть ли у отца твоего деньги отъ Исаакидеса или нѣтъ, большая ему забота... Благовъ думаетъ о большихъ вещахъ, а не объ отцѣ твоемъ и объ Исаакидесѣ...

Итакъ, все это было ясно теперь! Шерифъ-бей долженъ былъ хлопотать, какъ знаетъ, о колоколѣ въ Артѣ; Бакѣевъ долженъ былъ хлопотать о колоколѣ въ Артѣ; вице-консулъ въ Превезѣ долженъ былъ хлопотать о колоколѣ въ Артѣ; Исаакидесъ на свои деньги долженъ былъ заѣхать въ Превезу и Арту и стараться въ ущербъ себѣ и не зная даже, что его врагъ Шерифъ-бей ему тайно помогаетъ и самою этою помощью вредитъ, стараться все о томъ же колоколѣ въ Артѣ. Каймакаму артскому былъ обѣщанъ св. Станиславъ на шею за этотъ колоколъ. Имя отца моего должно было явиться въ судилищѣ лишь для

того, чтобы все этотъ же колоколъ возвѣщалъ мѣднымъ гласомъ своимъ на весь Эпиръ православный: «Братья-греки!.. Братья-греки!.. Не измѣняйте Россіи. О! братья-греки.. Замолкли на время ея пушки... Но не замолкъ ся звучный голосъ... Не настало время снова звать васъ къ битвѣ; оно опять придетъ... Но пока гласъ Россіи зоветъ васъ на мирную молитву въ святой храмъ того православія, которымъ вы ее, Россію эту великую, когда-то просвѣтили... Братья-греки!.. Братья-греки... Не бойтесь... Пока въ Россіи есть такіе молодцы, какъ я, Александръ Благовъ, не попрутъ и васъ, эллины, никакая вражда, никакое иго, никакія усилія злобы»...

Послѣ этихъ словъ Гайдуши мы оба долго и задумчиво молчали. Она все сидѣла на полу у мангала. Наконецъ она сказала:

— Онъ не любитъ купцовъ.

— Кто? — спросилъ я стремительно.

— Благовъ, — отвѣчала Гайдуша, и выраженіе лица ея стало загадочно и таинственно.

— За что? — воскликнулъ я обиженно.

— Вотъ постой, — сказала она. — Однажды я сидѣла тутъ же на полу у мангала и говорила съ нимъ и съ докторомъ. И сказала я ему такое слово: «Я безграмотная дочь мещовскаго пастуха.... я не архонтская дочь, не купеческая!..» А онъ: «Это-то и хорошо... Мнѣ пастухи больше купцовъ нравятся... Они гораздо благороднѣе!..»

Послѣ этихъ столь удивительныхъ и обидныхъ для меня и семьи моей словъ Гайдуша прибавила еще:

— Будь покоенъ, будь покоенъ; ты хотѣлъ правду знать и то, что я объ этомъ думаю... Вотъ я думаю, что Благовъ ничего бею не сдѣлаетъ, если колоколъ въ Артѣ повѣсятъ... А впрочемъ не знаю.

Тогда и я рѣшился передать ей слова киры-Параскевы о томъ, что Благовъ сказалъ Шерифу: «Вы бей турецкій, я бей московскій, и я васъ жалѣю, а не этихъ купцовъ...»

— Видно вы правы! — сказалъ я.

Однако на это Гайдуша возразила:

— Оно такъ! Но кира-Параскева и солгала немного. Благовъ это здѣсь доктору говорилъ. А турку онъ самъ такихъ словъ не скажетъ. А докторъ ужъ, утѣшая Шерифа, передалъ ему это. Благовъ, не безпокойся, знаетъ, какъ поступить надо.

Потомъ Гайдуша встала и пошла варить для меня кофе, а я все сидѣлъ въ большомъ раздумьѣ, понимая наконецъ, что не только я, но видно и отецъ мой тутъ ничего не можетъ... И еще гораздо больше, чѣмъ тяжба, меня занимала теперь столь новая для меня, столь ужасная мысль, что будто бы пастухи благороднѣе насъ, торговцевъ!.. Странно! Неслыханно! Обидно это! И почему же?..

Вдругъ раздался внизу громкій, повелительный стукъ желѣзнаго кольца въ дверь, и, выглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что стучитъ кавассъ Маноли, а за нимъ стоитъ самъ Благовъ. Я побѣжалъ отворять ему.

Благовъ вошелъ въ сѣни и на лѣстницу такъ поспѣшно, какъ онъ никогда еще при мнѣ не входилъ; лицо его было также необыкновенно весело и свѣтло. Самое его привѣтствіе: «А! Ты здѣсь, Одиссей! Здравствуй!» было не обычное, холодное, а въ самомъ дѣлѣ дружеское привѣтствіе.

Онъ велѣлъ скорѣе позвать Гайдушу и сказалъ и ей по-гречески шутливо и любезно, слегка подражая грекамъ въ интонаціи и въ выборѣ словъ:

— Какъ поживаете, какъ поживаете, сударыня? Здоровы ли вы? Я здоровъ, я очень хорошо себя чувствую.

Во всѣхъ движеніяхъ его была замѣтна мало свойственная ему радостная живость. Онъ хотѣлъ сначала послать Гайдушу за докторомъ и на словахъ пригласить его возвратиться домой сейчасъ же; потомъ раздумалъ и, написавъ ему записочку, послалъ съ этой запиской кавасса и даже прибавилъ:

— Съ кавассомъ лучше. Докторъ любитъ съ кавассомъ ходить по улицѣ... Не правда ли?

Онъ приказалъ еще и на словахъ просить доктора притти скорѣе и потомъ, обратясь ко мнѣ и Гайдушѣ, сказалъ:

— Знаете, колоколъ повѣсили.

— Zito! — закричала Гайдуша.

Такъ вотъ чему онъ былъ такъ радъ, что даже скрывать своей радости не хотѣлъ!

Итакъ (если только Гайдуша не ошибалась) наше дѣло съ Исаакидесомъ должно быть положено въ мѣшочекъ и повѣшено на стѣну, какъ дѣлаютъ въ турецкихъ канцеляріяхъ, и поди ищи его послѣ въ такомъ мѣшкѣ!

Итакъ унылое, но столь полезное имѣніе съ мельницей уже не будетъ никогда моимъ!.. Одиссеемъ-эффенди я не сдѣлаюсь скоро! И мнѣ остается теперь только радоваться на этотъ колоколъ въ Артѣ и восклицать, подобно Гайдушѣ, въ патріотическомъ восторгѣ: «Zito, Россія, столбъ православія!..» Купцовъ онъ не любитъ! Изволите видѣть, у него пастухи лучше!.. И почему же это они лучше? Э! что̀ жъ и это хорошо!.. Будемъ кричать: «Zito, Россія!» О! свѣтъ! Обманчивый свѣтъ!.. Что̀ ты такое, суетный свѣтъ? Одно мелькающее привидѣніе и больше ничего... Строго говоря, впрочемъ, вѣдь Шерифу и кромѣ мельницы осталось бы еще чѣмъ жить, я думаю... Отецъ, мой бѣдный отецъ. Гдѣ ты?.. Но этотъ жесткій человѣкъ (теперь и я согласенъ, что онъ жесткій), вѣдь онъ не любитъ тебя?.. И ты купецъ! Zito, Россія! Пусть будетъ такъ.

Такъ думалъ я, сидя молча въ уголку, а вѣдьма Гайдуша тоже молча бросала на меня издали сатанински-веселые взгляды.

VIII.

Дѣла! Дѣла!..

Такого рода дѣла волновали меня пріятно... По голубой водѣ пробѣгала то тамъ, то сямъ лишь мгновенная зыбь...

Такого рода дѣла, какъ дѣло Нивицы, какъ дѣло колокола, какъ тяжба Шерифъ-бея — это наша жизнь на Востокѣ.

Укоровъ совѣсти не было; страхъ (тотъ вечерній страхъ

позорнаго изгнанія) давно прошелъ... Забывалось даже понемногу и непріятное недоумѣніе при мысли: «отчего же этотъ московскій сфинксъ молчитъ такъ странно и не читаетъ мнѣ наставленій по поводу моихъ грѣховъ съ Зельхой?»

Униженъ я никѣмъ теперь не былъ... скорѣе даже я былъ чуть-чуть и незамѣтно для меня самого сначала превознесенъ за этотъ первый мѣсяцъ моей жизни подъ русскимъ флагомъ. Люди старшіе, люди опытные, богатые, даже лица господствующаго мусульманскаго исповѣданія и тѣ почти что искали моей протекціи. Въ городѣ очень многіе уже знали меня по имени; были даже и такіе люди, которые называли меня: «сынъ души русскаго».

Вообще я былъ покоенъ духомъ, и даже миражъ моего пріятно-полезнаго, уныло-доходнаго чифтлика, внезапно явившійся на дальнемъ небосклонѣ моей карьеры и внезапно исчезнувшій подъ хладнымъ дыханіемъ арктическаго самовластія, даже и миражъ этотъ, разсѣявшись, оставилъ меня не въ мѣстѣ пустынномъ, непроходномъ и безводномъ, а въ милой комнаткѣ моей съ дальнимъ видомъ на черепичныя кровли и сады и на тонкіе минареты горы, величаво увѣнчанные по утрамъ густымъ, синимъ туманомъ, среди котораго то появлялись, то медленно таяли другія свѣтлыя облака...

Астры и розы моего дивана были все такъ же многоцвѣтны и крупны; столъ письменный—все такъ же просторенъ; окошко свѣтло; обѣдъ обиленъ и вкусенъ. Кавассы и Кольйо любили меня. Алеко-сиротка каждое утро радушно приносилъ мнѣ еще пылающій слегка мангалъ, чтобы мнѣ было теплѣе вставать (такъ какъ февральскіе дни у насъ иногда еще очень свѣжи)... Онъ даже клалъ нерѣдко въ уголья мангала лимонную корку, чтобы лучше пахло...

Въ училищѣ все шло хорошо; статистика отцовская, за переписку которой русское императорское правительство уже платило мнѣ деньги, сама по себѣ была занимательна и представляла для меня очень много новаго.

Такъ, напримѣръ, ты помнишь, что самыя первыя мои встрѣчи съ турками въ Янинѣ оставили въ умѣ моемъ

скорѣй довольно благопріятныя для нихъ впечатлѣнія, чѣмъ тяжелыя, именно потому, что я ждалъ отъ нихъ худшаго... Ты помнишь также, что и на оскорбившихъ меня молодыхъ мусульманъ я не очень долго гнѣвался искренно; Благовъ такъ скоро и такъ крѣпко отомстилъ имъ за меня и самъ я былъ послѣ столько похваляемъ соотчичами за мое самоотверженіе въ дѣлѣ Назли, что глубокому гнѣву противъ сеиса и софты не осталось и мѣста среди тріумфальныхъ моихъ ощущеній.

Въ свободной загорской республикѣ нашей, ты знаешь, тогда даже ни мудира, ни кади не было и сами жандармы заѣзжіе къ намъ держали себя осторожнѣе въ нашихъ селахъ (гдѣ дома такіе архонтскіе и люди такіе богатые, грамотные и со связями), чѣмъ держатъ они себя въ округахъ порабощенныхъ и глухихъ.

Въ отцовской же статистикѣ я находилъ, между прочимъ, печальную и точную картину прежнихъ, еще недавнихъ албанскихъ набѣговъ, разореній и убійствъ, отъ которыхъ не умѣла или не хотѣла защитить насъ безсильная власть, царящая вдали, на божественномъ Босфорѣ.

И если все это утихло и умиротворилось на время, то не ясно ли было всякому, что и роздыхъ этотъ былъ бы невозможенъ, если бы холмы и камни Севастополя не обагрились русскою кровью и если бы западные союзники Турціи, понуждаемые Россіей, не вынуждены были требовать отъ нея хоть сколько-нибудь сносной жизни для подвластныхъ ей христіанъ.

И мало ли что было еще въ этихъ отцовскихъ тетрадяхъ!..

Мнѣ хотѣлось переписать ихъ для Благова какъ можно больше и скорѣе; и не разъ, а много разъ, я, приготовивъ вечеромъ уроки, съ величайшимъ понужденіемъ и скукой, брался снова за перо и писалъ до полуночи, ободряя себя лишь надеждой на будущее.

Въ такомъ постоянномъ трудѣ и благомъ настроеніи, развлекаемый теперь развѣ только всѣми дѣлами этими, интригами политическими, чифтликами, колоколами, убійствами и тяжбами, я прожилъ долго

О «горькой и душистой травкѣ» моей я вспоминалъ нерѣдко, но, слава Богу, съ равнодушіемъ... (Такъ мнѣ казалось тогда!)

Иногда, впрочемъ, проснувшись поутру, я нечаянно взглядывалъ на окно и, прежде еще чѣмъ увидать горы и клубы синяго и сѣраго тумана, одѣвающаго ихъ, я видѣлъ волшебно-зеленый лѣсъ моей стороны и чернаго франкскаго воина, который съ копьемъ въ рукѣ все недвижно ѣхалъ на черномъ конѣ къ далекому замку.

Въ той янинской пѣсенкѣ, которую Зельха пѣла такъ неправильно и такъ мило, тоже поется о башнѣ какой-то и о томъ, что молодецъ «встанетъ съ постели своей, возьметъ оружіе, наловитъ куропатокъ и зайчиковъ, и птичекъ малыхъ настрѣляетъ, и освободитъ изъ башни ту, которую онъ зоветъ: «О, мой ангельскій ликъ!»

И вотъ прежде еще, чѣмъ «Пáтеръ имóнъ»*), звучала въ ушахъ моихъ эта пѣсенка.

Я вскакивалъ съ дивана, молился, гналъ прочь непотребныя, опасныя мысли и спѣшилъ въ училище.

Такъ длилось долго...

Но вотъ она опять пришла; пришла сама, безъ зова... Въ одинъ воскресный полдень. И пришла она къ намъ въ консульство съ такимъ честнымъ и добрымъ намѣреніемъ, что душевный вредъ мой былъ только еще глубже отъ новой симпатіи, которую она во мнѣ возбудила, именно какъ въ грекѣ и христіанинѣ!

Она пришла просить консула защитить и избавить отъ тюрьмы ту самую христіанку Ницу, которую она такъ недавно желала заточить куда-нибудь за то, что Ница назвала ея мать «плѣшивою собакой». Она давно видно забыла объ этой уголовной тяжбѣ и помирилась съ Ницой.

Ница же между тѣмъ поссорилась съ турецкой полиціей, и ее присудили на шесть мѣсяцевъ въ отвратительную, грязную тюрьму.

Мы только что кончили завтракъ и сидѣли всѣ въ каби-

---

*) Отче нашъ.

нетѣ, когда Зельха пришла и, не обращая на насъ почти никакого вниманія, подошла къ Благову, поклонилась ему и поздоровалась съ нимъ.

Благовъ съ притворною строгостью спросилъ ее:

— Зачѣмъ ты пришла? Кто тебя звалъ?

Зельха очень хорошо видѣла, что онъ шутитъ, и, ничуть не смутившись, еще разъ прикоснулась къ его одеждѣ и сказала:

— Эффенди мой! У меня есть до тебя великая просьба! Великая просьба.

— Что̀ такое! Что̀ такое?.. — спросилъ Благовъ какъ бы испуганно... — Садись, говори.

Но Зельха не сѣла, продолжала стоять почтительно, и сказала:

— Смотри, эффенди, какое дѣло. Эту Ницу, о которой я тебѣ говорила, заперли въ тюрьму. У нея есть старая мать и маленькая дочь. Безъ Ницы имъ кушать нечего. *Нна!..* (Зельха, говоря это *нна!* раскрыла ротъ и провела тихонько ногтемъ по концамъ верхнихъ зубовъ, то-есть «вотъ ни такой крошки!»)

И еще прибавила: — *Хичь-тйпотэ* *)*!* такъ мило и забавно изображая лицомъ и руками свой ужасъ при видѣ подобной нищеты, что мы всѣ были тронуты и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣялись.

— Что̀ жъ мнѣ съ этимъ дѣлать? — спросилъ Благовъ весело.

— Эффенди! — отвѣчала Зельха, — ты такъ друженъ съ пашой. Попроси его, чтобъ ее, бѣдную, отпустили. Мать плачетъ, дочка кричитъ... Жалко.

— А за что́ ее посадили въ тюрьму? — спросилъ еще консулъ.

Зельха пожала плечами и серьезно отвѣчала:

— Развѣ я знаю за что̀?

— Ты лжешь! Знаешь! — сказалъ консулъ.

Зельха клялась, что не знаетъ, и повторяла:

---

*) Два раза — *ничего*, по-турецки — *хичь* и по-гречески — *тйпотэ*, для усиленія.

— На шесть мѣсяцевъ заперли!.. Эффенди! Я прошу, скажи пашѣ...

— Посмотрю! — сказалъ Благовъ и, обратившись къ Бостанджи-Оглу, прибавилъ: — Не совсѣмъ идетъ въ такія дѣла изъ предмѣстья Канлы-Чешме намъ мѣшаться... Какъ ты думаешь, Бостанджи-Оглу?..

Глаза Бостанджи-Оглу заблистали отъ радости, что консулъ вдругъ вздумалъ спросить его мнѣнія; но онъ мнѣнія этого и не имѣлъ; задумавшись, онъ, вѣроятно, спрашивалъ себя не о томъ, что̀ онъ *самъ* теперь думаетъ объ этомъ, а, напротивъ, лишь о томъ, что̀ думаетъ консулъ? Какъ бы угодить ему. И на этотъ разъ угодилъ, хотя и не сразу.

— Какъ вамъ угодно! — сказалъ онъ сначала.

— Это глупо! — сказалъ Благовъ.

Бостанджи поспѣшилъ поправиться:

— Мнѣ кажется, — воскликнулъ онъ, — надо помочь. Турчанка за христіанку проситъ. Примѣръ хорошій...

Г. Благовъ одобрительно взглянулъ на него и началъ спрашивать опять Зельху, что̀ это была за исторія, за что̀ посадили Ницу.

— Не знаю, — сказала Зельха. — У насъ на улицѣ всѣ люди жгли соръ въ кучкахъ *). Пришли заптіе. «Оставьте, оставьте. Чтобъ не было пожара!» — «Не оставимъ, не оставимъ!»—«Оставьте!» «Не оставимъ!» Шумъ и драка! Я вижу, потомъ повели нѣсколько человѣкъ въ *Паша-капуси* **). У одного кровь здѣсь на лицѣ... И Ницу взяли и увели.

Благовъ сказалъ: «Посмотримъ», и тѣмъ этотъ разговоръ кончился.

Зельха вѣроятно бы ушла, если бы почти въ эту самую минуту не явился въ дверяхъ Коэвино.

Онъ былъ мраченъ.

Поздоровался, сѣлъ и молчалъ нѣсколько времени, обмѣниваясь съ Благовымъ незначительными фразами.

---

*) Изъ домовъ выметаютъ соръ на середину улицы и жгутъ его.

**) Въ Порту.

Бостанджи-Оглу ушелъ, а я радъ былъ видѣть ея толстыя губы и дѣтскій круглый носикъ и остался.

Зельха, между тѣмъ, разсматривала картины Благова. Поднимала одну, раскрывала другую; смѣялась, говорила мнѣ вполголоса, изъ почтенія къ старшимъ:

— Одиссей, посмотри, посмотри сюда... Хаджи-Сулейманъ дервишъ!.. Ха-ха-ха!.. Посмотри, посмотри, кузумъ... И сѣкира его въ рукахъ. Какой сердитый!

И качала головой, и дивилась.

— Это, кузумъ, Одиссей, что́ такое?.. Ба! ба! Это крѣпость наша!.. Ходжа сидитъ! Какъ прекрасно!..

Я уже нѣсколько свыкся со свободой обращенія въ консульствѣ, подошелъ и тихонько отвѣчалъ ей на ея глупенькіе вопросы...

Должно быть со времени возвращенія Благова я незамѣтно для самого себя сдѣлалъ огромные успѣхи въ цивилизаціи; я уже съ ней теперь игралъ ту роль, которую нѣсколько времени прежде игралъ относительно меня кавассъ Маноли.

Когда она спросила меня тихо: «Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ?», я отвѣчалъ: «Э! любитъ! Искусство такое!» А она сказала: «Это очень хорошо!»

Пока мы говорили тихо́, Коэвино мало-по-малу все возвышалъ и возвышалъ голосъ.

Наконецъ онъ вскочилъ и закричалъ громко:

— Нѣтъ! Это невозможно... Я сказалъ, что это невозможно... У нихъ не готовъ еще комодъ... И я не могу на ней жениться.

Я сказалъ Зельхѣ: «Оставь меня, подожди» и сталъ слушать. Зельха взяла картину, сѣла съ ней въ кресло и качаясь разсматривала ее.

— Я сказалъ самому отцу, — продолжалъ докторъ, — что комодъ необходимъ съ самаго начала, и далъ ему двѣ недѣли срока... Прихожу сегодня, спрашиваю. Комода нѣтъ. Я отказался и очень радъ!.. И очень радъ... N'est-ce pas, mon ami? n'est-ce pas?.. Свобода лучше... а? а? а? Свобода лучше... Я отказался... Ха-ха-ха! Что́ можетъ замѣнить сла-

дость и прелесть свободы... А! Одиссей! Ганимедъ мой прекрасный... Что ты скажешь на это?.. Свобода лучше брака?

— Не знаю право, докторъ, — сказалъ я, — что̀ лучше...

— Все такой же невинный и неопытный... Когда же будетъ твой отецъ? скажи мнѣ мой... Эротъ.

— Я писалъ ему, докторъ, что господинъ Благовъ его ждетъ.

— А! а!.. — весело наступалъ на меня докторъ съ томными глазами и все смѣясь.

Потомъ онъ посмотрѣлъ на Зельху и сказалъ:

— Бѣдная Зельха! Здравствуй, моя бѣдная! Здорова ли ты? Здорова? Аферимъ! Аферимъ! Ха, ха!

— Другъ мой, знаете что̀, — сказалъ еще Коэвино, вдругъ обращаясь къ господину Благову: — Сдѣлайте мнѣ къ Пасхѣ подарокъ. Изобразите мнѣ вмѣстѣ на одной небольшой картинѣ Зельху и Одиссея. А? Зельху и Одиссея... Поцѣлуй! изобразите поцѣлуй молодой любви... Молодой любви, какъ первый и нѣжный цвѣтокъ весны.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Благовъ, — это вовсе не такъ занимательно. Я хочу представить семью дервиша. Зельха будетъ дочь и будетъ сидѣть у ногъ стараго Сулеймана и работать что-нибудь... А Одиссей, въ этой турецкой одеждѣ, будетъ подавать ему наргиле́; онъ будетъ сынъ.

Я содрогнулся немного отъ страха попасть на полотно въ такомъ обществѣ, но, полагая, что консулъ дразнитъ только меня, улыбнулся и молчалъ.

Коэвино былъ недоволенъ; лицо его подергивалось какъ всегда, когда кто-нибудь противорѣчилъ ему, и онъ прибавилъ серьезно:

— Пусть будутъ двѣ картины. Но прежде моя, прежде моя. Зельха, дитя мое! Слушай, чтобы мнѣ на глазки твои радоваться! Слушай, сдѣлай то, что̀ я попрошу тебя.

Зельха положила картинку, встала съ большою готовностью и отвѣчала:

— Прикажи мнѣ, хекимъ-баши *), я сдѣлаю...

---

*) Главный докторъ.

— Сейчасъ?

— Сейчасъ...

— Поцѣлуй Одиссея... Я Али-паша янинскій. Я ужасный Али-паша!

Я никакъ не ожидалъ этого, и прежде, чѣмъ успѣлъ я встать съ моего мѣста, Зельха спокойно, не улыбаясь, даже не колеблясь, не стыдясь, прыгнула ко мнѣ и, обнявъ меня за шею, поцѣловала въ губы. Я хотѣлъ отстраниться въ стыдѣ и страхѣ... Но было поздно.

Коэвино хохоталъ, прыгалъ и кричалъ:

— Я Али-паша! Али-паша янинскій... О! изобразите, изобразите мнѣ, мой другъ, эту мѣстную картину. Это очаровательный genre!.. Вотъ мысль этой картины: турчанка-танцовщица и стыдливый юноша-грекъ. А? Развѣ не такъ? Это дѣйствительность, это истина... Весна! Зелень! Старый фонтанъ, покрытый плѣсенью и мохомъ... и онъ стыдится, а она не стыдится! Двѣ простоты! Двѣ наивности! Два міра! Двѣ души!

Но Благовъ на эту веселую рѣчь Коэвино замѣтилъ съ большимъ равнодушіемъ:

— Напрасно вы, докторъ, безпокоитесь такъ о немъ (то-есть обо мнѣ). Онъ лучше насъ съ вами умѣетъ устраивать свои дѣла по этой части. Спросите у него, чѣмъ онъ занимался съ ней въ своей комнатѣ въ тотъ вечеръ, когда здѣсь былъ Хаджи-Хамамджи.

Она (счастливая!) не обратила на слова эти никакого вниманія и продолжала смотрѣть картинки. А я? Я изумленный, пораженный вглубь сердца стыдомъ и почти ужасомъ, взглянулъ только на мигъ туда, откуда исходилъ этотъ ровный, насмѣшливый голосъ, я бросилъ на лицо его только одинъ быстрый взглядъ испуга и удивленія. И, увидавъ на этомъ блѣдномъ, продолговатомъ и правильномъ лицѣ столь знакомое мнѣ хладное и весело-злое, тихое сіяніе, поспѣшно всталъ и хотѣлъ итти къ дверямъ. Онъ видѣлъ! онъ видѣлъ все и молчалъ... О, Боже!

Коэвино хотѣлъ удержать меня; онъ ласково звалъ, просилъ возвратиться, но я уже былъ далеко. Мнѣ было до

того стыдно, что я и въ комнатѣ моей, сѣвъ у стола, закрылъ лицо руками. Онъ видѣлъ все! Отчего же онъ молчалъ? Отчего же онъ не бранилъ меня? Отчего не дѣлалъ мнѣ наставленій? Снова тайна, снова загадка сфинкса. И мнѣ придется можетъ быть разбить себѣ голову, если я не разгадаю ея.

Опять какъ и тогда «тѣмъ печальнымъ вечеромъ» я слышалъ шаги по большой залѣ.

Консулъ и докторъ ходили по ней взадъ и впередъ и разговаривали по-французски.

Они то подходили къ моей двери, то удалялись отъ нея. Обо мнѣ они не говорили ни слова. Видно было, что они всему тому, что̀ меня такъ тревожило, не придавали никакой важности. Я слышалъ отрывки ихъ бесѣды, но эти отрывки были мнѣ не совсѣмъ понятны, и я прислушиваясь не зналъ, къ чему они относятся. Я слышалъ то Благова, то Коэвино, то конецъ, то начало фразы.

— Какъ это говорится homo sum?..—спрашивалъ Благовъ у моихъ дверей.

— Et nihil humanum... — отвѣчалъ Коэвино, и они отходили.

И вдругъ съ того конца залы раздавался крикъ доктора.

— Великій Цезарь гордился побѣдой надъ женщиной столько же, сколько...

Опять у дверей моихъ говорилъ Благовъ:

— Madame Бреше ужасна. Madame Ашенбрехеръ развѣ женщина? Это мать и кухарка.

Я заинтересовался; я въ первый разъ въ жизни моей слышалъ, что «мать и кухарка» не женщина! Что̀ за рѣчи! Не мужчинѣ же быть матерью и кухаркой!

Опять Коэвино все громче и громче:

— Я почитаю двѣ страсти: одну дикую, грубую, звѣрскую...

И удаляясь онъ доканчивалъ свою мысль глухимъ рыканьемъ и ревомъ.

Потомъ они ушли гулять куда-то. Зельха тоже ушла домой, я и не видалъ, когда и какъ. И когда я вышелъ опять

изъ комнаты моей, кабинетъ Благова былъ запертъ на ключъ, а всѣ остальныя комнаты были безмолвны и пусты.

И почему же я, глупый мальчикъ, думалъ, что тутъ есть новая тайна и новая загадка ядовитаго сфинкса?

О, какъ проста, какъ проста разгадка этой тайны!

Ему было все равно; и онъ ни меня, ни ее и никого изъ насъ здѣсь не любилъ всею душой и всѣмъ сердцемъ своимъ.

И любилъ ли онъ, этотъ человѣкъ, когда-нибудь, и кого-нибудь, и гдѣ-нибудь сильно, я не знаю. Мнѣ часто кажется, что никогда, никого и нигдѣ!

IX.

Ты помнишь, какъ пришло изъ Арты и Превезы извѣстіе, что колоколъ, наконецъ, повѣшенъ... Ты не забылъ, конечно, какъ пришелъ Благовъ къ доктору на домъ, какъ онъ засталъ меня тамъ въ совѣщаніи съ Гайдушей и какъ Гайдуша пророчила мнѣ неуспѣхъ въ дѣлѣ съ Шерифомъ...

Правда, колоколъ висѣлъ очень красиво надъ воротами Артской церкви, подъ одною изъ небольшихъ арокъ, изъ которыхъ состоитъ эта колокольня.

Христіане могли любоваться на эти бѣлыя арки, одна надъ другой узорно возведенныя, на голубые просвѣты неба сквозь нихъ и на самый колоколъ. Но кто тотъ смѣльчакъ, котораго рука впервые ударитъ въ него при туркахъ въ эпирскомъ городѣ?.. Ему ничего, быть можетъ, не сдѣлаютъ сейчасъ, но послѣ и позднѣе... когда-нибудь при случаѣ! Кто же? Кто первый извлечетъ звукъ изъ безмолвной бронзы этой и восхититъ христіанскія сердца?..

Благовъ хмурится, узнавъ объ этомъ.

«Паша все болѣетъ, и это вѣрно интриги Ибрагима,— думаетъ онъ.—Теперь Ибрагимъ здѣсь сталъ пашой, а не Рауфъ... Лучше бы смѣнить, наконецъ, этого слабаго старика...» Подумавъ еще, онъ веселѣетъ и рѣшается въ пер-

вый разъ звонить *самъ*... Не рукой своею конечно, а другимъ способомъ, не менѣе того, однако, явнымъ и дерзкимъ.

Кавассы Маноли и Ставри призваны, и онъ спрашиваетъ ихъ:

— Можете ли вы звонить въ Артѣ въ первый разъ сами и посмотрѣть, что сдѣлаютъ турки?..

— Можемъ!—говоритъ скромно, но съ язвительной улыбкой старый Ставри.

— Чего мы не можемъ для вашего сіятельства и для Самодержца всѣхъ россіянъ! — восклицаетъ Маноли.

— Такъ поѣзжайте и звоните, завтра суббота, и посмотрите, что сдѣлаютъ турки.

— Что имъ дѣлать! — презрительно отвѣчаетъ Ставри.

— Они противъ вашего благородія ничего не могутъ сдѣлать; они не имѣютъ никакой независимости, ни куражу, ни даже ничего они не имѣютъ, исключая своей варварозности! — восторженно подтверждаетъ Маноли.

— Я нахожу, эффенди, что это...—хочетъ онъ еще сказать. Но Благовъ говоритъ ему:

— Хорошо, иди, иди...

Кавассы пріѣзжаютъ въ субботу вечеромъ, и воскреснымъ утромъ, вдругъ... ударъ... одинъ, другой... звонятъ! звонятъ!.. кто? кто звонитъ?.. звонятъ! звонятъ все громче, громче... Zito! кто рѣшился?..

Во всѣхъ христіанскихъ семьяхъ движеніе, радость, смѣхъ отъ радости, боязнь... недоумѣніе...

Мѣстный артскій вице-консулъ, подчиненный Благову, и г. Бакѣевъ (который все еще тамъ гоститъ, тоскуя и скучая отъ досады и стыда послѣ исторіи съ Бреше), оба въ форменныхъ фуражкахъ идутъ къ литургіи, и церковь и улицы предъ церковью полны народа.

Что дѣлаютъ турки? Ставри былъ правъ: «что имъ дѣлать!» Не убитъ же кавассовъ, не кинуться на христіанскій народъ, который здѣсь не то, что боязливые болгары давно угнетенной Ѳракіи!.. И время было другое! Совсѣмъ другое!

Турки артскіе уныло молчатъ. Есть между ними беи,

согласные съ Абдурраимомъ и Шерифомъ... На нихъ, черезъ янинскихъ беевъ, черезъ Шерифа старался вліять Благовъ. Эти турки говорятъ: «Что дѣлать! Нельзя во всемъ грекамъ перечить... Нельзя все противъ русскихъ итти... Надо иногда одну десятину земли отдать, чтобы сохранить себѣ сто!..»

Каймакамъ ждетъ себѣ Станислава, онъ радъ, онъ счастливъ, что мусульмане покойны.

Въ понедѣльникъ утромъ у насъ скрипятъ ворота, раздается веселый стукъ копытъ на консульскомъ дворѣ.

Кавассы соскакиваютъ съ утомленныхъ лошадей.

Маноли кричитъ, простирая руки къ небу: «Радость, тріумфъ въ Артѣ! Ужасъ!..» Благовъ, наградивъ ихъ щедро, тотчасъ же пишетъ своему начальству бумагу съ настоятельною просьбой выслать каймакаму какъ можно скорѣе командорскіе знаки св. Станислава, и я самъ удостоиваюсь переписывать эту бумагу, на которой въ одномъ мѣстѣ стоитъ даже и таинственный значокъ...

Бумага отправлена въ Петербургъ прямо черезъ Тріестъ, а копія послана въ Арту Бакѣеву, для утѣшенія каймакама, которому перевели ее по-турецки, на словахъ, конечно, а не письменно.

— Благодарю! Благодарю! — восклицалъ каймакамъ внѣ себя отъ волненія. — Это честь! Это честь!.. Благодарю... Напишите господину Благову, что я ему вѣчный другъ и слуга.

Итакъ всѣ были довольны: духовенство наше, каймакамъ, не только артскіе, но и янинскіе христіане, самъ Благовъ, Шерифъ-бей и вся семья его; отецъ Арсеній былъ донельзя радъ и приходилъ поздравлять Благова; Коэвино кричалъ «Zito!» Гайдуша перепрыгивала отъ одной сосѣдки къ другой съ этою пріятною вѣстью... *Бѣлый и красный*, помнившій времена Али-паши и Байрона, старикъ Мишо качалъ головой и говорилъ, стараясь сдѣлать страшное лицо.

— Говорю я, что этотъ консулъ мужчина, я говорю это давно!

Было только два человѣка, которыхъ смущало нѣсколько это всеобщее торжество.

Эти два человѣка были Исаакидесъ и я. Мечты о конфискаціи имѣній, домовъ и мельницъ Шерифъ-бея становились менѣе осуществимыми съ той минуты, какъ тайное содѣйствіе Шерифа дало Благову возможность удовлетворить общественное мнѣніе грековъ.

Рѣшившись писать тебѣ всю правду, я не хочу скрывать отъ тебя и того, что въ этомъ первомъ столкновеніи патріотическихъ чувствъ съ личными интересами въ молодой душѣ моей... не то, чтобы превозмогли послѣдніе, но они охладили нѣсколько мою радость... Неслыханный еще дотолѣ въ эпирскихъ городахъ смѣлый и праздничный звонъ православнаго колокола раздавался вѣдь не въ самой же Янинѣ, близко отъ меня... Онъ въ дальней Артѣ призываетъ вѣрующихъ къ молитвѣ. Я могъ только воображать этотъ звонъ и, воображая, повторять за другими: «Zito, Россія! молодецъ Благовъ!..» Повторять я повторялъ это и очень часто повторялъ, и съ жаромъ, повидимому, и съ убѣжденіемъ даже...

Но... я не долго вытерпѣлъ и поспѣшилъ къ Исаакидесу, чтобъ узнать, радуется ли онъ.

Да, и онъ радовался, но былъ и лучъ сомнѣнія...

Неужели Гайдуша была права? Неужели все сбудется по ея предсказанію и Благовъ броситъ бумаги Исаакидесу «въ морду»?

Я пришелъ къ Исаакидесу.

Г. Вамвакосъ былъ опять тутъ. Онъ стоялъ въ пріемной предъ зеркаломъ и расчесывалъ себѣ гребешкомъ жидкіе волосы.

Исаакидесъ показался мнѣ задумчивѣе обыкновеннаго.

Впрочемъ онъ улыбался и не слишкомъ унывалъ.

— Вотъ, господинъ Одиссей, — сказалъ онъ мнѣ, — надо намъ всѣмъ радоваться, — въ Артѣ звонили въ колоколъ.

— Да, — отвѣчалъ я, — каждый православный эпиротъ будетъ отнынѣ возсылать теплыя мольбы къ небу за здравіе и долголѣтіе господина Благова.

Исаакидесъ продолжалъ:

— Паша ничего не хотѣлъ помочь ему; но помогли другіе турки... Ты слышалъ?

— Слышалъ, — сказалъ я и опустилъ глаза.

— Труднѣе намъ будетъ теперь,—сказалъ Исаакидесъ.— Господинъ Благовъ очень благороденъ, и я боюсь, что онъ не станетъ теперь стѣснять тѣхъ турокъ, которые ему помогали... Кто знаетъ, что онъ объ этомъ думаетъ... Что ты скажешь, господинъ Одиссей?

— Почемъ я знаю! — отвѣчалъ я, пожимая плечами.

Я подумалъ въ эту минуту: не сказать ли мнѣ Исаакидесу, что консулъ зоветъ его мошенникомъ вовсе не въ шутку и нисколько не уважаетъ его?.. Но мнѣ показалось, что это было бы низко съ моей стороны, и я не сказалъ ничего.

Вамвакосъ тогда вдругъ повернулся къ намъ и сказалъ:

— Господинъ Исаакидесъ! вы напрасно говорили мнѣ давеча, что не надѣетесь принудить русскаго консула начать дѣло ваше съ этимъ туркомъ до возвращенія господина Полихроніадеса. Я берусь его выпудить... Я докажу ему категорически, что онъ не правъ... Если вамъ угодно, я представлюсь ему какъ аѳинскій адвокатъ, и, конечно, одно слово «Аѳины» уже подѣйствуетъ на него электрически. Эти русскіе аристократы имѣютъ только одинъ военныя наклонности, а въ законовѣдѣніи и вообще въ наукѣ слабы. Человѣку, который подобно мнѣ изучилъ всѣ кодексы, не трудно будетъ подавить его глубиной моихъ свѣдѣній.

— Не разсердился бы онъ на меня,—сказалъ Исаакидесъ.

— Необходимы пріятные пріемы! — возразилъ Вамвакосъ, поднимая глаза кверху, — я привыкъ вращаться въ высокомъ свѣтѣ и постараюсь позолотить ему эту пилюлю.

На это Иссакидесъ ему ничего не отвѣтилъ, но, провожая меня въ сѣни, онъ постарался снова оживить мои надежды.

— Пусть Вамвакосъ поговоритъ съ Благовымъ... Это не вредитъ, — сказалъ онъ мнѣ. — Но у меня есть и другое средство расположить консула къ уступчивости... Я ему

покажу сегодня же такую *фигуру*, что онъ восхитится! Ты увидишь самъ... Тахиръ-Аббасъ-бей, врагъ убійцы Джеффера, здѣсь въ городѣ... Я его приведу сегодня въ консульство... Я въ Чамурьѣ былъ, Одиссей мой, и дѣло мое знаю хорошо... будь покоенъ!

Я ушелъ домой, размышляя такъ:

— Нѣтъ, видно не надо терять еще надежды!..

Увы! на мигъ только, на одинъ краткій мигъ я могъ опять съ веселіемъ думать, что «колоколъ» и «мельница», Богъ и Маммонъ, духъ православія и моя личная плоть, гордость отчизны и богатство семьи моей, ничуть не помѣшаютъ другъ другу... И *фигуру* Тахиръ-бея Исаакидесъ показалъ Благову, и Вамвакосъ приходилъ въ консульство съ намѣреніемъ подавить консула своею образованностью и законовѣдѣніемъ... но все напрасно!

Исаакидесъ, правда, въ Чамурью не даромъ ѣздилъ, какъ ты поймешь позднѣе... Онъ все развѣдалъ, все узналъ; онъ даже сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ приказалъ и позволилъ ему Благовъ... Но что жъ изъ этого?..

Тахиръ-Аббасъ пришелъ. Онъ не былъ похожъ ни на нѣжнаго романическаго злодѣя и врага своего Джеффера, ни на добраго и мягкаго, но неопрятнаго и по-европейски одѣтаго Шекира. Тахиръ ростомъ былъ очень высокъ, очень плечистъ; былъ и румянъ; все у него было крупно и страшно; усы черны, густы и длинны; глаза выпуклы и почти безъ выраженія; носъ грубый и большой. Одѣтъ онъ былъ не такъ изящно, какъ Джефферъ въ тотъ день, когда проходилъ подъ балкономъ нашимъ, но все-таки очень хорошо: юбка его такая же была бѣлая, какъ юбки нашихъ кавассовъ, и цвѣтная куртка расшита золотомъ. Оружіе за золотымъ поясомъ было богато.

Казалось, онъ занялъ собою всю комнату, когда Исаакидесъ ввелъ его въ нашу канцелярію... Мнѣ стало страшно на него смотрѣть.

Тахиръ едва-едва отвѣтилъ на наши съ Бостанджи поклоны и посидѣлъ нѣсколько минутъ на диванѣ, пока Исаакидесъ поспѣшилъ самъ наверхъ доложить Благову.

Бостанджи тотчасъ подалъ ему папироску и уголекъ изъ мангала.

Бей закурилъ и продолжалъ сидѣть молча, ни разу не измѣняя ни позы, ни выраженія лица. Самая легкая улыбка благодаренія и привѣтствія не озарила его каменнаго лица, когда Бостанджи подалъ ему папироску.

Я все время, подъ разными предлогами, не садился при немъ. Такъ онъ былъ страшенъ... Наконецъ Тахиръ промолвилъ слово:

— Вы мѣстный человѣкъ, яніотъ?—спросилъ онъ у Бостанджи.

Бостанджи поспѣшно отвѣчалъ ему, что онъ изъ Константинополя.

— Очень хорошо... Радуюсь...—сказалъ бей, и опять ни слова.

Къ счастію Исаакидесъ очень скоро пришелъ за нимъ и со всевозможными комплиментами повелъ его къ Благову.

Любопытно до-нельзя было видѣть вмѣстѣ и какъ бы въ союзѣ этого дикаго и прекраснаго, если хочешь, въ своей народной грубости феодальнаго азіатскаго воина, одѣтаго такъ чисто и хорошо и едва грамотнаго; и нашего подобострастнаго и униженнаго горожанина-грека, корреспондента эллинскихъ газетъ, въ его отвратительной, неряшливой одеждѣ à la franca, съ этими висячими и кривыми усами, съ сальнымъ воротникомъ и старою шляпой въ рукѣ...

Тахиръ-Аббасъ просидѣлъ у Благова около часу и, все такъ же важно, такъ же безстрастно и гордо озирая все стеклянными и выпуклыми глазами своими, спустился съ лѣстницы и ушелъ въ сопровожденіи двухъ слугъ, ожидавшихъ его въ сѣняхъ.

Мы переглянулись съ Бостанджи-Оглу, когда Тахиръ-Аббасъ исчезъ изъ глазъ нашихъ, и сказали другъ другу.

— Ну, это бей! Это арнаутъ! Избави насъ Боже!

А Бостанджи прибавилъ еще:

— Ахъ, я бы всѣхъ такихъ помучилъ хорошенько, если

Турція падетъ, чтобъ они всѣ приняли христіанство!.. Какіе бы они воины для насъ были!..

Я же воскликнулъ:

— Какъ бы они насъ съ тобой прежде не помучили! Смотрѣть даже непріятно...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ я не забылъ и того, что мнѣ шепнулъ Исаакидесъ: «надо угодить консулу, а тамъ увидимъ... Я покажу ему такую *фигуру*...»

И вотъ *фигура* показана...

Что будетъ дальше... Не подѣйствуетъ ли теперь краснорѣчіе г. Вамвакоса на умягченіе сердца молодого честолюбца? Вѣрно, онъ очень радъ, что такой страшный бей пришелъ къ нему на поклонъ...

Послѣ полудня пришла почта: принесли бумаги отъ начальства, пришли русскія газеты. Г. Благовъ пошелъ въ канцелярію и сѣлъ на диванѣ разбирать все это. Мы съ Бостанджи-Оглу переписывали статистику на зеленыхъ столикахъ.

Консулъ, читая, чему-то улыбался про себя; потомъ кинулъ Бостанджи нѣсколько бумагъ и сказалъ ему весело:

— Посмотри, мы съ тобой что надѣлали. Я забылъ въ разсѣянности подписать имя свое подъ нѣсколькими бумагами, а ты такъ и отправилъ. Теперь начальство вернуло ихъ и бранитъ меня.

И онъ отдалъ ему бумагу изъ министерства со строгимъ выговоромъ за небрежность. Это его болѣе позабавило, чѣмъ смутило. И онъ не сталъ даже и укорять Бостанджи за то, что тотъ не напоминаетъ ему.

Потомъ онъ сталъ читать газеты и сообщилъ намъ, что еще нѣсколько партій польскихъ повстанцевъ разбито наголову.

— Еще пощечина этой Европѣ! — сказалъ онъ.

Въ это время доложили, что пришелъ г. Вамвакосъ, аѳинскій законникъ.

— Кто? Кто? — повторилъ Благовъ съ изумленіемъ.

— Одинъ законникъ, — сказалъ Ставри.

— Ну, зови законника сюда, — отвѣтилъ консулъ.

Вамвакосъ былъ и здѣсь все такъ же счастливъ и развязенъ, какъ и въ пріемной Исаакидеса.

Благовъ принялъ его, какъ всѣхъ: всталъ медленно, не спѣша подалъ ему руку, сухо пригласилъ сѣсть и, помолчавъ немного, спросилъ съ преднамѣренною нерѣшительностью въ голосѣ: «Вы по дѣлу... извините... или...»

— Господинъ консулъ, — закатывая глаза къ небу, сладостно и быстро залепеталъ Вамвакосъ: — я столько слышалъ объ имени вашемъ, что счелъ за самый пріятный долгъ явиться къ вамъ и преподнести вамъ выраженіе моего почтенія. Ваша популярность между эллинами Эпиро-Ѳессалійскихъ странъ слишкомъ извѣстна вамъ самимъ, чтобы мнѣ было нужно многословіемъ утомлять просвѣщенное вниманіе ваше... Никакая жалоба, никакой, такъ-сказать, интересъ не руководилъ мной при этомъ посѣщеніи моемъ... Дружба моя съ господиномъ Исаакидесомъ, драгоманомъ вашимъ, который исполненъ къ вамъ любви и преданности, я надѣюсь, будетъ достаточною рекомендаціей меня въ вашихъ глазахъ...

Благовъ на все это не отвѣчалъ ни слова. (Я украдкой взглянулъ на лицо его, чтобы понять, какое впечатлѣніе производитъ на него это бѣглое риторское вступленіе, мнѣ, впрочемъ, показавшееся прекраснымъ и завиднымъ, и увидалъ, что по лицу Благова чуть-чуть пробѣгаетъ что-то знакомое мнѣ и насмѣшливое.)

Помолчавъ консулъ спросилъ:

— Вы изъ Аѳинъ?

Рѣчи Вамвакоса полились опять потокомъ... «Я воспитанникъ Аттической Всенаучницы»... и лились, и лились, и головка качалась на тонкой шеѣ, и качалась, и качалась...

Благовъ все молчалъ. Молчалъ онъ четверть часа, молчалъ двадцать минутъ.

Вамвакосъ все изливался, все пѣлъ очень краснорѣчиво, но однообразнымъ и скучнымъ голосомъ...

Благовъ не возражалъ ему ни слова и, не мѣняясь въ лицѣ, глядѣлъ на него гостепріимно и покойно.

Наконецъ Вамвакосъ сказалъ:

— Впрочемъ, быть можетъ, я пришелъ не во-время... У васъ есть спѣшныя дѣла... Я вижу столько газетъ и бумагъ предъ вами.

Тогда Благовъ всталъ и, очень любезно улыбнувшись ему, отвѣчалъ:

— Если хотите, это правда... Я очень занятъ...

Вамвакосъ, который ожидалъ, что его будутъ удерживать, покраснѣлъ, поклонился и ушелъ.

Когда за нимъ затворилась дверь, консулъ спросилъ:

— Какъ это воробей называется по-гречески?

Бостанджи сказалъ: «Споргити».

— Вотъ головка маленькая, какъ у споргити...

Мерзавецъ Бостанджи залился звонкимъ хохотомъ, не понимая, что этотъ неуспѣхъ Вамвакоса огорчилъ меня. И этого мало: онъ не только хохоталъ, но онъ даже и сказалъ консулу нѣчто для насъ съ Исаакидесомъ очень вредное.

Онъ сказалъ такъ:

— Господинъ консулъ, вы не думайте, что этотъ Вамвакосъ такъ просто приходилъ; это его Исаакидесъ навѣрное подослалъ, чтобы съ вами объ его тяжбѣ поговорить... Онъ ему, видите, другъ и законникъ...

— Я ужъ почти догадался, — сказалъ Благовъ.

Мы все писали; консулъ все читалъ газеты. Никто не приходилъ. Наконецъ пришелъ самъ Исаакидесъ. Вѣроятно онъ узналъ, что изъ бесѣды его аѳинскаго друга съ консуломъ ничего не вышло, и былъ немного задумчивъ.

Помолчавъ онъ доложилъ консулу о событіяхъ дня, о которыхъ онъ только что успѣлъ узнать, и между прочимъ о томъ, что христіанъ турки сгоняютъ изъ селъ дѣлать дорогу и не только денегъ имъ не платятъ, но и хлѣба за это, кажется, не даютъ; сказалъ еще, что паша все нездоровъ, не можетъ сегодня выходить изъ гарема, и докторъ безпрестанно ходитъ къ нему; наконецъ, повременивъ еще, началъ было такъ съ заискивающею улыбкой:

— Вы приказали напомнить вамъ о дѣлѣ въ тиджаретѣ...

— О какомъ дѣлѣ? — притворно спросилъ Благовъ.

— О моемъ дѣлѣ, значитъ... съ Шерифомъ...

— Нѣтъ, я передумалъ, — сказалъ спокойно и даже печально консулъ. — Я не буду возобновлять его...

Воцарилось на минуту молчаніе. Они поглядѣли другъ на друга. Исаакидесъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ. Даже губы его шевельнулись сказать что-то, но не сказали.

У Благова блеснули глаза опять столь знакомою уже мнѣ радостью злого тріумфа. Но и онъ не сказалъ ничего. Немного погодя Исаакидесъ взялъ дрожащею рукой свою скверную шляпу и, поклонившись почтительно, вышелъ изъ канцеляріи.

Благовъ едва отвѣтилъ на его страдальческій поклонъ. И тѣмъ разговоръ этотъ кончился. Консулъ потомъ довольно долго сидѣлъ на диванѣ, читая русскія газеты и не говоря никому ни слова. Мы съ Бостанджи-Оглу прилежно писали.

Потомъ Благовъ бросилъ газету, потянулся и сказалъ, обращаясь къ Бостанджи-Оглу:

— Вотъ въ газетахъ нашихъ пишутъ всякій вздоръ. Описываютъ, напримѣръ, какъ мошенники обманываютъ порядочныхъ людей. Это не ново. Занимательнѣе было бы описать, какъ иногда порядочный человѣкъ... проводитъ мошенника. Бостанджи, какъ сказать по-гречески «порядочный человѣкъ»?

Бостанджи отвѣтилъ выраженіемъ въ буквальномъ смыслѣ, означающимъ «человѣкъ какимъ должно быть».

Благову это не понравилось.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—это не то! Порядочнымъ человѣкомъ еще можно себя назвать въ веселый часъ... Но какъ сказать про себя «человѣкъ какимъ должно быть!» Это слишкомъ высоко и непристойно. И какимъ это *именно* человѣкомъ надо быть... еще вопросъ... Одиссей, ты вѣдь ученый мужъ; когда вырастешь совсѣмъ, придумай и публикуй для этого новое эллинское слово...

Но я остался глухъ къ этой благосклонной шуткѣ. Пророчица Гайдуша! Оракулъ, Пиѳія Гайдуша! Радуйся!.. «Ко-

гда повѣсятъ колоколъ, Благовъ броситъ бумаги Исааки-десу въ морду, и до выгодъ твоего отца ему дѣла нѣтъ». Радуйся! Радуйся, вѣдьма!

Я вспомнилъ кстати и слова киры-Параскевы, матери бея: «Развѣ онъ хорошій человѣкъ? Развѣ онъ добрый? Нѣтъ, онъ человѣкъ жесткій и недобрый».

Теперь кира-Параскева находитъ его, вѣроятно, очень добрымъ; а я не согласенъ съ ней!

Да! пока эта жесткость, эта паликарская, дерзкая хитрость, молча хвастливая... Эта сіяющая нѣмымъ тщеславіемъ предпріимчивость касалась другихъ, а не меня, и не отца моего, котораго я такъ жалѣлъ и котораго я съ такимъ блаженствомъ увидалъ бы, наконецъ, въ Загорахъ (или хоть въ близкой отъ Загоръ Янинѣ), на покоѣ, задумчиво и кротко бесѣдующимъ о старинѣ и о нынѣшнихъ дѣлахъ въ тѣни платана, до-тѣхъ поръ эта хитрость, молодечество, эта веселая рѣзвость никого не щадящая мнѣ казались прекрасными!.. Но едва лишь эти самыя свойства обратились на меня самого и затронули въ одно и то же время и самыя корыстныя, и самыя священныя сыновнія чувства мои... такъ я вмѣсто любви и благоговѣйнаго страха почувствовалъ къ консулу какую-то ненависть и отвращеніе, и самый страхъ мой сталъ страхъ *не хорошій*, а дурной... Эти самые сѣрые, сарматскіе глаза, большіе, весело пожирающіе, показались мнѣ наглыми и безстыдными, они надоѣли мнѣ... опротивѣли...

И я отвернувшись продолжалъ молча писать, думая про себя:

«Нехорошій онъ человѣкъ!.. Не люблю я его больше!.. Какъ онъ противно гордится! Какъ онъ любитъ огорчать людей!..»

X.

Нѣтъ! Нехорошій онъ человѣкъ! Недобрый! Почему жъ, не разобравши еще внимательно дѣла съ Шерифъ-беемъ, онъ спѣшитъ отъ него отказаться? Почему онъ такъ

радъ всегда, когда кому-нибудь болыо: Исаакидесу или Бакѣеву, Бостанджи-Оглу или мнѣ?..

И какъ это онъ въ самомъ дѣлѣ непріятно расширяетъ все глаза свои, какъ левъ, веселясь на ужасъ добычи!.. Извольте видѣть, «онъ московскій бей»! Онъ не любитъ купцовъ!.. Это онъ доктору сказалъ; и докторъ передалъ турку, чтобы тотъ не боялся и чтобы хлопоталъ о колоколѣ въ Артѣ — для чего? Все для *его* же прославленія!..

Онъ только доктору по дружбѣ сказалъ... Чѣмъ онъ бѣдный виноватъ, что докторъ передалъ кому слѣдуетъ!..

Знаемъ мы, знаемъ! Мы тоже что-нибудь да понимаемъ, потому что греки всегда были великаго и тончайшаго ума люди!.. Насъ обмануть невозможно, даже и знаменитой этой великорусской дипломатіи!.. Знаемъ мы, что вы турку самому хорошему ничего неприличнаго для православной политики не скажете, а сдѣлаете все искусно... Но и мы, во славу Божію, тоже не слѣпы!..

Купцовъ не любитъ! Отца моего значитъ тоже не любитъ... Отца моего, который такъ боготворитъ Россію и такъ хвалитъ его, мальчишку, богатаго и судьбой обласканнаго... Отца моего дорогого!.. Хорошо!.. Похвально это!.. Предпочитать распутнаго пьяницу бея (хотя бы и не злого) почтенному, сѣдому руссофилу Полихроніадесу...

Но, однакоже, колоколъ этотъ... Слава имени православнаго...

Но, спросимъ себя, однако, еще и о томъ: православный ли *онъ* человѣкъ? и насколько?..

Несториди славится у насъ умомъ и ученостью и о сборникахъ его упоминали даже недавно въ Германіи; онъ можетъ судить.

Вѣдь и Несториди тоже очень радъ, что колоколъ повѣсили въ Артѣ, и онъ тоже находитъ, что все это было сдѣлано ловко; но отчего же онъ при мнѣ, въ отвѣтъ на возгласы по этому поводу Бакыръ-Алмаза и другихъ болѣе его довѣрчивыхъ людей о православіи Благова, принялъ плутовато-суровый видъ, который онъ принималъ, когда хо-

тѣлъ язвительно пошутить надъ чѣмъ-нибудь, и только головой покачалъ.

Сказалъ бы, напримѣръ, православный человѣкъ то, что̀ Благовъ еще вчера говорилъ доктору, сидя съ нимъ на балконѣ?

Я тутъ уже не случайно слышалъ отрывки ихъ бесѣды, какъ тогда, когда они ходили вмѣстѣ по залѣ и говорили что «страна наша прекрасна, но что въ ней иногда задыхаешься»; что «мать и кухарка» можетъ быть и «не женщиной»!.. Нѣтъ, на этотъ разъ я, движимый любознательностью, взялъ книжку учебную въ руки и сѣлъ невинно на диванѣ въ столовой, нарочно, чтобъ услыхать отъ нихъ что-нибудь новое, тонкое, европейское... Они и не замѣтили меня, и разговоръ былъ для меня истинно новъ.

Уста Коэвино источали сладчайшій медъ. Онъ хвалилъ хорошее супружество.

— Пріятно,—говорилъ онъ,—увидать около себя, пробудившись поутру, уснувшее честнымъ сномъ покорное вамъ и любящее существо!.. Существо, которому вы можете безъ стыда и боязни довѣрить всѣ сердечныя движенія ваши...

Такъ говорилъ докторъ съ большимъ чувствомъ; я слушалъ эти рѣчи его, и каждое слово его находило самый живой отзывъ въ сердцѣ моемъ... Не этими ли самыми чувствами жили мои родители? Не ими ли дышала семья моего загорскаго наставника Несториди, только съ виду, облекавшаго ихъ суровостью? Не о такой ли жизни пріучали и меня рано мечтать окружающіе меня почтенные люди, восхваляя нескончаемымъ и дружнымъ хоромъ кроткихъ и покорныхъ, добрыхъ и вѣрныхъ супругъ?.. Докторъ потомъ началъ говорить о прогулкахъ вдвоемъ за городъ съ доброю женой, о радости при рожденіи дѣтей...

Безумца умудрилъ на этотъ разъ Господь, и рѣчь его была такъ искренна, такъ горяча и трогательна, что она дѣйствовала на меня даже гораздо глубже, чѣмъ подобныя же похвалы честному браку, которыя произносилъ отъ времени до времени отецъ мой, всегда мимоходомъ и отрывочно, или слова Несториди, котораго лицо даже было не-

способно выразить какое бы то ни было нѣжное чувство. Не удивительно ли это?..

Безумецъ былъ мудръ въ этотъ день; а досточтимый, мудрый не по лѣтамъ, искусный защитникъ православія и возноситель колоколовъ во славу имени христіанскаго, помолчавъ довольно долго и не подозрѣвая, вѣроятно, до чего внимательно ждутъ его отвѣта юношескія уши мои за дверьми балкона, отвѣчалъ ему, безумцу, на эти трезвенныя рѣчи его рѣчами... ужасными (другого эпитета я *тогда* не нашелъ для этого страннаго отвѣта).

— Нѣтъ!—сказалъ Благовъ медленно, печально и задумчиво,—нѣтъ!.. Я очень завидую вамъ, докторъ, что вы можете любить подобную жизнь и утѣшаться такими картинами... Для меня, къ несчастью, это непостижимо. Эта фамильярность, эта близость. Эти какія-то права какой-то женщины на меня!.. Этотъ неопрятный, отвратительный сонъ въ одной комнатѣ!.. Эти смѣшные разъѣзды съ визитами вмѣстѣ... «Вотъ, смотрите всѣ: мы мужъ и жена!..» Я не могу безъ отвращенія видѣть какого-нибудь умывальника общаго въ супружескомъ домѣ. Я не знаю, какими роскошными и раззолоченными чертогами надо окружить себя, чтобъ эта проза была сносна для меня!.. Къ тому же я не влюбчивъ, и какъ скоро любовь принимаетъ какой-то нѣжный характеръ, такъ я кромѣ отвращенія ничего не чувствую!..

— Послушайте,—возразилъ Коэвино,—но если вы въ горести, въ болѣзни... Кто! О кто лучше женщины усмотритъ за вами.

Благовъ засмѣялся.

— Когда я боленъ, я люблю повернуться лицомъ къ стѣнѣ и никого не видать. На что̀ мнѣ жена въ эти минуты, когда я кромѣ ненависти и скуки ничего не нахожу въ себѣ? Не для того ли (тутъ смѣхъ Благова сталъ какимъ-то сатанинскимъ), не для того ли, чтобъ она видѣла меня въ такую именно минуту, въ которую я жалокъ и безсиленъ? Не лучше ли обыкновенный слуга, нанятый за деньги? Или старая сидѣлка, которая уже утратила всякій половой ха-

рактеръ. Нѣтъ! болѣзни и недуги—это только новый поводъ ненавидѣть бракъ... Я говорю, поймите, не про учрежденіе брака, не объ этой нравственной такъ сказать конскрипціи, которую требуетъ отъ насъ общественный строй. Я говорю лишь о себѣ самомъ. «Да идетъ мимо меня сія чаша!» А учрежденіе я самъ защищать готовъ, хоть съ оружіемъ въ рукахъ. Есть люди, которые ненавидятъ молочную пищу, но изъ этого не слѣдуетъ, что надо перебить всѣхъ коровъ или перестать доить ихъ. Пусть это во мнѣ развратъ и порокъ. Но я имъ доволенъ для моихъ личныхъ нуждъ и вкусовъ.

Я не могъ видѣть сквозь стѣну, что̀ дѣлалось въ это время съ лицомъ Коэвино; я слышалъ только, что стулъ его стучалъ и двигался не разъ, я слышалъ, что онъ пытался не разъ прервать Благова горячимъ возгласомъ: «А *я!* а *я!* ха, ха! Je vous comprends, mais *moi!*» Но Благовъ, всякій разъ ударяя звонко рукой по желѣзной рѣшеткѣ балкона, говорилъ: «pardon, je vais finir» и, возвышая свой рѣзкій голосъ, опять медленно и систематически продолжалъ.

Они говорили еще долго, и я долго ихъ слушалъ съ изумленіемъ. Коэвино уже давно согласился со всѣмъ, все уступилъ, опять сталъ безумцемъ, опять хохоталъ и сказалъ даже такъ:

— Après tout, la meilleure femme du monde, c'est la femme d'autrui.

И Благовъ... Благовъ отвѣтилъ на это... Какъ бы ты думалъ, что̀?

— Да, пожалуй... если только это не надолго. А если привязаться и привыкнуть къ этой чужой женѣ и если мужъ при этомъ не ревнивъ, не опасенъ, равнодушенъ, какъ у насъ въ Россіи, напримѣръ, равнодушны мужья, то и это становится очень подло и гадко!

Нѣсколько секундъ послѣ этого молодой консулъ помолчалъ и потомъ вставая сказалъ доктору:

— Подождите, я вамъ прочту одно стихотвореніе.

Съ этими словами онъ показался въ дверяхъ балкона.

Я закрылъ себѣ лицо моею книжкой; но такъ, что могъ видѣть его немного. Благовъ, замѣтивъ меня, сначала какъ будто удивился и сказалъ:

— Ты здѣсь?

Потомъ прибавилъ послѣ минутнаго колебанія (ахъ! какъ бы дорого я далъ, чтобы знать, что онъ думалъ обо мнѣ въ эту минуту? Не подумалъ ли онъ, что при мнѣ не надо читать эти стихи?):

— Поди, у меня на столѣ развернутая желтая книжка...

Я принесъ желтую книжку, и Благовъ, возвратясь на балконъ къ доктору, прочелъ ему съ большимъ чувствомъ нѣсколько французскихъ стихотвореній, изъ которыхъ одно я запомнилъ легче, потому что оно было очень просто, но поразительно.

Adieu, Suzon, ma rose blonde
Qui fut à moi pendant huit jours...
Les courts plaisirs de ce monde —
Font souvent les meilleurs amours!
.....
Paff! C'est mon cheval qu'on apprette...

Какъ онъ громко, какъ страстно читалъ эти простые стихи (и какъ скоро, увы! привыкъ и я въ обществѣ русскихъ цѣнить такую простоту!).

Нагнувшись немного въ сторону на диванѣ, я могъ видѣть лицо Благова. Я видѣлъ красивое движеніе прекрасной руки его. «Paff! c'est mon cheval qu'on apprette!» Я видѣлъ хорошо строгій профиль его немного длиннаго и блѣднаго лица, лица даже слишкомъ строгаго и властительнаго для его возраста. (Ему вѣдь было всего еще двадцать шесть лѣтъ.)

Докторъ слушалъ. И его я видѣлъ. Его голова вздрагивала, смуглое лицо было томно, глаза задумчивы.

Благовъ остановился и сказалъ серьезно, такъ серьезно, какъ будто бы дѣло шло о родинѣ или вѣрѣ:

— Вотъ идеалъ жизни! «Paff! c'est mon cheval qu'on apprette».

Докторъ потомъ сказалъ:

— Молодые французы XVIII вѣка имѣли обычай восклицать и даже писали на стѣнахъ такого рода правила: «Шпага дворянская должна быть всегда готова на защиту Бога, короля и любовницы».

Разговоръ этотъ длился между ними два часа, я думаю, пока, наконецъ, кто-то проходившій по улицѣ не поклонился имъ и, остановясь подъ балкономъ, не прервалъ ихъ разговора извѣстіемъ, что Рауфъ-пашѣ опять немного получше, что онъ сталъ выходить.

Я послѣ этого покинулъ свой уголокъ поученія и ушелъ. Но, Боже мой! Никакая рѣчь, никакое чтеніе дотолѣ не поражали меня такъ, какъ поразили эти слова Благова.

«А таинство? Таинство брака?—думалъ я долго, долго еще послѣ этого.—Отчего же ни тотъ, ни другой не упомянули ни разу о смертномъ грѣхѣ? О священныхъ заповѣдяхъ Божіихъ? О страшной карѣ загробной? О томъ, какъ святые отцы, учителя наши, говорили, что изъ всѣхъ злыхъ духовъ самый отвратительный, даже *по виду*, это демонъ плотскаго грѣха, и милая личина, которую принялъ онъ на этой землѣ, назначена лишь для того, дабы лучше скрыть тѣ отвратительныя свойства, которыя таятся подъ нею!»

Мнѣ хотѣлось не разъ выйти на балконъ и сказать имъ:

— Простите, господа мои, вы забыли одно... вотъ то-то и вотъ то-то!

И потомъ что̀ за жестокость и къ себѣ, и къ другимъ!.. Отчего же ненавидѣть нѣжность такъ уже искренно и глубоко? Зачѣмъ такъ презирать благодушный уходъ юной... или хоть бы и не юной супруги... Что̀ за холодное, что̀ за желѣзное сердце...

Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!.. Онъ мнѣ чужой, онъ не *нашъ*, не *мой*, не близкій сердцу... Онъ только повелитель мой... Онъ не отецъ, не братъ, не другъ... Онъ господинъ господствующій. Онъ чуждый богъ, сошедшій на мигъ въ нашу простую среду, надъ которой онъ паритъ высоко несытымъ сердцемъ и гордою мыслью!..

И опять, опять вспомнилъ я прощальныя слова отца моего у дверей горнаго хана, гдѣ я въ послѣдній разъ,

со слезами провожая его опять на Дунай, поцѣловалъ его десницу. Вотъ эти слова:

«Ходи въ хорошіе дома, бери въ нихъ полезные примѣры благородства и образованности, а отъ того, что̀ твоему возрасту непристойно и что̀ несообразно со строгою нравственностью добраго православнаго, отъ того устраняйся... Вотъ тебѣ мое слово отеческое. Я сказалъ, а ты это помни!»

Но гдѣ же эти предѣлы подражанія? Предѣлы поученія? Гдѣ этотъ критеріумъ познанія блага и зла?.. Какъ уловить эти измѣнчивые и незримые предѣлы моему уже смущенному молодому уму, когда великіе мудрецы всѣхъ временъ были несогласны другъ съ другомъ въ начертаніи ихъ?..

«Бери примѣры благородства»... сказалъ отецъ...

Но вотъ Бостанджи-Оглу разсказываетъ, будто бы этотъ самый Благовъ получилъ года два тому назадъ въ наслѣдство отъ дяди своего восемь тысячъ русскихъ рублей и прожилъ ихъ въ одинъ мѣсяцъ въ отпуску, въ Россіи, говоря, что «обезпечитъ его такая небольшая сумма по его понятіямъ не можетъ, а память хорошую подобный мѣсяцъ оставитъ ему на всю жизнь»... Восемь тысячъ рублей!.. Для меня это цѣлая жизнь... Цѣлый міръ еще недостижимый, но понятный... Для меня это хорошій домъ въ Загорахъ, это торговля бессалійскимъ хлѣбомъ или рыбой и русскою икрой на Дунаѣ; чистый расчетъ съ заимодавцами утомленнаго отца, для меня это бракъ счастливый, это первый камень большой торговой или даже банкирской конторы въ Галатѣ, въ Галацѣ, въ Смирнѣ, Букурештѣ...

Куда же онъ прожилъ эти деньги? На *гетеръ*, на театры, на огромные *бакшиши* какимъ-нибудь слугамъ, чтобъ они льстили и притворно угождали ему...

Школу ли онъ воздвигъ на родинѣ своей для просвѣщенія тѣхъ порабощенныхъ русскихъ съ «рубашкой наружу», которыхъ я еще въ первомъ дѣтствѣ моемъ видалъ на Дунаѣ и о которыхъ даже во всеобщей географіи для руководства въ греческихъ училищахъ пишутъ такъ: «просто-

людины русскіе грубы и порабощены, тогда какъ благородный классъ Россіи весьма образованъ».

На что́ же онъ прожилъ эти деньги? На что́? Бостанджи смѣется моему ужасу и моему удивленію и говоритъ:

— Развѣ эти *благородные* русскіе знаютъ счетъ деньгамъ?..

Что́ жъ, не этому ли благородству подражать мнѣ?.. Не расточительности ли мнѣ учиться?..

Или не тому ли, о чемъ говорилъ Коэвшо... на балконѣ, во всемъ такъ охотно и быстро уступая Благову... «Un gentilhomme doit avoir son épée toujours prête pour defendre son Dieu, son roi et sa *maitresse...*"

Sa maitresse! Да! а не законную свою супругу... Или не внимать ли съ любовью Благову, когда онъ законный бракъ, согласный, дружный, исполненный нѣжной и твердой довѣренности, зоветъ *отвратительною вещью* и съ такою гордостью любуется своею порочностью... И, говоря такъ долго о бракѣ, сравнивая его съ необходимымъ, принудительнымъ наборомъ солдатъ, ни разу не упомянуть о христіанскомъ освященіи его, при которомъ все становится такъ ясно, такъ хорошо, такъ понятно. Да! безъ этой дальней, безконечно дальней, но глубокой музыки, то кротко-усладительной, то грозно-звучащей гдѣ-то и откуда-то о загробномъ вѣнцѣ и загробной ужасной и нестерпимой карѣ,— быть можетъ и правда, что пѣсня брака была бы скучна и суха для иныхъ.

Для иныхъ,—я говорю тебѣ теперь, но въ то время, когда солнце жизни только что начинало восходить для меня, я другого идеала не зналъ!

Счастливый бракъ съ красивою и не бѣдною дѣвушкой, которая бы меня любила и боялась, какъ должна жена бояться мужа, вотъ о чемъ я думалъ еще въ Загорахъ. Переступить въ свое время, во время подобающее, мирно и неспѣшно порогъ привѣтливаго *гинежея*, хозяиномъ благосклоннымъ, но строго-ревнивымъ о своей чести, не понижая себя ни на пядь общественно, но поднимаясь этимъ союзомъ еще выше, если только можно. Вотъ что снилось мнѣ и наяву!

И когда я видѣлъ на улицѣ не доросшихъ еще до заключенія *) дочерей архонтовъ нашихъ, когда онѣ, потупивъ очи, спѣшили въ женское училище съ книжками въ рукахъ въ сопровожденіи служанокъ, то я, какъ ястребъ, разводящій по воздуху высокіе круги, выбиралъ иногда въ ихъ толпѣ съ улыбкой мою будущую добычу, въ одно и то же время любуясь на ихъ нѣжную юность и считая золото ихъ отцовъ.

И когда подобная дѣвушка, когда такой херувимъ невинный и пугливый будетъ покорно подходить ко мнѣ за повелѣніемъ и цѣловать при другихъ мою супружескую руку осторожно и почтительно, какъ цѣлуютъ у іерея, а наединѣ обниметъ меня и назоветъ такъ свободно и смѣло: «Одиссей мой! мой мальчикъ милый! Очи мои, Одиссей!..» И когда надъ нимъ дотолѣ ни съ той ни съ другой стороны неоскверненнымъ ложемъ нашимъ будутъ летать незримо, благословляя насъ, свѣтлые ангелы Божіи (такъ не разъ пророчила мнѣ мать моя, убѣждая меня хранить цѣломудріе). Неужели же это такая отвратительная, такая скучная вещь, какъ говоритъ Благовъ?

О, нѣтъ! О, нѣтъ! Онъ мнѣ чужой... И я не знаю, чему мнѣ учиться у него, кромѣ того развѣ, чтобы руки были очень чисты, чтобы рѣчь была смѣла и умна въ собраніяхъ людей и чтобы европейское платье было сшито по модѣ у лучшаго портного на берегахъ Босфора или Невы.

Это конечно все мнѣ очень нравится! Но понравится ли это отцу? Вотъ вопросъ. Отецъ самъ одѣвается некрасиво и вовсе не по модѣ, хотя и довольно опрятно, но не говорилъ ли онъ при мнѣ столько разъ:

— Не въ многоцѣнныхъ и «мягкихъ» одеждахъ виденъ смолоду хорошій хозяинъ и человѣкъ-дѣлецъ, а въ предпріятіяхъ и оборотахъ своихъ. Некогда трудящемуся и умному купцу смотрѣться въ зеркало и возлагать душистыя

---

*) Въ городахъ Эпира дѣвушекъ (высшаго круга особенно) перестаютъ показывать мужчинамъ со дня ихъ зрѣлости и до брака. Онѣ даже причащаются ночью, и мужчинъ въ церковь тогда не пускаютъ.

умащенія на голову свою... Будутъ деньги у тебя, такъ и въ старой одеждѣ ты будешь всякому нуженъ...

И, глядя на то, что происходило вокругъ меня, я видѣлъ, сколько въ этомъ было правды. Кавассъ Маноли и милый Кольйо сіяли чистотой; Маноли даже щеточкой чистилъ себѣ ногти, какъ европеецъ, и въ то же время при княжеской роскоши восточной одежды казался гораздо великолѣпнѣе самого Благова, но они оба, и Кольйо и Маноли, стояли у дверей или подавали варенье, чубуки и кофе, а богатый Куско-бей, котораго грязный и блестящій отъ грязной ветхости сюртукъ и меня неопытнаго съ перваго раза непріятно удивилъ, Куско-бей сидѣлъ небрежно на диванѣ рядомъ съ Благовымъ и шопотомъ бесѣдовалъ съ нимъ о высшихъ силахъ восточной политики.

Чему подражать, о Боже! И у кого чему мнѣ учиться!

Такъ я гнѣвался тогда на Благова и такъ вдругъ строго и спѣшно началъ судить его. Но тебя, мой другъ, я объ одномъ прошу, не спѣши ты карать его, не принимай слишкомъ горячо къ сердцу и мои тогдашніе интересы... Благовъ былъ во многомъ лучше меня. И я во многомъ, въ очень многомъ былъ вовсе неправъ!

V.

Я КУПЕЦЪ!

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОДИССЕЯ ПОЛИХРОНІАДЕСА, ЗАГОРСКАГО ГРЕКА. *)

I.

Прошло не болѣе трехъ недѣль послѣ отъѣзда русскаго консула г. Благова въ Превезу. Мы съ новымъ драгоманомъ, нашимъ почтеннымъ и добрымъ Вроссо, жили тихо и мирно: я въ консульскомъ домѣ, онъ въ своемъ. Каждый день онъ приходилъ съ утра въ канцелярію и спрашивалъ, не случилось ли чего.

Но ничего особеннаго не случалось, и я охотно и прилежно, не отвлекаемый ничѣмъ, предавался моимъ учебнымъ трудамъ.

Написалъ я отцу на Дунай и матери въ Загоры письма, въ которыхъ извѣщалъ ихъ о томъ, что г. Благовъ сдѣлалъ меня чиновникомъ своей канцеляріи; зато, находя, что отсутствіе отца моего длится слишкомъ долго, онъ назначилъ Вроссо первымъ драгоманомъ, а Бостанджи-Оглу вторымъ.

Едва только я успѣлъ написать это, какъ отъ отца моего пришло мнѣ тоже письмо, очень запоздалое.

Онъ писалъ мнѣ, что онъ возвратится въ Эпиръ скоро, что на Босфорѣ его задержали хлопоты у знакомыхъ па-

*) Послѣднія три главы изъ воспоминаній Одиссея Полихроніадеса напечатаны были въ Русскомъ Вѣстникѣ 1882 г. № 8. *Ред.*

шей и важныхъ фанаріотовъ все по тому же безконечному дѣлу съ болгарскимъ извергомъ Петраки-беемъ и что ему больше всѣхъ помогъ другой болгаринъ, нѣкто Вельковичъ, «очень благородный и образованный человѣкъ, презирающій Петраки-бея» (такъ писалъ отецъ). Онъ приказывалъ мнѣ также успокоить г. Благова, передавъ ему извѣстіе о скоромъ его возвращеніи, и *горячо* извиниться предъ его превосходительствомъ въ просрочкѣ, «вынужденной тяжкими обстоятельствами и неравною борьбой съ безправіемъ и съ подкупностью турецкой администраціи». Исаакидесу отецъ приказывалъ сказать по-турецки:

«Явàшъ! Явàшъ, эпси оладжàкъ!»*) И наконецъ, обращаясь собственно ко мнѣ, онъ приказывалъ мнѣ немедленно выпросить въ Портѣ одного или двухъ жандармовъ и ѣхать съ ними въ село Джамманда́ (неподалеку отъ нашихъ Загоръ) и собрать непремѣнно тѣ сто двадцать золотыхъ лиръ, которыя уже шесть лѣтъ должны намъ крестьяне этого села и все не платятъ, притворяясь несостоятельными. «Тѣ небольшія деньги, которыя тебѣ необходимы на наемъ верховой лошади, на содержаніе жандармовъ и лошадей ихъ въ пути и для награды самимъ туркамъ этимъ за труды ихъ, ты можешь занять у кого-нибудь отъ моего имени и потомъ, заѣхавъ въ Загоры, взять у матери и заплатить немедленно долгъ».

Я обратилъ особенное вниманіе на слѣдующія слова моего родителя: «Господина консула тебѣ совсѣмъ не слѣдуетъ безпокоить этимъ дѣломъ; это дѣло частное наше. Его превосходительство и безъ того обремененъ высшими заботами, а ты турецкій подданный, и сходи къ Сабри-бею въ *паша-капуси* и отнеси ему мое прилагаемое письмецо, въ коемъ я его горячо прошу о помощи намъ противъ этихъ хитрыхъ сельчанъ. Онъ тебѣ дастъ жандармовъ. А мнѣ деньги очень нужны, ты самъ это понимать уже можешь, и торговые обороты мои тебѣ уже давно понятны и отчасти извѣстны. Теперь имѣю значительный заказъ

---

*) *„Потихоньку, потихоньку, все придетъ!“*

изъ Константинополя зернистой русской икры чрезъ дунайскихъ липованъ получить, и въ сроки деньги необходимы. А если встрѣтишь какія препятствія, самъ поймн. Ты ужъ не дитя безсмысленное, а скоро ужъ мужъ будешь. Не теряйся и не посрамись. Наука необходима, но неизбѣжна для тебя и практическая жизнь. Глаза мои то лучше, то хуже опять, и недавно произошло такое расширеніе лѣваго зрачка, что я думалъ совершенно потерять зрѣніе въ лѣвомъ глазѣ. Однако пока многомилостивый Господь, не по грѣхамъ воздавая, избавилъ меня. А если буду кривой — это еще хорошо; будучи же на оба глаза незрячимъ, какъ я прокормлю семью и защищу ее отъ грабителей да и отъ защитниковъ турецкихъ, которые дороже обходятся самихъ враговъ. Петраки-бей требуетъ небывалый долгъ, а сельчане дѣйствительнаго долга мнѣ не платятъ, и въ Тульчѣ и здѣсь въ Стамбулѣ безъ *рюшвета**) очень трудно. И все состояніе наше не прочно. Ты долженъ также знать, что я и самъ въ Янинѣ долженъ около 20.000 піастровъ и прекрасный домъ твоей матери въ Янинѣ, въ которомъ теперь живетъ г. Леси, можетъ быть попущеніемъ Божіимъ вынуждены будемъ продать; ибо я не хочу стать неоплатнымъ банкротомъ и безчестнымъ человѣкомъ предъ лицомъ людей. Все это я желалъ сообщить тебѣ, чтобы ты зналъ и былъ разуменъ, дитя мое бѣдное... Увы! что дѣлать, сынъ мой. Мое положеніе въ твои годы было много хуже твоего и труднѣе. Ты обитаешь въ домѣ россійскаго императорскаго агента на *аджемскихъ келимахъ* **), и дѣтство свое и первую юность провелъ подобно архонтскому дѣтищу. Я же въ твои года тяжкія ноши носилъ, какъ простой хамалъ, ситцы и сукна изъ лавочки хозяина по домамъ, и, какъ сирота одинокій, перенесъ много и презрѣнія и побоевъ. Однажды очень сильно меня по щекамъ прибили на улицѣ турецкіе молодцы безъ причины и повода, а лишь изъ глумленія одного надъ христіанствомъ,—

---

*) *Взятка.*

**) На *персидскихъ коврахъ.*

и я даже защищаться не могъ, ибо на спинѣ у меня было множество товара, подъ которымъ я, при палящемъ зноѣ полудня, согбенный шелъ въ гору, обливаясь потомъ. Не такъ начинаешь ты животъ свой... И ты это разсуди все не какъ мальчишка, а какъ мужъ. Многіе наши загорцы въ девятнадцать лѣтъ уже сами супругами и отцами становятся».

Оканчивая это длинное письмо, отецъ еще разъ повторялъ: «*А г. консула, какъ я говорю, этимъ дѣломъ по сбору денегъ съ сельчанъ ты не тревожь напрасно;* не обременяй его, который такъ намъ благодѣтельствуетъ, что и въ домъ свой тебя удостоилъ какъ младшаго брата допустить! Сабри-бей все сдѣлаетъ».

Письмо это меня и обрадовало, и тронуло глубоко, и испугало, и превознесло... Отецъ скоро будетъ! радость... Какъ его обижали еще смолоду люди, какъ его потнаго и согбеннаго подъ ношей негодяи турки били по лицу— жалко! Состояніе наше непрочно, и я долженъ помнить, что завтра, завтра отецъ несчастный ослѣпнетъ, и я... я... мальчишка долженъ буду немедленно захватить въ руки кормило нашего уже надломленнаго судна и управлять имъ въ страшныхъ и тяжкихъ пучинахъ житейскаго океана... Это очень страшно!!.. Очень страшно...

А гордость моя была польщена и порученіемъ собрать деньги, и тѣмъ, что отецъ уже считалъ меня почти *мужемъ* и писалъ мнѣ такъ дружески и такъ довѣрительно...

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ чувствъ я воспрянулъ какъ львенокъ и далъ себѣ слово собрать деньги съ лукавыхъ селянъ и доставить ихъ страдальцу-родителю моему раньше, чѣмъ онъ, бѣдненькій, ожидаетъ...

Мужество! мужество! Одиссей!.. Умъ и энергія! Пусть Несториди не скажетъ больше никогда обо мнѣ: «Ну, какой Одиссей купецъ!.. Купецъ долженъ быть умный, мошенникъ, молодецъ... А ты учитель какой-то...» Покажу я тебѣ учителя!

Благову не говорить? Но его и нѣтъ въ городѣ; достаточно будетъ сказать г. Вроссо.

Увидимъ...

Теперь бѣгу къ Сабри-бею...

Все покидаю! Книги, тетрадки закрыты... Забытъ образъ черноглазой цыганочки моей... благоуханіе развращенной, но милой «горькой травочки» сердечной моей... далеко! далеко улетѣло, разсѣялось суровою и благодушною, серьезною и честною рѣчью любимаго отца...

Бѣгу къ Сабри-бею... бѣгу...

Къ тому же... быть можетъ... и узнаю какъ-нибудь... ну.... какъ-нибудь.... какъ придется,—не прогнѣвался ли на меня паша за то, что я еще *тогда, прежде карнавала*, хотя мигъ пытался ѣсть *бокомъ* при немъ, или за то, что не могъ ѣсть... и убѣжалъ какъ дикій человѣкъ изъ-за просвѣщенной трапезы... Дьяволъ самъ разберетъ всѣ эти трудности и хитросплетенія человѣчества... А разбирать, однако, очень необходимо и даже неизбѣжно!.. Вотъ *белась**) гдѣ!

Прихожу въ Порту. Вхожу въ тѣ большія, холодныя сѣни, гдѣ ждутъ всегда просители; гдѣ стоятъ у дверей стражи и жандармы; чрезъ которыя изъ одинѣхъ завѣшанныхъ теплою занавѣской дверей въ разныя другія двери, тоже завѣшанныя, перебѣгаютъ посланцы, проходятъ чиновники туда и сюда, возбуждая всегда движеніе въ толпѣ, большее или меньшее, смотря по званію и силѣ проходящаго...

Вхожу и вижу разныхъ людей съ бумагами въ рукѣ и безъ бумагъ, кто сидитъ на полу, кто на ступенькахъ лѣстницы, кто стоитъ у стѣны. Нѣкоторые воины и стражи сидятъ на скамеечкахъ. Ходитъ продавецъ бубликовъ съ лоткомъ для проголодавшихся людей; кафеджи готовъ подать кофе (за деньги) кому угодно...

Смотрю, кому бы сказать, что я къ Сабри-бею, чтобы послушался и скорѣе доложилъ. Къ счастію, вижу, сидитъ тотъ самый серьезный, тихій, но твердый турокъ, который

---

*) *Белась!* Этимъ турецкимъ словомъ христіане часто выражаютъ свое безпокойство. Какъ у насъ: *бѣда!*

почти годъ тому назадъ, когда я еще былъ несравненно глупѣе и необразованнѣе, защитилъ меня отъ бѣшеной Гайдуши, тотъ самый благодѣтельный воинъ, который вынудилъ меня благословить хоть на мгновенье позорное иго иновѣрныхъ...

Его звали Гуссейнъ-ага...

Я немножко сробѣлъ, подходя къ нему, потому что толстые и длинные усы его стояли и въ бока и впередъ довольно грозно, но укрѣпился духомъ и сказалъ ему искательно:

— Гуссейнъ-ага мой.... Благоволите доложить... Сабри-бею, что я имѣю до него весьма нужное дѣло. Я сынъ русскаго драгомана Полихроніадеса...

Гуссейнъ-ага все равнодушно и мрачно спросилъ:

— Сабри-бей?..

Я говорю: «Да-съ... Гуссейнъ-ага мой... Ваше благородіе... потрудитесь...»

Гуссейнъ-ага всталъ не спѣша (онъ прежде почти презрительно оглядѣлъ меня съ головы до ногъ), приподнялъ занавѣску на одной изъ дверей, и я слышалъ, какъ онъ, просунувъ голову туда, сказалъ грубымъ голосомъ:

— Йоргàки-Полúкроноса мальчикъ желаетъ притти. Слово имѣетъ сказать... Можно....

И, обернувшись опять назадъ, Гуссейнъ-ага сказалъ мнѣ:

— Иди!

Я вошелъ.

Сабри-бей провожалъ въ эту минуту къ дверямъ одного пожилого, очень худого и какъ будто сердитаго турка въ зеленой чалмѣ и синей очень опрятной одеждѣ...

Я слышалъ конецъ ихъ разговора: «Такъ это невозможно?» спрашивалъ сердитый турокъ, какъ бы сдерживая гнѣвъ. Сабри-бей вѣжливо, тонко, искательно отвѣчалъ ему:

— Невозможно, эффенди мой, это никакъ невозможно. Теперь совсѣмъ другіе порядки... Я очень радъ бы былъ услужить вамъ, но въ изгнаніе нельзя человѣка за два слова послать....

— Невозможно! — повторилъ турокъ мрачно (казалось, что ему большого труда стоило не изругать, не проклясть, не избить Сабри-бея). — *Намъ* невозможно, а гяурамъ *судитамъ* *) все возможно...

— Это не наше дѣло, эффенди мой; на это есть трактаты съ иностранными девлетами...—съ улыбкой ничѣмъ непобѣдимой дипломатіи возразилъ Сабри.

— Эй в'аллахъ!—сказалъ эффенди уходя и кланяясь.

Онъ направился къ двери и, проходя мимо меня, взглянулъ на меня такъ грозно, что я не зналъ куда скрыться. Но это впечатлѣніе тотчасъ же исчезло, когда я остался одинъ съ ласковымъ Сабри.

Онъ посадилъ меня около себя съ улыбкой; распечаталъ письмо отца тоже съ улыбкой; съ улыбкой взглядывалъ чрезъ письмо на меня; читая, пріятно качалъ головой, повторяя: „пекъ эй! пекъ эй!“ Потомъ задумался... Потомъ, когда въ концѣ письма дошелъ до того мѣста, гдѣ ему иносказательно обѣщалъ отецъ деньги по окончаніи дѣла, сдѣлался серьезенъ и старался скрыть сладкое волненіе, которое овладѣло имъ... И даже слегка вздохнулъ, когда, сложивъ письмо и обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Я очень люблю вашего отца! Очень умный и добрый человѣкъ... *Пекъ эй адамъ!* Пекъ vertueux, honorable!.. И для компаніи самый пріятный человѣкъ, и въ дѣлахъ очень умный... Я очень жалѣю, что онъ лишился должности русскаго драгомана. Г. Благовъ прекрасный молодой человѣкъ, высокой образованности, но онъ немного горячъ, и другіе люди имѣютъ на него вредное для дѣлъ вліяніе...

Потомъ помолчавъ Сабри-бей сталъ вглядываться, все съ улыбкой же и не выпуская моей руки, въ мою новую европейскую одежду и смѣясь воскликнулъ:

— Теперь вы европеецъ! И прекрасно! Вы очень хорошо сдѣлали, что одѣлись такъ. При положеніи вашего отца и живя въ русскомъ консульствѣ вамъ неприлично быть одѣтымъ какъ *бизирьянъ* *) съ базара. Вѣдь я правду го-

*) Иностраннымъ подданнымъ.

**) Разносчикъ, мелкій торговецъ.

ворю? — спросилъ онъ вкрадчиво и провелъ слегка своими тонкими пальцами по моей щекѣ.

— А! — воскликнулъ Сабри-бей. — «Нѣжный пухъ айвы» уже начинаетъ покрывать ваши щеки...

Дальше впрочемъ онъ этого разговора «о пухѣ айвы» не продолжалъ и, принявъ снова дѣловой и серьезный видъ, сказалъ:

— Успокойтесь! Успокойтесь! Дѣло отца вашего—дѣло правое, и онъ очень хорошо сдѣлалъ, что обратился прямо къ намъ. Я это вамъ все устрою...—И ударилъ въ ладоши.

Вошелъ Гуссейнъ-ага.

— Отведи г. Одиссея къ Мустафа-бею (это былъ начальникъ заптіе), ему нужны завтра двое заптіе конныхъ въ село Джамманда́...

Гуссейнъ вышелъ.

Тогда, ободренный лаской Сабри-бея, я рѣшился просить его, чтобъ этотъ именно Гуссейнъ былъ однимъ изъ назначенныхъ мнѣ въ помощь заптіе... Я надѣялся на его солидность и его усы. Сабри-бей воскликнулъ: «съ радостью, съ радостью!» и, пославъ меня догнать и вернуть Гуссейна, написалъ къ кому-то записку, отдалъ ее Гуссейну, а самъ сказалъ мнѣ, что пойдетъ доложить обо всемъ пашѣ и Ибрагиму, приказывая мнѣ дождаться въ сѣняхъ.

Уходя изъ комнаты, онъ еще разъ остановился и сказалъ мнѣ:

— Когда кончишь все это дѣло, заходи ко мнѣ, дитя мое, заходи ко мнѣ въ домъ... Я всегда радъ видѣть такого милаго и благороднаго юношу...

Онъ сказалъ это по-гречески и такъ звучно и пріятно: «Эвгени́с неаніàс» *), что я былъ внѣ себя отъ радости.

Я поблагодарилъ и обѣщалъ непремѣнно притти благодарить его, но прибавилъ:

— Я боюсь, эффенди, что эти люди сельскіе денегъ не отдадутъ. Они такіе варвары и такіе хитрые...

---

*) Благородный юноша!

— Заптіе ихъ принудятъ отдать, не бойся, — сказалъ Сабри-бей. — Я скажу Гуссейну, чтобъ онъ былъ посердитѣе, и можно будетъ и въ тюрьму нѣкоторыхъ взять...

Такъ успокоивъ меня, Сабри-бей вышелъ вмѣстѣ со мной въ большія сѣни и ушелъ къ пашѣ; а я остался въ сѣняхъ и ждалъ.

Я былъ очень доволенъ и ходилъ взадъ и впередъ между просителями, женщинами и солдатами, осторожно, почтительно изрѣдка взглядывая на занавѣску паши, за которою скрылся Сабри.

Вдругъ раздался подъ открытыми окнами конскій топотъ и легкій шумъ колесъ по песку двора...

Иные изъ просителей подошли къ окнамъ, подошелъ и я. У каменныхъ ступеней подъѣзда стояла коляска паши и конники, которые должны были сопровождать его куда-то, кто на играющей лошади, кто спѣшась окружали экипажъ... Взбѣжалъ на лѣстницу молодой офицеръ... Скорыми шагами вошелъ на минуту къ пашѣ, тотчасъ вышелъ опять и далъ знакъ рукой изъ окна...

Солдаты всѣ бросились на лошадей... Черные кони въ коляскѣ рвались....

Занавѣска вдругъ приподнялась высоко, и паша вышелъ слегка кашляя и придерживая рукой кривую саблю.

Хотя онъ былъ ростомъ малъ и худъ, и старъ, и нездоровъ, и невзраченъ... но онъ былъ *паша*...

И я тотчасъ же ощутилъ его присутствіе по нѣкоему особому полубоязливому, полупраздничному содроганію моихъ глубочайшихъ внутренностей....

Все въ сѣняхъ вскочило на ноги, все поднялось мгновенно, глухой шопотъ разговора умолкъ, и все какъ бы застыло въ почтительномъ молчаніи...

Рауфъ-паша проходилъ чрезъ сѣни, отвѣчая слегка рукой на поклоны иныхъ, но ни на кого не глядя. Я стоялъ уничтожаясь, однако около лѣстницы, на самомъ пути его... Уничтожаясь, я все-таки желалъ быть на виднымъ мѣстѣ...

Я боялся лишь настолько, что желалъ видѣть обязательную боязнь мою замѣченною; я трепеталъ, но трепетъ мой

не заглушалъ моей тщеславной жажды привлечь на себя хоть мимолетный взглядъ властелина...

И Рауфъ-паша увидалъ меня...

Онъ вдругъ остановился.

— Ты сынъ Полихроніадеса, бывшаго русскаго драгомана? — спросилъ онъ не сердясь.

Я сказалъ: — Я, паша-эффендимъ, точно сынъ его...

— Ты просилъ жандармовъ въ село Джамманда́?

— Я просилъ, эффендимъ, — отвѣчалъ я притворно умоляющимъ голосомъ...

— Я велѣлъ Гуссейну и другому ѣхать съ тобой завтра... Они взыщутъ деньги...

Потомъ, поглядѣвъ еще на меня, онъ улыбнулся слегка и спросилъ:

— Можешь ты запомнить то, что я тебѣ скажу, и написать объ этомъ г. Благову въ Превезу?

— Я постараюсь, паша-эффенди мой... — сказалъ я, чувствуя, что у меня вырастаютъ крылья и что и умъ мой, и память, и всѣ силы души моей становятся вдругъ гораздо острѣе...

— Слушай же, — продолжалъ паша весело, — напиши г. Благову, что онъ проигралъ пари, той книжки я еще не нашелъ, онъ знаетъ; но найду и пришлю; но я въ другомъ мѣстѣ нашелъ то, о чемъ мы говорили: «Не Сіамекъ убилъ Дива, а сынъ его Хушенгъ». Такъ у Фирдузи... Не забудешь? Скажи, какъ я сказалъ.

Я повторилъ уже безъ страха, а стремительно и весело: «Не Сіамѐкъ убилъ Дива, а сынъ его Хушенгъ. Такъ у Фирдузи»...

Я видѣлъ, что за спиной паши Сабри-бей ободрялъ меня улыбкой.

— Аферимъ! — сказалъ паша. — А кто такой Фирдузи?

Я сказалъ: — Оттоманскій стихотворецъ, паша-эффендимъ.

— Аджемскій, фарсійскій, — сказалъ паша и пошелъ садиться въ коляску.

А я... А я?..

Я ушелъ домой спокойный...

Что́ мнѣ было больше нужно?.. Чѣмъ я не дѣльный, полезный сынъ, еще съ «пухомъ айвы» на щекахъ; я умѣю уже помогать отцу и открывать себѣ путь къ самымъ могущественнымъ лицамъ въ мірѣ...

Пусть Несториди узнаетъ все это! Будетъ онъ говорить другой разъ: «Какой ты купецъ. Ты такъ — учитель какой-то!» Посмотримъ!

О томъ, что «не Сіамекъ убилъ Дива, а сынъ его Хушенгъ. Такъ у Фирдузи» я написалъ г. Благову тотчасъ же по возвращеніи домой очень обстоятельно и почтительно; потомъ попросилъ позволенія у Вроссо отлучиться будто бы прямо въ Загоры по дѣламъ отца; онъ разрѣшилъ, и на другое утро очень рано, только что первый румянецъ прекрасной Эосъ озарилъ нагую вершину Пинъядесъ, я вышелъ изъ консульства, сѣлъ на мула и закутанный въ бурку выѣхалъ изъ Янины въ сопровожденіи Гуссейнъ-аги и другого жандарма, рябого и довольно старого, который тутъ же погрозился шутя русскому консульству, и когда я спросилъ:

— За что́ ты, ага мой, русскому консульству грозишься? Онъ потрепалъ себѣ правую ногу и сказалъ:

— Болитъ. Одинъ казакъ подъ Силистріей саблей крѣпко ударилъ, *пезевенгъ* *) !..

Но сказалъ онъ это весело, какъ приличествуетъ воину, который съ удовольствіемъ вспоминаетъ о прежнихъ бояхъ своихъ, и замѣчаніе это нисколько не нарушало того веселаго и добраго расположенія духа, въ которомъ мы всѣ трое, мои тѣлохранители и я, выѣхали изъ города и небольшою рысцой пустились по гладкой и узкой долинѣ Яницкой, по которой еще разстилался утренній бѣлый туманъ.

---

*) Подлецъ.

II.

Другъ мой добрый, мнѣ бы не хотѣлось описывать тебѣ то, что́ мы сдѣлали въ селѣ Джамманда́...

Мнѣ непріятно и стыдно объ этомъ вспоминать... Но пусть тебѣ будетъ извѣстно все обо мнѣ; не только тѣ ошибки моей юности, которыя могутъ пробудить въ тебѣ симпатію и заставятъ тебя снисходительно и весело улыбнуться, но и тѣ поступки мои, которые возбудятъ въ тебѣ отвращеніе и гнѣвъ...

Да! Несториди ошибся!.. Я былъ купецъ, — я былъ «мошенникъ, извергъ», какимъ слѣдуетъ быть мужчинѣ, какъ онъ когда-то шутилъ... Или, сказать иначе, я даже не былъ изверг, я былъ тѣмъ Понтикопѐци, котораго Благовъ такъ безжалостно изгналъ однимъ лишь мановеніемъ руки... и который мнѣ самому казался довольно низкимъ и смѣшнымъ.

Я досталъ для отца тѣ сто двадцать золотыхъ лиръ. Чрезъ два дня послѣ моего пріѣзда съ турками въ село Джамманда́ австрійская почта везла уже на Босфоръ твердый и тяжелый *грузъ* *) зашитаго въ кожаный мѣшочекъ золота... Такой крѣпкій, круглый, плотный былъ этотъ *грузъ*...

И я былъ этимъ гордъ, и всѣ *свои* меня хвалили... И я считалъ себя правымъ и умнымъ...

Скорѣй, скорѣй!.. Я кончу это безъ подробностей...

Мы пріѣхали въ село Джамманда́ еще до полудня и зашли къ одному селянину не изъ лучшихъ. Я былъ не совсѣмъ спокоенъ и все просилъ Гуссейна быть построже.

— Успокойся! — говорилъ турокъ, — все сдѣлаемъ... Будутъ деньги!

— Они ужасно лукавы, эти люди!—говорилъ я ему о селянахъ.

— Не бѣда!—отвѣчалъ Гуссейнъ.

---

*) *Мѣшочекъ* для почты.

Гуссейнъ былъ вообще въ духѣ и прежде всего потребовалъ отъ хозяйки поѣсть чего-нибудь...

— Что у тебя есть?—спросилъ онъ

Хозяйка сказала, что ничего нѣтъ кромѣ хлѣба и *траханы* *).

Какъ не знать арнауту, что такое трахана!

Но Гуссейнъ притворился, что не знаетъ, и началъ разспрашивать, какъ она дѣлается. Хозяйка не вѣрила, что онъ не знаетъ, и смѣялась, но Гуссейнъ настаивалъ, и она говорила:

— Беру муки, просѣю...

— А потомъ?

— Потомъ... потомъ что...

— Да! потомъ что! говори, баба!

— Потомъ—тру...

— Трешь? Пекъ эи... А когда протрешь... тогда что?

— Сушить на солнцѣ буду...

— Въ чемъ терла, въ томъ и сушить понесешь...

— Нѣтъ, ага мой (она начинала хохотать), на полотнѣ.

— Видишь ты, какой трудъ! Небось полотно надо искать! Пока найдешь... пока принесешь... пока разстелешь... Когда, когда высохнетъ! А тамъ еще варить... Нѣтъ, знаешь что, баба, мнѣ жаль тебя... Это, бѣдная, для тебя слишкомъ трудно. А ты знаешь что? Возьми двухъ куръ... разъ-два головки имъ хвати и изжарь... Жарить, пожалуй, мы и сами будемъ. Надо тебѣ помочь...

Я ничего не сказалъ и денегъ за это не обѣщалъ; ибо у меня было ихъ вовсе мало, и я очень былъ радъ и самъ курицу съѣсть...

У хозяйки выраженіе лица измѣнилось, когда она поняла, къ чему клонилось комическая рѣчь Гуссейна... Куръ поймали, скоро изжарили, и мы поѣли...

А между тѣмъ комната наполнялась все больше и больше старшинами села, которые кланялись намъ и садились на

---

*) Искусственная крупа для супа.

полъ на рогожку, привѣтствовали насъ всѣхъ одними и тѣми же словами...

Прежде турокъ, а потомъ меня...

— Что дѣлаете? Здоровы ли? Пекъ эи! Благодарю... Что вы дѣлаете, здоровы ли вы... Пекъ эи...

Но довольно...

Кончилось тѣмъ, что мы поѣвши вышли всѣ подъ платанъ на площадку около церкви, и тутъ начались препирательства. Я, въ твердомъ сознаніи моей и отцовской правоты, показывалъ ихъ расписки и приказаніе паши... Гуссейнъ меня поддерживалъ словомъ, громовымъ голосомъ, угрозами... Просьбы, убѣжденія съ обѣихъ сторонъ... укоры... крикъ... Ты знаешь, какъ это бываетъ...

Эти соотечественники мои, эти эпироты сѣдые и молодые, усатые и безбородые, въ толстыхъ поношенныхъ синихъ безрукавникахъ и валеныхъ колпачкахъ... которыхъ я въ другое время такъ любилъ... теперь мнѣ стали ненавистны... Они были должны... отчего не хотятъ они платить? У нихъ есть крайнія нужды, положимъ; а у насъ развѣ нѣтъ души человѣческой, развѣ нѣтъ и у насъ нуждъ?.. Они должны платить бею, должны платить десятину, должны содержать семейства, должны другъ другу, можетъ быть. Все это такъ! Но развѣ мать моя и бабушка Евгенка, и Константинъ работникъ, и служанка Елена, и я самъ, и отецъ, развѣ мы хлѣба не ѣдимъ, развѣ насъ не грабятъ турки взятками и тѣмъ, что позволяютъ такимъ людямъ, какъ тульчинскій Петраки-бей взводить на отца небывалыя долговыя обязательства?.. Развѣ не предстоитъ отцу моему въ скоромъ времени переѣздъ въ Янину всею семьей и отдѣлка дома?.. Онъ долженъ разостлать ковры, напримѣръ, не покрыть же ему полы въ столицѣ вилайета, ему, драгоману императора русскаго, простою цыновкой домашней работы, какъ покрыты у нихъ въ хижинахъ полы... Варвары люди! Варвары! Развѣ не понимаютъ они, что я страдаю отчасти оттого, что у отца не достаетъ денегъ, чтобы послать меня въ университетъ въ Аѳины, Москву или Италію?.. Развѣ не долженъ и отецъ мой въ Янинѣ 20.000 піастровъ? Развѣ

не долженъ и онъ платить долги, чтобъ его уважали и чтобъ коммерческая честь его не была замарана и уничтожена дотла?..

Боже мой! Боже мой!.. Что за варвары, что за необразованные люди!.. Какъ еще мало школъ у насъ по дальнимъ селамъ, школъ, въ которыхъ они выучились бы понимать всю разницу между благороднымъ отцомъ моимъ... столь полезнымъ для родины, и ими, людьми простыми и ржавыми, которые кромѣ плуга и топора не знаютъ и не могутъ знать ничего!.. Иные изъ нихъ лгутъ, всѣ кричатъ, взоры ихъ свирѣпы.... то одинъ, то другой впередъ выступаетъ...

— Мы сами просить пойдемъ къ пашѣ,—говорятъ они.—Мы только что заплатили то-то и то-то въ казну!.. Что твой отецъ лопнулъ что ли?.. Издохъ съ голода онъ что ли...

— Не говори такихъ словъ; я тебѣ говорю, не говори такихъ словъ,—возражалъ я, уже выходя изъ себя.

— Не кричи!..—говорилъ Гуссейнъ одному...

— Молчи... Тише!—говорилъ я другому...

Но селяне не слушались и почти съ угрозами наступали на меня и на жандармовъ.

Я былъ въ негодованіи и въ страшномъ гнѣвѣ...

— Такъ вы не дадите теперь денегъ... Не дадите?..—сказалъ я:

— Не можемъ теперь,—отвѣчалъ твердо и сердито одинъ сорокалѣтній суровый мужчина.

Онъ стоялъ прислонясь къ низенькой оградѣ и, скрестя руки на груди, гордо смотрѣлъ на насъ... Лицомъ онъ былъ широкъ и мужественъ и немного похожъ на герцеговинца Луку Вукаловича, котораго карточки ходили у насъ по городу. Настоящее же его имя было Илья.

Безъ жандармовъ я бы не желалъ съ нимъ спорить...

— Не можете?—переспросилъ я еще разъ...

Илья сказалъ еще разъ, еще тверже, еще сердитѣе.

— Да, не можемъ...

— Паша васъ посадитъ въ тюрьму...

— Пускай... Есть Богъ!

Я утомился, отошелъ съ жандармами въ сторону и спросилъ:

— Гуссейнъ-ага! что мы будемъ дѣлать теперь?.. Я васъ прошу, постарайтесь, ага мой добрый... Я и вамъ и Изетъ-агѣ по одному наполеону дамъ съ великою радостью...

(Я хотѣлъ было обѣщать имъ по одной лирѣ турецкой, но моментально сообразилъ, что наполеонъ ходитъ много меньше, а видъ его все такъ же пріятенъ и даже лучше... съ портретомъ императора... Женамъ на серьги и ожерелья годится)...

Тогда Изетъ-ага въ первый разъ вмѣшался въ разговоръ и сказалъ:

— Надо ихъ побить, поучить немного...

Гуссейнъ подумалъ, собрался видимо съ духомъ и, подойдя вдругъ къ двумъ старикамъ, слегка толкнулъ ихъ рукой, приговаривая:

— Айда, айда, капитаны.... Довольно словъ пустыхъ... Соглашайтесь деньги сейчасъ собрать, или мы свяжемъ старшихъ и отведемъ въ тюрьму...

— И тамъ будутъ мучить васъ,—прибавилъ Изетъ-ага, обращаясь къ Лукѣ Вукаловичу.

— Мучить можно людей,—сказалъ Лука гордо и не смущаясь....

— Айда! айда!—сказалъ и ему Гуссейнъ-ага, дотрогиваясь до его плеча...

Но этотъ смѣлый человѣкъ дернулъ плечомъ и, отстраняя грубо Гуссейна рукой, воскликнулъ:

— Что жъ! э! вяжите! ведите въ тюрьму! Пытайте!.. Яйца горячія подъ мышку кладите!.. Уголья горячіе на голову кладите... Мы собаки... дѣло старое...

Но Изетъ-ага въ эту минуту кинулся на него и началъ бить его кулакомъ въ лицо.

Гуссейнъ обнажилъ саблю и кинулся тоже къ нему.

Кровь потекла у Ильи изъ носа и зубовъ по большимъ усамъ его.

Старики кинулись между Ильей и Изетомъ, умоляя Илью не поднимать рукъ на *царскаго человѣка*, не защищаться, и Изетъ-агу, умоляя смиренно простить и оставить его.

— Не бей, не бей... не бей, ага нашъ, не бей,—говорили старики.—Оставь его—мы соберемъ деньги... сейчасъ...

— Скорѣй! Сейчасъ!—закричалъ сердитый Изетъ, который вмѣшался поздно, но кончилъ все скорѣе мрачнаго, но, видно, болѣе добраго и осторожнаго Гуссейна.

Я былъ и смущенъ, и радъ, и испуганъ.

Толпа расходилась; Илья уходилъ тоже, молча и вытирая кровь съ лица и съ колючей небритой бороды своей. Изетъ-ага смѣялся.

Гуссейнъ молчалъ и крутилъ себѣ сигарку.

— Кончилось; теперь соберутъ, — сказалъ онъ, садясь на камень около церкви.

— Нѣтъ,—сказалъ Изетъ-ага.—Я пойду потороплю ихъ. Чтобъ они насъ до ночи не промучили здѣсь... Люди они очень хитрые.

Мнѣ кажется, что турки боялись немного, чтобы христіане, одумавшись и собравшись съ духомъ, не вернулись и не произвели сгоряча сами какого-нибудь насилія надъ нами.

Онъ ушелъ; и мы съ Гуссейномъ не слишкомъ долго ждали. Я рѣшился, подумавъ, спросить у Гуссейна:

— Не отомстили бы они мнѣ за это...

— Не бойся,—сказалъ Гуссейнъ такъ твердо и равнодушно, что и мнѣ въ душу влилъ успокоеніе.

Около вечерень старшины возвратились и отсчитали мнѣ тутъ же на церковной паперти ровно сто двадцать золотыхъ.

Руки и ноги мои дрожали отъ радости, не отъ корыстной радости (ибо я зналъ же, что завтра отправлю все это золото на Босфоръ), но отъ тщеславнаго восторга, отъ яснаго представленія отцовскихъ похвалъ и отцовскаго удовольствія.

Илья не пришелъ съ другими.

Ударили въ било къ вечернѣ, когда мы сѣли на нашихъ коней и выѣхали изъ Джамманды въ Загоры съ тріумфомъ.

Я безпрестанно схватывалъ рукой за боковой карманъ мой на груди въ трепетѣ за деньги, которыя такимъ тяжелымъ узломъ затянутыя въ носовой платокъ и обременяли, и восхищали меня въ одно и то же время.

— Да, мой другъ, мы выѣхали изъ этого села въ ту ми-

нуту, когда ударили въ било и когда священникъ сбирался читать въ церкви тотъ самый девятый часъ, въ которомъ взываютъ люди: «Иже въ девятый часъ насъ ради плотію смерть вкусивый, умертви плоти нашей мудрованіе».

Мы ѣхали подъ гору по узкой и ровной дорогѣ. Съ одной стороны около насъ крутою стѣной поднималась гора вся въ кустахъ, вся въ деревьяхъ, въ свѣтло-зеленой мелкой травочкѣ; по другую руку, въ глубокомъ оврагѣ, черезъ который былъ перекинутъ каменный полуразрушенный мостикъ на небольшой аркѣ, съ шумомъ бѣжалъ по большимъ камнямъ прохладный и чистый ручей. Нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока мы спустились и переѣхали осторожно мостъ, село исчезало за поворотами дороги и снова показывалось.

И каждый разъ, когда я снова видѣлъ въ зелени его хижины и крыши, покрытыя плитками мѣлового почернѣвшаго отъ ветхости камня, мнѣ становилось не стыдно (нѣтъ! я говорю, что я считалъ себя тогда правымъ по моимъ торговымъ понятіямъ), мнѣ становилось только страшно и жалко, когда я видѣлъ опять мысленными очами моими хозяйку, у которой мы съѣли двухъ куръ... священника въ короткой одеждѣ и шальварахъ, который возглашаетъ теперь: «Иже въ девятый часъ насъ ради плотію смерть вкусивый»... Илью, который утиралъ рукой струи крови, бѣжавшей по его суровымъ усамъ и по бородѣ давно небритой... и всѣхъ этихъ бѣдныхъ соотчичей своихъ.

Но когда я думалъ объ этомъ Ильѣ, о его страшномъ лицѣ, похожемъ на лицо страшнаго герцеговинскаго воеводы, я чувствовалъ еще больше боязни чѣмъ жалости.

Я былъ очень радъ, когда село совсѣмъ скрылось изъ вида и когда Изетъ-ага сказалъ:

— Поѣдемте поскорѣе. До хана еще четыре часа; надо до *акшама* *) поспѣть. А завтра будемъ у тебя въ домикѣ, Одиссей, въ Загорахъ. Айда, айда!

— Пой пѣсни,—сказалъ ему Гуссейнъ.

---

*) Ночь.

Изетъ запѣлъ пронзительнымъ голосомъ, и мы веселою иноходью побѣжали по мелкому камню.

— Айда.... айда... а!..—прерывая пѣсню свою, возбуждалъ насъ Изетъ.

Мы смѣялись и ѣхали еще шибче.

Мы смѣялись и пѣли. И звукъ мелкихъ камешковъ, пересыпавшихся подъ копытами коней нашихъ, веселилъ насъ. Ахъ!.. а въ селѣ... въ селѣ этомъ люди, конечно, несравненно болѣе достойные и уваженія, и счастья, чѣмъ я, мальчишка, и чѣмъ эти турки, сообщники мои,—эти люди быть можетъ теперь вздыхали или молились, или плакали... Или проклинали и меня, и отца, и начальство турецкое, которое всегда готово защищать того, у кого больше денегъ или больше силы въ городѣ, больше связей въ консульствахъ, больше *голоса* въ конакѣ губернатора.

Будь покоенъ, такія распри между христіанами—праздникъ для хитрыхъ и опытныхъ турецкихъ чиновниковъ. Или, лучше сказать, самый простой и не умный изъ нихъ по природѣ своей въ подобныхъ дѣлахъ становится ловокъ и догадливъ.

И паша, и Сабри-бей уже однимъ инстинктомъ вѣроятно, поняли, что «пусть старый Полихроніадесъ *платитъ намъ деньги* за то, чтобы сельскіе греки говорили потомъ: Вотъ какъ жестоко тѣснитъ насъ проклятый драгоманъ русскаго консульства!..»

А между тѣмъ все въ порядкѣ.

Должны же люди когда-нибудь и платить по своимъ распискамъ.

Кто правъ? скажи мнѣ. Кто неправъ... Мнѣ стыдно было описывать тебѣ этотъ подвигъ мой. Но, разъ дано общее *положеніе* дѣлъ въ этой паробощенной странѣ, скажи мнѣ, объясни, вразуми.... Что мнѣ было дѣлать... И не спѣши, ты вольный сынъ свободной Греціи, не спѣши казнить презрѣніемъ твоимъ или ненавистью юношу, воспитаннаго тѣмъ духомъ коммерческой, дѣловой настойчивости, безъ котораго христіанамъ невозможно было бы дышать тамъ, гдѣ для насъ, кромѣ лѣстницы, мощеной золотомъ,

невозможенъ иной путь ни къ почету, ни къ независимости, ни даже къ самымъ простымъ правамъ гражданина и человѣка.

Не спѣши ненавидѣть! Не спѣши презирать мою трудовую и трудную юность, ты, аѳинскій дѣятель мой, ты мой денстъ и демагогъ во фракѣ и тонкомъ бѣльѣ!..

Расцвѣтало и въ моей юности много розъ, и душистыхъ лилій весеннихъ въ ней было не мало, но перевиты были эти розы такими крупными терніями нужды, принужденій и заботъ! благоуханіе этихъ бѣлыхъ криновъ таило нерѣдко въ себѣ такой жесточайшій ядъ страха и раскаянія, унынія, огорченія и скуки!..

Мы подъѣзжали уже къ хану, гдѣ должны были ночевать, когда вдругъ услыхали за собой быстрый стукъ подковъ по камнямъ и увидали, что насъ нагоняетъ *сувари* *) и за нимъ крупною и смѣлою иноходью спускается съ горы незнакомый намъ европеецъ... Они мигомъ нагнали и обогнали насъ.... Сувари сказалъ: «Добрый часъ вамъ!» И европеецъ воскликнулъ тоже: «Добрый часъ! Добрый часъ!»

Онъ былъ не старъ и собой пріятенъ, съ круглою и короткою рыжею бородой. Сидѣлъ на лошади прекрасно и свободно; платье на немъ было модное, короткое, легкое не по времени, какъ у человѣка, который не боится весенняго холода. Сапоги высокіе со шпорами изъ лакированной кожи были въ грязи. На головѣ была у него низкая и круглая шляпа изъ твердаго чернаго войлока, какія только что начинали тогда носить.

Привѣтствуя насъ весело, онъ приложилъ къ полямъ шляпы длинный бичъ свой, намотанный на красивую рукоятку.

— Кто это?—крикнулъ не стѣсняясь тому сувари вослѣдъ нашъ Гуссейнъ.

Но европеецъ, не давъ времени отвѣтить, самъ обратился къ намъ весело и съ улыбкой закричалъ, поднимая прямо кверху бичъ: «Биръ Инглезъ! Айда! Добрый часъ!» И они скрылись быстро со стукомъ и молодецкимъ звономъ

---

*) Конный жандармъ.

подковъ за поворотомъ дороги къ Янинѣ, черезъ небольшое ущелье.

Это былъ новый англійскій консулъ, который ѣхалъ въ Янину на смѣну оригинальному старику Корбетъ де-Леси.

III.

Хочу я изобразить тебѣ, мой молодой другъ, пріѣздъ мой на родину въ Загоры... Хочу и колеблюсь не отъ бѣдности, а отъ полноты моихъ чувствъ! Я два раза садился за эту тетрадь и два раза оставлялъ ее. Мнѣ казалось невозможнымъ *заставить* тебя чувствовать то, что я тогда чувствовалъ самъ... А иначе зачѣмъ писать, если я не въ силахъ заставить тебя пролить слезу радости и вздохнуть съ тою глубиной и сладостью, съ которою вздыхаетъ смертный человѣкъ, «пришлецъ и пресельникъ» этой земли, въ тѣ рѣдкія и драгоцѣнныя минуты, когда душа его полна невинными, кроткимъ и мгновеннымъ счастіемъ...

Я хочу, чтобы ты не только понялъ, я хочу, чтобы ты помнилъ и любилъ, я хочу, чтобы ты видѣлъ все умственными очами издали такъ же ясно и картинно, какъ я вижу и теперь все это прошлое!

Я желаю, чтобы ты помнилъ безпрестанно, какъ помню я, что село Джудила стоитъ на правой рукѣ въ сторонѣ, когда ѣдешь къ нимъ во Франгадесъ, что высокіе обелиски его тополей видны издали; хочу, чтобы ты помнилъ не меньше моего, что въ этомъ селѣ Джудила окно какого-то домика посылало мнѣ прощальный свѣтъ, блистая на раннемъ закатѣ, когда около года тому назадъ мы покидали съ отцомъ родные Загоры...

Я хочу, чтобы ты не забывалъ ни на мигъ ту для меня столь милую подробность, что крыши домовъ въ Загорахъ не изъ красныхъ черепицъ съ полосками бѣлаго цемента, а всѣ изъ плитокъ мѣлового камня, бѣлаго и чистаго, когда онѣ новыя; я хотѣлъ бы, чтобы ты могъ вообразить себѣ хоть сколько-нибудь отлогія, округленныя высоты вокругъ

«пустыннаго Франгадесъ»... И колокольню нашу, огромную шестиугольную изъ темнаго камня башню, на которой, безъ страха турокъ, звонятъ колокола... И платанъ у церкви съ необъятною сѣнью, съ величавымъ шелестомъ, съ журчаніемъ прозрачнаго и холоднаго ключа у могучихъ корней его. И церковь нашу, безъ купола, правда, безъ главы, безъ внѣшнихъ украшеній, но обширную, богатую, пеструю и сіяющую позолотой внутри и пурпуровою краской деревяннаго рѣзного потолка.

Я бы желалъ даже, чтобы ты могъ изъ Аѳинъ видѣть, какъ я вижу отсюда съ Дуная, какими именно узорами идутъ за селомъ узкія тропочки, протоптанныя пастухами и козами по мягкому желтому склону безлѣсной горы. И этихъ козъ и черныхъ козлятокъ ихъ, взлетающихъ, играя, на вѣтки деревьевъ... И дубки, *прунари*, съ колючими листьями и крупными жолудями, которые растутъ на крошечномъ холмикѣ позади села, около пустыннаго маленькаго параклиса Божьей Матери *Широчайшей Небесъ*, возобновленнаго и украшеннаго благочестивымъ и добрымъ отцомъ моимъ на трудовыя деньги. Я бы желалъ даже, чтобы ты зналъ, который *прунари* побольше и который поменьше. (Я вѣдь помню даже, сколько ихъ, и какого цвѣта мохъ на нихъ, и *гдѣ* онъ именно.) Но развѣ это возможно? Развѣ можно тебѣ, по словамъ моимъ, вообразить эту картину во всей ея полнотѣ, отъ сіяющаго лазурнаго весенняго неба, до розоваго, милаго цвѣточка, который только что смиренно расцвѣлъ, ненаглядный мой загорскій цвѣточекъ, у старой каменной стѣнки въ углу!..

Нѣтъ! Передать перомъ и словомъ подобную картину, живущую въ бездонныхъ, непостижимыхъ нѣдрахъ души, не можетъ человѣкъ человѣку. Ты легче поймешь со всею силой симпатіи глубокія и священныя чувства мои, чѣмъ вообразишь себѣ именно тѣ самые предметы, при видѣ которыхъ кипѣли въ юномъ сердцѣ моемъ эти чувства.

И черные глаза Зельхи, и Благовъ, и паша, и роскошный консульскій домъ, и архонты, и турки, и почести, карьера, деньги, и лукавство, и грѣхи мои, и безумства Козвино, и

дурныя правила пріятнаго Бранковича, и окровавленное лицо мужественнаго Ильи, и кроткій, умиротворяющій призывъ церковный: «Иже въ девятый часъ насъ ради плотію смерть вкусивый», — все, все это было мною внезапно забыто, когда я тихо вступалъ веселымъ этимъ полуднемъ на каменныя плиты роднаго двора!

Все, все было забыто...

Я вошелъ: на дворѣ не было видно никого; было такъ тихо, что я слышалъ только звонкое журчаніе фонтана за нашимъ домомъ въ переулкѣ.

Мать моя была въ гостяхъ, Елена въ кухнѣ, бабушка Евгенко Стилова и Константинъ, севастопольскій воинъ, трудились въ саду.

Я вошелъ въ пустой домъ и отворилъ тихонько дверь въ ту небольшую пріемную съ двумя низкими и широкими красными софами по двумъ сторонамъ большого очага, о которой я писалъ тебѣ еще въ началѣ моей повѣсти.

Я увидалъ эту столь любимую еще въ раннемъ дѣтствѣ моемъ, комнату, въ которой я слышалъ столько вечернихъ разсказовъ у зажженнаго зимой очага, въ которой я засыпалъ на колѣняхъ у матери или въ объятіяхъ отца.

Я увидалъ всѣ три окна, большія и свѣтлыя, торжественно и празднично озаренныя солнцемъ, и полосы солнца этого на стѣнахъ и диванѣ. Увидалъ въ бѣлой стѣнѣ шкапчикъ съ зелеными и фіолетовыми треугольниками на дверцахъ и услыхалъ сильный запахъ прошлогодней айвы, которая рядышкомъ, рядышкомъ стояла вокругъ всей комнаты на зеленой узенькой полочкѣ, изогнутой къ угламъ на двухъ концахъ своихъ по обычаю...

На очагѣ тлѣлъ, догорая и чуть вспыхивая, одинъ огромный обрубокъ пня.

На диванѣ лежалъ забытый матерью чулокъ со спицами.

Около чулка кошечка съ желтыми глазами и съ обрубленнымъ хвостомъ (которую я оставилъ еще крошечнымъ котенкомъ) проснулась и приподнялась на лапкахъ спросонья, высоко, высоко изгибая спину, и смотрѣла на меня пристально.

Я постоялъ, поглядѣлъ и, вдругъ припавъ къ каменному краю очага, началъ плакать громко и цѣловать его.

Такъ застала меня служанка Елена и съ громкимъ крикомъ радости кинулась звать мать и бабушку.

Почти годъ!

Ты самъ хоть и моложе меня, но уже давно не безбородый юноша. Поэтому ты знаешь по опыту значеніе *одного года* въ подобный возрастъ жизни нашей...

Это вѣкъ!

И какой годъ? Вспомни!..

Что я видѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ прощался на послѣднемъ подъемѣ предъ спускомъ въ долину Янины съ тѣмъ *вечернимъ лучомъ* въ окнахъ загорскаго села?.. Что я видѣлъ? Что я слышалъ? Что я чувствовалъ! И сколько сдѣлалъ! Сколькому научился! Какихъ плодовъ познанія добра и познанія зла вкусилъ я съ тѣхъ поръ въ этой Янинѣ, которая для Благова или Бранковича могла казаться столь же мирною и тихою и не страшною, какъ то озеро, у береговъ котораго она такъ красиво построена, а для меня развѣ Янина эта была озеро?.. Но не была ли она опаснымъ и глубокимъ «моремъ житейскимъ» для моихъ еще слабыхъ силъ, для меня, еще столь неопытнаго пловца?..

И если я самъ бы не замѣтилъ, что я уже не тотъ Одиссей, не тотъ въ одно и то же время самоувѣренный книжникъ и вовсе невинный отрокъ, Одиссей, который выѣхалъ въ «турецкомъ халатикѣ» на мулѣ изъ этихъ воротъ прошлою осенью, то возгласы другихъ, радость и гордость матери, удивленіе старой Евгенки... и похвалы сосѣдей объяснили бы мнѣ, что *я могу быть спокоенъ*, что я во всемъ, во всемъ иду впередъ, какъ слѣдуетъ молодцу и мужчинѣ.

Православный я былъ, и какой еще!.. Я пріялъ даже мученичество за вѣру въ дѣлѣ Назли!

Образованъ и ученъ я былъ!

Патріотомъ эллинскимъ я, разумѣется, былъ... Опять то же дѣло Назли и многія другія дѣла, коими ужъ сами ежедневники Эллады перомъ Исаакидеса превозносили мое имя по всему свѣту... Быть можетъ на берегахъ самой Мисси-

сипи читаетъ съ удовольствіемъ обо мнѣ грекъ-торговецъ, ибо гдѣ только нѣтъ торгующихъ грековъ!

Но я еще былъ сверхъ того и патріотъ особый, мѣстный, загорскій патріотъ, ибо всѣ отъ Елены скоро узнали, что я плакалъ, припавъ къ очагу... Сдѣлалъ я это такъ искренно, такъ неожиданно самъ!..

Но если хвалятъ за это послѣ люди, вѣдь тѣмъ лучше, не правда ли?

Похвала не слаще ли сердцу, чѣмъ медъ устамъ?

Былъ я и добрый сынъ, почтительный, любящій, покорный. Былъ я еще «поли эвгенис» въ модномъ платьѣ и перчаткахъ!

Еще я былъ красивъ и собою очень виденъ. Всѣ говорили, что я сталъ лучше, гораздо лучше. Высокъ я былъ и уѣзжая, но теперь я сталъ шире, плечистѣе, сильнѣе, толще, жирнѣе, даже и мышцы мои окрѣпли. Это всѣ говорили, и я самъ это, если не видѣлъ, то чувствовалъ. Еще неизвѣстно, могъ ли бы такъ легко, какъ полгода тому назадъ, *сеисъ* повергнуть меня на землю и попрать ногами?

Это вопросъ теперь...

Ходилъ я тверже и прямѣе, вспоминая осанку моего патрона, и мать говорила внѣ себя отъ счастія: «Эффенди! Совсѣмъ эффенди сталъ ты теперь».

Я видѣлъ, что молодыя замужнія женщины, встрѣчаясь со мной, уже не смотрѣли на меня такъ смѣло и беззаботно, какъ прежде, а лицемѣрно потупляли по добродѣтели своей очи... и потомъ вдругъ сверкалъ въ этихъ добродѣтельныхъ очахъ лучъ понятной любознательности.

О! я видѣлъ это и какъ будто не видалъ. Дѣвушки уже прятались отъ меня, прыгая стремительно назадъ съ серьезнымъ и невинно-жалобнымъ видомъ, если случайно встрѣчались со мной при входѣ въ чужой и дружескій домъ!

Вотъ я что былъ *теперь!* Вотъ я что сталъ за этотъ годъ!

Воиномъ я правда не былъ... Да! воиномъ меня никто не считалъ. Но зато я былъ нѣчто иное, нѣчто такое, что̀ важнѣе всего. Я былъ *купецъ*, искусный и твердый *эмпоросъ*, въ два дня добылъ для старѣющаго отца деньги, которыя нѣсколько лѣтъ не могъ выручить самъ этотъ

отецъ; пріѣхалъ, вынудилъ и взялъ и, вынувъ тяжелый узелъ изъ кармана, бросилъ его небрежно на столъ предъ матерью, говоря равнодушно:

— Матерь моя! Вотъ деньги родителя. Это изъ села Джамманда́!

И прочь отошелъ отъ стола, заложивъ руки совсѣмъ по-европейски въ карманы узкихъ панталонъ.

Пріятенъ неожиданный звонъ благороднаго металла, упавшаго на столъ! И счастливой матери остается только сказать, всплеснувъ руками съ умиленіемъ:

— Живи, мой сынъ! Живи, мой сынъ! Ты уже столбъ для семьи и дому хозяинъ истинный! Живи, мой сынъ.

— Да! я и намѣренъ теперь жить и наслаждаться жизнью, ибо у меня *все уже почти есть* и все почти уже я дѣлать умѣю!

Еще лѣтъ пять, еще пять-шесть лѣтъ, и я не такой домъ воздвигну въ Загорахъ нашихъ, а немногимъ развѣ хуже конака Шерифъ-бея, съ рѣзными и лѣпными украшеніями потолка и стѣнъ.

Живи, Одиссей, конечно живи!.. И *куропатки* замужнія вездѣ ходятъ тихонько, выглядывая, ожидая тебя, птицелова, и *свѣчечки* разубранныя и дѣвственныя, повсюду припасенныя для тебя, молодца, въ тиши православныхъ *гинекеевъ*, смиренно ждутъ, чтобы ты принялъ и возжегъ въ нихъ во время благопотребное предъ алтаремъ церковнымъ пламя и честное, и законное!..

Не скажетъ теперь Несториди, что я только скромный учитель. Онъ скажетъ: «Нѣтъ, я ошибся! Одиссей купецъ; онъ *эмпоръ*. Онъ можетъ стать скоро богатымъ архонтомъ не только въ селахъ загорскихъ или въ достославной Іоаннинѣ, но во всякомъ градѣ и странѣ, и христіанскою, и мусульманскою вѣрой живущихъ!»

Такъ ликовалъ я, не зная, что мнѣ придется скоро опять раскаиваться... И какъ глубоко, какъ постыдно!..